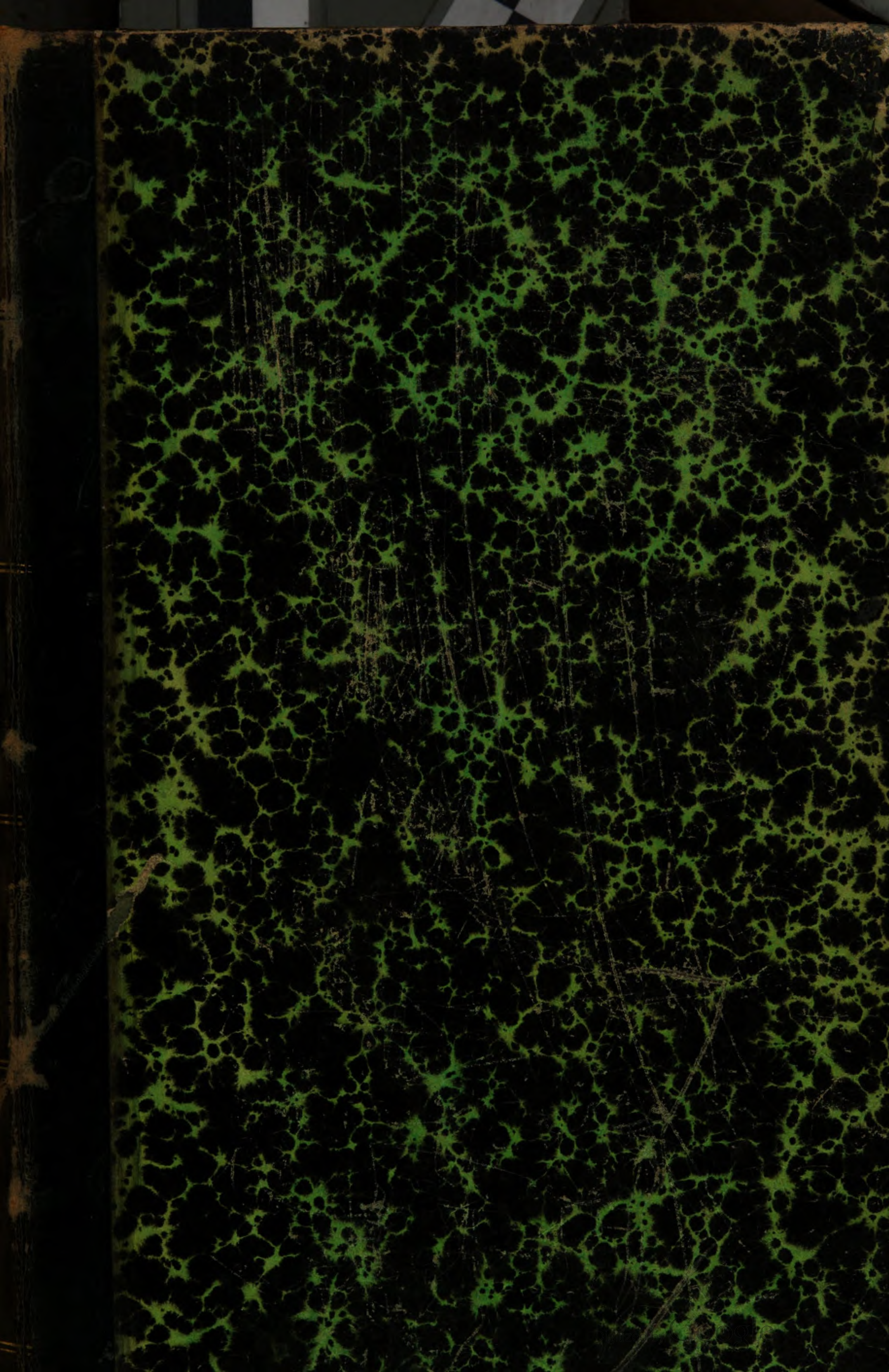
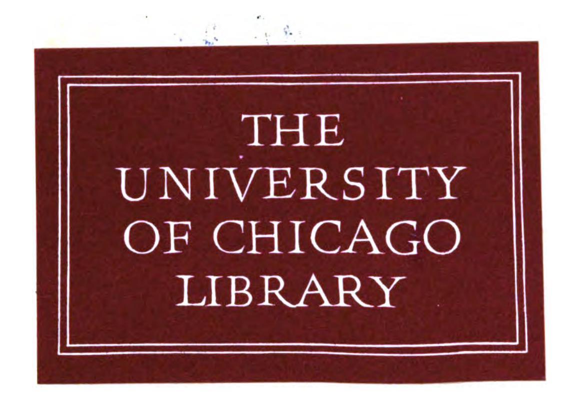

Google

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

ЯНВАРЬ. 1899.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

ЯНВАРЬ. 1899.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 27 января 1899 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи **не позже**, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ **не была** оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Разсказъ.

О, сынъ мой, плачь:
Еще звѣзда скатилась...
Беранже.

I.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ моднаго загороднаго кабака «Кружало» стояла какая-то одуряющая атмосфера. Пахло апельсинами, ликерами, ѣдкимъ дымомъ дорогихъ сигаръ и просто людьми, которые долго и много пили. Бургардтъ чувствовалъ, какъ у него начала тяжело кружиться голова, а вмѣстѣ съ ней и вся комната. Сидѣвшій напротивъ него Сахановъ то казался ему такимъ маленькимъ-маленькимъ, то начиналъ вытягиваться въ длину, точно складной англійскій аршинъ. Но хуже было всего то, когда жирное и бѣлобрысое лицо Саханова съ глазами жареной корюшки начинало струиться и переливаться, какъ вода. Оно, именно, струилось, и Бургардтъ напрасно старался фиксировать его, закрывая то одинъ, то другой глазъ. Кто-то неестественно громкимъ голосомъ спорилъ, кто-то удушливо хохоталъ, гдѣ-то, сейчасъ за стѣной, назойливо бренчало разбитое піанино, и слышалось вызывающее взвизгиванье женскихъ голосовъ.

— Эге, надо пройтись...—соображалъ Бургардтъ, невѣрнымъ движеніемъ поднимаясь со стула.

Повидимому, стулъ былъ очень пьянъ, потому что покачнулся и полетѣлъ на полъ, а Бургардтъ едва удержался, схватившись за столъ, причемъ сильно дернулъ скатерть и въ то же время наступилъ на платье своей сосѣдки Ольги Спиридоновны. Нѣсколько стакановъ опрокинулось, а изъ одного обдало Ольгу Спиридоновну какимъ-то красноватымъ кабацкимъ пойломъ, составленнымъ по самому замысловатому рецепту. Ольга Спиридоновна какъ-то зашипѣла, сбрасывая съ платья ломтики ананаса и апельсина:

— Въ какой вы конюшнѣ воспитывались, Егоръ Захарычъ?

Онъ посмотрѣлъ на ея обозленное, вспыхнувшее красными пятнами лицо и приготовился сказать какую-то дерзость, но именно въ этотъ рѣшительный моментъ лицо Ольги Спиридоновны начало струиться, какъ у Саханова.

— О, ммилая...—прошепталъ Бургардтъ коснѣющимъ языкомъ.

Ольга Спиридоновна окинула его уничтожающимъ взглядомъ, брезгливо повела плечами и отвернулась. Она чувствовала, что Красавинъ смотритъ на нее улыбающимся глазами, и не хотѣла показать ему, что разсердилась.

— Почему у васъ, Ольга Спиридоновна... глаза круглые?—спрашивалъ Бургардъ, покачиваясь.—Совершенно круглые, какъ у кошки...

— Потому что я вѣдьма,—бойко отвѣтила она, не поворачивая головы.

— Дѣйствительно...—согласился добродушно Бургардтъ.—Удивительно, какъ я этого раньше не замѣчалъ... Совершенно вѣдьма!..

Эта маленькая сцена вызвала общій смѣхъ. Даже улыбнулся Красавинъ, а этого было достаточно, чтобы всѣмъ сдѣлалось весело. Сахановъ хохоталъ какимъ-то визгливымъ бабьимъ голосомъ, показывая свои гнилые зубы. Актеръ Бахтеревъ хохоталъ, запрокинувъ голову, а сидѣвшая рядомъ съ нимъ натурщица Шура улыбалась просто изъ вѣжливости, потому что никогда не понимала шутокъ. Смѣялся извѣстный «другъ артистовъ» Васяткинъ, ему вторилъ не менѣе извѣстный любитель Петюковъ и только хмуро молчалъ капитанъ Шпилевъ, неизмѣнный другъ Красавина.

Бургардтъ посмотрѣлъ на всю компанію осовѣвшими глазами и, махнувъ рукой, направился къ двери.

Онъ шелъ по какому-то корридору, состоявшему изъ хлопавшихъ дверей и «услужающихъ» татаръ, потомъ спустился по какой-то лѣстницѣ, прошелъ мимо буфета и очутился въ чахломъ садикѣ съ большой утрамбованной площадкой. Вездѣ горѣли разноцвѣтные фонарики, сверху лился раздражающей волной мертвый электрическій свѣтъ, передъ открытой эстрадой игралъ плохонькій оркестръ. Бургардъ мечталъ о маленькомъ балкончикѣ, который вытянулся надъ самой водой, но ему мѣшалъ идти какой-то господинъ въ котелкѣ.

— Милостивый государь, держите налѣво,—грубо замѣтилъ Бургардтъ.

— А вы держите направо!—не менѣе грубо отвѣтилъ котелокъ.

Это разозлило Бургардта. Онъ остановился передъ котел-

комъ въ угрожающей позѣ и, тыкая себя въ грудь, съ пьянымъ азартомъ проговорилъ:

— Я—Бургардтъ...—понимаете? Скульпторъ Бургардтъ...

Котелокъ остановился, дерзко смѣрялъ съ головы до ногъ знаменитаго скульптора и отвѣтилъ:

— Очень радъ... Имѣю честь рекомендоваться въ свою очередь: фабрикантъ Ивановъ... У меня фабрика никелированія живыхъ ершей.

Отвѣтъ былъ достоинъ того мѣста, гдѣ былъ данъ. Бургардтъ почувствовалъ чисто кабацкое оскорбленіе и поднялъ руку, но въ этотъ моментъ кто-то почтительно удержалъ его сзади.

— Выше сіятельство, не извольте безпокоиться.

Когда Бургардъ оглянулся, передъ нимъ стоялъ лакей, татаринъ Ахметъ. Особенно дорогіе гости были распредѣлены между прислугой «Кружала», и Ахмету достался Бургардтъ, извѣстный между услуживающей татарской челядью подъ кличкой «профессора».

— Мадамъ ждетъ, ваше сіятельство...—бормоталъ Ахметъ.

— Какая мадамъ?

— Марина Игнатьевна... Онѣ сидятъ на балкончикѣ...

Взрывъ энергіи у Бургардта смѣнился разомъ какой-то мертвой усталостью. Онъ повернулся и покорно зашагалъ къ главному зданію, иллюминованному разноцвѣтными шкаликами и электрическимъ солнцемъ.

— А ты знаешь Ольгу Спиридоновну?—спрашивалъ онъ, по пьяной логикѣ возвращаясь къ давешней сценѣ.

— Помилуйте-съ, кто же ихъ не знаетъ-съ, ваше сіятельство...

— Она—вѣдьма, Ахметка... да.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Бургардтъ нѣсколько разъ останавливался и спрашивалъ:

— Ты кто такой?

— Услужающій, ваше сіятельство...

Они опять шли по корридору съ хлопающими дверями, опять сторожившіе въ корридорѣ татары почтительно давали имъ дорогу, пока Ахметъ не распахнулъ дверь, выходившую на небольшой балкончикъ, гдѣ сидѣла дама, кутавшаяся въ шелковый китайскій платокъ.

— Ахметъ, ты можешь уходить...—устало замѣтила она.

— Слушаю-съ...

— Подожди... Ты дашь сюда содовой воды и...

— Понимаю, ваше сіятельство.

Она усадила Бургардта на стулъ, пощупала его горѣвшій лобъ, поправила спутавшіеся волосы и заговорила покровительствующимъ тономъ старшей сестры:

— Егорушка, развѣ можно такъ напиваться? Вѣдь вы знаете, что портеръ для васъ настоящій ядъ...

— А если она вѣдьма?—съ пьяной логикой отвѣтилъ Бургардтъ, раскачиваясь на своемъ стулѣ.—Совершенно вѣдьма... Это такъ смѣшно.

— Очень смѣшно... Вы посмотрѣли бы на себя, въ какомъ вы видѣ сейчасъ. Ахъ, Егорушка, Егорушка...

— Да, совершенный ядъ... знаю... А у ней глаза дѣлаются совсѣмъ круглые, когда она сердится... Ха-ха! Какъ у кошки... Я этого раньше совсѣмъ не замѣчалъ...

Она подвинулась къ нему совсѣмъ близко, обняла одной рукой, а другой поднесла къ его носу флаконъ съ англійской солью. Онъ потянулъ знакомый острый запахъ, сморщился и засмѣялся. Ему нравилось, что она ухаживаетъ за нимъ, и поэтому онъ опять разсердился на котелокъ и даже погрозилъ кулакомъ внизъ, гдѣ по аллеямъ бродила публика. О, онъ бы показалъ этому негодяю такихъ ершей... Но сейчасъ онъ не могъ разсердиться по настоящему, потому что его шею обвивала такая теплая женская рука, потому что пахло знакомыми духами, потому что въ моментъ опьяненія онъ любилъ чувствовать присутствіе хорошенькой женщины, которая позволяла капризничать. Да, какая хорошая эта Марина Игнатьевна, а Ольга Спиридоновна—вѣдьма съ круглыми кошачьими глазами...

— Марина, я васъ люблю... очень...

Она даже не улыбнулась, а только отодвинулись, потому что послышались шаги Ахмета.

Лакей подалъ бутылку содовой воды и пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Марина Игнатьевна сдѣлала ему знакъ головой, что онъ можетъ исчезнуть, а потомъ осторожно отмѣрила въ стаканъ двѣ капли нашатырнаго спирта, налила воды и изъ своихъ рукъ заставила выпить все.

— Вотъ такъ, Егорушка... И больше портера я вамъ не дамъ. Понимаете? Мы еще на пароходѣ поѣдемъ кататься... будетъ хоръ музыки... цыгане... А то Сахановъ завтра разнесетъ по всему городу: «Бургардтъ былъ пьянъ мертвецки»... Всѣ будутъ смѣяться. Пожалуйста, пейте осторожнѣе, а то обольете меня всю, какъ давеча Ольгу Спиридоновну... Она вамъ этого никогда не проститъ. За каждое пятнушко на платьѣ она бьетъ свою горничную по щекамъ, а потомъ проситъ у нея прощенія.

Онъ молча поцѣловалъ ея руку, что заставило ее вздрогнуть и отодвинуться.

II.

Принятое лѣкарство подѣйствовало очень быстро. Бургардтъ выпрямился и встряхнулъ головой, какъ человѣкъ, проснувшійся отъ тяжелаго сна. Въ слѣдующій моментъ онъ удивился, что сидитъ на балконѣ tête-à-tête съ Мариной Игнатьевной, и проговорилъ:

— Хорошо...

Отвѣта не послѣдовало. Марина Игнатьевна облокотилась на барьеръ и смотрѣла на Неву. Она любила большую воду, которая нагоняла на нее какую-то сладкую тоску. И теперь она легонько вздохнула, поддаваясь этому смутному, уносившему въ невѣдомую даль чувству. А какъ была сейчасъ хороша эта красавица Нева, разстилавшаяся живой блестящей тканью. Гдѣ-то въ густой зелени противоположнаго берега мелькали, точно свѣтляки въ травѣ, огоньки дачъ, и такіе же свѣтляки быстро неслись по рѣкѣ. Налѣво Нева была перехвачена громаднымъ деревяннымъ мостомъ, точно деревяннымъ кружевомъ. И мостъ, и береговая зелень, и огоньки дачъ—все это отражалось въ водѣ, которая блестѣла и переливалась искрившейся чешуей, точно она была насыщена бѣлесоватой мглой бѣлой петербургской ночи.

— Ей Богу, хорошо...—проговорилъ Бургардтъ.

— Ничего нѣтъ хорошаго...—лѣниво отвѣтила она, желая поспорить.—Я вообще не люблю этихъ безлунныхъ бѣлыхъ ночей. Есть что-то такое больничное въ освѣщеніи... Да, именно такой свѣтъ бываетъ въ больницахъ, гдѣ окна съ матовыми стеклами.

— Сантиментальное сравненіе...

— Что же худого въ сантиментальности?

— Договаривайте: лучше, чѣмъ реализмъ... пьяный...

— Не спорю...

Она печально улыбнулась и замолчала. Онъ посмотрѣлъ на нее, и ему вдругъ сдѣлалось жаль вотъ эту самую Марину Игнатьевну, охваченную раздумьемъ своей собственный безлунной ночи. А, вѣдь, она красива и даже очень красива, красива по настоящему, красива настоящей породистой красотой. Одинъ ростъ чего стоитъ. А лицо, тонкое и выразительное, съ затаенной лаской въ каждомъ движеніи, съ безукоризненнымъ профилемъ дорогой камеи, съ живой рамой слегка вившихся, какъ шелкъ, мягкихъ русыхъ волосъ, съ маленькимъ ртомъ—это была красавица, напоминавшая монету изъ драгоцѣннаго металла высокой пробы. Рядомъ съ ней Бургардтъ чувствовалъ себя мужикомъ. Да, настоящимъ русскимъ мужикомъ, къ которому по странной ироніи судьбы была приклеена

нѣмецкая фамилія. У него и ростъ, и коренастый складъ всей фигуры, и широкое лицо съ окладистой бородой, и мягкій носъ картошкой, и широкій ротъ, складывавшійся въ продававшую всего человѣка добрую славянскую улыбку—все было русское, мужицкое.

Она точно почувствовала его добрыя мысли, улыбнулась, придвинулась къ нему совсѣмъ близко, такъ что ея голова касалась его плеча, и заговорила:

— Егорушка, вамъ хорошо сейчасъ?.. Рѣка... огоньки... кто-то живетъ вонъ на тѣхъ дачахъ... да?.. Можетъ быть, кто-нибудь кого-нибудь сейчасъ ждетъ, кто-нибудь страдаетъ, кто-нибудь радуется, кто-нибудь любитъ, тихо и безотвѣтно, какъ безотвѣтна вотъ эта нѣмая бѣлая ночь... У каждаго и свое горе, и своя радость, и каждый увѣренъ, что міръ созданъ только для него. А я хотѣла бы сидѣть вотъ такъ долго-долго... Пусть идутъ минуты, часы, дни, недѣли, мѣсяцы, годы, а я чувствовала бы себя спокойно-спокойно, какъ загипнотизированная...

Ея тонкіе пальцы перебирали его спутанные волосы. Ему хотѣлось сказать ей что-нибудь такое ласковое, доброе, хорошее, что отвѣтило-бы ея сантиментальному настроенію.

— Марина, милая, если-бы вы знали...

Она быстро закрыла его ротъ своей рукой и строго проговорила:

— Егорушка, я не принимаю милостыни... Можно, вѣдь, и безъ этого. Я знаю, что вы меня не любите, и не огорчаюсь... А знаете, почему? Очень просто: вы не можете любить... У меня не можетъ быть счастливой соперницы...

— Это почему?

— Опять просто: вы состарѣлись, Егорушка, состарѣлись душой... Васъ слишкомъ баловали женщины, и вамъ *не чѣмъ* сейчасъ любить.

Бургардтъ засмѣялся. Марина умѣла быть умной какъ-то совсѣмъ по своему и притомъ совершенно неожиданно. Впрочемъ, такое умное настроеніе такъ-же быстро и соскакивало съ нея, какъ это было и сейчасъ. Марина Игнатьевна вздохнула и проговорила:

— А ваша Шура имѣетъ успѣхъ...

— Почему она моя, Марина?

— Я не точно выразилась: ваша натурщица, Егорушка. Конечно, это успѣхъ новинки... Красавинъ лишенъ способности увлекаться, какъ и вы, и ему нужно что-нибудь экстравагантное, острое, а у Шуры ему больше всего нравится дѣтское выраженіе ея глупаго личика.

— Да, Америка была открыта до нея...

— И знаете, Егорушка, мнѣ почему-то жаль ее, вотъ эту глупенькую поденку, какъ Сахановъ называетъ окружающихъ

Красавина женщинъ. И вы виноваты, что толкнули на эту дорогу...

— Я?! Вся моя вина въ томъ, что Красавинъ видѣлъ ее у меня въ мастерской. Я больше ничего не знаю... Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, наши сожалѣнія немного запоздали...

— Да, я видѣла, какъ давеча она пріѣхала въ коляскѣ Красавина... Вотъ въ такой коляскѣ ея погибель. Привязанности Красавина мѣняются съ такой-же быстротой, какъ и начинаются. Ахъ, какъ давеча Ольга Спиридоновна ѣла глазами эту несчастную Шуру... Рѣшительно не понимаю такихъ женщинъ. Не знаю, было у нея что-нибудь съ Красавинымъ или нѣтъ, но она такъ старается понравиться ему, а это губитъ женщину.

— У Ольги Спиридоновны своя психологія, Марина, и, какъ кажется, она не можетъ пожаловаться на судьбу.

— Да, но вопросъ въ томъ, чего требовать отъ судьбы?..

— Не больше того, что можетъ быть исполнено.

— Виновата, я, кажется, коснулась вашего больного мѣста, Егорушка: вы ухаживали за Ольгой Спиридоновной...

— Да?..

— А сейчасъ?

— Сейчасъ мое мѣсто старается занять Сахановъ, но, повидимому, безъ особеннаго успѣха.

— Вотъ кого я ненавижу ото всей души! — подхватила Марина Игнатьевна съ особеннымъ оживленіемъ. — Ненавижу и въ то-же время боюсь... Мнѣ кажется, что нѣтъ на свѣтѣ хуже человѣка, какъ этотъ Сахановъ... Вѣдь это онъ совращаетъ эту несчастную Шуру. Вы-бы послушали, что онъ ей говоритъ иногда...

— И я его тоже не люблю...

— Почему-же Сахановъ считается однимъ изъ самыхъ близкихъ вашихъ друзей, Егорушка?

— Моимъ другомъ онъ никогда не былъ, но онъ умный человѣкъ... Да, очень умный человѣкъ, а умъ — неотразимая сила, какъ и красота. Такъ мы сегодня ѣдемъ?

— Да... какая-то прогулка по возморью, потомъ на тони... Однимъ словомъ, цѣлый рядъ совершенно ненужныхъ глупостей. Ахъ, какъ мнѣ все это надоѣло, Егорушка!

— Чего-же мы ждемъ? Кажется, уже пора...

— Не знаю... Вѣроятно, готовится какой-нибудь неожиданный сюрпризъ. Я это подозрѣваю... Должно быть, Васяткинъ что-нибудь придумалъ. Онъ давеча о чемъ-то шепталася съ Сахановымъ, а потомъ исчезъ. Вѣдь они изъ кожи лѣзутъ, чтобы выслужиться передъ Красавинымъ. Гадко смотрѣть... Послушайте, намъ пора вернуться, а то Ольга Спири-

доновна воспользуется случаемъ наговорить по моему адресу Богъ знаетъ что. Она, вообще, преслѣдуетъ меня...

Бургардтъ настолько оправился, что вернулся въ кабинетъ почти трезвымъ.

— А гдѣ-же ваша сестра милосердія?—спросила его Ольга Спиридоновна, сладко улыбаясь.

— Какая сестра милосердія? Ахъ, да... Вы спрашиваете про Марину Игнатьевну—она сейчасъ должна вернуться. Мы съ ней гуляли въ саду...

— Прогулка молодыхъ людей, подающихъ надежды?

— Именно...

Появленіе Антипа Ильича Красавина въ «Кружалѣ» составляло цѣлое событіе, что чувствовалось послѣднимъ татарченкомъ. «Кружало» только весной возникло на пепелищѣ прогорѣвшаго сада «На огонекъ». Все было реставрировано въ томъ миѳическомъ стилѣ, въ какомъ устраиваются всѣ загородные кабаки, и весь вопросъ сводился только на то, поѣдетъ-ли въ «Кружало» настоящая публика, та публика, которая задаетъ тонъ всему. Конечно, провертывались хорошіе гости, какъ квасоваръ Парѳеновъ или мѣховой торговецъ Букинъ — они оставляли въ одинъ вечеръ тысячи по три и заказывали шампанское прямо сотней бутылокъ. Но, во-первыхъ, все это были гости случайные, а во-вторыхъ—они еще не давали имени новому кабаку. Вотъ Красавинъ другое дѣло... Хозяинъ «Кружала» готовъ былъ угощать его даромъ, чтобы потомъ имѣть право сказать:

— А у насъ Антипъ Ильичъ весьма уважаютъ венгерскій хоръ...

Въ заколдованномъ кругу веселящагося «всего Петербурга» это было самое яркое имя, хотя Красавинъ столько-же принадлежалъ Москвѣ, какъ и Петербургу. Онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто дорогимъ и желаннымъ гостемъ. Хозяинъ «Кружала» бѣгалъ сейчасъ по корридору и, грозя услужающимъ татарамъ кулакомъ, повторялъ:

— Вы у меня смотрите, зебры полосатыя...

III.

Самъ Красавинъ почти ничего не пилъ, кромѣ содовой воды, подкрашенной какимъ-то мудренымъ виномъ. Это былъ плечистый мужчина съ окладистой русой бородой, того неопредѣленнаго возраста, который Сахановъ называлъ «петербургскимъ». Широкая крѣпкая шея съ краснымъ наливомъ, широкое лицо съ тугимъ румянцемъ, каріе глаза съ поволокой, слегка вьющіеся русые волосы безъ малѣйшихъ слѣдовъ

сѣдины — все, кажется, говорило о завидномъ богатырскомъ здоровьѣ, а между тѣмъ этотъ богатырь въ глазахъ свѣтилъ медицинской науки былъ обреченнымъ человѣкомъ, дни котораго сочтены. Красавинъ, вообще, являлся таинственнымъ человѣкомъ, который всплылъ на бурную поверхность столичной жизни изъ неизвѣстныхъ глубинъ и котораго одни считали милліонеромъ, а другіе—нищимъ.

— Все это сплетни,- рѣшилъ разъ и навсегда Сахановъ.— Вѣрно одно, что Антипъ Ильичъ аккуратно уплачиваетъ по всѣмъ ресторапнымъ счетамъ...

Конечно, это было передано Красавину, но онъ ничего не отвѣтилъ, какъ и вообще не любилъ терять напрасно слова. Онъ гдѣ-то и что-то такое дѣлалъ, устраивалъ, хлопоталъ и проводилъ, какъ всѣ дѣльцы, а отдыхалъ въ смѣшанномъ обществѣ артистовъ, художниковъ и особаго сорта интеллигенціи, которая охотно собирается на даровую кормежку. Изъ собравшихся въ номерѣ гостей едва-ли кто нибудь могъ опредѣленно сказать, что такое Красавинъ, да мало этимъ и интересовались. Извѣстно было только, что онъ изъ заволжскихъ раскольниковъ и имѣетъ громадныя связи въ средѣ московскихъ старообрядцевъ—милліонеровъ. Ходили слухи, что раньше онъ пилъ запоемъ, а сейчасъ, когда на него накатывалась запойная тоска, ограничивался тѣмъ, что собиралъ около себя пьющую «братію». Какъ у всѣхъ богачей, у Красавина былъ другъ, такой-же таинственный человѣкъ, котораго всѣ называли Алешой. Онъ сейчасъ сидѣлъ около хорошенькой натурщицы Шуры и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ патрона, какъ лягавая собака.

Эта Шура была послѣднимъ номеромъ изъ тѣхъ сомнительныхъ дамъ, которыя какъ-то неожиданно появлялись среди красавинской «братіи» и такъ-же неожиданно исчезали. Дѣвушка равнодушно смотрѣла на всѣхъ своими дѣтскими глазами и улыбалась при малѣйшемъ удобномъ случаѣ, что ее портило. Красивое дѣвичье лицо, обрамленное шелковыми прядями мягкихъ, слегка вившихся русыхъ волосъ, точно было нарисовано какимъ-то капризнымъ художникомъ, который вложилъ въ это лицо неуловимую молодую прелесть. Всего красивѣе у Шуры былъ ротъ, очерченный съ изумительной граціей. Но главное достоинство было не въ лицѣ, а въ тѣлѣ, какъ это всѣ знали по эскизамъ Бургардта. Въ своей компаніи она была извѣстна подъ кличкой «Ню». Шура была сложена, какъ статуя, и ее портили только руки, маленькія и нѣжныя, но съ слишкомъ короткими пальцами...

— У нея точно чужія руки,—говорила Ольга Спиридоновна, невыносившая женскаго превосходства.

Вернувшись въ номеръ, Бургардтъ нашелъ свое мѣсто за-

нятымъ, — на его стулѣ сидѣлъ актеръ Бахтеревъ, котораго Ольга Спиридоновна нарочно подозвала, чтобы «отшить» Бургардта. Въ минуты раздраженія она не стѣснялась выраженіями и любила пустить вульгарное словечко. Бургардтъ подсѣлъ къ Шурѣ и молча взялъ ее за руку, отчего дѣвушка засмѣялась, какъ смѣются отъ щекотки.

— Вамъ весело, Шурочка?

— Такъ себѣ, Егоръ Захаровичъ... Я не умѣю плакать.

— Это отлично...

Бургардтъ любилъ свою натурщицу и относился къ ней, какъ къ избалованному ребенку. Онъ не ухаживалъ за ней, но чувствовалъ себя въ ея присутствіи какъ-то легче, какъ и другіе, точно она заражала всѣхъ своей цвѣтущей молодостью. Шура знала, что Бургардтъ любитъ портеръ, и незамѣтно подала ему полный стаканъ. Она видѣла, какъ слѣдитъ за нимъ Марина Игнатьевна, и дѣлала на зло ей изъ дѣтской шаловливости. Бургардтъ собственно не хотѣлъ больше пить, но изъ духа противорѣчія, чтобы подразнить «сестру милосердія», выпилъ свой стаканъ залпомъ. Шура опять смѣялась, незамѣтно наливая второй стаканъ.

— Я боюсь Марины Игнатьевны,—шепнула она Бургардту.—Она такими злыми глазами смотритъ на меня...

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ...

Публику занималъ одинъ Сахановъ, разсказывавшій самый послѣдній анекдотъ о какой-то актрисѣ, которая по близорукости приняла чужого мужа за своего, «со всѣми послѣдствіями» такой опасной близорукости.

Красавинъ слушалъ равнодушно и все посматривалъ на дверь, какъ по его примѣру инстинктивно дѣлали и другіе, даже Ольга Спиридоновна, начинавшая что-то подозрѣвать. А Шура продолжала подливать Бургардту его стаканъ и незамѣтно перемѣнила свой стаканъ съ шампанскимъ. Бургардтъ поймалъ ее въ подлогѣ и на зло ей залпомъ выпилъ шампанское. Эта смѣсь быстро произвела свое дѣйствіе, и онъ необыкновенно быстро захмелѣлъ.

— Не пейте больше, ради Бога... — проговорила ему на ухо Марина Игнатьевна.

Но Бургардтъ уже былъ въ такомъ настроеніи, что не могъ слушать совѣтовъ, и отвѣтилъ какой-то грубостью. Шура кусала губы отъ смѣха, когда «сестра милосердія» отъѣхала ни съ чѣмъ.

Дальнѣйшія событія для Бургардта точно заволокло туманомъ, и онъ потерялъ нить въ поступательномъ ихъ движеніи. Ему почему-то не нравилось, что Алеша слишкомъ близко сидитъ около Шуры и даже фамильярно положилъ свою руку на спинку ея стула.

— Вы, господинъ хорошій, такъ нельзя...—грубо замѣтилъ ему Бургардтъ.

Алеша что-то ему отвѣтилъ, и Бургардтъ готовъ былъ разсердиться, если-бы не вмѣшалась Шура и прошептала:

— Миленькій, не стоитъ, бросьте.

Дальнѣйшія событія уже окончательно заволоклись туманомъ. Какъ сквозь сонъ Бургардтъ видѣлъ, какъ появился Васяткинъ, юркій господинъ въ пенснэ, и какъ всѣ разомъ поднялись съ своихъ мѣстъ. Марина Игнатьевна опять подошла къ Бургардту и шепнула:

— Проводите меня, Егорушка...

— Вы домой? Нѣтъ... нне желаю... да... Вы меня будете отпаивать чаемъ, а я не хочу...

Въ номерѣ появились услужающіе татары и смотрѣли на Красавина какими-то жадными глазами. Шура была огорчена, что Красавинъ не подалъ ей руки, а повелъ Ольгу Спиридоновну. Ей пришлось довольствоваться обществомъ Алеши.

— Пойдемте и мы, Егоръ Захаровичъ, — говорилъ Бахтеревъ, подхватывая Бургардта подъ руку.—Пора...

— Куда и зачѣмъ?

— Пароходъ ждетъ...

— А...

Въ корридорѣ ихъ обгоняли цыганки, подталкивая другъ друга, какъ выпущенныя изъ класса школьницы.

— Гм... Антипъ Ильичъ не забылъ о провизіи, — соображалъ Бахтеревъ вслухъ, обнимая свободной рукой смуглую и костлявую цыганку.—Куда, фараоны?

— А мы съ вами на пароходъ...

Проходя садомъ, Бургардтъ вспомнилъ, какъ давеча обидѣлъ его господинъ въ котелкѣ, и началъ ругаться въ пространство, показывая кулаки.

— О, я ему покажу... да...

— Пренебрегите, Егоръ Захаровичъ,—уговаривалъ Бахтеревъ.

Когда они подходили уже къ пристани, Бургардтъ остановился и заявилъ, что не пойдетъ на пароходъ, потому что Красавинъ его не приглашалъ.

— Всѣхъ приглашалъ, значитъ и насъ... Главное: на тони поѣдемъ. Я страстный рыболовъ и лѣтомъ цѣлые дни просиживаю гдѣ-нибудь съ удочкой. А сейчасъ должны идти лососки... Понимаете, будемъ варить уху на свѣжемъ воздухѣ...

Послѣднее убѣдило Бургардта. Вѣдь и онъ тоже въ юности былъ страстнымъ рыбакомъ и проводилъ на Невѣ цѣлые дни. Милая, родная рѣка... Что можетъ быть красивѣе Невы? А петербуржцы, какъ оглашенные, бѣгутъ на какія-то дачи.

— Знаешь что, Бахтеревъ? — заговорилъ Бургардтъ, останавливая артиста.—Наплюемъ на этихъ дурацкихъ цыганъ и на тоню, а возьмемъ лодку, уѣдемъ куда-нибудь на Лахту, разведемъ костеръ... Боже мой, что лучше, какъ провести цѣлую ночь въ лѣсу у огонька? Голубчикъ, милый, поѣдемъ...

Этотъ планъ Бахтеревымъ не былъ принятъ, и онъ потащилъ Бургардта на пароходъ.

— Что-же это такое... Опять пьянство...—шепталъ Бургардтъ, теряя способность къ сопротивленію.

IV.

Финляндскій пароходъ, расцвѣченный фонариками, стоялъ не у пристани, а прямо у берега. Слышалось легкое ворчаніе машины, гдѣ-то попыхивалъ бѣлыми клубами паръ, изъ трубы завивавшійся черной полосой тянулъ дымъ. На пароходѣ все было устроено еще въ Петербургѣ: поставлены столы, устроена закуска. Кухня помѣщалась въ носу. Все общество размѣстилось въ длинной каютѣ, кто гдѣ хотѣлъ. Бургардтъ замѣтилъ только одно, что Марина Игнатьевна не поѣхала домой, а осталась съ нарочной цѣлью слѣдить за нимъ. Чтобы досадить ей, онъ выпилъ большую рюмку англійской горькой и ушелъ на носъ, чтобы полюбоваться Невой. По дорогѣ суетившійся Васяткинъ едва не сшибъ его съ ногъ.

— Ахъ, pardon...

Услужающіе татары изъ «Кружала» тащили еще какія-то закуски, посуду и ящики съ бутылками, точно снаряжалась экспедиція на сѣверный полюсъ. Помѣстившись въ самомъ носу парохода, Бургардъ молча любовался красавицей Невой, которая отражала сейчасъ разноцвѣтные фонарики парохода. Что-то такое чудное и хорошее въ этой живой, вѣчно движущейся водѣ, какая-то скрытая сила и манящій покой. Недаромъ Марина Игнатьевна боялась воды: ее такъ и тянуло броситься въ рѣку.

Пароходъ далъ свистокъ и грузно началъ отдѣляться отъ берега. Слышно было, какъ винтъ рылъ воду, а машина прибавляла хода. Пароходъ легко и свободно врѣзывался своей желѣзной грудью въ застывшую рѣчную гладь и, распахнувъ ее могучимъ движеніемъ, оставлялъ за собой бурно двоившійся, широко волнистый слѣдъ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо...—шепталъ Бургардтъ, подставляя горѣвшее лицо поднимавшемуся отъ движенія парохода вѣтру.

Плыли мимо низкіе зеленые берега, мелькали гдѣ-то въ зе-

леной гущѣ привѣтливые огоньки, быстро появлялись и еще быстрѣе исчезали лодки съ темными силуэтами сидѣвшихъ въ нихъ людей, давали свистки встрѣчные пароходики, пока все это не скрылось, уступивъ мѣсто широко налитому взморью. Боже, какъ хорошо было это подернутое матовой бѣлизной море, это свѣтившееся фосфорическимъ свѣтомъ небо, эта уходившая изъ-подъ парохода водяная гладь... Бургардту вдругъ страстно захотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ настроеніемъ, и онъ вспомнилъ о Маринѣ Игнатьевнѣ.

— Да, только она пойметъ эту красоту... У нея есть чувство природы.

Бургардтъ уже поднялся, чтобы идти въ каюту, какъ раздалось цыганское пѣніе. Какой-то невообразимо дикій мотивъ поднялся дыбомъ, перемѣшиваясь съ бренчаньемъ цыганскихъ гитаръ. Бургардтъ даже заткнулъ уши. Неужели это кому-нибудь можетъ нравиться? Визгливые женскіе голоса съ гортаннымъ, надтреснувшимъ тембромъ, яркія вскрикиванія, раздражающее бренчанье гитаръ — въ общемъ все это напоминало звонъ разбитой посуды.

— Нѣтъ, я пойду и скажу, что это безобразіе,—рѣшилъ Бургардтъ. - Да, безобразіе, и самое скверное... Какъ не стыдно восхищаться этимъ дурацкимъ визгомъ и уханьемъ...

Цыгане столпились у входа въ каюту, такъ что ему пришлось расталкивать ихъ. Онъ отыскалъ глазами сидѣвшаго въ дальнемъ концѣ стола Красавина, чтобы высказать ему все, и вдругъ остановился. Около мецената сидѣла бѣлокурая стройная дѣвушка съ удивительнымъ лицомъ. Она смотрѣла на него и улыбалась—улыбка у нея была тоже удивительная, быстро появлявшаяся и такъ же быстро исчезавшая.

— Кто это?—спросилъ Бургардтъ сидѣвшую недалеко Марину Игнатьевну.

— Не знаю...—сухо отвѣтила та.—Кажется, новая прихоть нашего принципала. А что: поражены?

— Да, что-то необыкновенное... изумительное...

— Знаю одно, что англичанка. А вонъ ея мать сидитъ—крашеные рыжіе волосы и наштукатуренное лицо. Настоящая милашка... Это все сюрпризы Васяткина. Посмотрите на этого негодяя, какъ онъ доволенъ и счастливъ...

Хоръ дико завывалъ, гитары бренчали, хриплый баритонъ выводилъ какую-то нелѣпую руладу, а Бургардтъ все смотрѣлъ на бѣлокурую незнакомку и не могъ придти въ себя. Красавинъ что-то такое ей говорилъ, жестикулируя сильнѣе обыкновеннаго, а она улыбалась ему непонимающей улыбкой и что-то такое старалась объяснить руками.

— Боже мой, да вѣдь она нѣмая?!—невольно крикнулъ Бургардтъ, всплеснувъ руками отъ охватившаго его ужаса.

Это восклицаніе вызвало общій смѣхъ. Ольга Спиридоновна такъ и залилась, закрывая ротъ платкомъ. Къ Бургардту подошелъ Сахановъ и, слащаво улыбаясь, проговорилъ:

— Нѣтъ, каковъ нашъ Васяткинъ, а? Вѣдь это его выдумка... Дѣйствительно, нѣмая. Ну, кому придетъ въ голову такая счастливая идея...

Сахановъ никогда не напивался, а только входилъ въ умиленно-слащавое настроеніе, какъ и сейчасъ. Глядя на растерявшагося Бургардта, онъ какъ-то неестественно захохоталъ.

— Оставь меня, ради Бога...—сухо отвѣтилъ Бургардтъ, занимая свободный стулъ.—Гдѣ я? Что это такое?

— Самая обыкновенная вещь,—отвѣтила ему Ольга Спиридоновна, скашивая въ его сторону свои круглые глаза.—И нѣмыя дѣвушки имѣютъ скромное желаніе превратиться въ женщину... Очень просто.

Бургардтъ только посмотрѣлъ на нее дикими глазами и ничего не отвѣтилъ. Онъ теперь понялъ все. Васяткинъ въ своихъ интересахъ создавалъ соперницу Шурѣ. Да, это было ясно, какъ день. Чѣмъ можно было удивить Красавина, къ услугамъ котораго были женщины всѣхъ пяти частей свѣта? А тутъ нѣмая красавица... Это была такая экстравагантная новость, которая заставила оживиться скучавшаго мецената до неузнаваемости. Вглядываясь въ мать, Бургардтъ старался припомнить, гдѣ онъ ее встрѣчалъ. Эта женщина-маска положительно была ему знакома.

— Да, вѣдь, это миссъ Мортонъ?—обратился онъ къ Саханову.—Она лѣтъ десять тому назадъ пѣла на островахъ...

— Представьте себѣ, что она... Никто и не подозрѣвалъ, что у нея такая красавица дочь... и притомъ нѣмая. Васяткинъ положительно геніальный человѣкъ по этой части... У англичанокъ, знаешь, все просто и откровенно: Мортонъ желаетъ получить за свою дочь всего семнадцать тысячъ. Ха-ха... Почему не двадцать, для круглаго счета? Я убѣжденъ, что у нея и мысли такія-же крашеныя, какъ сама она...

— Да, бываютъ сны, а на яву чуднѣй!.. Ахъ, негодяй...

— Кто? Васяткинъ? Видишь-ли, всѣ геніальные люди немножко негодяи...

Дальше опять все заволоклось пьянымъ туманомъ. Бургардтъ пилъ уже безъ разбора рѣшительно все, что ему наливали—ликеры, портеръ, шампанское, водку. Ему хотѣлось забыться, хотѣлось плакать, хотѣлось крикнуть всѣмъ, какіе они негодяи. Да, именно негодяи... Это было самое подходящее слово.

Пароходъ сдѣлалъ широкій кругъ по взморью и двинулся обратно къ островамъ, чтобы попасть на тони у Елагина. На тоняхъ уже

ждали дорогихъ гостей. Въ качествѣ спеціалиста теперь всѣмъ распоряжался Бахтеревъ. Всѣ вышли на деревянный плотъ, тонувшій подъ тяжестью набравшейся публики. Дамы считали своимъ долгомъ взвизгивать и кокетливо подбирали юбки.

Красавинъ велъ нѣмую миссъ Мортонъ подъ руку и оказывалъ ей знаки особеннаго своего вниманія. Бургардтъ слѣдилъ за этой сценой воспаленными глазами и повторялъ:

— Негодяй... о, негодяй!..

Закинутая тоня оказалась счастливой, и нѣмая красавица апплодировала, когда рыбаки положили въ корзину судорожно бившуюся лососку.

— Одна нѣмая радуется, что попала въ сѣти другая нѣмая,—объяснилъ Сахановъ.

Потомъ тутъ-же на плоту, на заранѣе приготовленномъ очагѣ изъ камней, запылалъ костеръ и торжественно варилась уха по какому-то спеціальному рецепту, секретъ котораго былъ извѣстенъ только одному Алешѣ. Нѣмая миссъ Мортонъ опять была счастлива, какъ ребенокъ. Получалась оригинальная и красивая картина.

V.

На другой день утромъ Бургардтъ просыпался нѣсколько разъ, натягивалъ на себя байковое одѣяло и опять засыпалъ тревожнымъ и нездоровымъ сномъ. Въ головѣ чувствовалась такая тяжесть, точно она была налита чугуномъ. А на улицѣ уже поднимался раздражающій дневной шумъ: тяжело катились ломовыя телѣги, дребезжали извозчичьи пролетки, изнемогающими голосами выкрикивали уличные разносчики—вообще, просыпалось тысячью самыхъ разнообразныхъ звуковъ то чудовище, которое называется большимъ городомъ.

Но всего больше Бургардта раздражали тяжелые шаги «человѣка» Андрея, который имѣлъ дурную привычку по нѣскольку разъ подходить къ дверямъ и прислушиваться, не проснулся-ли баринъ.

— Нѣтъ, нужно отоспаться...—думалъ про себя Бургардтъ, готовый притвориться спящимъ, если Андрею придетъ блажь отворить дверь въ кабинетъ.

Послѣ смерти жены Бургардтъ всегда спалъ у себя въ кабинетѣ, на широкомъ кожаномъ диванѣ, а спальня была превращена въ дѣтскую, гдѣ жила его дочь Анита съ своей воспитальницей миссъ Гудъ. Кабинетъ для Бургардта являлся символомъ холостой студенческой свободы, и онъ не желалъ устраивать себѣ особую спальню, чтобы не поощрять этой свободы.

Почему-то сегодня Андрей особенно настойчиво прислушивался у дверей, и Бургардтъ пришелъ къ убѣжденію, что сонъ «переломленъ» и что ничего не остается, какъ только вставать. По давно усвоенной привычкѣ, еще лежа въ постели, онъ дѣлалъ провѣрку наступающему дню, т. е. своей работоспособности. Онъ представлялъ себѣ свою мастерскую, покрытыя мокрыми тряпками работы, запахъ сырой скульптурной глины, молчаливаго Гаврюшу, работавшаго съ угрюмой настойчивостью, даже ту пыль, которая набиралась въ мастерской, и самого себя въ рабочей блузѣ, безъ которой онъ не могъ работать. Если получалось ощущеніе какой-то таинственной полноты, значитъ, онъ будетъ работать. Сейчасъ такая провѣрка дала очень грустный минусъ.

Лежа на своемъ диванѣ, Бургардтъ напрасно старался припомнить, что такое было вчера. Пьяная безобразная ночь—это внѣ сомнѣній. «Послѣдняя»...—повторилъ онъ про себя. Да, безобразіе было, и онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ этого безобразія, но случилось еще что-то... Можетъ быть онъ сдѣлалъ скандалъ и, кажется, обругалъ Красавина негодяемъ. Да, онъ начиналъ припоминать отдѣльные эпизоды. Сначала «Кружало», гдѣ онъ, кажется, скандалилъ, потомъ пикникъ на пароходѣ, визгъ и уханье цыганскаго хора, потомъ тони...

— Безобразіе...—проговорилъ вслухъ Бургардтъ.

Потомъ онъ вдругъ все вспомнилъ и сѣлъ на диванѣ. Предъ его глазами живой выросла загадочная нѣмая бѣлокурая дѣвушка. Ахъ, да, Красавинъ ухаживалъ за ней, потомъ Сахановъ, по обычаю, говорилъ какія-то неприличныя вещи, потомъ горѣлъ костеръ... Да, да, она смѣялась, когда вытащили большую рыбу, и потомъ опять смѣялась, когда варили уху прямо на кострѣ, какъ любилъ Красавинъ.

— Да, да, все это было...—вслухъ проговорилъ Бургардтъ, начиная одѣваться.

Ему казалась, что онъ въ чемъ-то виноватъ и долженъ что-то такое сдѣлать. Онъ позвонилъ, и Андрей, отставной солдатъ съ отпущенной бородой, точно подбитой молью, подалъ на подносѣ то, что полагалась, когда баринъ возвращался домой слишкомъ поздно: бутылку квасу, зельтерской воды и стаканъ крѣпкаго чернаго кофе. Поставивъ на столъ подносъ, Андрей тяжело топтался на одномъ мѣстѣ.

— Что тебѣ нужно?—довольно сурово спросилъ его Бургардтъ.

— А тамъ... этотъ... бормоталъ Андрей, глядя въ уголъ.— Ну, который съ мѣшкомъ ходитъ...

— Хорошо... Я сейчасъ...

Когда вѣрный слуга удалился, Бургардтъ засмѣялся. Да,

именно хорошо... Кажется, «человѣкъ съ мѣшкомъ» не могъ выбрать лучшаго момента.

Бургрaдтъ позвонилъ и велѣлъ Андрею позвать въ кабинетъ того, «который съ мѣшкомъ». Андрей презрительно скосилъ глаза и молча вышелъ. Скоро послышались тяжелые шаги, и въ кабинетъ вошелъ средняго роста человѣкъ въ русской поддевкѣ, въ мужицкихъ тяжелыхъ сапогахъ и съ бѣлымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Бургардтъ бросился къ нему навстрѣчу, крѣпко его обнялъ и расцѣловалъ изъ щеки въ щеку.

— Григорій Максимычъ, ты не могъ лучше придти...

— Слѣдовательно, опять покаянное настроеніе?—отвѣтилъ гость вопросомъ, разглаживая свою козлиную бородку съ сильной просѣдью.

Гость говорилъ пріятнымъ груднымъ баскомъ и постарался освободить себя отъ вторичныхъ объятій хозяина. Онъ спокойно положилъ свой мѣшокъ въ уголъ, оглядѣлъ кабинетъ, точно былъ въ немъ въ первый разъ, и прибавилъ:

— Слѣдовательно, пришелъ навѣстить... Какъ живешь?

— Ахъ, не спрашивай, ради Бога... То же самое свинство.

Бургардтъ торопливо налилъ квасу и залпомъ выпилъ весь стаканъ. Гость смотрѣлъ на него своими добрыми карими глазами и беззвучно шевелилъ губами.

— Слѣдовательно, Сахановъ...—резюмировалъ онъ невысказаныя мысли.

— Какой тутъ Сахановъ... Ахъ, ничего ты не понимаешь, Григорій Максимычъ! Смотри на меня и презирай...

Торопливо глотая квасъ, Бургардтъ началъ разсказывать о вчерашнемъ вечерѣ, сбивался и подбиралъ слова, особенно когда дѣло дошло до нѣмой миссъ Мортонъ. Гость слушалъ эту горячую исповѣдь совершенно безучастно и отвѣтилъ совершенно невпопадъ:

— Слѣдовательно, я былъ сейчасъ въ мастерской... да... Разсматривалъ твой барельефъ...

— Сергія?

— Слѣдовательно, его...

— Ну, и что же? Онъ еще въ эскизѣ... Все не хватаетъ времени кончить. Есть срочные заказы...

— Слѣдовательно, вздоръ... Лѣность обуяла, пьянство, развратъ, Сахановъ.. А барельефъ ничего. Какъ это у васъ нынче говорятъ? Есть настроеніе... да... Слѣдовательно, я смотрѣлъ и могу понять.

— Милый мой, вотъ и не понимаешь!—перебилъ его Бургардтъ, ломая руки. — Вотъ ты смѣешься надъ моимъ покаяннымъ настроеніемъ, а эта работа и есть мое покаяніе... Да!.. Вотъ и сейчасъ я пошелъ бы работать... Нѣтъ, вру, и совершенно безцѣльно вру.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Андрея. Онъ подалъ длинный изящный конвертъ и остановился въ дверяхъ. Бургардтъ быстро пробѣжалъ коротенькую записочку и схватилъ себя за волосы. Это было письмо отъ Марины Игнатьевны, которая напоминала ему, что вчера онъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на ужинъ и чтобы онъ не забывалъ объ этомъ.

— Ужъ второй часъ въ куфнѣ ждетъ васъ мужикъ съ рыбой,—объяснилъ Андрей, точно отвѣчая на нѣмое отчаяніе барина.

— Съ какой рыбой?

— А вы сами вчера заказывали, потому какъ бымши на тоняхъ...

— Пусть миссъ Гудъ ему заплатитъ, и ну его къ чорту...

Андрей вышелъ, а Бургардтъ зашагалъ по кабинету, напрасно стараясь припомнить, кого онъ вчера приглашалъ. Придетъ же такая пьяная фантазія... Если бы еще миссъ Гудъ съ Анитой были на дачѣ, а то онѣ дома... Однимъ словомъ, самая скверная исторія.

Прогнавши мужика съ тоней, Андрей еще разъ явился въ дверяхъ и какъ-то особенно сердито заявилъ:

— Значитъ, при письмѣ былъ букетъ... Приказано поставить его въ мастерской...

— А, хорошо...

Квартира Бургардта помѣщалась въ третьемъ этажѣ большого каменнаго дома на четвертой линіи Васильевскаго Острова, недалеко отъ Средняго проспекта. Вотъ уже почти двадцать лѣтъ какъ онъ живетъ на Васильевскомъ Островѣ и, не смотря на нѣкоторыя неудобства, какъ удаленность отъ центра, онъ оставался здѣсь, точно привязанный къ своей четвертой линіи юношескими воспоминаніями, когда еще былъ безвѣстнымъ академистомъ. Много было здѣсь поработано, пережито и перечувствовано въ горячую пору юности, и здѣсь же для него проявился тотъ свѣтъ, который ему впослѣдствіи далъ европейское имя. Васильевскій Островъ съ его по казарменному вытянутыми улицами, напоминавшими архитектурный чертежъ, являлся для него второй духовной родиной, и онъ, работая въ Римѣ, тосковалъ вотъ объ этихъ скучныхъ улицахъ, вытянувшихся въ безнадежно-прямыя линіи. И какъ здѣсь ему было все знакомо, начиная съ домовъ и кончая послѣдней мелочной лавочкой. Вотъ студенческій трактиръ, рядомъ домъ, гдѣ онъ мыкалъ горе съ другими академистами, недалеко жила натурщица, въ которую онъ былъ влюбленъ и т. д. По этимъ улицамъ онъ вынашивалъ свои юношескія надежды, свои первыя сомнѣнія, неудачи и первые успѣхи. При одной мысли о переѣздѣ собственно въ Петербургъ, въ одну изъ центральныхъ модныхъ улицъ, у него являлся инстинктивный страхъ, точно вмѣстѣ съ этимъ переѣздомъ онъ и самъ сдѣлается другимъ, и худо-

жественное счастье его оставитъ. Это былъ совершенно дѣтскій страхъ, присущій слишкомъ нервнымъ натурамъ.

Настоящую квартиру Бургардтъ занималъ уже около десяти лѣтъ, хотя и собирался перемѣнить ее каждый годъ. Она была и велика и въ то же время мала. Собственно было только двѣ настоящихъ комнаты—большой залъ и мастерская, а остальныя комнаты состояли изъ конурокъ, какъ его кабинетъ, столовая, комната Аниты. Залъ тоже казался меньше, благодаря загромождавшему его всевозможному хламу, набравшемуся во время путешествій, изъ разныхъ подарковъ и благопріобрѣтенныхъ на Александровскомъ рынкѣ. Все сводилось на желаніе создать «обстановку», какъ говорилъ Сахановъ, а, въ сущности, получалась какая-то окрошка изъ всевозможныхъ стилей. Тутъ была и старинная стильная мебель, и восточные ковры, и старинное оружіе, и художественная бронза, и фарфоры, и археологическія рѣдкости, и всевозможные articles. Вообще, залъ былъ слишкомъ загроможденъ, на что жаловались всѣ артисты, которымъ приходилась здѣсь пѣть или играть на рояли. Человѣкъ Андрей тоже не одобрялъ этого хлама, а къ такимъ вещамъ, какъ маккартовскіе букеты, точно питавшіеся пылью, относился прямо враждебно. «Въ самый разъ коровамъ отдать или какой барынѣ на шляпу»,—ворчалъ онъ, когда по утрамъ наводилъ порядокъ въ комнатахъ. Самъ Бургардтъ не любилъ этого ненужнаго и претенціознаго хлама, но онъ набрался какъ-то самъ собой. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ выбросить всю эту дребедень, но ненужныя вещи, какъ и ненужные люди, имѣютъ присущую только имъ способность оставаться неприкосновенными по цѣлымъ годамъ.

Эта художественная обстановка больше всѣхъ возмущала Григорія Максимыча, какъ совершенно ненужная и безцѣльная прихоть. Прибавляя къ началу фразы свое «слѣдовательно», этотъ другъ дѣтства Бургардта возвышался до настоящаго краснорѣчія, когда обличалъ царившую въ залѣ «суету суетъ». Это было его пунктикомъ, какъ вторымъ пунктикомъ являлась какая-то органическая ненависть къ Саханову. Крайне терпимый и доступный во всемъ остальномъ, Григорій Максимычъ дѣлался придирчивымъ и злымъ, стоило Саханову войти въ комнату.

— Надѣюсь, ты у меня сегодня останешься поужинать?—спрашивалъ его Бургардтъ.—Будутъ все свои...

— Слѣдовательно...

— Да, будетъ и Сахановъ... Удивляюсь, право, что онъ тебѣ дался: ни хуже, ни лучше другихъ. Такой-же, какъ и всѣ... Я его совсѣмъ не желаю защищать.

Григорій Максимычъ не удостоилъ отвѣтомъ, а только теребилъ свою бородку.

— Ну, не сердись, — говорилъ Бургардтъ.—Пойдемъ въ мастерскую... Нужно посмотрѣть, что дѣлаетъ Гаврюша...

VI.

Мастерская отдѣлялась отъ зала полутемнымъ корридоромъ, гдѣ уже чувствовался запахъ алебастра и мокрой глины. Въ мастерской никакой обстановки не полагалось. Это была почти совсѣмъ пустая комната, освѣщенная громаднымъ венеціанскимъ окномъ. Посѣтители, которые время отъ времени являлись сюда, искренно удивлялись этому убожеству знаменитой мастерской, изъ которой выходили такія удивительныя произведенія. Большинство начатыхъ работъ стояли закрытыя мокрыми тряпками и до окончанія находились подъ строгимъ наблюденіемъ сторожа Андрея. Къ работамъ своего барина Андрей относился съ авторитетомъ завзятаго спеціалиста, причемъ, какъ попугай, повторялъ разныя мудреныя слова, придавая имъ свой собственный смыслъ. Напримѣръ, Гамлетъ—это сурьезная статуя, съ настроеніемъ. Не даромъ тогда на выставкѣ вся публика ахнула, а того и не знаютъ, что одинъ онъ, Андрей, видѣлъ, какъ баринъ лѣпилъ ее отъ начала до конца и одобрилъ пораньше другихъ протчихъ. Вотъ тоже «Ромео и Джульета»—тоже ничего себѣ, не вредная группа, хотя до «Гамлета» и далеко. Охъ, какъ далеко... Какъ будто и то, а на самомъ дѣлѣ даже совсѣмъ наоборотъ. Нѣкоторыя работы Андрей ненавидѣлъ, какъ послѣднюю, — осрамится съ ней баринъ въ лучшемъ видѣ. Что публика уважаетъ: ей подавай съ пылу горячаго. Вонъ «Гамлетъ»-то какъ поглядываетъ и притомъ «мертвый черепъ» въ ручкѣ держитъ, тоже голенькія барышни—сужетъ пріятный. А то сейчасъ баринъ придумалъ лѣпить барыню въ платьѣ, да и барыня-то Ольга Спиридоновна. Ну, кто ее не знаетъ, Ольгу Спиридоновну, какъ она на тіатрѣ ногами брыкаетъ. Было ея время, да ушло.

Сейчасъ Андрей ждалъ барина въ мастерской и только покосился на «человѣка съ мѣшкомъ», котораго считалъ вреднымъ, хотя онъ и генеральскій сынъ. Такъ въ томъ родѣ, какъ юродивый...

— Андрей, открой Сергія...—проговорилъ ему Бургардтъ.

Посрединѣ мастерской стоялъ знаменитый «Гамлетъ», съ котораго ученикъ Бургардта, самоучка Гаврюша, лѣпилъ копію. Это былъ юноша лѣтъ двадцати пяти, русоволосый, застѣнчивый, какъ дѣвушка, и съ дѣвичьимъ румянцемъ. Сторожъ Андрей ненавидѣлъ его и ворчалъ про себя:

— Туда-же, за нами погнался, мужланъ... А того не понимаетъ, что нужно имѣть свою эмоцію колоритную и талантъ тоже...

Взглянувъ на Гаврюшу, Бургардтъ сразу замѣтилъ, что дѣло у него не клеится, и онъ работаетъ съ молчаливымъ отчаяніемъ.

— Вотъ эта линія шеи у васъ не вышла... — объяснялъ Бургардтъ и хотѣлъ снять «стекой» лишнюю глину, но Гаврюша его остановилъ.

— Ради Бога, Егоръ Захарычъ... я самъ...

Юноша даже поблѣднѣлъ, точно ему самому хотѣли произвести какую-то очень мучительную операцію. Бургардтъ понялъ и оцѣнилъ это начинавшееся авторство. Похлопавъ Гаврюшу по плечу, онъ прибавилъ:

— Да, лучше самому повторить десять разъ свою ошибку и добиться цѣли...

Ему показалось, что Гаврюша посмотрѣлъ на него какимъ-то озлобленнымъ взглядомъ. Это было впечатлѣніе электрической искры.

Григорій Максимычъ внимательно разсматривалъ «Гамлета», точно видѣлъ его въ первый разъ. Это была удивительная статуя, въ которой онъ находилъ каждый разъ что-нибудь новое. Такъ было и сейчасъ. Какъ хорошо это молодое лицо, тронутое тѣнью геніальнаго безумія—нѣтъ, это было не одно лицо, а тысячи лицъ, спаянныхъ въ одно. Вотъ эти вдумчивые глаза, вотъ горькая улыбка, вотъ преждевременная старость въ слегка намѣченныхъ морщинахъ лба, вотъ цвѣтущая юность, притаившаяся въ мягкомъ контурѣ носа и губъ—однимъ словомъ, если смотрѣть на статую съ разныхъ точекъ, получалось впечатлѣніе разныхъ людей, возрастовъ и настроеній. А эта немного усталая поза молодого сильнаго тѣла, точно пропитанная мыслью о бѣдномъ Іорикѣ:

Тутъ были уста—я цѣловалъ ихъ такъ часто...
Гдѣ теперь твои шутки, ужимки?
Гдѣ пѣсни, молніи остротъ, отъ которыхъ всѣ пирующіе хохотали до упаду?
Кто съостритъ теперь надъ твоей же костяной улыбкой?

Бургардтъ тоже смотрѣлъ на «Гамлета», стараясь поднять то чувство, которое онъ испытывалъ, работая надъ этой статуей подъ декламацію шекспировскихъ стиховъ Бахтеревымъ. Кстати, первыми оцѣнили это произведеніе именно люди, которыхъ онъ не любилъ и не уважалъ: актеръ Бахтеревъ и критикъ Сахановъ, а тѣ люди, на вниманіе и оцѣнку которыхъ онъ особенно разсчитывалъ, отнеслись къ его «Гамлету» или равнодушно, или скептически. Приходилось переживать мучительный періодъ сомнѣній, и бывали моменты, когда Бургардту приходилось удерживать самого себя, чтобы не разбить въ куски, можетъ быть, лучшую свою работу.

— Хорошо...—думалъ вслухъ Григорій Максимычъ, отходя отъ статуи.—Хорошо, хотя и безполезная вещь.

— Да?

— Слѣдовательно, да... Она немного опоздала, почти на цѣлыхъ сто лѣтъ. Къ этому «Гамлету» нужно обстановку какого-нибудь Эрмитажа, мужчинъ въ парикахъ, женщинъ въ фижмахъ, придворныхъ льстецовъ...

— Готово-съ...—докладывалъ Андрей, раскрывъ громадный барельефъ, стоявшій въ массивной деревянной части.

— Вотъ это, кажется, будетъ по твоей части, — замѣтилъ Бургардтъ, подводя друга на мѣсто, съ котораго удобнѣе было разсматривать работу въ общемъ.

— Слѣдовательно, посмотримъ...—говорилъ другъ, пристально всматриваясь въ барельефъ.

Бургардту нравилось, какъ его другъ относился къ его работамъ: вѣдь умѣть смотрѣть—искусство, которое дается немногимъ.

— Это преподобный Сергій въ тотъ моментъ, когда онъ благословляетъ Дмитрія Донского на битву съ Мамаемъ,—объяснялъ Бургардтъ.—Самъ Сергій уже конченъ... я его чувствовалъ... А вотъ вся бѣда съ Донскимъ: выходитъ что-то такое шаблонное, академическое, мертвое...

Барельефъ поразилъ Григорія Максимыча, хотя онъ ожидалъ отъ него многаго. Донского, дѣйствительно, не было, а Сергій вышелъ великолѣпно, удивительно, чудно. Какъ хорошо это изможденное постомъ, молитвой и трудами старческое лицо, проникнутое внутреннимъ свѣтомъ, очищенное душевными муками и смотрящее въ далекое-далекое будущее. У Григорія Максимыча просто шли мурашки по спинѣ, такъ хорошъ былъ этотъ великій представитель земли русской. Да, вотъ все это удѣльное княжье, городовая старшина, и всякіе передніе люди полны недоумѣнія и страха; они уже не вѣрятъ въ собственную силу, которая изсякла подъ гнетомъ татарщины — вся сила теперь сосредоточилась вотъ въ этомъ изможденномъ старческомъ лицѣ и въ этомъ увѣренномъ строгомъ движеніи благословляющей руки. Великій подвижникъ провидѣлъ далекое будущее и настоящее видѣлъ прошлымъ.

— Слѣдовательно, изумительно...—бормоталъ Григорій Максимычъ, разсматривая детали. — Пересвѣтъ и Ослябя вышли тоже не дурно... Они должны были быть именно такими простыми...

— А знаешь, чего не достаетъ въ этой работѣ?—спрашивалъ Бургардтъ.—Именно, вотъ этой самой вѣрующей простоты, о которой ты сейчасъ говоришь. Художникъ только *понималъ* свой сюжетъ... Вѣдь взятъ рѣшающій моментъ, отъ

котораго зависѣло все будущее, а въ такіе моменты самые обыкновенные люди дѣлаются героями.

Григорій Максимычъ молчалъ, продолжая наблюдать барельефъ. Его занимала та связь, которая необходимо должна была соединять «Гамлета» съ этимъ именно барельефомъ. Да, эта связь существовала, должна была существовать, какъ и между другими работами, кончая бюстомъ Красавина.

Наблюдавшій за «человѣкомъ съ мѣшкомъ» Андрей, чтобы посрамить барина, сказалъ:

— А у насъ есть еще одна модель, сударь... Вотъ извольте взглянуть.

Бургардтъ не успѣлъ предупредить, какъ Андрей уже раскрылъ бюстъ Ольги Спиридоновны. Григорій Максимычъ посмотрѣлъ на него совершенно равнодушно и еще болѣе равнодушно проговорилъ:

— Слѣдовательно, актриса?

— Нѣтъ, больше: балерина.

Этотъ отвѣтъ заставилъ друга отвернуться, и онъ даже сдѣлалъ брезгливое движеніе рукой, какъ отмахиваются отъ назойливаго насѣкомаго.

Это движеніе огорчило Бургардта. Очевидно, другъ не желалъ понимать...

— Послушай, Григорій, ты напрасно...—обиженно заговорилъ Бургардтъ, подбирая слова. — Дѣло въ томъ, что это... Да, это будетъ моя лучшая работа, если хочешь знать.

Другъ смотрѣлъ на него непонимающими глазами, а вѣрный старый слуга даже закрылъ ротъ рукой.

— Слѣдовательно, какъ же это такъ? То-есть, я ничего не понимаю...

Гаврюша сдѣлалъ видъ, что продолжаетъ свою работу. Онъ торжествовалъ. Да, Бургардтъ получилъ, наконецъ, самое сильное оскорбленіе и получилъ отъ человѣка, котораго искренно любилъ и уважалъ.

Бургардтъ прошелся нѣсколько разъ по мастерской, а потомъ остановился передъ бюстомъ и заговорилъ:

— Вотъ вы всегда такъ судите, т.-е. вы—публика... да.

— И что-же изъ этого?

— Что изъ этого? Послушайте, нѣтъ, это трудно объяснить словами. Понимаешь: въ жизни каждой хорошенькой женщины наступаетъ такой моментъ, когда духъ красоты, привлекавшій мужчинъ, ее оставляетъ, а форма еще остается. Она еще не успѣла состариться, линіи еще живы, но уже начинается омертвеніе... О, нѣтъ, ты ничего не понимаешь?! Уловить именно этотъ моментъ умирающей красоты, фиксировать его—громадная задача... Какъ хочешь, а міръ все-таки при-

надлежитъ хорошенькой женщинѣ, и красота, по выраженію поэта, страшная сила...

— Слѣдовательно, что же изъ этого?

— По моему, это величайшая трагедія...

— Кому она нужна?

— А кому нужно сумасшествіе датскаго принца Гамлета?

— Слѣдовательно... Позволь, я рѣшительно не могу связать эти вещи: Гамлета, преподобнаго Сергія и умирающую женскую красоту...

— Въ послѣдней высшая трагедія: вмѣстѣ съ ней умираетъ призывъ къ жизни... Если-бы мнѣ удалось воплотить то, что я задумалъ... голубчикъ, ты меня не понимаешь, и мы будемъ говорить на разныхъ языкахъ.

VII.

Въ мастерской они пробыли до завтрака. Бургардтъ дѣлалъ попытку что-то поправить въ барельефѣ, но изъ этого ничего не выходило. Пришла горничная, некрасивая и кривобокая дѣвушка, и заявила, что завтракъ поданъ.

— Ну, идемъ...—говорилъ Бургардтъ, подхватывая друга подъ локоть.

Тотъ немного уперся и что-то такое замычалъ.

— Знаю, знаю...—засмѣялся Бургардтъ. — Ты, вѣдь, не обязанъ ѣсть мясо, а травы сколько угодно.

Столовая была и мала и слишкомъ заставлена мебелью. Въ концѣ длиннаго стола сидѣла худенькая сгорбленная старушка съ строго подобранными глазами. Она едва отвѣтила на поклонъ гостя. Рядомъ съ ней сидѣла дѣвочка, подростокъ лѣтъ четырнадцати, длинная и костлявая, съ попорченнымъ оспой лицомъ и злыми темными глазами. Она протянула гостю свою красную костлявую руку, какія бываютъ у малокровныхъ дѣвочекъ этого возраста.

— Какъ поживаете, Анита?—добродушно спрашивалъ Григорій Максимычъ, съ шумомъ отодвигая свой стулъ.

— Ничего, благодарю васъ...—сухо отвѣтила дѣвушка и посмотрѣла на миссъ Гудъ улыбавшимися глазами.

Воспитательница Аниты, миссъ Гудъ, точно замерзла на извѣстномъ кодексѣ приличій, нарушеніе которыхъ приравнивалось чуть не къ государственнымъ преступленіямъ, въ томъ числѣ—двиганье стульевъ, неосторожное обращеніе съ ножами и вилками и т. д. На этомъ основаніи Григорій Максимычъ находился у миссъ Гудъ въ большомъ подозрѣніи, и старушка особенно выразительно говорила Анитѣ, поднимая свои

рѣдкія брови: «такъ дѣлаетъ другъ твоего папы, который ходитъ съ мѣшкомъ и о носовыхъ платкахъ имѣетъ довольно смутное представленіе, какъ нашъ Андрей... У твоего отца, вообще, много довольно странныхъ друзей, чтобы не сказать больше...»

— Зачѣмъ вы сидите въ городѣ, миссъ Гудъ?—спрашивалъ Григорій Максимычъ, устраивая второе неприличіе—онъ отломилъ корочку чернаго хлѣба и обмакнулъ ее прямо въ солонку.—Слѣдовательно, погода такая отличная, а здѣсь буквально дышать не чѣмъ...

Миссъ Гудъ отвѣтила ему по французски, какъ говорила обыкновенно съ гостями, стѣсняясь своего ломаннаго русскаго языка. Григорій Максимычъ свободно говорилъ на двухъ языкахъ и не повторялъ своего «слѣдовательно», какъ по русски.

— Мы ждемъ, когда будетъ свободенъ Егоръ Захарычъ,— говорила старушка.—Намъ однимъ скучно на дачѣ...

— Вы уѣзжаете, если не ошибаюсь, въ Финляндію?

— Да... Прелестная дикая страна, усѣянная чудными озерами. Я очень люблю Финляндію и не могу понять, почему эта страна не нравится Анитѣ...

— Очень интересно жить съ чухнами, — брезгливо отвѣтила Анита.—Самый противный народъ. Они и сами умираютъ отъ скуки...

Бургардтъ часто наблюдалъ за дочерью, когда она что-нибудь говорила, и находилъ ее остроумной. Ему не нравилось только то, что это остроуміе было подкрашено какимъ-то злобнымъ чувствомъ. Дѣвочка была умнѣе своихъ лѣтъ, потому что выросла въ обществѣ большихъ и наслушалась всего. Все вниманіе миссъ Гудъ было обращено главнымъ образомъ на физическую сторону воспитанія, и она больше всего гордилась тяжелой русой косой Аниты и ея ровными мелкими, бѣлыми, какъ у хищнаго звѣрка, зубами. Папа Бургардтъ не обманывалъ себя и находилъ дочь дурнушкой. Въ раннемъ дѣтствѣ Анита росла прехорошенькимъ ребенкомъ, но ее погубила оспа, и это было тяжелымъ ударомъ для Бургардта, который страдалъ вдвойнѣ—и какъ отецъ, и какъ художникъ, по своей профессіи поклонявшійся всякой красотѣ. Ему было больно, когда знакомые смотрѣли на Аниту съ скрытымъ сожалѣніемъ, за исключеніемъ можетъ быть одного Григорія Максимыча, видѣвшаго въ каждой женщинѣ прежде всего человѣка. И сейчасъ онъ говорилъ съ дѣвочкой такъ просто и хорошо, какъ-бы говорилъ съ самой записной красавицей.

— Да, я своими глазами видѣлъ, какъ одинъ чухонецъ умеръ отъ скуки,—поддержалъ Бургардтъ дочь.—Шелъ мимо нашей дачи, присѣлъ на камень и умеръ...

Григорію Максимычу не нравился шутливый тонъ, какимъ

Бургардтъ говорилъ съ дочерью. Дѣвочка была ужъ большая и старалась тоже быть остроумной, а это извращало и портило природныя данныя. Миссъ Гудъ тоже ему не нравилась, какъ типичная представительница того запада, который окаменѣлъ въ эгоизмѣ, являясь полной противоположностью славянской теплотѣ и отзывчивости. Григорій Максимычъ не то что не любилъ старушку англичанку, а какъ-то жалѣлъ ее, какъ жалѣютъ слѣпого или глухого человѣка. Затѣмъ, онъ рѣшительно не понималъ, почему Бургардтъ взялъ воспитательницей дочери именно англичанку.

— Слѣдовательно, гораздо было-бы лучше, если-бы у Аниты была простая русская старушка няня... Она-бы и сказку пострашнѣе умѣла разсказать, и водила-бы дѣвочку въ церковь, и разнымъ-бы примѣтамъ научила,—право, все это хорошо въ свое время и все это необходимо пережить. А чему твоя накрахмаленная англичанка научитъ?

— Тутъ, братъ, цѣлая идея,—объяснялъ Бургардтъ. — Я признаю только два высшихъ типа, до которыхъ доработалось человѣчество за всю свою исторію. На одномъ концѣ стоятъ римляне, а на другомъ, къ нашему счастью, какъ современниковъ—англичане. Да, это великій народъ, который завоевалъ цѣлый міръ, что ты тамъ ни говори. Они жестоки—да, потому что всякая сила жестока. Но они сконцентрировали въ себѣ самыя лучшія качества, какія только могла выработать вся наша европейская цивилизація. Англичанинъ не даромъ сдѣлался синонимомъ несокрушаемой энергіи, предпріимчивости и всякой силы вообще... Англійская женщина — самая лучшая женщина, высшій антропологическій типъ. Моя мечта, чтобы Анита усвоила себѣ хотя частицу англійской настойчивости...

— Слѣдовательно, все это пустяки... да.

За завтракомъ Григорій Максимычъ ѣлъ только одну зелень и даже отказался отъ яйца въ смятку. Миссъ Гудъ только пожала плечами, потому что питалась всю жизнь одними кровавыми бифштексами.

— У насъ сегодня вечеромъ гости... — предупредилъ ее, между прочимъ, Бургардтъ.—Вы видѣли лососину?

При словѣ «гости» у миссъ Рудъ явилось на лицѣ покорно-печальное выраженіе, какъ у человѣка, который отъ доктора съ рецептомъ идетъ въ аптеку. О, она отлично понимала, что такое эти русскіе гости, т.-е. сплошное безобразіе.

— Это вышло совершенно случайно,—оправдывался Бургардтъ.—У насъ вчера былъ очень веселый пикникъ и я рѣшительно не помню, какъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ. Будетъ Красавинъ...

Послѣднія слова подѣйствовали на миссъ Гудъ, какъ электрическая искра. Она благоговѣла предъ всякой силой, а ми-

стеръ Красавинъ — это милліоны. Бургардтъ смотрѣлъ на нее и улыбался, зная ея слабость къ богатымъ людямъ.

Совершенно другого мнѣнія былъ человѣкъ Андрей, который нѣсколько разъ появлялся въ дверяхъ столовой, какъ вопросительный знакъ.

— Отчего Гаврюша не идетъ завтракать?—спрашивалъ Бургардтъ.

— Они просили дать имъ завтракъ въ мастерскую, — по солдатски отвѣтилъ Андрей, вопросительно поглядывая на миссъ Гудъ, которая не выносила этого мужика-самоучку.

Солдатъ Андрей случайно зналъ Бургардта съ дѣтства, когда еще проживалъ на Охтѣ сейчасъ по выходѣ изъ военной службы. Сейчасъ онъ это скрывалъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Зналъ онъ съ дѣтства и Григорія Максимыча. Дѣло было такъ. На Охтѣ проживалъ старый генералъ Шипидинъ, типичный русскій мечтатель и неисправимый прожектеръ, который съ одинаковымъ увлеченіемъ занимался въ одно и то же время изобрѣтеніемъ какого-то универсальнаго воздушнаго шара, имѣвшаго скромную задачу разрѣшить всѣ проблемы и проклятые вопросы будущаго всей Европы — и разведеніемъ клубники-монстръ. У генерала были кой-какіе средства и солидная пенсія, и онъ поселился на Охтѣ, гдѣ была и необходимая для изобрѣтателя тишина и близость столицы. Клубнику-монстръ разводилъ обрусѣвшій нѣмецъ Бургардтъ, съ которымъ Андрей водилъ знакомство, главнымъ образомъ потому, что продавалъ краденую изъ генеральскихъ оранжерей клубнику въ Петербургъ. У генерала былъ единственный сынъ Гриша, превратившійся теперь въ «человѣка съ мѣшкомъ», а у садовника сынъ Егорка, превратившійся въ знаменитаго скульптора. Они выросли друзьями дѣтства и добродушный генералъ Шипидинъ изъ любви къ дѣтской привязанности своего Гриши далъ воспитаніе въ гимназіи и его другу Егоркѣ, съ дѣтства проявлявшаго способности къ рисованію. Это случайно доброе дѣло, кажется, являлось единственнымъ удачнымъ предпріятіемъ генерала мечтателя, хотя онъ и не дожилъ до славы садовничьяго сына.

Генералъ Шипидинъ разорился и кончилъ свои дни очень печально. Его универсальный шаръ не желалъ летѣть, и старикъ умеръ съ убѣжденіемъ, что будь у него еще тысяча рублей—все человѣчество было-бы осчастливлено и наступила-бы новая эра. Клубника оказалась вѣрнѣе, и ученый нѣмецъ садовникъ сколотилъ потихоньку небольшой капиталецъ, купилъ у генерала его оранжереи и повелъ дѣло самостоятельно. Послѣдніе дни генералъ Шипидинъ проживалъ чуть не изъ милости у своего садовника, тѣмъ болѣе, что Гриша, его от-

цовская надежда и гордость, пошелъ совсѣмъ по другой дорогѣ. Молодой человѣкъ не кончилъ даже университета...

Судьба за то улыбнулась садовничьему сыну, который послѣ гимназіи поступилъ въ академію художествъ, кончилъ тамъ блестящимъ образомъ, былъ отправленъ на казенный счетъ за границу на пять лѣтъ и вернулся оттуда уже знаменитымъ художникомъ. Солдатъ Андрей, воровавшій генеральскую клубнику, никакъ не могъ понять такой метаморфозы: изъ настоящаго генеральскаго сына вышла пустышка, а садовничій сынъ, сынъ простого нѣмецкаго мужика, возсіялъ.

— Онъ будетъ генераломъ, — увѣрялъ Андрея отецъ-Бургардтъ.—Это весьма умный мальчикъ...

Устроившись, садовникъ началъ попивать, быстро опустился и умеръ отъ ожирѣнія.

И сейчасъ человѣкъ Андрей рѣшительно ничего не могъ понять. Садовничій сынъ жилъ бариномъ, а генеральскій сынъ поселился въ деревнѣ и жилъ совсѣмъ по деревенски—самъ и пахалъ, и сѣялъ и велъ все крестьянское хозяйство. Какой-же это порядокъ, ежели настоящія генеральскія дѣти пойдутъ въ мужики? Вотъ и сейчасъ сидятъ за столомъ рядомъ, а настоящаго-то генеральскаго сына никто и не признаетъ. Самъ Андрей тоже дѣлалъ видъ, что не узнаетъ Григорія Максимыча, чтобы не конфузить напрасно человѣка.

— Ослабѣлъ человѣкъ, вотъ и ходи съ мѣшкомъ,—думалъ Андрей, стоя у дверей.

Баринъ Егоръ Захарычъ, конечно, добрый и не гнушается по старой памяти, а все-таки оно какъ-то того...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Типы психологическаго и соціологическаго монизма.

I.

Что значитъ построить научно исторію? Вотъ вопросъ, который еще до сихъ поръ не рѣшенъ для большинства изслѣдователей. Всѣ согласны, что исторія не должна оставаться какимъ-то пестрымъ калейдоскопомъ событій, совершенно различныхъ по своему характеру и значенію. Всѣ смутно стремятся внести порядокъ и единство въ хаосъ разнородныхъ величинъ, найти что-то такое, что могло бы служить, такъ сказать, общимъ знаменателемъ для всѣхъ историческихъ явленій. Гдѣ, въ какихъ сферахъ и какъ его искать—объ этомъ всякій судитъ по своему, но всѣ—или, по крайней мѣрѣ, большинство—сходятся, какъ будто, въ одномъ: главной задачей общественной науки является отысканіе „сущности" или „основы" историческаго процесса, т. е. такого элемента, который бы, развиваясь исключительно въ силу внутренно-присущихъ („имманентныхъ") условій и законовъ, опредѣлялъ своимъ саморазвитіемъ движенія и измѣненія во всѣхъ другихъ сферахъ, во всѣхъ другихъ сторонахъ общественной жизни.

Одинъ изслѣдователь полагаетъ, что нашелъ эту „первопричину" соціальнаго развитія въ умственномъ развитіи, въ прогрессѣ идей; другой, наооборотъ, считаетъ идеи лишь симптомами событій, а видитъ фундаментъ всѣхъ соціальныхъ явленій въ развитіи формъ производства или производительныхъ силъ; третій выдвигаетъ на первый планъ значеніе политики и права. Эклектики выступаютъ съ новой теоріей, желая примирить всѣхъ: они признаютъ самостоятельное значеніе и за идеологическимъ развитіемъ общества, и за матеріальнымъ прогрессомъ, и за общественнымъ законодательствомъ, развитіемъ права. Въ ихъ глазахъ исторія есть результатъ взаимодѣйствія этихъ самостоятельныхъ, но вліяющихъ другъ на друга и зависящихъ другъ отъ друга факторовъ. Наконецъ, выступаетъ еще четвертая теорія, просто отрицающая самостоятельность какого бы то ни было изъ этихъ

трехъ „факторовъ“ и принимающая ихъ за пустыя абстракціи или лишь за различныя стороны нераздѣльнаго процесса соціальнаго развитія; три стороны, лишь мысленно расчленяемыя, открывающіяся наблюденію съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. И эта теорія—тоже носитъ характеръ *монизма*.

Къ единству, къ монизму, къ цѣльному взгляду на исторію стремятся многіе; но понимаютъ монистическій принципъ очень и очень не одинаково. Самыя различныя, даже діаметрально-противоположныя направленія выступаютъ подъ однимъ и тѣмъ же флагомъ монизма. Это, конечно, указываетъ на зачаточное состояніе исторической науки, на переживаемый ею періодъ эмбріологіи.

Что же такое истинный монизмъ?

Чтобы пролить свѣтъ на значеніе философскаго принципа *монизма* въ области научнаго пониманія общественныхъ явленій, мы считаемъ полезнымъ сначала прослѣдить судьбу этого принципа, его постепенное выясненіе и детальную выработку въ области вопросовъ менѣе сложныхъ, въ наукѣ болѣе общей и простой—индивидуальной психологіи. Крайнее разнообразіе явленій и состояній душевной жизни въ свое время не менѣе, чѣмъ калейдоскопичность зрѣлища, представляемаго всемірной исторіей, служила препятствіемъ къ выработкѣ цѣлостнаго научнаго взгляда. Постепенно начали являться и здѣсь попытки оріентироваться среди явленій, раздѣлить ихъ на болѣе и менѣе элементарныя, на простыя и сложныя, первичныя, основныя и вторичныя, производныя.

И вотъ, подобно тому, какъ въ соціологіи одни историки сводили все на идеи, другіе—на матеріальные, экономическіе факты, третьи—на юридическіе и политическіе,—такъ и въ области психологіи изслѣдователи сводили всѣ душевныя движенія, всѣ аффекты и страсти, всѣ желанія и стремленія, всѣ самыя сложныя идеи и высшія побужденія на гипотетическіе элементы и первоисточники. Одни искали этихъ первоисточниковъ въ области ума, разсудка, другіе—въ области субъективнаго внутренняго чувства, третьи—въ побужденіяхъ воли и въ инстинктахъ. Такимъ образомъ получились три школы: интеллектуалисты, волюнтаристы и—скажемъ хоть—сенсуалисты *).

Интеллектуалистическое направленіе въ психологіи имѣетъ

---

*) Собственно говоря, термины „сенсуализмъ“, „сенсуалисты“ принадлежатъ къ области теоріи познанія, гдѣ имѣютъ вполнѣ опредѣленный, обычный смыслъ. Наше словоупотребленіе есть нѣкоторая вольность. Но разъ называютъ интеллектуалистами сводящихъ всю душевную жизнь къ игрѣ представленій и волюнтаристами—сводящихъ ее къ волевымъ импульсамъ, то терминъ „сенсуализмъ“ самъ напрашивается для обозначенія тѣхъ, кто ищетъ первичныхъ душевныхъ явленій въ области чувствованій (sensus).

своимъ типичнымъ выразителемъ Гербарта и его школу. По этому воззрѣнію, какъ мѣтко и сжато характеризуетъ его Паульсенъ, „представленіе есть первая и собственно характеристическая функція души; чувство и желаніе, напротивъ того, являются, какъ нѣчто случайное и вторичное, встрѣчающееся тамъ и сямъ, какъ побочное *дѣйствіе* хода представленій". Психологія Гербарта „представляетъ собою попытку вывести всѣ явленія сознанія изъ представленій и ихъ отношеній. Представленія являются для него первичными элементами духовной жизни; они, подобно элементамъ тѣлеснаго міра, устойчивы, взаимно притягиваются и отталкиваются, тѣснятъ другъ друга и соединяются между собой. Задача психологіи состоитъ для него въ томъ, чтобы формулировать законы движенія представленій и объяснить изъ нихъ всѣ остальныя явленія" *).

Рибо („Психологія чувствованій") также считаетъ особенно характерною чертой этого направленія то, что для него аффективныя состоянія въ ряду душевныхъ явленій представляютъ факты „вторичные, производные"; они „представляютъ изъ себя лишь качества, виды или функціи познанія; они обязаны своимъ существованіемъ лишь мысли, и сами—ничто иное, какъ „смутное пониманіе". „Чувствованіе—лишь слѣдствіе существованія въ душѣ одного человѣка сливающихся или взаимно исключающихъ идей... Но самого по себѣ чувствованія не существуетъ; подобно гармоніи и диссонансу въ музыкѣ, оно отличается отъ простыхъ звуковъ, хотя благодаря имъ только и существуетъ" **).

Напротивъ того, для типичнаго представителя психологическаго сенсуализма, Ад. Горвича, „чувствительность есть дѣятельность въ своей наиболѣе простой, наиболѣе элементарной, наиболѣе общей психической формѣ, и эта дѣятельность—исходный пунктъ всѣхъ остальныхъ психическихъ процессовъ". Къ чувствованіямъ онъ сводитъ и умъ, и волю. „Всякое представленіе было первоначально чувствованіемъ; вообще чувствованіе для Горвича—первоначальный психическій фактъ" говоритъ Рибо ***). То же и относительно волевыхъ актовъ. Какъ ни велика для общепринятаго мнѣнія ихъ зависимость отъ представленій, т. е. разсудочнаго элемента, но на самомъ дѣлѣ безусловно рѣшающая роль принадлежитъ опять-таки чувству. „Это весьма различныя вещи—имѣть теоретическое знаніе и поступать согласно съ нимъ... Необходимъ посредствующій факторъ, который бы обратилъ знаніе въ желаніе, какъ діастазъ обращаетъ крахмалъ въ сахаръ. Посредникъ этотъ—чувствованіе".

*) Фр. Паульсенъ, „Введеніе въ философію", стр. 115—116.

**) Рибо, „Психологія чувствованій", введеніе, стр. 2—3.

***) „Современная германская психологія", 259—263. Тотъ же взглядъ, какъ видно изъ этого соч., горячо защищаетъ дарвинистъ—Шнейдеръ. l. c. 268.

„Въ новѣйшее время—говоритъ по поводу Горвича Г. Гефдингъ,—дѣлались попытки видѣть въ чувствованіи первичную форму сознанія, такъ что на низшей ступени сознательная жизнь должна бы являться только жизнью чувства, а другіе элементы развились лишь мало по малу“... „Но это мнѣніе не выдерживаетъ критики прежде всего потому, что воспоминаніе обнаруживается уже тамъ, гдѣ продолжается состояніе удовольствія и неудовольствія, а оно должно продолжаться, чтобы его можно было почувствовать какъ слѣдуетъ; какъ только же наступитъ колебаніе—чувства же по своей интенсивности всегда подвержены колебаніямъ,—то непремѣнно проявится невольное сравненіе. Слѣдовательно, тутъ уже есть элементы познанія... Такъ что познаніе не образуется путемъ какого то generatio aequivoca (самопроизвольнаго зарожденія) изъ совершенно безформенныхъ и слѣпыхъ состояній чувствъ“ *).

Изъ видныхъ психологовъ нашего времени особенно многіе тяготѣютъ къ волюнтаризму. Поэтому намъ придется остановиться на немъ нѣсколько дольше, хотя въ задачу настоящей статьи вовсе не входитъ подробный разборъ всѣхъ этихъ взаимно исключающихся и противоположныхъ направленій. Мы удѣляемъ больше мѣста волюнтаризму лишь какъ теоріи, занимающей болѣе сильную позицію и имѣющей болѣе авторитетныхъ защитниковъ.

Уже цитированный нами Рибо, напримѣръ, сводитъ самыя чувствованія на волю. „Во всѣхъ аффективныхъ проявленіяхъ,—говоритъ онъ,—существуютъ два элемента: двигательныя состоянія или стремленія, которыя являются первичными, и состоянія пріятныя и непріятныя, которыя являются вторичными“. „То, что мы называемъ пріятными или непріятными состояніями, представляетъ лишь внѣшнюю сторону аффективной жизни, внутреннее содержаніе которой составляютъ проявляющіяся въ движеніяхъ стремленія, влеченія, потребности, желанія... Говорятъ, что чувствительность есть способность ощущать удовольствіе и страданіе. Я бы сказалъ: это есть способность стремиться или желать, и *вслѣдствіе этого* (курсивъ подлинника) испытывать удовольствіе или страданіе“. „Пріятныя и непріятныя состоянія суть только признаки или показатели; удовольствія и страданія суть только *послѣдствія*, которыя должны привести насъ къ розысканію и опредѣленію причинъ, таящихся въ области инстинктовъ, подобно тому, какъ симптомы болѣзни указываютъ намъ только существованіе болѣзни, а не ея сущность“... **).

Наиболѣе ярые волюнтаристы доходятъ до того, что съ рас-

*) Геффдингъ, „Очерки психологіи, основанной на опытѣ“, стр. 38. См. также далѣе стр. 39.

**) Рибо, „Психологія чувствованій“, стр. 6—7. Ср. его же—L'hérédité, 1873, p. 116; „Псих. чувств.“ 474—477.

простертыми объятіями встрѣчаютъ даже метафизику Шопенгауэра. Въ самомъ дѣлѣ, психологическій волюнтаризмъ получаетъ прочное общефилософское основаніе въ признаніи „тождества сущности всякой стремящейся и дѣйствующей силы въ природѣ съ волею“ *). Всякій болѣе крайній и послѣдовательный волюнтаристъ, желая поставить волю независимой отъ сознанія, представленія и мысли, долженъ до нельзя расширить смыслъ понятія „воли“, доводя ее до темной области инстинктивныхъ и непроизвольныхъ движеній. Только въ такомъ случаѣ и мысль, и сознательная чувствительность можетъ быть выведена изъ воли, какъ изъ первоисточника. Но что же такое философія Шопенгауэра, какъ не чудовищное расширеніе понятія „воли“? Шопенгауэръ также начинаетъ съ инстинкта, указывая на факты, что „годовалая птица не имѣетъ понятія о яйцахъ, для которыхъ вьетъ гнѣздо... личинка жука-оленя прогрызаетъ въ деревѣ дыру, для своего превращенія, вдвое длиннѣй, когда ей предстоитъ быть самцомъ, чѣмъ когда ей быть самкой, чтобы въ первомъ случаѣ приготовить мѣсто для роговъ, о которыхъ она еще не имѣетъ представленія“. Изъ этихъ-то фактовъ, въ примѣненіи къ которымъ слишкомъ смѣло говорить о такихъ сложныхъ, дифференцированныхъ явленіяхъ духа, какъ умъ, чувство, воля,— Шопенгауэръ выводитъ драгоцѣнное положеніе—палладіумъ волюнтаризма—что „представленіе въ качествѣ мотива не составляетъ необходимаго и существеннаго условія дѣятельности воли“ **).

Шопенгауэръ только съ неумолимой послѣдовательностью идетъ еще дальше, не страшась дѣлать всѣ логическія послѣдствія своихъ мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, если усматривать „волю“ въ инстинтивныхъ движеніяхъ гусеницы, то почему отрицать ее въ движеніяхъ растенія, и даже, наконецъ, въ обыкновеннѣйшихъ физическихъ явленіяхъ? Шопенгауэръ такъ и дѣлаетъ.

Столь же ярый волюнтаристъ, какъ Рибо, философъ-поэтъ Фр. Паульсенъ рѣшительно указываетъ на Шопенгауэра, какъ на „главу“ того направленія въ психологіи, которое разсматриваетъ волю, „какъ первичную и основную сторону душевной жизни, умъ же, напротивъ, какъ вторичное развитіе“ („Введеніе въ философію“, пер. Титовскаго, стр. 116). Новѣйшая психологія, по его мнѣнію, „все болѣе и болѣе приблизилась ко взгляду Шопенгауэра“ (ibid). Ad majorem magistri gloriam Паульсенъ зачисляетъ въ ряды послѣдователей этого послѣдняго даже В. Вундта, который обѣими руками открещивается отъ всякаго родства съ Шопенгауэровской философіей. У Шопенгауэра оказывается „поразительная сила яснаго и глубоко проникающаго со-

*) „Міръ, какъ воля и представленіе“, пер. А. Фета, стр. 132.
**) Ibid., стр. 136.

зерцанія"; вторая часть его труда „Міръ какъ воля" есть „геніальная интуиція".

Роль ума, по мнѣнію Паульсена, „второстепенна въ сравненіи съ волею" (то же соч., 117). „Воля есть первоначальный и въ извѣстномъ смыслѣ постоянный факторъ душевной жизни... Умъ есть вторичный и перемѣнчивый факторъ, присоединяющійся къ волѣ, какъ органъ" (ib., 118—119).

Краснорѣчиво и увлекательно доказываетъ Паульсенъ значеніе и преобладаніе воли. „Воля господствуетъ надъ воспріятіемъ, опредѣляя вниманіе; она дѣлаетъ выборъ между раздраженіями, которыя возбуждаютъ ощущенія и чувства безо всякаго различія; въ сознаніе проникаетъ только то, или главнымъ образомъ то, что стоитъ въ дружественномъ или враждебномъ отношеніи къ нашимъ цѣлямъ и задачамъ. Воля господствуетъ надъ памятью; мы забываемъ то, что насъ болѣе не касается, мы удерживаемъ то, что представляетъ для воли продолжительную важность. Воля господствуетъ надъ ходомъ представленій; наши мысли постоянно тяготѣютъ по направленію къ наличному центру тяжести нашихъ интересовъ; мы думаемъ о томъ, что намъ мило и дорого, или ненавистно и опасно. Воля постоянно вліяетъ на сужденіе, она опредѣляетъ вѣсъ и значеніе вещей и явленій, основаній и доказательствъ.... разъ интересъ или наклонность рѣшили, тотчасъ же находятся основанія, оправдывающія это рѣшеніе... Отсюда ясно, какое рѣшающее вліяніе оказываетъ воля при построеніи всего міросозерцанія..." (ib. 121—122).

Все это цитированное мѣсто очень рельефно рисуетъ важное значеніе воли въ человѣческой жизни. Врядъ ли, однако, оно способно прояснить взглядъ человѣка на природу души, ея структуру и законы ея постепеннаго развитія отъ низшихъ ступеней къ высшимъ. Все это болѣе краснорѣчиво, чѣмъ убѣдительно, болѣе увлекательно, чѣмъ научно.

Итакъ, мы имѣемъ три взаимно другъ друга исключающихъ теоріи, одинаково тяготѣющихъ къ монизму. „Со временъ Канта—говоритъ Гефдингъ *)—дѣлались попытки свести всѣ проявленія сознанія къ одному роду элементовъ. Эти попытки не удались..." Поэтому вполнѣ естественнымъ было появленіе эклектической школы, пытавшейся примирить всѣ эти направленія и смотрѣть на умъ, чувство и волю, какъ на „самостоятельныя, обособленныя части или способности души". Гефдингъ справедливо видитъ въ этой эклектической теоріи худшій видъ психологической метафизики. „Кромѣ разлада, внесеннаго такимъ образомъ въ различныя части или способности душевной жизни,—разлада, опровергаемаго безусловнымъ единствомъ сознательной жизни, безъ котораго нельзя было бы чувствовать и сознавать какъ разъ самыхъ рѣз-

*) „Очерки психологіи, основанной на опытѣ", стр. 90—91.

кихъ противоположностей,—приверженцы этого взгляда не избѣгли иллюзіи, будто свести на различныя „способности“ значитъ объяснить душевныя явленія,—будто, напримѣръ, познаніе и чувствованіе, каждое само по себѣ, легче понять, если принять особую познавательную и особую чувственную способность“ *). Соединяя въ себѣ, такимъ образомъ, недостатки всѣхъ попытокъ свести къ одному изъ трехъ началъ два другихъ, эта теорія не обладала и ихъ достоинствами, потому что вмѣсто единства, монизма, водворяла путаницу „взаимодѣйствія“, не открывая ни генезиса взаимодѣйствующихъ элементовъ, ни законовъ ихъ взаимодѣйствія. Такимъ образомъ, теорія „взаимодѣйствія“ трехъ „факторовъ“, „самостоятельныхъ, хотя и не независимыхъ“, сводилась просто къ безсодержательному эклектизму. Но именно поэтому она и стала ходячимъ представленіемъ, именно поэтому она и вошла въ школьные учебники. Тройственное дѣленіе способностей духа сдѣлалось традиціоннымъ.

Однако, психологическая мысль не могла надолго застыть на этой „золотой серединѣ“, съ которою такъ легко примирилась академическая схоластика. Первые удары ей были нанесены съ той стороны, откуда трудно было ожидать. Явились психологи, недовольные именно *трехчастнымъ* дѣленіемъ способностей души.

Съ одной стороны, выступилъ проектъ новаго, *четырехчастнаго* дѣленія. У насъ сторонникомъ его выступалъ г. Н. Гротъ, доказывавшій, что въ общее понятіе „воли“ психологія включаетъ слишкомъ разнородные элементы—вмѣстѣ съ сознательною волею, нераздѣльной съ выборомъ, сравненіемъ, и слѣпыя органическія побужденія. По мнѣнію г. Грота, послѣднія представляютъ особый элементъ, нуждающійся въ особой рубрикѣ. Въ подтвержденіе этой мысли онъ ссылался изъ иностранныхъ психологовъ на Шнейдера, выдѣлявшаго изъ общей совокупности психическихъ явленій животную волю—der thierische Wille.

Съ другой стороны, явились сторонники только двухчастнаго дѣленія. Изъ чистыхъ психологовъ спеціалистовъ мы сюда отнесемъ Вундта, изъ философовъ Л. Уорда.

Л. Уордъ не спеціалистъ въ психологіи. Этимъ отчасти слѣдуетъ объяснить нѣкоторую туманность и спутанность его воззрѣній на различныя стороны духа. Онъ то тяготѣетъ къ Шопенгауэру съ его „приматомъ воли **) то, какъ истый сенсуалистъ, утверждаетъ, что „двигательный импульсъ слѣдуетъ за чувственнымъ впечатлѣніемъ, какъ слѣдствіе за причиной“ ***). Впрочемъ

*) I. c. 89—90.

**) См. отзывы Уорда о Шопенгауэрѣ въ „Психич. факторахъ цивилизаціи“, стр. 50, 52, 79, 81.

***) I. c. 27. Ср. также 30. Въ этихъ мѣстахъ Уордъ, по нашей терминологіи, является сенсуалистомъ.

онъ не видитъ существенной разницы между чувствованіемъ и волею, относя ту и другую въ сферу „субъективной психологіи", въ противоположность воспріятіямъ внѣшняго міра, представленіямъ, понятіямъ, умозаключеніемъ, составляющимъ область „объективной психологіи". Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія „двойственной природы" духа: пассивной, воспринимающей, и активной, реагирующей. Къ послѣдней относятся волевые акты наравнѣ съ чувствительными: они едино суть. „Каждая эмоція принадлежитъ къ этой способности и является частью могучаго потока страсти, двигающаго корабль чувствующей жизни... Съ одной стороны, мы имѣемъ приманки, очарованія, обольщенія и увлеченія, надежды, стремленія и мечты; съ другой стороны — страхъ, ужасъ, отвращеніе, ненависть, зависть, соперничество, ревность, злобу, ярость, бѣшенство и отчаяніе. Въ этомъ направленіи мы видимъ горе, заботу, грусть, раскаяніе, угрызеніе, являющіяся выраженіемъ недостигнутаго, неудавшагося или безвозвратно утраченнаго... Эти чувствительныя явленія духа такъ сложны и измѣнчивы, что неудивительно, если общая связь между ними обыкновенно теряется изъ виду и поэтому игнорируется общая истина, что всѣ они представляютъ собою одно явленіе" *). Л. Уордъ даже изобрѣтаетъ для него новый терминъ—„конація", „конативная способность" (лат. conatio).

Еще далѣе пошелъ Вундтъ, котораго обыкновенно ошибочно причисляютъ къ волюнтаристамъ. Правда, онъ такъ самъ себя называетъ, но не трудно убѣдиться, что онъ подъ волюнтаризмомъ разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ Рибо и Паульсенъ. Тогда какъ послѣдніе чувствуютъ большую слабость къ Шопенгауэру, Вундтъ дѣлаетъ прежде всего весьма характерную оговорку: „если то строго-эмпирическое направленіе, принципы котораго излагаются мною, можно назвать „волюнтаристическимъ", то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что этотъ психологическій волюнтаризмъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ какимъ бы то ни было метафизическимъ ученіемъ о волѣ,—въ частности, съ одностороннимъ метафизическимъ волюнтаризмомъ Шопенгауэра" **). И въ другомъ мѣстѣ: „волюнтаристическая психологія ни въ коемъ случаѣ не считаетъ волю единственной реальной формой психической дѣятельности. Она утверждаетъ только, что *воля и тѣсно связанныя съ ней чувствованія и аффекты* представляютъ *столь же необходимую* составную часть психологическаго опыта, какъ ощущенія и представленія" ***). Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ онъ еще разъ характеризуетъ свой „волюнтаризмъ", какъ „на-

---

*) l. c.. 44. Мимоходомъ замѣтимъ, что и Паульсенъ тоже сторонникъ двухчастнаго дѣленія.

**) „Очеркъ психологіи", пер. Г. А. Паперна, стр. 11.

***) l c., 9.

правленіе, разсматривающее субъективныя движенія, какъ процессы, *равноправные* съ представленіями".

До сихъ поръ мы видимъ только то, что уже видѣли у Л. Уорда: соединеніе въ одну рубрику „субъективныхъ процессовъ духа", взглядъ на волю и чувства, какъ на нѣчто единое, тѣсно связанное между собою. Но далѣе Вундтъ дѣлаетъ крупный шагъ впередъ. Споры о двухчастномъ, трехчастномъ и четырехчастномъ дѣленіи элементовъ души долженъ былъ логически привести къ сознанію условнаго, чисто-отвлеченнаго характера подобныхъ классификацій и разграниченій. Споры эти подкопали правоспособность прежняго взгляда на умъ, чувство и волю, какъ на какіе-то самостоятельные „способности", „силы" или „факторы". И вотъ, раздѣливъ элементы психическаго опыта, элементы духа на субъективные и объективные, Вундтъ говоритъ: „мы заранѣе оговариваемся, что всякій объектъ психическаго опыта содержитъ въ себѣ одновременно факторы объективные и субъективные, причемъ *реально они никогда не могутъ являться въ качествѣ раздѣльныхъ процессовъ, и различать ихъ можно только въ абстракціи*. Въ самомъ дѣлѣ, непосредственный опытъ показываетъ, что одинаково невозможно существованіе представленій, не возбуждающихъ въ насъ чувствованій и побужденій различной силы, какъ невозможно существованіе чувствованій и волевыхъ процессовъ, не связанныхъ съ представленіями о внѣшнихъ предметахъ" (Очеркъ психологіи, стр. 10).

Болѣе подробное и рѣшительное развитіе этого взгляда находимъ у Гефдинга, вліяніе котораго на Вундта въ этомъ пунктѣ очевидно.

„Не всегда былъ ясенъ, пишетъ Гефдингъ,—отвлеченный характеръ психологическихъ подраздѣленій и понятій... Упускался изъ виду—какъ это все еще дѣлается сплошь и рядомъ—чисто абстрактный характеръ такихъ разграниченій. Они указываютъ только на существованіе извѣстныхъ различій между извѣстными состояніями сознанія, но это это не даетъ права заключить каждое изъ нихъ въ особую рубрику. Прежде всего надобно изслѣдовать, не находятся ли одни и тѣ же элементы во всѣхъ дѣйствительныхъ состояніяхъ сознанія, такъ что различія основываются лишь на преобладаніи извѣстныхъ элементовъ и на подчиненномъ значеніи другихъ. Итакъ, собственно говоря, группируются и подраздѣляются не сами явленія сознанія, или состоянія его, а элементы, которые мы находимъ въ нихъ, причемъ подъ *психологическими элементами* (курс. подлинника) мы понимаемъ *различныя стороны* (курсивъ нашъ) или свойства состояній сознанія или явленій его. Обособляя познаваніе и чувствованіе, мы имѣемъ въ виду только состоянія съ преобладающими элементами представленія въ противоположность состояніямъ съ преобладающими элементами чувствованія... Только этотъ взглядъ и выдерживаетъ

критику, такъ какъ *нельзя указать ни на одно состояніе, которое всецѣло было бы или чистымъ представленіемъ, или чувствованіемъ, или хотѣніемъ" *).*

Гефдингъ посвящаетъ много мѣста подробному развитію этой послѣдней мысли въ примѣненіи къ каждой изъ сторонъ человѣческаго духа въ отдѣльности. „Нѣтъ познанія безъ чувства", „нѣтъ познанія безъ воли", „нѣтъ чувства безъ познанія" и т. д.—таковы подзаголовки цѣлаго ряда параграфовъ его интересной книги. Къ ней мы и отсылаемъ всѣхъ, интересующихся подробностями этого важнаго положенія эмпирической психологіи.

Чтобы кончить нашъ бѣглый обзоръ историческихъ судебъ монистическаго принципа въ психологіи (собственно лишь въ той ея части, которая трактуетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между различными элементами духа), скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ новомъ свѣтѣ представляетъ точка зрѣнія Гефдинга исторію развитія психической жизни.

Разсматривая психическую жизнь въ статическомъ состояніи на высшихъ ступеняхъ ея развитія, можно, по мнѣнію Гефдинга, вполнѣ удовлетвориться трехчастнымъ дѣленіемъ способностей духа. Въ познаніи (ощущенія, представленія, мысли) человѣкъ является по отношенію къ міру, какъ пассивно-воспринимающее существо; въ актѣ воли—какъ активно-реагирующее; чувство представляетъ собою средній, промежуточный членъ, мостъ между этими двумя, противоположными по характеру, движеніями духа,—освѣщая, такъ сказать, извнутри потокъ ощущеній и представленій (какъ чисто-субъективное начало).

Но „хотя такимъ образомъ мы вправѣ при психологическомъ изслѣдованіи брать за основаніе трехчастное дѣленіе, но отсюда однако, не слѣдуетъ, что его нужно считать первичнымъ фактомъ. Въ нашей характеристикѣ сознательной жизни мы принимаемъ ее такъ, какъ она является на высшей ступени развитія, гдѣ она достигла извѣстной отчетливой формы. Мы не имѣемъ никакого права предполагать, чтобы тройственность элементовъ такъ же ясно выступала на низшихъ ступеняхъ развитія. Напротивъ, одинъ изъ общихъ законовъ развитія—тотъ, что неопредѣленное и однородное предшествуетъ опредѣленному и разнородному (законъ дифференціаціи). Такъ, напр., зародышъ организма представляетъ однообразную массу, гдѣ еще нельзя различить опредѣленнаго строенія. Если сознательная жизнь слѣдуетъ общимъ законамъ жизни и развитія, то мы должны ожидать, что три различныхъ рода элементовъ выступаютъ на низшихъ ступеняхъ не такъ отчетливо, какъ на высшихъ" **).

Запомнимъ это хорошенько.

---

*) Гефдингъ, „Очерки психологіи, основанной на опытѣ", стр. 90.

**) Гефдингъ, цит. соч., стр. 91—92. Паульсенъ былъ на порогѣ къ вѣрному рѣшенію, говоря, что, „отдѣленіе другъ отъ друга чувствованія

II.

Прежде всего умъ человѣческій началъ различать разныя свойства или стороны состояній сознанія. Но при этомъ онъ еще не разглядѣлъ, что эти стороны вовсе не самостоятельные, независимые другъ отъ друга и лишь совмѣстно дѣйствующіе процессы; что это лишь необходимые составные элементы каждаго состоянія сознанія и каждаго душевнаго движенія, расчленяемые лишь мысленно, въ абстракціи. Человѣческому уму вообще свойственно обманываться абстракціями и принимать ихъ за нѣчто реальное, совершенно позабывъ о томъ умственномъ процессѣ, который призвалъ ихъ къ жизни, и внѣ котораго онѣ—чистое ничто, безсодержательныя условности.

Изслѣдуя вещи и процессы съ разныхъ сторонъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія, мы открываемъ въ нихъ разныя свойства. Эти свойства мы обозначаемъ именами существительными, дѣлаемъ ихъ объектами, относимъ къ нимъ, какъ къ реальностямъ, разныя взаимоотношенія и постепенно, незамѣтно привыкаемъ приписывать имъ извѣстную самостоятельность.

Но такъ какъ всякій процессъ многосторонен, то, обособляя различныя его стороны, мы, въ сущности, дробимъ его, вносимъ въ него нѣкоторый разладъ, дисгармонію. Отсюда рождается проблема: привести къ одному знаменателю разнородные элементы процесса, найти ихъ связующую нить, словомъ—выработать цѣлостный, монистическій взглядъ.

И вотъ умъ человѣческій поочередно цѣпляется то за одинъ, то за другой элементъ, принимая его за основной факторъ и группируя возлѣ него остальные, какъ вторичные или производные.

Такимъ образомъ, различныя стороны процесса или свойства отдѣльныхъ его моментовъ, состояній преображаются въ самостоятельные факторы, источники процесса, его производящія силы.

Психологическій процессъ облеченія пустыхъ абстракцій въ жизненную плоть и кровь весьма удачно анализированъ Тэномъ въ его книгѣ „Объ умѣ и познаніи". Въ цѣломъ рядѣ примѣровъ, начиная съ самыхъ элементарнѣйшихъ, онъ показываетъ, какъ изъ нростыхъ свойствъ и соотношеній вещей „мы дѣлаемъ, по нѣкоторой фикціи ума, субстанціи". Цѣпляясь за какую нибудь сторону, за ту или другую особенность факта или процесса, „мы называемъ ее именемъ существительнымъ, силою или способностью; мы приписываемъ ей качества, говоримъ, что она бы-

---

и хотѣнія представляетъ собой невозможную вещь. Только на высшей ступени развитія... происходитъ въ извѣстной степени отдѣленіе чувства отъ воли". Ему слѣдовало бы сдѣлать еще одинъ шагъ и признать такую же невозможность отдѣлить чувство и волю отъ ума.

ваетъ больше или меньше, употребляемъ ее въ разговорѣ, какъ подлежащее; мы забываемъ, что ея бытіе чисто словесное, что она получила его отъ насъ, что она обладаетъ имъ по заимствованію, временно, для удобства рѣчи и сама въ себѣ она есть лишь отношеніе, свойство... Обманутые языкомъ и привычкою, мы допускаемъ, что тутъ есть нѣкоторая реальная вещь, и, попавъ на ложную дорогу, увеличиваемъ на каждомъ шагу нашу ошибку". Эта мнимая реальность все ростетъ и ростетъ въ нашихъ глазахъ, превращаясь въ причину всякаго факта, всякаго событія. Въ самомъ дѣлѣ, „она пребываетъ, тогда какъ оно проходитъ; сколько бы оно ни повторялось и ни измѣнялось, она все одна и та же; ее можно сравнить съ неистощимымъ источникомъ, котораго событіе есть волна. Такимъ образомъ на нее смотрятъ, какъ на сущность высшаго разряда, стоящую выше фактовъ... По этому образцу философы населяютъ міръ подобными сущностями. Между тѣмъ сама въ себѣ она есть ничто иное, какъ призракъ, свойство, особенность даннаго факта... Особенность, отдѣленная отъ него отвлеченіемъ, обособленная фикціею, удерживаемая въ состояніи особаго существа—особымъ существительнымъ именемъ..."

Еще глубже изслѣдуетъ этотъ вопросъ Зиммель въ своей книгѣ о „проблемахъ философіи исторіи". Онъ констатируетъ фактъ, что „именно высочайшія абстракціи, полученныя изъ сложнѣйшихъ явленій, изъ впечатлѣній, исходящихъ отъ внѣшняго соприкосновенія съ вещами—каковыя впечатлѣнія разлагать учитъ лишь эмпирическая наука—именно онѣ кажутся глубочайшимъ первоисточникомъ дѣйствительности, лежащимъ наиболѣе далеко отъ внѣшней поверхности этихъ вещей". Затѣмъ онъ приводитъ „нѣкоторыя психологическія основанія, которыя могутъ дать поводъ къ такому самообману". Болѣе абстрактныя и общія свойства вещей сознаніе постигаетъ позже, чѣмъ ихъ конкретныя, непосредственно-чувственныя свойства. Но именно поэтому конкретное, индивидуальное и кажется внѣшнимъ, поверхностнымъ,—тогда какъ общее и абстрактное—внутреннимъ, глубоко лежащимъ и потому наиболѣе существеннымъ. Аналогія быстро переходитъ къ тому, что эмпирическую дѣйствительность принимаетъ за мертвую матерію, абстрактныя же ея свойства—за внутреннюю, оживотворяющую душу реальнаго процесса. Такимъ образомъ метафизическое мышленіе, путемъ простого синтеза, обобщенія непосредственныхъ, конкретныхъ свойствъ явленій „получаетъ значеніе таинственнаго проникновенія въ сущность вещей" *).

Въ спорахъ о природѣ и развитіи душевной жизни мы уже имѣли яркую иллюстрацію словъ Тэна и Зиммеля. Другую иллю-

*) Зиммель, „Проблемы философіи исторіи", стр. 74—75.

страцію мы увидимъ въ спорахъ о сущности историческаго процесса.

Историческій процессъ такъ многосторонен и такъ многосложенъ, что прежде выработки цѣлостнаго взгляда на него, какъ на опредѣленный механизмъ, должны были появиться частичныя, спеціальныя изслѣдованія той или иной стороны его. Стремясь разомъ охватить цѣлое, разомъ получить *все*, умъ рискуетъ не добиться ничего. Наблюденіе довольно скоро открыло во всѣхъ общественныхъ явленіяхъ, состояніяхъ и перемѣнахъ различные составные элементы, причемъ почти во всѣхъ явленіяхъ замѣчались одни и тѣ же элементы, но въ разныхъ, такъ сказать, пропорціяхъ. Въ историческихъ явленіяхъ стали различать интеллектуальный, матеріальный и правовой — политико-юридическій прогрессъ. Интеллектуальный прогрессъ, въ свою очередь, распался для изслѣдователей на умственный и нравственный, матеріальный—на ростъ техники и развитіе формъ производства, правовой—на собственно политическій, государственный и чистогражданскій, юридическій и т. д., и т. д.

Эта спеціализація была не только полезна, но она была неизбѣжна, необходима—хотя она же повела и къ цѣлому ряду иллюзій. Она положила начало ложному взгляду, будто эволюція каждаго или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ историческаго процесса можетъ быть объяснена самостоятельно, сама изъ себя; но она же, и только она, дала возможность поставить болѣе общій вопросъ: какъ построить, какъ понять исторію въ качествѣ единаго, цѣлостнаго механизма?

Еще Бокль замѣтилъ, что „печальная особенность исторіи человѣка заключается въ томъ, что хотя ея опредѣленныя части разсмотрѣны съ значительнымъ умѣніемъ, но едва ли кто пытался слить ихъ въ одно цѣлое и привести въ извѣстность существующую между ними связь“. Изъ новѣйшихъ авторовъ П. Николаевъ („Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ“) заявляетъ, что „въ современныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ эволюціи права, этики, экономики и пр. стоятъ отдѣльно, и неизвѣстно, существуетъ ли какая *общая* имъ причина, связывающая ихъ въ одну цѣлую систему, настолько же цѣлую, насколько цѣлостенъ субстратъ всѣхъ этихъ функцій человѣческаго общества—человѣкъ. Вѣдь право, мораль, экономика и пр.—не право, мораль и экономика an und für sich, а право, мораль, экономика человѣка“.

Однако, попытокъ слить въ одно цѣлое эволюціи различныхъ сторонъ человѣческаго общежитія было не мало. При этомъ, за немногими исключеніями, всѣ онѣ носили одинъ и тотъ же характеръ. Каждая попытка научнаго построенія исторіи принимала за центральный пунктъ развитіе какой либо одной изъ его сторонъ, группируя вокругъ нея всѣ остальныя, какъ вторич-

ныя, производныя. Такимъ образомъ, одна изъ сторонъ историческаго процесса принималась за „основу“ цѣлаго; начало, зарожденіе всѣхъ болѣе крупныхъ историческихъ перемѣнъ предполагалось непремѣнно въ ея области; что же касается до перемѣнъ во всѣхъ др. областяхъ, то имъ приписывалось лишь значеніе симптомовъ, которые лишь указываютъ на существованіе болѣе глубоко кроющихся измѣненій, но сами не играютъ существеннаго значенія въ ходѣ процесса.

Такимъ образомъ, различныя стороны историческаго процесса обособлялись, противопоставлялись другъ другу, превращались въ самостоятельные „факторы“, въ абстрактныя „основы“ и „сущности“ историческаго процесса.

При этомъ невольно припоминается мѣткое замѣчаніе Алоиза Риля (автора книги о „философскомъ критицизмѣ“): „Такъ какъ *сущность* явленій зависитъ отъ того принципа, который мы кладемъ въ основаніе своей классификаціи, то намъ сдѣлается вполнѣ понятнымъ возникновеніе многихъ метафизическихъ системъ, принимавшихъ сущность за нѣчто, существующее внѣ насъ (слѣд. реализировавшихъ пустыя абстракціи). Что именно получало названіе сущности—это оказывалось вполнѣ зависящимъ отъ того, какая наука занимала первенствующее мѣсто въ общественномъ мозгу“.

Такъ, вполнѣ понятно происхожденіе знаменитой гегелевской системы въ Германіи, въ эпоху общественной реакціи, когда уставшіе отъ политическаго возбужденія умы удалились въ холодныя и спокойныя заоблачныя сферы отвлеченной мысли, чтобы облечь въ пышное и красивое одѣяніе самое неприглядное и прозаическое примиреніе съ пошлой и гнусной „дѣйствительностью“. Расцвѣтъ метафизики, надолго упрочившій за Германіей имя „страны философіи“, и поглощеніе ею сильнѣйшихъ умовъ эпохи было знаменіемъ времени. Въ общественномъ мнѣніи чашка вѣсовъ такъ сильно была наклонена въ пользу философіи, что естественно было появленіе теорій, видѣвшихъ существеннѣйшую сторону всего историческаго процесса въ развитіи философскихъ идей и системъ... И вотъ, пытаясь охватить въ одной общей формулѣ природу и исторію, ученіе Гегеля видѣло во всемъ проявленіе одной пантеистической „идеи“, одного пантеистическаго „Разума“, открывающаго себя людямъ, при благосклонномъ содѣйствіи Божіею милостью короля прусскаго, покровителя благомыслящихъ и благонамѣренныхъ философовъ, чуждыхъ крайностей и увлеченій революціонно-утопическаго характера.

Извѣстно, однако, какъ громадно было значеніе этого монистическаго взгляда на природу и исторію, какъ на непрерывную цѣпь причинно связанныхъ фактовъ, какъ на одинъ цѣлостный „процессъ развитія“,—хотя механизмъ этого процесса и усматривался въ діалектикѣ понятій. Извѣстно, какой неизгладимый

слѣдъ положила Гегелевская философія на складъ ума людей, даже освободившихся отъ полнаго подчиненія ей. Такъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ лѣвыхъ гегельянцевъ, создавъ вполнѣ реалистическую, даже почти матеріалистическую концепцію историческаго процесса (Ф. Лассаль—„Идея рабочаго сословія въ ея связи съ современнымъ историческихъ періодомъ"), въ заключеніе рядитъ свое дѣтище въ идеалистическое одѣяніе, въ тогу гегелевской терминологіи, такъ рекомендуя свой трудъ: „Это—развитіе объективнаго разумнаго процесса мысли, болѣе тысячи лѣтъ лежащаго въ основаніи европейской исторіи; разоблаченіе внутренней души, присущей исторической дѣйствительности, повидимому, лишь фактической, лишь эмпирической; души, которая своею движущею и производящею силою развила эту дѣйствительность *изъ себя* (sic). Это—глубоко развитое доказательство того, что исторія—ничто иное, какъ непрестанный прогрессъ разума и свободы, совершающійся по внутренней необходимости подъ покровомъ явленій, повидимому, чисто случайныхъ и матеріальныхъ".

„Я провожу передъ читателемъ три великіе міровые періода, показывая, что каждый изъ нихъ основанъ на внутренней идеѣ, владычествующей надъ всѣми его областями, какъ бы далеко онѣ ни лежали другъ отъ друга, надъ всѣми его явленіями, какъ бы они ни были разнообразны и разсѣяны; я показалъ, кромѣ того, что каждый предшествующій изъ этихъ періодовъ есть лишь необходимое подготовленіе слѣдующаго, каждый слѣдующій—лишь собственное имманентное развитіе, логическое слѣдствіе и исполненіе предыдущаго, такъ что всѣ три составляютъ другъ съ другомъ высшее единство и разумную необходимость".

Эти слова представляютъ собой сжатую и рельефную характеристику гегельянской „философіи исторіи".

Не одна гегельянская школа, однако, видѣла „внутреннюю душу" исторіи, развивающую „изъ себя" все и вся, въ ростѣ идей. То же слово, только иначе молвила школа Огюста Конта.

„Не смотря на связь между элементами нашего развитія—полагаетъ О. Контъ—одинъ изъ нихъ долженъ играть *преобладающую* роль, онъ долженъ давать другимъ *первоначальный* толчекъ и, въ свою очередь, двигаться впередъ подъ вліяніемъ ихъ развитія. Намъ нужно опредѣлить этотъ преобладающій элементъ, который долженъ стоять во главѣ изложенія динамики. Опредѣленіе его не можетъ представлять никакого затрудненія (sic): нужно найти такой соціальный элементъ, развитіе котораго *могло бы быть довольно хорошо понято помимо развитія другихъ элементовъ,* не смотря на ихъ связь между собою; теорія же этого элемента *неизбѣжно должна входить* въ изслѣдованіе развитія всѣхъ остальныхъ элементовъ соціальной жизни. Основываясь на этомъ отличительномъ признакѣ, умственную эволюцію слѣдуетъ

безъ колебанія поставить на первомъ планѣ, какъ *основу* всего развитія человѣчества“ (курсивъ вездѣ нашъ).

Итакъ, передъ Ог. Контомъ стояла ближайшая задача—дать такую теорію умственнаго развитія, которая бы не считалась съ развитіемъ другихъ сторонъ человѣческаго общества и представляла ростъ идей, какъ нѣчто, замкнутое въ себѣ, саморазвивающееся, самодовлѣющее. Умственное развитіе должно быть понято само изъ себя или изъ внутренней „природы“ человѣческаго ума, чтобы служить „въ послѣднемъ счетѣ“ объясняющимъ принципомъ всякаго общественнаго развитія. Контъ и нашелъ, что „человѣческій умъ *въ силу своей природы*... послѣдовательно пользуется тремя философскими методами... сначала теологическимъ, затѣмъ метафизическимъ и, наконецъ, положительнымъ. Отсюда являются три рода философіи или три системы общихъ теорій о всей совокупности явленій, исключающія другъ друга; первая служитъ необходимою исходною точкою для человѣческаго ума, третья представляетъ окончательное, вполнѣ установившееся состояніе его, вторая служитъ лишь переходною ступенью“ (вступительная лекція въ курсъ позитивной философіи). Эта „исторія человѣческаго духа“ и стоитъ „во главѣ исторіи общества“.

Теологическій духъ, переходный метафизическій духъ, положительный духъ—вотъ философія умственнаго развитія человѣчества, на которомъ зиждутся соотвѣтственныя надстройки: теократическо-военный режимъ, переходящій въ монархизмъ; переходный моментъ „революціонной метафизики“ и демократическаго режима; послѣдняя, положительная, индустріальная стадія. Умственное развитіе—фундаментъ, основа, на которой въ послѣднемъ счетѣ опираются всѣ соціальныя явленія, учрежденія и реформы. Умственное развитіе замкнуто само въ себѣ: основной ходъ его непосредственно вытекаетъ изъ природы человѣческаго ума. Это—настоящее „саморазвитіе“, развитіе на основаніи внутренно-присущихъ или имманентныхъ законовъ.

Системы Гегеля и Конта представляютъ яркій примѣръ попытки вывести всю исторію изъ одного начала, объяснить ее всю, исходя изъ одного простого принципа. Все разнообразіе историческихъ явленій, весь этотъ пестрый калейдоскопъ событій сводились къ единству. Былъ найденъ, такъ сказать, общій знаменатель для всѣхъ событій исторической жизни человѣчества. Воздвигалась стройная теорія, подкупающая своей послѣдовательностью и симметричностью.

Ахиллесовой пятой теоріи оставался вопросъ о „саморазвитіи“ умственнаго элемента въ историческомъ процессѣ. Безусловная независимость и самобытность развитія разума особенно плохо гармонировала съ духомъ позитивной философіи, которая ниспровергала всѣ сущности и саморазвитія.

„Считать разумъ движущей силой всемірной исторіи и объяс-

нять его развитіе какими то особыми, ему самому присущими внутренними свойствами—значитъ превращать его въ нѣчто безусловное, или, другими словами, воскрешать снова ту самую абсолютную идею, которую только что объявили похороненной навѣки", справедливо говоритъ г. Бельтовъ, авторъ книги о „монистическомъ взглядѣ на исторію".

Въ томъ же духѣ высказывается его философскій единомышленникъ, г. П. Струве: „такимъ образомъ идеи *гипостазировались* въ исторіи, т. е. имъ приписывалось самостоятельное, независимое отъ внѣшнихъ событій и процессовъ бытіе".

Ошибка указана вѣрно; но слѣдуетъ ли изъ этого, что дѣло пойдетъ иначе, если на мѣсто саморазвитія идей мы поставимъ, въ качествѣ опять-таки „послѣдняго объясняющаго принципа", „единаго начала, изъ котораго объясняется весь историческій процессъ„—развитіе какой либо другой изъ сторонъ общественной жизни, напр., права или экономики? Въ чемъ ошибка—въ томъ ли, что неудачно выбранъ соціальный элементъ, которому приписана преобладающая роль, или въ самой постановкѣ вопроса, въ самомъ исканіи такого элемента, развитіе котораго было бы понятно само изъ себя и теорія котораго неминуемо должна бы войти въ объясненіе соціальныхъ метаморфозъ всякаго иного порядка?

III.

Въ своей книгѣ „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи" проф. С. Муромцевъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ воззрѣнія исторической школы. Для насъ больше всего интереса представляетъ тотъ упрекъ его этой школѣ, согласно которому она повинна въ не меньшей „гипостазировкѣ" своихъ наиболѣе общихъ понятій, чѣмъ мы видѣли у школъ Гегеля и Конта. Подобно тому, какъ эти школы приписывали абсолютную самобытность и независимость процессу умственнаго развитія человѣчества, превращая его такимъ образомъ въ саморазвивающееся, замкнутое въ себѣ цѣлое—такъ и развитіе права превращалось у юристовъ исторической школы въ обособленный, зависящій лишь отъ собственныхъ внутреннихъ законовъ развитія процессъ. Этотъ пріемъ г. Муромцевъ называетъ „объективированіемъ" отвлеченныхъ категорій, не имѣющихъ самостоятельнаго существованія, независимо отъ всей совокупности процессовъ жизни и развитія человѣческаго общества.

„Объективизмъ или объективированье,—говоритъ онъ,—есть ничто иное, какъ наклонность приписывать нѣкоторымъ образомъ самостоятельное существованіе тому, что является лишь продуктомъ умственной и нравственной дѣятельности людей". Поводомъ къ такому объективированію можетъ служить тотъ

фактъ, что развитіе и дѣятельность общественнаго союза не можетъ быть сведена на сумму дѣятельностей членовъ его, отдѣльно взятыхъ, что сила каждаго лица, вступившаго въ союзъ, своеобразно увеличивается вслѣдствіе соединенія съ силами другихъ лицъ" *). „Но понятый и выраженный неправильно, онъ (этотъ фактъ) удаляетъ образованіе права какъ бы въ область внѣ-человѣческую; образуясь и развиваясь для людей, оно не создается ими". „Развитіе понималось такъ, какъ будто оно необходимо предполагаетъ, что въ развивающемся существуетъ *внутреннее* стремленіе стать чѣмъ-то высокимъ". „Извѣстная метафора сравнивала развитіе права съ развитіемъ зерна, которое будто-бы, *само собою* превращается въ широкоствольное дерево. Какъ будто бы дерево не обязано своимъ происхожденіемъ столько же окружающей его средѣ, сколько и зерну! Не замѣчали, что *развитіе опредѣляется во всѣхъ случаяхъ взаимодѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ* (Спенсеръ). И какъ дерево происходитъ столько же изъ зерна, сколько изъ окружающихъ его газовъ, воды и элементовъ почвы,—такъ и любой правовой институтъ развивается не самъ собою, но чрезъ взаимодѣйствіе многихъ факторовъ, изъ которыхъ главные надо искать внѣ области права..."

Любопытно отмѣтить, что характерной чертой для этихъ „объективистовъ" юриспруденціи является любовь къ фигуральнымъ выраженіямъ, злоупотребленіе аналогіями и метафорами. И это не случайность. Образный языкъ отлично прикрываетъ характеръ тѣхъ категорій, которыми приходится оперировать, и облегчаетъ употребленіе ихъ въ качествѣ реальностей, которымъ затѣмъ уже немудрено приписать цѣлый рядъ самыхъ активныхъ свойствъ, вліяній и функцій. „Всѣ частныя руководящія понятія исторической школы, какъ напр., „общенародное правовое убѣжденіе", „народный духъ", „правовой организмъ", „органическое развитіе права", были, говоритъ г. Муромцевъ, по большей части фигуральными выраженіями, которыя неизбѣжно должны были внести туманъ въ область реальнаго процесса образованія права. Было легко создавать дѣйствительность путемъ аналогій, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать ее тщательно и подробно".

Тоже самое видимъ мы нынѣ въ исторической концепціи послѣдователей „историческаго матеріализма". Легко и просто, внѣ времени и пространства, безъ отношенія къ конкретнымъ условіямъ каждаго отдѣльнаго случая, рѣшаются съ новой точки зрѣнія самые сложные и запутанные практическіе вопросы соціологіи и политики. Говоря словами г. Муромцева, конечно, легче „строить дѣйствительность путемъ аналогій",

*) С. Муромцевъ, „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи", стр. 8.

чѣмъ „изслѣдовать ее тщательно и подробно“. За то стройность, съ которой выкручивается изъ головы вся эта система, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Туманный метафизическій языкъ удачно скрадываетъ всѣ пробѣлы теоріи, красиво драпируя ее въ терминологію настолько общаго характера, что возражать противъ подобной аргументаціи становится крайне трудно: она не поддается точному анализу. Можно только послать ей самый общій упрекъ въ безсодержательномъ фразерствѣ, и припомнить классическую фразу Гете, что „слова“ всегда выручаютъ тамъ, гдѣ обнаруживается недостатокъ въ понятіяхъ.

Современные экономическіе матеріалисты въ большей или меньшей степени подверглись вліянію критической философіи,— даже тѣ, которые объявляютъ философскій критицизмъ метафизической отрыжкой нашего матеріалистическаго вѣка. Поэтому ихъ душевное равновѣсіе нарушено, ихъ разъѣдаютъ внутреннія противорѣчія. „Ахъ, двѣ души живутъ въ моей груди, и одна хочетъ разлучиться съ другой“. Съ одной стороны, они—рабы, невольники своего направленія. Ихъ теоретическій долгъ—доказывать, что только перемѣны, происходящія въ области экономики, имѣютъ для хода историческаго процесса существенное значеніе всѣ же остальныя перемѣны имѣютъ только значеніе симптоматическое. Имъ нужно доказывать, что явленія изъ области умственной, политической, юридической эволюціи имѣютъ характеръ вторичный, производный, тогда какъ экономическія явленія „первичны“. Имъ нужно вырвать экономическую эволюцію изъ ея органической связи съ другими, объяснить ее „изъ самой себя“, доказать ея независимость, ея „саморазвитіе“. Но для этого—съ другой стороны—нужно „гипостазировать абстракціи“, говоря словами г. П. Струве, или, употребляя терминологію г. Бельтова, „воскрешать абсолютъ“, объясняя развитіе „экономики“ „какими-то особыми, ей самой присущими внутренними свойствами“.

Въ итогѣ получается слѣдующее. Пока мысль у экономическаго матеріалиста не прячется въ метафоры и аналогіи, онъ говоритъ цѣлый рядъ истинъ, подтачивающихъ въ корнѣ всю стройность и цѣльность его міросозерцанія. Но это затѣмъ нисколько не мѣшаетъ ему опять забраться въ безбрежное море реализованныхъ абстракцій и лѣвою рукою воздвигать вновь то, что разрушила правая.

Приведемъ примѣры. Возьмемъ сначала г. Струве,—автора, который пробовалъ обосновать экономическій матеріализмъ на прочномъ фундаментѣ критической философіи *). По его мнѣнію, экономическій матеріализмъ есть ничто иное, какъ „смѣлая попытка *изъ одного начала* (курсивъ нашъ) объяснить весь истори-

*) Попытка эта была уже мною разобрана довольно подробно: см. ст. „Экономическій матеріализмъ и критическая философія“ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, кн. 39.

ческій процессъ". Въ чемъ же заключается это историческое „начало всѣхъ началъ"? Пока г. Струве пребываетъ въ области метафоръ и аналогій, отвѣтъ не труденъ. Онъ дается цитатой изъ Энгельса, что „въ послѣднемъ счетѣ" (матеріалистическій способъ обозначенія „конечныхъ причинъ" старой метафизики) все сводится на „экономическую структуру". Но какъ только мы перейдемъ къ анализу этихъ терминовъ—картина мѣняется. „Возьмемъ понятіе *товарное производство*", читаемъ мы на стр. 45 книги г. Струве: это—весьма богатый содержаніемъ комплексъ представленій. Оперируя съ этимъ понятіямъ, мы пользуемся, какъ апріорными, цѣлымъ рядомъ психологическихъ предпосылокъ. Товарное производство *не является какимъ-то внѣшнимъ факторомъ*, опредѣляющимъ дѣйствія людей: это опредѣленная форма удовлетворенія человѣческихъ потребностей, *предполагающая существованіе* извѣстныхъ правовыхъ институтовъ и опредѣленнаго правосознанія. *Это, можно сказать, столько же психологическое, сколько и экономическое понятіе*" (курсивъ вездѣ нашъ).

Итакъ, съ одной стороны, экономическая структура есть „основа", „фундаментъ" или „базисъ" на которомъ зиждутся психологическія, юридическія и иныя „надстройки"; а съ другой стороны оказывается, что „основа" эта имѣетъ столько же психологическій, сколько и экономическій характеръ... „Въ послѣднемъ счетѣ" все опирается на экономическую структуру; а сама эта структура—ужъ неизвѣстно въ какомъ „счетѣ"—предполагаетъ и опредѣленное правосознаніе, и опредѣленные правовые институты.

Та же исторія и у г. Н. Бельтова. И у него вы постоянно найдете тезисы, вродѣ такихъ, что „экономія *господствуетъ* надъ политикой", что „правовыя отношенія и государственныя... *коренятся* въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, что „психологія общества всегда цѣлесообразна по отношенію (?!) къ его экономіи, всегда соотвѣтствуетъ ей, всегда *опредѣляется* ею". Все это повторяется неоднократно. Но и г. Бельтовъ вкусилъ отъ древа критики, и потому у него проскальзываютъ и другого рода сознанія.—„И экономія общества, и его психологія представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія (какъ же это „одна сторона" явленія можетъ „корениться" въ „другой сторонѣ" того же явленія, быть „цѣлесообразной по отношенію къ ней" и „опредѣляться" ею?): производства жизни людей, ихъ борьбы за существованіе, въ которой они группируются извѣстнымъ образомъ, благодаря данному состоянію производительныхъ силъ. Борьба за существованіе создаетъ ихъ экономію; на ея же почвѣ выростаетъ ихъ психологія. *Экономія есть сама нѣчто производное, какъ и психологія*" *). Этотъ отказъ экономіи въ „правѣ первородства"

*) „Мон. взглядъ на исторію", см. стр. 172, а также 171, 169, 125.

очень любопытенъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ни къ чему не обязываетъ. Тотъ же самый г. Бельтовъ опять заговоритъ о „господствѣ“ экономіи надъ психологіей, правомъ, политикой, и въ отвѣтъ на упреки спокойно отвѣтитъ, что это онъ говоритъ „такъ-себѣ“, для простоты, для популярности... Въ самомъ дѣлѣ, далѣе у него мы читаемъ: „Изъ этого видно, что *только въ популярной рѣчи* можно говорить объ экономіи, какъ о *первичной причинѣ* всѣхъ общественныхъ явленій“ *). Однако, что же это за странныя допущенія „ради популярности рѣчи“? Неужели экономическій матеріализмъ заключаетъ, подобно мистическимъ ученіямъ древности, экзотерическую и эзотерическую части: однѣ „истины“ играютъ роль размѣнной, ходячей монеты, которая, въ сущности, ничего не стоитъ, но бросается въ обращеніе для „непосвященныхъ“, для ничего не смыслящей толпы; изъ уваженія къ ея слабости и неспособности „вмѣстить“ ученіе во всей его чистотѣ, ей дается упрощенный суррогатъ истины; другая же часть—истины высшаго порядка, настоящія „таинства“ ученія—открыты лишь „посвященнымъ“, „избраннымъ“ вродѣ г. Бельтова и К°? Неужели, дѣйствительно, экономическій матеріализмъ—какой-то двуликій Янусъ, однимъ лицомъ обращенный къ правовѣрнымъ, а другимъ—къ „оглашеннымъ“, стоящимъ еще въ преддверіи истины?

Одно изъ двухъ—или „психологія“ общества, какъ и „экономія“ его, равно производныя явленія; тогда нужно выбросить за бортъ всѣ разсужденія о томъ, что психологія „въ послѣднемъ счетѣ“ опредѣляется экономіей, что экономія „господствуетъ“ надъ психологіей, что психологія вынуждена „приспособляться“ къ экономіи, что экономія—фундаментъ, а психологія и идеологія общества—надстройка и множество подобныхъ этому фигуральныхъ выраженій, изъ которыхъ, какъ изъ кирпичей, легко воздвигается грандіозное зданіе „матеріалистической системы“ въ соціологіи. Или же съ критическимъ отношеніемъ къ терминологіи безопаснѣе совершенно распроститься. А „смѣшивать два эти ремесла“ довольно неудобно. Вотъ, напр., г. Струве обѣщалъ изложить систему экономическаго матеріализма, какъ „смѣлую попытку *изъ одного начала* объяснить весь историческій процессъ“, а, въ концѣ концовъ, оказывается, что въ его изложеніи не достаетъ... немногаго: какъ разъ этого „единаго начала“. Мы уже видѣли, что „экономическая структура“ и ея развитіе оказалась слишкомъ „сложнымъ комплексомъ представленій“ для роли такого „единаго начала“. Но, быть можетъ, дѣло будетъ удачнѣе, если мы обратимся къ „росту производительныхъ силъ“ къ „техникѣ процессовъ производства“?.. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ Марксъ говаривалъ, что измѣненія способовъ, техники производ-

*) Ibid., стр. 173.

ства—это „дрожжи, приводящія въ броженіе всѣ отношенія буржуазнаго общества“, и уподоблялъ ихъ вліяніе на экономическую структуру вліянію новаго вооруженія войскъ на боевой строй солдатъ и всю военную тактику. Недаромъ и г. Бельтовъ говоритъ про „экономическую структуру“, эту „основу“ всѣхъ соціологическихъ надстроекъ: „далекая отъ того, чтобы быть *первичной* причиной, она сама есть слѣдствіе, „функція“ *производительныхъ силъ* *). П. Струве также повторяетъ на всѣ лады это положеніе, что экономическая структура опредѣляется состояніемъ производительныхъ силъ; но, вкусивъ отъ „древа“ философскаго критицизма и утративъ первобытную невинность, онъ сочувственно цитируетъ слова Э. Бернштейна: „техническое развитіе способовъ производства есть необходимый *потенціальный* факторъ (соціальнаго процесса), но *не исключительный*, не такой факторъ, который бы дѣйствовалъ самопроизвольно, механически“. Съ поисками „единаго начала“, которымъ объясняется „весь историческій прогрессъ“, и здѣсь обстоитъ неблагополучно. Подобно экономической структурѣ, и техника производства эволюціонируетъ не „самопроизвольно“, не на основаніи какихъ-то „внутренно-присущихъ“ или, высокимъ слогомъ говоря, „имманентныхъ“ свойствъ и законовъ, а въ связи съ развитіемъ, эволюціей „цѣлаго“, т. е. всей совокупности общественныхъ явленій.

Этого мало. Слѣдуя примѣру г. Струве, мы можемъ утверждать, что понятіе „роста производительныхъ силъ“ есть не что-то единое и простое, а „очень сложный и очень богатый содержаніемъ комплексъ представленій“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уже „предполагаетъ“ опредѣленную экономическую структуру: извѣстно, что господство свободы конкурренціи, заставляя каждаго капиталиста удешевлять товары и производство ихъ, даетъ громадный толчекъ росту производительныхъ силъ, тогда какъ до-капиталистическія, цеховыя отношенія не только сами не вызывали этого роста, но, напротивъ того, тормозили его и даже насильственно ему препятствовали—таковы законодательныя запрещенія машинъ, мѣры противъ нихъ со стороны городскихъ управленій и т. д. Притомъ, „ростъ производительныхъ силъ“ можно назвать понятіемъ столько же психологическимъ, сколько и экономическимъ. Развитіе способовъ производства есть приложеніе *знаній* человѣка къ практикѣ—къ господству надъ природою. Уровень познаній—хорошій измѣритель техническаго развитія орудій борьбы человѣка съ природою. Почти полному отсутствію какихъ бы то ни было теоретическихъ знаній соотвѣтствуетъ господство случайности въ сферѣ изобрѣтеній и открытій. Дальнѣйшій ростъ зна-

*) „Монистическій взглядъ“ etc., стр. 173.

ній дѣлаетъ прогрессъ техники все систематичнѣе, обдуманнѣе и потому прочнѣе и непрерывнѣе. Все, что задерживаетъ ростъ знаній, задерживаетъ и развитіе техники. Такимъ образомъ, повторяемъ, и ростъ производительныхъ силъ не самъ себѣ довлѣетъ, а совершается въ связи съ развитіемъ всей совокупности общественныхъ отношеній. Стало быть, его нельзя принять за primum movens всякаго соціальнаго движенія.

Но тогда гдѣ же, въ концѣ концовъ, это сокровенное „единое начало", изъ котораго экономическій матеріализмъ выводитъ „весь историческій процессъ", въ виду того, что развитіе этого „начала" понятно „само изъ себя"? Остается, правда, еще одно предположеніе: это „начало" есть „голосъ желудка", „экономическій или матеріальный интересъ". И дѣйствительно, „въ популярной рѣчи" матеріалисты охотно употребляютъ такія общія и неопредѣленныя выраженія, какъ-то, что „матеріальныя нужды правятъ міромъ", „исторія есть борьба матеріальныхъ интересовъ" и т. д. Въ этомъ общемъ видѣ приведенныя нами положенія недоступны серьезной критикѣ, требующей точности выраженій. Но попробуйте обобщить ихъ; попробуйте принять за теорему экономическаго матеріализма положеніе, что „*экономическій* или *матеріальный* интересъ есть единственная основная сила исторіи, всѣ же другіе стимулы—только замаскированныя проявленія этого основного мотива". Въ этомъ видѣ тезисъ становится яснымъ и опредѣленнымъ, а слѣдовательно, допускаетъ серьезное научное обсужденіе, серьезный научный споръ. Но такой постановки вопроса не только экономическіе матеріалисты сами не дѣлаютъ, но даже осмѣиваютъ ее, когда ее предлагаютъ ихъ критики. Такъ, по мнѣнію г. Н. Бельтова, это смѣшное и глупое искаженіе взглядовъ „экономическаго матеріализма". „Обыкновенному русскому читателю,—говоритъ онъ—историческая теорія Маркса кажется какимъ-то гнуснымъ пасквилемъ на человѣческій родъ. У Г. И. Успенскаго, если не ошибаемся, въ *Раззореніи*, есть старуха чиновница, которая даже въ предсмертномъ бреду упорно повторяетъ правило всей своей жизни: „въ карманъ нарови, въ карманъ!" Русская интеллигенція наивно думаетъ, что Марксъ приписываетъ это правило всему человѣчеству"... И затѣмъ слѣдуетъ сравненіе „русской интеллигенціи" съ почтенной чиновницей, которая воображаетъ, что Дарвинъ утверждаетъ, будто она—переодѣтая обезьяна. Не споримъ, все это быть можетъ и остроумно, но—да проститъ намъ авторъ—въ концѣ концовъ, онъ все таки увертывается отъ вопроса. Оставимъ въ сторонѣ „обыкновенныхъ русскихъ читателей", „русскую интеллигенцію" тожъ. Положимъ, что она физически не въ состояніи „превзойти ту мѣру пониманія, которая отпущена ей благодѣтельной натурой", какъ говоритъ г. Бельтовъ въ другомъ мѣстѣ. Но вотъ передъ нами самый настоящій философъ Зиммель, труды котораго, по свидѣтельству г. Струве, доказываютъ, какъ плодо-

творно примѣненіе методовъ критической философіи къ рѣшенію соціологическихъ вопросовъ. И онъ считаетъ характерной особенностью экономическаго матеріализма „предположеніе, что всѣ исторически дѣйствующіе интересы являются лишь преобразованіемъ и прикрытіемъ матеріальныхъ". Но „такъ какъ дѣйствительное сознаніе, лежащее въ основѣ нашихъ поступковъ, тысячи разъ проявляетъ совершенно иные, кромѣ экономическихъ, мотивы, то это ученіе должно проникать еще глубже сознанія, до его безсознательныхъ основаній". По мнѣнію Зиммеля, этого „основного предположенія"—„никогда нельзя доказать", а потому оно является „догматизмомъ" и „метафизическимъ произволомъ", особенно когда на немъ останавливаются и „объявляютъ его послѣднимъ пунктомъ, котораго можно достигнуть въ изслѣдованіи, который самъ по себѣ понятенъ и не требуетъ больше никакого изслѣдованія". При этомъ, въ сущности, „отказываются прослѣдить матеріальныя и душевныя нити, стеченіе которыхъ необходимо для порожденія этого интереса, и которыя должны пройти черезъ этотъ послѣдній пунктъ для образованія, такъ сказать, каждой дальнѣйшей ткани изъ фактовъ" *).

Должно быть, вина лежитъ не въ „обыкновенныхъ русскихъ читателяхъ", непонятливость которыхъ для г. Бельтова вошла въ пословицу,—а въ чемъ-то иномъ. Въ чемъ же? Мы не затруднимся отвѣтить: опять въ той „популярной рѣчи", которая, по г. Бельтову, допускаетъ „упрощеніе" глубокихъ истинъ экономическаго матеріализма.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что съ точки зрѣнія экономическихъ матеріалистовъ психологія человѣка вовсе не соткана изъ одной экономической выгоды, а напротивъ, представляетъ собою... „очень сложный комплексъ" чувствъ, потребностей, эмоцій. Противоположный взглядъ сводился бы къ самому вульгарному бентамизму, о которомъ Марксъ отзывался крайне рѣзко. „Ни въ какія времена и ни въ какой странѣ не случалось, чтобы подобная доморощенная пошлость выступала съ такимъ самодовольствомъ... „принципъ полезности" вовсе не есть открытіе Бентама. Онъ только глупо воспроизвелъ то, что Гельвецій и др. французы XVIII столѣтія развивали остроумно. Если, напримѣръ, желаютъ знать, что полезно для собаки?—то нужно изслѣдовать собачью натуру. Самую же эту натуру нельзя построить изъ „принципа полезности". Если же принципъ полезности прилагаютъ къ человѣку, т. е. если хотятъ обсуждать всѣ дѣла, поступки, отношенія и т. д. съ точки зрѣнія этого принципа, то при этомъ сперва слѣдуетъ повести рѣчь о человѣческой природѣ вообще, а потомъ ужъ объ измѣненной человѣческой природѣ,

*) „Проблемы философіи исторіи" Г. Зиммеля, пер. В. Н. Линда, стр. 103—104.

какъ она проявляется въ каждой исторической эпохѣ. Бентамъ объ этомъ не задумывается. Съ наивнѣйшею сухостью онъ принимаетъ современнаго лавочника, и притомъ англійскаго, за нормальнаго человѣка... Этотъ масштабъ служитъ ему для мѣрки прошедшаго, настоящаго и будущаго" *).

Итакъ, хотя, казалось, мы взяли за primum agens соціальнаго движенія такую простую вещь, какъ матеріальный интересъ, разсчетъ экономической пользы или выгоды—при углубленіи въ вопросъ дѣло оказалось сложнѣе, чѣмъ мы думали. Оказалось, что „польза" бываетъ всяческая, что „интересы" людей мѣняются, какъ вообще мѣняется ихъ природа въ связи съ развитіемъ всей совокупности общественныхъ отношеній. Словомъ, мы и здѣсь не получили никакого „начала", изъ котораго можно было бы выкрутить цѣлостное и законченное объясненіе историческаго процесса.

Послѣ этого становится понятной причина, почему экономическіе матеріалисты не задерживаются подолгу на точномъ и строгомъ критическомъ анализѣ своихъ руководящихъ терминовъ, а спѣшатъ спуститься въ сферу „популярной рѣчи", гдѣ все просто, стройно и симметрично.

Ясно, что „экономическій факторъ" главенствуетъ въ исторіи—особенно, если въ этотъ неопредѣленный терминъ вдвинуть безъ разбора все, въ чемъ есть хоть крупица чего-нибудь „экономическаго": и ростъ производительныхъ силъ, и строй производства, и экономическое законодательство, и матеріальныя нужды... Такимъ образомъ, *основа* теоріи экономическаго матеріализма готова. Нѣтъ ничего легче, какъ воздвигать далѣе одну теорему на другую, обильно пользуясь метафорами и аналогіями. Экономика есть фундаментъ, все остальное—надстройки; развѣ это не логическій выводъ изъ „главенства" экономическаго фактора? Затѣмъ къ услугамъ цѣлый рядъ еще подобныхъ же метафоръ: „требованія" развившихся формъ производства, „переростаніе" ихъ растущими производительными силами, „отраженіе" экономической дѣйствительности въ мозгу личности, „производство... индивидовъ", „приспособленіе" интеллектуальныхъ отношеній къ матеріальнымъ... хотя бы не существующимъ, а лишь „имѣющимъ наступить" **).

А въ общемъ—слова, слова и слова, прикрывающія недостатки

---

*) „Капиталъ", т. I, изд. второе, стр. 532—533, прим. 67.

**) Н. Бельтовъ, желая примирить два своихъ положенія—одно, что „психологія общества опредѣляется экономіей, приспособляется къ ней", и другое, что сплошь и рядомъ „психологическая эволюція *предшествуетъ* экономической революціи, прибѣгаетъ къ такой поэтической вольности въ употребленіи слова „приспособленіе" (что, вѣроятно, допустимо „въ популярной рѣчи"). По Бельтову, психологія европейскаго пролетаріата „приспособляется къ новымъ, будущимъ отношеніямъ производства". Опредѣляющая причина является позднѣе своего слѣдствія: новый видъ мистическаго „дѣйствія на разстояніи".

анализа, какая-то „вульгарная теорія историческаго процесса“, параллельная „вульгарной политической экономіи“.

IV.

Мы видѣли, какъ неудачны были попытки свести весь историческій процессъ въ послѣднемъ счетѣ къ развитію какого либо одного изъ элементовъ общественной жизни. Поэтому вполнѣ естественно было появленіе примирительной, эклектической теоріи, которая признавала относительную самостоятельность каждаго изъ этихъ элементовъ—права, экономики, идеологіи,—причемъ за каждымъ изъ нихъ признавалась также и нѣкоторая доля „вліянія“ на другія. Эта теорія извѣстна обычно подъ названіемъ теоріи „взаимодѣйствія“ факторовъ. Нетрудно видѣть, какъ, въ концѣ концовъ, туманно это эклектическое воззрѣніе, признающее развитіе права, экономики и идеологіи за особые, замкнутые въ себѣ циклы, за отдѣльно другъ отъ друга тянущіяся причинныя цѣпи фактовъ, лишь время отъ времени, мѣстами, не то какъ бы перерывающіяся и привходящія другъ въ друга, не то пускающія другъ къ другу отдѣльные отростки. Въ концѣ концовъ, и „взаимодѣйствіе“ есть только удобная формула, какъ будто разрѣшающая все, но, въ сущности, не дающая точнаго, яснаго и опредѣленнаго взгляда на природу и механизмъ соціальнаго развитія.

Всего хуже въ соціологіи именно такое полу-знаніе, которое дается туманными общими формулами, будь то „взаимодѣйствіе“ или отношеніе „фундамента“ къ надстройкамъ. Когда люди заручаются одной изъ подобныхъ формулъ, они поддаются самообману, какъ будто бы имъ что-то разъяснилось, что-то, прежде неизвѣстное, сдѣлалось извѣстнымъ. Дѣло философскаго критицизма здѣсь прежде всего заключается въ томъ, чтобы расчистить путь истинному знанію, устранивъ съ его дороги всякіе его суррогаты и на ихъ мѣсто поставивъ хотя бы самое откровенное „не знаю“.

Изъ предыдущаго видно, что общественная наука все еще переживаетъ ту стадію развитія, которую Контъ назвалъ бы „метафизической“.

Умъ человѣческій неудержимо стремится къ обобщеніямъ, стремится всю совокупность своихъ фактическихъ знаній скомбинировать въ нѣсколькихъ формулахъ, подвести имъ итоги, охватить нѣсколькими положеніями, опредѣляющими существеннѣйшее содержаніе процессовъ и явленій. Но положенія эти должны твердо опираться на фактическій матеріалъ. Построеніе науки можетъ совершаться лишь весьма медленно, начинаясь съ обобщеній чисто эмпирическихъ и переходя далѣе чрезъ цѣлый радъ этажей и надстроекъ къ вершинѣ знанія—въ данномъ случаѣ—единому и цѣлостному взгляду на основное содержаніе исторіи и механизмъ ея движенія. Умозрѣніе, однако, часто обгоняетъ нормаль-

ный, естественный прогрессъ науки, стремится предвосхитить ея отдаленнѣйшіе выводы. Въ результатѣ получаются системы, выкрученныя изъ головы, ставящія фикціи на мѣсто реальностей... Жизнь безконечно сложна, широка, разнообразна и калейдоскопична; метафизическія теоріи, напротивъ того, прежде всего узки, прямолинейны и чрезвычайно симметричны.

Мы видѣли въ началѣ статьи, какъ въ менѣе сложномъ психологическомъ вопросѣ о природѣ и развитіи душевной жизни смѣнялись школы, принимавшія за независимые факторы различные элементы сознанія, точнѣе—различныя стороны его. Неуспѣхъ этихъ теорій привелъ къ временному господству эклектическаго взгляда на относительную самостоятельность и равноправность этихъ мнимыхъ „факторовъ"—и только впослѣдствіи постепенно начало пробиваться сознаніе условнаго, отвлеченнаго характера этихъ психологическихъ разграниченій. Отъ такого сознанія еще было далеко до полной теоріи развитія душевной жизни. Но оно было прежде всего большимъ шагомъ впередъ въ методологическомъ отношеніи. Съ этихъ поръ психологія могла взяться за свою настоящую задачу—изученіе законовъ развитія психической жизни въ ея цѣломъ—общихъ законовъ эволюціи ея—вмѣсто того, чтобы болѣе или менѣе остроумно сводить къ какому нибудь одному излюбленному элементу всѣ ея проявленія, или вмѣсто тщетныхъ попытокъ какъ нибудь уяснить природу и способъ „взаимодѣйствія" ея элементовъ, при самостоятельномъ развитіи каждаго изъ нихъ порознь.

Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы считать совершенно безплодною борьбу мнѣній по вопросу о томъ, какой изъ элементовъ душевной жизни нужно считать господствующимъ. Напротивъ, каждая изъ этихъ школъ принесла свою долю пользы. Всѣ онѣ вмѣстѣ (каждая для своего излюбленнаго „элемента") доказывали—и дѣйствительно доказали—присутствіе всѣхъ элементовъ въ каждомъ изъ состояній сознанія; именно благодаря этой подготовительной работѣ новая школа могла, подводя итоги спорамъ, сказать: нѣтъ познанія безъ чувства, нѣтъ познанія безъ воли, нѣтъ чувства безъ познанія и воли, нѣтъ воли безъ чувства и безъ познанія. И только съ этого времени старыя школы утратили свой raison d'être,—ихъ роль оказалась сыгранной *).

Тоже и въ соціологіи. Она стоитъ сейчасъ передъ задачей—твердо, опредѣленно, разъ навсегда выяснить отвлеченый характеръ тѣхъ разграниченій, за которыми прежнія школы видѣли какіе-то особые „факторы"—экономическій факторъ, юридическій, умственный.

*) „Ибо путемъ взаимнаго ограниченія противоположныхъ максимъ—находятъ высшую, которая даетъ возможность той и другой проявиться" Зиммель, „Проблемы философіи исторіи", стр. 80.

Мы подвергали рѣзкой критикѣ воззрѣнія этихъ школъ, но считаемъ необходимымъ оговориться: нельзя считать ихъ работу совершенно безплодною. Напротивъ, каждая изъ нихъ внесла нѣчто новое въ сумму положительныхъ знаній, которыми можетъ располагать современный соціологъ. У каждой изъ этихъ школъ была важная задача: доказать повсемѣстное присутствіе того элемента, который она принимала за преобладающій. Каждая изъ этихъ школъ, при философской неудовлетворительности всей *совокупности* ея построеній, имѣла свой особый методъ разработки, изслѣдованія историческихъ данныхъ, методъ, дававшій положительные результаты.

Въ предыдущемъ изложеніи мы обращали особенное вниманіе на экономическій матеріализмъ, такъ какъ это самая послѣдняя изъ односторонне-монистическихъ теорій, до сихъ поръ еще не потерявшая кредита въ глазахъ нашей интеллигенціи. Если объ историческомъ идеализмѣ Конта и Гегеля или объ исторической школѣ въ правѣ можно говорить спокойно, какъ объ ученіяхъ уже похороненныхъ, то въ лицѣ экономическаго матеріализма передъ нами живое и воинствующее ученіе. Поэтому мы критиковали его рѣзко и рѣшительно. Это не должпо, однако, помѣшать намъ отнестись къ экономическому матеріализму съ той справедливостью, которой онъ несомнѣнно заслуживаетъ.

Экономическій матеріализмъ, оставаясь плоской соціальной философіей, можетъ принести не мало пользы, какъ методъ детальнаго научнаго изслѣдованія. Передъ нимъ важная и серьезная задача—путемъ точнаго анализа историческихъ данныхъ освѣтить экономическую сторону каждаго историческаго періода, понять, такъ сказать, экономическую подоплеку всякаго соціальнаго явленія. Нѣтъ отдѣльныхъ процессовъ умственныхъ, экономическихъ или правовыхъ—есть лишь соціальные процессы, которые можно и должно разсматривать со всѣхъ этихъ трехъ сторонъ, трехъ точекъ зрѣнія. И тѣмъ интереснѣе всѣ изслѣдованія, руководимыя принципами экономическаго матеріализма, что у многихъ, очень многихъ историческихъ изслѣдователей матеріальный бытъ трудящихся массъ оставался въ тѣни, на заднемъ планѣ. Для того, чтобы выпрямить палку, иногда не мѣшаетъ перегнуть ее въ противоположную сторону—и поэтому со стороны изслѣдователей исторіи съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма даже неизбѣжныя односторонности и увлеченія будутъ бѣдой „еще не столь большой руки“ *).

Такимъ образомъ, въ общемъ мы считаемъ вполнѣ законнымъ усиленіе экономическаго направленія въ исторіи. Оно особенно

*) Наше отношеніе къ экономическому матеріализму мы намѣренно выразили въ тѣхъ же самыхъ терминахъ, въ которыхъ выражаетъ Ф. А. Ланге („Исторія матеріализма“) свое отношеніе къ матеріализму есте-

своевременно теперь, въ эпоху наибольшаго обостренія соціальнаго вопроса и борьбы классовъ, и нельзя не привѣтствовать той демократической струи, которая проникаетъ міровоззрѣніе адептовъ экономическаго матеріализма (разумѣется, за немногими исключеніями). Жаль только, что теоретическая форма, въ которую вылилось это міросозерцаніе, такъ неудачна и такъ мало соотвѣтствуетъ живому, идеалистическому содержанію... То реализированье пустыхъ абстракцій, въ которомъ повинны экономическіе матеріалисты, накладываетъ на ихъ взгляды, противъ ихъ воли, печать какого-то формализма. Отвлеченныя категоріи превращаются въ какіе-то фетиши, въ „факторы", стоящіе превыше людей... *). Эта метафизическая скорлупа многихъ отталкиваетъ отъ экономическаго матеріализма, оскорбляя ихъ нравственное чувство и даже навлекая на адептовъ экономическаго матеріализмъ подозрѣніе въ гражданскомъ индифферентизмѣ и квіетизмѣ, которые, дѣйствительно, часто прикрываются всевозможными фаталистическими теоріями.

Впрочемъ, у насъ экономическій матеріализмъ, очевидно, переживаетъ переходное состояніе. Всѣ его сторонники, въ сущности, пытаются реформировать его на разные лады. П. Струве признавалъ „метафизическую внѣшность" экономическаго матеріализма и думалъ избавить отъ нея эту теорію посредствомъ выясненія основныхъ началъ соціологической „гносеологіи". Но работа, очевидно, оказалась труднѣе, чѣмъ онъ думалъ, ибо впослѣдствіи онъ пошелъ еще дальше въ признаніи „метафизичности" этой теоріи. Онъ призналъ, что во взглядахъ Энгельса положительныя научныя данныя *тѣсно переплетаются* съ „матеріалистической метафизикой", и что „почти навѣрное" то же относится и къ К. Марксу. Это уже болѣе, чѣмъ „метафизическая внѣшность". С. Н. Булгаковъ, также считающій необходимымъ пересмотрѣть основныя положенія экономическаго матеріализма при свѣтѣ критической философіи, предлагаетъ даже самое названіе „экономическій матеріализмъ" замѣнить болѣе широкимъ „соціальный матеріализмъ". Н. Бельтовъ, тяготѣющій болѣе къ Гегелю, колеблется между „діалектическимъ матеріализмомъ" и „историческимъ мо-

---

ственно-научному („плоская философія", съ одной стороны, и „хорошій методъ детальнаго научнаго изслѣдованія"—съ другой). И не мудрено, ибо отношеніе естественно-научнаго матеріализма къ монизму критической философіи таково же, каково отношеніе экономическаго матеріализма къ нашей точкѣ зрѣнія.

*) Мало помогаютъ дѣлу и благоразумныя оговорки, вродѣ слѣдующей: „Соціальная среда не есть первичный факторъ, не поддающійся дальнѣйшему разложенію; соціальная среда, это—тѣ же люди" (М. Туганъ-Барановскій). „Что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей?" (Н. Бельтовъ). Еще характернѣе оговорки г. Струве, приведенныя нами въ предыдущей главѣ и разрушающія всю стройность его теоріи.

низмомъ". А иные dii minores той же группы еще сильнѣе тяготѣютъ къ широкому соціальному монизму.

Историческій монизмъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы непремѣнно сводить всѣ явленія соціальной жизни на измѣненіе одного изъ ея элементовъ. Есть еще видъ монизма, который состоитъ въ пониманіи искусственности и условности дѣленія соціальныхъ явленій на экономическія, юридическія, идеологическія и т. п.

Съ нашей точки зрѣнія—аналогичной точкѣ зрѣнія Гефдинга въ психологіи—классификація соціальныхъ „явленій" по ихъ содержанію на экономическія, юридическія и интеллектуальныя, — на самомъ дѣлѣ вовсе не классификація *явленій*, а лишь классификація *элементовъ*, изъ которыхъ состоятъ явленія. Разницѣ терминовъ, иными словами, соотвѣтствуетъ не различіе между объектами, а лишь различіе въ тѣхъ *сторонахъ* этихъ объектовъ, которыя открываются намъ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Такъ, напр., говоря о „товарномъ производствѣ" *), какъ объектѣ политической экономіи, мы вовсе не имѣемъ дѣла съ чистымъ кристалломъ „экономической субстанціи", не заключающимъ въ себѣ никакихъ постороннихъ примѣсей: ни грана юридическаго, правового и ни грана психилогическаго элемента. Вовсе нѣтъ. Товарное производство, какъ говоритъ и г. П. Струве, подразумѣваетъ существованіе буржуазной собственности и связанныхъ съ нимъ юридическихъ институтовъ—наслѣдованія, купли-продажи и т. п. Товарное нроизводство совершается въ рамкахъ этихъ юридическихъ установленій и безъ нихъ немыслимо. Кромѣ того, товарное производство подразумѣваетъ и цѣлый рядъ явленій соціальной психологіи — индивидуализмъ, всепоглощающее соперничество при обмѣнѣ и т. п. И эти юридическія установленія, и эти явленія соціальной психологіи представляеютъ собою вовсе не результатъ, а именно единое и нераздѣльное цѣлое съ товарнымъ производствомъ. Они взаимно другъ друга подразумѣваютъ и обусловливаютъ.

Такимъ образомъ, самостоятельно и независимо существуетъ не „товарное производство" an und für sich, и не институтъ частной собственности съ ея обычными аксессуарами, и не мелкобуржуазный индивидуализмъ—существуетъ опредѣленное соціальное состояніе, въ которомъ нераздѣлено слиты и то, и другое, и третье.

Отсюда слѣдуетъ, что употребленіе термина „товарное производство" въ качествѣ чисто экономическаго основано просто на абстрагированіи отъ психологической и формально-юридической стороны даннаго реальнаго общественнаго состоянія или явленія.

*) Я нарочно беру этотъ примѣръ, такъ какъ его мы видѣли и у П. Струве.

Не упуская изъ виду этого состоянія въ его цѣломъ, мы имѣемъ полное право въ виду той или другой спеціальной цѣли временно отвлекать свое вниманіе отъ всѣхъ другихъ его сторонъ, за исключеніемъ одной. Но ни на минуту не слѣдуетъ забывать объ условности этого пріема, имѣющаго исключительно методологическій характеръ.

Мы обращаемъ вниманіе то на формальную сторону отношеній между людьми—и тогда имѣемъ то, что называется совокупностью правовыхъ нормъ или юридическимъ строемъ; то на объективно-реальную—и тогда имѣемъ производство, обмѣнъ, распредѣленіе матеріальныхъ продуктовъ, словомъ, матеріальную культуру общества; то, наконецъ, на внутреннюю, субъективную сторону и тогда имѣемъ состояніе образованности, умственное общеніе, литературу, нравственный уровень общества—словомъ, соціальную идеологію и психологію. Такимъ образомъ съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія *) открывается намъ три стороны соціальнаго развитія: формальная или нормативная, объективно-реальная или матеріальная, субъективная или психологическая.

Эта точка зрѣнія имѣетъ кое-что общее съ точкой зрѣнія Гефдинга въ психологіи еще и въ другомъ отношеніи. Гефдингъ, какъ мы видѣли, замѣчаетъ, что тройственность элементовъ сознанія годится лишь для характеристики высшихъ ступеней развитія психической жизни; но мы не имѣемъ никакого права предполагать, чтобы три различныхъ рода элементовъ столь же отчетливо выступали на низшихъ ступеняхъ. По общему закону развитія неопредѣленное и однородное предшествуетъ опредѣленному и разнородному. То же и въ соціологіи. Если на высшихъ ступеняхъ соціальной жизни ея формально-юридическая, матеріальная и психологическая сторона довольно рѣзко и отчетливо дифференцируются, то вовсе нельзя замѣтить того же самаго въ эпохи болѣе примитивнаго состоянія общественныхъ отношеній. Возьмемъ для примѣра *обычное право*. Въ чемъ отличіе обычнаго права отъ формальнаго? Да въ томъ, что обычное право еще не обособилось отъ общепринятой *морали* и даже отъ простого обычая, традиціоннаго *быта*, еще не пріобрѣло своей особой, спеціальной формы выраженія. Реальныя, фактическія отношенія, сохраняемыя обычаемъ, господствующія этическія понятія или правосознаніе и соціальныя нормы поведенія, обладающія внѣшней обязательной силой,—еще совпадаютъ. Только впослѣдствіи

*) Также формулируетъ Л. Уордъ въ своей „Динамической соціологіи" основное положеніе психологическаго монизма (т. I, гл. V, подъ-отдѣлъ „Явленія психологіи"): „Чувство можетъ быть опредѣлено, какъ субъективная сторона духа, а интеллектъ—какъ объективная. И, однако, обѣ эти стороны духа совсѣмъ не независимы, онѣ составляютъ просто *двѣ точки зрѣнія*, съ которыхъ смотрятъ на явленія".

право выростаетъ въ цѣлую систему законовъ и учрежденій, экономическія отношенія—въ сложный строй производства, обмѣна, торговли, кредита, распредѣленія, а психическое взаимодѣйствіе членовъ общества—въ искусство, литературу и науку. Однако-же, какъ опять-таки справедливо замѣчаетъ Гефдингъ—„дифференцированіе предполагаетъ лишь *преобладаніе* различныхъ элементовъ въ различныхъ состояніяхъ, а не полное *разъединеніе* ихъ". И вотъ потому г. Струве имѣетъ право сказать—хотя и не безъ натяжки, не безъ преувеличенія—что „товарное производство есть столько же психологическое, сколько экономическое понятіе".

Выясненіе условнаго, чисто методологическаго характера расчлененія единаго соціальнаго процесса путемъ абстракціи, конечно, есть прежде всего чисто-отрицательная работа. Она еще на даетъ ключа къ разгадкѣ механизма историческаго процесса—она лишь предостерегаетъ отъ уклоненій съ надлежащаго пути къ этой разгадкѣ. Ея методологическое значеніе, слѣдовательно, весьма существенно.

Если мы признали, что соціальный процессъ развитія представляетъ собою нѣкоторое высшее единство, и что „всѣ его элементы находятся въ тѣснѣйшей между собою связи, другъ друга обусловливая", то непосредственно отсюда вытекаетъ и практическій выводъ (въ русской литературѣ провозглашенный ровно тридцать лѣтъ назадъ): „если мы ухватимся за одинъ какой нибудь соціальный элементъ, почему либо бросившійся намъ въ глаза, и по движенію этой части будемъ судить о развитіи цѣлаго, то вся исторія естественно окрасится для насъ одностороннимъ и ложнымъ цвѣтомъ"; мало того, „мы неизбѣжно извратимъ и частную исторію этого самаго элемента". „Такъ что въ этомъ случаѣ намъ представляется дилемма: или полное и всестороннее уясненіе, или никакого (это, по нашему мнѣнію, сказано черезчуръ сильно) уясненія даже развитія частнаго факта". Поэтому „мы ищемъ не исторіи войны, торговли, экономическихъ отношеній, вѣрованій, нравственныхъ, эстетическихъ идеаловъ и т. п. Мы ищемъ *законовъ, управляющихъ единовременнымъ движеніемъ всѣхъ этихъ элементовъ*". (Н. К. Михайловскій, „Что такое прогрессъ").

Такимъ образомъ, въ русской литературѣ давно уже провозглашенъ соціальный монизмъ того типа, о которомъ говорится въ настоящей главѣ. И къ тому же взгляду начинаетъ явно тяготѣть западно-европейская соціологическая мысль. Я могу назвать имена Штамлера и Жореса.

Штамлеръ *), критикуя „образное выраженіе матеріалистическаго пониманія исторіи, что на экономической основѣ соціальной жизни создается политическая надстройка", — говоритъ: „Можно ли точно отграничить въ формальномъ отношеніи другъ

*) „Хозяйство и право", кн. II, отд. III, § 29.

отъ друга эти два понятія соціальной науки—экономику и политику? При разсмотрѣніи этого вопроса оказывается, что мы имѣемъ дѣло не съ двумя совершенно обособленными и по существу различными областями, что ихъ нельзя противополагать другъ другу, подобно тому, какъ мы это дѣлаемъ съ соціальной жизнью—съ одной стороны, и изолированнымъ существованіемъ—съ другой. Это лишь двѣ стороны одного и того же объекта, находящіяся въ непрестанной связи между собою". Штаммлеръ ясно отграничиваетъ свое пониманіе существа дѣла отъ теоріи „взаимодѣйствія": этотъ послѣдній, общераспространенный, ходячій терминъ онъ считаетъ прежде всего неяснымъ, неопредѣленнымъ. Довольствоваться теоріей воздѣйствія права на хозяйство и хозяйства—на право, по его мнѣнію, „значитъ всячески затемнять истинное положеніе дѣла и омрачать ясность научнаго разумѣнія". Ошибочно считать отношеніе правового регулированія къ соціальному хозяйству *причиннымъ воздѣйствіемъ* и разсматривать его съ точки зрѣнія *причины и дѣйствія*. Ибо это предполагаетъ, что и то, и другое, хозяйство и право, представляютъ два самостоятельныхъ, обособленныхъ другъ отъ друга объекта, тогда какъ въ дѣйствительности это совершенно не такъ, и для соціальнаго анализа они представляются лишь двумя необходимо соединенными элементами одного и того же предмета" *). „Предметомъ юриспруденціи является *форма* соціальной жизни, внѣшнее регулированье, опредѣленія котораго могутъ быть разсматриваемы и излагаемы сами по себѣ, безъ отношенія къ ихъ дѣйствительному значенію въ данномъ обществѣ. Предметомъ политической экономіи служитъ *матерія* соціальной жизни, регулируемое вещество, которое не можетъ быть изучаемо въ полномъ отвлеченіи отъ даннаго особаго регулированія" **). Для полноты анализа здѣсь не достаетъ еще распространенія той же точки зрѣнія на *субъективную* сторону соціальной жизни, на соціальную психологію.

Въ этомъ отношеніи естественнымъ дополненіемъ къ труду Штаммлера является аргументація Жореса. Задачи Штаммлера уже, но главная цѣнность его труда — глубокое, основательное и всестороннее развитіе мысли о монизмѣ права и хозяйства. Жоресъ, напротивъ, не даетъ детальной разработки и обосновки своихъ идей, но смѣлою рукою набрасываетъ широкую картину, даетъ цѣлую стройную общефилософскую теорію, которая, въ общихъ чертахъ, сводится къ слѣдующему.

Еще Кантъ посвятилъ много силъ тщательному анализу нѣсколькихъ основныхъ противорѣчій или антиномій, въ которыхъ неизбѣжно вращается человѣческій разумъ. Онъ выставилъ цѣлый рядъ такихъ антиномій, въ каждой изъ которыхъ положеніе столь

*) „Хозяйство и право", кн. III, отд. I, 3-е отдѣленіе, § 38.
**) „Хозяйство и право", кн. III, отд. I, второе отдѣленіе, § 35.

же вѣрно, какъ и противоположеніе, хотя, повидимому, они діаметрально противоположны. Продолжая и далѣе обобщая мысль Канта, Гегель провозгласилъ, что истина вообще заключается въ противорѣчіи. Тотъ, кто обращаетъ вниманіе лишь на тезисъ, упуская изъ виду ограниченіе его, антитезисъ, — тотъ ошибается, являясь игрушкой обманчивой, ограниченной человѣческой логики. Въ дѣйствительности, въ реальномъ мірѣ противоположности такъ же проникаютъ другъ друга, какъ взаимно проникнуты конечное и безконечное. Этотъ подносъ ограниченъ, представляя собою небольшую, опредѣленную поверхность, а между тѣмъ въ предѣлахъ этой поверхности можно начертать безконечное количество фигуръ.

Подобное же противорѣчіе существуетъ между идеею о всеобщей связи вещей, и идеей о самоопредѣленіи, самобытности всякой вещи. Съ одной стороны, въ мірѣ нѣтъ движенія, которое не было бы до безконечности связано съ другими движеніями. Колебаніе, которое, напримѣръ, человѣкъ вызываетъ въ воздухѣ звукомъ своего голоса, есть слѣдствіе безчисленнаго множества предшествовавшихъ колебаній и само будетъ до безконечности повторяться, незамѣтно передаваясь черезъ посредство вызываемыхъ имъ сотрясеній стѣнъ залы внѣшнему воздуху, а затѣмъ повторяясь въ смутныхъ формахъ, за которыми мы не имѣемъ возможности слѣдить. Нельзя, поэтому, произвести ни малѣйшаго движенія, нельзя перемѣстить песчинки, не измѣнивъ общаго равновѣсія. Но въ то время, какъ эта связь движеній, явленій и фактовъ всемірна и безгранична, ни одна сила не дѣйствуетъ по принужденію и только по внѣшнему принужденію. Когда одинъ билліардный шаръ, давъ толчекъ другому, приводитъ его въ движеніе, то движеніе это является не только слѣдствіемъ толчка, но и слѣдствіемъ законовъ эластичности, присущихъ шару въ силу его строенія; движенія, происходящія, повидимому, подъ внѣшнимъ вліяніемъ, въ сущности, обусловлены также извнутри. Передъ нами одновременно и непрерывная, безусловная связь, и столь же несомнѣнное, рѣшительное, безусловное самоопредѣленіе.

Частный случай этого общаго противорѣчія есть и противоположность между матеріалистическимъ и идеалистическимъ толкованіемъ исторіи. По Марксу „вся человѣческая жизнь, умственная и нравственная, есть ничто иное, какъ отраженіе экономическихъ условій въ мозгу человѣка“. Это положеніе вѣрно, какъ тезисъ, въ связи съ ограничивающимъ и дополняющимъ его антитезисомъ. „Отраженіе“ экономическихъ условій въ мозгу человѣка зависитъ не только отъ свойствъ отражающихся условій, но и отъ свойствъ отражающаго субъекта. Въ процессѣ отраженія не можетъ не играть самой дѣятельной роли умственная организація человѣка, неразрывно связанная съ его эмоціональной и конативной (терминъ Уорда) организаціей.

Основныя, первичныя силы психической организаціи вынесены человѣкомъ еще изъ періода до-исторической, животной борьбы за существованіе; соціологъ долженъ принять ихъ за данное и сдѣлать исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій. „Нужно признать невозможнымъ, — говоритъ Жоресъ, — чтобы экономическія явленія, отражаясь въ мозгу человѣка, не возбуждали въ немъ дѣятельности первичныхъ, только что анализированныхъ двигателей. И вотъ поэтому-то нельзя согласиться съ Марксомъ, что религіозныя, политическія и нравственныя воззрѣнія служатъ *только* отраженіемъ экономическихъ условій *). Существо человѣка и экономическая среда такъ тѣсно сливаются въ индивидуумѣ, что *нѣтъ никакой возможности отдѣлять жизнь экономическую отъ жизни нравственной*. Чтобы *подчинить* одну изъ нихъ другой, нужно было бы *предварительно разъединить* ихъ, а это представляется невозможнымъ. Какъ нельзя разсѣчь человѣка и отдѣлить его органическую жизнь отъ духовной, такъ точно нельзя разсѣчь историческое человѣчество, чтобы отдѣлить его идейную жизнь отъ жизни экономической".

Матеріалистическое пониманіе исторіи поэтому не слѣдуетъ противопоставлять идеалистическому. Оба эти элемента слиты въ одномъ нераздѣльномъ процессѣ развитія. Какъ нельзя освободить человѣка отъ экономическихъ отношеній, такъ нельзя отдѣлить и экономическія отношенія отъ человѣка. Исторія есть одновременно и процессъ, совершающійся по механическому закону, и стремленіе, осуществляемое сообразно *закону идеала* **).

Примиреніе экономическаго матеріализма и историческаго идеализма не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ отмежеванія каждому изъ нихъ отдѣльной области, въ смыслѣ указанія, что одна часть историческихъ явленій подчинена экономической необходимости, а другая — направляется чистой идеей (Въ этомъ различіе взглядовъ Жореса отъ взглядовъ Вейзенгрюна и П. Николаева). Матеріалистическое воззрѣніе нельзя поставить по одну сторону перегородки, а идеалистическое—по другую,—ихъ примиреніе должно заключаться въ слитіи въ одно цѣлое, подобно тому, какъ въ органической жизни человѣка слита механическая дѣятельность мозга и сознательная работа мысли и чувства.

Къ именамъ Штамлера и Жореса слѣдовало бы еще прибавить Зиммеля — того самаго Зиммеля, на котораго, по странному недоразумѣнію, пробуютъ опереться иные „экономическіе матеріалисты". Критика Зиммеля идетъ еще дальше, чѣмъ критика

*) Въ 39 книгѣ „Вопросовъ философіи и психологіи" я доказываю выписками изъ тезисовъ къ ненаписанной статьѣ Маркса о Фейербахѣ, что и отъ Маркса не ускользнула эта оборотная сторона медали — активная сторона психической дѣятельности человѣка.

**) Взгляды Жореса перекидываютъ, такимъ образомъ, мостъ отъ экономическаго матеріализма къ „телеологической" теоріи Уорда.

Штамлера и Жореса. Эти последніе отвергають возможность вывести исторію изъ самостоятельнаго развитія какого либо изъ отдѣльныхъ элементовъ соціальной жизни; Зиммель отвергаетъ всякую возможность вообще объяснить исторію „изъ ея собственныхъ, внутренно-присущихъ ей законовъ", т. е. иными словами— діалектически. Въ чемъ состоитъ діалектическій матеріализмъ? Діалектика, по словамъ г. Бельтова, изучаетъ явленія дѣйствительности „въ ихъ развитіи"; а разсматривать дѣйствительность діалектически, въ развитіи, — значитъ понимать, что „вообще всякое явленіе противорѣчиво въ томъ смыслѣ, что оно *само изъ себя* (курсивъ нашъ) развиваетъ тѣ элементы, которые, рано или поздно, положатъ конецъ его существованію, превратятъ его въ его собственную противоположность" *). Отсюда „великимъ, вѣчнымъ, повсемѣстнымъ закономъ" діалектики является „вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, рожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія *того же* стремленія, высшаго развитія *того же* содержанія" **) (курсивъ нашъ). Отсюда послѣдовательный діалектикъ—монистъ, ибо монизмъ, по Бельтову, есть „объясненіе явленій съ помощью какого нибудь одного основного принципа", — или, какъ говорилъ г. Струве,— „смѣлая попытка изъ одного начала объяснить весь историческій процессъ".

Какого объ этомъ мнѣнія Зиммель? „Лишь въ томъ случаѣ,— говоритъ онъ,—если бы исторія человѣчества заключала въ себѣ всю исторію вселенной, лишь тогда состояніе каждаго даннаго момента заключало бы въ себѣ достаточныя условія для проявленія ближайшаго за нимъ и слѣдующаго за этимъ состояній, лишь тогда можно было бы не ждать отклоняющихъ вліяній извнѣ". Но „всякая человѣческая исторія есть лишь отрывокъ изо всей міровой жизни, а потому дальнѣйшее развитіе каждой фазы его зависитъ отъ безчисленнаго количества обстоятельствъ, потенціальныя силы которыхъ вовсе не находятся исключительно въ этой фазѣ, какъ фазѣ, ограниченной понятіемъ исторіи; въ виду этого силъ этихъ нельзя вычислить на основаніи ея. Исторія человѣчества — не замкнутая глава, лишь начало и конецъ которой подпадаютъ вліянію космическихъ силъ и находятся въ связи съ ними; она развивается путемъ продолжительнаго эндосмоса и экзосмоза съ ними..." „Какъ внутри индивида психическія явленія не составляютъ замкнутой причинной цѣпи, потому что извнѣ привходящія ощущенія разрываютъ ихъ непрерывную связь и

*) „Монистическій взглядъ на исторію", стр. 71.

**) Бельтовъ, I. с. стр. 85. Авторъ полагаетъ, со своей обычной смѣлостью, что взгляда этого могутъ не раздѣлять только люди, „не имѣющіе мужества взглянуть истинѣ прямо въ глаза", „старающіеся отстоять, хотя бы съ помощью заблужденія, дорогіе имъ предразсудки", — т. е. либо нравственные трусы, либо недобросовѣстные люди.

вносятъ новые элементы духовной жизни, которыхъ нельзя вычислить на основаніи предыдущаго психическаго состоянія, — такъ же нельзя и жизнь человѣчества считать самому себѣ довлѣющимъ развитіемъ, болѣе раннія стадіи котораго заключали въ себѣ всѣ зародыши, изъ которыхъ путемъ *чисто внутренней причинной связи*, развивается все позднѣйшее...“

По нашему мнѣнію, діалектическій монизмъ, объясняющій историческій процессъ „изъ одного начала“ или „принципа“ — врядъ ли сможетъ выдержать эту тройную критику Штаммлера, Зиммеля и Жореса. Ихъ труды лишній разъ подтверждаютъ правильность той постановки вопроса о механизмѣ историческаго процесса, которая въ русской соціологической литературѣ сдѣлана была тридцать лѣтъ тому назадъ.

Викторъ Черновъ.

ВЪ УЕДИНЕНІИ.

I.

Вешніе всходы.

Милые, дальніе дѣтскіе годы,
Вы—какъ весенніе первые всходы!
Любо на раннюю нивку взглянуть,
Взоромъ усталымъ на васъ отдохнуть.
Гладкою бархатной вы пеленою
Стелетесь въ синей дали предо мною,
Свѣжіе, чистые,—что, какъ не васъ,
Мнѣ рисовать здѣсь въ мучительный часъ?..
Тамъ вдалекѣ нѣтъ борьбы и тревоги,
Тамъ не заказаны жизни дороги,
Міръ необъятный съ привѣтомъ глядитъ,
Счастье и радость въ грядущемъ сулитъ.
О, благодать! тамъ въ душѣ нѣтъ томленій,
Ярости взрывовъ, враждебныхъ стремленій,
Тихо на сердцѣ, въ душѣ нѣтъ страстей—
Ясная зоренька брезжется въ ней...
Муки, страданья, потери, печали
Ядомъ горячимъ на сердце не пали,
Свѣтелъ, здоровъ еще дѣвственный умъ,
Гнета не знаетъ сомнѣній и думъ!

II.

Сестрѣ.

Послѣдній взглядъ сестры любимой
Доселѣ въ сердцѣ я храню:
Тотъ взглядъ тоски невыразимой
Съ собой и въ землю схороню!
Казалось, въ трудный часъ разлуки
Всѣ чувства вдругъ проснулись въ ней —
И сердца любящаго муки
Отозвались въ душѣ моей.
Когда-бъ надъ плахой роковою
Мнѣ палача грозилъ топоръ,
Едва ли бъ съ большею тоскою
Смотрѣлъ ея горячій взоръ.
О, боли мигъ и скорби лютой!
Въ дверяхъ, безъ словъ, стоитъ она
И все глядитъ... Еще минута —
И нить живая порвана!
Дверь заскрипѣла, закачалась
И хлопнула въ послѣдній разъ.
За ней все та же скорбь осталась,
Но свѣтъ—послѣдній свѣтъ—угасъ!..

III.

Наше сердце.

Въ короткіе проблески свѣта и счастья,
Когда есть надежда на жизнь впереди,
Полно наше сердце любви и участья,
Съ привѣтомъ и ласкою бьется въ груди;
Всѣ люди, какъ будто, намъ братья родные,
Готовы мы страждущихъ бремя поднять,
Находятъ въ насъ откликъ печали чужія,
Хотѣли-бъ скорбящихъ мы къ сердцу прижать.

Для всѣхъ у насъ нужное слово найдется,
Съ горячею силой оно прозвучитъ,—
И сердце больное ровнѣе забьется,
Когда къ нему братскій привѣтъ долетитъ.
Въ душѣ—словно чистый родникъ, что струею
Прозрачной изъ мрака подземнаго бьетъ
И жаждущихъ всѣхъ напояетъ собою
И всѣмъ свою мирную пѣсню поетъ.
Въ минуты же тяжкихъ душевныхъ терзаній
Любовь исчезаетъ въ груди безъ слѣда,
Смолкаетъ въ ней все, кромѣ личныхъ страданій,
И людямъ нѣтъ доступа къ сердцу тогда.
И съ устъ не срывается слово живое
При видѣ людскихъ испытаній и бѣдъ,
И сердце, къ чужому страданью глухое,
Даетъ лишь сухой и беззвучный отвѣтъ.
Въ такія минуты и другъ нашъ любимый
Напрасно за лаской обычной придетъ...
Такъ путникъ, полдневною жаждой томимый,
Въ изсякшемъ ручьѣ только камни найдетъ!

—ъ

ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Въ большой, высокой столовой Яворскихъ царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ: всюду на полу валялись обрѣзки полотна, батиста, кружевъ, лентъ; на длинномъ обѣденномъ столѣ кучами лежали куски различной матеріи. Сама хозяйка дома, Анна Ивановна Яворская, полная женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, разбирала номера «Вѣстника Моды» и модныя «Парижскія приложенія» «Нивы».

— Вотъ, смотри, — обернулась она къ своей старшей дочери Анѣ,—какой хорошенькій пеньюаръ... спереди немножко свободно, перехвачено лентой, кокетка изъ кружевъ... По моему, это очень идетъ къ утреннему туалету для молоденькой дамы. Какъ ты находишь? А?

— Да, это недурно,—медленно, точно обдумывая что-то очень важное, отвѣтила Аня, высокая, стройная блондинка съ хорошенькимъ, немного капризнымъ личикомъ.—Право, мамочка, хорошо... Авдотья Петровна, вы какъ находите?—обратилась Аня къ швеѣ, которая что-то выкраивала на столѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отозвалась Авдотья Петровна, вынимая изо рта нѣсколько булавокъ и поспѣшно затыкая ихъ себѣ въ грудь.—Позвольте-ка взглянуть!

Аня подала ей картинку.

— Ну, вотъ, этотъ самый пеньюаръ, о которомъ я вамъ говорила,—радостно сказала швея, смотря моды.

— Это что вы тульской генеральской дочери въ приданое дѣлали?—спросила ее Аня.

— Да, да, этотъ самый... У нихъ онъ былъ сдѣланъ изъ бѣлаго шелка,—хорошій такой! Тогда имъ женихъ съ Кавказа привезли... А тутъ на груди все кружева...—описывала пеньюаръ тульской генеральской дочки Авдотья Петровна.

— Ну, что-же, остановимся на немъ? А? Право онъ недуренъ? А?—спрашивала Анна Ивановна дочь.

— Сейчасъ, мамочка, я побѣгу спрошу Колю, нравится ли ему, — живо сказала Аня и, выхвативъ моды изъ рукъ швеи, помчалась стрѣлой въ кабинетъ отца, гдѣ сидѣлъ ея женихъ.

— Ахъ Аня!—съ нѣжной улыбкой произнесла Анна Ивановна вслѣдъ дочери.—Какъ она счастлива и какъ любитъ своего Николая Николаевича!

— Да, уже надо больше, да некуды!—заговорила нараспѣвъ Авдотья Петровна.—Какъ голубки, такъ все и милуются... Пройдешь мимо ихъ невзначай—просто смотрѣть отрадно!

— Да, слава Богу, Николай Николаевичъ, кажется, хорошій человѣкъ! Дай-то имъ Господи!—и Анна Ивановна набожно перекрестилась, не выпуская изъ рукъ куска голубой атласной ленты.

— Барышнѣ только теперь и повеселиться, какъ невѣстой-то,—начала опять Авдотья Петровна,—а тамъ, глядь, къ году и дѣтки будутъ... Ну, и веселью конецъ...—Ахъ, женская доля, извѣстно!—покорно вздохнула Авдотья Петровна.

— Да, да,—произнесла въ тонъ Анна Ивановна.

Въ комнату со смѣхомъ вошла Аня, ведя за руку молодого офицера.

— Мамочка, вы только послушайте,—начала она еще въ дверяхъ,—Коля говоритъ, что ему все равно, какой бы у меня пеньюаръ ни былъ... Нѣтъ, вы только подумайте: все равно!

— Ну, право-же, Ануся,—заговорилъ офицеръ,—что ты на себя ни надѣнь,—все хорошо... Хоть татарскій халатъ одѣнь послѣ свадьбы и то отлично будетъ.

— Ну, ну, вы,—вступилась за дочь Анна Ивановна,—гдѣ бы посовѣтовать въ такомъ важномъ дѣлѣ, а онъ смѣется!

— Да я не смѣюсь, ей Богу, не смѣюсь,—перебилъ ее молодой человѣкъ—я только говорю, что Аня мнѣ во всемъ нравится!

— Ну, Колюша, право, я не знаю, нравится ли тебѣ или нѣтъ... Вѣдь не можетъ быть, чтобы тебѣ было все равно,—немного капризнымъ голосомъ сказала Аня.

— Вотъ, если бы Андрей Алексѣевичъ былъ здѣсь, онъ сейчасъ же бы помогъ дѣлу... Сколько вкуса у него, сколько вкуса,—говорила Анна Ивановна, качая головой.

— Авдотья Петровна, чай кушать пожалуйте,—сказала молоденькая горничная, появляясь въ дверяхъ столовой.

— Идите, идите, милая Авдотья Петровна,—начала Анна Ивановна...—Вы и такъ сегодня много наработали... Идите.

Авдотья Петровна прибрала работу и вышла изъ комнаты.

— Вотъ бы вамъ, Анна Ивановна,—заговорилъ молодой человѣкъ послѣ ухода швеи,—Андрея Алексѣевича въ зятья... Онъ ужъ бы навыбиралъ пропасть всякихъ кофточекъ, капотовъ... У него, право, бабья страсть ко всему этому...

— Бабья страсть! Ай, Коля, какъ ты говоришь о насъ съ мамой,—лукаво замѣтила Аня, наклонясь къ жениху.

— Да не дразни ты меня своими глазами,—крикнулъ молодой человѣкъ и потянулъ къ себѣ невѣсту.

— Да, Андрей Алексѣевичъ опоздалъ немного, — сказала Анна Ивановна,—а онъ молодой человѣкъ хорошій и я желала бы имѣть его своимъ зятемъ.

— Ну, такъ что же, мамочка!—отвѣчала Аня, прижимаясь къ жениху,—у васъ есть еще дочь!

— Это Соня-то? — спросила съ удивленіемъ Анна Ивановна.

— Да вы чего такъ удивляетесь? Андрей Алексѣевичъ очень ухаживаетъ за Соней. Я отъ многихъ слышалъ, что его прочатъ въ женихи нашей Сонѣ,—говорилъ офицеръ.

— Да вѣдь она еще въ гимназіи! ей 16 лѣтъ!—отозвалась Анна Ивановна.

— Ну, что же, мама, а мнѣ 19—всего три года разницы!.. По моему, такъ Андрей Алексѣевичъ прямо влюбленъ въ Соню, только объ ней и говоритъ... Вы думаете, онъ зачѣмъ у насъ бываетъ каждый день? Къ намъ ѣздитъ? Все это для отводу дѣлается... Они съ папой на дежурствѣ въ больницѣ наговорятся до сыта... Изъ за Сони ѣздитъ,—наставительно говорила Аня.

— Да вѣдь я вижу все это, не слѣпая,—улыбалась Анна Ивановна.—Только вотъ, я боюсь за Соню, она такъ молода, глупа...

— Да чего же вы боитесь?—спросилъ Анну Ивановну офицеръ.

— Ахъ, Боже мой!—взволновалась Анна Ивановна...—Соня такой огонь, такой вихрь... Ужасно, ужасно... Если онъ только сдѣлаетъ ей предложеніе, я боюсь, что она, не говоря ни слова мнѣ, прямо откажетъ ему... Съ нея этого станетъ...

— Откажетъ,—значитъ не любитъ, и хорошо сдѣлаетъ,—замѣтилъ Николай Николаевичъ.

— Ахъ, что вы!—чуть не разсердилась Анна Ивановна.—Да развѣ Соня знаетъ, кого она любитъ? Точно она большая... Нѣтъ, я такъ боюсь, что это все случится безъ меня, что Андрей Алексѣевичъ скажетъ сначала все одной Сонѣ...

— Я увѣрена, что Соня откажетъ... Андрей Алексѣевичъ ей немного нравится,—но только. Притомъ она сама и папа только и говорятъ о томъ, какъ Соня поѣдетъ въ Петербургъ, въ консерваторію.

— Ну, вѣдь вашъ отецъ, извѣстно, всякимъ глупостямъ потакаетъ, — окончательно разсердилась Анна Ивановна.—Нѣтъ, чтобы дѣвочкѣ изъ головы дурь выбить, онъ самъ ее туда вталкиваетъ... Нѣтъ, нѣтъ, надо обязательно это все предупредить, а то такихъ бѣдъ надѣлаютъ... Какъ вы думаете, когда Бобровъ

можетъ сдѣлать Сонѣ предложеніе?—спросила она послѣ нѣкотораго раздумья.

— Во всякомъ случаѣ не скоро, я этого не думаю,—отвѣтила Аня, перебирая своими тонкими пальчиками черные, курчавые волосы жениха. Въ столовой на мгновенье замолчали: женихъ и невѣста молча глядѣли другъ на друга, Анна Ивановна мѣряла на аршинъ кусокъ ленты, находившейся у нея въ рукахъ. Въ это время звонкій продолжительный звонокъ нарушилъ тишину.

— Ну, Соня, легка на поминѣ,—сказалъ Николай Николаевичъ. Слышно было, какъ горничная побѣжала отворять, какъ хлопнула дверь, затѣмъ черезъ минуту въ столовую донеслись громкій говоръ и смѣхъ.

— Съ ней должно быть и Зина,—говорила Аня, прислушиваясь къ голосамъ.

— Да еще, кажется, какой-то мужской голосъ,—добавилъ офицеръ.

— Кто это? Можетъ быть Андрей Алексѣевичъ?—сразу засуетилась Анна Ивановна.

— Нѣтъ, это такъ показалось,—отозвалась Аня.

— Мама, мама,—раздался въ это время близко отъ столовой молодой женскій голосъ и Соня, хохоча, вбѣжала въ столовую. Ея черные пушистые волосы выбились изъ подъ форменной съ кокардой шапочки, большіе каріе глаза свѣтились заразительнымъ весельемъ, щеки горѣли яркимъ румянцемъ. Она поддерживала обѣими руками оторванную оборку коричневаго платья, на которомъ виднѣлась большая дыра.

— Соня! — воскликнула мать, — твое новое форменное платье!

Но Соня, положительно задыхаясь отъ смѣха, упала на стулъ.

— Господи! Да что такое случилось?—обратилась даже съ испугомъ Анна Ивановна къ дочери.

— Что случилось?—съ любопытствомъ спросили въ одинъ голосъ Аня и Николай Николаевичъ.

— Насъ Андрей Алексѣевичъ задавилъ!—крикнула сквозь смѣхъ Соня и снова захохотала.

— Задавилъ? какъ? что? что такое?

Зина, родная племянница Анны Ивановны, начала разсказывать, какъ онѣ возвращались съ катка и какъ дорогу имъ переѣзжала лошадь.—Я хотѣла, было, остановить Соню,—оправдывалась тихонькая Зина,—ну, а она побѣжала на перерѣзъ лошади.

— Соня! Соня! Какъ только не стыдно, — воскликнула Анна Ивановна, всплескивая руками,—такая взрослая дѣвушка и...

— Да гдѣ же былъ Андрей Алексѣевичъ?—спросилъ офицеръ.

— Да онъ на этомъ извозчикѣ ѣхалъ!—воскликнула Соня, вскакивая со стула.

— На этомъ извозчикѣ? О Боже!—всплеснула опять руками Яворская.

— Мамочка, онъ меня не узналъ, ну, ей Богу не узналъ,— увѣряла Соня.

— Ну, а если узналъ? Что онъ подумалъ? Ахъ, Соня! ты глупишь, какъ маленькая дѣвочка. Что онъ подумаетъ о тебѣ?— негодовала на дочь Анна Ивановна.

— Да, что онъ обо мнѣ можетъ подумать? Мнѣ-то не все ли равно? Вотъ была нужда!—громко говорила Соня.

— Софья! нельзя ли не говорить глупостей?—строго сказала Сонѣ мать, и по одному тому, что мать ее назвала Софьей, а не Соней, какъ всегда, дѣвушка поняла, что мать начинаетъ сердиться.

— Да какъ же ты подъ лошадь попала?—спросила младшую сестру Аня.

— Ну, очень просто какъ,—начала объяснять Соня,—я подъ лошадь собственно и не попадала... Я хотѣла перейти улицу раньше и побѣжала, а извозчикъ хлестнулъ лошадь, она тоже побѣжала, да прямо на меня... Я успѣла посторониться, а платье какъ-то попало... Такъ трр-трр... и разорвалось... А Андрей Алексѣевичъ такъ испугался, что даже привсталъ въ саняхъ...

— Какъ же ты говоришь, что онъ не узналъ тебя?—спросила ее мать.

— Ну, такъ и не узналъ, очень просто какъ, потому что онъ проѣхалъ дальше, не останавливаясь. А я по улицѣ все время шла, держа платье обѣими руками! — оправдывалась Соня.

— Ну, нѣтъ, Софья, это просто невозможно,—вышла изъ себя Яворская, обращаясь къ дочери.—Ты иногда корчишь изъ себя какую-то музыкальную особу не отъ міра, генія, то вдругъ такія шалости! Прямо возмутительно. И все вашъ отецъ! Вотъ плоды его воспитанія!

— Мамочка! Да что это вы все на папу валите? Даже въ моихъ шалостяхъ отецъ виноватъ! Бѣдный папа!—загорячилась, въ свою очередь, Соня.

— Ну, ну, иди, переодѣвайся, просто срамъ какая дырища на платьѣ!—перебила Соню Аня.

— Иди, переодѣнься!—строго сказала Сонѣ мать,—придетъ еще кто-нибудь, совѣстно за тебя!

— Пойдемъ, Зина, въ нашу смиренную обитель, здѣсь насъ никто не любитъ!—театрально сказала Соня, и гимназистки ушли къ себѣ на верхъ.

— Какая прелесть эта Соня!—сказалъ Николай Николае-

вичъ по уходѣ гимназистокъ.—Въ ней такъ много еще дѣтскаго...

— Вотъ, вы, со своимъ будущимъ тестемъ одно говорите,—недовольно начала Анна Ивановна,—а мнѣ просто одна бѣда съ Соней,—и она приказала вошедшей горничной зажечь лампу.

Скоро уже вся семья Яворскихъ, за исключеніемъ самого отца, который еще не возвращался отъ больныхъ,—собралась около самовара. Аня и Николай Николаевичъ читали вмѣстѣ какую-то книжку, Анна Ивановна, сидя на мѣстѣ хозяйки, вышивала дочери въ приданое чайныя салфеточки, Соня и Зина, тихонько разговаривая, пили чай. Никто не слышалъ звонка, а потому всѣ удивились, когда въ столовую вошелъ Андрей Алексѣевичъ Бобровъ—высокій, красивый блондинъ, лѣтъ подъ тридцать.

— Ахъ, какъ же это? Вы безъ звонка? Дверь отперта! А шубы, новая ротонда Ани! Даша, Даша, бѣгите, смотрите, цѣлы ли наши шубы,—взволновалась Анна Ивановна.

— Интересно знать, узналъ ли онъ насъ?—тихонько спросила Соня Зину.

Нѣтъ, конечно,—успокаивающе отвѣтила Зина. Бобровъ, поздоровавшись со всѣми, сѣлъ около хозяйки и заговорилъ съ ней; но черезъ минуту онъ всталъ, вышелъ въ переднюю и вернулся оттуда, неся большую коробку конфектъ, которую поставилъ передъ Анной Ивановной.

— Что вы все безпокоитесь, Андрей Алексѣевичъ; каждый день конфекты,—замѣтила Анна Ивановна ласковымъ голосомъ.

— Хоть бы мнѣ одну коробочку привезъ,—шепнула Соня Зинѣ, я хоть бы въ гимназію на геометрію принесла.

Аня услыхала слова Сони и, лукаво улыбнувшись, обратилась къ матери:—Мамаша, отдайте, пожалуйста, эту коробку Сонѣ, она ее въ гимназію снесетъ.

Соня густо покраснѣла, а Яворская, любуясь темно-зеленымъ атласомъ коробки, проговорила:

— Куда имъ въ гимназію такую хорошенькую коробку, онѣ ее всю чернилами изольютъ.

— Да намъ коробки и не нужно,—живо отвѣтила Соня,—намъ только бы конфекты, а тамъ, въ чемъ они ни будь, хоть прямо безъ всего.

— Если Анна Ивановна позволитъ,—началъ Бобровъ, смотря въ упоръ на Соню,—я вамъ завезу сколько угодно конфектъ.

Соня растерялась и покраснѣла еще больше.

— Я думаю, что вы ничего не будете имѣть противъ того, Анна Ивановна, тѣмъ болѣе, что я скоро уѣзжаю отсюда,—продолжалъ Андрей Алексѣевичъ.

Всѣ всполошились—куда, когда и зачѣмъ ѣдетъ Андрей Алексѣевичъ. Одна Соня спокойно говорила съ Зиной, не обращая вниманія на слова Боброва, хотя послѣдній нѣсколько разъ выразительно поглядывалъ на нее.

— Я долженъ ѣхать на этихъ дняхъ къ отцу, въ деревню, беру изъ больницы отпускъ мѣсяца на два,—объяснялъ Бобровъ свою поѣздку и опять взглянулъ на Соню, которая также спокойно болтала съ Зиной.

— Соня! Ты слышала, что Андрей Алексѣевичъ уѣзжаетъ?—обратилась къ дочери Яворская, замѣтя тѣ многозначительные взгляды, которые Бобровъ бросалъ на Соню.

— Слышу, мамочка, — отозвалась дѣвушка. — Вы на лошадяхъ поѣдете? — обратилась она къ Боброву.

— Да!—отвѣтилъ молодой человѣкъ, оживляясь при ея обращеніи.

— Какъ я вамъ завидую,—счастливый,—зима, снѣгъ, морозъ, темное небо, на немъ звѣзды, луна... И вдругъ ухабъ и всѣ—ухъ! и вывалились! Ахъ, какъ хорошо! У васъ шуба теплая?—допрашивала Соня, широко раскрывая глаза.

— Да теплая,—весело улыбаясь, отвѣтилъ Андрей Алексѣевичъ.

— И вы поѣдете на тройкѣ? въ открытыхъ саняхъ! Счастливый, какъ бы я поѣхала вмѣстѣ съ вами... На козлы бы сѣла, рядомъ съ ямщикомъ, онъ бы далъ мнѣ править.

Бобровъ, блаженно улыбаясь, глядѣлъ на оживленное лицо Сони.

— Вы пустили бы Софью Александровну вмѣстѣ со мной?—обратился онъ къ Аннѣ Ивановнѣ.

— Пускай ѣдетъ,—шутя отвѣчала Яворская, наблюдая за выраженіемъ лица Боброва.

— Что же, поѣдемте? согласны?—спросилъ молодой человѣкъ Соню.

Соня весело засмѣялась.

— А гимназія? Вотъ завтра у насъ геометрія и намъ надо уже идти заниматься, а то скоро четверть кончается, а я еще не спрошена. Merçi, мамочка,—обратилась Соня къ матери, вставая изъ-за стола.

— Какъ вы жестоко шутите, Софья Александровна,—не то серьезно, не то шутя сказалъ молодой человѣкъ, подавляя невольный вздохъ.

— А вы развѣ серьезно приняли?—спросила Соня.—Я бы поѣхала покататься хоть съ вами, хоть, вотъ съ Колей, а лучше, если бы большой компаніей.

— Пойдемъ, Соня, пора,—звала Зина сестру и гимназистки пошли къ дверямъ.

Бобровъ съ жалобной улыбкой смотрѣлъ вслѣдъ удаляю-

щейся молоденькой дѣвушкѣ—онъ и хотѣлъ ее остановить, и не зналъ, какъ это сдѣлать. Анна Ивановна, все время не спускавшая съ него глазъ, замѣтила его нерѣшительность и остановила дочь вопросомъ:

— У тебя много сегодня уроковъ, Соня?

— Нѣтъ, мамочка, не особенно,—отвѣтила Соня матери.

— Софья Александровна,—собрался, наконецъ, съ духомъ Бобровъ,—вы получили то письмо изъ Петербурга, которое вы ждали такъ давно?

— Да, да, получила,—весело отвѣтила Соня,—и какое письмо хорошее—прелесть!

— Вы довольны?—съ тайною ревностью спросилъ молодой человѣкъ, не зная, отъ кого получила письмо Соня.

— Счастлива прямо, не только что довольна,—говорила дѣвушка.—Не жди меня, Зина, я сейчасъ приду.

— Отъ кого это письмо? Можно узнать, Софья Александровна?—не вытерпѣлъ молодой человѣкъ.

— Конечно, можно, я получила письмо отъ нашей бывшей гимназистки, которая теперь учится въ Петербургѣ въ консерваторіи. Она пишетъ мнѣ про свою жизнь, про занятія, про театръ, про профессоровъ... Ахъ, какъ тамъ должно быть хорошо, Андрей Алексѣевичъ!—проговорила Соня, вздохнувъ.

— А вамъ туда хочется?—спросилъ Бобровъ участливо.

— Еще бы, да это моя мечта!—воскликнула Соня.

— И вы поѣдете?—съ тревогой продолжалъ допрашивать Бобровъ.

— Конечно, нѣтъ, все это однѣ дѣтскія глупыя фантазіи,—вдругъ вставила свое слово все время молчавшая Анна Ивановна.

— Но почему же глупости, мама, я не понимаю?—нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ сказала Соня.—Вѣдь, папа хочетъ, чтобы я училась? Почему же бы мнѣ и не поѣхать?

— Потому что это однѣ глупости, пустая трата денегъ... Да что объ этомъ и говорить, Соня, ты отлично знаешь, что я не пущу туда тебя никогда, никогда!

Глаза Сони вдругъ загорѣлись, щеки вспыхнули.

— Ну, это еще мы увидимъ, кто поставитъ на своемъ!—тихо сказала она.

— Глупая ты дѣвочка, вотъ что,—спокойно замѣтила мать. Иди лучше, разливай чай, мнѣ некогда!

— У меня уроки, мама, извините... я не могу. Извините, Андрей Алексѣевичъ,—сухо сказала Соня и прошла мимо растерявшагося молодого человѣка къ себѣ на верхъ. Здѣсь уже Зина сидѣла за большимъ письменнымъ столомъ и рѣшала задачи. Соня молча вошла въ комнату и бросилась въ кровать, заложивъ руки за голову. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Наконецъ, Зина обернулась и взглянула на двоюродную сестру.—Недовольна чѣмъ-нибудь,—подумала она и спросила ее:—что съ тобой, Соня?

— Ничего,—рѣзко отвѣтила Соня, смотря пристально въ потолокъ.

— Съ тетей, что ли, не поладили? А?—ласково продолжала Зина и, вставъ изъ-за стола, сѣла на кровать Сони.

— Старая исторія... Все насчетъ консерваторіи.

— Я теперь спокойно двухъ словъ не могу сказать объ этомъ,—взволнованно говорила Соня.

— Ничего, Соня,—еще ласковѣе сказала Зина и взяла горячую руку Сони своей маленькой холодной ручкой.—Вѣдь дядя на твоей сторонѣ... Ты только не торопись, подожди!.. Соня молчала.

— А знаешь, я тебѣ что скажу, — проговорила Зина какимъ-то особеннымъ голосомъ, такъ что Соня сразу повернулась къ ней и выжидающее посмотрѣла на нее. — У тети есть мечта отдать тебя замужъ за Боброва—улыбаясь, произнесла Зина.

— Меня?—крикнула Соня, приподнимаясь на рукѣ.

— Да, да. Я это замѣтила давно, а сегодня мнѣ еще Аня сказала, когда мы съ ней ѣздили за печеньемъ къ чаю. Аня хотѣла точно, чтобы я тебя предупредила.

— Этого никогда не будетъ,—рѣзко сказала Соня, вскочивъ съ кровати.—Андрей Алексѣевичъ славный, хорошій, но я его не люблю, да и онъ меня тоже!

— Ну, ужъ это, оставьте! Ты-то ему очень нравишься. Надо быть слѣпой, чтобы этого не видѣть. Что ты покраснѣла?—лукаво улыбаясь, сказала Зина, видя, какъ яркая краска зажгла щеки Сони при ея словахъ.

— Ничего, это неправда...—запинаясь, произнесла Соня, а сердце ея радостно забилось: неужели Бобровъ, этотъ серьезный, такой совсѣмъ большой, любитъ ее? Вѣдь ему 27 лѣтъ, а ей 16... Неужели любитъ? А въ городѣ всѣ говорятъ, какой онъ хорошій женихъ, докторъ, богатый, молодой... Всякая барышня за него пойдетъ... И вдругъ онъ любитъ ее, Соню, гимназистку, которая учитъ уроки, присѣдаетъ передъ классными дамами... Да одна классная дама, какъ говорятъ, даже влюблена въ него сама... А онъ выбралъ ее, Соню... Стало быть она тоже можетъ нравиться!—и Соня тихонько засмѣялась.

— Ты что?—удивилась Зина.

— Да мнѣ смѣшно,—смущенно отвѣчала Соня, — онъ такой большой, совсѣмъ самостоятельный, а я...

— Ну, такъ что же?—серьезно сказала Зина.—Я увѣрена, что онъ въ тебя влюбленъ... Я давно хотѣла это тебѣ сказать, да все думала, что надо хорошенько узнать!

— А какъ же ты узнала?—съ живымъ любопытствомъ спросила Соня.

— Да такъ, все смотрѣла, наблюдала... А сегодня мнѣ Аня сказала, что и она, и Николай Николаевичъ, и тетя, всѣ думаютъ, что Бобровъ въ тебя влюбленъ... Ты думаешь, что это онъ тетѣ конфекты и цвѣты возитъ? Больно ему надо... все для тебя, а ты, дурочка, и не догадываешься!

— Господи! неужели?—воскликнула весело Соня.—Какъ я рада.

— Да чему же ты рада?

— Ты только подумай, Зина, вѣдь наша классная дама въ него влюблена... А я ему нравлюсь... Онъ такой умный, серьезный, настоящій женихъ и вдругъ *я* ему нравлюсь... Какъ я рада!—закричала она и, бросившись сразмаху въ постель, заболтала ногами.

— Ты, Соня, дура!—рѣшительно сказала Зина.—Сама говоришь, что тебѣ Бобровъ не нравится, т. е. что ты его не любишь, а сама радуешься, что онъ въ тебя влюбленъ. Я ничего не понимаю.

Соня подняла свою косматую головку съ подушки и серьезно посмотрѣла на Зину.

— Ну, что ты?—спросила ее Зина съ снисходительностью старшей сестры.

— Знаешь,—вздохнувъ, заговорила Соня,—мнѣ его очень жаль, что я его не люблю... Но я такъ рада, что онъ меня любитъ. Зина, ты подумай только,—я вѣдь теперь совсѣмъ, стало быть, большая... Неужели онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе? Ой, Господи, какъ страшно!—крикнула Соня и снова уткнулась носомъ въ подушки.

— Нѣтъ, ты совсѣмъ дура,—разсудительно говорила Зина,—вѣдь онъ, навѣрно, мучается, страдаетъ, думаетъ о тебѣ, хочетъ тебя видѣть и никакъ не предполагаетъ, что ты такая пустая, такая глупая!

— Зиночка, милая, не говори такъ, я заплачу,—тихонько сказала Соня, еле приподнимая голову съ подушки.

— Зачѣмъ плакать?—пожала плечами Зина,—у тебя все странности—то хохочешь, что онъ тебя любитъ, то плачешь... Мнѣ очень жаль Андрея Алексѣевича, если онъ дѣйствительно любитъ такую глупушку!

— Слушай, Зина, а если онъ возьметъ да мамѣ и объяснится въ любви?—съ тревогой въ голосѣ сказала Соня.

— Какъ мамѣ? Я не понимаю. Зачѣмъ-же?—спросила недоумѣвающе Зина.

— Ну, да мамѣ, моей мамѣ... Вѣдь онъ меня любитъ... и вдругъ ему придетъ въ голову, что я глупа, молода... и онъ вмѣсто меня все скажетъ мамѣ... Вѣдь это ужасно будетъ!—Соня

быстро вскочила съ кровати и, широко раскрывъ глаза, смотрѣла выжидающе на сестру.

— Т. е. Бобровъ скажетъ тетѣ, что онъ тебя любитъ и попроситъ у нея твоей руки? Да? (Соня кивнула головой).— Я увѣрена, что это такъ и будетъ, онъ такъ сдѣлаетъ. Скажетъ сначала тетѣ, а тетя тебѣ.

— Ни за что!—вдругъ сердито перебила ее Соня, сверкая глазами.—Любитъ меня, а будетъ говорить это мамѣ, а она мнѣ? Ни за что, я сама хочу, чтобы онъ мнѣ сказалъ все это, мнѣ, а не мамѣ. Развѣ онъ маму любитъ? Вѣдь меня—ну, пусть мнѣ и говоритъ.

— Да какъ же ты это сдѣлаешь? Вѣдь ты же не спросишь первая? Ну, онъ и скажетъ все тетѣ.

Соня ничего не отвѣчала. Въ головѣ у нея мелькали мысли—какъ же это сдѣлать? Любитъ меня, а скажетъ мамѣ?

— А ты садись, задачи перепиши, а то завтра получишь двойку, ты вѣдь еще не спрошена,—наставительно сказала Зина, садясь за столъ и начиная заниматься.

Соня тоже сѣла за свой столикъ, взяла тетрадь, ручку, придвинула задачникъ, выписала № задачи и задумалась:—Господи! Неужели онъ скажетъ сначала мамѣ, а она мнѣ? Какъ это сдѣлать? Развѣ попросить? Какая дура! Ну, развѣ можно просить, чтобы объяснились въ любви? Развѣ намекнуть ему? Но какъ? Ахъ!—и Соня тяжело вздохнула. Зина сбоку посмотрѣла на нее, и Соня принялась списывать условія задачи. Но голова ея была занята совсѣмъ другимъ.—Надо какъ нибудь сдѣлать, чтобы Андрей Алексѣевичъ не былъ долго съ мамой. Но какъ? Вотъ теперь внизу Аня съ женихомъ, папа еще изъ больницы не пріѣзжалъ, а мама тамъ съ нимъ, все время!— и Соня опять вздохнула.

— Ты, кажется, теперь не можешь заниматься, какъ узнала, что Бобровъ влюбленъ въ тебя?—смѣясь, сказала Зина.

— Не могу,—грустнымъ голосомъ отвѣтила Соня.— Я все думаю,—а вдругъ да онъ скажетъ мамѣ, а я ничего не буду знать!

— Узнаешь, тетя тогда тебѣ скажетъ,—успокаивала ее Зина.

— Ну, что это послѣ!.. Я хочу *сама* услышать все... Зиночка, милая, какъ онъ мнѣ скажетъ—«я васъ люблю».. Или не такъ—«я не могу безъ васъ жить! Радость моя... Согласитесь быть моей»! Ахъ!—Соня засмѣялась и, закрывъ лицо руками, опять заболтала ногами отъ удовольствія.

— Я не знаю, какъ онъ тебѣ скажетъ... какъ-нибудь скажетъ,—смѣялась Зина.

— Зина,—воскликнула Соня, вскакивая со стула и роняя тетради и книги на полъ,—ты подумай: мнѣ въ прошломъ мѣ-

сяцѣ уже минуло 16 лѣтъ, а мама мнѣ все не дѣлаетъ длинныхъ платьевъ! Развѣ это хорошо? Вотъ, смотри,—дергала она свое коричневое платье,—даже до щиколотки не достаетъ... Точно я не въ седьмомъ классѣ, а въ четвертомъ или въ пятомъ... Вѣдь кончаю гимназію, совсѣмъ взрослая!

— Вотъ будутъ къ Рождеству новую форму дѣлать и сошьютъ длинное, тетя говорила,—успокаивала ее Зина. Въ это время по лѣстницѣ, ведущей на верхъ, послышались шаги, и Анна Ивановна показалась въ дверяхъ.

— Ты не занимаешься, Соня?—обратилась она къ дочери.—Я хотѣла попросить тебя или Зину посидѣть съ Андрей Алексѣевичемъ, а то Анѣ принесли мѣрять подвѣнечное платье, мы всѣ пойдемъ смотрѣть его, и Андрей Алексѣевичъ останется одинъ. Такъ иди, посиди немного.

Сердце у Сони забилось такъ сильно, что она боялась, какъ бы мать не услыхала его стука.

— Хорошо, мамочка, я приду,—сказала она прерывающимся голосомъ.

Лишь только фигура Анны Ивановны скрылась за дверями, какъ Соня бросилась къ Зинѣ и начала душить ее поцѣлуями— Зина, Зина... Я боюсь, вдругъ онъ скажетъ... Я умру тогда,—шептала она сквозь поцѣлуи.

— Пусти, Соня,—ласково говорила Зина, стараясь отвернуться.

— Гдѣ наше зеркало?—вдругъ спросила Соня.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Я, кажется... очень косматая, — какъ бы виновато замѣтила Соня.

— А-а, кокетничать начинаете?—протянула Зина.—Поздравляю... Иди, иди безъ зеркала, его у насъ Аня взяла. Иди, все хорошо.

— Прощай!—отчаянно прошептала Соня и вдругъ расхохоталась на всю комнату неудержимымъ, ребяческимъ хохотомъ.

— Ты, правда, сумасшедшая!—сказала Зина, принимаясь за свои тетради.

Соня живо выскочила изъ комнаты и побѣжала къ лѣстницѣ. Сойти или съѣхать? Она, ловко подобравъ платье, крѣпко усѣлась на перила и, не держась руками, благополучно скатилась внизъ. Проходя по темной гостиной, Соня невольно засунула руку за воротъ платья, вынула маленькій образокъ, набожно перекрестилась, поцѣловала его и опустила обратно за воротъ платья: такъ дѣлала она всегда, когда сильно боялась урока. Соня вошла въ столовую, гдѣ за столомъ одинъ сидѣлъ Бобровъ и перелистывалъ какую-то книгу. Молодой человѣкъ вскочилъ съ мѣста при появленіи Сони.

— Это вы, Софья Александровна? Я никакъ не думалъ, что вы придете!—говорилъ онъ.

— А вы рады, что я пришла?—вдругъ спросила Соня и сама испугалась своего вопроса—что я дѣлаю? дура!—промелькнуло у нея въ головѣ.

— Радъ ли я, вы спрашиваете? Конечно, радъ, ужасно... Я все время объ васъ думалъ!—быстро отвѣчалъ Бобровъ.

Соня весело улыбнулась ему и, взглянувъ прямо въ глаза молодому человѣку, сказала:

— Меня мама послала,—сказала, что они всѣ уйдутъ, а вы одинъ останетесь.

— Такъ васъ мама послала? А я-то думалъ, что вы сами пришли ко мнѣ,—разочарованно сказалъ онъ.

— Какая дура!—подумала Соня и, вся покраснѣвъ, смущенно отвѣтила:

— Нѣтъ, я и сама бы пришла къ вамъ.

Наступило неловкое молчаніе. Соня совершенно не знала, что ей дѣлать, смущеніе ея все росло.

— Андрей Алексѣевичъ, можетъ быть вы еще выпьете чаю?—нерѣшительно сказала она, не поднимая глазъ.

— А вы будете?

— Да.

— Ну, и я тогда буду.

Соня слегка дрожащими руками налила чай и подала молодому человѣку.—Неужели онъ меня любитъ? Да вѣдь онъ сказалъ, что ужасно радъ, когда я пришла, и сдѣлался грустнымъ, когда я сказала, что меня мама прислала. Какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть на него. Какой онъ?—Сонѣ казалось, что, когда она узнала, что Андрей Алексѣевичъ любитъ ее, онъ сдѣлался для нея совсѣмъ другой, и она робко подняла на него свои большіе глаза. Молодой человѣкъ пристально смотрѣлъ на нее. Соня еще болѣе покраснѣла и окончательно смутилась. Бобровъ замѣтилъ перемѣну, происшедшую съ Соней, и сердце его тревожно забилось—что это значитъ? Можетъ быть, она любитъ его?

— Софья Александровна!—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Господи, Господи, сейчасъ скажетъ,—подумала Соня со страхомъ, и вся съежилась, руки у нея похолодѣли, въ груди какъ-то заныло, во рту появился особый вкусъ, какой-то неопредѣленный—какъ есть на экзаменѣ.

— Что вамъ, Андрей Алексѣевичъ?—еле произнесла она.

— Что съ вами? Скажите мнѣ, ради Бога?—молящимъ голосомъ произнесъ Бобровъ.

Соня облегченно вздохнула, точно гора свалилась у нея съ плечъ, и она смѣло взглянула на Боброва.

— Мнѣ весело, Андрей Алексѣевичъ, и больше ничего—сказала она обыкновеннымъ голосомъ.—А вамъ?

— И мнѣ весело!—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Соня пристально посмотрѣла на него, точно она видѣла его въ первый разъ. Какіе у него хорошіе глаза,—думала она,—усы какіе большіе... А борода, точно у папы, только у папы она уже сѣдая, а у него нѣтъ. И какой лобъ большой. Онъ тоже, навѣрно, будетъ лысый, какъ папа.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ ее Бобровъ.

— Т. е. не о чемъ, а о комъ, Андрей Алексѣевичъ. Я думаю о васъ,—просто отвѣтила Соня.

— Обо мнѣ? Софья Александровна! Зачѣмъ вы такъ шутите!—съ жаромъ сказалъ онъ.

— Я шучу?—удивилась Соня.—Да Богъ съ вами!

— Софья Александровна! Я скоро уѣзжаю, можетъ быть на этой недѣлѣ... Отъ васъ зависитъ—уѣду я или нѣтъ;—съ жаромъ говорилъ Бобровъ.

— Вотъ оно, началось,—подумала Соня, но весь страхъ куда-то исчезъ, и какое-то веселье наполнило ея сердце, точно она хочетъ сдѣлать большую шалость.

— Да, я знаю, что вы хотите ѣхать,—говорила она, многозначительно улыбаясь, и сама удивилась своему голосу,—голосъ какъ будто принадлежалъ не ей, сталъ какимъ-то гибкимъ, игривымъ, подзадоривающимъ.

— Я вамъ долженъ сказать одну вещь, очень важную!..

— Мнѣ?—спросила Соня все тѣмъ же голосомъ и ободряюще улыбнулась молодому человѣку. Бобровъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее.

— Да, да, вамъ... Выпейте этотъ чай...—(Соня удивилась и широко открыла глаза). —Вѣдь вы всегда чай пьете безъ сахару, ну, а теперь положите себѣ пять, шесть кусковъ и выпейте!

— Зачѣмъ?—удивлялась Соня.

— Ну, прошу васъ... умоляю... Я тогда буду знать, что вы выслушаете меня, вы будете согласны... Ну, прошу васъ, ради Бога... Выпейте,—умолялъ Соню Бобровъ.

— Какъ это весело! Ну, ладно, только вы мнѣ сами положите сахару столько, сколько хотите!—Соня лукаво смотрѣла на Боброва, и по лицу ея бѣгала какая-то усмѣшка.

— Давайте вашу чашку,—сказалъ Андрей Алексѣевичъ. Соня подставила чашку и молодой человѣкъ дрожащими руками сталъ класть сахаръ.

— Разъ, два, три, четыре,—считала Соня.—Андрей Алексѣевичъ, будетъ, довольно, я не выпью...—взмолилась она.

— Еще одинъ кусочекъ, только одинъ,—говорилъ Бобровъ, отыскивая въ сахарницѣ самый большой кусокъ.

— Ну, пейте, теперь у васъ здѣсь пять кусковъ лежитъ.

— Я не выпью, это очень сладко!

— Пейте, пейте! Ничего... А то я не буду знать, согласны ли вы или нѣтъ меня выслушать!

— Выпью!—сказала Соня и рѣшительнымъ жестомъ взяла чашку.—Теперь мама не узнаетъ, я первая все узнаю!—подумала она и поднесла чашку къ губамъ.

— Ну, что-же вы медлите?—спросилъ ее нетерпѣливо Бобровъ. Соня пристально посмотрѣла ему въ глаза.

— А вы скажете? Не обманете?

— Что вы?! Непремѣнно, вѣдь я за этимъ только пріѣхалъ.

— Ну, смотрите-же... Разъ, два, три!—крикнула Соня и начала тянуть сладкій, холодный чай. — Какая гадость! — сказала она, морщась послѣ того, какъ отпила нѣсколько глотковъ.

— Я не буду этого пить, Андрей Алексѣевичъ!

— Софья Александровна! Что вы дѣлаете? Пейте, ради Бога!—умолялъ Соню Бобровъ, точно отъ этого зависѣла вся его жизнь.

Соня, поморщась, начала опять пить.

— Фу, какъ сладко!—крикнула она, кончая пить и далеко отодвигая чашку. — Одинъ сахаръ совсѣмъ! — и оба они разсмѣялись веселымъ молодымъ смѣхомъ.

— Какъ вы меня сегодня испугали,—сквозь смѣхъ началъ Бобровъ.

— Когда?—удивилась Соня.

— Да вечеромъ, когда я ѣхалъ по улицѣ. Развѣ можно такъ шалить? Вѣдь извозчикъ чуть-чуть не задавилъ васъ. Ахъ! Какъ я испугался, Боже мой! даже не успѣлъ сказать, чтобы лошадь остановили, и только тогда хоть немного поуспокоился, какъ услышалъ вашъ смѣхъ! Ахъ, Софья Александровна! Бѣда съ вами!

— Такъ вы узнали меня? Ради Бога не говорите мамѣ ни слова, а то она мнѣ такую нотацію прочитаетъ!.. Она уже мнѣ и такъ говорила о томъ, что-то будетъ, если вы меня узнали, что вы обо мнѣ подумаете? Пожалуйста, ей ничего не говорите,—умоляла Соня молодого человѣка.

— Нѣтъ, нѣтъ зачѣмъ, не скажу, — успокаивалъ ее Бобровъ,—это будетъ нашъ общій секретъ!

— Какіе это у васъ секреты? Можно узнать? А? вдругъ проговорилъ Николай Николаевичъ, входя въ столовую.

— Какой ты ловкій!—воскликнула Соня.—У тебя съ Аней есть секреты, такъ ихъ знать нельзя, секретничаете, не переставая, весь день! А у меня если съ Андреемъ Алексѣевичемъ завелись секреты, такъ это сейчасъ надо и разсказывать?

— Да, я и не прошу, я только поздравляю васъ, если у васъ такіе же секреты, какъ у насъ съ Аней!—съ значительной улыбкой сказалъ молодой офицеръ и, взявъ со стола свои папиросы, вышелъ изъ комнаты.

— Скоро папа пріѣдетъ, надо ему чай отнести въ кабинетъ,—сказала Соня, беря со стола приготовленный для отца чай.

— Тамъ темно, Софья Александровна, мнѣ можно проводить васъ?—спросилъ ее молодой человѣкъ.

— Пожалуйста, вы мнѣ зажгете лампу,—отвѣтила Соня и, осторожно ступая, чтобы не разлить чай, вышла изъ столовой. Сзади нея шелъ Бобровъ. Предъ темнымъ большимъ кабинетомъ Соня остановилась въ нерѣшительности,—что-то говорило ей, чтобы она не входила въ темную комнату. Соня не двигалась съ мѣста, чувствуя сзади горячее дыханіе Боброва. Ей было и пріятно, и весело, и страшно.

— Ну, что же вы?—раздался его взволнованный голосъ.

— Зажгите лампу раньше, — сказала тихо Соня, не трогаясь съ мѣста.

— Вы боитесь темной комнаты? — какъ бы поддразнивая, проговорилъ молодой человѣкъ.

— Вовсе нѣтъ, я не трусиха,—отвѣчала Соня, задѣтая за живое,—но я боюсь себѣ лобъ расшибить и вамъ не совѣтую!

Бобровъ чиркнулъ спичкой, Соня различила письменный столъ отца, поставила на него стаканъ, взяла свѣчку и подала ее молодому человѣку.

— Соня!—вдругъ сказалъ онъ.

Соня вздрогнула, точно электрическая искра пробѣжала у нея съ ногъ до головы.

— Вы не сердитесь, что я васъ такъ назвалъ?

— Нѣтъ, — тихонько сказала Соня, чувствуя, какъ кровь приливаетъ у нея къ щекамъ.

— Я долженъ много, очень много сказать вамъ... Выслушайте, ради Бога, меня,—торопился Бобровъ, точно Соня собиралась уйти отъ него.

— Ну, говорите, я слушаю,—шепнула Соня. Сердце у нея сильно билось, въ глазахъ какъ-то потемнѣло, она взялась рукой за край стола и тихонько, несмѣло подняла голову.— Что-то онъ скажетъ мнѣ? Боже мой! Хоть бы скорѣе, — подумала она.

— Нѣтъ, нѣтъ я не могу говорить... Не могу,—задыхаясь отъ волненія, говорилъ Бобровъ.—Вотъ, такъ лучше...—и, выхвативъ изъ кармана записную книжечку, онъ вырвалъ листокъ и что-то торопливо написалъ.

— Возьмите, прочтите и только одно слово, больше ничего,—еле выговорилъ молодой человѣкъ и отошелъ на проти-

воположный конецъ комнаты. Соня дрожащими руками взяла бумажку и поднесла къ огню. Буквы какъ-то прыгали у нея передъ глазами, голова кружилась, она не была въ состояніи прочесть ни слова. Бобровъ не спускалъ съ нея лихорадочно горящихъ глазъ.—Господи! Что это? Что я читаю?—На клочкѣ бумажки кривыми неровными буквами было: «согласны ли вы быть моей женой»? Соня крѣпко сжала въ рукѣ бумажку.

— Такъ это правда... Онъ проситъ меня... Онъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе... Господи! *мнѣ* и вдругъ предложеніе. Я уже такая большая... Могу выйти замужъ... какъ Аня...—Соня стояла, не двигаясь, и ей казалось, что стѣны кабинета раздвинулись и она видитъ куда-то далеко, далеко... Ей немного жутко отъ непривычки, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ весело, и она готова, отъ радости, наполнявшей ее, броситься на шею и расцѣловать виновника этого пріятнаго ощущенія.

— Софья Александровна... Соня... Что же вы не скажете мнѣ ничего?—послышался голосъ Боброва и, взглянувъ на него, Соня увидѣла его блѣдное, взволнованное лицо. Онъ такъ волнуется отъ того, что любитъ ее, Соню Яворскую... Онъ докторъ, завидный женихъ, а она гимназистка.

— Да скажите же что нибудь!—донеслось опять изъ того же угла и, повинуясь охватившему ее чувству, Соня широко улыбнулась и сказала:

— Господи! Какъ я рада, Андрей Алексѣевичъ.

Въ одно мгновенье онъ очутился около нея и, крѣпко цѣлуя ея маленькія ручки, какъ-то близко заглядывая ей въ глаза, онъ зашепталъ:—Соня... милая... моя... Соня. Какъ я люблю васъ... Всю жизнь вамъ одной... Счастье мое, радость...

Соня какъ будто сквозь сонъ слышала страстный лепетъ молодого человѣка, ей хотѣлось слушать его безъ конца. Но вдругъ точно какая-то завѣса спала предъ ней.

— Господи! Что я дѣлаю? Вѣдь, онъ думаетъ, что я согласна, что я люблю его... Да это неправда, неправда...

— Андрей Алексѣевичъ.. голубчикъ... Милый... Вѣдь я не люблю васъ,—зашептала Соня, крѣпко сжимая ему руки. Сіявшее до того радостью лицо молодого человѣка вдругъ вытянулось, краска сбѣжала съ него, глаза какъ-то потухли. Не выпуская рукъ Сони, онъ отодвинулся назадъ и молча глядѣлъ на нее.

— Простите меня... я не люблю васъ... я не хочу идти замужъ, нѣтъ, нѣтъ... Я поѣду въ консерваторію,—ласково говорила Соня, нѣжно смотря на Боброва.

— Вы не любите меня... Да?.. Это правда? Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть! Кого же вы любите? Кого? Да говорите-же,—умоляюще произнесъ Андрей Алексѣевичъ.

— Я никого не люблю, кромѣ папы. Моего милаго, хоро-

шаго папы... Я никого не люблю, право же, Андрей Алексѣевичъ! Голубчикъ! Что же дѣлать теперь? А? Скажите?

Соня близко подвинулась къ молодому человѣку и заглядывала ему въ лицо. Бобровъ молча отнялъ у Сони руки, закрылъ ими свое лицо и отошелъ къ окну. Соня съ растеряннымъ видомъ стояла около письменнаго стола...—Что дѣлать теперь? Зачѣмъ это все такъ вышло? Вѣдь я же не люблю его, нѣтъ. Что мнѣ надо было сказать ему?.. Утѣшить его? Но какъ? Вѣдь ему надо, чтобы я любила его, а я не люблю его... Господи, Господи, прости меня!—и Соня тоже закрыла лицо руками. Наступило молчаніе.

— Софья Александровна! Простите меня, я огорчилъ васъ... Я думалъ, я надѣялся... Дѣвочка моя хорошая, ну откройте же лицо!—заговорилъ Бобровъ, подходя къ Сонѣ и беря ее за руки. Соня открыла лицо и посмотрѣла прямо въ глаза молодому человѣку. Глубокая жалость охватила ея сердце.

— Андрей Алексѣевичъ... простите меня... Вамъ не надо меня любить, я глупая, пустая... Я не стою васъ... Я совсѣмъ глупая. Женитесь лучше на нашей классной дамѣ.—Соня какъ то задохнулась и сразу остановилась.

— Вы хорошая, милая дѣвушка, и я люблю васъ и буду любить васъ одну... Слышите, васъ, только васъ одну! и никого мнѣ больше не надо... Спасибо, что вы прямо сказали мнѣ, что не любите меня... Я завтра же уѣду къ отцу, не буду васъ видѣть... Такъ лучше. Когда я пріѣду, вы уже скоро уѣдете въ консерваторію. Желаю вамъ успѣха... Прощайте! — Молодой человѣкъ еще разъ крѣпко сжалъ Сонѣ руки и быстро вышелъ изъ кабинета. Соня осталась одна. Свѣча слабо горѣла, углы кабинета были темны, изъ нихъ точно вѣяло сыростью, было такъ неуютно. Соня стояла и думала:

— И это все... Онъ ушелъ... Сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я отказала, и онъ ушелъ! Господи!—Сонѣ казалось, что она выросла въ своихъ собственныхъ глазахъ, точно она встала на цыпочки. Соня прислушалась—въ домѣ была тишина, только изъ комнаты Ани доносились голоса.

— Они и не знаютъ, что мнѣ сдѣлали предложеніе, что я большая... Я могу выйти замужъ!—и Сонѣ живо нарисовалась картина, какъ она стоитъ въ подвѣнечномъ платьѣ, а мама и Авдотья Петровна ходятъ кругомъ нея. Но она тутъ же поймала себя.

— А онъ?.. Вѣдь онъ страдаетъ, бѣдный.—Но снова радость, что ее любятъ, что она теперь уже «невѣста», взрослая барышня—охватывала ее.—Куда идти теперь?—Ей казалось, что съ ней случилось что-то необыкновенное, великое, что ей

тѣсно у себя въ домѣ. Однако надо идти. Соня быстро задула свѣчу и тихонько вышла изъ кабинета. Проходя мимо гостиной, она увидѣла въ трюмо свою маленькую фигурку и съ гордостью подумала: мнѣ сдѣлали предложеніе... Я могу выйти замужъ и быть m-me Бобровой!—Послѣдняя мысль такъ понравилась ей, что она даже засмѣялась тихимъ, довольнымъ смѣхомъ. Въ открытую дверь столовой Соня увидѣла Боброва: онъ стоялъ, прижавъ свою горячую голову къ холодному окну и крѣпко стиснувъ руки.

Чувство жалости опять охватило Соню, ей хотѣлось утѣшить его, но она не знала, какъ это сдѣлать. Въ одно и то же время она была рада, что изъ-за нея страдаютъ, и ей было жалко вмѣстѣ съ тѣмъ.—Позвать его или нѣтъ?—колебалась она, но въ корридорѣ раздались шаги Анны Ивановны, и Соня, какъ кошка, тихонько прокралась на лѣстницу и пошла къ себѣ въ комнату. Зина обернулась на ея шаги.

— Что ты, что съ тобой? Какая ты блѣдная, растерянная?—спросила ее Зина.

— Ничего, ничего,—отвѣтила Соня, опускаясь на кровать; она сразу почувствовала страшную усталость.

— Который теперь часъ?—чуть слышно спросила она.

— Четверть одиннадцатаго... Да что съ тобой? Бобровъ, что ли, тебѣ что сказалъ?—допытывалась Зина. Соня отрицательно покачала головой и поспѣшно начала сдергивать съ себя платье. Черезъ пять минутъ она была уже въ кровати. Сказать Зинѣ или не надо?—думала Соня, ворочаясь въ постели; спать ей не хотѣлось, мысли смѣнялись одна другой.

— А какъ же уроки? Вѣдь тебя, пожалуй, завтра Федоровъ спроситъ по геометріи, а у тебя задача не списана?—спросила ее Зина, подходя къ кровати. Соня быстро сѣла на кровать, протянула свои худенькія голыя руки и, задыхающимся отъ волненія и радости голосомъ, сказала:

— Зиночка, Бобровъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе!

— Не можетъ быть!—воскликнула Зина.

— Ей Богу... онъ мнѣ написалъ, хочу ли я быть его женой? и потомъ сказалъ, что любитъ меня... Такъ и сказалъ...

Соня схватила холодныя руки Зины и прижала ихъ къ своимъ пылающимъ щекамъ.

— А тетя не знаетъ? Онъ тебѣ первой сказалъ?

— Не знаетъ, онъ ей ничего не говорилъ, мнѣ самой все сказалъ,—и Соня засмѣялась счастливымъ смѣхомъ.

— Какъ же теперь будетъ?—спрашивала Зина, обнимая и цѣлуя Соню.

— Я ему отказала!—съ чувствомъ собственнаго достоинства сказала Соня, высоко поднимая головку.

— Господи! Отказала... А тетя-то что скажетъ? И тебѣ его не жаль? Фу, безсовѣстная!

— Ахъ, Зина!—вдругъ страстно зашептала Соня,—ты и не знаешь, какъ мнѣ его жаль... Такъ жаль, что я даже согласилась бы на его предложеніе... Но не могу... Нѣтъ, нѣтъ... Вѣдь всѣ говорятъ, что у меня способности къ музыкѣ и пѣнію. Надо только работать, работать. Я поѣду учиться!—Соня замолчала, потомъ глубоко вздохнула и сказала тихимъ голосомъ:—А какъ жалко его!

— И влетитъ же тебѣ отъ тети, что ты сама всѣмъ распорядилась, не сказавъ ни слова.

— Да за что же влетать?—удивилась Соня...—Вѣдь онъ меня любитъ, а не маму, мнѣ сказалъ. Въ моихъ рукахъ его судьба,—хочу такъ рѣшу, хочу иначе... Никто не можетъ ничего со мной сдѣлать! Господи!—Соня упала въ подушки и слышно было, какъ она смѣется.

— Зиночка, милая,—начала она съ жаромъ,—голубчикъ, поди посмотри, что онъ дѣлаетъ... Такъ, въ щелочку взгляни. Пожалуйста, я тебя умоляю, Зинушка,—и Соня начала горячими поцѣлуями покрывать руки Зины.

— Ахъ, сумасшедшая!—ласково говорила Зина.—Пойду, пойду.

— Только ты ни слова ему не говори, ни слова, ради Бога,—съ ужасомъ зашептала Соня.

— Хорошо, хорошо,—и Зина выбѣжала изъ комнаты. Соня опять легла въ постель и закрылась съ головой одѣяломъ—ей было страшно. Вдругъ онъ плачетъ... Что дѣлать? Бѣдный! Но она ничего не можетъ сдѣлать, ничего... А вдругъ если, взять, да сказать ему, что я согласна, я принимаю ваше предложеніе? Боже, какъ онъ будетъ радъ! Онъ опять скажетъ: Соня... Милая... Моя... дорогая. Я не могу жить безъ васъ, я васъ люблю больше всего на свѣтѣ!—и Соня слышала въ ушахъ голосъ Боброва, точно онъ былъ рядомъ. Какая-то дрожь пробѣгала у нея по тѣлу, ей стало невыносимо жарко, и она сбросила съ себя одѣяло. Лѣстница скрипнула.

Кровь бросилась Сонѣ въ голову, она даже перестала дышать и съ широко раскрытыми глазами глядѣла на дверь. Но никто не входилъ. Соня начинала терять терпѣніе. Она, вытянувъ шею, прислушивалась къ голосамъ, раздававшимся внизу и, наконецъ, не вытерпѣла: босая, въ одной сорочкѣ она легко соскочила съ кровати и, какъ тѣнь, шмыгнула къ двери. Голоса замолкли. Соня, осторожно ступая, вышла изъ комнаты, начала спускаться съ лѣстницы и остановилась, какъ вкопанная: голосъ Боброва, тихій и грустный, какъ ей показалось, говорилъ: «Я завтра уѣду... Отецъ давно ждетъ меня... Я напишу вамъ, Анна Ивановна, а теперь до свиданія... По-

клонитесь отъ меня Софьѣ Александровнѣ и пожелайте ей всего хорошаго». Затѣмъ раздались шаги, и всѣ пошли провожать Боброва до передней. Соня, крѣпко обхвативъ перила, прижалась къ нимъ. Голосъ Боброва проникалъ прямо ей въ душу и ей хотѣлось крикнуть, назвать его, вернуть, но она точно вся застыла. Изъ передней выбѣжала Зина, пробѣжала столовую и начала подниматься по лѣстницѣ. Здѣсь, на ступеняхъ она замѣтила бѣленькую, худенькую фигурку Сони.

— Соня, ты съ ума сошла, здѣсь такой холодъ, ты совсѣмъ раздѣтая... Иди въ комнату.—Соня послушно пошла назадъ за Зиной и, сѣвъ на кровать, закуталась по горло одѣяломъ. Глаза ея слѣдили за Зиной.

— Ну?—черезъ силу выговорила она.

— Ну, ничего, уѣхалъ... Ты, Соня, все таки замѣчательно безжалостная... На бѣдномъ Андреѣ Алексѣевичѣ лица совсѣмъ нѣтъ... какъ-то согнулся, голосъ осѣлъ... растерянный... У тебя, положительно, сердца нѣтъ,—въ голосѣ Зины слышались слезы, она нервно ходила по комнатѣ.

— И знаешь, Зина, почему онъ такъ мучается?—страннымъ тономъ сказала Соня, блестя глазами.

— Почему?—удивилась Зина тону сестры.

— Да потому, что меня любитъ, меня... Я захочу—и онъ будетъ счастливъ и никого ему не надо, кромѣ меня, никого! Онъ меня больше всего на свѣтѣ любитъ... обожаетъ,—страстно зашептала Соня и опять засмѣялась.

— Ты эгоистка и бездушная кокетка,—сухо сказала Зина.— Я пойду внизъ ужинать... Ты не будешь?—Соня ничего не отвѣтила, но только отрицательно покачала головой, продолжая улыбаться. Зина вышла изъ комнаты, а Соня, обнявъ колѣни своими худенькими руками и положивъ на нихъ голову, смотрѣла впередъ себя и улыбалась.—Вотъ теперь она захочетъ и сразу броситъ гимназію, всѣхъ этихъ учителей, математику, которую она такъ не любитъ, классныхъ дамъ... Всѣхъ, всѣхъ... Она пойдетъ подъ руку по главной улицѣ со своимъ мужемъ .. На ней будетъ голубая суконная ротонда на бѣломъ мѣху, такая же шапочка. Она пройдетъ мимо этой ненавистной классной дамы, Людмилы Михайловны, и не поклонится... Она не узнала ее... Да, не узнала... Отвернуться или прямо посмотрѣть ей въ ея зеленое лицо? Лучше посмотрѣть черезъ лорнетъ, вотъ такъ—кто эта особа? Я ее гдѣ-то видѣла... Ахъ, да! это наша бывшая классная дама, которая сама влюблена въ моего Андрея... И всѣ будутъ спрашивать,— кто это такая хорошенькая молодая дама? Какъ любитъ ее мужъ! Боже мой! да вѣдь это Софья Александровна Боброва, бывшая Соня Яворская, жена молодого доктора психіатра, подающаго такія большія надежды. Это былъ первый женихъ

въ городѣ... А знакомыя барышни будутъ завидовать: и что онъ въ ней нашелъ? худенькая, черненькая, въ гимназіи была озорница ужасная, начальницу и всѣхъ классныхъ дамъ сводила съ ума!.. А потомъ, какъ они поѣдутъ изъ церкви, въ каретѣ, у нея будетъ бѣлое шелковое платье, длинный, длинный тренъ... Обязательно нужно три пары шаферовъ. Она вся въ цвѣтахъ, въ облакѣ воздушнаго газа... и онъ... онъ говоритъ ей: «милая, дорогая... Жизнь моя! Ты воскресила меня! Ангелъ мой хранитель! Мы пойдемъ съ тобой твердо по тернистому жизненному пути, презирая всѣ невзгоды».—А потомъ они уѣдутъ за границу, въ Италію, въ Америку... Они поѣдутъ въ купэ перваго класса... Всѣ ихъ будутъ провожать... Ей принесутъ огромный букетъ изъ бѣлыхъ розъ... Мама будетъ плакать... А папа? Что же папа? Она броситъ его, своего милаго, дорогого папу, который такъ любитъ ее, который говоритъ ей: учись, Соня, работай, у тебя способности, стыдно зарывать ихъ въ землю!

— Соня!—вдругъ прервалъ мечты молоденькой дѣвушки голосъ Зины,—иди къ тетѣ въ комнату, она зоветъ тебя... Тетя даже не ужинала, она сердита чѣмъ-то.—Соня поспѣшно натянула на себя бѣленькую ночную кафточку, всунула босыя ноги въ туфли, надѣла себѣ на плечи свое теплое одѣяло, такъ что оно сзади везлось по полу на аршинъ, и начала спускаться по лѣстницѣ. «Догадалась!» подумала она про мать и робко постучала въ дверь спальни Анны Ивановны.

— Пожалуйте!—раздался за дверью голосъ матери, и у Сони сильно забилось сердце.—Узнала все!—рѣшила она и, перешагнувъ черезъ порогъ комнаты, стала въ нерѣшительности.

Анна Ивановна въ одной бѣлой юбкѣ и въ такой же кофточкѣ стояла около комода и заплетала себѣ волосы.

— Не можешь ли ты мнѣ объяснить—почему это такъ скоро Бобровъ уѣзжаетъ? Что съ нимъ произошло?—сказала мать строго, смотря на Соню.

— Сказать или нѣтъ?—подумала Соня.—Скажу, все равно рано или поздно узнаетъ,—рѣшила она.

— Онъ уѣзжаетъ, потому что не хочетъ видѣть меня, мама,—начала она робко.

— Не хочетъ видѣть тебя?—поднимая брови, недовольнымъ тономъ сказала Яворская.—Почему это?

Соня посмотрѣла на мать: лицо ея не предвѣщало ничего хорошаго.

— Онъ сказалъ мнѣ, мама, что любитъ меня, что хочетъ на мнѣ жениться, а я его не люблю,—быстро сказала Соня.

— Онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, глупая дѣвчонка! и ты смѣла отказать ему, не сказавъ мнѣ ни слова?—восклик Анна Ивановна, близко подходя къ Сонѣ.

— Мама, да вѣдь, если я его не люблю на самомъ дѣлѣ!—проговорила Соня.

— Ты сама не знаешь, кого ты любишь, ты не смѣла ничего сказать ему безъ моего позволенія! —выходила изъ себя Яворская. Соня замолчала; она чувствовала себя глубоко огорченной, что-то давило у нея въ груди и какое-то непріязненное чувство росло у нея противъ матери.

— Что онъ тебѣ сказалъ, Софья?

Соня молчала.

— Ты оглохла, что ли? Я спрашиваю, что онъ сказалъ тебѣ?

Соня холодно посмотрѣла на мать и сказала, стараясь быть спокойной:

— Онъ просилъ меня быть его женой, сказалъ, что любитъ меня...

— Ну?—нетерпѣливо проговорила Анна Ивановна.

— Я отвѣчала ему, что люблю только одного папу (Соня нарочно подчеркнула эти слова) и что хочу ѣхать въ консерваторію учиться пѣнію и музыкѣ!

— Какъ ты, смѣла такъ отвѣтить ему? Какъ смѣла, я тебя спрашиваю?—Анна Ивановна такъ близко подошла къ дочери, что Соня попятилась назадъ. Что-то все росло въ груди у Сони, подступало къ горлу, щекотало въ носу, но она сдерживалась и тихо, но спокойно, отвѣчала матери:

— Разъ онъ обратился ко мнѣ, мама, я сочла себя въ правѣ отвѣтить ему такъ, какъ находила это нужнымъ!

— Боже мой! Что за тонъ! Ты сочла себя въ правѣ грубить хорошему человѣку? Кто далъ тебѣ это право? Развѣ я воспитывала васъ съ Аней невѣжами, способными прогонять людей отъ дому! Да кто далъ это право шестнадцатилѣтней дѣвчонкѣ? Она, видите ли, не любитъ его, она поѣдетъ учиться въ консерваторію. Дура!—вдругъ крикнула Анна Ивановна.

Соня вся какъ-то съежилась и закрыла лицо руками.

— Нѣтъ, вотъ подите,—не унималась Яворская,—воспитывайте дѣтей, тратьте на нихъ все здоровье, всѣ силы и въ результатѣ получишь такое сокровище, которое только и знаетъ, что причиняетъ непріятности, разрушая всѣ ваши планы, всѣ мечты!.. Нѣтъ, какъ ты смѣла отказать ему, не спросясь меня? Развѣ ты не могла сказать человѣку, что подождите, я не знаю, я спрошу людей, которымъ я всѣмъ обязана, которые любятъ меня... Наконецъ, развѣ ты не могла сказать ему, чтобы онъ подождалъ, что ты еще такая дура, что сама отказываешься отъ своего счастья...—Анна Ивановна въ волненіи заходила по комнатѣ

— Нѣтъ, все произошло отъ того, что ты не любишь никого, кромѣ себя, что ты нарочно разрушила всѣ мои планы!

Соня молчала, не открывая лица. Одѣяло давно уже спало у нея съ плечъ, и она стояла въ одной коротенькой сорочкѣ, съ голыми длинными ногами, обутыми въ ночныя туфли.

— Она поѣдетъ въ консерваторію?.. Видите-ли, какой талантъ сыскался, геній! Вбили дурѣ въ голову всякую чушь, она и повѣрила... И папенька тоже хорошъ: нѣтъ того, чтобы хоть немного поучить уму разуму дѣтокъ—то же несетъ... Ты сначала деньги заработай на консерваторію-то... Вотъ, выходи замужъ, тогда хоть въ Италію поѣзжай учиться пѣнію... А то... нѣтъ, это просто невозможно... Я самая несчастная жена и мать во всемъ мірѣ!—И Анна Ивановна взволнованно ходила по комнатѣ. Сонѣ было страшно: она не узнавала въ этой взволнованной, кричащей женщинѣ свою добрую маму. Правда, мать иногда сердилась на нее, даже въ былое время наказывала, но такъ оскорблять... никогда!.. Соня боялась открыть лицо, чтобы въ этой женщинѣ не узнать свою мать. Ея сердце сжималось отъ горечи, отъ обиды, она не знала, что будетъ съ нею, она только чувствовала, что мать все дальше и дальше отходитъ отъ нея. За дверью спальни послышались тяжелые шаги, и въ комнату вошелъ Александръ Ивановичъ Яворскій, мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, высокаго роста, широкоплечій, съ умнымъ и добрымъ лицомъ. Онъ пріѣхалъ прямо съ практики отъ одного больного и прошелъ къ женѣ. Увидя Анну Ивановну, стоявшую посреди комнаты съ взволнованнымъ и сердитымъ лицомъ, и Соню, которая прижалась въ уголъ комнаты, закрывъ лицо руками и въ одной сорочкѣ—Александръ Ивановичъ остановился въ недоумѣніи, переводя глаза съ дочери на жену и обратно.

— Вотъ, полюбуйся на свою любимицу,—начала Яворская, какъ только увидѣла мужа,—хороша дочка, нечего сказать, много доставляетъ удовольствія родителямъ!

— Да что такое, Боже мой! Что у васъ случилось?—съ тревогой спрашивалъ Александръ Ивановичъ.—Соня, милая, да ты вся дрожишь!—ласково говорилъ онъ, подходя къ дочери.

При звукахъ ласковаго голоса отца, все долго сдерживаемое чувство горечи и обиды прорвалось у Сони наружу и, бросившись къ отцу на шею, она крѣпко обняла его и зарыдала.

— Господи! Да что такое? Соня, милая! Кто тебя обидѣлъ?—нѣжно цѣлуя дочь въ волосы, говорилъ Яворскій. Сквозь слезы и рыданія онъ могъ разобрать безсвязныя слова, которыя произносила Соня: «я тебя одного люблю... она злая, злая»...

Александръ Ивановичъ совершенно растерялся.

— Да, что случилось? Скажи хоть ты, Аня?

— Андрей Алексѣевичъ сдѣлалъ предложеніе нашей ду-

рочкѣ,—начала Анна Ивановна болѣе мягкимъ тономъ, но мужъ перебилъ ее испуганнымъ голосомъ:—Да что это! Сонечкѣ предложеніе?! Да что же ты ему отвѣтила? Ахъ Боже мой, Боже мой!—спрашивалъ отецъ Соню. Соня ничего не отвѣчала, только опять зарыдала и еще крѣпче прижалась къ отцу. Александръ Ивановичъ бережно, точно маленькую, поднялъ дочь на руки и перенесъ на постель.

— Выпей, Соня, выпей воды...—успокоивалъ онъ дочь, подавая ей воду.

Соня, вся трясясь отъ сдерживаемыхъ рыданій, отпила нѣсколько глотковъ. Зубы ея стучали о край стакана, слезы текли и падали въ воду.

— Ну, что же ты ему отвѣтила?—съ тревогой спросилъ отецъ Соню. Соня заплакала опять и прижалась къ отцу.

— Что же можно было ожидать отъ нея, кромѣ глупаго отвѣта: не люблю васъ, люблю одного папу и поѣду учиться въ консерваторію пѣнію,—нѣсколько насмѣшливо сказала мать.

— Такъ ты отказала, Соня?—цѣлуя дочь въ мокрую щеку, спросилъ взволнованно Александръ Ивановичъ.

— Да, папочка,—еле слышно прошептала Соня и уткнулась носомъ въ крахмаленную сорочку отца.

— Слава Богу,—радостнымъ голосомъ сказалъ Яворскій и даже перекрестился.

Анна Ивановна окончательно вышла изъ себя.

— Нѣтъ, ты съ ума сошелъ, Александръ Ивановичъ, совсѣмъ съ ума сошелъ... Гдѣ бы дуру дѣвочку научить, показать, что она не такъ поступила,—ты ей потакаешь! Нѣтъ, это невозможно, я откажусь отъ воспитанія дѣтей, возись съ ними, какъ хочешь, коль ты ихъ за все по головкѣ гладишь.

— Постой, мама, не кричи,—вступился спокойно Александръ Ивановичъ,—за что ты дѣвочку бранишь, коли она сказала правду? Бобровъ прекрасный молодой человѣкъ, и какъ товарищъ, и какъ врачъ. Ну, а если она его не любитъ!.. Если она на самомъ дѣлѣ меня любитъ больше всѣхъ? Такъ, что-ли, Соня? А?—и отецъ нѣжно цѣловалъ худенькія плечи и руки Сони.

— Папочка, милый... хорошій,—залепетала Соня и снова громко зарыдала.

— Ну, будетъ, голубчикъ, будетъ,—со слезами въ голосѣ говорилъ Яворскій.—Ахъ, эта мама, до чего довела мою Соню... Будетъ, моя дѣвочка, не плачь!—и онъ снова цѣловалъ плачущую дочь.

— Ну, я понимаю,—начала опять Анна Ивановна болѣе добрымъ голосомъ,—можно человѣка не любить, отказать ему... Но надо быть вѣжливой, надо не оскорблять людей!.. Ты,

Соня, не маленькая, могла понять, что ты своимъ такимъ отказомъ оскорбляешь его... Могла попросить его подождать!

— Да чего ждать, коли она его не любитъ? Вѣдь онъ сейчасъ хотѣлъ знать, любитъ ли она его, а не на второе пришествіе? Не люблю, а все же, молъ, подождите. Ну, логика!— вступился снова за дочь Яворскій.

— Да согласись самъ, Александръ Ивановичъ, что нельзя было вести себя такъ съ человѣкомъ, что онъ больше и бывать не будетъ у насъ. Лишить насъ, меня знакомыхъ!

— Это очень жаль, что Бобровъ перестанетъ бывать у насъ, но что-же дѣлать? Ты что сказала ему, Соня?—обратился Яворскій къ дочери съ ласковой улыбкой, глядя ей въ лицо.

Соня слабо улыбнулась въ отвѣтъ отцу:—Онъ мнѣ написалъ, папочка, на бумажкѣ, что могу ли я быть его женой... А я сказала ему, что не люблю его, что люблю только тебя одного и что поѣду учиться пѣнію...—Соня замолкла, переводя дыханіе.

— Ну, а онъ что отвѣтилъ? — съ ободряющей улыбкой спрашивалъ Яворскій.

— А онъ сказалъ, что желаетъ мнѣ всего лучшаго, что поѣдетъ къ отцу и меня долго не увидитъ.

— Чего же тебѣ еще надо, мама? — обратился къ женѣ Яворскій.—По моему мнѣнію, Соня поступила какъ слѣдуетъ. Главное, она сказала такъ, какъ подсказало ей сердце.

— Но, подумай, Александръ Ивановичъ, она поставила насъ въ очень неловкое положеніе, не сказавъ мнѣ ни слова... Я хоть бы поблагодарила Андрея Алексѣевича за честь, которую онъ оказалъ такой глупой дѣвчонкѣ.

— Слышишь, Соня, надо было его поблагодарить, какъ мама говоритъ,—обратился къ дочери Яворскій.

— Я, папочка, не знала, что надо за это благодарить...— тихо сказала Соня.

— Разъ ты не знала, что дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ, ты должна была сказать все мнѣ... Я думаю, я тебѣ не чужая и желаю тебѣ только одно хорошее,—сказала Анна Ивановна наставительно.

Соня ничего не отвѣтила матери и только тяжело вздохнула.

— Ну, ну, утѣшься, Соня, ничего... Завтра я увижу въ больницѣ Андрея Алексѣевича и поговорю съ нимъ обо всемъ... Человѣкъ онъ очень хорошій и пойметъ все, а потому сердиться не станетъ... Ну, Христосъ съ тобой, иди спать.—Яворскій нѣсколько разъ поцѣловалъ дочь.

— А ты придешь ко мнѣ? — между поцѣлуями спросила отца Соня.

— Приду, приду... Иди!

Соня начала собирать свои пожитки.

— А со мной прощаться не хочешь? Разсердилась?—ласково проговорила Анна Ивановна.

— Нѣтъ, я не сержусь на васъ, мама,—тихо отвѣтила Соня и поцѣловала мать въ щеку.

Когда Соня вернулась въ свою комнату, Аня и Зина, готовыя лечь въ постель, ожидали ее, сидя на кровати. Увидя заплаканное, грустное лицо Сони, онѣ молча переглянулись.

— Соня! Ты, можетъ быть, хочешь поѣсть! А? Ты вѣдь не ужинала!—спросила ее ласковымъ голосомъ Зина.

— Хочу... Что у насъ осталось отъ ужина?—спросила Соня, тяжело вздыхая.

— Винегретъ... Я принесу тебѣ,—и Зина вышла изъ комнаты.

Соня молча сѣла на кровать, поджавъ подъ себя ноги.

— Ты не очень огорчайся, Соня, мама такъ себѣ, пошутила и больше ничего... Вѣдь ея мечта была видѣть тебя m-me Бобровой,—съ веселой улыбкой утѣшала сестру Аня.

— M-me Бобровой!—повторила за ней Соня, улыбаясь.

— А ты теперь уже совсѣмъ большая, Соня,—еще бы: невѣста,—все въ томъ же шутливомъ тонѣ говорила Аня.

Соня опять улыбнулась. Вошла Зина, неся винегретъ.

— Кушай, Соня,—ласково сказала она, ставя передъ Соней тарелку. Соня взяла хлѣбъ, вилку и съ аппетитомъ принялась за свой поздній ужинъ. Нѣсколько минутъ всѣ молчали.

— Ну, какъ же онъ тебѣ сдѣлалъ предложеніе? — не вытерпѣла и, съ любопытствомъ смотря на сестру, спросила Аня.

Радостное сознаніе, что она большая, что она получила предложеніе и что это интересуетъ другихъ—наполнило сердце Сони. Хмуря свои тоненькія брови, Соня съ видомъ опытнаго человѣка отвѣчала:

— Ну, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ... Сказалъ, что любитъ меня, что проситъ моей руки.—Соня на минуту замолчала: на лицѣ ея боролись застѣнчивость и лукавство. Наконецъ, она рѣшилась и тихонько воскликнула:— Какъ онъ мнѣ руки цѣловалъ! Господи!

— Неужели?—въ одинъ голосъ сказали Аня и Зина.

Соня, набивъ себѣ ротъ картофелемъ и свеклой, могла только утвердительно кивнуть головой.

— Я давно замѣтила, что онъ въ тебя влюбленъ...

— А я и не знала,—сказала Соня, прожевавъ,—я думала, что ему нравится наша классная дама.

— Вотъ теперь будетъ злиться-то, какъ узнаетъ, что онъ ее не любитъ!—воскликнула Зина.

— Молодецъ Соня!—похвалила Аня сестру, — выхватила изъ подъ носу жениха!

Соня поспѣшно доѣдала остатки винегрета и на лицѣ ея свѣтилась довольная улыбка, хотя глаза и носъ были красны и распухли отъ слезъ.

— Теперь въ городѣ всѣ узнаютъ, что Бобровъ дѣлалъ тебѣ предложеніе, и всѣ будутъ знать, что прибавилась новая невѣста,—продолжала Аня.—До сихъ поръ тебя считали дѣвочкой, а теперь какая ты дѣвочка, когда тебѣ предложеніе сдѣлано и ты можешь выйти замужъ.

Соня съ удовольствіемъ слушала сестру,—она большая, она невѣста, ее любятъ, изъ за нея страдаютъ, она можетъ осчастливить и досадить нелюбимой классной дамѣ—все это вмѣстѣ сливалось въ какой-то торжественный гимнъ, и Соня съ упоеніемъ слушала его. Такъ болтая, дѣвушки просидѣли до тѣхъ поръ, пока виновница торжества сладко не зѣвнула, и Зина объявила, что уже два часа и пора спать, такъ какъ въ восемь часовъ идти въ гимназію. Соня долго возилась въ постели, укладываясь поудобнѣе; сонъ слипалъ ей глаза, но она хотѣла дождаться отца. Потомъ ей показалось, что Андрей Алексѣевичъ подошелъ къ ея кровати и тихо, едва слышно, спросилъ:—ты спишь, Соня?—Соня вздрогнула, широко открыла глаза и увидѣла отца, который наклонился надъ ней.

— А я заснула, было, папочка,—начала она шопотомъ.

— Ну, спи, спи, я посижу съ тобой, — ласково говорилъ Александръ Ивановичъ и, покрѣпче закрывъ Соню одѣяломъ, сѣлъ на край кровати. Соня улыбнулась отцу и, взявъ его за руку, начала засыпать.

— Папочка, я завтра не пойду въ гимназію, я геометрію не выучила,—говорила Соня совсѣмъ соннымъ голосомъ.

— Ну, хорошо, хорошо, спи,—и Александръ Ивановичъ, закуривъ папиросу, сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не раздалось ровное, спокойное дыханіе Сони.

«Совсѣмъ большая и невѣста», подумалъ онъ съ грустью и тихонько вышелъ изъ комнаты.

С—ва.

Женщины-буддистки.

Когда всесовершенный Будда умиралъ, то въ послѣдніе часы его жизни, такъ гласитъ преданіе, съ нимъ бесѣдовалъ любимый ученикъ его Ананда, который спросилъ Учителя: „какъ намъ, Господи, поступать по отношенію къ женщинамъ?“ „Не смотрѣть на нихъ, о Ананда“, „А если взглянешь, Господи, какъ быть?“ „Не говорить, о Ананда“. „А если, Господи, заговоришь, какъ быть?“ „Блюсти мысль, о Ананда“.

Не напрасно спрашивалъ такъ Ананда: по его просьбѣ, послѣ долгихъ уговоровъ, Учитель согласился принять женщинъ въ общину и тогда же онъ съ укоризною сказалъ своему любимому ученику: „если бы, о Ананда, женщины не получили дозволенія покинуть домашнюю жизнь и стать отшельницами по закону и установленіямъ Будды, то святая вѣра просуществовала бы долго, благой законъ стоялъ бы твердо въ теченіе тысячи лѣтъ, но такъ какъ теперь женщины получили это дозволеніе, то святая вѣра не просуществуетъ такъ долго, благой законъ будетъ твердо стоять лишь пять сотъ лѣтъ. Подобно тому какъ домъ, въ которомъ много женщинъ и мало мужчинъ, легко грабляется разбойниками, такъ и вѣра, по закону и установленіямъ которой женщинамъ дозволяется покинуть домашнюю жизнь и стать отшельницами, не просуществуетъ долго“. И не одинъ только Учитель укорялъ Ананду; когда, послѣ смерти Будды, пять сотъ святыхъ старцевъ собрались на первую „спѣвку закона“, они не хотѣли допустить въ свою среду любимаго ученика Будды, и первой виною, первымъ грѣхомъ противъ общины выставили допущеніе въ нее черезъ Ананду женщинъ.

Не случайно, конечно, имя Ананды связано съ введеніемъ женщинъ въ общину монаховъ. Мягкій и привѣтливый, онъ ближе стоялъ къ жизни, въ которой нѣтъ монашескихъ предубѣжденій и предразсудковъ, умѣющихъ проглядѣть человѣческое въ женщинахъ и мужчинахъ и найти только одно животное, которое надо затоптать и проклясть. Какимъ привлекательнымъ рисуется намъ этотъ образъ человѣчнаго монаха Ананды словами учителя, сказанными на смертномъ одрѣ: „если, о братья, монахи пойдутъ

къ Анандѣ, они радуются при видѣ его, и если Ананда станетъ проповѣдывать законъ, они радуются его словамъ, а если Ананда молчитъ, они печалятся. И если монахини, и міряне и мірянки пойдутъ къ Анандѣ, они радуются, видя его, и если онъ станетъ проповѣдывать законъ, они радуются, а если Ананда молчитъ, они печалятся".

Понятно поэтому, что имя Ананды часто встрѣчается въ житіяхъ монахинь и одно изъ житій даже изображаетъ, въ яркой, полной жизни картинкѣ, какъ молодая дѣвушка полюбила Ананду и какъ эта любовь привела ее на лоно буддійской монашеской общины.

Однажды Ананда, обойдя городъ Шравасти за подаяніемъ, подошелъ къ одному колодцу. Въ это время изъ колодца доставала воду Пракрити, дѣвушка изъ низшей касты. Ананда сказалъ ей: „сестра, дай мнѣ воды напиться"; когда онъ такъ сказалъ, Пракрити, дѣвушка изъ низшей касты, отвѣтила почтенному Анандѣ: „почтенный Ананда, я дѣвушка изъ низшей касты". „Я не спрашиваю тебя, сестра, ни рода твоего, ни касты, но если осталась у тебя вода, дай мнѣ напиться". И Пракрити, дѣвушка изъ низшей касты, дала почтенному Анандѣ воды; и онъ, напившись воды, ушелъ".

Полюбился Ананда Пракрити и подумала она: „пусть станетъ мнѣ почтенный Ананда мужемъ—мать моя великая волшебница, она сможетъ привлечь почтеннаго Ананду". Вернувшись домой, она стала просить мать заклинаніями привлечь Ананду. И мать привлекла; привлеченный чарами матери Пракрити, Ананда пришелъ къ нимъ въ домъ; видя, что чары лишили его воли, онъ со слезами взмолился къ Буддѣ, и Будда чарами своими уничтожилъ чары колдуньи, и Ананда вернулся домой. Съ этого времени Пракрити стала неотступно всюду слѣдовать за Анандой, когда онъ ходилъ за подаяніемъ. Въ отчаяніи онъ взмолился Буддѣ, прося спасти его. „И Будда сказалъ Пракрити, дѣвушкѣ изъ низшей касты: „что тебѣ, о Пракрити, дѣвушка изъ низшей касты, нужно отъ монаха Ананды?" Пракрити сказала: „я хочу почтеннаго Ананду себѣ въ мужья". Господь сказалъ: „а имѣешь ты, Пракрити, позволеніе отъ родителей выйти за Ананду?" „Имѣю, господи, имѣю, благой".

Будда велѣлъ ей привести родителей и, когда они пришли, онъ спросилъ ихъ, даютъ ли они согласіе на то, чтобы Пракрити вышла за Ананду? Когда они выразили согласіе, онъ позволилъ имъ уйти, оставивъ дочь. Тогда Будда обратился къ Пракрити и спросилъ ее: „ты желаешь Ананду монаха, о Пракрити?" „Желаю, господи, желаю, благой". „Тогда, о Пракрити, въ такое платье, какое у Ананды, облекись". Она сказала: „облекаюсь, господи, облекаюсь, благой, посвяти меня, господи, посвяти меня благой".

И Господь очистилъ ее заклинаніемъ, „всѣ бѣды очищающимъ",

отъ прежде содѣянныхъ грѣховъ и сказалъ ей: „иди, монахиня, блюди цѣломудріе“. Когда Учитель произнесъ эти слова, Пракрити внезапно стала какъ монахиня, бритая, въ монашеской одеждѣ. И Господь произнесъ проповѣдь и сердце Пракрити возрадовалось и она постигла четыре великія истины: о скорби, происхожденіи скорби, уничтоженіи скорби и святомъ пути. Припала Пракрити къ стопамъ господа Будды и покаялась въ томъ, какъ безумно было ея желаніе имѣть мужемъ своимъ монаха Ананду и какъ велико ея счастіе, что она вступила на истинный путь.

Если внезапно возникшее чувство къ Анандѣ, самому чистому, прекрасному и мягкому изъ учениковъ Учителя, привлекло Пракрити въ буддійскую монашескую общину, то гораздо болѣе сложныя обстоятельства, тяжелыя житейскія бури обратили на истинный путь одну изъ самыхъ знаменитыхъ монахинь Утпалаварну (Лотосо-цвѣтная).

Житія и священныя книги много говорятъ про Утпалаварну и про ея жизни—мы никогда не должны забывать, что когда говоришь о буддистѣ, надо имѣть въ виду всѣ тѣ перерожденія, черезъ которыя онъ перешелъ, прежде, чѣмъ достигъ той жизни, въ которой мы его встрѣчаемъ. Нѣкогда она была замѣчательной красавицей, красота ея была такъ велика, что она какъ бы опьяняла всѣхъ и Утпалаварна называлась тогда „Опьянительница“ (Унмадаянти). Ее полюбилъ одинъ царь и томился въ безплодной любви къ ней, потому что она была женой другого и благочестивый царь не хотѣлъ и глядѣть на жену ближняго своего. Была она одною изъ семи дочерей знаменитаго бенаресскаго царя Крикина, которыя всѣ отличались большою набожностью и которыя, по одной легендѣ, нѣкогда были семью раковинами на днѣ одного озера. Въ другой жизни она чудеснымъ образомъ родилась изъ лотоса, росшаго среди озера. Ее воспиталъ благочестивый отшельникъ и на ней женился, увлеченный ея красотою, бенаресскій царь. Она родила ему пять сотъ сыновей, но завистливыя другія жены царя скрыли это чудесное рожденіе и сказали царю, что его любимая жена родила полѣно. Царь, боясь, что онъ имѣетъ дѣло съ какимъ нибудь злымъ духомъ, изгналъ ее. Потомъ, при вмѣшательствѣ боговъ, правда открылась, царь розыскалъ жену и съ почетомъ вернулъ ее въ свой дворецъ. Когда сыновья его выросли, всѣ они стали отшельниками. И много разъ перерождалась Утпалаварна, то въ счастливыхъ обстоятельствахъ, то въ несчастныхъ, пока, наконецъ, не переродилась въ послѣдній разъ, чтобы постичь истину ученія Будды. О бурной и сложной жизни ея до обращенія такъ повѣствуетъ житіе.

Въ странѣ Гандхарской, въ знаменитомъ городѣ Такшашила жилъ богатый домохозяинъ. У него родилась красавица дочь.

Такъ какъ глаза ея были подобны голубымъ лотосамъ и отъ ея тѣла исходило благоуханіе лотосовъ, то ее и назвали Утпалаварна (Лотосо-цвѣтная). Она была единственной дочерью своего отца, и онъ рѣшилъ выдать ее замужъ только за того, кто согласится войти къ нимъ въ домъ. Такъ и сдѣлали и мужъ ея поселился въ домѣ тестя. Черезъ нѣкоторое время отецъ Утпалаварны умеръ, а мать ея сошлась со своимъ зятемъ. Настало время Утпалаварнѣ родить и она послала служанку за матерью, та пошла и застала тещу и зятя вмѣстѣ. Пока служанка ходила, Утпалаварна родила дочь; вернувшись, служанка сказала госпожѣ своей о томъ, что видѣла, но Утпалаварна не хотѣла вѣрить. Тогда служанка показала ей тѣхъ обоихъ вмѣстѣ. Возмущенная Утпалаварна въ гнѣвѣ схватила свою новорожденную дочь, бросила ею въ мужа и закричала: „негодный, дѣлай съ нею, что знаешь“. Ребенокъ упалъ на полъ и ранилъ себѣ голову, а Утпалаварна ушла изъ дома своего мужа.

Видя, что караванъ купцовъ отправляется въ Матхуру, она присоединилась къ нимъ. Въ нее влюбился одинъ изъ купцовъ и спросилъ ее, чья она; она отвѣтила, что будетъ принадлежать тому, кто станетъ кормить и одѣвать ее. Купецъ женился на ней и устроилъ ее въ Матхурѣ. Когда онъ вернулся опять въ Такшашилу, здѣсь его начали убѣждать жениться, но онъ отвѣтилъ, что женится только, если найдется женщина, подобная его женѣ. Такая отыскалась въ лицѣ дочери Утпалаварны. Боясь домашнихъ несогласій, купецъ хотѣлъ скрыть отъ первой жены свою вторичную женитьбу, но Утпалаварна узнала объ этомъ и обѣщала быть ласковой къ новой женѣ. Когда молодая жена явилась въ домъ, Утпалаварна тотчасъ почувствовала къ ней нѣжность. Однажды когда она чесала ее, она замѣтила на головѣ ея шрамъ и спросила, откуда этотъ шрамъ. Молодая женщина разсказала, что въ дѣтствѣ мать бросила ее отцу, она упала на полъ и ушиблась. Тогда Утпалаварна спросила ее объ имени матери и бабушки и поняла, что это ея дочь.

Тотчасъ она рѣшила, что ей надо уйти. Уйдя изъ дома, она присоединилась къ каравану, шедшему въ Вайшали и сошлась съ купцами. Когда караванъ прибылъ въ Вайшали, купцы не хотѣли имѣть дѣла съ тамошними блудницами, такъ они были увлечены Утпалаварною. Тогда вайшалійскія блудницы пошли къ Утпалаварнѣ и просили ее присоединиться къ нимъ. Она тотчасъ же пошла къ нимъ. Въ Вайшали жилъ молодой купецъ, который не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ блудницами и котораго онѣ никакъ не могли соблазнить. Тогда онѣ стали убѣждать Утпалаварну попытаться соблазнить молодого купца, говоря, что, если это удастся ей, онѣ признаютъ ее своею госпожею.

Утпалаварна поселилась близь дома молодаго купца и стала посылать свою служанку каждый день къ нему за благовоніями

и научила ее сказать купцу, что благовонія эти для одного юноши, который живетъ у Утпалаварны. Черезъ нѣкоторое время она послала служанку купить лѣкарствъ у купца и научила ее сказать, что юноша боленъ и что Утпалаварна покупаетъ для него лѣкарства. Купцу заботливость Утпалаварны о молодомъ человѣкѣ понравилась и онъ захотѣлъ увидать ее и черезъ служанку передалъ ей это желаніе. Но Утпалаварна велѣла сказать, что юноша еще боленъ и что она не можетъ принять купца. Такъ длилось нѣсколько дней и отъ отказовъ желаніе купца все росло; наконецъ Утпалаварна сдѣлала куклу на подобіе человѣка, объявила, что юноша умеръ, и подъ видомъ юноши сожгла на кладбищѣ куклу. Когда она возвращалась съ похоронъ, то съ распущенными волосами, плача, прошла мимо лавки купца, чтобы онъ могъ ее увидѣть. Купецъ увидалъ ее и страсть его разгорѣлась, ибо вѣрно сказалъ Учитель, что женщины восьмью способами завлекаютъ мужчинъ: пляскою, пѣніемъ, игрою, смѣхомъ, плачемъ, видомъ своимъ, прикосновеніемъ и вопросами. Купецъ сталъ настаивать на томъ, чтобы Утпалаварна приняла его, но она отказала, сказавъ, что юноша только что умеръ и что она еще оплакиваетъ его. Черезъ нѣкоторое время Утпалаварна назначила купцу свиданіе въ одномъ изъ садовъ. Купецъ явился и привезъ всякихъ угощеній. Утпалаварна дала ему напиться до опьяненія. Тогда она надѣла ему на голову вѣнокъ, обняла его и вернулась съ нимъ домой на глазахъ у всѣхъ. И всѣ блудницы признали тогда ея превосходство и сдѣлали ее своею госпожею.

Черезъ нѣкоторое время Утпалаварна родила мальчика и поручила служанкѣ выставить его ночью со свѣтильнею у большой дороги и посмотрѣть, кто возьметъ ребенка. Свѣтъ отъ свѣтильни замѣтилъ сторожъ у восточныхъ воротъ города, онъ пошелъ на свѣтъ и нашелъ мальчика; такъ какъ сторожъ былъ бездѣтенъ, то и усыновилъ мальчика. Опять спустя нѣкоторое время Утпалаварна родила дочь; опять и этого ребенка выставила у большой дороги. На этотъ разъ дѣвочку взялъ къ себѣ въ домъ сторожъ западныхъ воротъ города. Оба сторожа городскихъ воротъ сдѣлали между собою уговоръ, что если у нихъ будутъ дѣти разнаго пола, то они ихъ поженятъ. Когда у сторожей теперь оказались пріемные сынъ и дочь, они рѣшили женить ихъ, какъ только дѣти выростутъ.

Однажды толпа юношей отправилась веселиться съ Утпалаварною въ одинъ изъ городскихъ садовъ и они сдѣлали между собою уговоръ, что тотъ, кто не захочетъ имѣть дѣла съ Утпалаварною, долженъ заплатить пеню. Среди юношей былъ и сынъ Утпалаварны, который не захотѣлъ прикоснуться къ ней; она стала его уговаривать, выставляя на видъ, что иначе ему придется платить пеню; тогда онъ согласился. Утпалаварна такъ ему понравилась, что онъ сдѣлалъ ее своей наложницей. Объ

этомъ узнали правители города и хотѣли казнить его за то, что онъ блудницу, которая, по закону, считалась общимъ достояніемъ, сдѣлалъ своей наложницей. Къ счастью, за него заступился его пріемный отецъ, юноша былъ прощенъ и ему было позволено жениться на Утпалаварнѣ. Черезъ нѣкоторое время сына и дочь сторожей городскихъ воротъ поженили; однажды мимо дома, гдѣ жила Утпалаварна и ея дочь, жены одного мужа, проходилъ ученикъ Будды Маудгальяяна и сказалъ молодой женщинѣ: „дочь моя, другая жена твоего мужа твоя мать, а твой мужъ твой братъ. Но не смущайся и не бойся ада“.

Вскорѣ у Утпалаварны родился сынъ и вторая жена выносила его няньчить на крыльцо дома. Здѣсь ее увидѣлъ прохожій брахманъ и спросилъ, какъ ей приходится ребенокъ; она отвѣчала: „о брахманъ, онъ мнѣ братъ, сынъ моего брата, сынъ мнѣ (т. е. пасынокъ) и мой шуринъ. Отецъ его мой отецъ (т. е. отчимъ), мой братъ, а теперь мужъ“. Слова ея услыхала Утпалаварна и спросила служанку, что они означаютъ, та разсказала ей все какъ было.

Утпалаварна рѣшила, что ей надо уйти, и ушла и присоединилась къ каравану, который шелъ въ Радзлагриху. Здѣсь она опять стала жить какъ блудница. Однажды она съ толпою юношей пошла веселиться въ одинъ изъ городскихъ садовъ. Ученикъ Будды Маудгальяяна почувствовалъ въ это время, что настало время обращенія Утпалаварны и пошелъ въ садъ и сталъ ходить около пирующихъ. Юноши стали говорить про Маудгальяяну, про его святость и про собственную ихъ грѣховность. Слыша это, Утпалаварна вызвалась соблазнить Маудгальяяну и побилась съ юношами о закладъ, что соблазнитъ святого. Она пошла къ святому и стала всячески соблазнять его, но онъ остался спокоенъ и невозмутимъ. Тогда она, помня, что прикосновеніе женщины точно ядъ, пыталась обнять его; тотчасъ Маудгальяяна на глазахъ у нея поднялся на воздухъ и сталъ увѣщевать ее. Утпалаварна обратилась на истинный путь и постигла четыре святыя истины.

Не одна блудница, подобно Утпалаварнѣ, покинула свою тяжелую, позорную жизнь, чтобы найти успокоеніе и пріютъ въ мирной монашеской общинѣ. Житіе святой Вимала (Чистая) повѣствуетъ о томъ, какъ она, дочь блудницы и сама блудница, пыталась соблазнить святого Маудгальяяну и какъ этотъ великій ученикъ Будды пробудилъ въ ней заснувшую совѣсть и наставилъ ее на путь. Проникшись вѣрою, она стала монахинею и вскорѣ святою; вотъ какъ она сама говоритъ про свое обращеніе.

„Безумная, гордясь своими достоинствами, красотою, счастіемъ, славою, молодостью, я презирала другихъ женщинъ.

Разукрасивъ разнообразными украшеніями это тѣло, предметъ

споровъ юношей, я стояла въ дверяхъ дома разврата, раскинувъ сѣти, какъ охотникъ.

Выставляя на показъ свои украшенія, обнажая то, что должно быть скрыто, насмѣхаясь, многихъ людей я всячески обманывала.

Теперь я, бритая, въ монашескомъ платьѣ, пойдя за подаяніемъ, сижу у подножія дерева—всѣ сомнѣнія мои уничтожены.

Всѣ привязанности, божескія и человѣческія, оставлены, всѣ грѣхи отринувъ, я безстрастна и спокойна".

Возможность спасенія, прощенія бѣдной, немощной плоти, которая слишкомъ увлекалась мірскими радостями, часто, однако, только тогда начинала привлекать заблудшую душу, когда судьба наносила свои безпощадные удары и показывала человѣку всю бренность земныхъ благъ: не на высотѣ счастія покаялась блудница Васавадатта, а лишь послѣ позорной, навсегда ее обезобразившей, казни вняла она слову Будды. Вотъ что говоритъ о ней сказаніе.

Въ Матхурѣ жила блудница, Васавадатта по имени; служанка ея ходила къ Упагуптѣ покупать благовонія. Васавадатта сказала ей: „дѣвушка, ты кажется увлечена этимъ продавцомъ благовонныхъ товаровъ, много ты приносишь благовоній". Дѣвушка сказала: „госпожа, Упагупта, молодой продавецъ благовоній красавецъ, и живетъ по закону". Услыхавъ это, Васавадатта почувствовала любовь къ Упагуптѣ; она послала служанку къ Упагуптѣ сказать ему: „я приду къ тебѣ, я хочу вмѣстѣ съ тобою насладиться любовью". Служанка передала это Упагуптѣ; тотъ отвѣтилъ: „не время, сестра, тебѣ меня видѣть". За обладаніе Васавадаттою платили пятьсотъ пуранъ и она подумала: „навѣрное, онъ не можетъ заплатить пятьсотъ пуранъ". Она послала къ Упагуптѣ служанку сказать: „мнѣ отъ господина даже одной каршапаны не нужно, лишь бы только я обладала имъ". Служанка такъ и сказала; Упагупта отвѣтилъ: „не время тебѣ, сестра, меня видѣть".

Тѣмъ временемъ одинъ купеческій сынъ посѣтилъ Васавадатту. Другой купецъ въ то же время прибылъ въ Матхуру изъ Уттарапатхи съ пятьюстами лошадьми для продажи; онъ спросилъ: „кто здѣсь прекраснѣйшая блудница?" И онъ услыхалъ: „Васавадатта". Взявъ пятьсотъ пуранъ и много даровъ, онъ пошелъ къ Васавадаттѣ. Тогда Васавадатта, охваченная жадностью, убила того купеческаго сына, бросила его въ помойную яму и отдалась купцу. Тѣмъ временемъ тѣло купеческаго сына было вытащено изъ помойной ямы и о происшедшемъ доложено царю. Царь приказалъ: „пойдите, отрубите Васавадаттѣ руки, ноги, уши, носъ и бросьте ее на кладбищѣ". И они взяли и отрубили Васавадаттѣ руки, ноги, уши, носъ и бросили ее на кладбищѣ. Тутъ Упагупта услыхалъ, что Васавадатту подвергли позорной казни и бросили ее на кладбищѣ и онъ подумалъ:

„прежде она хотѣла видѣть меня ради плотской любви; теперь руки, ноги, уши, носъ у нея отсѣчены, теперь время ее видѣть, и онъ сказалъ: „когда тѣло ея было покрыто прекрасными одѣяніями, украшено разнообразными украшеніями, то для жаждавшихъ избавленія, отъ жизни отвратившихся, лучше было не взирать на нее. Теперь же время видѣть ее, когда исчезли ея гордость, страсть, радость, когда она ранена острымъ мечемъ и тѣло ея обезображено".

И съ слугою, который несъ надъ нимъ зонтикъ, онъ мѣрною поступью отправился на кладбище; возлѣ Васавадатты находилась ея прислужница, оставшаяся съ ней по привязанности, вслѣдствіе прежней ея доброты; она отгоняла воронъ и другихъ хищныхъ птицъ. И она сказала Васавадаттѣ: „госпожа, пришелъ тотъ Упагупта, къ которому ты не разъ меня посылала. Онъ, навѣрное, пришелъ мучимый страстью". Васавадатта услыхала ея слова и сказала: „какъ быть у него страсти ко мнѣ, когда онъ увидитъ меня лишенную красоты, на землю въ горѣ брошенную, кровью запятнанную?" Затѣмъ она сказала прислужницѣ: „собери эти руки, ноги, уши, носъ, которые у меня отрублены". Та собрала ихъ и прикрыла платкомъ.

Упагупта же подошелъ и сталъ передъ Васавадаттою. Тогда Васавадатта, увидѣвъ передъ собою Упагупту, сказала: „Господинъ, когда тѣло мое было здоровымъ, для страсти и любви пригоднымъ, не разъ я посылала къ тебѣ вѣстницу, а ты говорилъ: не время тебѣ, сестра, меня видѣть. Теперь же отрублены мои руки, ноги, уши, носъ, въ нечистотѣ и крови своей я нахожусь, теперь зачѣмъ ты пришелъ?" И она сказала: „Когда это тѣло мое было нѣжно, какъ лотосъ, когда оно было разукрашено богатыми платьями и уборами, когда оно было привлекательнымъ, не увидала я тебя тогда, несчастная. Теперь что же ты пришелъ смотрѣть сюда, когда тѣло мое отвратительно, когда уже оно больше не внушаетъ ни веселія, ни страсти, ни радости, ни удивленія, когда оно внушаетъ страхъ, когда оно смѣсь крови и грязи?" Упагупта сказалъ: „Сестра, не любовью мучимый я пришелъ къ тебѣ, я пришелъ узрѣть истинную природу несчастныхъ страстей. Прикрытая надѣтыми на тебя пестрыми платьями и уборами, ты не была видима такою, какая ты есть, даже тѣмъ, кто тщательно въ тебя вглядывался. Теперь же тѣло твое, украшеній лишенное, видно такимъ, каково оно по природѣ своей. Не мудры тѣ и достойны порицанія, кто наслаждаются этою падалью. Кто же и зачѣмъ станетъ увлекаться этимъ тѣломъ. И еще, сестра: безумецъ увлекается тѣломъ снаружи прекраснымъ; мудрецъ, зная, что внутри оно испорчено, чувствуетъ къ нему отвращеніе". Упагупта продолжалъ, говоря о томъ, какъ уродливое и дурное стараются скрыть и какъ увлекаются обманчивою внѣшностью и, наконецъ, онъ сталъ убѣждать Васавадатту

принять вѣру Будды, которая даетъ миръ и успокоеніе отъ страстей.

Съ восторгомъ слушала его Васавадатта и уразумѣла четыре святыя истины и пріобщилась къ вѣрѣ Учителя. И, когда Упагупта, наставивъ Васавадатту въ вѣрѣ, ушелъ, она умерла и тотчасъ возродилась въ мірѣ боговъ. Услышали жители Матхуры, что Васавадатта пріяла четыре великія истины отъ Упагупты, умерла и возродилась въ мірѣ боговъ, пошли и поклонились праху Васавадатты — бывшей блудницы — нынѣ святой.

Отвращеніе къ замужеству, желаніе независимой жизни, которую бы не отравляли мелочныя заботы о нуждахъ житейскихъ и которую можно было посвятить „единому, что есть на потребу", привлекало многихъ къ монашеской жизни.

Царевна Сумéда, уже просватанная, горячей защитою необходимости отрѣшенія отъ міра убѣдила своего жениха и родителей отпустить ее въ монашество: она обрѣзала свои черные, мягкіе волосы и предалась созерцанію. Предъ ней предсталъ женихъ ея царь Аникаракта и сталъ умолять ее: „власть въ царствѣ, сокровища, могущество, богатство пріятны и ты молода; вкуси наслажденія любви, трудно достижимо въ мірѣ счастіе любви. Царство отдано тебѣ, наслаждайся, не печалься, раздавай дары, отецъ и мать твои опечалены".

И ему сказала Сумéда, желаній не имѣвшая, отъ заблужденій отрѣшившаяся: „желаніямъ не радуйся, взирай на зло отъ желаній. Царемъ четырехъ материковъ былъ Мандхатаръ, который больше всѣхъ наслаждался и, неудовлетворенный, онъ умеръ и желаній своихъ онъ не исполнилъ. Если бы со всѣхъ сторонъ пошелъ дождь изъ семи родовъ драгоцѣнностей, не было бы удовлетворенія желаніямъ: неудовлетворенные умираютъ люди". Нарисовавъ ужасающую картину тѣхъ вѣчныхъ мучительныхъ перерожденій, которымъ долженъ подвергнуться всякій, кто, въ безумствѣ своемъ, не хочетъ отрѣшиться отъ желаній, она продолжаетъ: „горящая головня жжетъ того, кто ее держитъ, и не жжетъ того, кто ее бросаетъ; подобно головнѣ жгутъ желанія тѣхъ, кто отъ нихъ не отрѣшается. Не покидай великаго счастія ради малаго счастія удовлетворенія желаній, чтобы не жалѣть тебѣ, какъ рыбѣ, проглотившей крючекъ..." „Когда ты нашелъ то, что не старѣется, зачѣтебѣ мъ желанія, которыя старѣются! Всѣ существа и всегда во власти смерти и болѣзни". Она кончаетъ восхваленіемъ вѣры, которая и есть истинное безсмертіе. И убѣжденный Аниракта самъ проситъ родителей Сумéды отпустить ее, позволить ей посвятиться.

Красавица Субá въ юности уже чувствовала отвращеніе къ міру и приняла посвященіе, не захотѣвъ выйти замужъ. Однажды ее увидалъ одинъ юноша, который, привлеченный ея красотою, сталъ слѣдовать за нею. Субá, видя, что она внушила ему преступную страсть и что юноша увлеченъ главнымъ образомъ ея

глазами, вырвала себѣ одинъ глазъ и подала его юношѣ. Испуганный, онъ просилъ у нея прощенія и, поборовъ свою страсть, ушелъ. Монахиня же пошла слушать проповѣдь Будды и, какъ только она его увидала, глазъ ея сталъ вновь цѣлъ и невредимъ.

Не только дѣвушки предпочитали монашескую жизнь замужеству,—житія разсказываютъ намъ про цѣлый рядъ замужнихъ женщинъ, принявшихъ монашескіе обѣты: одна недовольна мужемъ горбачемъ, домашней возней и стряпней, у другой мужъ сдѣлался монахомъ и она послѣдовала его примѣру, другую еще убѣдилъ посвятиться монахъ, однимъ словомъ, поводовъ выступить на единый путь, который велъ къ спасенію, было много.

Часто видимъ мы въ житіяхъ, что тяжелое горе, потеря близкихъ привлекаютъ женщинъ, какъ, впрочемъ, и мужчинъ, къ вѣрѣ Будды. Измученная душа, наболѣвшее сердце хотятъ успокоенія, покоя; раздается безстрастное слово Учителя, который твердой рукою касается раны и, по любимому выраженію легендъ, „вынимаетъ стрѣлу тоски“. Онъ указываетъ на вѣчность закона для всего живущаго—умереть, на безполезность слезъ и тоски, потому что мертвыхъ не вернешь. Эта безпомощность человѣка передъ смертью, если онъ не сумѣетъ отнестись къ ней безстрастно, превосходно выражена въ одной изъ подобныхъ проповѣдей Будды; онъ говоритъ:

„Безпричинна, невѣдома здѣсь жизнь людей, несчастна и кратка, да и то со скорбью связана.

Нѣтъ того средства, черезъ которое рожденные бы не умирали; даже хоть старости достигнешь, все же наступитъ смерть, такова природа живыхъ существъ.

Какъ утромъ уже боятся, что плоды упадутъ, когда они спѣлы, такъ, какъ только родятся люди, они боятся всегда смерти.

Какъ глиняные сосуды, которые сдѣлалъ горшечникъ, всѣ, наконецъ, разбиваются, такъ разбивается и жизнь людей.

И малые, и большіе, и тѣ кто глупы, и тѣ, кто мудры—всѣ попадаютъ во власть смерти, всѣ подвластны смерти.

Изъ тѣхъ, кто уничтоженъ смертію, кто уходитъ въ иной міръ—ни сынъ не спасается отцомъ, ни родственники родственниками. На глазахъ у родственниковъ, горько плачущихъ, взгляни, каждый изъ людей уводится, какъ быкъ на закланіе.

Такъ мучится міръ смертью и старостью, оттого мудрецы не печалятся, зная ходъ міра.

Чьего пути ты не знаешь, приходящаго и уходящаго, и не видишь обоихъ концовъ его, напрасно о томъ ты сокрушаешься.

Если бы, сокрушаясь и въ безумствѣ поражая себя, можно было извлечь какую нибудь пользу, то мудрецъ поступалъ бы такъ.

Вѣдь плачемъ и гореваніемъ спокойствія души не достигнешь, больше еще только становится печаль и страдаетъ тѣло.

Худымъ и блѣднымъ становится тотъ, кто поражаетъ себя самого собою; не оберегаетъ онъ мертвыхъ; напрасенъ плачъ.

Человѣкъ, печаль не оставляющій, еще больше страдаетъ: кто оплакиваетъ умершаго, попадаетъ во власть горя.

Взгляни, какъ другіе люди уходятъ, перерождаясь сообразно дѣламъ своимъ. Дрожатъ здѣсь на землѣ люди, попавъ во власть смерти.

Думаютъ одно, а происходитъ другое, такова разница между мыслью и исполненіемъ. Вглядывайся въ ходъ міра.

Если бъ человѣкъ жилъ сто лѣтъ и больше, все же бы онъ разлучился съ родными и покинулъ бы здѣсь свою жизнь.

Поэтому, послушавъ святыхъ, оставь плачъ, думая, когда ты увидишь покойника: „не будетъ онъ вновь моимъ“.

Какъ горящій домъ тушатъ водою, такъ человѣкъ стойкій, разумный, мудрый пусть быстро разгонитъ тоску, какъ вѣтеръ раскидываетъ хлопокъ.

Пусть тотъ, кто ищетъ себѣ счастія, вырветъ стрѣлу изъ души—плачъ и стенаніе и мученіе самого себя.

Вырвавъ стрѣлу, спокойный человѣкъ достигъ мира душевнаго; преодолѣвъ горести, станетъ онъ безпечаленъ, спокоенъ“.

И такъ одна за другой, по тому или другому побужденію, женщины принимали обѣты и становились членами монашеской общины. Что же ожидало ихъ здѣсь? По внѣшности полное подчиненіе, еще большее, чѣмъ то, къ какому онѣ должны были привыкнуть въ міру. Оно и понятно—монахи не могли сразу отрѣшиться отъ чувства, что въ общину попалъ врагъ, существо особенно опасное тѣмъ, что противъ него защищаться было очень трудно. Для монаха женщина была представителемъ той плоти, съ которой неустанно надлежало бороться, она была для него тѣмъ искушеніемъ, передъ которымъ, какъ говорили ему житія и жизнь, самые сильные подвижники оказывались часто безсильными. И вотъ въ подавленіи, подчиненіи женщины, презрѣніи къ ней монахъ искалъ спасенія; непріятно даже передавать тѣ грубые и циничные отзывы, которыми монахи думали оградить себя отъ женскаго вліянія. Приведу только для примѣра два монашескихъ изреченія, достаточно въ данномъ случаѣ характерныхъ:

„Что рѣка, что дорога, что постоялый дворъ, что судбище, что водопой—

То и женщины! Не гнѣваются на нихъ мудрецы“.

И другое:

„То-же самое тѣло красавицы для трехъ существъ разное: для собаки это пища, для любовника любимое существо, для монаха—падаль“.

Но тѣ духовныя и душевныя сокровища, которыя монахиня пріобрѣтала, вступая въ общину, были настолько велики, что она легко мирилась съ монашескимъ недовѣріемъ и враждебностью,

встрѣчавшими ее на первыхъ же порахъ ея новой жизни. Скоро однако нѣсколько выдающихся женщинъ значительно измѣнили положеніе монахинь въ общинѣ: онѣ доказали, что женщина вполнѣ способна подняться на ту-же умственную высоту, какъ и мужчина, и достичь высшей точки нравственнаго совершенства по буддійскимъ представленіямъ—архатства. И дѣйствительно мы видимъ, какъ мѣняется взглядъ монаховъ на монахинь: онѣ перестаютъ быть женщинами, врагами мужчины, ищущаго спасенія, а становятся безполыми существами, равноправными съ монахами.

Монахини не только учатся, но и сами начинаютъ учить— одна изъ книгъ палійскаго канона Тери-гата (Стихи старицъ) содержитъ рядъ изреченій выдающихся старицъ буддійской общины, а комментарій на эту книгу заключаетъ въ себѣ рядъ ихъ житій. По всему канону разбросаны свѣдѣнія о томъ, какъ на ряду съ монахами подвизались и монахини, какъ онѣ часто давали отвѣты на самые трудные, запутанные вопросы буддійской догматики. Одно изъ подобныхъ сказаній разсказывается о бесѣдѣ монахини Кшемы съ царемъ Косала Прасенаджитомъ.

Царь Прасенаджитъ встрѣтилъ однажды мудрую монахиню Кшема, преклонился передъ ней и сталъ разспрашивать ее о вѣрѣ. „Почтенная, что Будда существуетъ послѣ смерти?“ „Господь не открылъ, о государь, существуетъ ли Будда послѣ смерти или нѣтъ“, „Значитъ Будда не существуетъ послѣ смерти, почтенная?“ И того господь, о государь, не открылъ, чтобы Будда не существовалъ послѣ смерти“. „Значитъ, почтенная, Будда и существуетъ послѣ смерти и не существуетъ, или Будда ни существуетъ, ни не существуетъ послѣ смерти?“ Кшема опять отвѣтила, что господь этого не открылъ. Царь удивленный спросилъ: „какая же причина почтенная, какое основаніе тому, что господь этого не открылъ?“

— „Теперь я тебя спрошу, государь, отвѣтила Кшема, и какъ тебѣ покажется, такъ и отвѣчай. Какъ ты полагаешь, государь, есть-ли у тебя счетчикъ или монетныхъ дѣлъ мастеръ, который бы могъ сосчитать песокъ на берегахъ Ганги и сказать: тамъ столько то песчинокъ, или столько то сотенъ, тысячъ, сотенъ тысячъ песчинокъ?“ „Нѣтъ у меня такого человѣка, почтенная“. „Или есть у тебя счетчикъ, монетныхъ дѣлъ мастеръ, который могъ бы измѣрить воду въ океанѣ и сказать: въ немъ находится столько-то мѣръ воды, или столько-то сотенъ, тысячъ, сотенъ тысячъ мѣръ?“ „Нѣтъ у меня такого человѣка, почтенная“. „Отчего же нѣтъ?“ „Океанъ глубокъ, неизмѣримъ, неизслѣдуемъ.“ „Тоже и съ сущностью Будды, если захочешь постичь ее по признакамъ тѣлеснымъ: эти признаки въ Буддѣ уничтожены, корень ихъ вырванъ, подобно тому, какъ срубаютъ пальмовое дерево, такъ что никогда уже они вновь не могутъ явиться. Сущность Будды, государь, не измѣряется мѣрами міра тѣлеснаго:

она глубока, неизмѣрима, неизслѣдуема, какъ океанъ. Невѣрно то что Будда существуетъ послѣ смерти; невѣрно и то, что онъ не существуетъ, невѣрно также и то, что онъ одновременно и существуетъ, и не существуетъ, невѣрно, наконецъ, и то, что онъ ни существуетъ, ни не существуетъ послѣ смерти".

„Царь Прасенаджитъ съ радостью привѣтствовалъ слова монахини Кшемы, всталъ, преклонился передъ нею и ушелъ".

Монахиня отвѣтила здѣсь царю на одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ буддійской догматики—о вѣчности бытія Будды, отвѣтила съ той полуутвердительной неопредѣленностью, съ которою буддизмъ часто отвѣчаетъ на болѣе трудные и сложные вопросы.

Съ какою ироніею другая монахиня Пурна доказываетъ брахману безполезность священныхъ омовеній. Пурна вспоминаетъ, какъ она была служанкой: „чтобы воду доставать всегда въ холодъ, погружалась я въ воду изъ боязни палки и брани господской".

Однажды она увидала брахмана, который погружался съ головою въ воду, бормоча молитвы, дрожа отъ холода. Она спросила: „кого ты боишься, брахманъ, что все въ воду погружаешься, дрожащіе члены твои показываютъ, что тебѣ очень холодно?" „Милая госпожа Пурна, вѣдь ты знаешь, спрашивая, что я благое дѣло дѣлаю, дурное удерживаю: старикъ или юноша, который дурное дѣло дѣлаетъ, отъ дурного дѣла омовеніями освобождается". „Кто тебѣ незнающему незнающій сказалъ, что отъ дурного дѣла омовеніями освобождаешься? Вѣдь тогда на небо бы отправились всѣ лягушки, черепахи, змѣи, крокодилы и другіе водяные звѣри, и тѣ, кто убиваютъ барановъ и свиней, и рыбаки и охотники, и воры, и палачи и другіе злодѣи омовеніемъ освобождались бы отъ злодѣяній? Если рѣки эти уносятъ твои дурныя дѣла, то они унесутъ и добрыя дѣла твои, и ты тогда лишишься ихъ. То, боясь чего, ты, о брахманъ, всегда погружался въ воду, то не твори, чтобы не мучилъ холодъ твою кожу". Послѣ этого Пурна наставила брахмана въ вѣрѣ и онъ произнесъ исповѣданіе вѣры: „прибѣгаю къ Буддѣ, къ закону, къ общинѣ".

Когда злой духъ Мара, искушая другую монахиню Сому, выставляетъ ей на видъ всю недостаточность женскаго ума для постиженія высшихъ истинъ, она съ гордостью опровергаетъ его. Мара говоритъ: „то трудно достижимое положеніе, котораго и мудрецы добиваются, не можетъ быть оно достигнуто женщиною, разумъ у которой съ мѣркою въ два пальца". Житіе поясняетъ, что значитъ мѣрка въ два пальца: когда женщины варятъ рисъ, хотя онѣ и дѣлаютъ это уже съ семи - восьмилѣтняго возраста, онѣ всегда имѣютъ привычку говорить: рисъ уже готовъ—хотя онѣ этого и не знаютъ и только узнаютъ, готовъ ли рисъ, когда вынутъ его и потрутъ между двумя пальцами; оттого-то и говорятъ, что разумъ у нихъ съ мѣркою въ два пальца. На вызовъ Мары Сома отвѣтила: „Что значитъ для насъ то, что мы женщины,

когда мысль наша спокойна, когда явилось высшее познаніе отъ истиннаго пониманія закона. Всюда уничтожено удовольствіе, разсѣянъ мракъ. Знай же, злой, уничтоженъ ты, губитель!"

Эти женщины-монахини, которыя доказали свою умственную и нравственную силу, были, повидимому, на первыхъ порахъ довольно многочисленны въ буддійской общинѣ и занимали въ ней подобающее мѣсто. Надписи Ашоки говорятъ о нихъ, цейлонскія хроники нерѣдко называютъ царицъ и царевенъ, которыя приняли обѣтъ монашества и стали извѣстными проповѣдницами, но исторія буддизма показываетъ, что институтъ монахинь не привился къ нему, и въ современныхъ буддійскихъ общинахъ нѣтъ уже почти женскихъ монастырей. Индійскія драмы и повѣсти постоянно выставляютъ намъ мало привлекательный типъ выродившейся монахини-сводни, которая подъ прикрытіемъ религіи занимается своими темными дѣлами. Правда, не многимъ лучше отношеніе литературы къ мужчинамъ-монахамъ, но къ женщинамъ-монахинямъ она особенно враждебна.

Проходятъ столѣтія—буддизмъ начинаетъ падать въ Индіи, съ одной стороны, уступая мѣсто болѣе приспособленнымъ къ индійскому духу религіямъ, съ другой—выселяясь въ сосѣднія страны. Въ неиндійскихъ странахъ институтъ монахинь мало привился, женскіе монастыри тамъ рѣдки и монахини большого значенія въ жизни не имѣютъ, а на родинѣ онъ сталъ падать еще раньше, повидимому, чѣмъ началось паденіе буддійской общины. Дѣйствительно, къ индійской семейной жизни, въ которой женщина въ значительной степени вела замкнутую жизнь терема, съ тѣхъ норъ какъ героическія времена борьбы за обладаніе страною смѣнились благоустроенною жизнью безчисленныхъ мелкихъ и мельчайшихъ царствъ, буддійская монахиня-безполое существо, лишенное всякихъ личныхъ отношеній, совершенно не подходила. Также мало подходила она къ кругу гетеръ, образованныхъ чисто свѣтскою образованностью, изощренныхъ въ искусствахъ, которыя въ глазахъ благочестивой буддистки были грѣшною мерзостью. Въ странѣ, гдѣ культъ предковъ игралъ и играетъ такую громадную роль, какъ въ Индіи, и гдѣ дѣти—благословеніе боговъ, а безплодіе—проклятіе, трудно было существовать обреченнымъ на вѣчное безбрачіе монахинямъ. Такимъ образомъ незамѣтно, дѣлая уступки жизни, исчезало женское монашество.

Но если буддизмъ отвернулся отъ тѣхъ прекрасныхъ яркихъ женскихъ образовъ, которые, въ лицѣ Дамаянти, Савитры и многихъ другихъ эпическихъ героинь Индіи, сохранятся на вѣки въ своей чарующей чистотѣ и прелести, то онъ создалъ нѣчто большее, до него и послѣ него въ Индіи не бывалое—онъ призналъ за женщиною право наравнѣ съ мужчиною идти къ вѣчному спасенію, идти самостоятельно, собственнымъ умомъ и

сердцемъ искать истины; и въ образахъ мудрыхъ старицъ, которыя живутъ и теперь на страницахъ буддійскихъ житій, онъ показалъ намъ такихъ женщинъ—умныхъ и сильныхъ, которыя сами нашли то „единое, что есть на потребу“.

Сергѣй Ольденбургъ.

Зимнія пѣсни.

I.

Зимнія грезы—унылыя грезы,
То онѣ хмуры, какъ сѣрый туманъ,
То онѣ жгучи, какъ злые морозы,
То хаотичны, какъ дикій буранъ.
Зимнія пѣсни—суровыя пѣсни,
Злая тоска залегаетъ въ груди...
Сердце, ты умерло? Сердце, воскресни:
Ждетъ не одна вѣдь тоска впереди!

II.

Все въ мірѣ гибнетъ: листья и цвѣты
Хоронитъ снѣгъ подъ вопли непогоды,
А свѣжесть щекъ и губъ и прелесть красоты
Уносятъ годы.
Все въ мірѣ гибнетъ: солнце и тепло
И краски дня скрываетъ ночь нѣмая,
А правду и любовь повсюду губитъ зло
Да ложь мірская.
Все гибнетъ, все! Нѣтъ радости безъ слезъ,
Нѣтъ благъ безъ золъ, нѣтъ правды безъ сомнѣнья
Какъ свѣта безъ тѣней,—есть только сонъ безъ грезъ,
Безъ пробужденья.

Все гибнетъ, все! Зачѣмъ же, сердце, ты
Трепещешь такъ, полно горячей страстью,
И къ правдѣ, и къ добру, и къ блеску красоты,
И къ счастью, къ счастью?

III.

Вчера обливался слезами
Туманомъ окутанный лѣсъ,
Сегодня онъ залитъ лучами
Блестящихъ морозныхъ небесъ.
Корой ледяною одѣты,
Поникнули вѣтви березъ,
Но, ласковымъ солнцемъ согрѣты,
Растаютъ алмазы ихъ слезъ,
И вспрянутъ опять къ небосводу
Концы обнаженныхъ вѣтвей,
Мечтая подъ свистъ непогоды
О силѣ весеннихъ лучей.
Не такъ ли, средь шумнаго свѣта,
Ироніей яркой и злой
Печальное сердце одѣто,
Какъ вѣтка корой ледяной?
Но ласка его приголубитъ,
Растаетъ ироніи ледъ,
И сердце вновь вѣритъ и любитъ,
И счастья, безумное, ждетъ.

Н. Вѣдковъ.

Земскія ходатайства.

Общій обзоръ земскихъ ходатайствъ въ 1865—1884 гг.—I. Ходатайства по вопросамъ земскаго устройства.

При изученіи дѣятельности земства, будущему историку русской культуры нельзя будетъ ограничиться лишь тѣмъ, что оно сдѣлало, но нужно будетъ выяснить и то, что оно хотѣло сдѣлать. Земскія мѣропріятія, получившія осуществленіе въ дѣйствительной жизни, должны иногда казаться случайными, отрывочными, недоконченными. Вотъ почему для правильнаго освѣщенія дѣятельности земства важны не только его мѣры, получившія практическое примѣненіе, но и его ходатайства. Въ послѣднихъ можно видѣть, чѣмъ занята была общественная мысль въ тѣ или иные годы, въ какомъ направленіи складывались общественныя стремленія, что изъ нихъ оказалось возможнымъ привести въ исполненіе и что осталось въ области благихъ пожеланій.

Мы располагаемъ данными о 2,623 земскихъ ходатайствахъ, относящихся къ первому періоду жизни русскаго земства (по положенію 1864 года), къ 1865—1884 годамъ. Для 1883 и 1884 гг. наши данныя далеко не полны (всего 38 и 8 ходатайствъ); что-же касается до остальныхъ 18 лѣтъ, то для этого періода мы имѣемъ свѣдѣнія о весьма большомъ числѣ ходатайствъ, хотя и не можемъ поручиться за ихъ исчерпывающую полноту. Тѣмъ не менѣе, наши данныя могутъ служить небезполезнымъ матеріаломъ для изученія земской мысли и земскихъ стремленій того времени. А такъ какъ дѣятели земства представляютъ собой плоть отъ плоти и кость отъ кости общества, ихъ избирающаго, то эти мысли и эти стремленія должны были быть свойственны въ данную эпоху и соотвѣтственнымъ избирательнымъ группамъ, или по крайней мѣрѣ вліятельному ихъ большинству.

Прежде, чѣмъ мы начнемъ систематически знакомиться съ означенными ходатайствами, взглянемъ на ихъ распредѣленіе по времени и мѣсту, когда и гдѣ они возникали, и по предметамъ, которые составляютъ ихъ содержаніе, причемъ выдѣлимъ изъ нихъ тѣ, которыя были отклонены. Это, однако, не значитъ, чтобы остальныя были разрѣшены въ утвердительномъ смыслѣ. Судьба

ихъ весьма разнообразна. Одни изъ нихъ удовлетворены вполнѣ или частью; о другихъ заявлено, что они будутъ приняты во вниманіе при законодательномъ пересмотрѣ даннаго вопроса; третьи должны были быть разсмотрѣны при разрѣшеніи общаго вопроса, часть котораго они затрогивали; по инымъ—не были еще доставлены разныя статистическія данныя, заключенія и отзывы разныхъ мѣстъ и лицъ; на иныя послѣдовалъ отвѣтъ, что по поводу ихъ не требуется никакихъ дополнительныхъ законоположеній; иныя не получили еще дальнѣйшаго движенія—въ тотъ годъ, на которомъ обрываются наши данныя (1884); наконецъ, о судьбѣ нѣкоторыхъ въ нашемъ источникѣ свѣдѣній совсѣмъ не имѣется. Изъ сказаннаго можно видѣть, что за небольшими исключеніями весьма нелегко правильно судить о томъ, получило ли то или другое хотадайство этой группы, въ концѣ концовъ, осуществленіе, въ той или другой мѣрѣ и формѣ. Поэтому, въ послѣдующемъ мы выдѣлимъ лишь тѣ ходатайства, въ удовлетвореніи которыхъ земствамъ, ихъ возбудившимъ, категорично отказано. Получаемъ слѣдующія цифры:

годы:	за весь періодъ: всего ходатайствъ.	за весь періодъ: изъ нихъ отклонено.	въ среднемъ за 1 годъ. всего ходатайствъ.	въ среднемъ за 1 годъ. отклонено.	% отклоненныхъ ходатайствъ.
1865—1869	628	348	126	69	54,7
1870—1874	812	430	162	86	53,1
1875—1879	599	353	120	71	59,1
1880—1882	538	223	180	74	41,1
за 18 лѣтъ.	2577	1354	143	75	52,4

Общее число ходатайствъ колебалось, слѣдовательно, такимъ образомъ: оно возросло во второмъ пятилѣтіи (1-я половина 70 годовъ) по сравненію съ первымъ (2-я половина 60-хъ годовъ) и въ началѣ 80-хъ годовъ по сравненію со второй половиной 70-хъ. Получается нѣкоторое волнообразное движеніе, которое можно до нѣкоторой степени связать съ процентомъ отклоненій земскихъ ходатайствъ. Число ходатайствъ возрастало въ теченіе почти всего перваго десятилѣтія существованія земства, но затѣмъ начинаетъ сокращаться съ увеличеніемъ процента ихъ отклоненій. Однако, съ конца 70-хъ годовъ это число начало снова замѣтно возвышаться, причемъ и относительное количество отклоненныхъ ходатайствъ быстро понижается. Обѣ эти тенденціи—ростъ числа ходатайствъ и пониженіе % ихъ отклоненій—обнаруживаются всего сильнѣе въ послѣднее трехлѣтіе, 1880—1882 гг., на которомъ, къ сожалѣнію, и обрываются наши массовыя данныя. Въ среднемъ за весь двадцатилѣтній періодъ болѣе половины ходатайствъ были безусловно отклонены. На основаніи сказаннаго выше объ остальныхъ, мы можемъ заключить, что лишь весьма небольшая часть ходатайствъ получила удовлетвореніе въ цѣломъ или частью, въ той формѣ, въ которой его желало земство

Располагая нашъ матеріалъ по предметамъ земскихъ ходатайствъ, получаемъ слѣдующія крупныя ихъ группы:

I ходатайства по вопросамъ, касающимся земскаго устройства,—причисляя сюда всѣ ходатайства объ организаціи, составѣ и правахъ земскихъ собраній и управъ;
II по вопросамъ народнаго образованія;
III по вопросамъ, касающимся хозяйства населенія;
IV по продовольственному дѣлу;
V о реформѣ мѣстныхъ административныхъ учрежденій;
VI по вопросамъ, касающимся судебной, нотаріальной и межевой части;
VII по вопросамъ, касающимся духовнаго вѣдомства;
VIII по вопросамъ воинской повинности;
IX по вопросамъ земскихъ смѣтъ, раскладокъ и повинностей;
X по вопросамъ объ увеличеніи средствъ и имущества земствъ;
XI объ отнесеніи разныхъ земскихъ расходовъ на счетъ казны;
XII по вопросамъ, касающимся дорожнаго дѣла;
XIII по вопросамъ общественнаго призрѣнія;
XIV по земской медицинѣ;
XV по разнымъ предметамъ (сборная группа).

По количеству земскихъ ходатайствъ группы эти располагаются въ такомъ порядкѣ:

гр. III—394	гр. IV—185	гр. XII—104
„ IX—359	„ XV—170	„ XIV— 77
„ I—291	„ V—169	„ X— 54
„ II—259	„ XIII—155	„ XIII— 36
„ VI—224	„ XI—127	„ VII— 19
		Всего—2623

т. е. болѣе всего вызывали ходатайствъ вопросы, касающіеся хозяйства населенія, смѣтъ и раскладокъ, земскаго устройства, народнаго образованія и судебной части. Ихъ выдвигала земская жизнь того времени на первый планъ. Общее число ходатайствъ въ названныхъ пяти группахъ составляетъ 1527 или почти $^3/_5$ (58,2%) всего ихъ количества.

Процентъ отклоненныхъ ходатайствъ колеблется также весьма значительно:

въ гр. VIII—86,1%	въ гр. XI—65,2%	въ гр. XV—57,1%	въ гр. III—34,8%
„ „ I—77,2 „	„ „ II—61,0 „	„ „ X—55,5 „	„ „ V—26,0 „
„ „ VII—68,4 „	„ „ IV—60,5 „	„ „ XIV—46,7 „	„ „ XIII—22,6 „
„ „ VI—65,7 „	„ „ XII—59,0 „	„ „ IX—45,1 „	
			Средняя—52,3%

Было отклонено большинство ходатайствъ, имѣвшихъ какое либо соприкосновеніе съ организаціей самого земства (гр. I), съ вопросами общегосударственнаго характера (гр. VIII—воинская повинность, вопросы духовнаго вѣдомства—гр. VII и судебнаго—гр. VI), съ народнымъ образованіемъ (гр. II), ходатайства о при-

нятіи на счетъ казны тѣхъ или иныхъ земскихъ расходовъ (гр. XI) и—по продовольственному дѣлу (гр. IV). Въ каждой изъ этихъ группъ отклонено было болѣе $^3/_5$ всего числа ходатайствъ; въ частности въ группѣ I (земское устройство)—болѣе $^3/_4$, а въ группѣ VIII (воинская повинность)—болѣе 86%.—Менѣе всего неудачъ постигло земскія ходатайства по вопросамъ общественнаго призрѣнія (22,6%) и по реформѣ мѣстныхъ административныхъ учрежденій (26,0%). Послѣднюю цифру, впрочемъ, слѣдуетъ оговорить. Она не обозначаетъ того, чтобы земскія ходатайства по этому предмету удовлетворялись въ большомъ числѣ, но таковыя передавались для обсужденія при разработкѣ названныхъ реформъ, происходившей дважды въ указанный періодъ (передъ учрежденіемъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій по закону 27 іюня 1874 г. и въ началѣ 80-хъ годовъ, въ коммиссіи статсъ-секретаря Каханова). Болѣе крупное относительно число ходатайствъ (болѣе трети, но все-же менѣе половины ихъ) было отклонено по вопросамъ народнаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ (III), по смѣтамъ и раскладкамъ (IX) и по медицинѣ (XIV). Количество отклоненій по дорожному дѣлу (XII) и по увеличенію земскихъ средствъ (X) выше средняго (59,0% и 55,5%). Такимъ образомъ, кромѣ общественнаго призрѣнія, не оказывается той области, въ которой процентъ отказовъ въ удовлетвореніи земскихъ ходатайствъ былъ бы невеликъ; это относится и къ тѣмъ предметамъ, вѣдѣніе которыми безспорно принадлежало земству по Положенію 1864 г. Необходимо, однако, прибавить, что нѣкоторыя изъ земскихъ desiderata, какъ намъ удастся видѣть ниже, не смотря на то, что были въ свое время отклонены, получили осуществленіе впослѣдствіи. Мысли, положенныя въ ихъ основу, такимъ образомъ, не всегда погибали, но—пущенныя въ оборотъ—получали иногда, въ концѣ концовъ, конкретную форму и приложеніе.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. не дало уѣзднымъ земствамъ права ходатайства, какимъ они пользовались по Положенію 1864 г. Судя, однако, по нашему матеріалу, пользовались они имъ и въ тотъ періодъ относительно гораздо рѣже, чѣмъ губернскія. Эти послѣднія ходатайствовали передъ правительствомъ 1,350 разъ, а земства уѣздныя всего—1,273 раза. Т.-е. 35 губернскихъ земствъ представили столько-же и даже нѣсколько болѣе ходатайствъ, какъ и нѣсколько сотъ уѣздныхъ. Такое отношеніе сохраняется болѣе или менѣе постоянно почти во всѣхъ названныхъ группахъ. Замѣтное исключеніе, съ одной стороны, составляютъ ходатайства по вопросамъ народнаго образованія и судебной, нотаріальной и межевой части, которыя принадлежатъ гораздо чаще уѣзднымъ, чѣмъ губернскимъ земствамъ (176 противъ 83 и 135 противъ 89); съ другой—ходатайства по общественному призрѣнію, которыя возникали въ губернскихъ

гораздо чаще, чѣмъ въ уѣздныхъ (129 противъ 26). Исключенія эти легко объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣло народнаго образованія находилось и находится почти вездѣ исключительно въ рукахъ уѣзднаго, а не губернскаго земства, что вопросы мѣстной юстиціи и размежеванія не могли не волновать болѣе всего ближайшія къ жизни деревенскаго обывателя уѣздныя земства, и, наконецъ, тѣмъ, что богоугодныя заведенія вѣдаются губернскими, а не уѣздными земствами. Въ прочихъ группахъ приблизительное равенство губернскихъ и уѣздныхъ ходатайствъ, повторяемъ, сохраняется довольно постоянно, причемъ чаще всего $3^1/_2$ десятка губернскихъ земствъ даютъ ихъ нѣсколько больше, чѣмъ сотни уѣздныхъ.

Между уѣздными земствами отдѣльные случаи ходатайствъ распредѣляются ничтожными цифрами—единицами. Такое распредѣленіе не можетъ дать мѣста никакому обобщенію. Нѣсколько болѣе крупныя цифры даютъ земства губернскія.

Въ нисходящемъ порядкѣ они располагаются по этому признаку слѣдующимъ образомъ:

1) Новгородское	76	13) Псковское	46	25) Черниговское	30
2) Тверское	67	14) Рязанское	45	26) Самарское	29
3) Смоленское	66	15) Казанское	45	27) Ярославское	24
4) Херсонское	65	16) Тульское	43	28) Вологодское	24
5) Полтавское	59	17) Воронежское	42	29) Пензенское	21
6) Костромское	58	18) Орловское	35	30) Саратовское	21
7) Харьковское	57	19) С.-Петербургское	34	31) Пермское	19
8) Екатеринославск.	49	20) Симбирское	34	32) Олонецкое	16
9) Таврическое	48	21) Московское	33	33) Бессарабское	14
10) Курское	48	22) Вятское	33	34) Уфимское	9
11) Нижегородское	47	23) Калужское	32	35) Донское	4
12) Владимірское	47	24) Тамбовское	30		
				Итого	1,350

Колебанія приведенныхъ цифръ, какъ видно, весьма значительно, но въ нихъ можно подмѣтить нѣкоторую географическую правильность. Изъ десяти губерній, занимающихъ первыя мѣста этой таблички, три занимаютъ сѣверо-западъ земской Россіи (Новгородская, Тверская и Смоленская), а пять—принадлежатъ Малороссіи и Новороссіи (Полтавская, Харьковская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая). Изъ новороссійскихъ губерній сюда не входитъ лишь Донская область, земство которой имѣло особую судьбу, и Бессарабская; изъ малороссійскихъ—Черниговская. Изъ упомянутыхъ десяти губерній губернскія земства представили 593 ходатайства или безъ малаго половину (44%) всего ихъ числа. Изъ десяти губерній, стоящихъ на послѣднихъ мѣстахъ въ табличкѣ, восемь или занимаютъ сѣверъ и востокъ земской Россіи, или соприкасаются съ ними (Олонецкая, Вологодская, Ярославская, Пермская, Уфимская, Самарская, Саратовская, Пензенская). Эти 10 губерній ходатайствовали всего 181 разъ, что

составляетъ 13,4% общаго числа ходатайствъ губернскихъ земствъ. Такимъ образомъ, послѣднія располагаются такъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ три названныя сѣверозападныя земства, на второмъ — земства малороссійскія и новороссійскія; центральныя земства занимаютъ середину; число ходатайствъ уменьшается по направленію къ сѣверу и востоку въ общей суммѣ втрое.

Послѣ такого суммарнаго обзора общихъ данныхъ о ходатайствахъ перваго двадцатилѣтія жизни русскаго земства, переходимъ къ ближайшему ознакомленію съ ихъ содержаніемъ, слѣдуя при этомъ той ихъ группировкѣ, которая сдѣлана была выше.

Въ первую группу мы соединили всѣ тѣ ходатайства, которыя имѣютъ своимъ предметомъ измѣненіе состава и правъ земскихъ собраній и управъ. Они весьма разнообразны и, какъ уже указано, многочисленны (291, изъ нихъ отклонено 224 т. е. 77%). Иныя носятъ чисто мѣстный, спеціальный характеръ; происхожденіе ихъ коренилось въ какихъ либо особенностяхъ даннаго земства. Но большинство ходатайствъ этой серіи вызывалось общими соображеніями, имѣвшими значеніе для всѣхъ земствъ или для ихъ крупной группы.

Начнемъ съ тѣхъ, которыя относятся къ цензу для выборовъ въ земскіе гласные.

Прежде всего передъ нами 20 ходатайствъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, разбросанныхъ по всей Европейской Россіи *) (съ 1868 по 1881 г.), объ уменьшеніи размѣра поземельнаго ценза, дающаго право непосредственнаго участія на избирательныхъ съѣздахъ и выбора въ гласные и въ мировые судьи. Одни изъ нихъ упоминаютъ только о выборѣ въ гласные, другія—только о выборѣ въ мировые судьи, третьи—о томъ и другомъ. Обычный мотивъ для такихъ ходатайствъ состоитъ въ недостаткѣ лицъ, желающихъ, имѣющихъ право, иногда „достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ“ баллотироваться въ эти должности при наличности существующаго высокаго ценза. Нормы, до которыхъ земства хотѣли бы уменьшить размѣры этого ценза, указаны рѣдко и разнообразятся, согласно мѣстнымъ условіямъ; для мировыхъ судей выражается иногда желаніе сократить цензъ до размѣровъ ценза земскихъ гласныхъ (напр., въ ходатайствахъ ростовскомъ 1874 г., харьковскомъ 1871 г.). Иныя земства проектировали для выборовъ въ мировые судьи, кромѣ такого общаго пониженія ценза, еще и спеціальное для лицъ съ высшимъ образованіемъ (полтавское губ. 1881 г.); другія—полное уничтоженіе имущественнаго ценза для выбора въ мировые судьи

*) Вятскаго губ. (два), херсонскаго губ. (два), курскаго губ., харьковскаго уѣздн., купянскаго, новоржевскаго, новохоперскаго, рязанскаго губ., тульскаго губ., таврическаго, ростовскаго на-Дону, борзенскаго, корчевскаго, орловскаго губ., полтавскаго губ., яранскаго, новгородскаго губ., жиздринскаго.

изъ числа гласныхъ, владѣющихъ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ ростовское 1874 г. *), новгородское губ. 1881 г., жиздринское 1881 г.), на томъ основаніи, что гласные имѣютъ достаточный имущественный цензъ (жиздринское).

Всѣ упомянутыя ходатайства были отклонены. Мотивомъ для этого въ одномъ случаѣ (вятск. 1868) служило то обстоятельство, что владѣльцы меньшихъ участковъ могутъ по закону участвовать въ выборѣ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ; въ другихъ—что не имѣется данныхъ, свидѣтельствующихъ о недостаткѣ лицъ, которыя могли бы баллотироваться въ гласные и мировые судьи; въ третьихъ—что между министерствами производится переписка по общему вопросу объ измѣненіи условій имущественнаго ценза для выбора въ мировые судьи. Новоржевское земство, получивъ въ 1872 году отказъ на свое ходатайство, вновь возбудило его въ 1874 г. „въ виду того, что въ уѣздѣ до того мало лицъ, удовлетворяющихъ настоящимъ условіямъ имущественнаго ценза, что избраніе въ нѣкоторыя должности дѣлается почти невозможнымъ". Но и вторичное ходатайство было отклонено въ виду того, что „если съ уменьшеніемъ ценза и найдется въ уѣздѣ бо́льшее число лицъ, могущихъ по имущественному цензу быть избранными въ мировые судьи, то не всѣ эти лица будутъ удовлетворять требованіямъ закона въ отношеніи ценза образовательнаго". Въ 1875 году новоржевское земство вторично возобновило свое ходатайство „и при этомъ просило указать тѣ доказательства, которыя оказались бы достаточными для удовлетворенія этого ходатайства". Министръ юстиціи на этотъ разъ отозвался, на основаніи данныхъ старшаго нотаріуса о цѣнности земель въ томъ уѣздѣ, что онъ не встрѣчалъ бы препятствія къ удовлетворенію этого ходатайства, и земство было увѣдомлено, что „означенное ходатайство будетъ принято въ соображеніе при обсужденіи общаго вопроса объ измѣненіи имущественнаго ценза". Такой отвѣтъ получило и тульское земство на возобновленное имъ вторично въ 1881 г. такое же ходатайство. Повторяло свое ходатайство и ростовское на Дону земство (1877), подкрѣпляя его, между прочимъ, тѣмъ доводомъ, что „цензъ, не представляя тѣхъ гарантій, которыя имѣлись въ виду закономъ, и не достигая цѣли потому, что онъ можетъ быть фиктивнымъ, служитъ препятствіемъ къ выбору людей способныхъ, трудолюбивыхъ, достойныхъ и образованныхъ". Въ отвѣтъ было указано, что къ удовлетворенію ходатайства не находится достаточныхъ основаній.

Особо въ этой серіи ходатайствъ стоитъ предложеніе холм-

*) „Такъ какъ цензъ этотъ не можетъ дать ни знанія, ни опытности, а съ другой стороны—не обезпечиваетъ даже исправнаго храненія у мировыхъ судей денежныхъ суммъ".

скаго земства (1866 г.) объ установленіи образовательнаго ценза для членовъ управъ. Не смотря на скромность размѣровъ этого ценза по проекту земства (окончаніе уѣзднаго училища или соотвѣтственный экзаменъ) ходатайство было отклонено, „какъ не соотвѣтствующее хозяйственному значенію земскихъ управъ и ограничивающее свободное примѣненіе выборнаго начала“. Для упомянутыхъ выше земствъ, желавшихъ сокращенія имущественнаго ценза гласныхъ и мировыхъ судей, было-бы, конечно, пріятно, если-бы и ихъ ходатайства разрѣшены были согласно тому-же принципу „свободнаго примѣненія выборнаго начала“.

Слѣдующая группа, 18 ходатайствъ, имѣла въ виду сокращеніе выборныхъ правъ землевладѣльцевъ, накопившихъ земскія недоимки. Темниковское земство (1873) полагало такихъ лишать права быть избранными въ гласные, а прочіе 17 земствъ *)—даже права участвовать въ избирательныхъ съѣздахъ. Мотивомъ служитъ вездѣ значительное накопленіе недоимокъ земскаго сбора, „числящихся большею частію на землевладѣльцахъ“ (мензел. 1879). Одно земство (бессарабское 1879) дѣлало исключеніе лишь для тѣхъ, недоимки которыхъ не превышаютъ годового оклада. Практическихъ результатовъ эти ходатайства также не имѣли. Темниковскому земству было отказано „въ виду особенно невыгодныхъ хозяйственныхъ условій“, въ силу которыхъ мѣра эта „можетъ повести къ затрудненіямъ“, причемъ, однако, возбужденъ былъ вопросъ объ установленіи пени за неисправный взносъ земскихъ сборовъ плательщиками. Таврическому (1875) и аккерманскому (1876)—отвѣчено, что за недавнимъ изданіемъ новаго городового положенія, въ которое вошло это правило, польза его не могла еще выясниться; мензелинскому (1879)—что такая мѣра, „ограничивая избирательныя права многихъ лицъ и стѣсняя свободу дѣйствій избирательныхъ съѣздовъ, едва-ли достигла-бы желаемой цѣли и встрѣтила-бы на практикѣ большія затрудненія“. Ходатайство бессарабскаго земства (1879) представлено было министромъ внутр. дѣлъ въ комитетъ министровъ для его отклоненія „въ виду того, что земствомъ не приведено никакихъ новыхъ соображеній и доводовъ“; но комитетъ министровъ призналъ его заслуживающимъ вниманія, такъ какъ подобное правило признано было полезнымъ включить въ городовое положеніе 1870 г., и положилъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ поставить земство въ извѣстность, что основанія его ходатайства будутъ приняты въ соображеніе при обсужденіи общаго вопроса о возможности и удобствѣ примѣненія къ земскимъ учрежденіямъ озна-

*) Таврическое, аккерманское, мензелинское, бессарабское, костромское уѣздн., шацкое, княгининское, владимірское губ., старицкое, тверское, бобровское, бугурусланское, херсонское губ., тамбовское уѣздн., козельское, великолуцкое и кузнецкое (1875—1882 г.).

ченнаго правила. Всѣ прочія ходатайства этого рода „не получили еще (до 1884 г.) движенія".

Далѣе передъ нами нѣсколько ходатайствъ объ извѣстныхъ видоизмѣненіяхъ въ формѣ ценза для гласныхъ и мировыхъ судей. Такъ, полтавское губ. земство (1871) предлагало для послѣднихъ замѣну земельнаго ценза соотвѣтственнымъ капиталомъ (денежнымъ?) въ виду того, что въ губерніи мало лицъ, имѣющихъ въ достаточномъ размѣрѣ первый, но много такихъ, которыя обладаютъ вторымъ. Ходатайство отклонено, такъ какъ оно „противорѣчитъ основнымъ началамъ" законодательства о мировыхъ судьяхъ, требующаго земельнаго ценза, что находится въ неразрывной связи съ „существующимъ у насъ земскимъ самоуправленіемъ". Приблизительно тотъ-же мотивъ положенъ въ основаніе отклоненія и ходатайства демянскаго земства (1872) о правѣ на избраніе въ мировые судьи лицъ, получающихъ пенсію въ извѣстномъ размѣрѣ. Тверское губ. собраніе (1874) ходатайствовало о томъ, чтобы избирательный цензъ могъ состоять изъ небольшихъ участковъ, расположенныхъ въ разныхъ уѣздахъ, а не въ одномъ. Это ходатайство не имѣло опредѣленныхъ результатовъ. То-же собраніе (1874) предлагало, чтобы земля, отведенная въ постоянное пользованіе крестьянъ, не доставляла владѣльцу избирательныхъ правъ, такъ какъ „въ губерніи есть нѣсколько лицъ, которыя всю свою землю продали и пользуются правомъ на выборъ въ гласные только потому, что получившіе отъ нихъ надѣлъ крестьяне еще не поступили на выкупъ". И это отклонено мнѣніемъ государственнаго совѣта: „признано невозможнымъ устранить отъ участія въ земствѣ лицъ, на земляхъ которыхъ поселены временно-обязанные крестьяне". Причины, побуждающія сохранить въ силѣ такой фиктивный цензъ, болѣе подробно не указаны. Пермское губ. собраніе (1881 г.) ходатайствовало, чтобы лица, владѣющія промышленными или хозяйственными заведеніями, могли-бы участвовать въ земскихъ дѣлахъ лишь тогда, когда недвижимое имущество ихъ будетъ оцѣнено не ниже 15 т. руб., а не въ томъ случаѣ, если они обладаютъ годовымъ доходомъ въ 6,000 руб. При наличности въ законѣ разрѣшенія пользоваться избирательными правами при такомъ условіи „нерѣдко лица эти, не платя ни копѣйки земскихъ сборовъ, пріобрѣтали право и власть распоряжаться земскими капиталами". Въ отвѣтѣ указано, что это ходатайство будетъ принято въ соображеніе при разсмотрѣніи общаго вопроса о цензѣ, потому практическаго осуществленія не получило.

Мы опускаемъ рядъ ходатайствъ, имѣющихъ болѣе мѣстное значеніе. Сюда относится, напр., проекты облегченія имѣть избирательный цензъ для садовладѣльцевъ въ ѳеодосійскомъ земствѣ (1868), для золотопромышленниковъ въ верхотурскомъ (1872), для владѣльцевъ недвижимости на мызѣ Стрѣльнѣ (петергофск.

1874), вопросъ о правѣ участія въ земскихъ выборахъ „обѣльныхъ вотчинниковъ" послѣ освобожденія ихъ отъ земскихъ налоговъ (олонецк. губ. 1876) и нѣкот. друг. Отмѣтимъ лишь два ходатайства, рѣзко отличающихся по своимъ тенденціямъ отъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми намъ пришлось пока познакомиться. Какъ можно было замѣтить выше, черезъ всѣ приведенныя пожеланія земства красной нитью проходитъ одно стремленіе—возможно расширить земское избирательное право и сдѣлать его доступнымъ для менѣе состоятельныхъ общественныхъ группъ. Обратную цѣль преслѣдуетъ ходатайство холмскаго земства (1865 г.) „о представленіи крупнымъ землевладѣльцамъ, цензъ которыхъ значительно больше установленнаго закономъ, права быть гласными безъ избранія". Въ основаніе приведено, что крупное землевладѣніе „можетъ быть большинствомъ съѣзда землевладѣльцевъ вовсе отстранено отъ представительства". По поводу этого ходатайства, ярко окрашеннаго духомъ классовой обособлености, поручено было псковскому губернатору (а вмѣстѣ съ тѣмъ и полтавскому, такъ какъ полтавское *дворянское* собраніе представило аналогичное ходатайство) собрать свѣдѣнія о лицахъ, имѣвшихъ право и дѣйствительно участвовавшихъ въ землевладѣльческихъ съѣздахъ перваго трехлѣтія. Дѣло, впрочемъ, дальнѣйшаго движенія не имѣло. Аналогичный характеръ носило и другое ходатайство того-же холмскаго земства (1873 г.) „объ опредѣленіи законодательнымъ путемъ способа исчисленія размѣра доходности недвижимыхъ имуществъ". Такую мѣру земство считало необходимою „для огражденія права собственности отъ произвола простого большинства голосовъ въ земскихъ собраніяхъ". Вслѣдствіе заключенія министра финансовъ, ходатайство это было отклонено.

Отъ земскихъ ходатайствъ по вопросамъ, связаннымъ съ опредѣленіемъ ценза, переходимъ къ тѣмъ, которыя имѣютъ въ виду выборы въ гласные. И въ этой области мы встрѣчаемся прежде всего со стремленіемъ расширить составъ собранія.

Объ увеличеніи числа гласныхъ уѣздныхъ, или губернскихъ, или тѣхъ и другихъ встрѣчаемъ 26 ходатайствъ (1868—1882 *). Они проходятъ въ изобиліи въ теченіе почти всего разсматриваемаго періода. Въ большинствѣ ходатайствъ указывается на недостаточность узаконеннаго числа гласныхъ, вслѣдствіе чего и „обмѣнъ мыслей" въ собраніи бываетъ слишкомъ малъ, и собра-

*) Земствъ: вятскаго губ., яранскаго, шлиссельбургскаго, ялтинскаго, полтавскаго губ., рыбинскаго, котельническаго, чебоксарскаго, бердянскаго, рязанскаго губ., маріупольскаго, малмыжскаго, сарапульскаго, старорусскаго, курскаго губ., верхнеднѣпровскаго, никольскаго, камышловскаго, шадринскаго, царевококшайскаго, новоузенскаго и городскихъ думъ: рыбинской, ялтинской, керченской, меленковской и мелекесской-посадской (Самар. губ.).

нія могутъ часто не состояться, и можетъ не быть на лицо въ собраніи требуемаго закономъ минимума для избранія мировыхъ судей—12 гласныхъ, и бываетъ недостатокъ кандидатовъ на выборныя должности, и нарушается „правильный и безостановочный ходъ земскаго дѣла и возникаютъ значительныя практическія неудобства". Новоузенское земство (1882) ходатайствовало даже объ „удвоеніи" числа своихъ гласныхъ. Въ губернскихъ земствахъ тотъ-же вопросъ возникалъ по причинѣ распредѣленія гласныхъ по уѣздамъ непропорціонально повинностямъ послѣднихъ. Города хлопотали объ увеличеніи числа своихъ гласныхъ или вслѣдствіе новой переоцѣнки имуществъ, или въ виду увеличенія ихъ территоріи, или же просто потому, что наличное число городскихъ гласныхъ не въ состояніи успѣшно отстаивать ихъ интересы. Яранское (1868) и котельническое (1873) земства Вятской губ. и шадринское (1881) Пермской ходатайствовали спеціально объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ. Первое находило, что „опредѣленное отъ сельскихъ обществъ число гласныхъ въ сравненіи съ числомъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, по отношенію къ количеству земли, принадлежащей тому и другому сословію, весьма несоразмѣрно". Второе по той-же причинѣ полагало необходимымъ имѣть въ своемъ составѣ „если не по одному гласному отъ каждой волости, то хотя по одному отъ двухъ волостей". Третье убѣдилось, что „при существующемъ представительствѣ сельскаго населенія земство не въ силахъ съ достаточной полнотою ознакомиться съ мѣстными нуждами". На нѣкоторыя изъ этихъ ходатайствъ послѣдовалъ отвѣтъ, что они „будутъ приняты въ соображеніе при предстоящемъ пересмотрѣ общей вѣдомости о числѣ гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ", а всѣ прочія—отклонены.

Объ уменьшеніи числа гласныхъ отъ одного уѣзда ходатайствовало лишь одно (тульское губ. 1871 г.) земство и то лишь потому, что находило его преувеличеннымъ сравнительно съ числомъ представителей отъ другихъ уѣздовъ. Но и это ходатайство отклонено.

Не получили практическаго исполненія и ходатайства бессарабскаго областного (1873) и курскаго губ. (1880) земствъ объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ и землевладѣльцевъ на счетъ городскихъ гласныхъ въ земствахъ аккерманскомъ и суджанскомъ. Съ другой стороны, такая-же судьба постигла и ходатайства херсонской (1878), орловской (1880) и козельской (1880) городскихъ думъ о предоставленіи городамъ права непосредственнаго представительства въ уѣздныхъ и даже губернскихъ земствахъ для защиты городскихъ интересовъ, или—права участія въ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ по владѣемому городомъ въ уѣздѣ цензу.

Къ тому же вопросу о способахъ расширенія круга лицъ, изъ

которыхъ могли бы избираться гласные, симбирское губ. и самарское уѣздн. земства подошли инымъ путемъ. Они желали получить (1869 г.) для избирательныхъ съѣздовъ право избранія лицъ отсутствующихъ (что допущено земскимъ положеніемъ 1890 г.), приславшихъ письменныя заявленія о желаніи баллотироваться (самарское), или — если число собравшихся менѣе десяти (симбирское). Оба ходатайства были отклонены, такъ какъ обусловливать дѣйствительность выборовъ абсолютной цифрой, безъ отношенія къ числу имѣющихъ право избирать, признано неправильнымъ и такъ какъ при этомъ случайное обстоятельство (большее или меньшее число письменныхъ заявленій) могло бы дать возможность производить выборы ничтожному числу выборщиковъ. Но этимъ все таки не разрѣшался вопросъ о расширеніи числа лицъ, могущихъ быть избранными.

Была, однако, группа лицъ, на которыхъ земства не желали распространять право быть избранными въ гласные. Это — представители волостного и сельскаго управленія, подчиненные администраціи и отчасти — земской управѣ, и потому легко поддающіяся воздѣйствію своего прямого или косвеннаго начальства. Мы имѣемъ семь ходатайствъ (1876—1881 гг.) *) о томъ, чтобы въ списокъ лицъ, не имѣющихъ права баллотироваться въ гласные, были включены волостные старшины, сельскіе старосты, волостные и сельскіе писаря. Черниговское земство (1876) указывало на неудобства контролированія такими гласными дѣйствій предсѣдателей управъ, производящихъ въ свою очередь ревизію волостныхъ правленій. Новоладожское (1878) проводило аналогію ихъ съ чинами полиціи. Тверское губ. (1878) находило, что участіе ихъ въ земствахъ „въ настоящее время уже вредно вліяетъ на ходъ земскаго дѣла, такъ какъ они являются представителями интересовъ не земскихъ, а исключительно личныхъ, мѣстныхъ исправниковъ, и что полицейскій характеръ этой должности признанъ уже кассаціоннымъ департаментомъ сената, который нашелъ, что волостные старшины, какъ чины мѣстной полиціи, не имѣютъ права быть присяжными засѣдателями“. Новгородское губ. (1879) ссылалось на ст. 116 полож. 19 февр., которой не допускается соединеніе съ должностью волостного старшины никакой другой въ одномъ лицѣ. Толчкомъ къ этому ходатайству послужило ходатайство демянскаго земства объ отмѣнѣ ст. 125 пол. о крест., дающей уѣздному исправнику право единолично подвергать старшинъ аресту. Островское уѣздное земство (1881) указывало на то, что такіе гласные стѣсняются выражать свои мнѣнія въ присутствіи своего начальства — предсѣдателей управъ и непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій, съ одной стороны, а съ

*) Земствъ: черниговскаго губ., новоладожскаго, тверского губ., новгородскаго губ., островскаго, вологодскаго губ., полтавскаго губ.

другой — импонируютъ на мнѣнія гласныхъ изъ крестьянъ, „представляя по отношенію къ нимъ полицейскую власть“. — Всѣ эти ходатайства были отклонены — и потому, что названныя лица не поставлены (юридически) въ подчиненное положеніе предсѣдателямъ управъ; и потому, что устраняя тѣхъ, пришлось-бы лишить права быть гласными и нѣкоторыя другія категоріи лицъ (волостныхъ засѣдателей, судей и проч.), вслѣдствіе чего собраніе лишилось-бы „многихъ полезныхъ дѣятелей“; и потому, что не одни старшины, но и другіе гласные, состоящіе на государственной службѣ, могутъ быть подвергаемы дисциплинарному взысканію; и потому, что принятіе старшиной званія гласнаго еще не есть совмѣстительство, предусмотрѣнное 116 ст. пол. 19 февр.; и потому, что старшины „суть лица выборныя и по характеру своихъ обязанностей не принадлежатъ къ чинамъ полиціи“. Послѣднія изъ перечисленныхъ ходатайствъ просто оставлены безъ движенія.

Надо думать, что всѣ эти мотивы не признаются въ настоящее время серьезными, такъ какъ еще недавно было предложено земствамъ обсудить цѣлесообразность устраненія указанныхъ лицъ изъ состава земскихъ собраній.

Далѣе — передъ нами нѣсколько ходатайствъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ выборовъ въ гласные. Такъ, новгородское губ. (1866 г.) собраніе просило разрѣшенія установить порядокъ „постепеннаго выбытія части гласныхъ и членовъ управъ и ежегоднаго пополненія ихъ новыми выборами“. Въ основаніе приводилось серьезное соображеніе, что при такомъ порядкѣ въ составѣ этихъ учрежденій постоянно находились-бы люди опытные въ земскомъ дѣлѣ. Ходатайство оставлено безъ движенія. Та же участь постигла и ходатайство костромского губ. земства (1867) о разрѣшеніи открывать избирательные съѣзды не только въ уѣздныхъ городахъ, но и въ безъуѣздныхъ, посадахъ, мѣстечкахъ и т. п. сообразно мѣстнымъ удобствамъ. Не найдено возможнымъ удовлетворить и ходатайства тетюшскаго (1869), угличскаго (1872) и купянскаго (1876) собраній о правѣ опредѣлять необходимость производства дополнительныхъ выборовъ, когда гласныхъ или кандидатовъ къ нимъ будетъ избрано недостаточно. Главный мотивъ: совершенная необходимость такого законоположенія особенно для тѣхъ уѣздовъ, гдѣ число гласныхъ очень ограничено. Въ отвѣтѣ первому изъ этихъ земствъ, между прочимъ, сказано, что „до сихъ поръ министерство, по существующихъ законамъ, не встрѣчало препятствій къ разрѣшенію производства дополнительныхъ выборовъ, когда таковые представлялись необходимыми“.

Наконецъ, полтавское губ. земство (1881) полагало болѣе удобнымъ производить выборы гласныхъ отъ крестьянъ (согласно ст. 31 *пол. о зем. учр.*) „подъ руководствомъ и наблюденіемъ почетныхъ мировыхъ судей“ въ виду того, что они „суть лица, незаинтересованныя въ извѣстномъ подборѣ гласныхъ отъ кре-

стьянъ, между тѣмъ какъ участіе непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій при выборахъ на сельскихъ избирательныхъ съѣздахъ есть одна изъ причинъ неправильности этихъ выборовъ". Но такое стремленіе сократить вліяніе администраціи на крестьянскіе выборы, не получило осуществленіе: ходатайство просто оставлено безъ послѣдствій.

Пропускаемъ многочисленный рядъ ходатайствъ думъ разныхъ городовъ объ учрежденіи въ нихъ особыхъ избирательныхъ съѣздовъ; эти ходатайства имѣютъ исключительно мѣстный интересъ и характеризуютъ лишь стремленіе городовъ расширять размѣры своего представительства въ составѣ земскихъ собраній. Глазовская дума отнеслась даже столь ревниво къ дѣятельности своихъ земскихъ гласныхъ, что ходатайствовала (1872) о правѣ исключать изъ числа гласныхъ отъ города тѣхъ, которые оказали „бездѣйствіе къ обезпеченію въ земствѣ интересовъ городского общества, или замѣщать такихъ лицъ кандидатами, по опредѣленію городской думы". Но „къ установленію особаго порядка отвѣтственности городскихъ гласныхъ" министерство не нашло основаній. Не останавливаясь также на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ выборовъ гласныхъ отъ городовъ, которыя намѣчались нѣсколькими думами, замѣтимъ, что недостаточная, по ихъ мнѣнію, защита городскихъ интересовъ въ земствахъ, вызывала, съ другой стороны, рядъ думскихъ ходатайствъ о выдѣленіи городовъ въ особую земскую единицу (Севастополя 1871, Керчи 1872, Казани 1872, Кременчуга 1873, Николаева 1875, Переяслава 1877, Карачева 1878, Харькова 1881). По всѣмъ этимъ ходатайствамъ послѣдовалъ или отказъ, или имъ не дано было движенія при обѣщаніи, что таковыя будутъ приняты въ соображеніе при разработкѣ общаго вопроса о „лучшемъ устройствѣ отношеній" между городами и земствомъ. На ряду съ этимъ, и земства направляли ходатайства объ установленіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ контроля надъ городами. Такъ, мещовская управа (1869) желала получить право для одного изъ своихъ членовъ присутствовать въ ярмарочномъ комитетѣ для соблюденія интересовъ земства и участія въ надзорѣ за поступленіемъ 10% сбора въ пользу земства отъ ярмарочныхъ помѣщеній. Тверское уѣздное собраніе (1880) ходатайствовало объ установленіи контроля губернскаго земства или контрольной палаты надъ городскимъ управленіемъ, „въ виду неточности разсчетовъ его по взысканію недоимокъ земскаго сбора и за отказомъ отъ разсмотрѣнія настоящаго вопроса въ коммиссіи по устройству лучшихъ отношеній городовъ къ земскимъ учрежденіямъ". Оба эти ходатайства отклонены, равно какъ и ходатайство дорогобужскаго земства (1881) „объ *уничтоженіи* отдѣльнаго городского общественнаго управленія и передачѣ самихъ городовъ въ вѣдѣніе земствъ", такъ какъ мелкіе города, вродѣ Дорогобужа, не имѣютъ боль

шого торговаго и промышленнаго значенія; „такое соединеніе значительно уменьшитъ крупные расходы по управленію уѣздомъ и уничтожитъ ту рознь, которая во многихъ уѣздахъ существуетъ между городомъ и земствомъ, хотя оба управленія вѣдаютъ одни и тѣ же хозяйственныя дѣла“. Такая рѣшительная постановка вопроса, касающагося „коренного измѣненія дѣйствующаго Городового Положенія“, была, какъ указано, отклонена.

Въ такомъ видѣ рисуется въ приведенныхъ ходатайствахъ старый конфликтъ города съ земствомъ. Не останавливая своего вниманія на томъ, что благосостояніе городовъ, особенно мелкихъ, питается чаще всего притокомъ населенія изъ уѣздовъ, городскія общественныя управленія признаютъ для себя обременительнымъ участвовать пропорціональными взносами въ общеземскихъ расходахъ и нерѣдко стремятся уклониться отъ нихъ подъ разными формами. Подобное отношеніе вызывало въ земствахъ не только понятное стремленіе къ контролю надъ городскимъ хозяйствомъ, по скольку оно соприкасается съ земскимъ, но послужило основаніемъ даже для появленія проекта такого радикальнаго рѣшенія этого вопроса, какой предложенъ дорогобужскимъ земствомъ. Слѣдуетъ при этомъ признать, что систематическое отклоненіе всѣхъ указанныхъ ходатайствъ, возбуждавшихся обѣими спорящими сторонами, не способствовало ничѣмъ разрѣшенію конфликта, не вносило никакихъ руководящихъ началъ для регулированія этихъ отношеній въ будущемъ, но лишь легализировало statu quo и тѣмъ открывало просторъ и для дальнѣйшихъ споровъ въ томъ-же направленіи.

Возвращаясь къ вопросамъ земскаго устройства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, взглянемъ на рядъ ходатайствъ, относящихся до земскихъ гласныхъ и кандидатовъ къ нимъ.

Здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить, что земство того времени не упустило поднять вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, хотя бы только для гласныхъ изъ крестьянъ. Нижегородское губ. (1866 г.), лаишевское (1866 г.), костромское губ. (1867) и бѣлевское (1871) земства ходатайствовали объ освобожденіи отъ этого позорнаго наказанія членовъ управъ и гласныхъ изъ податныхъ сословій не только во время нахожденія ихъ въ этихъ должностяхъ, но и навсегда, что привлекло бы къ дѣлу лучшихъ людей, ограждало бы для нихъ полную свободу подачи голосовъ въ собраніи и способствовало бы поднятію общаго нравственнаго уровня въ народѣ. Первыя два ходатайства были отклонены на томъ основаніи, что, согласно высочайшему указу 1863 г., такое изъятіе не распространяется на крестьянъ, выбывающихъ изъ общественныхъ выборныхъ должностей. Это было, вѣроятно, извѣстно земствамъ, которыя ходатайствовали именно объ отмѣнѣ такого ограниченія. На послѣднія два изъ названныхъ ходатайствъ послѣдовалъ отвѣтъ, что „комитетъ министровъ, находя, что

возбужденный собраніями общій законодательный вопросъ подлежитъ непосредственному благоусмотрѣнію и обсужденію правительства, положилъ—предоставить министру внутреннихъ дѣлъ обратить на это вниманіе" собраній. — Быть можетъ, послѣднее замѣчаніе и было причиной того, что другія земства не возбуждали болѣе такихъ ходатайствъ. Близкія къ предыдущему пожеланія выразили черезъ большой промежутокъ времени земства смоленское губ. (1877) и ельнинское (1880). Первое ходатайствовало объ освобожденіи губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ изъ крестьянъ отъ взысканія единоличною властью исправника, даже допуская взысканія по коллегіальнымъ постановленіямъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, на все время пребыванія ихъ въ званіи гласнаго. Ходатайство отклонено, такъ какъ „ограниченіе власти исправника въ дѣлѣ взысканія недоимокъ и другихъ сборовъ могло бы имѣть неблагопріятное вліяніе на успѣхъ этого важнаго дѣла". Второе ходатайствовало только о томъ, чтобы гласные крестьяне не подвергались аресту въ административномъ порядкѣ лишь на время сессіи земскаго собранія. Ходатайство оставлено безъ движенія.

Рядомъ съ этимъ стремленіемъ оградить личную неприкосновенность гласныхъ, земство старалось облегчить имъ въ матеріальномъ отношеніи несеніе ими своихъ обязанностей и тѣмъ шире открыть доступъ къ участію въ земскомъ дѣлѣ группамъ малоимущимъ и въ частности—крестьянамъ. Такъ, харьковское земство ходатайствовало (1866) о снабженіи гласныхъ открытыми листами для разъѣздовъ по общественнымъ дѣламъ; ходатайство это отклонено потому, что званіе гласнаго не имѣетъ „характера исполнительной власти, которая могла бы встрѣчать потребность въ разъѣздахъ по дѣламъ службы". Впослѣдствіи, однако, вопросъ о правѣ собраній выдавать гласнымъ на проѣздъ въ губернскій городъ безплатные билеты на подводы разъясненъ министерствомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Далѣе, имѣемъ ходатайства 16-ти земствъ (1865—1880) *) о дозволеніи назначать гласнымъ уѣзднымъ, или губернскимъ, или тѣмъ и другимъ содержаніе въ видѣ прогонныхъ и суточныхъ денегъ. Иныя изъ нихъ (лаишевское, мещовское, оханское) оговариваютъ необходимость такого назначенія исключительно гласнымъ крестьянамъ. Лаишевское ходатайствуетъ за крестьянъ и священниковъ—„въ уваженіе скудости средствъ крестьянъ, лишающей ихъ возможности жить въ городѣ безъ крайняго ущерба для своего хозяйства, и бѣдственнаго положенія духовенства".—Согласно высоч. утв. мнѣнію гос. сов. 30 мая 1866 г.,

*) Костромского губ. (1865), лаишевскаго (1866), полтавскаго губ. (1867), херсонскаго губ. (1867), черниговскаго губ. (1867), мамадышскаго (1867), тверского губ. (1867), новгородскаго губ. (1868), вологодскаго (1870) мещовскаго (1871), сапожковскаго (1871), оханскаго (1872), самарскаго губ. (1878), екатеринославскаго губ. (1878) и царевококшайскаго (1880).

въ смѣты земскихъ повинностей не долженъ быть вносимъ никакой расходъ въ пользу земскихъ гласныхъ. На этомъ основаніи всѣ названныя ходатайства были отклонены, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были впослѣдствіи возобновляемы. Не было удовлетворено и дважды повторенное ходатайство вологодскаго собранія, указывавшаго на особую громадность разстояній нѣкоторыхъ уѣздовъ отъ губернскаго города, препятствующую гласнымъ съ ограниченными средствами являться въ губ. собраніе. Нашлось только одно земство — воронежское губернское, ходатайствовавшее въ 1866 г., о сохраненіи начала безмездности въ земствѣ.

Съ другой стороны, по нѣкоторымъ ходатайствамъ можно видѣть, что земству не чуждо было стремленія оградить гласныхъ отъ разнаго рода нареканій. Такъ гороховецкое земство (1877) ходатайствовало объ ограниченіи правъ гласныхъ относительно участія въ земскихъ подрядахъ. Трубчевское (1878) и аккерманское (1882) земства ходатайствовали объ установленіи правила, по которому лица, получающія отъ земства содержаніе, не участвовали бы въ земскихъ собраніяхъ, а замѣнялись другими гласными. Послѣднее земство дѣлало исключеніе для состава управы. Бѣлозерское собраніе (1867) желало, чтобы гласные не иначе могли отказываться отъ прибытія въ земское собраніе, какъ по обстоятельствамъ, допускающимъ дворянамъ уклоняться отъ участія въ дворянскомъ собраніи. Первое и послѣднее изъ этихъ ходатайствъ отклонены по отсутствію въ земскомъ положеніи соотвѣтственныхъ ограниченій, о созданіи которыхъ именно и просили земства; второе постигла та-же участь; о третьемъ сказано, что оно будетъ принято въ соображеніе при разсмотрѣніи общаго вопроса о вознагражденіи гласныхъ за возлагаемыя на нихъ по земству порученія. На случай неявки гласныхъ въ собраніе чебоксарское земство (1866) и опочецкое (1874) полагали полезнымъ замѣщать неявившихся кандидатами. На первое ходатайство не послѣдовало опредѣленнаго отвѣта, а по второму—министръ не находилъ возможнымъ сдѣлать распоряженіе къ удовлетворенію его. Аналогичный результатъ имѣли ходатайства восьми земствъ (7 губернскихъ и 1 уѣздн.) *) о выборѣ кандидатовъ къ губернскимъ гласнымъ въ виду того, что въ случаѣ выбытія какого либо изъ нихъ, уѣздныя земства могутъ сдѣлать дополнительные выборы въ ближайшую же сессію. Мотивомъ такихъ ходатайствъ служила необходимость для уѣздовъ имѣть въ губернскомъ собраніи назначенное закономъ число гласныхъ хотя-бы нѣкоторые и не явились въ собраніе. — Крайне неясно выражено относящееся сюда же ходатайство чердынскаго

*) Псковскаго (1865), московскаго (1865), петербургскаго (1865), тамбовскаго (1866), тверского (1866), курскаго (1867), черниговскаго (1875) и псковскаго уѣздн. (1880).

земства (1873) „о предоставленіи землевладѣльцамъ права посылать въ собраніе вмѣсто выбывшихъ гласныхъ другихъ довѣренныхъ (?) въ качествѣ гласныхъ“; отклонено, ибо выбывшихъ гласныхъ могутъ замѣнять только кандидаты. Было бы, однако, любопытно выяснить, о какихъ „довѣренныхъ“ (безъ избранія?) шла въ этомъ случаѣ рѣчь.

Изъ ходатайствъ, касающихся созыва и правъ земскихъ собраній, упомянемъ прежде всего о ходатайствѣ маріупольскаго собранія (1876) о разрѣшеніи созывать очередныя собранія два раза въ годъ (весной—для повѣрки отчета и дѣйствій управы и осенью—для утвержденія смѣты и раскладокъ). Такой вполнѣ естественный порядокъ сессій, который увеличивалъ бы періодъ времени, посвящаемый гласными служенію общественному дѣлу, и уменьшилъ бы нѣкоторую спѣшность въ обсужденіи всѣхъ накопившихся за годъ вопросовъ въ нѣсколько дней — порядокъ этотъ былъ отклоненъ на томъ основаніи, что повѣрка отчетовъ и дѣйствій управы можетъ происходить и въ чрезвычайномъ собраніи.—Минуя нѣсколько неважныхъ ходатайствъ о срокахъ для назначенія сессій, укажемъ на ходатайства калужскаго губ. (1876), харьковскаго губ. (1879) и новгородскаго губ. (1881) земствъ о томъ, чтобы чрезвычайныя уѣздныя и губернскія земскія собранія были созываемы по заявленію предсѣдателю части гласныхъ ($^1/_5$ или $^1/_3$). Но это средство увеличенія дѣйствительнаго контроля гласныхъ надъ дѣйствіями управъ было отклонено, такъ какъ въ приведенныхъ ходатайствахъ „не усмотрѣно было никакихъ уважительныхъ поводовъ къ измѣненію дѣйствующаго закона“. Новгородское ходатайство просто оставлено безъ движенія.—По вопросу о томъ, какое число гласныхъ слѣдуетъ считать достаточнымъ для того, чтобы земское собраніе могло считаться состоявшимся, стремленія земствъ сводились, повидимому, къ тому, чтобы права ихъ въ этомъ отношеніи были расширены. Надо думать, что земства считали себя достаточно компетентными, чтобы судить, какіе вопросы требуютъ для своего разрѣшенія большого состава гласныхъ, и какіе могутъ быть разрѣшены, чтобы не тормозить движенія текущихъ дѣлъ, даже и въ маломъ составѣ. Сказаннымъ можно объяснить четыре ходатайства губернскихъ земствъ—харьковскаго (1871), рязанскаго (1873), тамбовскаго (1874) и херсонскаго (1882) о томъ, чтобы засѣданія собраній считались законными, если въ нихъ присутствуетъ не треть, какъ значилось въ Положеніи, а меньшее число гласныхъ (въ первомъ изъ ходатайствъ—10 человѣкъ, во второмъ—$^1/_5$, въ третьемъ—$^1/_4$, въ четвертомъ—„въ какомъ бы числѣ ни прибыли“). Всѣ эти ходатайства отклонены; признано неудобнымъ дѣлать постановленія губ. собраній въ маломъ составѣ, такъ какъ случаи, когда собранія не состоялись за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ, весьма рѣдки и вызываются неудачнымъ временемъ созыва собраній (распутицей, половодьемъ и пр.).—Далѣе, передъ нами

нѣсколько ходатайствъ объ учрежденіи „соединенныхъ засѣданій“ земствъ съ думами или съ дворянскимъ собраніемъ, во первыхъ, а во вторыхъ, совѣщаній временныхъ или постоянныхъ представителей земствъ между собой. Первыя или касаются сравнительно менѣе важныхъ вопросовъ—избранія почетныхъ попечителей учебныхъ заведеній (тульскаго губ. 1876 и смоленскаго губ. 1881) или проектируются для обсужденія мѣръ къ удешевленію цѣнъ на жизненные припасы и къ прекращенію перекупки припасовъ барышниками (рязанское губ. 1882 г.). Всѣ эти ходатайства отклонены по чисто формальнымъ мотивамъ. Гораздо болѣе широкіе вопросы имѣютъ въ виду слѣдующіе четыре ходатайства: рязанское земство (1879 г.) просило о созывѣ въ Москвѣ представителей земствъ разныхъ губерній для совѣщанія о мѣрахъ, которыя могли-бы быть приняты сообща земствами противъ эпидемій для выработки единообразнаго плана борьбы съ ними. Отклонено потому, что по закону „земству одной губерніи нельзя входить въ разсмотрѣніе земскихъ дѣлъ въ другой“, въ виду этого общій земскій съѣздъ даже по данному вопросу, входящему въ сферу компетенціи земствъ, „не можетъ быть допущенъ“ и въ немъ нѣтъ „никакой надобности“, ибо принятіе общихъ мѣръ принадлежитъ правительству и „всѣ карантинныя мѣры противъ распространенія существовавшей въ Астраханской губ. эпидеміи были своевременно приняты правительствомъ“. Постановленіе земства состоялось, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ ветлянской чумы. Изъ приведеннаго отвѣта на сравнительно скромное ходатайство рязанскаго земства, очевидно, что никакихъ шансовъ на успѣхъ не могли имѣть слѣдующія три ходатайства, ставившія вопросъ еще шире. Владимірское губ. (1873) собраніе желало учрежденія „съѣздовъ представителей земства въ каждой губерніи и центральнаго въ столицахъ по взаимному соглашенію земствъ, съ тѣмъ, чтобы съѣзды эти имѣли оффиціальное значеніе, дѣйствовали по программѣ, заблаговременно составленной, и обсуждали только предметы, входящіе въ кругъ обязанностей земскихъ учрежденій“. Мотивомъ служила „необходимость установленія общихъ правилъ для всѣхъ земствъ, по важнѣйшимъ отраслямъ земскаго хозяйства“. Харьковское (1875) губ. земство ходатайствовало „объ установленіи правилъ, опредѣляющихъ способъ сношеній между земствами нѣсколькихъ губерній но вопросамъ, имѣющимъ для нихъ общій интересъ и не могущимъ быть рѣшаемыми каждымъ отдѣльнымъ земствомъ“. Наконецъ, новгородское губ. (1881) земство полагало нужнымъ „введеніе въ полож. о зем. учр. статьи, разрѣшающей съѣзды представителей земства для разсмотрѣнія общихъ нуждъ многихъ губерній“. Первыя два ходатайства отклонены по мотивамъ, аналогичнымъ вышеприведенному, а третье „не получило еще дальнѣйшаго движенія“ (въ 1884 г.),—не смотря на то, что въ приведенныхъ ходатайствахъ, какъ можно видѣть,

прямо указаны были рамки программы всѣхъ такихъ совѣщаній, не выходящей изъ круга вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію земства.

Кромѣ этихъ, практика выдвигала то здѣсь, то тамъ разнообразныя ходатайства по тѣмъ или другимъ частнымъ поводамъ о нѣкоторомъ расширеніи правъ земствъ. Укажемъ на ходатайство с.-петербургскаго губ. (1883) собранія „о предоставленіи ему возможности высказать свое мнѣніе по поводу основныхъ началъ будущаго гражданскаго уложенія, предварительно составленія проекта этого уложенія“. По дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, говоритъ земство, „при разработкѣ названнаго Положенія имѣется въ виду принять въ соображеніе и обычное право“, почему „отзывы мѣстнаго представительства могутъ принести существенную пользу“. Отклонено по формальному мотиву, но прибавлено, что работы коммиссіи по выработкѣ проекта уложенія имѣютъ быть своевременно отпечатаны во всеобщее свѣдѣніе и поэтому будутъ доступны обсужденію заинтересованныхъ мѣстъ и лицъ. Другими словами, земство приравнивалось въ этомъ случаѣ каждому частному лицу, которое могло-бы такъ или иначе высказать свое мнѣніе, если-бы проектъ былъ опубликованъ. Не мало стремленій обнаруживалось, далѣе, въ земствѣ, какъ выборномъ учрежденіи, имѣть избираемаго имъ-же самимъ предсѣдателя. Земства весьегонское (1881), новгородское уѣздн. (1880), старорусское (1880) и пензенское уѣздн. (1881) ходатайствовали о разрѣшеніи имъ избирать себѣ предсѣдателей изъ своей среды на каждую сессію, или на каждое трехлѣтіе. Вятское губ. (1869) просило не назначать предсѣдателями уѣздныхъ собраній мировыхъ посредниковъ, такъ какъ почти во всѣхъ уѣздныхъ земствахъ этой губерніи большинство гласныхъ состоитъ изъ подчиненныхъ посредникамъ крестьянъ. Курское губ. (1872) хлопотало о замѣщеніи предсѣдателя собранія другимъ лицомъ на время повѣрки земской отчетности, если предводитель дворянства состоитъ въ то же время и предсѣдателемъ управы. Смоленское губ. (1873) желало избирать себѣ предсѣдателя только въ случаѣ неявки въ собраніе лицъ, уполномоченныхъ закономъ предсѣдательствовать. Не смотря, однако, на такія оговорки, всѣ эти ходатайства отклонены, или оставлены безъ движенія. Тверскимъ губ. земствомъ (1881) была сдѣлана попытка ходатайствовать только о нѣкоторомъ ограниченіи власти предсѣдателя отмѣной права его не допускать до обсужденія предложенія одного или нѣсколькихъ членовъ собранія, такъ какъ „опредѣлить точно и безошибочно кругъ вѣдомства земскаго собранія представляется невозможнымъ“, но и это ходатайство „оставлено было безъ движенія“.

Въ противоположность такимъ стремленіямъ лишь одно константиноградское собраніе (1874) желало назначить жалованіе своему предсѣдателю, какъ предсѣдателю разныхъ уѣздныхъ присутствій. Это, однако, также не было разрѣшено.

Далѣе, новгородское губ. собраніе (1881) желало опредѣлять сроки и мѣста избираемыхъ съѣздовъ, не возлагая этого на управы; орловское губ. (1867) просило считать срокомъ сессій уѣздныхъ собраній не десять дней, а десять дѣйствительныхъ засѣданій, такъ какъ нѣкоторыя собранія не успѣваютъ кончить всѣхъ своихъ занятій въ указанный срокъ; никольское собраніе (1873) ходатайствовало о предоставленіи права экстреннымъ собраніямъ обсуждать не только тѣ вопросы, для которыхъ они созваны, но и другіе „которые могутъ встрѣтиться при этомъ"; новооскольское земство (1877) просило права участія уполномоченному отъ земства лицу въ надзорѣ за правильнымъ производствомъ торговли и промысловъ при повѣркѣ торговли въ уѣздѣ чиновникомъ казенной палаты; мещовское (1872 г.) и калужское губ. (1879) ходатайствовали о разрѣшеніи баллотировать вновь въ губ. собраніи земскихъ должностныхъ лицъ изъ числа забаллотированныхъ въ уѣздныхъ собраніяхъ; херсонское уѣздн. (1868) желало имѣть право представлять къ наградѣ народныхъ учителей медалью за усердную службу, а сумское (1870)—право награждать предсѣдателей управъ и „другихъ лицъ, оказавшихъ ему важныя услуги", званіемъ пожизненнаго почетнаго члена управы съ правомъ голоса. Ни одно изъ этихъ ходатайствъ, не смотря на ихъ сравнительную маловажность, не получило удовлетворенія. Той же участи подверглись и ходатайства: смоленскаго губ. (1869) о правѣ предоставлять почетное гражданство, „какъ выраженіе признательности или сочувствія"; мокшанскаго (1873), тульскаго губ. (1873), устюжскаго (1880) и кузнецкаго (1882) о томъ правѣ, которое вошло въ положеніе 1890 г.—о правѣ выбора состава управы не только изъ числа гласныхъ; екатеринославскаго уѣздн. (1876) о правѣ экспропріаціи частныхъ имуществъ, для земскихъ нуждъ; сарапульскаго (1868), соликамскаго (1883) и вологодской уѣздн. управы (1871) о правѣ для членовъ управъ собирать волостные сходы безъ вѣдома мировыхъ посредниковъ; московскаго губ. (1874) о правѣ уѣзднымъ собраніямъ разрѣшать открытіе фабрикъ, заводовъ и друг. промышленныхъ заведеній въ предѣлахъ предоставленныхъ общественному управленію въ городахъ, по Положенію 1870 г.; удовлетворено лишь ходатайство чернскаго земства (1873) о предоставленіи членамъ земской управы производить ревизію волостей по дѣламъ земскимъ, но съ тѣмъ, чтобы они „не присваивали себѣ права налагать взысканія на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, предоставляя это распоряженію мирового посредника". Симферопольское уѣздн. (1869) и трубчевское (1875) земства желали, чтобы рѣшеніе вопроса о томъ, закрытой или открытой баллотировкой дѣлать то или другое постановленіе, предоставлено было самому земству, но и это было признано не подлежащимъ удовлетворенію. Таврическое губ. (1873), брянское (1874) и полтавское губ. (1875)

земства просили того права, которое вошло въ Положеніе 1890 г.,— права рѣшать денежные вопросы закрытой баллотировкой; эти ходатайства отклонены потому, какъ сказано, между прочимъ, въ отвѣтѣ таврическому земству, что „и закрытая подача голосовъ можетъ вести иногда къ результатамъ, несоотвѣтствующимъ безпристрастію и справедливости“. Два ходатайства—орловскаго губ. (1881) и самарскаго губ. (1881)—имѣли цѣлью окончательную отмѣну временнаго закона 19 августа 1879, по которому губернатору предоставлены особыя права при замѣщеніи должности мировыхъ судей. Оба препровождены были на усмотрѣніе министра юстиціи, отъ котораго отзыва еще не послѣдовало (1884). Аналогичное ходатайство владимірскаго губ. (1881) земства о замѣщеніи канцелярскихъ должностей по общественнымъ и мировымъ судебнымъ учрежденіямъ оставлено безъ движенія. Наконецъ, херсонское губ. земство (1868) просило точнаго опредѣленія законодательнымъ порядкомъ „того именно высшаго правительственнаго мѣста, къ которому должны восходить на окончательное разрѣшеніе ходатайства земства, такъ какъ неразрѣшеніе многихъ ходатайствъ земства служитъ причиною охлажденія дѣятельности земскихъ гласныхъ; ходатайство отклонено, ибо вопросъ этотъ „разрѣшается существующими постановленіями“. Рядомъ съ этимъ—таврическое губ. (1875) земство просило о распубликованіи положеній комитета министровъ, состоявшихся по ходатайствамъ губернскихъ земствъ: сказанныя положенія сообщаются своевременно только тому собранію, которое представило данное ходатайство, и остаются неизвѣстными всѣмъ прочимъ земствамъ; ознакомиться же съ ними было-бы полезно для успѣха земскаго дѣла. Ходатайство отклонено, такъ какъ „тѣ положенія комитета министровъ, о содержаніи коихъ признается нужнымъ поставить въ извѣстность земскія учрежденія, помѣщаются въ издаваемомъ министерствомъ внутр. дѣлъ сборникѣ правительственныхъ распоряженій по дѣламъ, до земскихъ учрежденій относящимся“.

Переходя къ серіи земскихъ ходатайствъ по вопросамъ, касающимся состава, правъ и отвѣтственности земскихъ управъ, останавливаемся прежде всего на ходатайствахъ, имѣющихъ предметомъ совмѣстительство должностей предводителя дворянства и предсѣдателя управы. Рязанское губ. (1876) земство просило, чтобы „должность предсѣдателя собранія не была совмѣщена съ должностью предсѣдателя земской управы въ виду обнаруженныхъ по двумъ уѣздамъ неправильностей въ расходованіи земскихъ суммъ предсѣдателями мѣстныхъ земскихъ управъ, состоявшими въ то же время и предсѣдателями земскихъ собраній, и недопущенія этими лицами обревизованія и приведенія въ ясность произведенныхъ ими расходовъ“. Псковское губ. (1882) собраніе желало того же; основаніемъ служили безпорядки, происшедшіе въ

опочецкомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, которые обусловливались главнымъ образомъ соединеніемъ въ одномъ лицѣ должностей предсѣдателя управы и предводителя дворянства, а также соображеніе, что вообще такое соединеніе вредно можетъ отозваться на ходѣ земскаго дѣла. Аналогичныя ходатайства представлены костромскимъ уѣздн. (1881) и херсонскимъ губ. (1875) собраніями. Первое и послѣднее ходатайства отклонены, а второе и третье—оставлены безъ движенія. Въ отвѣтѣ рязанскому земству говорится, что „случаи, подобные указанному имъ, составляютъ не болѣе, какъ исключеніе", что устраненіе подобныхъ неудобствъ „вполнѣ зависитъ отъ самихъ земскихъ собраній", что желаемая земствомъ мѣра „уменьшила бы кругъ лицъ, избираемыхъ на должности предсѣдателей управъ".—Далѣе, смоленское губ. (1877) земство ходатайствовало о предоставленіи предсѣдателямъ управъ права совѣщательнаго голоса въ губернскихъ собраніяхъ, если они не выбраны въ число губ. гласныхъ, такъ какъ ихъ близкое знакомство съ дѣлами уѣзда гарантируетъ ихъ компетентность при обсужденіи въ губ. собраніи вопросовъ, касающихся даннаго уѣзда. Ходатайство отклонено, какъ „нарушающее одно изъ коренныхъ началъ пол. о зем. учр., на основаніи котораго губернское собраніе составляется изъ выбранныхъ гласныхъ", хотя земство и не предлагало вводить предсѣдателей управы въ составъ губ. собранія, а желало дать имъ лишь совѣщательный голосъ. — Тотъ-же результатъ, по формальнымъ мотивамъ, имѣло и ходатайство екатеринославскаго губ. (1875) земства о томъ, чтобы составленіе очереди дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію собранія, принадлежало не пресѣдателю собранія, а управѣ съ утвержденіемъ самимъ собраніемъ.—Это желаніе дать управѣ болѣе самостоятельное значеніе выразилось и въ ходатайствѣ бѣжецкаго земства (1870) о разрѣшеніи управѣ имѣть особаго пристава, подчиненнаго предсѣдателю управы, какъ судебный приставъ подчиненъ предсѣдателю окружнаго суда, для взысканія все болѣе и болѣе накопляющихся недоимокъ земскаго сбора. Какъ извѣстно, до сихъ поръ такое явленіе наблюдается повсемѣстно потому, что главное стараніе низшихъ агентовъ администраціи направляется на взысканіе казенныхъ недоимокъ и сборовъ. Ходатайство отклонено, ибо право управы „обратиться къ губернатору объ оказаніи содѣйствія въ этомъ случаѣ достаточно обезпечиваетъ успѣшное поступленіе земскихъ сборовъ."—По формальнымъ мотивамъ отказано было и въ ходатайствахъ орловскаго губ. (1867), калужскаго губ. (1868) и харьковскаго губ. (1868) земства о предоставленіи правъ государственной службы нѣкоторымъ служащимъ въ канцеляріи губернскихъ и уѣздныхъ управъ,—что служило недавно предметомъ обсужденія въ земскихъ собраніяхъ по инициативѣ самого министерства.—Этотъ перечень былъ бы не полонъ, если-бы мы не отмѣтили здѣсь двухъ мелочныхъ хода-

тайствъ—петергофскаго (1875) и корчевскаго (1881) собраній о томъ, чтобы предсѣдатель и члены управы были снабжены особыми знаками для ношенія при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Оба ходатайства не получили дальнѣйшаго движенія.

Съ другой стороны не было недостатка въ стремленіи земствъ установить мѣры для дѣйствительнаго контроля надъ дѣйствіями избранныхъ ими управъ и для предотвращенія убытковъ земскаго имущества въ случаѣ обнаруженныхъ съ ихъ стороны злоупотребленій. Крестецкое собраніе (1871) и с.-петербургское уѣздное (1874) проектировали избраніе постоянной ревизіонной коммиссіи, которая дѣйствовала-бы не только во время сессіи, но и въ теченіе всего года. Второе изъ названныхъ земствъ „обратило вниманіе на то, что краткость времени, на которое оно созывается (10 дней), не дозволяетъ ему производить полную ревизію земскаго хозяйства уѣзда; для полноты такой ревизіи необходимо организованіе постоянной наблюдательной коммиссіи“. Такія коммиссіи въ настоящее время разрѣшены и практикуются въ земствахъ, но въ то время оба ходатайства были отклонены на томъ, между прочимъ, основаніи, что „Полож. о зем. учр. не допускаетъ никакой посредствующей инстанціи между управой и собраніемъ“. Новгородское губ. собраніе (1869) желало, чтобы губернаторъ или губернская управа могли-бы созывать чрезвычайное собраніе въ случаѣ обнаруженія злоупотребленій или важныхъ упущеній со стороны уѣздныхъ управъ и требовать немедленнаго обезпеченія земскаго иска. Но и это ходатайство, равно какъ аналогичное ходатайство костромского уѣздн. (1876) земства, были отклонены, такъ какъ губернская управа можетъ всякій разъ испросить разрѣшеніе у министра на открытіе чрезвычайнаго собранія, а обезпеченіе иска зависитъ отъ того судебнаго мѣста, въ которомъ начато дѣлу по этому иску. Первая часть этого отвѣта, очевидно, не упрощала процедуру открытія собранія, которая можетъ въ иныхъ случаяхъ внести къ сокрытію имущества и къ невозможности для суда обезпечить земскій искъ даже въ томъ случаѣ, когда онъ признаетъ это нужнымъ.—Отклонены, по формальнымъ соображеніямъ, также и ходатайства екатеринославскаго уѣздн. (1867), ялтинскаго (1867). мещовскаго (1870), инсарскаго (1870) и тарусскаго (1879) собраній о нѣкоторыхъ репрессіяхъ (штрафахъ), которыя они хотѣли-бы практиковать по отношенію къ своимъ гласнымъ, неявившимся въ собраніе по неуважительнымъ причинамъ или самовольно покинувшимъ собраніе. Извѣстно, что репрессіи для такихъ случаевъ установлены Положеніемъ 1890 года.

Не мало озабочены были земства того времени и возможно широкою гласностью въ своемъ дѣлѣ. Передъ нами цѣлый рядъ ходатайствъ объ облегченіи условій, при которыхъ могло-бы публиковаться все, относящееся къ этой области. Псковское губ.

(1865) земство просило объ открытіи при неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей особаго по дѣламъ земства отдѣла. Въ отвѣтѣ указано, что это „представляетъ значительныя неудобства для земства и для редакціи губ. вѣдомостей"; къ сожалѣнію, невыяснено, въ чемъ состояли-бы эти неудобства для земства. Новгородское губ. (1866) земство ходатайствовало для одного содержателя частной типографіи о правѣ издавать въ Новгородѣ еженедѣльный земскій листокъ. Ходатайство это оставлено безъ движенія, такъ какъ губернаторъ донесъ, что „изданіе особаго листка можетъ поставить его въ затрудненіе относительно точнаго соблюденія условій, указанныхъ въ конфиденціальномъ циркулярѣ отъ 24 марта 1865 г. за № 551". Харьковское губ. (1866) земство просило о передачѣ въ вѣдѣніе земства губернскихъ вѣдомостей, что не получило дальнѣйшаго движенія. То же земство въ слѣдующемъ (1867) году желало имѣть дозволеніе „издавать еженедѣльный земскій журналъ безъ предварительной цензуры". Въ своемъ представленіи губернаторъ сдѣлалъ возраженія противъ програмы такого изданія, указавъ на то, что „дозволеніе новому земскому журналу печатать частныя объявленія лишитъ извѣстнаго дохода губернскія вѣдомости", и наконецъ, сослался на существующія узаконенія, не разрѣшающія печатать отчеты и постановленія земскихъ управъ безъ цензурнаго разрѣшенія. Ходатайство отклонено.—Та же судьба постигла и прочія ходатайства о снятіи цензуры съ земскихъ изданій—московскаго губ. (1869), воронежскаго губ. (1870), с.-петербургскаго губ. (1881) и новгородскаго губ. (1881) земствъ. Послѣднее не получило еще движенія (въ 1884). Наконецъ, воронежское губ. (1879) земство ходатайствовало: 1) „объ изданіи обще-земскаго органа печати для изученія хода земскаго дѣла и руководства земскою дѣятельностью; 2) о допущеніи привести предположеніе это въ исполненіе на основаніи программы, составленіе коей было-бы поручено особому съѣзду уполномоченныхъ отъ земскихъ собраній въ Москвѣ и подъ редакціею лицъ, избранныхъ для сего означеннымъ съѣздомъ". „Комитетъ министерствъ, признавая основанія, изложенныя въ п. 2 ходатайства, не соотвѣтствующими ни существу возбужденнаго вопроса, ни установленному по земскимъ дѣламъ порядку, положилъ: означенное ходатайство отклонить".

Въ заключеніе, упомянемъ о длинномъ рядѣ ходатайствъ 16-ти губернскихъ земствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя возобновляли ихъ не разъ, о разрѣшеніи устройства эмеритально-пенсіонныхъ кассъ для земскихъ служащихъ; эти ходатайства послужили толчкомъ и основаніемъ для выработки проектовъ учрежденій такого рода въ разныхъ земствахъ.

Мы обозрѣли послѣдовательно всѣ земскія ходатайства первой группы—по вопросамъ земскаго устройства, — о которыхъ

свѣдѣнія находятся въ нашемъ распоряженіи. Мы опустили при этомъ весьма небольшое ихъ количество. Выше не упомянуто лишь о тѣхъ немногихъ ходатайствахъ, которыя имѣютъ или личное, или черезчуръ мѣстное, спеціальное, или, наконецъ,—вполнѣ третьестепенное значеніе. Было два-три и такихъ, редакція которыхъ, въ нашемъ матеріалѣ, оставляетъ желать многаго въ смыслѣ ясности.

Приведенныя ходатайства, какъ можно было замѣтить, при всемъ своемъ разнообразіи, не являются, однако, безсистемными. Это не случайный аггрегатъ постановленій, въ которыхъ нельзя было бы подмѣтить общихъ руководящихъ началъ, общихъ исходныхъ точекъ. Наоборотъ, массовое ихъ обозрѣніе даетъ возможность установить немало пунктовъ соприкосновенія между ними, значительную общность принциповъ, которая указываетъ на сходство путей, по которымъ работала и развивалась земская мысль въ теченіе всего интересующаго насъ двадцатилѣтія на всей территоріи земской Россіи. Не служитъ ли доказательствомъ сказанному то обстоятельство, что намъ не разъ пришлось наблюдать тождественныя ходатайства сѣверныхъ, южныхъ, центральныхъ и восточныхъ земствъ въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ указаннаго періода? Едва ли можетъ служить возраженіемъ сказанному, что по многимъ крупнымъ вопросамъ имѣется сравнительно немного ходатайствъ. Во первыхъ, мы не можемъ ручаться, что нашъ матеріалъ охватываетъ ихъ всѣ; во вторыхъ, отклоненіе ходатайства какого нибудь одного земства вызываетъ естественную пріостановку повторенія ходатайствъ по тому же вопросу въ другихъ земствахъ, гдѣ таковыя, быть можетъ, назрѣвали. Не малую роль въ этомъ случаѣ должна была играть власть предсѣдателя собранія, задерживавшая нерѣдко возбужденіе такихъ ходатайствъ, которыя уже ранѣе признаны были въ Петербургѣ нежелательными, неудобными. Для характеристики земскихъ настроеній и земской мысли того времени въ данномъ вопросѣ весьма важно не то, что такихъ или другихъ ходатайствъ, систематически отклоняемыхъ, было мало, а важно то, что совсѣмъ не встрѣчается ходатайствъ противоположнаго направленія. Мы не могли замѣтить такихъ, напр., ходатайствъ, которыя стремились бы къ сокращенію избирательныхъ группъ, состава гласныхъ, къ расширенію предсѣдательской власти, къ усиленію цензуры земскихъ изданій и т. п. Конечно, были въ средѣ земствъ группы гласныхъ, одушевленныя и такими тенденціями. Временами, какъ извѣстно, онѣ даже пріобрѣтаютъ господство (предлагали же въ иныхъ земствахъ сжигать тѣ или другіе статистическіе сборники), но стремленія господствовавшей массы земцевъ, какъ показываетъ приведенный матеріалъ, были не таковы.

Все сказанное выше о земскихъ ходатайствахъ позволяетъ свести главнѣйшія изъ этихъ стремленій, въ области земскаго

устройства, къ слѣдующимъ немногимъ положеніямъ, находящимся въ тѣсной связи между собой и очерчивающимъ опредѣленную физіономію земской жизни того періода. *Во первыхъ*, земства обнаруживали желаніе возможно болѣе расширить кругъ избирателей и лицъ, имѣющихъ право быть избранными. Это желаніе привлечь къ земскому дѣлу большіе круги населенія можно видѣть изъ многихъ приведенныхъ ходатайствъ—объ уменьшеніи имущественнаго ценза, о большемъ разнообразіи въ формахъ ценза, объ увеличеніи числа гласныхъ, положенныхъ по закону для каждаго земства, спеціально объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ (въ уѣздахъ съ большимъ процентомъ крестьянскаго населенія), о правѣ баллотировать въ гласные отсутствующихъ лицъ, выразившихъ на то свое желаніе, наконецъ—о правѣ ассигнованія денежнаго вознагражденія гласнымъ, что открыло бы шире земскія двери малоимущимъ и позволило бы имъ входить въ составъ не только уѣздныхъ, но и губернскихъ земствъ. *Во вторыхъ*—земства обнаруживали тенденцію по возможности ограждать себя, оставаясь въ предѣлахъ закона и своей компетенціи, отъ всякаго административнаго воздѣйствія. Сюда относятся ходатайства о правѣ выбора предсѣдателя собранія, о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ предсѣдательской власти, о томъ, чтобы (въ восточныхъ губерніяхъ) мировые посредники не могли предсѣдательствовать въ собраніи, объ исключеніи старшинъ, старостъ и писарей изъ числа лицъ, обладающихъ правомъ быть избранными въ гласные, объ освобожденіи навсегда гласныхъ крестьянъ отъ тѣлесныхъ наказаній, о запрещеніи наложенія на такихъ же гласныхъ взысканій властью исправника и ихъ ареста, о сокращеніи вліянія на крестьянскіе выборы непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, объ отмѣнѣ особыхъ правъ губернаторовъ при назначеніи мировыхъ судей и другихъ лицъ; къ этой же категоріи можно отнести ходатайства о точномъ опредѣленіи порядка разсмотрѣнія земскихъ ходатайствъ, объ опубликованіи во всеобщее свѣдѣніе заключеній по этимъ ходатайствамъ. *Въ третьихъ*,—замѣчается не мало усилій со стороны земствъ того періода къ серьезной постановкѣ земской работы, къ созданію для послѣдней такихъ условій, при которыхъ она производилась бы полнѣе, глаже, съ большей опытностью, съ наименьшимъ числомъ скачковъ, съ меньшей спѣшностью и большей обдуманностью. Сюда относится наибольшее число ходатайствъ: о выходѣ изъ состава собранія и управы, о выборѣ въ него членовъ по частямъ (чтобы не могла, напр., управа состоять изъ однихъ новичковъ), о правѣ для земства опредѣлять необходимость дополнительныхъ выборовъ, о пополненіи состава собранія (взамѣнъ неявившихся гласныхъ) кандидатами, о назначеніи очередныхъ сессій собраній дважды въ годъ, о нѣкоторомъ продленіи сроковъ сессій, о созывѣ чрезвычайныхъ собраній по

заявленію части гласныхъ, о нѣкоторомъ расширеніи правъ чрезвычайныхъ собраній, о правѣ для собранія опредѣлять способъ баллотировки, о предоставленіи совмѣстительства предсѣдательскихъ должностей въ собраніи и въ управѣ, о нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыя доставляли бы управѣ большій престижъ и значеніе, объ избраніи постоянныхъ наблюдательно-ревизіонныхъ коммиссій, о способахъ болѣе быстраго и дѣйствительнаго предотвращенія ущерба земскому хозяйству отъ злоупотребленій служащихъ, о нѣкоторыхъ постановленіяхъ для предотвращенія нареканій на земскихъ гласныхъ въ преслѣдованіи ими корыстныхъ цѣлей, объ облегченіи матеріальной участи служащихъ въ земствѣ учрежденіемъ эмеритально-пенсіонныхъ кассъ, наконецъ—о правѣ совѣщаній представителей разныхъ земствъ по вопросамъ, имѣющимъ не мѣстное только, но важное общее значеніе. *Въ четвертыхъ*—земство того времени дало немало доказательствъ своего желанія вести дѣло гласно, открыто, идя этимъ, конечно, на встрѣчу большей критикѣ своихъ дѣйствій, но въ то же время и облегчая себѣ возможность болѣе всесторонняго выясненія дѣла, причинъ и слѣдствій, потребностей, нуждъ, принятыхъ и желательныхъ мѣръ. Сюда относятся ходатайства о снятіи цензуры съ земскихъ изданій, о разрѣшеніи мѣстныхъ земскихъ органовъ печати и, наконецъ, объ основаніи такого центральнаго органа, который служилъ бы объединеніемъ дѣятельности разрозненныхъ земскихъ работниковъ.

Такова цѣльная картина, довольно стройная въ деталяхъ, которая вырисовывается изъ обозрѣнія земскихъ ходатайствъ первой группы. Въ слѣдующей статьѣ перейдемъ къ обозрѣнію слѣдующихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Карышевъ.

СМИРЕННЫЕ.

(Картинка съ натуры).

Верстахъ въ 30-ти отъ большого губернскаго города N есть станція Чернолѣсье, любимое дачное мѣсто губернскихъ жителей, надъ Окой. Нѣсколько поѣздовъ соединяетъ его съ городомъ, что позволяетъ даже сильно занятымъ людямъ пріѣзжать сюда по окончаніи занятій, чтобы провести вечеръ съ семьей, на лонѣ природы, погулять при лунѣ, полюбоваться синими горами отдаленнаго берега и причудливыми излучинами рѣки, а на утро, къ началу службы, поспѣвать опять въ N-скъ. Къ приходу каждаго поѣзда на дебаркадеръ скромнаго вокзала собирается самая изящная публика, пестрятъ дамскіе костюмы, вызываютъ восторгъ и зависть парижскія шляпки послѣдняго фасона, у стволовъ ближней рощи дожидается всегда нѣсколько прислоненныхъ къ деревьямъ велосипедовъ, и почта каждый день выбрасываетъ здѣсь цѣлыя кипы газетъ.

Однимъ словомъ, мѣсто совсѣмъ таки культурное, утратившее всѣ признаки деревни и напоминающее дачныя мѣста гдѣ нибудь подъ Петербургомъ или Москвой.

Но, если вы захотите нанять, копѣекъ за 40, одного изъ многочисленныхъ возницъ, тѣсно запружающихъ небольшой дворикъ вокзала, то онъ доставитъ васъ, такъ сказать, «вглубь страны». Это будетъ прежде всего Раскатово, пріютившееся въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, стѣсненная обрывистыми горами, дѣлаетъ крутой поворотъ. Раскатово уже значительно отзывается деревней, хотя тоже захвачено въ послѣдніе годы городскими дачниками. Здѣсь устраивается публика попроще, желающая хоть на лѣто избавиться отъ конкурренціи костюмовъ и шляпокъ, и поэтому установившая свои собственные лѣтніе законы: барышни гуляютъ здѣсь безъ зонтиковъ, въ бѣлыхъ платочкахъ на головѣ и часто босыя, и купаются прямо съ берега, вступая иногда въ препирательства съ деревенскими мальчишками, не признающими демаркаціонной полосы. Впрочемъ, сами раскатовцы въ большинствѣ уже разорвали связи съ землей; съ давнихъ поръ они «волгарятъ», то есть ходятъ лѣтомъ въ лоцманахъ,

водоливахъ, помощникахъ капитановъ или даже капитанами на буксирныхъ пароходахъ... Когда, въ праздникъ, здѣсь заведутъ пѣсни и хороводы, то вы можете порой увидѣть мѣстнаго кавалера, въ пиджакѣ и шляпѣ котелкомъ, въ глянцовитыхъ новенькихъ калошахъ, надѣтыхъ на сапоги бураками, — а вокругъ него дѣвицы въ шолковыхъ кофтахъ и съ зонтиками чинно ходятъ съ пѣсней и величаніемъ.

Однимъ словомъ, и здѣсь уже не мало культуры, хотя нѣкоторая часть раскатовцевъ еще сѣютъ и пашутъ, снимая для этого земли всѣхъ остальныхъ. Но если, пройдя по длинной широкой улицѣ Раскатова, вы выйдете за околицу въ противоположной сторонѣ, то увидите уже настоящія поля, съ колыхающейся рожью, перелѣски, и кусты, потомъ сосновый лѣсокъ по песчанымъ буграмъ, — а за нимъ сплошныя нивы, покорно сгибающіяся подъ вѣтромъ. Среди этихъ нивъ, надъ широкимъ прудомъ, засѣла деревенька Колотилово, съ кореннымъ пахаремъ, «крестьяниномъ», какъ его и зовутъ раскатовцы, нанимающіе его на свои покосы. Себя, въ отличіе отъ пахарей, они называютъ «хозяевами» и «жителями».

II.

Въ Раскатовѣ проводилъ прошлое лѣто Иванъ Семеновичъ Бухвостовъ, сотрудникъ одной мѣстной и корреспондентъ нѣсколькихъ столичныхъ газетъ. Онъ удалился сюда еще въ первый разъ по требованію докторовъ, — такъ какъ лѣтомъ, обыкновенно, для него наступалъ самый горячій рабочій періодъ.

Лѣто стояло ведреное и знойное. Однажды, въ самый полдень жаркаго іюльскаго дня, Иванъ Семеновичъ сидѣлъ на скамейкѣ у своей дачки, какъ вдругъ надъ сосновымъ лѣсомъ въ направленіи деревни Колотиловки показалась струя дыма. Она поднялась какъ-то внезапно и Иванъ Семеновичъ не успѣлъ еще отдать себѣ яснаго отчета въ ея значеніи, какъ огромный столбъ уже вился и клубился, казалось совсѣмъ близко, вплоть за лѣсомъ, подымаясь все выше и выше въ раскаленной синевѣ неба и какъ будто заглядывая изъ за лѣса въ тихую улицу Раскатова.

Мирная деревенька закопошилась: вытащили изъ подъ навѣса пожарную «машину», мальчишки понеслись на выгонъ за пожарными лошадьми, какой-то бутузъ бѣжалъ и падалъ, путаясь въ хомутѣ и возжахъ... Предполагалось, что пожаръ въ Колотиловѣ, а по нѣкоторой между-деревенской конвенціи у Раскатова съ Колотиловымъ существовала, такъ сказать, пожарная взаимность. Минутъ черезъ двадцать пожарная тройка

уже лихо катила по дорогѣ, обгоняя торопившихся бабъ. День былъ праздничный, нерабочій, бабы и дѣвки разбрелись по осиннику за ягодами и грибами, и теперь зловѣщій столбъ выгонялъ ихъ всѣхъ на дорогу. Онѣ бѣжали, спотыкались, причитали и крестились, не зная еще, точно ли надъ ними разразилась бѣда, или Господь «посѣтилъ» кого нибудь изъ сосѣдей.

Бухвостовъ тоже, разумѣется, встрепенулся,—нужно было посмотрѣть деревенскій пожаръ и, можетъ быть, сообщить о немъ въ газету; да и вообще людямъ этого рода не сидится, когда невдалекѣ происшествіе. Онъ попытался было пристроиться къ «машинѣ», но она ускакала раньше, чѣмъ онъ добѣжалъ до нея. Къ счастію, въ это самое время съ вокзала вернулся хозяинъ его дачи, не успѣвшій распречь лошадь, когда произошла тревога, — и черезъ нѣсколько минутъ оба трусили вслѣдъ за машиной, по дорогѣ...

Однако, по мѣрѣ того, какъ телѣжка подвигалась къ Колотилову, столбъ точно удалялся. Когда же они въѣхали въ околицу, которую открыла цѣлая стая деревенскихъ ребятъ, то уже не было сомнѣнія, что въ Колотиловѣ все благополучно. Въ деревнѣ было тихо и пусто, а темный столбъ все такъ же медленно, молчаливо и зловѣще клубился впереди, надъ зубчатою линіей какъ будто приникшаго къ землѣ и поблѣднѣвшаго бора... Колокольцы раскатовской машины тренькали уже подъ самымъ лѣсомъ, но какъ-то нерѣшительно и вяло. Очевидно, машина была уже у предѣловъ пожарной взаимности и помышляла о возвращеніи...

Улицы Колотилова будто вымело. Только изъ ближайшей избы, высунувшись въ окно, глядѣла по направленію къ пожару какая-то долговязая баба, прикрывъ глаза ладонью отъ солнца. Когда телѣжка поровнялась съ нею, замедляя ходъ тяжеловатой лошади, — Ивана Семеновича поразили странные звуки, несшіеся въ открытое окно: какое-то ворчаніе, дикій ревъ, звѣриный вой, обрывки пѣсни, грязныя ругательства, и все это въ сопровожденіи металлическаго лязганія, какъ будто отъ цѣпи... Казалось, за этой бревенчатой стѣной кто-то доходилъ до послѣдней степени изступленія, неистовствовалъ и рвался, потрясая желѣзомъ... А между тѣмъ баба совершенно спокойно глядѣла на далекій пожаръ, какъ будто у нея за спиной не происходило ничего, заслуживающаго вниманія.

— Что это такое?—спросилъ Бухвостовъ у возницы, еще не отдавая себѣ яснаго отчета, почему эта волна непонятныхъ звуковъ прошла по немъ такой острой дрожью... Мужикъ боязливо оглянулся и хлестнулъ лошаденку, торопясь поскорѣе проѣхать мимо.

— Гераська это... Не дай Богъ, сорвется еще. Видно пожаръ зачуялъ... Помилуй, Господи, какъ ежели сорвется.

— Кто сорвется, откуда?

— Да Гераська. Кому болѣе! На чепи вѣдь онъ у нихъ, Герасимъ-те.

Отъѣхавъ нѣсколько саженей, онъ, видимо, успокоился и, вытянувъ лошаденку кнутомъ по заду, пояснилъ:

— На чепи, какъ-же! Потому что, видите-ли, онъ, Герасимъ то есть, не въ себѣ, не въ формальнымъ, значитъ, разсудкѣ...

И, опять отъѣхавъ нѣсколько саженей, онъ прибавилъ уже совсѣмъ спокойно, какъ о темѣ, исчерпанной до конца:

— Вотъ и сидитъ на чепи... Лѣтъ, никакъ, десять...

III.

Пожаръ какъ-то внезапно потерялъ для Бухвостова всякій интересъ, и темная полоса, все ширившаяся за лѣсомъ, перестала ему казаться такой зловѣщей и угрожающей.. Что значитъ пожаръ какой-нибудь избы, да еще среди бѣлаго дня и лѣтомъ,—когда вотъ тутъ въ нѣсколькихъ саженяхъ, въ такой-же деревенской избѣ, быть можетъ много лѣтъ мечется на цѣпи живой человѣкъ, — и никому это не кажется страннымъ, и никто не спѣшитъ на помощь, и баба, прикрывая рукой глаза отъ солнца, съ лѣнивымъ любопытствомъ слѣдитъ за дальнимъ пожаромъ и за фигурой случайнаго проѣзжаго, даже не оборачиваясь на бѣснованіе прикованнаго человѣка. Ему казалось, что онъ сейчасъ-же должень выскочить изъ телѣги, кого-то позвать, на кого-то накинуться, кого-то непремѣнно обвинить и сразу, сію минуту, немедленно прекратить этотъ ужасъ...

Впрочемъ, спокойная улица деревеньки Колотиловки уже однимъ своимъ видомъ производила на газетчика отрезвляющее впечатлѣніе. Кого онъ позоветъ и кому сообщитъ свою новость? Передъ нимъ, въ непосредственной близости, была спина раскатовца, запыленная, съ пропотѣвшими пятнами на лопаткахъ... Далѣе мотался въ пыли крупъ лошади, по сторонамъ въ два порядка стояли бревенчатыя избы, между ними—блѣдныя, кудрявыя ветлы и солидные темные осокори. Сзади долговязая женщина провожала его своимъ равнодушнымъ взглядомъ, а въ промежутки между домами и ивами, съ холмика, на которомъ лежало Колотилово, — виднѣлись тихія нивы, покорно склонявшіяся подъ вѣтромъ...

И отъ всего вѣяло смиреніемъ и покорностью,—исконнымъ деревенскимъ смиреніемъ, которое съ такой болью проникаетъ въ душу, изливаясь отъ этого скромнаго родного пейзажа.

Бухвостовъ съ недоумѣніемъ оглянулся кругомъ, какъ будто вдругъ растерявшись и утративъ какую-то руководящую нить къ собственнымъ ощущеніямъ... И ему казалось, что весь порядокъ, и блѣдныя ветлы, и всѣ эти избушки какъ будто сжимаются и говорятъ:—«что дѣлать... Ничего не подѣлаешь...»

Между тѣмъ треньканіе колокольцовъ становилось рѣшительнѣе и сильнѣе. Мѣсто пожара, очевидно, выяснилось окончательно, и онъ оказался далеко за предѣлами пожарной взаимности. Раскатовцы возвращались со своей машиной, на своей тройкѣ, со звономъ своихъ колокольцовъ и бубенцовъ. Скоро знойный воздухъ весь переполнился этими суетливыми и крикливыми звуками до такой степени, что Бухвостову хотѣлось заткнуть уши, а деревенька, казалось, еще смиреннѣе приникла къ землѣ. Машина бойко промчалась по улицамъ Колотиловки, и хозяинъ Бухвостова тоже сталъ повертывать свою лошадь.

— Въ Гнилицахъ, не иначе,—сказалъ онъ,—верстъ будетъ еще пятнадцать...

Бухвостовъ не отвѣтилъ, какъ будто не слыша въ тонѣ хозяина нерѣшительнаго полувопроса,—онъ, пожалуй, не прочь былъ-бы доставить барина и въ Гнилицы, разумѣется за приличное вознагражденіе. Но Бухвостовъ молча глядѣлъ на окно, въ которомъ все еще виднѣлась женская фигура. «Машина» какъ разъ поравнялась съ этой избой. Дюжій парень изъ раскатовцевъ, правившій тройкой, повернулъ къ ней потное лоснившееся лицо и кинулъ какую-то шутку («непремѣнно сальность»—подумалъ, пожимаясь, Бухвостовъ). Баба засмѣялась, и на загорѣломъ лицѣ непріятно сверкнули бѣлые зубы... А когда грохотъ и звонъ машины нѣсколько удалился и тележка, въ свою очередь, поравнялась съ окномъ, — на Бухвостова опять хлынула волна прежнихъ звуковъ: лязганіе цѣпи, вой, хохотъ и выкрикиваніе прикованнаго человѣка. Спина его возницы опять сжалась и онъ опять поднялъ кнутъ, съ очевиднымъ желаніемъ нахлестать лошадь.

— Постой, — сказалъ вдругъ сѣдокъ, останавливая его руку...

— Что еще?

— Подожди здѣсь.

Бухвостовъ и не замѣтилъ, что говоритъ хозяину «ты», чего, вообще говоря, не позволялъ себѣ ранѣе ни съ кѣмъ. Въ голосѣ его, кромѣ того, звучала какая-то чуждая, почти начальственная нота... Отъ раздражающаго-ли звона колокольцовъ, или отъ чего другого, только настроеніе Бухвостова рѣзко измѣнилось: гипнотизирующее вліяніе смиреннаго «порядка» и волнующихся нивъ исчезло, онъ опять какъ будто нашелъ руководящую нить въ своихъ ощущеніяхъ и прежде всего очень разсердился...

На кого? На своего возницу, не сразу остановившаго лошадь, на глупаго парня, съ его лоснящимся лицомъ и навѣрное сальной остротой, на бабу, которая улыбалась парню, на тихую улицу, которая цѣлые годы слушаетъ вопли и скрежетъ прикованнаго человѣка... Ему казалось вообще, что онъ нашелъ или сейчасъ найдетъ виноватыхъ, и значитъ дастъ исходъ томительному и гнетущему ощущенію, болѣвшему въ душѣ...

Спрыгнувъ съ телѣги, онъ быстро обошелъ стѣну избы, вошелъ во дворъ и поднялся на лѣстницу. Съ улицы его провожалъ удивленный взоръ раскатовца, а въ избѣ встрѣчала нѣсколько испуганная внезапнымъ появленіемъ барина—баба...

Если бы Бухвостову пришлось сейчасъ же описывать то, что онъ увидѣлъ, то задача оказалась бы, пожалуй, не по силамъ. Съ первой же минуты, какъ онъ вошелъ, что-то какъ будто ограничило поле его зрѣнія и въ памяти сохранились только отдѣльные клочки представившейся ему картины: мужикъ, крѣпко прихваченный за поясъ цѣпью, концы которой бились у стѣны... Бухвостову казалось, что онъ улыбался и протягивалъ руки ему навстрѣчу. Впрочемъ, изъ подъ рукавовъ чистой ситцевой рубахи выходили концы веревокъ, которыя и держали руки въ этомъ положеніи... Онъ глядѣлъ острымъ, ироническимъ и проникающимъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась какая-то злая радость... Бухвостову казалось, что сумасшедшій ждалъ его давно и теперь увѣренъ, что онъ, Бухвостовъ, маленькій и тщедушный, идетъ ему прямо въ распростертыя руки.

Потомъ, когда онъ отвелъ глаза,—передъ нимъ была часть деревенской избы, съ обычной крестьянской обстановкой, и растерявшаяся, какъ будто виноватая баба... Другая въ это самое время внесла охабку дровъ и, осторожно обходя гостя, кинула ихъ около печки. Это была молодая, сильная, красивая женщина. Сумасшедшій забился на своемъ мѣстѣ, его улыбка стала еще плотояднѣе и онъ произнесъ нѣсколько грубыхъ и довольно свирѣпыхъ сальностей... Бухвостовъ далъ ей дорогу, такъ, какъ будто оба расходились на краю пропасти... Одинъ неосторожный шагъ и сумасшедшій могъ схватить за руку, за складку платья...

— Давно это у васъ?..—спросилъ Бухвостовъ, опять сбитый со своей позиціи и опять не узнавая своего голоса... Между прочимъ, его не могло не поразить то обстоятельство, что на сумасшедшемъ чистая рубаха, лицо его умыто, волосы расчесаны и какъ будто даже смочены чѣмъ-то... Странно,—признаки эти дѣйствовали на Бухвостова особенно непріятно.

Баба, вошедшая съ охабкой дровъ, подошла къ лавкѣ у другой стѣны, смахнула ее передникомъ, какъ будто приглашая гостя сѣсть, и отвѣчала:

— Десятый годъ, батюшка, на Миколу зимняго будетъ десять...

Она не робѣла, говорила просто и спокойно... Бухвостовъ опять потерялъ нить своихъ ощущеній; увѣренность, что здѣсь, въ избѣ, онъ найдетъ виноватыхъ и дастъ исходъ своему негодованію, исчезла, и онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко, даже глупо...

«Чортъ знаетъ что, — думалъ онъ уже со злобой противъ самого себя.—Ворвался въ чужой домъ, неизвѣстно зачѣмъ и для чего... Какъ будто изъ простого любопытства...»

Впрочемъ, обитательницы избы, повидимому, нисколько не обидѣлись и не видѣли въ появленіи барина ничего страннаго, — какъ будто такъ и слѣдовало. Онѣ только ждали, что онъ скажетъ, и приготовились отвѣчать на разспросы...

Бухвостовъ не спрашивалъ ни о чемъ больше. Онъ рѣзко повернулся и вышелъ съ крѣпко сжатыми губами и съ гнѣвной морщиной на лбу... Изъ избы его провожалъ рѣзкій хохотъ сумасшедшаго...

IV.

Вечеръ послѣ того дня былъ чудесный. Луна стояла, большая и задумчивая, надъ самымъ сосновымъ боромъ, кинувшимъ съ холма густую черную тѣнь на половину раскатовской улицы. Домовъ противоположной стороны совсѣмъ не было видно на фонѣ лѣса, и лишь кое-гдѣ темную массу пронизывали освѣщенныя оконца, какъ будто отверстія, прорѣзанныя въ черной стѣнѣ. Лунный свѣтъ пересыпалъ все тонкой золотой пылью, скрадывавшей всѣ рѣзкія очертанія и въ этой смѣси робкаго свѣта и черныхъ тѣней утопала вся деревенская улица и рядъ лѣтнихъ досчатыхъ кухонокъ, тянувшихся «для опасности отъ пожару» по самой ея серединѣ, и кучки раскатовскихъ обывателей, сидѣвшихъ на скамейкахъ у домовъ. И даже самые разговоры, журчавшіе подъ покровомъ этого теплаго золотистаго сумрака, казалось, какъ-то расплывались и стушевывались. Чуялись гдѣ-то и говоръ, и движеніе, но гдѣ именно движущіеся и что именно говорятъ,—разбирать не хотѣлось...

Бухвостовъ тоже сидѣлъ на скамейкѣ своей дачи... Невдалекѣ отъ него, на открытомъ пространствѣ помѣстились на бревнахъ нѣсколько раскатовскихъ жителей, которые вели здѣсь свои раскатовскіе разговоры. Передъ мужиками, какъ будто не смѣя присѣсть врядъ съ хозяевами, стояли двѣ женскія фигуры, въ темныхъ сарафанахъ. На Раскатовѣ, какъ на большинствѣ приволжскихъ селъ, не смотря на близость бойкой рѣки, на суетливое пароходство и промыслы — лежитъ пе-

чать стариннаго уклада, заставляющаго, между прочимъ, бабу стушевываться передъ мужикомъ. Баба беретъ свое въ дѣлахъ вѣры, въ моленной и, пожалуй, иногда въ домѣ; но на улицѣ—обѣ женщины стояли, подперевъ щеки руками, точно изваянія, облитыя скользящимъ и неопредѣленнымъ луннымъ свѣтомъ, и ни словомъ не вмѣшивались въ бесѣду... Впрочемъ, даже въ самомъ молчаніи чувствовался глухой бабій протестъ и бабье неодобреніе...

Въ этотъ періодъ злобой раскатовскаго дня служилъ покосъ и разсчеты по сѣнному дѣлу. Обыкновенно раскатовскіе луга за Окой косили свои-же раскатовскіе «крестьяне», которые не покинули еще землю; они отъ себя нанимали косцовъ и вели разсчеты. Въ этотъ годъ, «жители», недовольные своими «крестьянами», которые, какъ оказалось, за дешевую цѣну нанимали косцовъ «изъ числа золотой роты», портившихъ луга плохой и поздней косьбой,—рѣшили нанять косцовъ изъ сосѣдней деревни — сами, непосредственно. Это обстоятельство, во первыхъ, провело еще глубже борозду между «жителями и крестьянами» деревни Раскатова, а во вторыхъ, вызвало необходимость совершенно новыхъ взаимныхъ разсчетовъ. Рабочихъ въ лугахъ кормили «по череду»... Иванъ Максимовъ далъ «своехъ» три рубля въ задатокъ, Максимъ Ивановъ покупалъ въ городѣ двѣ косы да брусокъ. Все это, по окончаніи покоса, клалось на счеты, разверстывалось по извѣстному деревенскому «равненію», и нехитрая, хотя всетаки тяжелая деревенская ариѳметика была въ полномъ ходу цѣлую недѣлю, если не больше. Въ теченіе этого времени въ Раскатовскихъ избахъ, занятыхъ самими хозяевами, только и было рѣчей. Пока дачники и дачницы гуляли, купались и играли въ крокетъ,—коренное Раскатово, казалось, превратилось въ одну огромную счетную машину, туго, со скрипомъ и со всякими задержками подвигавшую къ концу процессъ несложнаго «разсчета». Два умные мужика, оба служившіе не разъ старостами и судьями, по цѣлымъ часамъ, сидя на скамейкѣ около единственной мѣстной лавочки, прозванной дачниками «Мюръ и Мерилизомъ» за свою универсальность, — щелкали счетами и выписывали каждому домохозяину его разсчетъ на особой бумажкѣ. Получивъ листки, «хозяева» тотчасъ же уходили съ ними въ дома и тамъ обмозговывали ихъ совмѣстно съ бабами. Потомъ они возвращались опять къ счетоводамъ, тыкали въ бумажки заскорузлыми пальцами, пытались сами «класть на счеты» и вообще предъявляли свои возраженія. Счетная машина скрипѣла и порой, вмѣсто цифръ, изъ нея вылетали совершенно неожиданные сюрпризы, не исключая даже упоминовенія родителей. Оба счетчика проявляли необыкновенное терпѣніе, разъясняли наиболѣе непонятныя мѣста и вообще

старались направить на настоящій путь трудный ходъ темнаго деревенскаго разсчета.

Такъ это дѣло тянулось уже нѣсколько дней. Наконецъ, разсчеты почти закончились. Всѣ болѣе или менѣе поняли главное, болѣе или менѣе подчинились «міру», болѣе или менѣе считали себя обиженными или прикидывались таковыми въ мелочахъ. Въ этотъ вечеръ только еще одинъ старичекъ съ рѣзкимъ протестующимъ голосомъ все бултыхался среди общаго спокойствія, не признавая себя побѣжденнымъ и убѣжденнымъ. А такъ какъ сегодня онъ какъ разъ былъ караульщикомъ, то среди тишины спокойнаго вечера — то и дѣло, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ длинной улицы, вслѣдъ за стуканьемъ колотушки, закипали громкіе споры.

— Да пойми ты, наконецъ, садовая голова.

— Чего понимать? Мы и то понимамъ, небось... Вы-то понимаете-ли?

— Да вѣдь онъ своехъ два съ полтиной давалъ!

— Ну далъ... Мы, значитъ, не споримъ, что не далъ. А трюшница-те отколь влетѣла?

— Опять двадцать пять! Тебѣ было говорёно.

— Затвердила сорока Якова одно про всякова...

Старику отвѣчали лѣниво и неохотно. Видимо мнѣніе «міра» уже сложилось и на единственнаго спорщика махнули рукой. Поэтому онъ отчаянно загрохоталъ колотушкой и понесъ свой протестъ вдоль деревенскаго порядка, на другой конецъ, гдѣ, быть можетъ, на такомъ же бревнѣ сидѣли люди, болѣе сочувствующіе его протесту. Онъ былъ изъ «крестьянъ» и не могъ примириться вообще съ новымъ порядкомъ «насчетъ покосовъ».

Бухвостовъ прежде интересовался и его забавляла эта процедура массовой ариѳметики. Но теперь онъ думалъ о другомъ. Онъ былъ человѣкъ экспансивный, а его профессія сильно развивала нервную раздражительность, а также склонность къ обвиненію своихъ ближнихъ. Поэтому, какъ только строптивый старикъ удалился, онъ подсѣлъ къ сидѣвшимъ на бревнѣ раскатовцамъ и сказалъ:

— А скажите мнѣ, господа «жители»... Зачѣмъ это у васъ человѣкъ на цѣпи сидитъ?..

— На чепи? Гдѣ на чепи? Кто у насъ на чепи?

— Какъ можно, чтобы на чепи!.. Что вы это, Иванъ Семеновичъ,—сказалъ Савелій Ивановъ, одинъ изъ двухъ счетчиковъ.

— Да въ Колотиловкѣ...

— А! Это они вѣрно про Герасима...

— Про какого Герасима?

— Да какъ-же... Малютинскій Герасимъ-отъ...

— Да-а. Такъ вѣдь онъ не въ себѣ.

— Значитъ, не въ полномъ разумѣ...

— А я думаю, — засмѣялся Савелій,—кто-же у насъ на чепи... Будто никого нѣту...

Бухвостовъ и не замѣтилъ, что онъ ставитъ въ вину Раскатову то, что происходитъ въ Колотиловкѣ. Какъ человѣкъ городской, онъ ставилъ фактъ на счетъ всему, такъ сказать, обще-деревенскому укладу... Съ другой стороны, изъ того, что раскатовцы не сразу даже сообразили, о комъ идетъ рѣчь, — онъ пришелъ къ заключенію, что Гераська съ его «чепью» до того уже примелькался на фонѣ деревенскихъ будней, что сосѣди не замѣчали лязганія этой цѣпи, какъ мы не замѣчаемъ стука маятника въ стѣнныхъ часахъ... Вниманіе его сосѣдей съ нѣкоторымъ даже трудомъ направлялось на явленіе, которое весь день не давало покоя ему, городскому человѣку...

— Да онъ теперь развѣ опять на чепи?—спросилъ кто-то лѣниво.

— Ну, не все на чепи. Когда и спущаютъ. Только когда заблажитъ.

— Когда-же спущаютъ? Что ты, Савелій Иванычъ?

— Да какъ? Прежде ходилъ будто.

— Эва! ходилъ! Когда это было-то! Еще, чай, до холеры...

— Какое до холеры! Годовъ восемь, вотъ когда!

Стали считать. Дѣйствительно, годовъ восемь вышло.

— То-то, будто не видно давно, прежде ходилъ вѣдь... А оно вотъ оно что!

— Спохватился!—засмѣялся кто-то.

У Бухвостова накипѣло отъ этихъ равнодушныхъ разговоровъ и смѣха, какъ недавно — отъ шутокъ и пересмѣиваній раскатовскаго парня съ бабой въ Колотиловкѣ.

— Этакой-же Чамра былъ еще въ Гнилицахъ.

— Да въ Ивановкѣ Ѳедотка.

— Мало-ли...

— Отчего въ больнипу не отправляете?—желчно спросилъ Бухвостовъ.

— А кто платить за него станетъ?—спросилъ чей-то голосъ задорно.

— Первое дѣло—насчетъ платежу,—спокойно и съ обычной разумной дѣловитостью пояснилъ Савелій.—А второе дѣло— еще примутъ ли?

— Почему это не примутъ?

— А такъ, мало-ли въ городѣ и своихъ.

— Да онъ и былъ въ больницѣ... Оборотили назадъ...

— Да вотъ, никакъ это Григорій Семенычъ ѣдетъ. Онъ, ежели вамъ любопытно, можетъ все объяснить. Онъ, значитъ, самъ колотиловскій. Григорій Семенычъ, а Григорій Семенычъ! Ты это?

Въ телѣгѣ, которая, тихо шурша, проѣзжала въ это время по дорогѣ, задвигалась крупная темная фигура, лошадь оста-

новилась, и Григорій Семенычъ съ большой готовностью подошелъ къ бревнамъ.

— Миръ бесѣдѣ, — сказалъ онъ, кланяясь раскатовскимъ старикамъ.—Что надо?

Бухвостовъ узналъ его. Это былъ мясникъ, каждое утро объѣзжавшій раскатовскія дачи,—мужикъ солидный, державшійся съ большимъ достоинствомъ по отношенію къ господамъ, и вслѣдствіе своей торговой практики выработавшій себѣ особенный, не совсѣмъ мужицкій языкъ.

— Вотъ господинъ антиресуется насчетъ Герасима,—сказалъ Савелій.

Григорій Семенычъ повернулся и, вглядѣвшись въ Бухвостова, протянулъ ему руку и сказалъ:

— Что же именно можетъ быть, какой антиресъ?..

— Да вотъ, говорятъ: какъ можете вы, колотиловскіе, на чепи человѣка держать...

— Насчетъ этого я вамъ могу отвѣтъ дать, потому что это дѣло мнѣ извѣстно. Посадили его, значитъ, неисходно, безъ отпуску по приказанію начальства. Какъ, значитъ, находитъ на него по внезапности и невозможно упредить...

— Значитъ, сейчасъ и на цѣпь? На всю жизнь?—желчно спросилъ Бухвостовъ

— Зачѣмъ сейчасъ? терпѣли не малое время. Меня самого, какъ я старостой ходилъ, разовъ, какъ вамъ сказать... да разовъ съ пять такъ колошматилъ, что не чаялъ я своей жизни сохранить. Страшнóй! Грезиться мнѣ по ночамъ сталъ, право.

Среди раскатовцевъ на бревнѣ раздался общій смѣхъ, еще болѣе раздражившій Бухвостова.

— Пригрезится, какъ разъ...

— Ежели, говоришь, колачивалъ, какъ не пригрезиться.

— Да какъ же! Потомъ на людей сталъ кидаться. На перевозѣ было дудинскаго мужика чурбакомъ ушибъ. Ну, все это мы, значитъ, терпѣли...

— Чего подѣлаешь.

— Ничего не подѣлаешь!...

— Ничего и не подѣлаешь. Конечно. Онъ вѣдь тоже не повиненъ тому дѣлу. Сколько разъ міромъ толковали. Молъ, онъ на малыехъ дѣтей не кидается, все только на большихъ. Ну, значитъ, большой-то какъ ужъ нибудь настоитъ самъ за себя, значитъ не подастся... Такъ вотъ и терпѣли... А ужъ это послѣ, значитъ, онъ непорядокъ сдѣлалъ: къ церкви верхомъ на чурбакѣ прикатилъ, да къ самому крестному ходу. Значитъ, народъ за иконами идетъ, а онъ давай попа ругать скверно. А на тотъ случай въ церкви становой. Меня-же изругалъ. Вы-бы, говоритъ, какъ нибудь... Чтобы этого больше не было... Ну и посадили. Міромъ и ковать довелось.

— Мі-ромъ?—язвительно переспросилъ Бухвостовъ.

— Да такъ, дѣло такое, сами понимаете, кому охота! Ну, міромъ-то оно складнѣе... Этакъ вотъ на поясъ обручъ желѣзной набили, кузнецъ сковалъ, потомъ значитъ за кольцо, да чепью къ стѣнѣ... На грѣхъ онъ въ ту пору опамятовался, значитъ отошло отъ него... Плачетъ, не дается, бабы за нимъ... Ну, что дѣлать станешь. Міръ собрался, кузнецъ изготовился... Заковали. Такъ, съ этихъ мѣстъ и живетъ неисходно... Когда оклемается и опять ничего: сидитъ, работаетъ, сапоги тачаетъ. Даже еще хозяинъ въ дому...

— Какъ-же, всетаки урядъ дѣлаетъ. Распоряжается...

— Всетаки баба должна его слушать...

— Глаза всетаки страшные,—замѣтилъ кто-то.

— А тамъ и опять заблажитъ. Иной разъ самъ говоритъ: свяжите руки мнѣ. Тогда уже пѣсни поетъ, богохульствуетъ...

— Ужъ и хлыщутъ-же его, бабы-те... Бат-тюшки!—сказалъ еще чей-то голосъ, съ самаго конца бревна.

Это говорилъ портной, человѣкъ въ Раскатовѣ пришлый. Родомъ онъ былъ изъ Владимірской губ., живалъ во многихъ мѣстахъ, много шатался по свѣту и, наконецъ, попавъ въ Раскатово, женился здѣсь и остался. Но чувствовалъ онъ себя здѣсь всетаки чужимъ и о раскатовскихъ явленіяхъ судилъ объективно, какъ-бы со стороны. «У насъ во Владимірской губ. такъ-то, а здѣсь у нихъ этакъ». Чувствовалось, однако, что и такъ и этакъ онъ не вполнѣ одобряетъ, и Бухвостову казалось, что этотъ пришлый человѣкъ сочувствуетъ его желчному стремленію кого-то завинить въ происходящемъ...

— Страсть какъ колотятъ... Жена-то съ сестрой возьмутъ по веревкѣ, да со обѣихъ сторонъ давай хлыстать... А онъ на чепи-те вертится...

Эта новая черта внесла какъ будто нѣчто опредѣленное въ общія разсужденія, и Бухвостову показалось, что онъ, наконецъ, нашелъ, куда пристроить то ощущеніе, которое, какъ заноза, лежало гдѣ-то въ глубинѣ души и искало выхода... Виновныя, наконецъ, есть... Ему опять вспоминалась баба, пересмѣивавшаяся съ парнемъ подъ лязгъ цѣпи, и ея сверкающіе зубы... Онъ какъ будто успокоился и сталъ слушать...

— Да ужъ имъ попадись, подлымъ,—сказалъ кто-то... Конечно, не будь человѣкъ на чепи—посмѣла бы она!...

— А то мужикъ на чепи, значитъ ихняя воля...

— Она сердце-те отведетъ...

— Шкуры подлыя!

Но тутъ внезапно ожили два изваянія, въ темныхъ сарафанахъ, стоявшія, какъ было сказано, невдалекѣ и до сихъ поръ не принимавшія участія въ общемъ разговорѣ. Видно,

однако, и въ нихъ тоже накипало, и когда разговоръ коснулся бабьяго дѣла, изваянія вдругъ заговорили.

— Бабы, вишь, виноваты!—сказала одна, слегка отворачиваясь и какъ будто выражая желаніе уйти, чтобы не слушать глупыхъ и несправедливыхъ мужичьихъ рѣчей.

— А то нѣтъ?—послышалось съ бревна.

— Кого и обвиноватить, ежели не бабу,—сказала, тоже отворачиваясь, другая и тоже выразила готовность удалиться, чтобы не слушать глупыхъ мужичьихъ рѣчей... Но Бухвостовъ остановилъ ихъ.

— Постойте!—сказалъ онъ рѣзко.—А по вашему хорошо: бить привязаннаго человѣка...

— Да вѣдь онѣ когда его бьютъ... Нѣшто станутъ зря... Чай одна-те ему сестра рòдная...

— Вѣдь онъ заблажитъ,—горячо подхватила другая, выступая впередъ,—дни, мотри, на два на-три. А то и на недѣлю. Спокою нѣтъ никому, рычитъ, кидается, чепью брязчитъ, то и гляди сорвется. Тутъ онѣ и похлыщутъ, конечно...

— Нахлыщутъ, нахлыщутъ,—тогда ужъ онъ спать. Отоспится ночь, опять ничего... А то нѣшто стали бы зря...

— Пожалуй, вѣрно, Иванъ Семенычъ,—сказалъ Савелій.—Потому, иначе онъ не перестанетъ...

— Свезли-бы въ больницу,—сказалъ Бухвостовъ.—Тамъ хоть не бьютъ...

— Гдѣ поди не бьютъ,—отвѣтилъ Савелій съ глубокимъ сомнѣніемъ.—Невозможно это...

— Насчетъ больницы, позвольте вамъ сказать,—какъ, значитъ, я былъ старостой... Былъ онъ въ больницѣ, въ старомъ корпусѣ...—сказалъ опять своимъ покоряющимъ голосомъ Семенъ Григорьевъ.

Бухвостовъ насторожился. Въ городѣ N было двѣ психіатрическія больницы. Одна—барачная, другая—такъ называемый старый корпусъ. Въ баракахъ проявлялось послѣднее слово науки, вплоть до любительскихъ спектаклей, устраиваемыхъ для больныхъ и больными. Въ старомъ корпусѣ, для неизлѣчимыхъ, ютились самыя мрачныя преданія старыхъ больницъ «общественнаго призрѣнія», и самыя ужасныя описанія знаменитаго бедлама не могли-бы спорить по мрачности красокъ съ тѣмъ, что, по признанію самихъ врачей, творилось въ этомъ «старомъ корпусѣ»... Два или три раза прислугу этого учрежденія судили и осуждали за побои, но врачи въ земскомъ собраніи говорили, что въ старомъ корпусѣ невозможно установить порядокъ никакими наказаніями... Бухвостову и самому случалось писать объ этомъ предметѣ...

— Былъ, значитъ, въ старомъ корпусѣ,—продолжалъ толково и спокойно Семенъ Григорьевичъ...—Но, видите, баринъ...

онѣ его взяли обратно. Это вѣрно. Пожалѣли, какъ свое, значитъ, всетаки какъ бы то ни было, родное. Потому что навѣщали, видѣли своими глазами, какъ ихъ тамъ щелучатъ. Не надо этого, говорятъ, какъ ни биться намъ, а не дадимъ, потому что при нашихъ глазахъ, конечно, туда-сюда, а въ прочее время можетъ получить онъ себѣ такое-же тиранство. Ну, когда онѣ его привезли обратно, я сейчасъ къ нимъ, — потому что не порядокъ. Ежели, говорю, вы стѣсняетесь насчетъ платежу, такъ еще, пожалуй, и не взыщутъ. А ежели станутъ взыскивать, я склоню общество, такъ чтобы міромъ платить. Потому что можетъ онъ надъ вами что нибудь сдѣлать...

— «Божья воля, а не дадимъ», говорятъ.

— «Божья воля», это говорю справедливо. А какъ онъ надъ вами что-нибудь сдѣлаетъ, то въ отвѣтѣ никто, только староста. Онъ вотъ, какъ Чамра въ Гнилицахъ, срубитъ тебя топоромъ, а старостѣ это припишется къ несмотрѣнію... Ну, однако, не отдали. Въ то время онъ еще по волѣ ходилъ. Сковали послѣ...

Общее настроеніе опять стало неопредѣленнымъ...

— А то—бабы!—нараспѣвъ и какимъ-то особеннымъ голосомъ заговорило опять одно изъ изваяній... Голосъ женщины сталъ вдругъ какимъ-то звонкимъ, нервнымъ, «истошнымъ». Въ немъ слышалось причитаніе, закипало изболѣвшее бабье нутро...

— Она, Акулина-те—кака моло-одка-те была!.. Краса-авица, кровь съ молокомъ... Ей бы за какимъ соколомъ быть... Насильно вѣдь за Герасима-те отдавали... Ужъ выла, выла, болѣзная...

— Всѣ вы воете, — послышалось угрюмо и зло изъ кучи мужиковъ.—А чего ей выть-то было? Чай, онъ тогда здоровый былъ,—на свадьбѣ испортили... Тоже отъ вашей-же сестры, отъ полюбовницы, пакость эта пошла...

— Ну, чего тамъ на свадьбѣ... Чего говорить-то по пустому,—вступилъ Савелій...—На сговорѣ и то уже было примѣтно, что не въ себѣ.

— Да онъ парнишкой еще блажилъ, родъ у нихъ такой...

— Зачѣмъ же она пошла?—спросилъ Бухвостовъ.

— Да вѣдь выдали, родимой, какъ не пойдешь,—сказала баба.— За кого сироту и выдать-то,—продолжала она тѣмъ-же болѣзненно-звенящимъ голосомъ...—Послѣ сговору—корову я ночью по лѣсу гнала, корова у меня потерялась... Только на вырубку-те вышла, батюшки свѣты!.. Сидитъ кто-то на полянкѣ, на пенькѣ— воетъ... Съ нами крестная сила. Глядь, анъ это она, Акулина! Что ты, говорю, дѣвонька, Христосъ съ тобою!... Пропадай, говоритъ, моя головушка! Что за Гараську, что въ омутъ...

— Да, сирота была, вѣрно...

— По приглашенію, значитъ, опекуновъ и тому прочее,

подобное...—пояснилъ мясникъ Семенъ Григорьевичъ и сталъ прощаться.

Его телега скоро расплылась въ дальней перспективѣ улицы... Среди оставшихся стояла тишина. Опять только сверкали огоньки подъ чернымъ лѣсомъ, также луна перекатывалась по верхушкамъ деревьевъ, чуть чуть искрилась трава подъ ея скользящими лучами и опять стоялъ тотъ же шорохъ и говоръ, неуловимые и неопредѣленные...

— И вѣрно,—сказала опять баба, продолжая нить своихъ мыслей...—Кабы вѣра другая, въ омутъ-те много лучше...

— Что ея за жизнь... Много хуже гераськиной...

— Къ печкѣ идетъ,—не остерегется, онъ ужъ ее норовитъ сгрести.

— Что ни попади въ руку,—лукается...

Бухвостовъ почувствовалъ, какъ дрожь прошла у него по спинѣ... «И такъ жить годы, десятки лѣтъ, всю жизнь», подумалъ онъ.

— Это что говорить,—смиренно вздохнулъ кто-то уже на мужичьей сторонѣ. Мужское мнѣніе уступило передъ очевидностію бабьей правды...

— А всетаки—порченный онъ,—не сдавался прежній спорщикъ.

— Вотъ вѣдь какіе люди есть... Что надо: портютъ человѣка...

— Да-а... Есть и это... Не говорите, Иванъ Семенычъ... У насъ на виду бывало...

Бухвостовъ понялъ настроеніе говорившихъ: вина относилась насчетъ невѣдомой темной силы, насчетъ какихъ-то необыкновенныхъ людей, которые съ этой силой знаются...

Послѣ этого стали подыматься съ бревна. Раскатовцы, степенно прощаясь, расходились на спокой. Скоро на бревнѣ осталась только одна фигура Бухвостова.

V.

Онъ зналъ, что ему не будетъ покоя. Хотя ночь была чудесная, такая, о какихъ онъ мечталъ въ городской сутолокѣ, такая, которая способна взять у человѣка всѣ его невзгоды и заботы, усмирить тревогу въ душѣ, покрыть всякую душевную боль дыханіемъ своей спокойной красоты, но онъ чувствовалъ, что даже ей не побѣдить неопредѣленной тревоги, которая торчала въ немъ настоящеи занозой...

Онъ былъ встревоженъ и недоволенъ собой... Прежде всего, онъ не исполнилъ сразу своего первоначальнаго намѣренія и не поѣхалъ въ городъ, чтобы сообщить, кому тамъ слѣдовало, о сидящемъ на цѣпи человѣкѣ...

Разумѣется, если-бы что нибудь подобное онъ замѣтилъ въ самомъ городѣ... Ну, тогда онъ зналъ-бы, къ кому ему идти и что ему дѣлать... Тотчасъ же онъ растормошилъ-бы, поднялъ-бы на ноги властей, былъ-бы составленъ протоколъ, онъ далъ бы телеграмму въ столичныя газеты, телеграмма была бы подхвачена всей прессой... «Человѣкъ на цѣпи!»...

«Человѣкъ на цѣпи въ губернскомъ городѣ!...» «Человѣкъ, прикованный на 10 лѣтъ въ концѣ XIX столѣтія!...» Да, во всѣхъ этихъ фразахъ была бы какая-то ясная, опредѣленная сотрясательная сила и оцѣнка факта не подлежала бы никакому сомнѣнію... Все это городъ прочиталъ бы и встряхнулся бы немедленно... Бухвостову представилась даже у соотвѣтственнаго дома толпа, въ которой шныряютъ расторопные околодочные, приглашая съ вѣжливой сдержанностью: «расходитесь, господа, покорнѣйше просимъ расходиться... Ничего особеннаго не случилось»... Но и самъ околодочный не вѣрилъ бы своимъ собственнымъ словамъ: по его озабоченному лицу видно, что онъ встревоженъ, что случилось именно особенное, крупное, небывалое и вполнѣ неблагополучное...

Но здѣсь, въ деревнѣ, среди этихъ смиренныхъ нивъ... Бухвостовъ чувствовалъ, что здѣсь все это какъ-то по иному.

И прежде всего—10 лѣтъ!..

Эти «десять лѣтъ» явились первымъ соображенiемъ, удержавшимъ Бухвостова отъ немедленной поѣздки и немедленнаго набата... Если человѣкъ сидитъ на цѣпи уже десять лѣтъ, почему нужно скакать непремѣнно сегодня, а не днемъ, не двумя, не недѣлей позже? Излишняя нервность всегда производитъ непрiятное впечатлѣнiе и даже по большей части вредитъ дѣлу... Что это человѣкъ точно вдругъ и самъ съ цѣпи сорвался!... А затѣмъ, и это можетъ быть было главное,—ему хотѣлось и самому немного разобраться и точнѣе узнать всѣ «обстоятельства». Да, будь это въ городѣ... О, тогда его набатъ былъ бы именно непосредственнымъ, негодующимъ, безпокоящимъ, звонкимъ... А здѣсь въ него просачивалась откуда-то нота какой-то рефлексiи, надтреснутости и сомнѣнiя... Человѣкъ на цѣпи! — «Что? Какъ? Гдѣ? На какомъ основанiи? Мы сейчасъ, сiю минуту, мгновенно, по телефону... Въ какой части, какого участка, въ какомъ кварталѣ?.. — Не въ кварталѣ, въ деревнѣ Колотиловкѣ...—А! въ деревнѣ, такъ бы и говорили... Вы говорите: десятый годъ?...» Бухвостову представилась зѣвающая и успокоившаяся физiономiя.—«Нужно навести справки... Петръ Иванычъ! вотъ они говорятъ: на цѣпи! — Очень можетъ быть. Губернская больница переполнена. Къ тому же неизлѣчимыхъ... даже и по закону не принимаютъ... Впрочемъ, можно написать исправнику... — Да, да! Напишите, пожалуйста, Петръ Иванычъ, что тамъ такое?...»

А потомъ... Бухвостову какъ будто послышался звонъ колокольцовъ, представилась пыльная дорога, по которой бѣжитъ земская тройка, запыленная фигура въ телегѣ и... кругомъ все тѣ же «смиренныя» поля, оглашаемыя лѣнивымъ звономъ... Дальше все какъ-то терялось, и воображеніе не подсказывало Бухвостову ничего болѣе...

Все это онъ думалъ уже не на бревнахъ, въ Раскатовѣ, а далеко за деревней, среди спящихъ полей... Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ вышелъ за околицу, какъ пошелъ по дорогѣ, и очнулся только у другой околицы.

Куда онъ пришелъ? Передъ нимъ, выдѣляясь на темной травѣ, рѣзко отсвѣчивалъ свѣжій срубъ, съ разбросанными кругомъ щепками. За околицей виднѣлась узкая улица, еще съуженная черною тѣнью домовъ съ одной стороны. Надъ тесовыми крышами тихо колыхалась темная зелень старыхъ высокихъ осокорей. Верхушка одного изъ нихъ была совсѣмъ сухая, и на ней виднѣлись грачиныя гнѣзда. Въ листвѣ стоялъ ласковый, тихій, баюкающій шорохъ...

Деревня уже спала, только въ одномъ оконцѣ, налѣво, виднѣлся огонь. Бухвостовъ вдругъ узналъ эту улицу, и срубъ, и грачиныя гнѣзда. Все это онъ уже видѣлъ сегодня, утромъ, только не обратилъ вниманія на эти мелочи, занятый тѣмъ, что его болѣе поразило. А вотъ это свѣтящееся окно — онъ и тогда хорошо замѣтилъ.

Что-то потянуло его къ этому единственному огоньку. Онъ тихонько отодвинулъ ворота околицы, протиснулся въ отверстіе и подошелъ къ окну.

Рама была отодвинута. Свѣтъ лился ярко и ровно на кусты въ палисадникѣ... И также ясно слышались изнутри голоса...

— Господи, батюшко! Хоть бы ужъ смерть послалъ, прибралъ бы...

— Молись, Гарася, молись, родимый... Нагрѣшилъ за день отъ... Можетъ Господь услышитъ, смерть пошлетъ...

И, помолчавъ, женщина прибавила голосомъ, въ которомъ слышались слезы обезсилѣвшаго человѣка...

— И меня бы съ тобой...

Все стихло... Бухвостовъ отошелъ, испуганный. Когда онъ опять протискивался черезъ околицу, — все кругомъ спало, даже огонь въ окнѣ внезапно угасъ, и только осокори шептали что-то торжественно и съ печальною лаской...

— Кто же, кто тутъ виновенъ? — спрашивалъ себя Бухвостовъ, быстро шагая опять по дорогѣ, стараясь отдѣлаться отъ того, что сидѣло у него внутри, и чувствуя, что виновныхъ нѣтъ. Не виновата деревня, «міромъ» приковывавшая на цѣпь живого человѣка.. Нельзя же допустить, чтобы сумасшедшій

рубилъ людей топоромъ. Не виноваты бабы,—теперь онѣ представлялись Бухвостову мученицами, передъ подвигомъ которыхъ дрожь проходила у него по всему тѣлу,—вѣдь онѣ могли бы оставить Гараську въ старомъ корпусѣ... Не виноваты врачи,—они все время толкуютъ земству о необходимости новыхъ затратъ. Не виновато земство—оно не можетъ взыскать своихъ недоимокъ, а нуждъ такъ много... Не виноваты ни эти поля, ни перелѣски, ни хлѣба, ни темный лѣсъ, съ одной стороны все ближе подступавшій къ его дорогѣ...

И Бухвостовъ съ тоской оглядывался кругомъ, среди этой ласковой тишины, чувствуя, что чисто деревенское «смиреніе» передъ этой общей невиновностію такъ и льется въ его цѣпенѣющую душу и что въ умѣ его уже готова сложиться фраза, которая, казалось, такъ и носится въ воздухѣ надъ этими «смиренными» нивами и надъ спящими деревнями:

— Ничего не подѣлаешь!..

А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что вина на лицо, огромная, хотя и безличная, и это по прежнему не давало ему покоя, а сознаніе прокрадывающагося въ душу смиренія только доводило его почти до бѣшенства...

И вдругъ онъ вспомнилъ вздохъ послѣдняго изъ уходившихъ раскатовцевъ:

— Охъ-хо-хо! Грѣхи тяжкіе...

— Грѣхъ? Чей же именно грѣхъ? И что такое грѣхъ? Сознаніе, что происходитъ что-то, несогласное съ высшими законами жизни... Очевидно оно, хотя и неясно, присутствуетъ у этой «смиренной» деревни... Только она спокойнѣе, потому что на ней-же лежатъ и тяжелыя послѣдствія всевозможныхъ «грѣховъ». А онъ, городской человѣкъ, весь день старается, кромѣ послѣдствій, свалить на нее еще и всю тяжесть вины...

Онъ еще разъ оглянулся на деревню Колотиловку,—гдѣ свѣжій срубъ неясно свѣтился на темномъ фонѣ деревенскаго порядка и темныхъ осокорей, и затѣмъ быстро углубился въ узкую лѣсную дорожку...

Ночной караульщикъ подолгу и съ укоризной стучалъ своей колотушкой передъ дачей Бухвостова. Его безпокоило то обстоятельство, что изъ-за густой зелени палисадника все сверкалъ огонекъ, единственный во всей деревнѣ... И въ окнѣ все мелькала тѣнь человѣка, метавшагося изъ угла въ уголъ, точно звѣрь въ клѣткѣ...

А въ Колотиловкѣ Семенъ Григорьевъ, умный мужикъ, тоже метался на своей постели. Ему опять казалось, что его душитъ изступленный Гараська, только лицо было не Гарась-

кино и на Семена Григорьева глядѣли пытливые злые глаза раскатовскаго дачника...

Статья Бухвостова появилась скоро въ мѣстной газетѣ... Онъ описывалъ человѣка на цѣпи, но не дѣлалъ никакихъ практическихъ заключеній. Онъ говорилъ только, съ обычной желчностью, что не знаетъ, гдѣ Гараськѣ лучше, — на цѣпи въ деревенской избѣ или въ земской больницѣ.

Хотя никто въ частности не обвинялся, но обидѣлись очень многіе... Статью перепечатали въ нѣсколькихъ газетахъ, потомъ еще въ двухъ-трехъ провинціальныхъ, потомъ еще въ одной, и затѣмъ все замолкло...

В. Короленко.

СОНЪ.

Качалася лодка у берега тамъ
И парусъ надъ ней развѣвался.
«Скорѣе въ дорогу по быстрымъ волнамъ!»
Въ груди моей крикъ раздавался.
Тебя я за руку тогда притянулъ
И въ лодку мы разомъ вскочили.
    Тутъ парусъ нашъ вѣтеръ сердито рванулъ
    И мы... далеко уже были.

* * *

У мачты стояли мы молча вдвоемъ,
А волны сѣдыя, какъ звѣри, кругомъ
Одна за другою вставали,
Надъ нами бѣжалъ голубой небосводъ
И синія волны, какъ кони, впередъ,
Впередъ передъ нами скакали.
— «О милый, вернемся! Куда мы плывемъ?!»
    Раздался твой крикъ надъ волнами,
    — «Безбрежное море предъ нами!»

* * *

Но шибче летѣли мы въ синюю даль;
Въ ушахъ только свистъ раздавался.
А вѣтеръ безумно ревѣлъ и визжалъ
И парусъ къ волнамъ нагибался.
И громко тебѣ я тогда закричалъ,
Ревъ вѣтра и волнъ покрывая:
— «Теперь не страшись, дорогая!
Ты видишь, бѣлѣютъ вдали берега,
Ужъ скоро мы будемъ у цѣли...
Какъ птицы съ тобой мы летѣли...»
- «Да, милый, какъ птицы... Недаромъ снѣга
Въ твоихъ волосахъ забѣлѣли...
Недаромъ и сердце остыло въ груди,
И радость, и юность, и все позади...»

Вербицкій.

РАЗСКАЗЫ Р. КИПЛИНГА.

I.

Новый мостъ.

(Переводъ съ англійскаго А. Анненской).

Самое меньшее, на что разсчитывалъ Финдлейсонъ, инженеръ министерства общественныхъ работъ, было званіе Г. И. И. (Главнаго инженера Индіи); друзья же увѣряли его, что онъ заслужилъ гораздо больше.

Три года переносилъ онъ жаръ и холодъ, разочарованія, неудобства, опасности, болѣзни, отвѣтственность, едва ли не слишкомъ тяжелую для одной пары плечъ; и за все это время день за днемъ большой мостъ Каши черезъ Гангъ росъ и росъ подъ его завѣдываніемъ. Теперь, если не случится ничего дурного, черезъ три мѣсяца его свѣтлость, вице-король, торжественно откроетъ мостъ, архіепископъ освятитъ его, первый поѣздъ съ солдатами пройдетъ по немъ, и присутствующіе произнесутъ нѣсколько приличныхъ случаю спичей.

Финдлейсонъ сидѣлъ на своей дрезинѣ среди строющейся линіи желѣзной дороги, проходившей по одной изъ широкихъ насыпей; передъ его глазами тянулись на три мили къ сѣверу и къ югу обложенные камнями берега рѣки, и онъ позволялъ себѣ мечтать объ окончаніи своей работы. Его постройка со всѣми апрошами имѣла милю и три четверти длины; мостъ съ рѣшетчатыми раскосами, системы фирмы Финдлейсона, стоялъ на 27 кирпичныхъ быкахъ. Каждый изъ этихъ быковъ имѣлъ 24 фута въ діаметрѣ, былъ обложенъ краснымъ камнемъ изъ Агры и опускался на 18 футъ въ зыбучій песокъ, составляющій дно Ганга. Надъ ними шло желѣзнодорожное полотно въ 15 футовъ ширины, а еще выше проѣзжая дорога въ 18 футовъ съ пѣшеходными дорожками по бокамъ. Съ каждой стороны моста возвышались башни изъ краснаго кирпича съ окошками для ружейной стрѣльбы и съ амбразурами для большихъ пушекъ; насыпь дороги подходила къ самому подножію ихъ.

Недостроенныя части насыпи кишѣли осликами, которые

изъ глубокой рытвины тащили вверхъ мѣшки, нагруженные землей и камнями; въ жаркомъ полуденномъ воздухѣ стоялъ шумъ отъ топота копытъ, отъ хлопанья бичей и отъ грохота сваливаемыхъ камней. Вода въ рѣкѣ обмелѣла, и на ослѣпительно бѣломъ пескѣ, между тремя центральными быками, стояли толстые ящики, сколоченные изъ желѣзнодорожныхъ рельсовъ, обмазанные снаружи и наполненные внутри глиною; они поддерживали послѣдніе раскосы, которые еще нужно были укрѣпить. Надъ болѣе глубокимъ мѣстомъ рѣки, не пересохшимъ отъ жары, дѣйствовалъ, то опускаясь, то поднимаясь, высокій кранъ, который подбрасывалъ куски желѣза, кряхтя и фыркая, точно слонъ, работающій на лѣсномъ дворѣ.

Сотни рабочихъ суетились около боковыхъ рѣшетокъ и на крышѣ желѣзнодорожнаго пути, висѣли на какихъ-то невидимыхъ перекладинахъ, копошились вокругъ быковъ, сидѣли верхомъ на пилярсахъ. Огненныя искры, слѣдовавшія за каждымъ ударомъ ихъ молотковъ, казались желтыми пятнами при яркомъ сіяніи солнца. Съ запада и съ востока, съ сѣвера и съ юга рабочіе поѣзда съ шумомъ и свистомъ везли по насыпи платформы съ кучами темнаго и бѣлаго камня; боковыя стѣнки этихъ платформъ открывались, съ трескомъ и грохотомъ валились съ нихъ все новыя и новыя тысячи тонъ матеріала, предназначеннаго сдерживать рѣку въ ея берегахъ.

Финдлейсонъ повернулся на своей дрезинѣ и окинулъ взглядомъ всю мѣстность, которую онъ измѣнилъ на семь миль въ окружности. Посмотрѣлъ назадъ себя, на мирное поселеніе съ пятью тысячами рабочихъ; вверхъ и внизъ по рѣкѣ, на ряды насыпей и песчаныхъ холмовъ; на противоположный берегъ, гдѣ послѣдніе быки моста терялись въ туманѣ; на сторожевыя башни—онъ одинъ зналъ, насколько онѣ прочны,—и со вздохомъ облегченія призналъ, что его работа была хорошо выполнена. Передъ нимъ, освѣщенный лучами солнца, стоялъ его мостъ, для окончанія котораго требовалось всего нѣсколько недѣль работы, только укрѣпить раскосы около трехъ среднихъ быковъ—его мостъ, грубый и некрасивый, какъ первородный грѣхъ, но «пукка»—прочный, такой прочный, что онъ переживетъ самую память о строителѣ и даже о великолѣпной фирмѣ Финдлейсона. Въ сущности, работу можно считать уже оконченной.

Гичкокъ, его помощникъ, ѣхалъ по полотну на маленькомъ длиннохвостомъ кабульскомъ пони, который такъ привыкъ ко всякимъ дорогамъ, что могъ безопасно проѣхать по узенькой перекладинѣ.

— Почти совсѣмъ готово,—сказалъ онъ съ улыбкой, кивнувъ головой своему начальнику.

— Я и самъ сейчасъ объ этомъ думалъ,—отвѣчалъ Финдлей-

сонъ.—Недурная работа для двухъ человѣкъ, какъ вы находите?

— Для одного съ половиной. Помните, какимъ я былъ еще молокососомъ, когда пріѣхалъ на работу?

Гичкокъ чувствовалъ, что очень постарѣлъ за послѣдніе три года, которые путемъ горькаго опыта научили его управлять другими и нести на себѣ отвѣтственность.

— Да, вы были порядочнымъ вѣтрогономъ,—сказалъ Финдлейсонъ. — Какъ-то вамъ понравится опять приниматься за канцелярскую работу, когда наша постройка кончится!

— Я ненавижу канцелярскую работу!—вскричалъ молодой человѣкъ. Глаза его послѣдовали за направленіемъ взгляда Финдлейсона.

— Развѣ не правда, что все это чертовски хорошо!—вскричалъ онъ.

— Я думаю, мы будемъ вмѣстѣ служить, – сказалъ самъ себѣ Финдлейсонъ.—Такого славнаго юношу жаль уступить другому. Правда, ты былъ молокососъ, но теперь ты сталъ отличнымъ помощникомъ. Ты будешь моимъ помощникомъ, и мы переѣдемъ въ Симлу, если эта работа доставитъ мнѣ какое либо вліяніе.

Дѣйствительно, вся тяжесть работы легла на Финдлейсона и на его помощника, молодого человѣка, котораго онъ выбралъ за его аскетическое отношеніе къ собственнымъ потребностямъ.

У нихъ было до полсотни подрядчиковъ и мастеровъ европейцевъ, взятыхъ изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, да штукъ двадцать бѣлыхъ и полубѣлыхъ приказчиковъ, которые подъ ихъ вѣдѣніемъ управляли толпою рабочихъ, но никто не зналъ лучше ихъ двухъ, довѣрявшихъ другъ другу, какъ мало можно было довѣрять всѣмъ этимъ подчиненнымъ распорядителямъ. Эти люди много разъ подвергались испытаніямъ при разныхъ внезапныхъ катастрофахъ, вродѣ уплывшаго плота, лопнувшаго каната, испортившагося крана, разбушевавшейся рѣки, но ни одинъ случай не выдвинулъ человѣка, про котораго Финдлейсонъ и Гичкокъ могли бы сказать, что онъ работаетъ такъ же безупречно, какъ они сами. Финдлейсонъ сталъ припоминать, какъ шло все дѣло съ самаго начала: цѣлые мѣсяцы канцелярской работы сразу пропали, когда въ послѣднюю минуту индійское правительство вздумало увеличить на два фута ширину моста,—точно будто мосты вырѣзаются изъ бумаги,—и такимъ образомъ уничтожило чуть не полъ десятины сложныхъ вычисленій; Гичкокъ, въ то время еще не привыкшій къ разочарованіямъ, закрылъ голову руками и заплакалъ; потомъ пошли безконечныя отсрочки по исполненію контрактовъ въ Англіи; потомъ безполезная переписка, въ которой дѣлались намеки на щедрыя коммиссіонныя, если одна, только одна нѣсколько сомнительная накладная будетъ принята; слѣд-

ствіемъ отказа явилась война; послѣ войны начали всплывать всевозможныя препятствія, на которыя указывалось въ самой вѣжливой, деликатной формѣ; наконецъ, молодой Гичкокъ не вытерпѣлъ: онъ взялъ двухмѣсячный отпускъ, прихвативъ 10 дней изъ отпуска Финдлейсона, и истратилъ свои скудныя годовыя сбереженія на поѣздку въ Лондонъ; тамъ онъ, какъ самъ увѣрялъ и какъ доказали слѣдующія поставки, внушилъ страхъ Божій одному человѣку, который стоялъ такъ высоко, что до тѣхъ поръ не боялся никого, кромѣ парламента; по крайней мѣрѣ, онъ самъ говорилъ это про себя, пока Гичкокъ не напалъ на него за его собственнымъ обѣденнымъ столомъ; послѣ этого онъ сталъ бояться моста Каши и всякаго, кто произносилъ эти слова. Затѣмъ, однажды ночью въ деревнѣ, гдѣ жили рабочіе, появилась холера; за холерой послѣдовала натуральная оспа. Лихорадка была ихъ постоянной гостьей. Ради лучшаго управленія рабочими, Гичкокъ былъ назначенъ надъ ними судьей третьяго разряда, съ правомъ приговаривать къ тѣлесному наказанію, и Финдлейсонъ замѣчалъ, какъ умѣренно пользовался онъ своею властью, пріучаясь на одно смотрѣть сквозь пальцы, за другое строго преслѣдовать.

Онъ долго сидѣлъ, поглощенный своими воспоминаніями; передъ нимъ проносились бури, внезапныя наводненія, смерть во всѣхъ видахъ, страшная злоба противъ рутиннаго формализма, способнаго свести съ ума человѣка, у котораго голова занята серьезнымъ дѣломъ: санитарныя мѣры, денежные расчеты; засуха, родины, свадьбы, похороны и ссоры въ поселкѣ, гдѣ собирались представители двадцати враждебныхъ другъ другу сектъ; разбирательства, уговоры, убѣжденія и мрачное отчаяніе человѣка, который, ложась спать, радуется, что его ружье лежитъ не заряженое въ футлярѣ. На фонѣ всего этого выступалъ черный остовъ моста Каши доска за доской, раскосъ за раскосомъ, пролетъ за пролетомъ, и каждая часть его напоминала Гичкока, этого вездѣсущаго человѣка, который былъ его вѣрнымъ, неизмѣннымъ помощникомъ отъ начала и до конца.

Да, мостъ былъ дѣломъ двухъ людей, если не считать въ числѣ строителей Перу, хотя Перу несомнѣнно считалъ самого себя.

Это былъ ласкарецъ, карвасъ изъ Бульзара, отлично знакомый со всякимъ портомъ между Рокгемптономъ и Лондономъ; онъ дослужился до званія штурмана на судахъ англо-индійской компаніи, но ему надоѣло подчиняться дисциплинѣ и носить чистое платье; онъ бросилъ морскую службу и вернулся на родину, гдѣ люди его пошиба всегда могутъ найти себѣ работу. Перу былъ такой знатокъ въ подъемныхъ машинахъ и во всемъ, касающемся передвиженія тяжестей, что могъ бы получать очень большое жалованіе, но обычай опредѣлялъ, ка-

кую плату слѣдовало получать приказчику, и всѣ заслуги Перу оцѣнивались нѣсколькими серебряными монетами. Его не смущало ни быстрое теченіе рѣки, ни высота подъема, а какъ бывшій штурманъ, онъ умѣлъ заставить повиноваться себѣ. Какъ ни былъ великъ или неудобно положенъ кусокъ желѣза, Перу всегда могъ придумать снарядъ, чтобы поднять его, куда слѣдуетъ, нескладный, кривой, шатающійся снарядъ, который приводился въ дѣйствіе среди безконечныхъ разговоровъ, но всегда отвѣчалъ своему назначенію. Перу спасъ раскосъ быка № 7, когда новый проволочный канатъ застрялъ въ петлѣ на кранѣ, и тяжелая платформа накренилась на бокъ, грозя соскользнуть въ сторону. Въ то время туземные рабочіе совсѣмъ потеряли головы и разбѣжались съ громкимъ крикомъ; правую руку Гичкока сломало свалившейся доской, онъ спряталъ ее на груди подъ застегнутымъ сюртукомъ, на нѣсколько минутъ потерялъ сознаніе, потомъ пришелъ въ себя и распоряжался работами цѣлыхъ четыре часа, пока Перу съ верхушки крана не объявилъ: «готово!» и платформа не стала на свое мѣсто.

Никто лучше Перу не умѣлъ связывать, развязывать и оттягивать канаты, управлять маленькими паровиками, вытащить изъ ямы свалившійся туда локомотивъ, раздѣться и нырнуть въ воду, чтобы посмотрѣть, насколько бетонные загороди вокругъ быковъ противостоятъ гнѣву матушки Гунги, или проплыть бурною ночью вверхъ по рѣкѣ и доложить о состояніи насыпей. Во время самыхъ серьезныхъ совѣщаній Финдлейсона и Гичкока онъ, ни мало не смущаясь, врывался къ нимъ и начиналъ толковать имъ что-нибудь на своемъ удивительномъ англійскомъ языкѣ или еще болѣе удивительномъ lingua-franca, смѣси португальскаго съ малайскимъ; онъ говорилъ и говорилъ, пока, наконецъ, у него не хватало словъ; тогда онъ бралъ веревку и показывалъ, какого рода узелъ совѣтовалъ бы сдѣлать. Онъ самъ наблюдалъ за своей партіей рабочихъ, состоявшихъ съ нимъ въ какомъ-то таинственномъ родствѣ, мѣнявшихся каждый мѣсяцъ и работавшихъ страшно много. Никакія соображенія родства или дружбы не могли заставить Перу держать въ числѣ рабочихъ человѣка слабосильнаго или легкомысленнаго.—Моя честь — это честь моста, — говорилъ онъ, давая разсчетъ удаляемому.—До твоей чести мнѣ нѣтъ дѣла. Иди и работай на пароходѣ. Ты ни на что другое не способенъ.

Группа хижинъ, въ которыхъ жилъ онъ и его партія рабочихъ, ютилась вокругъ полуразвалившагося домика священника; этотъ священникъ никогда не бывалъ на морѣ, но его избрали своимъ духовнымъ руководителемъ два поколѣнія матросовъ, ни мало не затронутыхъ ученіями миссіонеровъ разныхъ сектъ, которые съ береговъ Темзы разъѣзжаются по портовымъ городамъ всего свѣта, съ цѣлью улавливать души моряковъ. Свя-

щенникъ ласкарцевъ не имѣлъ ничего общаго ни съ ихъ сектой, ни вообще съ какой-либо сектой. Онъ ѣлъ то, что приносила ему его паства, спалъ, курилъ и снова спалъ.—«Это потому, что онъ очень святой человѣкъ,—говорилъ Перу, который привезъ его за тысячу миль изъ глубины страны.—Ему все равно, что вы ѣдите, только не ѣшьте мяса, и это очень хорошо, потому что у себя дома мы, карвасы, поклоняемся Шивѣ; а на морѣ, на компанейскихъ пароходахъ, мы должны строго исполнять приказанія бурра малума (шкипера). Здѣсь же, на мосту, мы слушаемся Финлинсона сагиба».

Финдлейсонъ сагибъ велѣлъ въ этотъ день снять лѣса со сторожевой башни на правомъ берегу, и Перу со своими товарищами отколачивалъ и спускалъ внизъ бамбуковыя бревна и доски съ тою же быстротою, съ какою онъ въ прежнее время разгружалъ каботажное судно.

Съ своего мѣста Финдлейсонъ могъ слышать серебряный свистокъ приказчика, скрипъ и визгъ блоковъ. Перу стоялъ на самой верхушкѣ башни въ своей старой, форменной курткѣ моряка, и, когда Финдлейсонъ замѣтилъ ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе, не рисковалъ своею полезною жизнію, онъ схватилъ послѣдній шестъ и, приложивъ руку къ глазамъ, какъ дѣлаютъ на кораблѣ, прокричалъ, передразнивая вахтеннаго: «Хамъ декхта хаи!» (Гляжу впередъ!). Финдлейсонъ засмѣялся, а потомъ вздохнулъ. Какъ давно не видалъ онъ парохода и какъ стосковался по родинѣ! Когда его дрезина проѣзжала подъ башней, Перу спустился внизъ по веревкѣ, точно обезъяна, и закричалъ:

— Что, красиво теперь, сагибъ? Нашъ мостъ почти готовъ. Какъ вы думатте, что скажетъ матушка Гунга, когда по немъ покатятъ поѣзда?

— До сихъ поръ она почти ничего не говорила. Наши работы задерживала совсѣмъ не матушка Гунга.

— Она свое время найдетъ; всетаки иногда и отъ нея бывали задержки. Развѣ сагибъ забылъ наводненіе прошлою осенью, когда потопило лодки съ камнемъ? Бѣда вдругъ налетѣла, за полъ-дня все было спокойно.

— Да, но теперь нужно слишкомъ большое наводненіе, чтобы повредить намъ. На западномъ берегу обложка крѣпко держится.

— Матушка Гунга много можетъ съѣсть. Слѣдовало бы еще прибавить камней. Я это говорилъ Чота сагибу,—онъ подразумѣвалъ Гичкока,—а онъ смѣется.

— Ничего, Перу. На будущій годъ вы сами въ состояніи будете построить мостъ по собственному плану.

Ласкарецъ засмѣялся.—Ужъ я построю не такъ, какъ этотъ, у меня не будетъ каменныхъ столбовъ подъ водой. Мнѣ больше нравятся... висящіе мосты, переброшенные съ одного берега

на другой, однимъ смѣлымъ взмахомъ, точно дощечка для перехода. Такіе мосты вода не можетъ разрушить. Когда пріѣдетъ лордъ сагибъ открывать мостъ?

— Черезъ три мѣсяца, когда будетъ не такъ жарко.

— Го! го! Онъ совсѣмъ такой же, какъ бурра малумъ. Онъ спитъ себѣ въ каютѣ, пока дѣлается работа, потомъ является на палубу, трогаетъ пальцемъ и говоритъ: «Это не чисто! Проклятый jiboonwallah!»

— Но вѣдь лордъ сагибъ не называетъ меня проклятымъ jiboonwallah'омъ, Перу.

— Конечно, нѣтъ, сагибъ; но онъ не выходитъ на палубу, пока работа не кончена. Даже самъ бурра малумъ съ «Нербудды» сказалъ одинъ разъ въ Тутикаринѣ....

— Ну, хорошо, проходите! мнѣ некогда.

— Мнѣ тоже некогда,—отвѣчалъ Перу, не смущаясь.—Можно мнѣ теперь взять маленькую лодочку и проѣхать вдоль загражденій?

— Попробовать поддержать ихъ руками? Они, кажется, достаточно тяжелы.

— Нѣтъ, сагибъ. Дѣло въ томъ, что на морѣ насъ трепало вѣтромъ на полномъ просторѣ. А здѣсь простора нѣтъ. Посмотрите, мы ввели рѣку въ доки и засадили ее между каменными стѣнами.

Финдлейсонъ улыбнулся при этомъ: «мы»!

— Мы ее взнуздали и осѣдлали. Она теперь не то, что море, которое можетъ биться сколько хочетъ по мягкому берегу. Матушка Гунга закована въ цѣпи.

При этихъ словахъ голосъ его понизился до шопота.

— Перу, вы, пожалуй, еще больше моего видали свѣтъ. Скажите мнѣ, только правду: въ глубинѣ души вѣрите вы въ матушку Гунгу?

— Я вѣрю всему, что говорятъ наши священники. Лондонъ есть Лондонъ, сагибъ; Сидней есть Сидней, и портъ Дарвинъ — портъ Дарвинъ. Такъ и матушка Гунга есть матушка Гунга, и, когда я возвращаюсь на ея берега, я это помню и поклоняюсь ей. Въ Лондонѣ я кланялся большому храму на берегу рѣки, потому что въ немъ живетъ Богъ... Нѣтъ, я не возьму подушекъ въ лодку.

Финдлейсонъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ тому бунгало, которое онъ занималъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ. Это помѣщеніе стало его роднымъ домомъ за послѣдніе три года. Подъ его грубою тростниковою крышею жарился онъ знойнымъ лѣтомъ, мокъ во время дождей, дрожалъ отъ приступовъ лихорадки. Выбѣленная стѣна за дверью была покрыта его небрежно набросанными рисунками и математическими выкладками, а слѣды, протоптанные на циновкахъ веранды, указывали

то мѣсто, по которому онъ одиноко расхаживалъ взадъ и впередъ.

Для инженеровъ нѣтъ 8 часового рабочаго дня, и они съ Гичкокомъ даже ужинали не иначе, какъ готовые по первому призыву отправиться къ исполненію своихъ обязанностей. Отдыхая съ сигарами во рту, они прислушивались къ жужжанію голосовъ въ поселкѣ, возроставшему по мѣрѣ того, какъ партіи рабочихъ уходили съ берега и огоньки зажигались въ домахъ.

— Перу поѣхалъ въ вашей лодкѣ вверхъ по рѣкѣ. Онъ взялъ съ собою своихъ двухъ племянниковъ, сидитъ на рулѣ и командуетъ, точно капитанъ парохода,—сказалъ Гичкокъ.

— Это хорошо. Онъ послѣднее время что-то не спокоенъ. Повидимому, десять лѣтъ службы на британскихъ и индійскихъ судахъ должны бы выбить изъ него большую часть его религіозныхъ представленій.

— Да такъ оно и есть,—смѣясь, сказалъ Гичкокъ.—На-дняхъ я слышалъ, какъ онъ высказывалъ своему толстому *гуру* весьма атеистическіе взгляды. Перу отрицалъ дѣйствительность молитвы, онъ приглашалъ *гуру* прокатиться съ собой по морю въ бурю и посмотрѣть, сможетъ-ли онъ остановить муссонъ.

— А между тѣмъ, попробуйте прогнать его *гуру*, и онъ тотчасъ же уйдетъ отъ насъ. Онъ сейчасъ разсказывалъ мнѣ, что, когда былъ въ Лондонѣ, то молился собору св. Павла.

— А мнѣ онъ разсказывалъ, что, когда былъ мальчикомъ и первый разъ вошелъ въ машинное отдѣленіе парохода, то сталъ молиться цилиндру низкаго давленія.

— Не дурной предметъ для поклоненія во всякомъ случаѣ. Теперь онъ молится своимъ роднымъ богамъ и все безпокоится, что подумаетъ матушка Гунга, когда увидитъ перекинутый черезъ нее мостъ. Кто тамъ?—Темная фигура появилась въ дверяхъ и передала Гичкоку телеграмму.

— Она, я думаю, уже привыкла смотрѣть на нашъ мостъ. Всего одинъ листокъ. Это вѣрно отвѣтъ Ралли по поводу новыхъ заклепокъ... Господи, Боже!—Гичкокъ быстро вскочилъ.

— Что такое? спросилъ Финдлейсонъ и взялъ листокъ.— Да, такъ вотъ что думаетъ матушка Гунга,—сказалъ онъ, прочитавъ телеграмму.—Успокойтесь, юноша. Подумаемъ, что намъ дѣлать. Линія Муиръ, полчаса тому назадъ. «Наводненіе въ Рамгунгѣ. Примите мѣры». Ну-съ... часъ, два... въ девять съ половиной наводненіе дойдетъ до Мелипуръ Гхоута и еще черезъ семь, значитъ черезъ шестнадцать съ половиной, до Латоди, часовъ черезъ пятнадцать оно будетъ у насъ.

— Проклятіе этой Рамгунгѣ. Въ нее, какъ въ водосточную трубу, вѣчно льется вода съ горъ! Финдлейсонъ, этого можно было ждать не раньше, какъ черезъ два мѣсяца, а лѣвый бе-

регъ еще не укрѣпленъ камнями. На цѣлыхъ два мѣсяца раньше времени! — Да и отчего это случилось, скажите пожалуйста? Я всего только 25 лѣтъ знакомъ съ индійскими рѣками и ничего не понимаю. Вотъ другая телеграмма.

Финдлейсонъ развернулъ телеграмму. Кокренъ, каналъ Ганга. «Здѣсь сильные дожди. Плохо». Могъ бы и не прибавлять послѣдняго слова! Ну, больше намъ ничего не нужно знать. Мы должны заставить рабочихъ работать всю ночь и очистить рѣку. Возьмите на себя восточный берегъ, а на серединѣ мы встрѣтимся. Все, что волны могутъ унести, надобно поставить ниже моста. По теченію къ намъ и безъ того принесетъ много мелкихъ судовъ, бѣда, если барки съ камнями навалятся на быки моста. Что надобно убрать у васъ на восточномъ берегу?

— Понтоны, большое понтонное судно съ подъемнымъ краномъ. На другомъ старомъ понтонѣ подъемный кранъ, обшивку для трехъ быковъ, съ 20 и 23-го, двѣ партіи рельсовъ и шестерню. Съ огражденіями будь, что будетъ.

— Отлично. Увезите все, что только успѣете.

— Подождемъ еще пятнадцать минутъ, пусть рабочіе кончатъ ужинать.

Около самой веранды помѣщался большой почной гонгъ, который употреблялся только въ случаѣ наводненія или пожара въ деревнѣ. Гичкокъ велѣлъ подать себѣ свѣжую лошадь и уже ѣхалъ на свою сторону моста, когда Финдлейсонъ взялъ палку, обмотанную полотномъ, и принялся изо всей силы колотить въ металлическую доску.

Гораздо раньше, чѣмъ послѣдній звукъ замеръ, всѣ ночные гонги въ деревнѣ подхватили его. Къ нимъ присоединился хриплый визгъ раковинъ въ маленькихъ храмахъ; дробь барабановъ и томтомовъ, а изъ европейской части поселенія, гдѣ жили заклепщики, отчаяный вопль трубы М'Картнея.

Одинъ паровозъ за другимъ, возвращаясь по насыпи на покой послѣ дневной работы, посылалъ отвѣтный свистокъ, и свистки эти замирали въ отдаленіи. Затѣмъ раздались три удара въ большой гонгъ, чтобы показать, что дѣло идетъ не о пожарѣ, а о наводненіи; раковины, барабаны и свистки повторили этотъ звукъ и вся деревня задрожала отъ топота голыхъ ногъ по землѣ. Всѣмъ отдано было приказаніе идти на мѣсто обычныхъ работъ и ждать распоряженій. Толпы рабочихъ высыпали на темную улицу. Отдѣльныя фигуры останавливались, чтобы завязать поясъ или прикрѣпить сандалію. Приказчики, стоя у входа въ кладовыя, кричали на своихъ пробѣгавшихъ мимо подчиненныхъ или останавливали ихъ и раздавали имъ мотыки и ломы, локомотивы врѣзались прямо въ толпу, и темный людской потокъ исчезалъ на мрачномъ берегу рѣки, бѣжалъ къ сваямъ, разливался вдоль рѣшетокъ, собирался вокругъ кра-

новъ и вдругъ остановился, причемъ каждый человѣкъ очутился на своемъ мѣстѣ.

Послѣ этого тревожные удары гонга разнесли приказаніе убрать все, что находилось ниже значка, обозначающаго самый высокій уровень воды, а на мосту между желѣзными перекладинами загорѣлись сотни яркихъ фонарей, освѣщая заклепщиковъ, которые бодро принялись за ночную работу въ надеждѣ перегнать приближавшееся наводненіе.

Раскосы трехъ центральныхъ быковъ, державшихся еще на подпоркахъ, не были установлены на мѣста. Ихъ надобно было какъ можно крѣпче приклепать, такъ какъ волны навѣрно смоютъ подпорки и повалятъ желѣзныя части, если онѣ не будутъ прикрѣплены. Сотни ломовъ застучали по рельсамъ временной желѣзной дороги, подвозившей матеріалъ къ неоконченнымъ быкамъ. Ихъ подняли, навалили на платформы, и шипящіе паровозы отвезли ихъ подальше отъ берега, въ такое мѣсто, до котораго наводненіе не могло достигнуть.

Навѣсы, подъ которыми хранились разные инструменты, быстро исчезали подъ напоромъ шумныхъ отрядовъ, а съ ними вмѣстѣ исчезали и всѣ, въ порядкѣ уложенные, запасные матеріалы: обитые желѣзомъ ящики съ заклепками, клещами и топорами, дубликаты разныхъ частей машинъ, запасныя помпы и цѣпи. Большой кранъ предполагалось перевезти послѣднимъ, такъ какъ пока съ помощью его поднимали на мостъ разныя тяжести. Камни и бетонъ валились въ воду въ глубокихъ мѣстахъ для охраны быковъ, а пустыя барки сплавлялись внизъ по рѣкѣ и ставились ниже моста. Здѣсь поминутно раздавался громкій свистокъ Перу. При первыхъ ударахъ гонга, его лодка быстро вернулась назадъ, и теперь онъ вмѣстѣ со своими полунагими рабочими трудился ради чести, которая дороже жизни.

— Я зналъ, что *она* заговоритъ,—кричалъ онъ.—*Я* зналъ, но телеграфъ во время извѣстилъ насъ.—Эй вы, сыновья невообразимой нищеты, дѣти неописуемаго позора, развѣ насъ сюда позвали сидѣть сложа руки и глядѣть! — Держа кусокъ проволочнаго каната, разсученнаго на концахъ, Перу съ удивительною ловкостью перепрыгивалъ съ борта одной барки на бортъ другой и при этомъ кричалъ и бранился, какъ настоящій морякъ.

Финдлейсона всего больше тревожили суда, нагруженн камнемъ. М'Картней со своими рабочими укрѣплялъ концы трехъ не вполнѣ прочныхъ пролетовъ, но въ случаѣ высокой воды теченіе снесетъ суда, и они могутъ повредить раскосы; а между тѣмъ цѣлая флотилія этихъ судовъ стояла въ узкомъ фарватерѣ.

— Заведите ихъ за выступъ сторожевой башни,—кричалъ онъ Перу.—Тамъ будетъ мертвая вода. Спустите ихъ ниже моста.

— Акча! Очень хорошо! *Я* знаю, что дѣлать. Мы ихъ привязываемъ канатами,—раздалось въ отвѣтъ —Ге! слышите Чата сагиба? Онъ здòрово работаетъ.

Съ другого берега рѣки доносился почти немолчный свистъ локомотивовъ, вмѣстѣ съ грохотомъ падающихъ камней. Гичкокъ въ послѣднюю минуту употреблялъ запасы Таракисскаго камня для укрѣпленія своихъ откосовъ и насыпей.

— Мостъ хочетъ бороться съ матушкой Гунгой,—сказалъ Перу, смѣясь.

— Но, когда *она* заговоритъ, я знаю—чей голосъ окажется громче.

Цѣлые часы голые люди работали при свѣтѣ фонарей, оглашая окрестность криками. Ночь была жаркая, безлунная. Къ концу ея небо покрылось тучами и поднялся вѣтеръ, который сильно встревожилъ Финдлейсона.

— Она двигается!—сказалъ Перу передъ разсвѣтомъ.—Матушка Гунга проснулась! Слушайте! — Онъ опустилъ руку за бортъ лодки, и струя съ ропотомъ пробѣжала между пальцами. Маленькая волна съ сердитымъ плескомъ лизнула стѣнку быка.

— За шесть часовъ раньше срока,—сказалъ Финдлейсонъ, озабоченно морща лобъ.—Теперь ни за что нельзя ручаться. Надобно отозвать рабочихъ отъ рѣки.

Снова прозвучалъ большой гонгъ, снова раздался топотъ голыхъ ногъ по землѣ и звяканье желѣза; стукъ работъ прекратился. Среди наступившей тишины слышенъ былъ сердитый шопотъ воды, приближавшейся по истомленному жаждою песку.

Уходя, приказчики одинъ за другимъ прокричали Финдлейсону, который стоялъ около сторожевой башни, что ихъ участки рѣки очищены, и, когда смолкъ послѣднiй голосъ, Финдлейсонъ поспѣшилъ на мостъ. Онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ прочная настилка смѣнялась досками, положенными для временнаго употребленія надъ тремя центральными быками, и тамъ встрѣтилъ Гичкока.

— Все-ли чисто съ вашей стороны?—спросилъ Финдлейсонъ.

— Да, и восточный каналъ уже наполняется. Всѣ наши разсчеты сбиты. Когда дойдетъ до насъ самое наводненіе?

— Ничего нельзя знать. Она поднимается удивительно быстро. Смотрите!—Финдлейсонъ указалъ на доски внизу, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ стоялъ: песокъ, раскаленный зноемъ, загрязненный работами послѣднихъ мѣсяцевъ, начиналъ шипѣть и тихо журчать.

— Какія будутъ распоряженія?

— Сдѣлайте перекличку, составьте счетъ запаснымъ матеріаламъ, сидите и молитесь за мостъ. Это все, что я могу придумать. Не рискуйте жизнью, стараясь спасать то, что унесетъ вода.

— О я буду такъ-же остороженъ, какъ вы. Доброй ночи! Господи, какъ она прибываетъ! А вотъ и дождь пошелъ по настоящему!

Финдлейсонъ вернулся на свой берегъ, прогнавъ послѣднихъ заклепщиковъ М'Картнея. Рабочіе стояли на насыпи, не смотря на дождь и утренній холодъ, и ждали наводненія. Одинъ только Перу еще держалъ свою партію за выступомъ сторожевой башни, гдѣ стояли суда, привязанныя канатами, проволочными веревками и цѣпями.

Пронзительный крикъ пронесся по всей линіи и превратился въ вопль не то страха, не то удивленія: вся поверхность рѣки, отъ одного обшитаго камнями берега до другого, вдругъ побѣлѣла и дальніе откосы исчезли подъ брызгами бѣлой пѣны. Матушка Гунга быстро поднялась въ уровень съ берегами, посылая впередъ цѣлую стѣну воды шоколаднаго цвѣта. Среди шума волнъ послышался какой-то рѣзкій звукъ, то былъ стонъ опустившихся арокъ, такъ какъ потокъ унесъ подпорки, поддерживавшія ихъ основанія. Суда съ камнями ворчали и толкали другъ друга среди прибоя волнъ, омывавшаго каменные устои, и ихъ толстыя мачты поднимались все выше и выше къ неясной линіи неба.

— Пока она не была заперта между этими стѣнами, мы знали, что она сдѣлаетъ. Теперь, когда она такъ закована, одному Богу извѣстно, что будетъ,—сказалъ Перу, наблюдая за бѣшенымъ водоворотомъ вокругъ сторожевой башни. — Ого! Битва началась! Бейся изо всѣхъ силъ, такъ скорѣй устанешь!

Но матушка Гунга не желала биться такъ, какъ хотѣлъ Перу. Послѣ перваго приступа съ верховья не надвигалось больше водяныхъ стѣнъ, но вся рѣка, словно змѣя, которая, напивается въ жаркое лѣто, какъ-то пучилась; она пробиралась все выше и выше по каменной кладкѣ и вздымалась около быковъ, такъ, что даже Финдлейсонъ началъ сомнѣваться въ прочности своего произведенія.

Когда настало утро, поселокъ открылъ ротъ отъ изумленія.

— Еще вчера вечеромъ,—говорили другъ другу рабочіе,— на днѣ рѣки стоялъ цѣлый городъ! А посмотрите-ка сегодня!

И они съ удивленіемъ глядѣли на глубокую воду, на бѣгущія волны, которыя лизали головы быковъ. Противоположнаго берега не было видно, дождь закрывалъ его словно завѣсой, подъ которой исчезала и часть моста; вверхъ по рѣкѣ каменные откосы берега можно было отличить только по прибою волнъ и по пѣнѣ, кружившейся около нихъ, а ниже рѣка, освобожденная отъ сковывавшихъ ее оградъ, разлилась словно море, до самаго горизонта. Потокъ приносилъ отъ времени до времени то трупъ человѣка или быка, то обломокъ тростниковой крыши, которая стукалась о быкъ моста и исчезала.

— Высока вода,—сказалъ Перу, и Финдлейсонъ кивнулъ въ отвѣтъ. Вода была болѣе высока, чѣмъ ему этого хотѣлось. Его мостъ устоитъ противъ того напора волнъ, какой ему приходится переносить теперь, но устоитъ-ли онъ противъ болѣе сильнаго? Если изъ тысячи шансовъ есть хоть одинъ, что каменная облицовка слаба, матушка Гунга унесетъ въ море его честь вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ. Хуже всего то, что ничего нельзя сдѣлать, приходится сидѣть и ждать; и Финдлейсонъ сидѣлъ, завернутый въ своемъ макинтошѣ, пока капюшонъ, покрывавшій его голову, совсѣмъ размякъ, а сапоги его ушли въ грязь выше щиколокъ. Онъ не соображалъ времени, рѣка за него отмѣчала часы, дюймъ за дюймомъ, футъ за футомъ поднимаясь все выше по каменной облицовкѣ, и онъ прислушивался, голодный и оцѣпенѣлый, къ стуканью барокъ съ камнемъ, къ глухому ропоту волнъ подъ быками, къ сотнѣ тѣхъ звуковъ, соединеніе которыхъ составляетъ музыку наводненія. Какой-то насквозь промокшій слуга принесъ ему пищу, но онъ ничего не могъ ѣсть; одинъ разъ ему показалось, что онъ слышитъ слабый стукъ локомотива на противоположномъ берегу, и онъ улыбнулся. Провалъ моста не причинитъ никакого особеннаго вреда его помощнику: Гичкокъ молодъ и въ будущемъ ему еще могутъ предстоять работы. Но для него этотъ провалъ значитъ все — все, изъ за чего стоитъ трудиться въ жизни. Они скажутъ... — его товарищи по профессіи—онъ помнилъ свои собственные полусострадательные отзывы, когда большой водопроводъ Локгарта лопнулъ и превратился въ кучу камней и грязи, а самъ Локгартъ не выдержалъ и умеръ. Онъ помнилъ, что говорилъ онъ самъ, когда Самаоскій мостъ погибъ во время сильнаго циклона на морѣ; живо помнилъ онъ лицо бѣднаго Гартропа три недѣли спустя, когда безчестіе положило на него свою печать. Его мостъ вдвое больше моста Гартропа, на немъ изобрѣтенные имъ, Финдлейсономъ, ферма и подковы быковъ. Для него не было никакого оправданія. Правительство, можетъ быть, выслушаетъ его, но товарищи будутъ судить его по тому, устоитъ или рухнетъ его мостъ. Онъ сталъ перебирать въ умѣ всю постройку, доску за доской, бревно за бревномъ, камень за камнемъ, свая за сваей, вспоминая, сравнивая, провѣряя всѣ вычисленія, не вкралась-ли въ нихъ ошибка; и во время этихъ долгихъ часовъ, среди тучи формулъ, кружившихся и плясавшихъ передъ нимъ, вдругъ леденящій ужасъ охватывалъ его сердце. Съ его стороны разсчетъ сдѣланъ безспорно вѣрно; но что знаютъ люди о разсчетахъ матушки Гунги? Можетъ быть, въ ту самую минуту, когда онъ все провѣряетъ по таблицѣ умноженія, рѣка роетъ ямы у самаго основанія одного изъ 18 футовыхъ быковъ, на которыхъ держится его репутація. Снова явился слуга и принесъ ему пищу, но у него все пере-

сохло во рту, онъ могъ только напиться и затѣмъ вернулся къ своимъ вычисленіямъ. А рѣка продолжала подниматься. Перу, завернувшись въ плащъ изъ циновокъ, лежалъ у его ногъ и молча наблюдалъ то за нимъ, то за рѣкой.

Наконецъ ласкарецъ всталъ и побрелъ по грязи въ деревню, оставивъ одного изъ своихъ родственниковъ присматривать за судами.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, весьма непочтительно таща за собой толстаго старика священнослужителя своей секты; сѣдая борода его развѣвалась по вѣтру, а мокрый плащъ билъ его по плечамъ. Трудно было найти болѣе жалкаго *гуру*.

— Къ чему служатъ всѣ наши жертвы и керосиновыя лампочки и крупа,—кричалъ Перу,—если ты умѣешь только сидѣть на корточкахъ въ грязи? Ты дома разговаривалъ съ богами, пока они были довольны и благожелательны. Теперь они сердятся. Поговори-ка съ ними теперь!

— Что можетъ человѣкъ противъ гнѣва боговъ?—жалобнымъ голосомъ отвѣчалъ священникъ, вздрагивая при каждомъ порывѣ вѣтра.—Пусти меня въ храмъ, я тамъ буду молиться имъ.

— Отродье свиньи, молись здѣсь! Неужели наша соленая рыба, и наша крупа, и нашъ сушоный лукъ пропадутъ даромъ? Кричи громко! Скажи матушкѣ Гунгѣ, что ей пора перестать. Попроси ее успокоиться къ ночи. Я не умѣю молиться, но я служилъ на компанейскихъ пароходахъ и, когда матросы не слушали моихъ приказаній...—вмѣсто окончанія рѣчи онъ замахнулся веревкой, и священникъ, вырвавшись изъ рукъ своего духовнаго сына, убѣжалъ въ деревню.

— Толстая свинья! Послѣ всего, что мы для него дѣлали! Какъ только кончится наводненіе, я постараюсь отыскать новаго *гуру*. Финлинсонъ сагибъ, уже темнѣетъ, скоро ночь, а вы со вчерашняго дня ничего не ѣли. Будьте благоразумны, сагибъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ перенести безсонницу и тревожныя мысли на пустой желудокъ. Идите спать, сагибъ. Рѣка сдѣлаетъ то, что хочетъ сдѣлать.

— Мостъ мой; я не могу оставить его.

— Такъ неужели вы хотите удержать его своими руками?—сказалъ Перу, смѣясь. Я тоже очень безпокоился о своихъ судахъ и якоряхъ, прежде чѣмъ началось наводненіе. Теперь мы въ рукахъ боговъ. Сагибъ не хочетъ ни ѣсть, ни лечь спать? Ну, такъ возьмите проглотите вотъ это. Это и пища, и вино въ то же время; они убиваютъ всякую усталость, уничтожаютъ даже лихорадку во время дождей. Я сегодня весь день только ими и питался.

Онъ вытащилъ изъ-за пояса небольшую табакерку и сунулъ ее въ руку Финдлейсона, говоря:

— Нѣтъ, не бойтесь. Это просто опіумъ, самый чистый опіумъ.

Финдлейсонъ взялъ въ руку двѣ или три темнобурыя лепешечки и полубезсознательно проглотилъ ихъ. Это было во всякомъ случаѣ хорошее средство противъ лихорадки — противъ лихорадки, которая поднималась изъ мокрой почвы и начинала охватывать его, — вѣдь онъ видалъ раньше, что могъ дѣлать Перу среди убійственныхъ осеннихъ тумановъ послѣ одного пріема лѣкарства изъ своей табакерки.

Перу кивнулъ головой, и глаза его заблестѣли. — Скоро, очень скоро сагибъ увидитъ, что онъ опять станетъ думать, какъ слѣдуетъ.—Я тоже... онъ взялъ щепотку изъ своего драгоцѣннаго ящичка, снова покрылъ голову своимъ дождевымъ плащемъ и спустился внизъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается съ судами. Было такъ темно, что ничего нельзя было различить дальше перваго быка моста, и ночь, повидимому, придала новую силу рѣкѣ. Финдлейсонъ стоялъ, опустивъ голову, и думалъ. Одного вопроса относительно одного быка — седьмого, онъ никакъ не могъ разрѣшить. Цифры являлись передъ глазами по одиночкѣ и черезъ большіе промежутки времени. Въ ушахъ его стоялъ какой-то звукѣ, могучій и пріятный, вродѣ самой низкой ноты контръ-баса, очаровательный звукъ, къ которому онъ, кажется, прислушивался уже много часовъ. Затѣмъ около него очутился Перу, который кричалъ, что проволочный канатъ лопнулъ, и суда съ камнемъ оторвались. Финдлейсонъ видѣлъ, что флотилія освободилась, суда разставились въ формѣ вѣера и двигаются впередъ.

— Обрубокъ дерева толкнулъ ихъ. Они всѣ уйдутъ,—кричалъ Перу.—Главный канатъ лопнулъ. Что вы дѣлаете, сагибъ?

Въ высшей степени сложный планъ вдругъ мелькнулъ въ умѣ Финдлейсона. Онъ видѣлъ, что канаты переходятъ съ одного судна на другое, образуя линіи и углы, причемъ каждый канатъ горитъ бѣлымъ огнемъ. Но одинъ канатъ былъ самый главный. Онъ отлично видѣлъ этотъ канатъ. Если ему удастся схватить и потащить его, то математически и абсолютно вѣрно, что пришедшій въ безпорядокъ флотъ соединится въ затонѣ за сторожевою башнею. Онъ одного не понималъ: почему Перу такъ отчаянно удерживалъ его за платье, когда ему надобно какъ можно скорѣе идти по берегу? Надобно оттолкнуть ласкарца тихонько и осторожно, потому что, во первыхъ, необходимо спасти лодки, во вторыхъ, доказать удивительную легкость задачи, которая кажется такою трудною. Затѣмъ — но это, повидимому, не имѣло никакого значенія — проволочная веревка скользнула по его рукѣ и обожгла ее, высокій берегъ исчезъ и съ нимъ вмѣстѣ исчезли всѣ отдѣльныя данныя задачи. Онъ сидѣлъ въ темнотѣ, подъ дождемъ, сидѣлъ въ лодкѣ, которая кружилась словно волчокъ, а Перу стоялъ надъ нимъ.

— Я забылъ,—вполголоса проговорилъ ласкарецъ,—что на тощакъ и для непривычнаго человѣка опіумъ хуже всякаго вина. Кто тонетъ въ Гунгѣ, тотъ идетъ къ богамъ. Но у меня нѣтъ желанія предстать передъ столь великими господами. Сагибъ, умѣете вы плавать?

— Зачѣмъ? Онъ умѣетъ летать, летать съ быстротою вѣтра! —отвѣчалъ Финдлейсонъ.

— Онъ помѣшался!—пробормоталъ Перу.—Онъ вѣдь оттолкнулъ меня, словно кусокъ навозу. Онъ самъ не знаетъ, гдѣ его ждетъ смерть. Эта лодка не продержится и часа, даже если она ни съ чѣмъ не столкнется. Непріятно смотрѣть прямо въ глаза смерти.

Чтобы освѣжить свои мысли, онъ снова прибѣгнулъ къ своей жестяной коробочкѣ, опустился на корточки и сидѣлъ неподвижно, пристально глядя на туманъ, сквозь который ничего не было видно. Теплота и сонливость охватили Финдлейсона, главнаго инженера, который по обязанности службы долженъ былъ оставаться около своего поста. Тяжелыя капли дождя хлестали его тысячью звенящими ударами, и тяжесть всѣхъ временъ съ самаго начала міра налегла на его вѣки.

Ему казалось, онъ былъ убѣжденъ, что находится въ полной безопасности, такъ какъ вода настолько тверда, что человѣкъ, конечно, можетъ ходить по ней, надобно только,—и это всего важнѣе—разставить ноги для поддержанія равновѣсія — и тогда очень скоро и спокойно перенесешься на берегъ. Но тутъ у него возникъ еще лучшій планъ. Нужно только нѣкоторое усиліе воли, и душа перенесетъ тѣло на землю, подобно тому, какъ вѣтеръ переноситъ бумагу; она его подниметъ и перебросить на берегъ, какъ бумажнаго змѣя.

А послѣ—лодка продолжала страшно кружиться—что если вѣтеръ подхватитъ это свободное тѣло? Поднимется ли оно, какъ бумажный змѣй, и опустится тамъ, на далекихъ пескахъ, или будетъ летать безъ удержу цѣлую вѣчность? Финдлейсонъ схватился за бортъ лодки, чтобы удержаться, такъ какъ ему казалось, что онъ уже начинаетъ свой полетъ, прежде чѣмъ окончательно рѣшилъ планъ дѣйствій.

Опіумъ сильнѣе дѣйствовалъ на бѣлаго человѣка, чѣмъ на чернаго. Перу просто только равнодушно относился ко всему окружающему.

— Она не можетъ жить,—бормоталъ онъ,— ея швы уже расползлись. Если бы это была лодка съ веслами, мы бы еще могли догрести; но дырявый ящикъ ни къ чему не годится Финлинсонъ сагибъ, она течетъ.

— Акча! Я ухожу. Иди и ты также.

Душею Финдлейсонъ уже сошелъ съ лодки и кружился высоко въ воздухѣ, ища опоры для подошвы ногъ. Тѣло его—

онъ очень скорбѣлъ о его грубой безпомощности—лежало въ лодкѣ, и вода покрывала его до колѣнъ.

— Какъ смѣшно!—говорилъ онъ самъ себѣ, продолжая летать по воздуху,—это—Финдлейсонъ, строитель моста Каши. Бѣдная скотина сейчасъ потонетъ. Потонетъ около самаго берега! Я, я уже на берегу. Отчего онъ нейдетъ ко мнѣ?

Къ своему величайшему неудовольствію, онъ замѣтилъ, что душа его вернулась къ тѣлу, а это тѣло брызгалось и дрожало въ водѣ. Возсоединеніе души и тѣла вызвало острое страданіе, но необходимо было бороться и за сохраненіе тѣла. Онъ сознавалъ, что отчаянно хватается за сырой песокъ и съ усиліемъ дѣлалъ большіе шаги, какъ шагаютъ во снѣ, чтобы удержаться среди крутящейся воды, пока, наконецъ, ему удалось вырваться изъ объятій рѣки, и онъ, ослабѣвъ, упалъ на мокрую землю.

— Нѣтъ, не въ эту ночь,—говорилъ Перу ему на ухо. — Боги спасли насъ!

Ласкарецъ осторожно подвигалъ ногами, и они наткнулись на сухіе стебли.—Это навѣрно какой нибудь островъ, на которомъ росло въ прошломъ году индиго,—продолжалъ онъ.

— Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка; но берегитесь, сагибъ: наводненіемъ согнало сюда всѣхъ змѣй съ окрестности. А вотъ и молнія, ее принесъ вѣтеръ на своихъ крылахъ. Теперь мы можемъ оглядѣться; только ступайте осторожно.

Финдлейсонъ былъ неизмѣримо далекъ отъ того, чтобы опасаться змѣй и вообще испытывать какое либо безпокойство, свойственное человѣку. Стеревъ съ глазъ воду, онъ сталъ все видѣть удивительно ясно и шелъ, какъ ему казалось, громадными шагами. Когда-то, въ ночи временъ, онъ строилъ мостъ— мостъ, который тянулся по безграничной поверхности блестящихъ морей; но потопъ смылъ его, и на всей землѣ остался только одинъ этотъ островъ для Финдлейсона и его сотоварища, единственныхъ людей, спасшихся отъ потопа.

При свѣтѣ безпрерывной молніи, прорѣзавшей небо синей змѣйкой, можно было видѣть все, что находилось на клочкѣ земли, окруженномъ водой—кустъ терновника, кустъ шелестящаго двигающагося бамбука и сѣрый сукъ дерева, осѣнявшаго индусскій храмъ, на крышѣ котораго развѣвался изорванный красный флагъ. Святой человѣкъ, проводившій здѣсь лѣто, давно оставилъ его, и вѣтеръ разбилъ вымазанное красной краской изображеніе божества. Финдлейсонъ и его спутникъ наткнулись на очагъ, выложенный изъ кирпичей, и упали подъ сѣнь вѣтвей, между тѣмъ какъ дождь и рѣка вмѣстѣ шумѣли и бурлили.

Стволы индиго затрещали, послышался запахъ хлѣва, и высокій, жирный браминскій волъ выступилъ изъ чащи. При блескѣ молніи ясно можно было различить знакъ Шивы на

его боку, его гордо поднятую голову и хвостъ, его большіе круглые глаза, лобъ его, увѣнчанный цвѣтами златоцвѣта и мягкій подгрудникъ его, почти касавшійся земли. Сзади него слышался шумъ шаговъ другихъ животныхъ, пробиравшихся черезъ кустарники со стороны воды, шумъ тяжелыхъ ногъ и глубокаго дыханья.

— Здѣсь есть кто-то, кромѣ насъ,—спокойно замѣтилъ Финдлейсонъ, прислоняя голову къ дереву и глядя полуоткрытыми глазами.

— Правда, серьезно отвѣчалъ Перу,—и не маловажныя особы.

— Кто же такой? я что-то плохо вижу.

— Боги. Кто же иначе? смотрите!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! боги! Конечно, боги!—Голова Финдлейсона упала на грудь и онъ улыбнулся. Перу несомнѣнно правъ. Послѣ потопа, кто же можетъ остаться въ живыхъ, кромѣ боговъ, которые создали эту землю, тѣхъ боговъ, которымъ каждую ночь молятся въ его поселкѣ, имена которыхъ у всѣхъ на языкѣ, которые принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ людей? Онъ не могъ ни поднять головы, ни шевельнуть пальцемъ, такое оцѣпененіе овладѣло имъ, а Перу безсмысленно улыбался, глядя на молнію.

Быкъ остановился передъ храмомъ, его голова склонилась до самой сырой земли. Зеленый попугай, сидя на вѣтвяхъ дерева, чистилъ свои мокрыя перья и кричалъ, разбуженный шумнымъ приближеніемъ животныхъ, колеблющіяся тѣни которыхъ окружили дерево. Сзади быка выступалъ черный олень, такое чудное животное, какого Финдлейсонъ никогда не видалъ на яву въ своей давнопрошедшей жизни, съ гордо поднятой головой, съ черной спиной, серебристымъ животомъ и блестящими прямыми рогами. Сзади него, склонивъ голову до земли, выступала толстая тигрица, сверкая зелеными глазами подъ нависшимъ лбомъ и безпокойно хлопая хвостомъ по сухой травѣ.

Быкъ улегся около храма, и тогда изъ тьмы выступила громадная сѣрая обезьяна; она сѣла, точно человѣкъ, на мѣсто свалившагося идола, и капли дождя падали, словно алмазы, съ ея головы на шею и плечи.

Другія тѣни приходили и уходили, между прочимъ, пьяный человѣкъ, размахивавшій палкой и бутылкой. Низко надъ самой землей раздался хриплый голосъ:

— Наводненіе уже уменьшается,—говорилъ онъ,—съ каждымъ часомъ вода спадаетъ, ихъ мостъ устоитъ!

— Мой мостъ,—сказалъ самъ себѣ Финдлейсонъ.—Это должно быть уже очень древняя постройка. Что за дѣло богамъ до моего моста?

Его глаза устремлялись въ темное пространство, въ ту сторону, откуда слышался шумъ. Крокодилъ, тупоносый Муггеръ Ганга, медленно выдвинулся изъ ряда животныхъ, свирѣпо махая на право и на лѣво своимъ хвостомъ.

— Они слишкомъ крѣпко выстроили его. Во всю сегодняшнюю ночь я могъ сорвать всего нѣсколько досокъ. Стѣны стоятъ! Башни стоятъ! Они заковали мою воду, моя рѣка лишилась свободы! Небожители! снимите эти оковы! Возвратите мнѣ свободную воду отъ одного берега до другого! Это говорю я, мать Гунга. Правосудіе боговъ! Окажите мнѣ правосудіе боговъ!

— Не правду ли я говорилъ? —шепнулъ Перу.—Это настоящій совѣтъ боговъ. Теперь мы знаемъ, что весь свѣтъ погибъ, кромѣ васъ и меня, сагибъ.

Попугай опять закричалъ и замахалъ крыльями, а тигрица, прижавъ уши къ головѣ, злобно ворчала. Гдѣ-то въ тѣни задвигался большой хоботъ и блестящіе клыки, тихое бурчанье прервало тишину, послѣдовавшую за ропотомъ крокодила.

— Мы здѣсь,—проговорилъ низкій голосъ. Мы—великіе. Единое и множество. Шива, отецъ мой, здѣсь вмѣстѣ съ Индрой. Каши уже сказалъ свое слово. Ганумэнъ тоже слушаетъ.

— Сегодня Каши явилась безъ своего Котваля,—закричалъ человѣкъ съ бутылкой, бросая на землю свою палку, между тѣмъ какъ островъ огласился лаемъ собакъ.

— Окажите ей правосудіе боговъ!

— Вы видѣли, какъ они оскверняли мои воды,—ревѣлъ огромный крокодилъ. — Вы ничѣмъ себя не проявили, когда рѣка моя была заключена въ стѣны. У меня не было другого прибѣжища, кромѣ моей силы, и эта сила измѣнила мнѣ... Сила матери Гунги измѣнила ей, не устояла противъ ихъ сторожевыхъ башенъ! Что мнѣ было дѣлать? Я сдѣлала все, что могла. Вы должны докончить, о небожители!

— Я принесъ смерть; я переносилъ пятнистую болѣзнь съ одной хижины въ другую, отъ одного рабочаго къ другому, но они всетаки не прекращали своихъ работъ.

Оселъ съ расщепленнымъ носомъ, съ ободранной шкурой, хромой, озлобленный, съ растопыренными ногами, выдвинулся впередъ.—Я пускалъ на нихъ смерть изъ своихъ ноздрей, но они не прекращали работъ.

Перу хотѣлъ было уйти, но опіумъ крѣпко держалъ его.

— Ба!—сказалъ онъ, отплевываясь.—Здѣсь сама Ситала Мата—оспа. Нѣтъ ли у сагиба платка, чтобы прикрыть лицо?

— Ничего не помогло! Они кормили меня трупами цѣлый мѣсяцъ, и я выбрасывала ихъ вонъ на свои песчаныя отмели, но ихъ дѣло продолжалось. Они демоны и сыновья демоновъ!

А вы оставили мать Гунгу безъ помощи и онѝ уже собираются посылать свои огненные экипажи въ насмѣшку надъ нею. Правосудіе боговъ надъ строителями моста!

Быкъ поворотилъ во рту жвачку и отвѣчалъ неторопливо:

— Если правосудіе боговъ коснется всѣхъ, кто насмѣхается надъ священными предметами, въ странѣ останется много темныхъ алтарей, мать.

— Но это уже не простая насмѣшка,—сказала тигрица, выставляя впередъ лапу съ выпущенными когтями.—Ты знаешь, Шива, и вы тоже знаете, небожители, что они обезчестили Гунгу. Они непремѣнно должны предстать передъ Разрушителемъ. Пусть Индра разсудитъ.

Олень продолжалъ стоять неподвижно и спросилъ:

— Давно-ли продолжается все это зло?

— Три года по счету людей,—отвѣчалъ Муггеръ, лежавшій вытянувшись на землѣ.

— Такъ развѣ мать Гунга умретъ черезъ годъ, что она спѣшитъ скорѣй отомстить? Глубокое море было тамъ, гдѣ она течетъ всего со вчерашняго дня, и завтра море снова покроетъ ее, завтра по счету, какой боги ведутъ тому, что люди называютъ временемъ. Развѣ можетъ кто нибудь сказать, что ихъ мостъ простоитъ до завтра?—сказалъ олень.

Послѣдовало продолжительное молчаніе, буря утихла, и полная луна озарила мокрыя деревья.

— Судите, какъ знаете,—мрачно проговорила рѣка.—Я разсказала свой позоръ. Вода убываетъ, я не могу сдѣлать ничего больше.

— Что до меня касается,—раздался голосъ большой обезьяны, сидѣвшей въ храмѣ,—мнѣ очень пріятно наблюдать за этими людьми. Я помню, что и я строила не малые мосты, когда міръ былъ еще молодъ.

— Говорятъ,—шипѣла тигрица,—что эти люди остатки твоихъ ратей, Гануменъ, что, слѣдовательно, ты помогалъ...

— Они работаютъ, какъ моя рать работала въ Ланкѣ, и воображаютъ, что ихъ работа долго просуществуетъ. Индра живетъ слишкомъ высоко, а ты, Шива, ты знаешь, какой опасности они подвергаютъ страну своими огненными экипажами.

— Да, я знаю,—сказалъ быкъ.—Ихъ боги научили ихъ дѣлать это.

Смѣхъ раздался среди присутствовавшихъ.

— Ихъ боги! Развѣ ихъ боги знаютъ что нибудь? Они родились вчера, и тѣ, кто ихъ сдѣлалъ, еще не успѣлъ остыть,—сказалъ Муггеръ.—Завтра ихъ боги умрутъ.

— Го, го!—проговорилъ Перу.—Мать Гунга вѣрно говоритъ.—Я сказалъ то же самое падру сагибу, который проповѣ-

дывалъ на «*Момбассѣ*», а онъ попросилъ бурра малума заковать меня въ наказаніе за грубость.

— Они навѣрно дѣлаютъ все это въ угоду своимъ богамъ,— снова заговорилъ быкъ.

— Не совсѣмъ то,—проревѣлъ слонъ.—Они больше стараются ради выгоды моихъ магаюнсовъ, моихъ толстыхъ банкировъ, которые поклоняются мнѣ каждый годъ, когда ставятъ мое изображеніе на заголовкѣ своихъ счетныхъ книгъ. Глядя черезъ ихъ плечо, при свѣтѣ лампы, я вижу, что въ эти книги вписываются имена людей, которые живутъ въ отдаленныхъ странахъ, ибо всѣ города соединены между собой огненными каретами, и деньги быстро приходятъ и уходятъ, а счетныя книги становятся такими же толстыми, какъ я самъ. А я, Ганешъ, богъ удачи, я благословляю своихъ поклонниковъ.

— Они измѣнили видъ той земли, которая составляетъ мою собственность. Они совершали убійства, настроили новыхъ городовъ на моихъ берегахъ.

— Это просто перенесеніе кучекъ грязи съ одного мѣста на другое,—отвѣчалъ слонъ.—Пусть грязь роется въ грязи, если такъ хочется грязи.

— А дальше что?—спросила тигрица. — Дальше они скажутъ, что мать Гунга не можетъ отомстить ни за какое оскорбленіе, и они сначала забудутъ ее, а потомъ и всѣхъ насъ, одного за другимъ. Въ концѣ концовъ, Ганешъ, мы останемся съ пустыми алтарями.

Пьяный человѣкъ поднялся на ноги и икнулъ прямо въ лицо собравшимся богамъ.

— Кали говоритъ неправду. Моя сестра говоритъ неправду. Вотъ эта палка—это Котваль Каши, и онъ по ней отмѣчаетъ число моихъ поклонниковъ. Когда приходитъ время поклоняться Бхайрону, а это время всегда приходитъ — огненныя кареты двигаются одна за другой, и каждая привозитъ мнѣ тысячу пилигримовъ. Они не приходятъ, какъ прежде, пѣшкомъ, а катятъ на колесахъ, тѣмъ больше для меня почета.

— Гунга, я видѣлъ русло твое въ Пріягѣ: оно было все черно отъ погружавшихся въ воду пилигримовъ,—сказала обезьяна, высовываясь впередъ;—если бы не было каретъ, они приходили бы медленно и въ меньшемъ количествѣ. Помни это.

— Ко мнѣ они приходятъ постоянно,—грубо заговорилъ Бхайронъ.—Днемъ и ночью молятся они мнѣ, всѣ эти простые люди, работающіе на поляхъ и на дорогахъ. Кто нынче сравняется съ Бхайрономъ? Чего тутъ говорить о перемѣнѣ вѣры? Развѣ мой жезлъ Котваля Каши ничто? Онъ отмѣчаетъ счетъ, и онъ говоритъ, что никогда не было столько алтарей, сколько нынче, и огненныя кареты способствуютъ этому. Я, Бхайронъ,

Бхайронъ простонародія, я въ настоящее время главный изъ небожителей. Итакъ, мой жезлъ говоритъ...

— Замолчи ты!—проревѣлъ быкъ.—Мнѣ поклоняются ученые, они разговариваютъ очень умно и обсуждаютъ: одинъ ли я или насъ много, и мои поклонники радуются; ты вѣдь знаешь, что я такое. Кали, жена моя, ты это тоже знаешь?

— Да, я знаю,—отвѣчала тигрица, опустивъ голову.

— Я сильнѣе, чѣмъ Гунга. Вѣдь вы знаете, кто настроилъ умы людей такъ, что они считаютъ Гунгу святою рѣкою. Кто умираетъ въ ея водахъ—говорятъ люди, тотъ избѣгнетъ нашего наказанія, и Гунга знаетъ, что огненныя кареты породили много и много сотенъ людей, которые стремятся къ этому; и Кали знаетъ, что она справляетъ свои главныя празднества среди пилигримовъ, привозимыхъ огненными каретами. Кто въ Пурѣ поразилъ смертью, подъ ея изображеніемъ, въ одни сутки цѣлую тысячу людей и привязалъ болѣзнь къ колесамъ огненныхъ каретъ, чтобы онѣ развезли ее съ одного конца страны до другого? Кто, если не Кали? Пока не явились огненныя кареты, приходилось много трудиться. Огненныя кареты оказали тебѣ хорошую услугу, тебѣ, мать смерти. Но я говорю о своихъ собственныхъ алтаряхъ. Я не Бхайронъ, богъ простолюдиновъ, я Шива. Люди ходятъ взадъ и впередъ, выдумываютъ какія-то слова, разсказываютъ исторіи о какихъ-то чужихъ богахъ, и я слушаю. Среди моего народа въ школахъ одна вѣра смѣняетъ другую, а я не сержусь; когда они выскажутъ всѣ новыя слова, переговорятъ всѣ новые разговоры, они вѣдь, въ концѣ концовъ, вернутся къ Шивѣ.

— Вѣрно. Это все вѣрно,—проговорилъ Гануменъ.—Они, мать, возвращаются къ Шивѣ и къ другимъ. Я пробираюсь въ разные храмы на сѣверѣ, гдѣ они поклоняются одному богу и его нророку; и теперь во всѣхъ этихъ храмахъ остались только мои изображенія.

— Очень благодаренъ,—проговорилъ быкъ, медленно поворачивая голову,—вѣдь я и есть этотъ богъ и его пророкъ.

— Именно такъ, отецъ,—сказалъ Гануменъ.—Я иду и на югъ, гдѣ я оказываюсь старѣйшимъ изъ боговъ, извѣстныхъ человѣку, я пробираюсь въ храмы новой вѣры, и въ храмы той женщины, которая изображается съ двѣнадцатью руками.

— Очень благодарна, братъ,—сказала тигрица,—я и есть та женщина.

— Именно такъ, сестра; и я иду на запахъ къ огненнымъ каретамъ и являюсь строителямъ мостовъ подъ разными видами, и ради меня они мѣняютъ свою вѣру и становятся очень умными. Го, го, на самомъ дѣлѣ я строитель мостовъ, мостовъ между тѣмъ и этимъ, и каждый мостъ, въ концѣ концовъ, приводитъ къ намъ.

— Будь довольна, Гунга. Ни эти люди, ни тѣ, которые явятся послѣ нихъ, нисколько не смѣются надъ тобой.

— Я, значитъ, всѣми покинута, небожители? Я, можетъ быть, должна смирить свои волны, чтобы какъ нибудь нечаянно не повредить ихъ стѣнъ? Можетъ быть, Индра изсушитъ мои истоки въ горахъ, заставитъ меня смиренно пробираться между ихъ набережными? Можетъ быть, я должна зарыться въ песокъ, чтобы какъ нибудь не обидѣть ихъ?

— И все это изъ за маленькой желѣзной перекладины съ огненной каретой на верху ея! Право, мать Гунга остается вѣчно молодой!.—сказалъ Ганешъ, слонъ.—Ребенокъ не могъ бы говорить глупѣе. Пусть прахъ роется въ прахѣ, пока вернется къ праху. Я знаю одно только, что мои поклонники становятся богатыми и прославляютъ меня. Шива сказалъ, что ученые люди не забываютъ его; Бхайронъ доволенъ своею толпою простолюдиновъ; а Гануменъ смѣется.

— Понятно, я смѣюсь,—отвѣчала обезьяна.—У меня мало жертвенниковъ сравнительно съ Ганешемъ или Бхайрономъ, но огненныя кареты привозятъ мнѣ поклонниковъ изъ за синяго моря, людей, которые думаютъ, что ихъ богъ это—трудъ. Я бѣгу имъ на встрѣчу, маню ихъ, и они становятся послѣдователями Ганумена.

— Ну, такъ дай имъ работу, какую они хотятъ,—сказала рѣка.—Устрой запруду посреди моихъ водъ и отбрось волны назадъ на мостъ. Когда-то ты былъ силенъ въ ломкѣ, Гануменъ Подними мое дно!

— Кто даетъ жизнь, можетъ и отнять жизнь.—Обезьяна водила своимъ длиннымъ пальцемъ по грязной землѣ.—Но кому принесетъ пользу это убійство? А погибнутъ очень многіе.

Съ берега раздался отрывокъ нѣжной пѣсни, той пѣсни, какую поютъ пастухи въ полуденные часы ясныхъ, весеннихъ дней. Попугай весело закричалъ, склонился на бокъ и опустилъ голову, когда пѣсня стала громче, и въ полосѣ яркаго луннаго свѣта явился молодой пастухъ, идеалъ мечтательныхъ дѣвъ и матерей, ожидающихъ рожденія ребенка,—Кришна многолюбивый. Онъ остановился, чтобы закрутить свои длинные, мокрые волосы, и попугай сѣлъ къ нему на плечо.

— Веселье и пѣсни, пѣсни и веселье,—проворчалъ Бхайронъ.—Изъ за этого ты, братъ, и на совѣтъ опоздалъ.

— Ну, такъ что же?—сказалъ Кришна, смѣясь и отбрасывая назадъ голову.—Вы мало можете сдѣлать безъ меня и безъ Кармы.

Онъ погладилъ попугая и снова засмѣялся.—Что вы тутъ собрались, о чемъ разговариваете? Я слышалъ, какъ мать Гунга ревѣла въ темнотѣ и поспѣшилъ придти изъ одной хижины, гдѣ мнѣ было тепло лежать. Что вы сдѣлали съ Кармой,

отчего онъ такой мокрый и молчаливый? И что здѣсь дѣлаетъ мать Гунга? Неужели на небѣ стало такъ тѣсно, что вамъ приходится топтаться въ грязи, точно скотамъ? Карма, что они тутъ дѣлаютъ?

— Гунга требовала отмщенія строителямъ моста, и Кали съ нею вмѣстѣ. Теперь она проситъ Ганумена залить водой мостъ, чтобы ея могущество возросло,—прокричалъ попугай.— Я ждалъ здѣсь, зная, что ты придешь, о мой господинъ!

— И небожители ничего не возражали? Неужели мать Гунга и мать Печали переспорили ихъ? Неужели никто не заступился за моихъ людей?

— Нѣтъ,—сказалъ Ганешъ, смущенно переминаясь съ ноги на ногу,—я сказалъ, что все это прахъ, и намъ нѣтъ надобности топтать его.

— Я былъ очень доволенъ, что они работаютъ, очень доволенъ,—сказалъ Гануменъ.

— Какое мнѣ дѣло до гнѣва Гунги?—проговорилъ олень.

— Я Бхайронъ, богъ простого народа, и мой жезлъ есть Котваль всего Каши. Я говорилъ за простой народъ.

— Ты?—глаза молодого бога засверкали.

— Развѣ не чаще всѣхъ другихъ боговъ поминаютъ они меня нынче?—возразилъ Бхайронъ, не смущаясь.—Въ защиту простого народа я сказалъ... очень много умныхъ вещей, которыя я теперь забылъ... но этотъ жезлъ...

Кришна съ досадой отвернулся, увидѣлъ Муггера у своихъ ногъ и, ставъ на колѣни, обвилъ одной рукой холодную шею.

— Мать,—кротко сказалъ онъ,—иди назадъ въ свои воды. Это не твое дѣло. Какъ можетъ твоя честь пострадать отъ этого живого праха? Ты изъ года въ годъ оплодотворяешь ихъ поля и твои воды придаютъ имъ силу. Въ концѣ концовъ, всѣ они приходятъ къ тебѣ. Къ чему же убивать ихъ теперь же? Будь милостива, мать, потерпи еще недолго.

— Если недолго...—начало неповоротливое животное.

— Да развѣ же они боги?—со смѣхомъ отвѣчалъ Кришна, устремивъ глаза на мутные глаза Рѣки. — Будь увѣрена, что недолго. Небожители слышали тебя и окажутъ справедливость. Иди теперь, спать, назадъ къ своей рѣкѣ. Люди и стада стоятъ въ водѣ. Берега обваливаются, деревни погибаютъ изъ-за тебя.

— Но мостъ, мостъ стоитъ!—Муггеръ, ворча, скрылся въ кустахъ, когда Кришна всталъ.

— Все кончено,—злобно замѣтила тигрица.—Отъ небожителей нечего больше ждать справедливости. Вы потѣшались, вы насмѣялись надъ Гунгой, которая просила себѣ всего нѣсколько сотъ жизней.

— Жизней *моихъ* людей, людей, что ютятся подъ тростниковыми крышами той деревни, молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ

парней, что въ ночной тиши поютъ пѣсни, ребенка, который долженъ родиться завтра, того, что родился сегодня,—сказалъ Кришна. — И если бы ея желаніе было исполнено, какая въ томъ польза? Завтра же они снова примутся за работу. Если вы даже разрушите весь мостъ съ одного конца до другого, они выстроятъ новый. Послушайте меня! Бхайронъ вѣчно пьянъ. Ганументъ насмѣхается надъ своими поклонниками, задавая имъ все новыя загадки.

— Какое, новыя! все тѣ же старыя,—засмѣялась обезьяна.

— Шива слушаетъ болтовню ученыхъ и бредни монаховъ; Ганешъ ни о комъ не думаетъ, кромѣ своихъ жирныхъ торговцевъ. А я, я живу съ моимъ народомъ, я не требую у него даровъ, а онъ ежечасно подноситъ мнѣ ихъ.

— И ты очень нѣжно относишься къ этому своему народу,—замѣтила тигрица.

— Да вѣдь они мои. Когда старуха ворочается на постели, она видитъ во снѣ меня, дѣвушки ищутъ меня глазами, прислушиваются къ моимъ шагамъ, когда идутъ къ рѣкѣ со своими сосудами. Я хожу около молодыхъ людей, когда они въ сумеркахъ ждутъ за воротами, и нашептываю слова одобренія бѣлобородымъ старикамъ. Вы знаете, небожители, что изъ всѣхъ насъ я одинъ постоянно хожу по землѣ и не хочу находить удовольствія на нашихъ небесахъ, пока хоть одна зеленая былинка выростаетъ изъ земли, пока хоть одна парочка шепчется въ сумеркахъ подъ сѣнью рощи. Вы мудры, но вы живете слишкомъ далеко, вы уже забыли, откуда произошли. А я не забылъ. Вы говорите, что огненныя кареты питаютъ ваши храмы? Что огненныя кареты привозятъ сотни пилигримовъ туда, куда въ прежнее время приходили лишь десятки? Это правда. Это правда на сегодня.

— А завтра они умрутъ, братъ,—сказалъ Ганешъ.

— Молчи!—закричалъ быкъ, видя, что Ганументъ снова выдвигается впередъ. — А завтра, возлюбленный, что же будетъ завтра?

— Вотъ что. Новыя слова прокрадываются въ рѣчи простого народа, слова, которыя ни боги, ни люди не могутъ задержать,—дурныя, бездѣльныя слова (неизвѣстно, кто первый пустилъ ихъ въ ходъ): будто они устали поклоняться вамъ, небожители.

Всѣ боги тихонько разсмѣялись. — Ну, а дальше что, возлюбленный?—спросили они.

— Чтобы скрыть эту усталость, они, мои люди, станутъ сначала приносить тебѣ, Шива, и тебѣ, Ганешъ, болѣе щедрыя жертвы, будутъ громче славословить васъ. Но слова расходятся все дальше, и скоро они станутъ меньше давать вашимъ жирнымъ браминамъ. Послѣ этого они забудутъ ваши жертвенники,

но это будетъ дѣлаться постепенно, такъ что никто не скажетъ, когда именно началось это забвенiе.

— Я такъ и знала, я такъ и знала! Я то же самое говорила, но они не хотѣли меня слушать,—сказала тигрица.—Мы должны были убивать, мы должны были убивать.

— Теперь уже поздно. Вы должны были убивать съ самаго начала, когда люди, пришедшiе изъ-за моря, еще ничему не учили мой народъ! Теперь мой народъ видитъ, что они дѣлаютъ, и это заставляетъ его думать. Онъ думаетъ не о небожителяхъ. Онъ думаетъ объ огненныхъ каретахъ и о другихъ вещахъ, которыя сдѣлали строители мостовъ, и когда ваши жрецы протягиваютъ руку и просятъ милостыни, онъ даетъ неохотно и мало. Этимъ начинается у одного, у двухъ, у пяти, или у десяти, а я, живя среди своего народа, знаю, что дѣлается въ сердцахъ людей.

— А въ концѣ концовъ, утѣха боговъ? Что будетъ въ концѣ?—спросилъ Ганешъ.

— Въ концѣ будетъ то, что было въ началѣ, о, лѣнивый сынъ Шивы! Пламя угаснетъ на жертвенникахъ и слова молитвы на устахъ, и вы снова сдѣлаетесь мелкими божками, божествами джунглей, имена которыхъ крысоловы и собаколовы шепчутъ, охотясь въ кустахъ и въ ямахъ, бѣдными богами, богами дерева, богами деревенской межи, какъ вы были вначалѣ. Таковъ будетъ твой конецъ, Ганешъ, и твой, Бхайронъ, богъ простонародья.

— Это еще очень не скоро будетъ,—проворчалъ Бхайронъ.—Значитъ, это неправда.

— Многiя женщины цѣловали Кришну. Онѣ разсказали ему все это, чтобы развеселить собственныя сердца, когда на головахъ ихъ появились сѣдые волоса, а онъ передаетъ намъ эти сказки,—пробормоталъ быкъ.

— Ихъ боги пришли и мы подмѣнили ихъ; мы можемъ передѣлать всѣхъ ихъ боговъ,—сказалъ Гануменъ.

— Ихъ боговъ! Дѣло вовсе не въ ихъ богахъ. Дѣло въ народѣ. Народъ двигается, а вовсе не боги мостостроителей.

— Пусть будетъ такъ. Я заставилъ одного человѣка покланяться огненной каретѣ, когда она стояла и пускала дымъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что поклоняется мнѣ,—сказалъ Гануменъ, обезьяна.

— Они только немножко перемѣнятъ имена своихъ боговъ, вотъ и все. Я буду по прежнему руководить мостостроителей; Шивѣ будутъ поклоняться въ школахъ всѣ тѣ, кто сомнѣвается и презираетъ своихъ ближнихъ; Ганешу будутъ принадлежать его магаюнсы, а Бхайрону погонщики ословъ, пилигримы и продавцы игрушекъ. Возлюбленный, они только перемѣнятъ имена, а это мы видали тысячу разъ.

— Конечно, они только перемѣнятъ имена,—повторилъ и Ганешъ,—но видно было, что боги не спокойны.

— Они перемѣнятъ не одни только имена. Только меня одного они не могутъ убить, пока дѣвушка и мужчина ищутъ встрѣчи, пока весна слѣдуетъ за зимними дождями. Небожители, я не напрасно ходилъ по землѣ. Мои люди теперь еще не знаютъ, что они знаютъ; но я, живущій среди нихъ, я читаю въ ихъ сердцахъ. Великіе владыки, начало конца настало. Огненныя кареты кричатъ имена новыхъ боговъ, и это вовсе не старые боги подъ иными именами. Пейте и ѣшьте, какъ можно больше! Наслаждайтесь дымомъ жертвенниковъ, пока они не остыли! Берите приношенія, слушайте музыку барабановъ и кимваловъ, небожители, пока вамъ еще приносятъ цвѣты и пѣснопѣнія. По тому, какъ люди считаютъ время, конецъ еще не близокъ, но по тому, какъ разсуждаемъ мы, всевѣдующіе, онъ придетъ сегодня. Я сказалъ.

Молодой богъ умолкъ, и его собратья переглядывались въ молчаньи.

— Этого я никогда прежде не слыхалъ,—прошепталъ Перу на ухо своему товарищу.—А все-таки иногда, когда я мазалъ масломъ машину на «Гурко», мнѣ приходило въ голову, неужели наши жрецы въ самомъ дѣлѣ ужъ такіе умные, такіе умные? Скоро разсвѣтетъ, сагибъ. Они уйдутъ передъ утромъ.

Желтоватый свѣтъ разлился по небу, и съ исчезновеніемъ темноты шумъ рѣки измѣнился.

Вдругъ слонъ громко заревѣлъ, точно будто человѣкъ ударилъ его.

— Пусть Индра разсудитъ. Отецъ всѣхъ, говори! Скажи свое слово о томъ, что мы сейчасъ слышали? Лжетъ Кришна или...

— Вы знаете,—сказалъ олень, поднимаясь на ноги,—вы знаете загадку боговъ. Когда Брама перестанетъ грезить, и небо, и адъ, и земля исчезнутъ. Будьте довольны. Брама еще грезитъ. Сонныя грезы приходятъ и уходятъ, содержаніе грезъ мѣняется, но Брама еще грезитъ! Кришна слишкомъ долго ходитъ по землѣ, но я еще больше полюбилъ его за то, что онъ сейчасъ разсказалъ. Всѣ боги мѣняются, возлюбленный, всѣ, кромѣ одного!

— Да, кромѣ одного, кромѣ того, кто сѣетъ любовь въ сердца людей,—сказалъ Кришна, завязывая свой поясъ.—Подождите немного, и вы увидите, солгалъ-ли я.

— Правду ты говоришь, надо немного подождать, и мы узнаемъ. Возвращайся къ своимъ мужикамъ, возлюбленный, и распространяй веселье среди молодежи, ибо Брама еще грезитъ. Идите, дѣти! Брама грезитъ, а пока онъ не проснется, боги не умрутъ.

— Куда они ушли?—сказалъ ласкарецъ, дрожа отъ холода и охватившаго его ужаса.

— Богъ знаетъ!—отвѣчалъ Финдлейсонъ.

Рѣка и островъ были теперь озарены яркимъ дневнымъ свѣтомъ, и на сырой землѣ подъ деревомъ не видно было никакихъ слѣдовъ, ни копытъ, ни лапъ. Только попугай кричалъ въ вѣтвяхъ его и махалъ крыльями, сбрасывая цѣлые потоки воды.

— Вставайте! мы окоченѣли отъ холода! Прошло дѣйствіе опіума? Можете вы двигаться, сагибъ?

Финдлейсонъ поднялся на ноги и стряхнулся. Голова его болѣла и кружилась, но дѣйствіе опіума прошло и, помочивъ себѣ лобъ водою изъ лужи, главный инженеръ моста Каши сталъ въ недоумѣніи раздумывать, какъ онъ попалъ на этотъ островъ, какъ ему выбраться съ него и, главное, что сталось съ его мостомъ.

— Перу, я какъ-то не все помню. Я былъ около сторожевой башни и смотрѣлъ на рѣку; а потомъ... неужели насъ снесло водой?

— Нѣтъ. Барки отвязались, сагибъ, и (если сагибъ забылъ про опіумъ, Перу, конечно, не станетъ напоминать ему), когда мы старались привязать ихъ, мнѣ кажется,—въ темнотѣ плохо было видно,—какая-то веревка задѣла сагиба и сбросила его въ лодку. Я подумалъ, что вѣдь мы съ вами вдвоемъ, ну, и вмѣстѣ съ Гичкокъ сагибомъ, конечно, строили мостъ, и тоже вскочилъ на эту лодку. Лодку понесло водой прямо на носъ этого острова и здѣсь насъ выбросило на землю. Я громко закричалъ, когда лодка вышла изъ затона, навѣрно Гичкокъ сагибъ пріѣдетъ за нами. А что касается моста,—такъ много людей умерло при постройкѣ его, что онъ не можетъ рушиться.

Послѣ бури на небѣ засіяло яркое солнце, подъ лучами котораго поднялись самые разнообразные запахи изъ смоченной земли; при свѣтѣ его исчезли всѣ призраки мрачной ночи. Финдлейсонъ смотрѣлъ вверхъ по рѣкѣ черезъ блестѣвшія струи воды, пока у него не заболѣли глаза. Берега Ганга исчезли, не видно было ни малѣйшаго признака моста.

— Насъ унесло далеко по теченію,—проговорилъ онъ.— Удивительно, какъ мы сто разъ не потонули.

— Это еще не большое чудо, ни одинъ человѣкъ не умираетъ раньше положеннаго ему времени. Я видалъ Сидней, я видалъ Лондонъ и десятки большихъ портовъ, но — Перу заглянулъ въ темный обветшалый храмъ подъ деревомъ — никто изъ людей не видалъ того, что мы здѣсь видѣли.

— Что такое?

— Развѣ сагибъ забылъ? или развѣ только мы, черные, видимъ боговъ?

— У меня былъ жаръ.—Финдлейсонъ продолжалъ съ тревогой глядѣть на воду.—Мнѣ казалось, что островъ наполненъ какими-то людьми и животными, которые ведутъ между собой

разговоры, но я ничего не помню. Теперь, пожалуй, лодка могла бы проѣхать по рѣкѣ.

— Ого! Значить, это правда. «Когда Брама перестанетъ грезить, боги умрутъ». Теперь я знаю, что это значитъ. Одинъ разъ гуру сказалъ мнѣ что-то такое, но тогда я не понялъ. Теперь я понимаю.

— Что такое?—спросилъ Финдлейсонъ, взглянувъ на него черезъ плечо.

Перу продолжалъ, какъ будто говорилъ самъ съ собой:

— Шесть, семь, десять муссоновъ тому назадъ, я стоялъ на вахтѣ на «Ревалѣ», большомъ компанейскомъ кораблѣ, и начался сильный тифонъ, вздымавшій зеленыя и черныя волны. Я крѣпко держался за перила и меня безпрестанно обливало водой. Тогда я сталъ думать о богахъ, о тѣхъ, которыхъ мы видѣли сегодня ночью. — Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Финдлейсона, стоявшаго къ нему спиной, но бѣлолицый человѣкъ продолжалъ смотрѣть на рѣку. — Да, я думалъ о тѣхъ, кого мы видѣли сегодня ночью, и я просилъ ихъ защитить меня. И пока я молился, продолжая глядѣть впередъ, налетѣла громадная волна, подхватила меня и бросила на кольцо большого чернаго якоря, а «Ревалъ» поднялся высоко высоко, наклонившись на лѣвую сторону, и вода ушла изъ подъ его носа; а я лежалъ на животѣ и смотрѣлъ внизъ въ бездонную глубину; я былъ на волосъ отъ гибели и въ то же время думалъ: если я перестану держаться, я умру и не увижу никогда больше ни «Реваля», ни своего мѣста въ кухнѣ, гдѣ варится рисъ, ни Бомбея, ни Калькуты, ни Лондона. Почему я знаю, говорилъ я самому себѣ, что тѣ боги, которымъ я молюсь, въ самомъ дѣлѣ существуютъ?—Только что я это подумалъ, какъ «Ревалъ» опустилъ свой носъ, точно большой молотъ, и вода залила его и снесла меня назадъ на бакъ, перенесла черезъ бакъ, и я сильно ударился спиной о загородку машиннаго отдѣленія: но я не умеръ и увидѣлъ, что боги есть. Они очень добры къ живущимъ людямъ, ну, а послѣ смерти... Они сами высказались сегодня. За то, какъ только я приду въ деревню, я поколочу гуру, зачѣмъ онъ говоритъ загадками, когда ничего нѣтъ загадочнаго. Когда Брама перестанетъ грезить, боги исчезнутъ.

— Посмотрите на рѣку. Свѣтъ слѣпитъ мнѣ глаза. Виднѣется тамъ дымокъ?

Перу застѣнилъ глаза рукою.

— Онъ умный и проворный человѣкъ, Гичкокъ сагибъ, онъ не рѣшился ѣхать въ лодкѣ. Онъ взялъ паровой катеръ Рао сагиба и ѣдетъ искать насъ. Я всегда говорилъ, что намъ надобно около моста держать свой собственный паровой катеръ.

Земли Рао Бараонъ находились въ десяти миляхъ отъ моста. Финдлейсонъ и Гичкокъ проводили значительную часть

своего короткаго свободнаго времени, играя на билльярдѣ и охотясь на черныхъ оленей съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Его въ теченіе пяти или шести лѣтъ воспитывалъ англичанинъ-гувернеръ, любитель всякаго рода спорта, и теперь онъ щедрою рукою тратилъ доходы, которые индійское правительство скопило ему за время его малолѣтства. Паровой катеръ съ поручнями накладного серебра, съ полосатымъ шелковымъ тентомъ и палубами чернаго дерева былъ его новой игрушкой, которую Финдлейсонъ сильно раскритиковалъ, когда Рао пріѣзжалъ осматривать мостъ.

— Какое счастье,—прошепталъ Финдлейсонъ, но онъ все таки сильно безпокоился, что ему скажутъ на счетъ моста.

Блестящая труба катера, синяя съ бѣлыми полосами, быстро двигалась внизъ по рѣкѣ. Они увидѣли Гичкока, который стоялъ на носу, держа въ рукахъ бинокль, и былъ необычайно блѣденъ. Перу громко закричалъ, и катеръ повернулъ къ острову.

Рао сагибъ въ охотничьемъ костюмѣ и чалмѣ всѣхъ цвѣтовъ радуги сдѣлалъ имъ знакъ рукой, а Гичкокъ крикнулъ привѣтствіе, но онъ не успѣлъ ничего сказать, такъ какъ первый вопросъ Финдлейсона былъ о мостѣ.

— Все благополучно! Право, я думалъ, что никогда больше не увижу васъ, Финдлейсонъ. Васъ унесло по теченію за семь миль. Да, ни одного камня не вырвало ни откуда; но какъ вы себя чувствуете? Я попросилъ Рао сагиба одолжить его катеръ, а онъ былъ такъ добръ, что самъ поѣхалъ. Скачите сюда!

— Э, Финдлейсонъ, вы живы и здоровы, не правда ли? Э? Такого бѣдствія, какъ въ прошлую ночь, никогда не бывало, э? Мой дворецъ весь промокъ, какъ чортъ, и жатва на моихъ поляхъ вся уничтожена. Вы поведете его назадъ, Гичкокъ? Я не умѣю управлять машинами. Вы промокли? Вы прозябли, Финдлейсонъ? У меня есть здѣсь закусочка,выпейте хорошій глотокъ вина.

— Безконечно благодаренъ, Рао сагибъ. Мнѣ кажется, вы спасли мнѣ жизнь. Какъ могъ Гичкокъ?..

— Ого! Онъ страхъ какъ волновался. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ и разбудилъ меня, когда я былъ въ объятіяхъ Морфуса. Я очень встревожился, Финдлейсонъ, и потому тоже поѣхалъ. Мой главный жрецъ сердится на меня. Поѣдемъ поскорѣй, мистеръ Гичкокъ. Въ три четверти перваго я долженъ быть въ храмѣ, гдѣ мы освящаемъ какого-то новаго идола. Если бы не это, я попросилъ бы васъ провести весь день со мной. Чертовски скучны всѣ эти религіозныя церемоніи, Финдлейсонъ, э?

Перу, котораго команда катера отлично знала, взялся за руль и сильною рукою велъ катеръ противъ теченія. Но въ это время онъ мысленно держалъ въ рукѣ полуразсученный конецъ веревки и колотилъ имъ по спинѣ своего гуру.

II.

Человѣкъ, который хотѣлъ стать королемъ.

Переводъ съ анлійскаго Л. Р.

Начало всей этой исторіи произошло на поѣздѣ, отправлявшемся изъ Ажмира въ Мхоу. Дефицитъ моего бюджета заставлялъ меня ѣхать не во второмъ классѣ, который только на половину дешевле перваго, а въ третьемъ, а онъ, по истинѣ, ужасенъ. Подушекъ въ немъ не полагается, а публика состоитъ или изъ туземцевъ, которые слишкомъ нечистоплотны для продолжительнаго ночного путешествія, или—изъ бродягъ; а послѣдніе были бы очень забавны, если бъ не имѣли обыкновенія напиваться допьяна.

Третій классъ не одобряетъ буфетовъ, потому что его публика возитъ продовольствіе въ узелкахъ и карманахъ, покупаетъ сладости у туземныхъ разносчиковъ и пьетъ воду, встрѣчающуюся по пути.

По счастію, мое отдѣленіе вагона было пусто до самаго Назирабада, гдѣ въ него вошелъ громаднаго роста джентльмэнъ съ очень узкими рукавами и остался въ немъ цѣлый день. Онъ былъ, какъ и я, праздношатающійся путешественникъ, но только съ замѣтнымъ пристрастіемъ къ виски. Онъ наболталъ мнѣ много небылицъ о томъ, что онъ видѣлъ и дѣлалъ, разсказывалъ о необыкновенныхъ захолустьяхъ Имперіи, куда онъ пробирался,—о приключеніяхъ, въ которыхъ рисковалъ жизнью изъ-за того, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. «Если бъ въ Индіи было побольше людей, похожихъ на насъ съ вами, которые, какъ вороны, не заботятся о томъ, гдѣ добыть имъ пропитаніе на завтра, страна давала бы не 70 милліоновъ доходовъ, а 700 милліоновъ», сказалъ онъ, и когда я посмотрѣлъ хорошенько на его ротъ и подбородокъ, то готовъ былъ съ нимъ согласиться. Мы болтали о политикѣ, осуждая ее съ точки зрѣнія бродягъ, которые видятъ вещи не съ показной стороны,—и говорили о почтовыхъ правилахъ, потому что моему пріятелю нужно было послать назадъ въ Ажмиръ телеграмму со слѣдующей станціи, которая представляетъ поворотъ отъ Бомбея къ линіи Мхоу, если вы ѣдете на западъ.

Но у моего пріятеля было только 8 монетъ, необходимыхъ ему для обѣда, а у меня тоже было не много, по случаю

небольшой заминки въ бюджетѣ, о которой я уже упоминалъ. Кромѣ того, я отправлялся въ такое глухое мѣсто, гдѣ—если бъ и захотѣлъ войти въ соприкосновеніе съ казначействомъ—не существовало телеграфнаго вѣдомства. Слѣдовательно, я никоимъ образомъ не могъ ему помочь.

— Мы могли бы попросить телеграфиста послать депешу въ кредитъ,—сказалъ мой пріятель,—но тогда о насъ обоихъ будутъ наводить справки, а это меня задержитъ порядкомъ. Вы говорили, что черезъ нѣсколько дней поѣдете по этой линіи обратно?

— Черезъ десять дней,—отвѣчалъ я.

— Нельзя ли черезъ восемь?—спросилъ онъ.—У меня очень спѣшное дѣло.

— Я могу послать вашу телеграмму черезъ десять дней, если моя услуга будетъ вамъ тогда полезна,—сказалъ я.

— Я думаю, что мнѣ не слѣдуетъ сейчасъ посылать депешу. Онъ выѣдетъ изъ Дели двадцать третьяго въ Бомбей. Стало быть, будетъ проѣзжать черезъ Ажмиръ въ ночь на двадцать третье.

— А я ѣду въ Индійскую пустыню,—объяснялъ я.

— Отлично,—продолжалъ онъ.—Вы измѣните свой путь при скрещеніи въ Марварѣ и проѣдете черезъ Жодпоръ—вы должны такъ сдѣлать—а онъ будетъ въ Марварѣ съ бомбейскимъ почтовымъ поѣздомъ рано утромъ 24-го. Можете вы быть къ этому времени въ Марварѣ? Для васъ въ этомъ не будетъ никакого неудобства, такъ какъ я знаю, что въ городахъ центральной Индіи мало интереснаго, — будь вы даже корреспондентомъ Backwoodsman'а

— А развѣ вы когда нибудь пробовали эту штуку?—спросилъ я.

— Нѣсколько разъ, но только дипломатическіе агенты быстро разнюхивали и высылали меня на границу. Однако, вернемся къ моему другу: я непремѣнно долженъ извѣстить его о себѣ, иначе онъ не будетъ знать, куда ему идти. Вы были бы очень обязательны, если бъ, выѣхавъ въ извѣстное время изъ центральной Индіи, отыскали его въ Марварѣ и сказали: «онъ на недѣлю ушелъ на югъ». Онъ ужъ пойметъ, что это значитъ. Я опишу вамъ его: это человѣкъ высокаго роста, съ красной бородой и очень сильный. Вы найдете его въ отдѣленіи второго класса, спящимъ, какъ джентльмэнъ. Не пугайтесь этого, спустите окно и скажите:—«онъ ушелъ на недѣлю на югъ»—и онъ сейчасъ же повернется. Вѣдь все это сократитъ только на два дня время вашихъ остановокъ въ тѣхъ мѣстахъ.

— Откуда вы ѣдете?—спросилъ я.

— Съ востока,—отвѣчалъ онъ,—и я надѣюсь, что вы передадите ему порученіе... Ради моей матери, также и ради вашей собственной.

Англичане не часто трогаютъ сердца воззваніями къ памяти своихъ матерей, но, по нѣкоторымъ причинамъ, которыя будутъ вполнѣ ясны, я думалъ согласиться.

— Это такіе пустяки,—продолжалъ онъ,—поэтому-то я и прошу васъ и знаю, что могу надѣяться на васъ, и вы исполните все. Вагонъ 2-го класса на Марварскомъ скрещеніи, и спящій въ немъ рыжій человѣкъ. Вы навѣрное не забудете. Я сейчасъ выхожу на слѣдующей станціи и долженъ оставаться тамъ, пока онъ не придетъ или не пришлетъ того, что мнѣ необходимо.

— Я передамъ порученіе, если найду его,—отвѣчалъ я, но, ради вашей матери и своей, дамъ вамъ совѣтъ: не пытайтесь больше проѣзжать черезъ штаты центральной Индіи подъ видомъ корреспондента Backwoodsman'а. Можете натолкнуться на настоящаго, а это поведетъ къ непріятностямъ.

— Благодарю васъ,—просто сказалъ онъ,—но когда же тронется эта свинья? Я могу издохнуть съ голоду...

Онъ вышелъ на маленькой станціи, а я задумался. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать о господахъ, выдающихъ себя за газетныхъ корреспондентовъ и пугающихъ маленькіе штаты угрозами огласки, но я до сихъ поръ не встрѣчалъ ихъ. Они ведутъ тяжелую жизнь и обыкновенно внезапно исчезаютъ неизвѣстно куда. Туземные штаты питаютъ настоящій ужасъ къ англійскимъ газетамъ, которые могутъ бросить свѣтъ на ихъ особенные способы управленія, и дѣлаютъ все, чтобы спаивать корреспондентовъ шампанскимъ и выпроваживать ихъ поскорѣе отъ себя.

Они не хотятъ понять, что никому нѣтъ дѣла до такихъ пустяковъ, какъ внутреннее управленіе туземныхъ штатовъ, до тѣхъ поръ, пока царитъ безъ границъ угнетеніе и злодѣяніе, пока правящіе штатами не перестанутъ быть ни къ чему не годными,—пьянствовать или болѣть въ продолженіе цѣлыхъ годовъ. Туземные штаты созданы провидѣніемъ только затѣмъ, чтобы доставлять разныя декораціи, тигровъ, всевозможныя небылицы и т. п. Они представляютъ собой темныя мѣстечки земного шара, наполненныя невообразимымъ жестокосердіемъ, которыя одной своей стороной соприкасаются съ желѣзной дорогой и телеграфомъ, а другой — съ временами Гарунъ-аль-Рашида.

Когда я оставилъ вагонъ, мнѣ пришлось вступить въ сношенія съ разными королями и въ теченіе восьми дней испытать разнообразныя измѣненія образа жизни. Иногда я облекался въ парадныя одежды, посѣщалъ принцевъ и государственныхъ дѣятелей, пилъ изъ хрусталя и ѣлъ съ серебра. Иногда—лежалъ прямо на голой землѣ, съ жадностью питался тѣмъ, что попадалось подъ руку, запивая протекающей вблизи

водой, и спалъ съ моимъ слугой подъ однимъ грубымъ одѣяломъ.

Я покончилъ съ Великой Индійской Пустыней въ то самое число, какъ предполагалъ раньше, и поѣздъ высадилъ меня на Марварскомъ скрещеніи, откуда направляется въ Джодпоръ до смѣшного крошечная желѣзная дорога. Бомбейскій почтовый поѣздъ изъ Дели недолго стоитъ въ Марварѣ. Онъ уже былъ тамъ, когда я пріѣхалъ, и у меня едва хватило времени, чтобы перейти на его платформу и обойти вагоны. Во всемъ поѣздѣ былъ только одинъ вагонъ 2-го класса. Я опустилъ окно вагона и увидалъ огненно-красную бороду, полузакрытую грубымъ вагоннымъ одѣяломъ. Здѣсь былъ тотъ самый человѣкъ, котораго я искалъ, спавшій крѣпкимъ сномъ, и я тихонько толкнулъ его. Онъ съ бранью приподнялся, и при свѣтѣ лампы я могъ разглядѣть его лицо. Это было широкое, добродушное лицо.

— Опять билеты?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я. — Я пришелъ вамъ сказать, что «онъ ушелъ на недѣлю на югъ».

— Онъ ушелъ на югъ на недѣлю?

Поѣздъ началъ двигаться. Рыжій протеръ глаза. «Онъ на недѣлю ушелъ на югъ»,—повторилъ онъ.—Это какъ разъ похоже на него. Говорилъ онъ, что я долженъ вамъ дать что-нибудь?

— Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ, — отвѣчалъ я, соскакивая съ поѣзда и наблюдая, какъ въ темнотѣ уже погасали его красные огни.

Было страшно холодно, потому что вѣтеръ дулъ съ пустыни. Я проворно вкарабкался въ свой вагонъ и скоро заснулъ. Если бъ бородатый человѣкъ далъ мнѣ рупію, я сохранилъ бы ее на память объ этомъ приключеніи. Но моей единственной наградой оставалось только сознаніе исполненнаго долга.

Потомъ мнѣ пришло въ голову, что два джентльмэна, подобные моимъ пріятелямъ, не добьются ничего хорошаго, разыгрывая роли газетныхъ корреспондентовъ, и могутъ подвергнуться серьезнымъ непріятностямъ, если физіономіи ихъ запомнятъ въ одномъ изъ штатовъ центральной Индіи или южнаго Раджпутана.

Затѣмъ я принялся за свои занятія, возвратился въ свою редакцію, гдѣ не было ни королей, никакихъ приключеній, кромѣ ежедневнаго выпуска газеты. Кажется, должность газетчика внушаетъ каждому понимающему человѣку предразсудокъ дисциплины. Являются лэди отъ различныхъ миссій и неотступно просятъ редактора оставить всѣ свои дѣла для того, чтобы описать христіанскую раздачу наградъ въ какой-нибудь глухой, мало извѣстной деревушкѣ; здѣсь сидятъ полковники

обойденные повышеніемъ, и набрасываютъ очерки цѣлой серіи, состоящей изъ десяти, двѣнадцати, или двадцати четырехъ передовыхъ статей, о старшинствѣ выборовъ; приходятъ странствующія труппы актеровъ и объясняютъ, что не могутъ сейчасъ заплатить за свои объявленія, но, по возвращеніи изъ Зеландіи, или Таити, уплатятъ съ процентами; являются изобрѣтатели всевозможныхъ привилегій и патентовъ съ разными описаніями ихъ въ своихъ карманахъ и длинными часами въ своемъ распоряженіи; представители чайныхъ товариществъ вырабатываютъ свои объявленія здѣсь же; неизвѣстныя лэди врываются со словами: «мнѣ нужна сотня визитныхъ карточекъ, напечатанная сразу», что для нихъ, очевидно, составляетъ часть обязанностей редактора; а каждый изъ разнузданнѣйшихъ разбойниковъ, который когда-либо шатался по Великой Пьяной дорогѣ, считаетъ своимъ долгомъ просить мѣста, рекомендуя себя образцовымъ корректоромъ. И въ продолженіе всего этого времени безумно звонитъ звонокъ телефона, на континентѣ умерщвляютъ королей, мистеръ Гладстонъ созываетъ фурій на британскія владѣнія, и, какъ надоѣдливая пчела, маленькій черный мальчишка визжитъ: «kaapi chay-ha-yech» (требуютъ экземпляра), а большая часть газеты еще ничѣмъ не наполнена.

Однако, это еще самая интересная часть года. Есть еще другіе 6 мѣсяцевъ, когда никто даже и не заглядываетъ въ редакцію: термометръ, медленно поднимаясь, доходитъ до самой верхушки стеклянной трубки, дневной свѣтъ такъ слабъ, что еле можно разбирать корректуру; печатныя машины раскалены до-красна, и никто ничего не пишетъ, кромѣ отчетовъ объ увеселеніяхъ или извѣщеній о смерти. Въ эту пору телефонъ становится звенящимъ предметомъ ужаса, потому что только и говоритъ вамъ о внезапныхъ смертяхъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ вы близко знали, а удручающій зной душитъ васъ въ то время, когда вы сидите и пишете: «Носится слухъ о незначительномъ увеличеніи заболѣваній въ округѣ Ходa-Джанта-Ханъ. Проявленіе болѣзни въ основѣ не эпидемическое, и, благодаря энергическимъ усиліямъ мѣстныхъ властей, болѣзнь почти уже прекратилась. Но, тѣмъ не менѣе, съ глубочайшимъ сожалѣніемъ, извѣщаемъ о смерти» и т. д.

Потомъ эпидемія дѣйствительно разражается, и слуховъ и свѣдѣній для успокоенія подписчиковъ становится все меньше и меньше. Это—самое мрачное время для газеты, и, какъ говорится въ объявленіяхъ, «его надо испытать, чтобы оцѣнить».

Въ этотъ самый сезонъ, замѣчательно плохой сезонъ, газета выходила своимъ послѣднимъ недѣльнымъ выпускомъ въ ночь субботы, т. е. въ воскресенье утромъ, по обычаю лондонскихъ газетъ. Въ этомъ заключалось для меня значительное

удобство, такъ какъ сейчасъ же послѣ выпуска можно было отправляться спать: разсвѣтъ на полчаса понижалъ термометръ съ 96° до 84-хъ, а въ этой прохладѣ усталый человѣкъ можетъ заснуть, пока не разбудитъ его жара.

Въ одну изъ такихъ субботъ было мое дежурство. Король, или царедворецъ, или какое-то государство должны были умереть, или дать новую конституцію; вообще — сдѣлать что-то, считавшееся очень важнымъ на другой сторонѣ свѣта, и газета должна была ждать до послѣдней минуты, чтобы помѣстить телеграмму объ этомъ.

На дворѣ стояла темная, какъ могила, ночь, такая удушливая и томительная, какая бываетъ только въ іюнѣ, и раскаленный восточный вѣтеръ шумѣлъ въ высохшихъ деревьяхъ, давая обманчивую надежду на дождь. Иногда потокъ почти горячей воды съ шумомъ выливался на пыль, но всѣ утомленные нестерпимымъ зноемъ люди знали, что это былъ только одинъ обманъ. Я сидѣлъ въ комнатѣ, гдѣ находился печатный станокъ, потому что въ ней было нѣсколько прохладнѣе, чѣмъ въ редакторской; станокъ издавалъ однообразный звукъ—тикъ-такъ, ночныя птицы жалобно кричали за окномъ, а голые наборщики обтирали потныя лица и безпрестанно пили воду. Мы не получали того, чего ждали, хотя вѣтеръ шумѣлъ, послѣднія статьи были набраны, а весь земной шаръ, казалось, тихо замеръ въ удушающей жарѣ, приложивъ палецъ къ губамъ, въ ожиданіи великаго событія. Я сквозь дремоту спрашивалъ себя: почему телеграфъ есть благо, и почему этотъ умирающій человѣкъ, или воюющій народъ ничего не знаютъ о тѣхъ неудобствахъ, которыя приходится терпѣть изъ-за нихъ?

Я собирался уйти и отпустить наборщиковъ и уже поднялся съ мѣста, какъ двое какихъ-то людей, закутанныхъ въ бѣлое, предстали предо мной. Первый изъ нихъ сказалъ: «это онъ!» Второй отвѣчалъ: «такъ, онъ самый!» Оба засмѣялись такъ громко, что едва не заглушили шумъ машинъ, и отерли потныя лица.

— Когда мы проснулись во рву, гдѣ спали, такъ какъ тамъ прохладнѣе, и замѣтили черезъ дорогу горящій огонь, я сказалъ моему товарищу: редакція открыта. Пойдемъ туда и потолкуемъ съ нимъ,—произнесъ тотъ, который былъ поменьше. Это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго я встрѣтилъ на поѣздѣ, а товарищъ его—рыжій субъектъ на Марварскомъ скрещеніи. Невозможно было ошибиться ни въ бровяхъ перваго, ни въ бородѣ второго.

Я не очень обрадовался имъ, потому что больше хотѣлъ спать, чѣмъ бесѣдовать съ бродягами.—Что вамъ нужно?—спросилъ я.

— Полчаса поговорить съ вами въ прохладной и удобной

комнатѣ,—отвѣчалъ рыжебородый. — Намъ хотѣлось бы также что-нибудь выпить...—уговоръ еще не начался, Пйши... нечего такъ смотрѣть на меня. Мы дѣйствительно нуждаемся въ вашемъ совѣтѣ, а денегъ намъ не надо.

Я повелъ ихъ въ душную контору, стѣны которой были увѣшаны географическими картами, и рыжій началъ потирать свои руки...

— Вотъ, это подходящее для насъ, — сказалъ онъ. — Это и есть настоящее мѣсто, куда слѣдовало придти. Теперь, сэръ, позвольте представить вамъ брата Пйши Карнегана, это—онъ, и брата Даніеля Драво, это—я, и разсказать покороче о нашихъ профессіяхъ, такъ какъ мы пробовали многія изъ нихъ. Мы были солдатами, матросами, наборщиками, фотографами, корректорами, уличными проповѣдниками и корреспондентами Backwoodsman'a, когда думали, что газета въ этомъ нуждается. Карнеганъ трезвъ, также какъ и я. Посмотрите на насъ и убѣдитесь, что это правда. Вы дадите намъ по штукѣ вашихъ сигаръ и огня.

Дѣйствительно, они были совершенно трезвы, и я далъ имъ тепловатой воды съ коньякомъ.

— Отлично и превосходно,—воскликнулъ Карнеганъ, отирая пѣну съ усовъ. — Теперь дайте мнѣ говорить, Данъ. Мы исходили всю Индію, большею частью пѣшкомъ. Мы были машинистами, мелкими поставщиками и т. п. и рѣшили, что Индія не достаточно обширна для такихъ, какъ мы.

Въ дѣйствительности они сами были слишкомъ обширны для конторы. Когда они сѣли за столъ, то казалось, что борода Драво заняла одну половину комнаты, а плечи Карнегана — другую. Карнеганъ продолжалъ:

— Все въ странѣ недодѣлано и на половину, потому что тѣ, которые управляютъ ею, не позволяютъ никому прикоснуться до нея. Они тратятъ все свое время на управленіе страной, а вы не смѣете ни поднять лопату, ни отломить кусочекъ скалы, не можете ступить шагу безъ того, чтобы правительство не сказало: «оставьте, мы управляемъ сами». Вслѣдствіе того, что дѣло поставлено такъ, мы и хотимъ оставить страну и уйти въ какое нибудь другое мѣсто, гдѣ не такъ тѣснятъ человѣка и онъ можетъ взять, что ему принадлежитъ. Мы не малолѣтніе и боимся только выпивки, но на счетъ ея подписали условіе. Мы уходимъ отсюда затѣмъ, чтобы сдѣлаться королями.

— Дѣйствительно, королями,—пробормоталъ Драво.

— Да, конечно,—отвѣчалъ я.—Вы сегодня много бродили по солнцу, а ночь и до сихъ поръ слишкомъ душна.

— Мы не выпили и не получили солнечнаго удара,—возразилъ Драво,—и просимъ только взглянуть на книги и атласы,

такъ какъ рѣшили, что на свѣтѣ теперь есть только одно мѣсто для такихъ людей, какъ мы. Его называютъ Кафиристаномъ. По моему разумѣнію, онъ находится на верхушкѣ праваго угла Афганистана, не далѣе 300 миль отъ Пешавера. Тамъ есть тридцать два языческихъ идола, а мы хотимъ быть тридцать третьимъ. Это горная страна, и ея женщины очень красивы.

— Но вѣдь это предусмотрѣно въ условіи,—сказалъ Карнеганъ.—Ни женщинъ, ни водки, Даніель!

— Вотъ все, что мы знаемъ; можно прибавить, что ни одинъ человѣкъ не былъ тамъ, а жители постоянно ведутъ войны, но во всякомъ мѣстѣ, гдѣ дерутся, человѣкъ, умѣющій научить людей—какъ надо драться, можетъ всегда стать королемъ. Мы войдемъ въ тѣ страны и скажемъ какому-нибудь королю, котораго встрѣтимъ—хочешь побѣдить своихъ враговъ? и покажемъ ему, какъ обучить людей, потому что это намъ извѣстно лучше, чѣмъ что либо другое. Потомъ мы ниспровергнемъ этого короля, завладѣемъ его трономъ и установимъ династію.

— Вы будете изрублены въ куски, прежде чѣмъ пройдете пятую милю послѣ границы,—сказалъ я.—Вы должны пройти черезъ Афганистанъ, чтобы добраться до этой страны. Она вся состоитъ изъ горъ, вершинъ и ледниковъ, и ни одинъ англичанинъ не проѣхалъ черезъ нее. Жители ея—чистые звѣри, и если даже вы доберетесь туда, вамъ ничего не удастся сдѣлать.

— Это возможно,—отвѣтилъ Карнеганъ.—Чѣмъ больше вы считаете насъ за сумасшедшихъ, тѣмъ намъ пріятнѣе. Мы пришли къ вамъ затѣмъ, чтобы узнать что-нибудь объ этой странѣ, почитать о ней въ книгѣ и взглянуть на карту. Намъ и надо, чтобы вы обозвали насъ дураками и все-таки показали ваши книги.—Онъ повернулся къ книжному шкафу.

— Вы говорите все это серьезно?—спросилъ я.

— Немножко,—отвѣчалъ Драво.—Какъ бы ни была обширна карта, которую вы достанете, и если то мѣсто, Кафиристанъ, совершенно ничѣмъ не занято, мы все-таки пойдемъ.

Я снялъ большую карту Индіи и двѣ меньшія, пограничныхъ странъ, стащилъ томъ Encyclopedia Britanica, и оба начали свои справки.

— Смотрите сюда,—говорилъ Драво, водя указательнымъ пальцемъ по картѣ. Вверхъ къ Жагдаллаку дорога извѣстна мнѣ и Пиши. Мы шли тамъ съ арміей Роберта. Мы повернемъ отъ Жагдаллака вправо черезъ территорію Лагмана. Потомъ поднимемся черезъ горы — тысячи на 4 футовъ — здѣсь будетъ трудновато, но по картѣ это не особенно далеко.

— У нихъ смѣшанные участки, — задумчиво произнесъ Драво,—и это поможетъ намъ узнать имена ихъ племенъ. Чѣмъ

больше племенъ, тѣмъ больше они дерутся, а это лучше для насъ. Отъ Жагдаллака къ Ашану. Гм!..

— Но всѣ свѣдѣнія относительно страны представляютъ только самый бѣглый обзоръ и очень не точны,—возражалъ я.— На самомъ дѣлѣ никто ничего не знаетъ о ней. Вотъ каталогъ United Services Institute. Прочтите, что говоритъ Беллью..

— Долой Беллью!—сказалъ Карнеганъ и, молча, углубился въ книги и карты.

Я курилъ, пока они изучали Вуда и карты энциклопедіи.

— Вамъ нечего насъ дожидаться, вѣжливо произнесъ Драво. Теперь уже около 4-хъ. Мы уйдемъ не раньше 6-ти часовъ, и вы можете лечь; мы не украдемъ никакой бумаги. Мы, вѣдь только два безвредныхъ безумца, а если вы завтра вечеромъ придете къ Сераю, то мы простимся съ вами на долго.

— Вы двое сумасшедшихъ,—отвѣтилъ я,—и вернетесь съ границы назадъ или будете изрублены въ куски въ ту же минуту, какъ переступите въ Афганистанъ. Нужны вамъ деньги или рекомендаціи для путешествія? Я буду имѣть на будущей недѣлѣ случай вамъ помочь.

— На будущей недѣлѣ мы сами будемъ безъ устали работать, благодарю васъ, — сказалъ Драво.—Сдѣлаться королями не такъ-то легко, какъ кажется. Когда мы добудемъ себѣ наше королевство, мы дадимъ вамъ знать, и вы можете придти къ намъ и помочь управлять имъ.

— Ну, развѣ могутъ два сумасшедшихъ составить подобный договоръ?—сказалъ со сдержанной гордостью Карнеганъ, показывая мнѣ грязный клочекъ бумаги, на которомъ было написано слѣдующее (въ виду оригинальности этого документа, я списалъ его):

«1) Я и вы рѣшимъ это дѣло вмѣстѣ, т. е. будемъ королями Кафиристана.

2) Ни вы, ни я, пока не рѣшится это дѣло, не взглянемъ ни на напитки, ни на какую бѣлую, или темную женщину, потому что сношенія съ первыми и вторыми—опасны.

3) Обѣщаемъ вести себя съ благоразуміемъ и достоинствомъ, и если одинъ изъ насъ очутится въ затруднительномъ положеніи, другой будетъ при немъ.

Подписано мною и вами: Пичи Тальяферо Карнеганъ. Даніель Драво. Оба—джентльмэны на свободѣ».

— Въ послѣднемъ пунктѣ не было необходимости,—сказалъ Карнеганъ, скромно краснѣя,—но съ нимъ договоръ выглядитъ правильнѣе. Теперь вы знаете бродягъ,—а мы бродяги, Данъ, пока не выйдемъ изъ Индіи—и неужели вы думаете, что мы подписали бы подобный договоръ, если бъ не относились ко всему серьезно? Мы отказались отъ двухъ вещей, которыя скрашиваютъ жизнь.

— Вы гораздо дольше пользовались бы жизнью, если бъ не пыталиеь пускаться въ это нелѣпое предпріятіе. Не подожгите контору и уходите до 9 часовъ, — отвѣчалъ я.

Я оставилъ ихъ склоненными надъ картами и дѣлающими замѣтки на обратной сторонѣ «договора». «Непремѣнно приходите завтра въ Серай», были ихъ послѣднія слова.

Кумхартенскій Серай представляетъ собой грязное четырехугольное пространство, гдѣ навьючиваютъ и развьючиваютъ лошадей и верблюдовъ. Здѣсь можно встрѣтить всѣ націи центральной Азіи и большинство населенія собственно Индіи Балки и бухарцы встрѣчаются здѣсь съ бомбейцами и бенгальцами, и здѣсь же вырываютъ желающимъ зубы. Вы можете купить въ Кумхартенскомъ Сераѣ пони, бирюзу, персидскихъ котятъ, сѣдельныя сумки, жирно-хвостыхъ барановъ, мускусъ и пріобрѣсти за ничто кучу удивительныхъ вещей.

Въ полдень я отправился туда взглянуть, сдержатъ ли мои пріятели свое слово, или они уже лежатъ гдѣ-нибудь пьяные.

Жрецъ, одѣтый въ лохмотья изъ разныхъ лентъ и тряпокъ, гордо выступалъ сзади меня, серьезно вертя бумажную игрушечную юлу. Сзади него шелъ слуга, согнувшійся подъ тяжестью плетеной корзины, наполненной глиняными бездѣлушками. Оба вели двухъ верблюдовъ, и находившіеся въ Сераѣ слѣдили за жрецомъ, испуская громкіе взрывы смѣха.

— Жрецъ сумасшедшій,—сказалъ мнѣ торговецъ лошадьми.— Онъ идетъ торговать бездѣлушками въ Кабулъ. Или онъ возвысится до почестей, или ему срубятъ голову. Сегодня утромъ онъ пришелъ сюда и все время ведетъ себя, какъ безумный.

— Безумные находятся подъ покровительствомъ Бога, — пробормоталъ кто то.—Они предсказываютъ будущія событія.

— Ахъ если бъ они могли раньше предсказать, что мой караванъ изрѣжутъ шинварисы,—проворчалъ агентъ торговаго дома изъ Раджпутана. Его товары измѣнническимъ образомъ попали на границѣ въ руки разбойниковъ, и это обстоятельство служило предметомъ шутокъ для всего базара.—Оэ, жрецъ, откуда ты и куда идешь?

— Я иду изъ Рима,—закричалъ жрецъ, вертя свою юлу;— изъ Рима, гонимый черезъ море дыханіемъ сотни дьяволовъ. О! воры, грабители, разбойники, лжецы!.. Благословеніе Пиръ-Хана на свиньяхъ, собакахъ и клятвопреступникахъ! Кто хочетъ взять покровительствуемаго богомъ на сѣверъ продавать талисманы? Верблюды никогда не будутъ перетирать себѣ кожу, сыновья никогда не станутъ хворать, а жены всегда останутся вѣрными мужьямъ во время ихъ отлучекъ у тѣхъ людей, которые возьмутъ меня въ свой караванъ!.. Покровительство Пиръ-Хана да будетъ надъ ихъ работой!—Онъ вытянулъ полу своего грубаго плаща и вертѣлся между привязанными лошадьми.

— Вотъ черезъ двадцать дней выступаетъ караванъ изъ Пешавера въ Кабулъ,—сказалъ какой-то торговецъ.—Мои верблюды пойдутъ съ нимъ. Иди и ты и принеси намъ счастье.

— Я хочу идти сейчасъ,—закричалъ жрецъ.—Я поѣду на своихъ крылатыхъ верблюдахъ и буду въ Пешаверѣ черезъ день! Хо! Хазаръ-Миръ-Ханъ, — завопилъ онъ слугѣ,—выводи верблюдовъ и помоги мнѣ сѣсть на моего!

Онъ вскочилъ на спину склонившаго колѣна животнаго и крикнулъ, обернувшись ко мнѣ: «Пойди и ты, саибъ, немного по дорогѣ, а я продамъ тебѣ талисманъ-амулетъ, который сдѣлаетъ тебя королемъ Кафиристана».

Свѣтъ озарилъ меня, и я послѣдовалъ за двумя верблюдами изъ Серая; когда мы вышли на открытую дорогу, жрецъ остановился.

— Что вы думаете обо всемъ этомъ?—произнесъ онъ поанглійски.—Карнеганъ не можетъ разговаривать съ ними на ихъ языкѣ, и я переодѣлъ его своимъ слугой. Онъ приличный слуга. Недаромъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ таскался я по странѣ. Развѣ я не чисто говорю? Мы будемъ ковылять за караваномъ до Пешавера, пока не доберемся до Жагдаллака, а тогда постараемся промѣнять своихъ верблюдовъ на ословъ и доплетемся до Кафиристана. Вотъ юлы для эмира! Суньте руку подъ верблюжье сѣдло и скажите, что вы нащупали?

Я ощупалъ прикладъ Мартини, и другой, и третій.—Ихъ всѣхъ двадцать!—спокойно сказалъ Драво.—Ихъ двадцать, а соотвѣтствующіе имъ боевые запасы подъ юлами и глиняными куклами.

— Да поможетъ вамъ небо, если вы попадетесь съ этими вещами, —сказалъ я. — Мартини среди патановъ цѣнится на вѣсъ серебра.

— Пять сотенъ рупій—каждую изъ нихъ мы выпросили, взяли взаймы или стащили — помѣщаются на этихъ двухъ верблюдахъ,—сказалъ Драво.—Мы не попадемся. Черезъ Хайберъ пройдемъ съ настоящимъ караваномъ. Кто тронетъ бѣднаго, безумнаго жреца?

— Все ли вы достали, въ чемъ нуждались? — удивленно спросилъ я.

— Не совсѣмъ, но мы скоро получимъ все. Дайте намъ что-нибудь на память о вашей добротѣ, братъ. Вы оказали мнѣ услугу вчера и тогда—въ Марварѣ. Половина моего царства будетъ ваша, какъ говоритъ пословица.

Я отцѣпилъ отъ своей часовой цѣпочки маленькій компасъ и протянулъ его жрецу.

— Прощайте,—сказалъ Драво, осторожно протягивая мнѣ руку.—Въ послѣдній разъ на долгое время жмемъ мы руку англичанина! Пожми его руку, Карнеганъ, — закричалъ онъ,

когда второй верблюдъ поровнялся со мной. Карнеганъ наклонился и взялъ мою руку. Затѣмъ верблюды зашагали вдоль пыльной дороги, а я остался, удивленный, одинъ. Глазъ мой не могъ различить ни малѣйшей погрѣшности въ одеждахъ переодѣтыхъ. Сцена въ Сераѣ свидѣтельствовала, что и сами туземцы ничего не замѣтили. Все это давало нѣкоторую надежду на то, что Карнеганъ и Драво пройдутъ неузнанными черезъ Афганистанъ. Но дальше они встрѣтятъ смерть — вѣрную и страшную смерть!

Дней черезъ десять, одинъ мой пріятель-туземецъ, сообщая мнѣ изъ Пешавера о новостяхъ дня, такъ заканчивалъ свое письмо: «Здѣсь было много смѣха по поводу одного сумасшедшаго жреца, который собирается продавать мелкія бездѣлушки и дрянные брелоки, приписывая имъ силу чудодѣйственныхъ талисмановъ, его величеству эмиру бухарскому. Жрецъ прошелъ черезъ Пешаверъ и присоединился къ каравану, идущему въ Кабулъ. Купцы очень довольны, потому что, по своему суевѣрію, воображаютъ, что такой безумный товарищъ принесетъ имъ удачу». Итакъ, оба перешли границу. Я собирался помолиться за нихъ, но въ ту ночь въ Европѣ умеръ настоящій король, и это событіе требовало некролога . . . .

Міровое колесо со своими обычными измѣненіями повернулось много разъ. Прошло лѣто и затѣмъ зима, настали вновь и прошли опять. Газета продолжала свое существованіе, также какъ и я свое, и на третье лѣто опять выдалась душная ночь и ночной выпускъ газеты, и напряженное ожиданіе чего-то, что должны телеграфировать изъ другой части свѣта; все было совершенно также, какъ происходило раньше. Незначительное число великихъ людей умерло за два прошедшихъ года, машины работали съ большимъ стукомъ, и нѣкоторые изъ деревьевъ въ саду стали на нѣсколько футовъ выше. Въ этомъ и состояла вся разница.

Когда я проходилъ черезъ типографію, то засталъ точно такую же картину, какую описывалъ раньше. Только нервное напряженіе было сильнѣе, чѣмъ два года тому назадъ, и духота больше томила меня. Въ 3 часа я закричалъ: «печатайте!» и повернулся, чтобы идти, когда ко мнѣ подползъ какой-то остатокъ человѣка. Онъ былъ согнутъ въ дугу, голова втиснута между плечами, и онъ волочилъ свои ноги, одну за другой, точно медвѣдь. Я не могъ разобрать — ступаетъ или ползетъ этотъ, завернутый въ лохмотья, охающій калѣка, который называлъ меня по имени, крича, что онъ вернулся.

—Можете вы дать мнѣ что-нибудь выпить?—хныкалъ онъ — Ради Бога, дайте мнѣ глотокъ чего-нибудь!

Я вернулся въ контору; человѣкъ слѣдовалъ за мной, стоная отъ боли. Я увеличилъ свѣтъ лампы.

— Развѣ вы не узнаете меня?—съ трудомъ произнесъ онъ, опускаясь въ кресло и повертывая къ свѣту свое изможденное лицо, надъ которымъ поднималась копна сѣдыхъ волосъ.

Я пристально вглядывался въ него. Однажды я видѣлъ эти брови, сходившіяся надъ носомъ черной полосой, шириною въ дюймъ, но ни за что на свѣтѣ не могъ припомнить—гдѣ.

— Я не знаю васъ—отвѣчалъ я, протягивая ему виски.—Чѣмъ могу я служить вамъ?—Онъ жадно глотнулъ чистаго спирту и задрожалъ, не смотря на удушающую жару.

— Я вернулся,—повторилъ онъ,—а я былъ королемъ Кафиристана. Я и Драво—мы были коронованными королями! Въ этой самой конторѣ порѣшили мы это дѣло, вы сидѣли здѣсь и дали намъ книги. Я—Пиши, Пиши Тальяферо Карнеганъ! А вы съ тѣхъ поръ все сидите здѣсь,—о Боже!

Удивленію моему не было границъ, и я выразилъ это.

— И все это правда,—произнесъ Карнеганъ какимъ-то сухимъ кудахтаньемъ, поглаживая свои ноги, завернутыя въ лохмотья.—Это такая-же истина, какъ Евангеліе. Королями были мы, съ коронами на головахъ—я и Драво—бѣдный Данъ! о бѣдный, бѣдный Данъ! Онъ никогда не хотѣлъ послушать совѣта, какъ я ни молилъ его!

— Выпейте виски—сказалъ я,—и не торопитесь. Разскажите мнѣ все, что можете вспомнить, отъ начала до конца... Вы перешли черезъ границу на своихъ верблюдахъ. Драво былъ одѣтъ безумнымъ жрецомъ, а вы—его слугой. Помните это?...

— Я не потерялъ еще разсудка, но скоро потеряю его. Конечно, помню. Смотрите пристально на меня, а то я боюсь, что всѣ мои слова разобьются въ куски. Смотрите пристально мнѣ въ глаза и не говорите ничего.

Я наклонился впередъ и сталъ глядѣть въ его лицо такъ спокойно, какъ только могъ. Онъ уронилъ одну руку на столъ, и я схватилъ ее за кисть. Рука была вывихнута, какъ птичья лапа, а на ея верхней части былъ шероховатый, красный шрамъ ромбоидальной формы.

— Нѣтъ, не смотрите туда. Глядите на меня,—сказалъ Карнеганъ.—Это придетъ потомъ, только, ради Бога, не отвлекайте меня... Мы удалились съ тѣмъ караваномъ; я и Драво выкидывали всякія забавныя штуки, чтобы забавлять людей, идущихъ съ нами. Драво заставлялъ всѣхъ покатываться со смѣху по вечерамъ, когда всѣ варили себѣ обѣдъ, варили себѣ обѣдъ, и.... что они дѣлали еще? Да, люди зажигали костры, искры которыхъ попадали въ бороду Драво, и всѣ до смерти хохотали. То были маленькіе, красненькіе огоньки, и они такъ смѣшно бѣгали по большой красной бородѣ Драво.—Онъ отвелъ отъ меня свои глаза и идіотски улыбнулся.

— Вы шли съ этимъ караваномъ до самаго Жагдаллака,—

сказалъ я на удачу,—послѣ того какъ зажигали огоньки, до Жагдаллака... Отсюда вы измѣнили направленіе, чтобы дойти до Кафиристана.

— Нѣтъ, мы не сдѣлали этого. Что вы разсказываете? Мы измѣнили направленіе раньше Жагдаллака, потому что услыхали, что дорога хороша. Но она не была хороша для нашихъ верблюдовъ. Когда мы разстались съ караваномъ, Данъ снялъ съ себя и меня одежду и сказалъ,—что теперь мы станемъ язычниками, потому что кафиристанцы не будутъ разговаривать съ магометанами. Мы переодѣлись, и такой фигуры, какую представлялъ Даніель, я никогда еще не видалъ и вновь не увижу. Онъ сжегъ половину своей бороды, повѣсилъ на плечи баранью шкуру и обрилъ по мусульманскому образцу свою голову. Онъ обрилъ также и мою и заставилъ меня вытерпѣть разныя гадости, чтобы походить на язычника. Страна была страшно гориста, и по этой причинѣ наши верблюды не могли идти далѣе. Горы были высоки и мрачны, и я видѣлъ, какъ онѣ дрались, точно дикіе козлы... въ Кафиристанѣ множество дикихъ козловъ... и горы эти никогда не стояли смирно, какъ и козлы. Онѣ всегда дрались и не давали заснуть по ночамъ...

— Выпейте еще немного виски,—тихо сказалъ я,—что стали вы дѣлать, когда верблюды не могли идти дальше по случаю ужасной дороги, которая ведетъ въ Кафиристанъ?

— Что сталъ дѣлать? Былъ тамъ человѣкъ, называемый Пиши Тальяферо Карнеганъ вмѣстѣ съ Драво. Разсказать вамъ о немъ? Онъ умеръ тамъ отъ стужи. Старый Пиши шлепнулся съ моста, кувыркаясь и вертясь въ воздухѣ, какъ юла, цѣною въ пенни, которую можно продавать эмиру. Нѣтъ, двѣ такія игрушки стоютъ полпенса... Тогда верблюды стали не нужны, и Пиши сказалъ Драво: ради Бога, стащи все съ нихъ, пока не срубили намъ головы, и вотъ они убили тогда верблюдовъ среди горъ, не потому, что въ частности имъ нечего было ѣсть, но прежде всего они сняли ящики съ ружьями и боевыми припасами, а потомъ пришли два человѣка, ведя четырехъ муловъ. Драво встаетъ и прыгаетъ передъ ними, распѣвая: продайте мнѣ четырехъ муловъ. Первый человѣкъ говоритъ: если вы довольно богаты, чтобы покупать, то вы довольно богаты, чтобы васъ ограбить; но прежде, чѣмъ онъ беретъ въ свою руку ножъ, Драво ломаетъ его шею объ свое колѣно, а другой человѣкъ бѣжитъ прочь. Тогда Карнеганъ нагружаетъ муловъ ружьями, которыя были сняты съ верблюдовъ, и вмѣстѣ поднимаемся мы дальше въ холодныя горныя страны, гдѣ нѣтъ дороги шире верхней части вашей кисти.

Онъ замолкъ на минуту, и я спросилъ—не можетъ ли онъ припомнить природы страны, черезъ которую они шли.

— Я разсказываю вамъ такъ вѣрно, какъ только могу, но

моя голова не такъ свѣжа, какъ должна бы быть. Они въ нее вколачивали гвозди, чтобы я лучше слышалъ, какъ умеръ Драво...

— Страна была гориста, мулы очень упрямы, жители разбросаны. Они подымались выше и выше, спускались ниже и ниже, и тотъ, другой человѣкъ, Карнеганъ, умолялъ Драво не пѣть и не свистать такъ громко, боясь, чтобъ не свалились внизъ страшныя лавины. Но Драво говоритъ, что если король не можетъ пѣть, то онъ не достоинъ быть королемъ, ударяетъ муловъ по крупу и не обращаетъ вниманія на холодъ. Мы пришли въ широкую, гладкую долину, лежащую среди горъ; мулы почти умирали, мы убили ихъ, потому что нечего было ѣсть. Мы сѣли на ящики и стали играть въ четъ и нечетъ патронами. Тогда десять человѣкъ съ луками и стрѣлами бѣгутъ по долинѣ, гонясь за 20-ю человѣками также съ луками и стрѣлами, и происходитъ страшная свалка. То были красивые люди,—красивѣе насъ съ вами, съ желтыми волосами и замѣчательно здоровымъ сложеніемъ. Драво распаковываетъ ружья и говоритъ: «вотъ начало дѣла; мы будемъ драться за тѣхъ десятерыхъ человѣкъ», и съ этимъ онъ стрѣляетъ изъ двухъ ружей въ двадцать человѣкъ, роняетъ одного изъ нихъ въ 200-хъ ярдахъ отъ скалы, гдѣ мы сидѣли. Остальные бѣгутъ. Карнеганъ съ Драво сидятъ на ящикахъ, прицѣливаясь во всѣ стороны долины. Потомъ мы поднимаемся къ десяти человѣкамъ, которые также бѣжали по снѣгу, а они пускаютъ въ насъ маленькія стрѣлы. Драво стрѣляетъ пулей надъ ихъ головами, и всѣ они падаютъ на равнину. Тогда онъ идетъ къ нимъ, даетъ каждому по пинку, поднимаетъ ихъ, пожимаетъ всѣмъ руки, чтобы сдѣлать ихъ друзьями. Потомъ онъ призываетъ ихъ, даетъ имъ нести ящики и дѣлаетъ надъ всѣми ними такое движеніе рукой, какъ будто всегда былъ королемъ. Они несутъ ящики и его черезъ долину къ холмамъ съ сосновымъ лѣсомъ на вершинѣ, гдѣ было полдюжины большихъ каменныхъ идоловъ. Драво подходитъ къ самому огромному—его зовутъ Имброй—кладетъ ружье и патронницу къ его ногамъ, почтительно третъ свой носъ объ его носъ, ударяетъ его по головѣ и кланяется ему. Потомъ повертывается къ людямъ, киваетъ имъ головой и говоритъ: «теперь все обстоитъ благополучно. Я также знаю кое-что, и всѣ старики мои друзья.» Затѣмъ онъ разѣваетъ ротъ и показываетъ туда, и когда первый человѣкъ приноситъ ему пищу, онъ говоритъ: «нѣтъ»; когда приноситъ второй—онъ также говоритъ «нѣтъ», но когда одинъ изъ старыхъ жрецовъ подаетъ ему пищу, онъ говоритъ «да» и медленно ѣстъ ее. Такимъ образомъ вошли мы въ нашу первую деревню, безъ всякихъ хлопотъ, какъ будто упали съ неба. Но потомъ, видите ли, мы упали съ одного изъ проклятыхъ веревочныхъ

мостовъ, и вы не станете ожидать, что человѣкъ будетъ смѣяться послѣ этого.

— Выпейте немного виски и продолжайте,—сказалъ я.— Вы вошли въ первую деревню. Какъ же вы сдѣлались королемъ?

— Я не былъ королемъ, — отвѣчалъ Карнеганъ. — Драво былъ королемъ, и какимъ молодцомъ выглядѣлъ онъ, съ золотой короной на головѣ! Онъ и другіе остались въ той деревнѣ, и каждое утро садился Драво около стараго Имбры, а народъ приходилъ и поклонялся ему. Таковъ былъ приказъ Драво. Потомъ много людей приходятъ въ долину, а Драво съ Карнеганомъ, не узнавая, кто они, прицѣливаются въ нихъ ружьями, бѣгутъ по долинѣ, поднимаются на другую сторону, находятъ тамъ еще деревню, такую же, какъ первую, и весь ея народъ падаетъ ницъ, а Драво говоритъ:—«въ чемъ раздоръ между вашими деревнями?» Народъ указываетъ на женщину, которую похитили. Драво отдаетъ ее назадъ первой деревнѣ и считаетъ мертвыхъ — ихъ было восемь. Передъ каждымъ мертвецомъ Драво машетъ рукой, какъ юлой, выливаетъ на землю немного молока и говоритъ:—«все обстоитъ благополучно». Потомъ Драво съ Карнеганомъ берутъ изъ каждой деревни по одному горбуну, ведутъ ихъ за руку въ долину и показываютъ имъ, какъ вырыть копьемъ внизъ по долинѣ границы, и каждому даютъ глыбу земли по обѣ стороны границы. Тогда всѣ люди приближаются и кричатъ, какъ дьяволы, а Драво имъ говоритъ: —«ступайте и ройте землю, плодитесь и размножайтесь»! И они сдѣлали это, хотя и не поняли. Потомъ онъ спрашиваетъ названія вещей на ихъ языкѣ—хлѣбъ, воду, огонь, идолы и другіе. И ведетъ Драво жреца каждой деревни къ идолу и велитъ ему сидѣть здѣсь и судить народъ, а если выйдетъ какая-нибудь несправедливость, то онъ будетъ застрѣленъ.

«Слѣдующую недѣлю всѣ люди взрывали въ долинѣ землю и были покойны, какъ пчелы, даже больше, а жрецы слушали всѣ жалобы и пантомимами разсказывали о нихъ Драво. «Вотъ самое настоящее начало,—говоритъ Драво,—они думаютъ, что мы боги». Онъ съ Карнеганомъ выбираютъ 20 хорошихъ людей и показываютъ имъ, какъ заряжать ружья; беретъ еще четырехъ, выдвигаетъ ихъ въ линію, а они продѣлываютъ все это съ удовольствіемъ. Потомъ онъ вынимаетъ свою трубку и патронницу и ходитъ отъ одной деревни къ другой, и далеко пускаемся мы, чтобы посмотрѣть, что надо сдѣлать въ ближайшей долинѣ. Тамъ были все скалы, и одна маленькая деревушка. Карнеганъ говоритъ:—«возьми людей въ старую долину и дай имъ землю, которая еще не взята другими. Людей было немного, и мы запачкали ихъ кровью коз-

ленка прежде, чѣмъ пустить ихъ въ новое королевство. Такъ надо было, чтобы заклеймить ихъ, и тогда они спокойно водворились тамъ, а Карнеганъ вернулся къ Драво, который пошелъ въ другую долину, самую гористую, всю изъ снѣга и льда. Тамъ не было людей, и армія начинаетъ бояться; Драво застрѣливаетъ одного изъ нея и идетъ дальше до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаетъ въ одной деревнѣ нѣсколько человѣкъ. Онъ объясняетъ своей арміи, что, если люди не хотятъ быть убитыми, то они должны стрѣлять изъ своихъ маленькихъ кремневыхъ ружей, ибо у нихъ были именно такія ружья. Мы дружимся съ жрецомъ, и я остаюсь тамъ одинъ съ 20-ю человѣками изъ арміи, обучаю ихъ; вдругъ страшно сильный вождь идетъ по снѣгу, звеня литаврами и трубя въ рога, потому что онъ услыхалъ, что здѣсь явился новый богъ. Карнеганъ прицѣливается за полъ мили въ самаго чернаго изъ тѣхъ людей и попадаетъ въ него. Потомъ онъ посылаетъ сказать вождю, что если онъ не хочетъ быть убитымъ, то долженъ придти, пожать ему руку и оставить свое оружіе. Вождь приходитъ одинъ, Карнеганъ жметъ его руку, машетъ вокругъ своей также, какъ дѣлалъ Драво. Вождь былъ очень удивленъ и разгладилъ свои брови. Потомъ Карнеганъ идетъ одинъ къ вождю и спрашиваетъ его пантомимой: есть ли у него врагъ, котораго онъ ненавидитъ? — Есть,—отвѣчаетъ вождь. Тогда Карнеганъ выбираетъ двоихъ изъ своихъ людей, приказываетъ имъ идти обучать солдатъ, и въ концѣ двухъ недѣль люди могутъ дѣлать маневры такъ же хорошо, какъ волонтеры. Затѣмъ онъ идетъ съ вождемъ къ большой равнинѣ на вершинѣ горы. Всѣ мы бросаемся на деревню и ружья наши стрѣляютъ прямо въ лобъ враговъ. Мы беремъ также и эту деревню, а я даю вождю лоскутъ отъ моего платья и говорю:—«займи ее, пока я не приду». Отойдя со своей арміей на нѣсколько ярдовъ, я выпускаю пулю, которая падаетъ на снѣгъ около вождя, и всѣ люди его падаютъ ницъ на землю. Потомъ я посылаю письмо къ Драво, которое должно было его найти, гдѣ бы онъ ни былъ, на сушѣ, или на водѣ».

Рискуя сбить несчастное созданіе съ толку, я прервалъ его:

— Какъ же могли вы тамъ написать письмо?

— Письмо? О, письмо! Пожалуйста, смотрите мнѣ въ глаза! Это вѣдь было веревочное письмо и мы научились этому способу отъ одного слѣпого нищаго въ Панджабѣ.

Я вспомнилъ, что однажды въ контору приходилъ какой-то слѣпой со связаннымъ прутомъ и кускомъ веревки, которую онъ навертывалъ на прутъ, прилаживая ее на подобіе нѣкоторыхъ цифръ. Черезъ небольшой промежутокъ дней или часовъ онъ могъ повторить фразу, которую намоталъ. Онъ сократилъ

азбуку до 11 простѣйшихъ звуковъ и хотѣлъ научить меня своей методѣ, но почему-то не исполнилъ этого.

— Я послалъ Драво такое письмо,—продолжалъ Карнеганъ,—и просилъ его, чтобы онъ вернулся, потому что королевство слишкомъ увеличилось и было трудно управлять имъ одному. Потомъ я пошелъ въ первую долину посмотрѣть, что дѣлаютъ жрецы. Они называли ту деревню, которую мы взяли съ вождемъ, Башкай, а первую—Ерь-Хебъ. Жрецы Ерь-Хеба исполняли все хорошо, но они показали мнѣ много нерѣшенныхъ дѣлъ относительно земли, и сказали, что нѣкоторые люди изъ сосѣдней деревни по ночамъ пускаютъ въ нихъ стрѣлы. Я вышелъ, посмотрѣлъ на эту деревню и сдѣлалъ четыре залпа на разстояніи тысячи ярдовъ отъ нея. Истративъ всѣ свои патроны, я сталъ ждать Драво; онъ не возвращался два или три мѣсяца, но мой народъ былъ спокоенъ.

Однажды утромъ я слышу дьявольскій шумъ барабановъ и роговъ: это Данъ Драво спускается со своей арміей съ холма, а за нимъ слѣдуетъ сотня людей. Но, что было самое поразительное, это большая золотая корона на его головѣ. «Карнеганъ,— говоритъ Драво,—это—великое дѣло: мы завоевали всю страну! Я сынъ Александра отъ королевы Семирамиды, а ты— мой молочный братъ и также богъ! Шесть недѣль я со своей арміей шелъ и побѣждалъ, и каждая деревушка на пять миль въ округѣ пришла въ радость; даже больше этого—я отворилъ дверь блеску и добылъ для тебя корону. Я велѣлъ имъ сдѣлать ихъ двѣ въ мѣстечкѣ, называемомъ Шу, гдѣ золото лежитъ на скалахъ, какъ сало на баранахъ. Я видѣлъ золото, выгонялъ бирюзу изъ скалъ и гранаты изъ рѣчного песку. Позови сюда всѣхъ жрецовъ и возложи на себя корону».

Одинъ изъ людей открылъ черный волосяной мѣшокъ, и я вынулъ корону. Она была очень невелика, но тяжела и я носилъ ее для славы! Она была вычеканена изъ золота, вѣсила пять фунтовъ и походила на обручъ бочки.

«Пиши,—сказалъ Драво,—намъ не зачѣмъ больше драться. Онъ помогъ мнѣ», и съ этими словами Драво вывелъ впередъ того вождя, котораго я оставилъ въ Башкаѣ,—мы прозвали его потомъ Билли Фишъ, потому что онъ былъ похожъ на машиниста Билли, ѣздившаго въ былые дни отъ Болана къ Машу.— «Пожми его руку»,—говоритъ Драво. Я жму ему руку и низко наклоняюсь, потому что Билли своимъ рукопожатіемъ даетъ мнѣ особенный знакъ. Я ничего не говорю, но пробую съ нимъ братское рукопожатіе. Онъ отвѣчаетъ правильно. Я пробую сдѣлать знакъ мастера, но тутъ происходитъ ошибка...

— Онъ знаетъ вторую степень,—говорю я Дану,—а знаетъ ли онъ слово?

— Онъ знаетъ—отвѣчалъ Данъ,—и жрецы всѣ знаютъ

Это чудо! Вожди и жрецы могутъ открыть братскую ложу второй степени точно такъ же, какъ и мы; они вырѣзали знаки на скалахъ, но имъ неизвѣстна третья степень и они пришли искать насъ.

— Это непреложная система. Я слыхалъ, что афганцамъ извѣстна ложа второй степени, но всетаки это—чудо. Богъ и великій мастеръ цеха—я; я открою ложу третьей степени и мы возведемъ въ званіе верховныхъ жрецовъ и вождей деревень.

— Но это противъ правилъ,—отвѣчалъ я,—безъ полномочій открывать ложу, а мы вѣдь никогда не служили ни въ какой ложѣ.

— Въ этомъ-то и есть мастерской ударъ высшей политики, говоритъ Драво.—Это будетъ равносильно гибели всей страны, которая совершится такъ же легко, какъ уничтоженіе четырехъ-колесной тележки, спущенной съ горы. Медлить и наводить справки намъ теперь некогда, а то всѣ обратятся противъ насъ. За мной стоятъ сорокъ вождей и всѣ они будутъ приняты и возведены во вторую степень по своимъ заслугамъ. Распредѣли этихъ людей по деревнямъ и постарайся устроить хоть какую-нибудь ложу во чтобы то ни стало. Храмъ Имбры будетъ комнатой ложи. Ты покажешь женщинамъ какъ сдѣлать фартуки. Сегодня я устрою выходъ вождей, а ложу открою завтра.

Я съ удовольствіемъ убѣжалъ бы, но былъ не такъ глупъ, чтобы не посмотрѣть, какую выгоду дастъ намъ эта штука. Я показалъ жрецамъ, какъ сдѣлать передники для степеней; передникъ Драво былъ съ голубой каймой, а знаки на немъ сдѣланы на бѣлой сторонѣ изъ кусковъ бирюзы. Мы принесли въ храмъ большой четыреугольный камень для стула мастера, маленькіе камни для другихъ стульевъ, а черный полъ разрисовали бѣлыми квадратами, чтобы все было какъ слѣдуетъ. Во время выхода вождей, который происходилъ въ ту же ночь, были зажжены костры, и Драво объявилъ, что я и онъ—боги, сыновья Александра и великіе мастера цеха, что мы пришли для того, чтобы сдѣлать Кафиристанъ страной, гдѣ каждый можетъ пить и ѣсть спокойно и долженъ повиноваться намъ. Затѣмъ вожди выступили впередъ для рукопожатія, и мы назвали ихъ именами тѣхъ людей, которыхъ знали въ Индіи—Билли Фишъ, Холли Дильвортъ и т. п. и т. п.

Самое поразительное чудо произошло въ слѣдующую ночь въ ложѣ. Одинъ изъ старѣйшихъ жрецовъ внимательно наблюдалъ за нами: я чувствовалъ себя непокойно, потому что зналъ, что мы порядкомъ перевираемъ ритуалъ. Старый жрецъ былъ не здѣшній, онъ явился откуда-то изъ-за деревни Башкая. Драво облекается въ фартукъ Мастера, который сдѣлали ему

дѣвушки, вдругъ старый жрецъ испускаетъ неистовое завыванье и пытается опрокинуть камень, на которомъ сидитъ Драво.—Все пропало,—говорю я,—и виною всему—вмѣшательство въ цехъ безъ полномочій. Но Драво не мигнулъ глазомъ даже и тогда, когда десять жрецовъ взяли и опрокинули стулъ великаго мастера, которымъ былъ, какъ сказано, камень Имбры. Жрецъ началъ тереть низъ камня, счищать черную грязь и скоро показалъ всѣмъ остальнымъ жрецамъ вырѣзаный на камнѣ знакъ мастера, совершенно такой же, какой былъ на передникѣ Драво. Даже жрецы храма Имбры не знали, что онъ находится здѣсь. Старикъ падаетъ на землю передъ Драво и цѣлуетъ его ноги.—Посмотри, говоритъ мнѣ Драво,—они говорятъ, что это пропавшій знакъ, который исчезъ неизвѣстно какъ и когда. Теперь мы внѣ всякой опасности!—Онъ ударяетъ вмѣсто молотка прикладомъ своего ружья и кричитъ:—«въ силу власти, принадлежащей мнѣ отъ моей правой руки и помощи Пйши, я объявляю себя великимъ мастеромъ всего кафиристанскаго франкмасонства, въ этой матери-ложѣ страны, и королемъ Кафиристана вмѣстѣ съ Пйши»!—При этомъ онъ надѣваетъ на себя корону, я дѣлаю то же самое,—такъ какъ былъ сдѣланъ Надсмотрщикомъ—и мы открываемъ Ложу во всей ея полнотѣ. Зрѣлище было поразительно! Жрецы двигаются по первымъ двумъ степенямъ, какъ будто покинувшая ихъ память возвратилась къ нимъ. Послѣ этого Пйши и Драво собрали достойнѣйшихъ жрецовъ и вождей отдаленныхъ деревень. Первымъ былъ Билли Фишъ. Все это нисколько не сходилось съ ритуаломъ, но соотвѣтствовало нашимъ планамъ. Выбранные крикомъ выражали свой восторгъ.

— Черезъ 6 мѣсяцевъ,—говоритъ Драво,—мы устроимъ еще собраніе и посмотримъ, какъ вы работаете.—Потомъ онъ разспрашиваетъ объ ихъ деревняхъ, узнаетъ, что онѣ устали отъ войнъ: когда жители не бились съ сосѣдями, то дрались съ магометанами.—Теперь вы можете бить ихъ, если они придутъ въ вашу страну,—говоритъ Драво,—отсчитайте изъ каждаго племени десятаго въ пограничную стражу, и пошлите 200 человѣкъ въ эту долину для обученія. Ни одинъ не будетъ застрѣленъ или сраженъ копьемъ, если онъ исполнитъ все въ точности, а я знаю, что вы не станете обманывать меня, потому что вы бѣлый народъ—сыновья Александра—и не похожи на всѣхъ черныхъ магометанъ. Вы—мой народъ, клянусь богомъ,—закончилъ онъ, переходя на англійскій языкъ, и я создамъ изъ васъ націю или умру.

Я не могу разсказать всего, что мы дѣлали слѣдующіе шесть мѣсяцевъ. Драво работалъ много и изучалъ ихъ языкъ. Я обязанъ былъ помогать народу пахать и отъ времени до времени ходилъ съ нѣсколькими изъ арміи смотрѣть, что дѣлаютъ дру-

гія деревни, заставлялъ ихъ перекидывать веревочные мосты черезъ глубокіе овраги, которые повсемѣстно пересѣкали страну. Драво былъ очень добръ ко мнѣ, но, когда онъ шагалъ взадъ и впередъ по сосновому лѣсу, тормоша обоими кулаками свою красную бороду, я чувствовалъ, что онъ обдумываетъ какіе-то планы, въ которые не желаетъ меня посвящать и молча ждалъ приказаній.

Никогда Драво не выказывалъ неуваженія ко мнѣ передъ народомъ, а послѣдній боялся меня и армію, но любилъ Дана. Онъ былъ лучшимъ другомъ жрецовъ и вождей, но стоило кому бы то ни было придти съ холмовъ съ жалобой, какъ Драво кротко выслушивалъ ее, сейчасъ же призывалъ четырехъ жрецовъ и приказывалъ, что надо сдѣлать. Онъ созывалъ Билли Фиша изъ Башкая, Пикки Кергана изъ Шу и других и держалъ съ ними совѣтъ, если въ деревушкахъ надо было сдѣлать что-нибудь, относящееся къ войнѣ. Это былъ его военный совѣтъ, а четыре жреца изъ Башкая, Шу, Ховака и Модора составляли его частный совѣтъ. Они послали меня съ сорока человѣками, двадцатью ружьями и тридцатью людьми, навьюченными бирюзой, въ Хорбандъ покупать ручного производства ружья Мартини, доставляемыя въ Кабулъ солдатами одного изъ тѣхъ полковъ, которые за бирюзу готовы продать каждый зубъ изъ своего рта.

— Я оставался въ Хорбандѣ цѣлый мѣсяцъ и, въ видѣ взятки, предложилъ тамошнему губернатору выбрать что угодно изъ моихъ корзинъ, подкупилъ полковника этого полка, и мы достали больше сотни ручныхъ ружей Мартини, которыя били на 600 ярдовъ, и навьючили 40 людей очень плохими боевыми запасами. Я вернулся со всѣми этими вещами и раздѣлилъ ихъ между людьми, присланными вождями ко мнѣ для обученія. Драво былъ слишкомъ занятъ, чтобы обращать на все это вниманіе, но старая армія, которая уже была у насъ, помогла мнѣ, и мы возвратились съ 500 людей, которыхъ можно было обучить, и двумя стами, которые уже умѣли держать оружіе. Даже и эти ружья ручного производства, напоминавшіе штопоръ, были чудомъ для нихъ. Драво началъ пространно разсуждать объ изготовленіи пороха и факторіяхъ, ходя взадъ и впередъ по сосновому лѣсу, когда наступила зима.

— Я создалъ не націю, а государство! Эти люди не арабы, они—англичане! Посмотри въ ихъ глаза, вглядись въ ихъ ротъ. Вглядись, какъ они держатся. Они на стульяхъ сидятъ въ своихъ домахъ. Это заблудившіяся племена или что-нибудь подобное; они уже выросли для того, чтобы стать англичанами. Я сдѣлаю весной народную перепись, только бы жрецы не испугались этого. На этихъ холмахъ людей должно быть хо-

рошихъ два миллiона. Въ деревняхъ много и маленькихъ дѣтей. Два милліона народа—и всѣ англичане. Дай имъ ружья и выучку и они могутъ врѣзаться въ правый флангъ Россiи, если та попытается двинуться на Индiю. Пйши, говорилъ онъ, жуя свою бороду, мы будемъ королями, владѣтелями земного шара. Я буду вести переговоры съ вице-королемъ на равныхъ условiяхъ. Я попрошу его прислать мнѣ 12 отборныхъ англичанъ, которыхъ я знаю, чтобы немножко помочь мнѣ управлять. Это—Макрой изъ Словли, инвалидъ, живущiй на пенсiи—хорошими обѣдами кормилъ онъ меня, а жена его разъ подарила мнѣ пару панталонъ. Еще—Донкинъ, сторожъ тюрьмы въ Тунгоо... Есть сотни людей, на которыхъ я могъ бы положиться, живя въ Индiи. Вице-король обязанъ это сдѣлать для меня. Я пошлю за ними весной человѣка и попрошу разрѣшенiя у Великой Ложи, великимъ мастеромъ которой состою. Когда все будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ, я, преклонивъ колѣни, протяну корону,—ту самую корону, которую теперь ношу—королевѣ Викторiи, и она скажетъ:—встаньте сэръ Даніель Драво! О, это будетъ великолѣпно! великолѣпно, говорю я тебѣ! Но много еще предстоитъ сдѣлать всюду—въ Башкаѣ, Хавакѣ, Шу и вездѣ»!

— Ну, чтожь такое!—отвѣчаю я.—Только этой осенью ужъ не придется обучать людей. Взгляни на эти густыя черныя тучи, онѣ несутъ снѣгъ.

— «Это ничего,—говоритъ Драво, тяжело опуская руку на мое плечо.—Я не буду ничего говорить противъ тебя, чтобы ни одинъ живой человѣкъ не послѣдовалъ моему примѣру. Ты великiй командоръ и народъ знаетъ тебя, но это обширная страна, и ты не въ состоянiи помочь мнѣ какимъ бы то ни было способомъ, Пйши, на томъ пути, гдѣ мнѣ нужна помощь».

— Ну и ступай тогда къ своимъ поганымъ жрецамъ!—отвѣчалъ я и сейчасъ же раскаялся въ своихъ словахъ; очень ужъ мнѣ стало больно, что Даніель такъ высокомѣрно, по-начальнически, заговорилъ со мной, когда я обучилъ столько людей и всегда исполнялъ все, что онъ приказывалъ мнѣ.

— «Не затѣвай ссору, Пйши,—говоритъ Драво.—Ты также король и половина этого царства—твоя, но развѣ ты не понимаешь, что теперь мы нуждаемся въ людяхъ умнѣе насъ съ тобой, трехъ или четырехъ изъ нихъ мы должны послать въ качествѣ нашихъ депутатовъ. Вѣдь это страшно большое государство, я не могу какъ слѣдуетъ смотрѣть за всѣмъ и у меня не хватаетъ времени на то, что я желаю сдѣлать, а скоро наступаетъ зима».—Онъ засунулъ въ ротъ половину своей бороды и она краснѣла, какъ золото его короны.

— Я огорченъ, Даніель,—говорю я,—я, кажется, дѣлалъ все, что могъ. Я обучалъ людей и показывалъ народу, какъ

лучше складывать въ скирды овесъ; я привезъ изъ Хорбанда жестяныя ружья, но я знаю—куда ты клонишь. По моему мнѣнію, короли никогда не могутъ обойтись безъ того, чтобы не обижать своихъ близкихъ, вотъ ты и начинаешь.

— «Есть еще одна вещь, — говоритъ Драво, продолжая шагать.—Съ наступленіемъ зимы этотъ народъ не принесетъ намъ много безпокойства, а въ противномъ случаѣ мы его смиримъ. Но я желаю взять жену».

— Ради Создателя, оставь женщинъ, — говорю я. — Мы вдвоемъ добились всего, что было въ нашихъ силахъ, хотя я и дуракъ. Но вспомни договоръ и избѣгай женщинъ.

— «Договоръ имѣлъ силу только до тѣхъ поръ, пока мы не были королями, а мы сдѣлались ими уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, —говоритъ Драво, взвѣшивая корону въ рукѣ. Ты тоже возьмешь себѣ, Пичи, жену—красивую, стройную, пухлую дѣвушку, которая согрѣетъ тебя зимой. Онѣ здѣсь красивѣе англійскихъ дѣвушекъ, и намъ есть изъ чего сдѣлать выборъ. Прокипятите ихъ два или три раза въ горячей водѣ, и онѣ будутъ такъ же нѣжны, какъ окорокъ ветчины, или цыпленокъ».

— Не искушай меня,—отвѣчаю я,—я не желаю имѣть никакихъ отношеній къ женщинамъ до тѣхъ поръ, пока мы не укрѣпимся въ этой проклятой странѣ лучше, чѣмъ теперь. Я работалъ за двоихъ, а ты—за троихъ. Слукавимъ немножко и посмотримъ, нельзя ли достать немного хорошаго табаку изъ Афгана и немножко напитковъ, но только не женщинъ.

— «Кто говоритъ о женщинахъ?—сказалъ Драво.—Я говорилъ «жену-королеву», чтобы вскормить сына для короля. Королеву изъ самаго крѣпкаго племени, которая принесетъ тебѣ потомство, которая будетъ около тебя, станетъ говорить тебѣ о томъ, что думаетъ весь народъ о тебѣ и о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Вотъ чего я хочу».

— Помнишь ты ту бенгальскую женщину, которую я держалъ въ Могульскомъ Сераѣ, когда служилъ кладчикомъ рельсовъ?—говорю я.—Много хорошаго сдѣлала она для меня. Она научила меня языку и другимъ вещамъ, но что вышло? Она убѣжала со слугой начальника станціи, захвативъ половину моего мѣсячнаго жалованья, а потомъ вернулась въ Дадуръ, ведя на буксирѣ свое потомство, и разблаговѣстила по мастерскимъ всѣмъ кондукторамъ и машинистамъ, что я—ея мужъ!

— «Да, мы имѣли съ ними дѣла,—говоритъ Драво. — Но эти женщины невиннѣе насъ съ тобой, и у меня на зиму будетъ королева!»

— Въ послѣдній разъ прошу, Данъ, не дѣлай этого,—умоляю я.—Отъ этого ничего не будетъ, кромѣ вреда для насъ. Въ библіи сказано, что короли не должны расточать свою силу

на женщинъ, въ особенности, если они добыли себѣ невоздѣланное царство.

— «Въ послѣдній разъ отвѣчаю, я хочу»,—сказалъ Данъ и зашагалъ между соснами, точно громадный красный дьяволъ. Низкое солнце освѣщало съ одной стороны его корону и бороду и обѣ онѣ пылали, какъ раскаленные уголья.

Но достать жену было не такъ легко, какъ думалъ Данъ. Для начала онъ созвалъ совѣтъ, который не давалъ отвѣта до тѣхъ поръ, пока Билли Фишъ не сказалъ, что лучше ему спросить самихъ дѣвушекъ. Драво началъ ругаться.—«Въ чемъ поступаю я неправильно?—кричитъ онъ, стоя около идола Имбры.—Что я—собака или не настоящій мужчина для вашихъ негритянокъ? Развѣ я не протянулъ свою руку защитой надъ этой страной? Кто остановилъ послѣднее вооруженіе афганцевъ? (это было сдѣлано мною, но Драво былъ слишкомъ разсерженъ, чтобы вспомнить объ этомъ). Кто купилъ вамъ ружья? Кто чинилъ мосты? кто великій мастеръ знака, вырѣзаннаго на камнѣ?»—Онъ ударилъ рукой по чурбану, замѣнявшему ему стулъ въ ложѣ и совѣтѣ. Билли Фишъ не сказалъ ничего, не сказали и другіе.

— Спроси дѣвушекъ, Данъ,—говорю я,—такъ всегда дѣлается у насъ дома, а этотъ народъ—почти англичане.

— «Женитьба короля есть дѣло государства»,—отвѣчалъ Данъ и, страшно взбѣшенный, вышелъ изъ комнаты совѣта, а всѣ остальные остались, опустивъ глаза въ землю.

— Билли Фишъ,—говорю я вождю Башкая,—въ чемъ тутъ затрудненіе? Дай прямой отвѣтъ вѣрному другу.—Ты знаешь,—говоритъ Билли Фишъ,—что мнѣ говорить такому человѣку, который и безъ того знаетъ все. Развѣ можно дочерямъ людей выходить замужъ за боговъ или дьяволовъ? Вѣдь это непристойно.

Я припомнилъ нѣчто подобное этому въ Библіи, но если послѣ того, какъ они, видя насъ въ теченіе такого продолжительнаго времени, все продолжали до сихъ поръ вѣрить, что мы боги—не мнѣ слѣдовало выводить ихъ изъ заблужденія.

— Богъ можетъ дѣлать все,—отвѣчаю я.—Если король сильно полюбитъ дѣвушку, незачѣмъ ей умирать.—Въ этихъ горахъ,—сказалъ Билли,—водятся и боги, и дьяволы, и если когда-нибудь дѣвушка выйдетъ замужъ за того, или другого—ея больше нигдѣ ужъ не увидятъ. Кромѣ того, вы оба знаете знакъ, вырѣзанный на камнѣ, а его знаютъ только боги. Мы считали васъ людьми до тѣхъ поръ, пока вы не показали знакъ мастера.

Всю ту ночь раздавались звуки роговъ въ маленькомъ темномъ храмѣ, стоявшемъ на полдорогѣ отъ холмовъ, и я слышалъ отчаянный плачъ дѣвушки. Одинъ изъ жрецовъ сказалъ намъ, что ее готовили въ жены королю.

— Я не стану продѣлывать разныхъ безсмыслицъ,—говоритъ Данъ,—и не хочу вмѣшиваться въ ваши обычаи, но желаю взять себѣ жену. «Дѣвушка немного напугана,—отвѣчаетъ жрецъ,—она думаетъ, что ее ведутъ на смерть, и ее слѣдуетъ ободрить въ храмѣ».

— Ободри ее, какъ можно нѣжнѣе,—сказалъ Драво,—или же я ободрю тебя прикладомъ моего ружья такъ, какъ тебя никогда ужъ больше не ободрятъ.

Онъ облизнулъ губы и половину ночи шагалъ взадъ и впередъ, думая о женѣ, которую достанетъ утромъ. Мнѣ тоже было не весело, ибо я зналъ, что имѣть какія бы то ни было дѣла съ женщинами въ чужихъ странахъ—вещь больше чѣмъ рискованная, хотя бы вы и двадцать разъ были королемъ.

— Я всталъ утромъ очень рано, пока Драво еще спалъ, и увидалъ, что жрецы шопотомъ совѣщаются о чемъ-то, вожди—также, и всѣ косятся на меня.

— Что такое, Фишъ?—спрашиваю я человѣка изъ Башкая, который былъ закутанъ въ свои мѣха и имѣлъ очень величественный видъ.

— Не могу прямо сказать,—отвѣчаетъ онъ,—но если можешь убѣдить короля бросить всю эту чепуху относительно женитьбы, то окажешь ему, мнѣ и себѣ большую услугу.

— Я вполнѣ вѣрю этому,—говорю я.—Но тебѣ, Билли, вѣроятно также хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, такъ какъ ты сражался и противъ, и за насъ, что король и я—никто иные, какъ два совершеннѣйшихъ человѣка, которыхъ когда-либо сотворилъ всемогущій Богъ. Увѣряю тебя—ничто иное.

— Это можетъ быть,—сказалъ Билли,—но всетаки я жалѣю, если это такъ,—онъ опустилъ голову на свою громадную мѣховую епанчу и задумался.—Король,—продолжалъ онъ,—будь ты Богъ или дьяволъ, я буду защищать тебя сегодня. Со мной два десятка моихъ людей, и они послѣдуютъ за мной. Мы пойдемъ въ Башкай, пока буря пронесется.

Небольшой снѣгъ выпалъ ночью и все было бѣло, кромѣ грязныхъ густыхъ тучъ, которыя неслись съ сѣвера. Драво вышелъ съ короной на головѣ, топая ногами и размахивая руками, и казался очень довольнымъ.

— Въ послѣдній разъ, оставь это, Данъ,—шепчу я,—Билли Фишъ говоритъ, что будетъ свалка. «Свалка среди моего народа?—говоритъ Данъ.—Это не много. Ты дуракъ, Пичи, если также не добудешь себѣ жену. Гдѣ дѣвушка?—спросилъ онъ громкимъ голосомъ.—Созови всѣхъ вождей и жрецовъ и пусть король посмотритъ, годится ли ему жена».

Нечего было созывать ихъ. Они собрались всѣ здѣсь, среди сосноваго лѣса и стояли, опираясь на свои ружья и копья. Депутація жрецовъ двинулась къ маленькому храму за дѣвуш-

кой, а рога трубили такъ, что могли разбудить и мертваго. Билли Фишъ бродитъ вокругъ и старается быть какъ можно ближе къ Даніелю, а около него держатся его 20 человѣкъ съ кремневыми ружьями. Между ними нѣтъ ни одного ниже 6 футовъ. Я былъ близко къ Драво, а сзади—20 человѣкъ регулярной арміи. Приближается дѣвушка, видная туземка, увѣшанная бирюзой и серебромъ, но блѣдная, какъ смерть, оглядываясь каждую минуту назадъ, на жрецовъ.

— «Ладно,—говоритъ Данъ, посмотрѣвъ на нее.—Ну, чего же бояться? Подойди и поцѣлуй меня».—Онъ обнимаетъ ее. Она закрываетъ глаза, испускаетъ крикъ и повертываетъ лицо къ огненно-красной бородѣ Драво.

— «Негодная укусила меня!»—восклицаетъ онъ, хлопая рукою по шеѣ, и дѣйствительно рука его окрашивается кровью. Билли Фишъ и его два человѣка съ кремневыми ружьями схватываютъ Драво за плечи и тащатъ въ толпу башкайцевъ, а жрецы завываютъ на своемъ языкѣ: — ни богъ, ни дьяволъ, а только человѣкъ!—Я былъ застигнутъ совершенно врасплохъ: жрецъ идетъ впереди меня, а моя армія сзади стрѣляетъ въ башкайцевъ.

— «Всемогущій боже!—восклицаетъ Данъ,—что же это значитъ?»—Иди назадъ—говоритъ Билли—это значитъ бунтъ. Если сможемъ, пробьемся до Башкая!

Я пытался дать что-то вродѣ приказаній моимъ людямъ—людямъ изъ регулярной арміи—но это ни къ чему не вело, и я выстрѣлилъ въ нихъ изъ настоящаго Мартини и заставилъ выстроиться въ линію трехъ прощелыгъ. Вся долина была наполнена кричащими, воющими тварями, которыя вопили:—ни богъ, ни дьяволъ, а только человѣкъ!—Башкайцы держались около Билли Фиша, но ихъ кремневыя ружья и вполовину не стоили кабульскихъ, заряжающихся съ казенной части, и четверо уже опустили ихъ. Данъ, въ неистовствѣ отъ гнѣва, ревѣлъ какъ быкъ, и Билли стоило немалаго труда удержать его броситься въ толпу.

— «Мы не устоимъ,—говоритъ Билли.—Бѣгите по долинѣ. Всѣ поднялись противъ насъ!»—Люди съ кремневыми ружьями бѣгутъ, и мы спускаемся въ долину, не смотря на протесты Драво. Онъ произносилъ ужасныя проклятія и кричалъ, что онъ король.

Жрецы скатывали на насъ сверху громадные каменья, регулярная армія стрѣляла, и не болѣе шестерыхъ, не считая Дана, Билли и меня, живыми спустились внизъ долины. Тогда они перестали стрѣлять, и рога въ храмѣ снова затрубили.—Идемте скорѣе, ради Бога, идемте! Они пошлютъ гонцовъ во всѣ деревни, прежде чѣмъ мы доберемся до Башкая. Тамъ я могу защитить васъ, но теперь ничего не сдѣлаю.—По моему мнѣ-

нію, съ того самаго часа Данъ тронулся въ головѣ. Онъ таращилъ глаза, какъ заколотая свинья, и говорилъ, что вернется одинъ и голой рукой передушитъ всѣхъ жрецовъ. «Я — король, — кричалъ Драво, — а въ будущемъ году буду рыцаремъ королевы».

— Хорошо, Данъ,—говорю я,—только пойдемъ теперь, потому что время.

— «Это твоя вина,—отвѣчаетъ онъ,—ты плохо слѣдилъ за твоей арміей. Среди нея росло возмущеніе, а ты и не зналъ— проклятый машинистъ, кладчикъ рельсовъ, охотничья миссіонерская собака!»—Онъ сѣлъ на скалу и осыпалъ меня всякими обидными, дурацкими прозвищами, которыя подвертывались ему на языкъ. Но сердце мое слишкомъ болѣло, чтобы я сталъ обращать на это вниманіе.

— Я огорченъ, Данъ,—говорю я,—но нельзя винить во всемъ туземцевъ. Можетъ мы сдѣлаемъ что-нибудь, если доберемся до Башкая.

— «Хорошо,—доберемся до Башкая—говоритъ Данъ,—но, клянусь богомъ, когда я опять вернусь сюда, я вымету долину такъ, что не оставлю живымъ ни одного клопа на одѣялѣ».

Мы шли весь тотъ день и всю ночь. Данъ шагалъ по снѣгу, жуя свою бороду и что-то шепча себѣ подъ носъ.

— Мало надежды отдѣлаться отъ нихъ,—сказалъ Билли Фишъ.—Жрецы пошлютъ по деревнямъ гонцовъ сказать, что вы— никто иные, какъ люди. Зачѣмъ не оставались вы богами до тѣхъ поръ, пока положеніе не упрочилось. Я—погибшій человѣкъ,—прибавляетъ онъ и, бросившись на снѣгъ, начинаетъ молиться своимъ богамъ.

На слѣдующее утро мы добрались до отчаянно-плохой мѣстности—все время приходилось подниматься и спускаться, не было ни ровной почвы, ни пищи. Шесть башкайцевъ пристально смотрѣли на Билли, какъ будто хотѣли что-то спросить, но не говорили ни слова. Въ полдень пришли мы на вершину плоской горы, покрытой снѣгомъ, и, когда вкарабкались на нее, увидали армію въ боевой позиціи, ожидавшую насъ.—Гонцы быстро прибыли, — сказалъ съ легкимъ смѣхомъ Билли,— они уже ждутъ насъ.

Съ непріятельской стороны раздались три или четыре выстрѣла, и одинъ изъ нихъ случайно попалъ Даніелю въ икру ноги. Это привело его въ чувство. Онъ посмотрѣлъ черезъ снѣговое пространство на армію и замѣтилъ ружья, которыя мы принесли съ собой въ страну.—Мы пригодились имъ,—сказалъ онъ.—Этотъ народъ— англичане, а моя проклятая глупость погубила васъ. Ступай назадъ, Билли Фишъ, и возьми своихъ людей; ты сдѣлалъ все, что могъ. Карнеганъ, пожми мою руку

и иди съ Билли. Можетъ быть они не станутъ убивать тебя. Я пойду на встрѣчу имъ одинъ. Я сдѣлаю это. Я—король.

— Ступай—говорю я.—Ступай хоть въ адъ, Данъ, я съ тобой. Уходи, Билли Фишъ, мы вдвоемъ встрѣтимъ ихъ!

— Я—вождь—почти спокойно отвѣчалъ Билли,—и остаюсь съ вами. Мои люди могутъ идти!—Башкайцы не ждутъ вторичнаго позволенія и бѣгутъ, а Данъ, я и Билли идемъ туда, гдѣ бьютъ барабаны и трубятъ рога. Было холодно—страшно холодно. Я еще и теперь чувствую этотъ холодъ въ затылкѣ моей головы. Вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ...

Кули ушли спать. Въ конторѣ едва мерцали двѣ керосиновыя лампы; потъ обдавалъ мое лицо и брызгалъ, когда я наклонялся, черезъ счетную книгу. Карнеганъ дрожалъ, какъ листъ, и имѣлъ такой видъ, что я боялся, за его разсудокъ. Я вытеръ свое лицо, еще разъ пожалъ его изувѣченую руку и сказалъ:

— Что-же случилось послѣ этого?

— Они взяли ихъ, не производя ни малѣйшаго звука. Не раздалось ни топота по снѣгу, ни тогда, когда король свалилъ перваго, наложившаго на него руку, ни тогда, когда Пійши выпустилъ свой послѣдній патронъ въ лобъ одного изъ нихъ. Ни единаго звука не издали эти свиньи! Они только плотнѣе сомкнулись другъ съ другомъ. Былъ тамъ человѣкъ, называемый Билли Фишъ, добрый другъ для всѣхъ насъ, и они перерѣзали ему шею здѣсь и тамъ, какъ свиньѣ, а король взбрасываетъ ногой окровавленый снѣгъ и говоритъ:—Хорошій оборотъ дали мы нашимъ деньгамъ.

— Что случилось потомъ? Но Пійши, Пійши Тальяферо (скажу вамъ это, сэръ, подъ секретомъ, какъ другу)—онъ потерялъ голову, сэръ. Нѣтъ, не то,—король потерялъ свою голову на одномъ изъ этихъ проклятыхъ веревочныхъ мостовъ. Цѣлую милю шли мы по снѣгу къ веревочному мосту черезъ оврагъ, на днѣ котораго была рѣка. — Вы, навѣрное, видали такіе... Они пронзили Дана насквозь, какъ быка.

— «Будьте вы прокляты!—воскликнулъ король,—вы думаете я не съумѣю умереть, какъ джентльмэнъ?»—Онъ повертывается къ Пійши, который рыдаетъ, какъ ребенокъ:—я довелъ тебя до этого, Пійши, — говоритъ онъ, — отнялъ тебя отъ счастливой жизни затѣмъ, чтобы тебя убили въ Кафиристанѣ, гдѣ ты былъ главнокомандующимъ королевской арміи. Простишь-ли ты меня, Пійши?»

— Прощаю,—говоритъ Пійши.—Вполнѣ и отъ всего сердца прощаю тебя, Данъ.

— «Пожми же мою руку, Пійши,—сказалъ онъ.—Теперь—я иду».—И онъ пошелъ, не оглядываясь ни вправо, ни влѣво, и, поставивъ отвѣсно ногу на одну изъ этихъ головокружитель-

ныхъ скалъ, воскликнулъ:—Разите, прощелыги!—Они нанесли ему ударъ и старый Данъ падалъ, все повертываясь вокругъ, вокругъ и вокругъ на протяженіи многихъ миль, потому что ему надо было кружиться цѣлыхъ полчаса, пока онъ не долетѣлъ до воды, и я увидалъ, что его тѣло зацѣпилось за скалу, а золотая корона блестѣла около него.

«Но вы не знаете, что они сдѣлали съ Пйши между двухъ сосенъ? Они распяли его, сэръ, какъ покажетъ вамъ рука Пйши. Они вбили деревянные гвозди въ его ноги и руки: но онъ не умеръ. Онъ висѣлъ тамъ и кричалъ; на слѣдующій день они его сняли и дивились, что онъ живъ. Они сняли его, бѣднаго, стараго Пйши, который не сдѣлалъ имъ никакого вреда—не сдѣлалъ никакого»....

Онъ закачался взадъ и впередъ и горько заплакалъ, вытирая слезы остаткомъ своей изуродованной руки, и въ теченіе десяти минутъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Потомъ они спустили его на снѣгъ и велѣли идти домой, и Пйши шелъ домой около года, прося по дорогамъ милостыню, и дошелъ почти невредимо, потому что Даніель Драво шелъ впереди и говорилъ: «Иди, Пйши. Мы сдѣлали великое дѣло». Горы плясали по ночамъ и хотѣли упасть на голову Пйши, но Даніель протягиваетъ руку и—Пйши идетъ, согнутый пополамъ. Онъ никогда не выпускаетъ руку Дана, никогда не оставляетъ голову Дана. Они дали ее ему въ даръ, для напоминанія о томъ, чтобы онъ не возвращался опять; и, хотя корона была изъ чистаго золота, а Пйши умиралъ съ голода, Пйши никогда не подумалъ о томъ, чтобы ее продать. Знаете вы Драво, сэръ? Знаете вы достойнаго уваженія брата Драво? Посмотрите теперь на него!

Онъ началъ шарить въ лохмотьяхъ около своей согнутой поясницы, вынулъ черный волосяной мѣшокъ, вышитый серебряными нитками, и вытрясъ оттуда на мой столъ—высохшую, сморщенную голову Даніеля Драво! Утреннее солнце, заставившее потускнѣть лампы, ударило въ тяжелый золотой обручъ, украшенный необдѣланной бирюзой, который Карнеганъ нѣжно придвинулъ къ выдающимся височнымъ костямъ.

— Теперь вы видите короля въ его облаченіи — владыку Кафиристана съ короной на головѣ. Бѣднаго стараго Даніеля, который нѣкогда былъ монархомъ!

По тѣлу моему пробѣжала дрожь, потому что, не смотря на ужасное обезображаніе, я узналъ голову человѣка, котораго встрѣтилъ на Марварскомъ скрещеніи поѣздовъ.

Карнеганъ поднялся уходить. Я пробовалъ удержать его, потому что онъ не былъ въ состояніи идти. — Позвольте мнѣ захватить съ собой виски и дайте немного денегъ,—произнесъ онъ, еле переводя дыханіе.—Я былъ нѣкогда королемъ. Я пойду

къ уполномоченному депутату и попрошу его помѣстить меня въ домъ призрѣнія бѣдныхъ, пока я не выздоровѣю. Нѣтъ, благодарю васъ, я не могу ждать, пока вы пошлете за повозкой для меня. У меня спѣшныя частныя дѣла — на югѣ, въ Марварѣ...

Онъ потащился изъ конторы, волоча ноги, и побрелъ по направленію къ дому уполномоченнаго депутата. Въ полдень этого дня мнѣ пришлось отправиться въ судебныя мѣста, и я снова увидѣлъ скрюченнаго человѣка, который шелъ по бѣлой, пыльной дорогѣ со шляпой въ рукѣ и жалобно причиталъ дрожащимъ слабымъ голосомъ, на манеръ лондонскихъ уличныхъ пѣвцовъ. Кругомъ не было ни души, и онъ находился очень далеко отъ какого бы то ни было строенія, откуда его можно было слышать. А онъ тянулъ въ носъ, покачивая головой съ права на лѣво:—

— Сынъ человѣка идетъ на войну
Добыть золотую корону;
Его кроваво-красное знамя развѣвается далеко —
Кто хочетъ присоединиться къ ополченію?

Я не сталъ дальше слушать, взялъ несчастнаго калѣку въ свой экипажъ и довезъ его до ближайшаго миссіонерства для возможно-скорѣйшей отправки въ пріютъ. Дня черезъ два я освѣдомился о немъ у смотрителя пріюта.

— У него опредѣлили солнечный ударъ. Онъ умеръ вчера рано утромъ,—отвѣчалъ смотритель. — Правда-ли, что онъ въ полдень оставался цѣлые полчаса на солнцѣ съ непокрытой головой?

— Да,—отвѣчалъ я,—но не извѣстно-ли вамъ—былъ кто-нибудь случайно около него, когда онъ умиралъ?

— Не знаю,—сказалъ смотритель.

На этомъ исторія кончается.

Къ чему пришелъ Пименъ Герасимовичъ.

(Разсказъ).

I.

Въ сырой пеленѣ тумана чуть забрезжилъ разсвѣтъ октябрьскаго дня. Городъ лѣниво, нехотя, просыпался. Стуча колесами по влажнымъ камнямъ мостовой, тащились телѣги съ зловоннымъ мусоромъ, по тротуарамъ, неясныя какъ привидѣнія, мелькали фигуры рабочихъ и женщинъ, торопившихся на фабрику.

Портной Пименъ Герасимовичъ переходилъ Знаменскую площадь по направленію отъ Песковъ. Онъ жилъ на Малой Охтѣ и каждый день, переправившись черезъ Неву, ходилъ на Боровую, на станцію общественныхъ каретокъ, гдѣ, за двадцать рублей въ мѣсяцъ, занимался починкою кучерскихъ армяковъ и кондукторскихъ тужурокъ. Для здороваго молодого человѣка, принужденнаго вести сидячую жизнь портного, такая ежедневная прогулка должна была доставлять одно наслажденіе, но Пименъ Герасимовичъ былъ и не молодъ, и убогъ. У него былъ какой-то изъянъ въ лѣвой ногѣ, про который онъ хорошенько самъ не зналъ, но который укорачивалъ его ногу, по крайней мѣрѣ, вершка на два. Вслѣдствіе этого Пименъ Герасимовичъ не ходилъ, а ковылялъ, а проковылять верстъ четырнадцать въ сутки—дѣло далеко не пустое.

Пимену Герасимовичу не нравился и родъ его занятій, и плата, которую онъ получалъ. Правда, Пименъ Герасимовичъ забылъ, когда онъ шилъ цѣлыя вещи, брюки, напримѣръ, или тамъ сюртукъ, или даже, хотя бы, жилетъ... Но чинить, все чинить, всю свою жизнь только чинить, да еще получать за это всего-то двадцать рублей въ мѣсяцъ, было ужъ очень мучительно.

Скорчившись въ своемъ плохенькомъ ватномъ, съ поднятымъ воротникомъ, пальто, одною рукою опираясь на палочку, а другую спрятавъ въ карманъ, Пименъ Герасимовичъ въ тягостномъ раздумьи ковылялъ по площади. До перваго числа,—времени раздачи жалованія,—оставалось полторы недѣли, а

въ карманѣ портного лежали серебряный рубль и восемь гривенъ мелочью. Вотъ и живи какъ знаешь съ четырьмя ребятами, самъ шестой! Да и жалованье получишь—мало облегченья! За квартиру нужно отдать двѣнадцать рублей, да купить дровъ, ну хоть на три рубля, вотъ пятнадцать; остается пять,—въ лавочкѣ въ долгъ набрано на два рубля, значитъ, останется три. Положимъ, жена на стиркѣ заработаетъ въ мѣсяцъ рублей двѣнадцать, да съ жильца три рубля получится, такъ развѣ возможно шести человѣкамъ прожить на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ? А сторонняго заработка нѣтъ! Какой тамъ сторонній заработокъ на Малой Охтѣ? Народъ тамъ шишига, чуть не изъ мучныхъ мѣшковъ самъ себѣ пиджачныя пары шьетъ. Опять же кто пойдетъ разыскивать Пимена Герасимовича въ поле по жалкимъ домишкамъ, вросшимъ въ землю чуть ли не по самыя крыши! Вотъ кабы перемахнуть черезъ Неву, на эту сторону, да хотя бы на этой самой Боровой снять пару оконцевъ на улицу! Неважный и тутъ давалецъ, а всетаки есть: извозчики, торговцы, съ желѣзной дороги разный служащій народъ. Тутъ можно было бы поправиться, передохнуть!

Отчаянный лошадиный топотъ, раздавшійся сбоку, не только прервалъ нить размышленій Пимена Герасимовича, но до того напугалъ его, что онъ, не помня себя и не зная какъ это могло случиться, съ необыкновенной для его короткой ноги рѣзвостью метнулся на тротуаръ къ Сѣверной гостиницѣ. И было время, потому что въ ту же минуту мимо него, съ однимъ передкомъ пролетки, высѣкая искры изъ подъ копытъ, бѣшено промчалась извозчичья лошадь.

— Де-ер-жи! Де-ер-жи-и-и!—слышался вопль бѣжавшей черезъ площадь темной фигуры.

Пименъ Герасимовичъ приложилъ руку къ сердцу. Оно у него сильно билось и замирало. Господи, этого только не доставало! Не отскочи онъ къ тротуару, вѣдь смяла бы его проклятая, какъ пить дать смяла бы... ну и что же, ну и въ больницу, а семья по міру иди!

Осторожно оглядываясь, Пименъ Герасимовичъ заковылялъ по площади.

II.

Въ мастерской было темно. Пименъ Герасимовичъ чиркнулъ спичку, нашелъ стоявшую около шкафика жестяную лампу и зажегъ ее. Слабый свѣтъ озарилъ грязныя стѣны и закоптѣлый потолокъ въ комнатѣ въ два окна, съ верстакомъ, столомъ со шкафчикомъ, за которымъ работалъ шорникъ, парою табуретокъ и скамьи съ придѣланной къ ней рогатиной, напоминавшей прялку.

Пименъ Герасимовичъ пришелъ первымъ, что онъ, впрочемъ, дѣлалъ всегда. Павелъ Павловичъ, шорникъ, какъ аристократъ, являлся поздно. Да и вообще онъ пользовался, сравнительно съ другими, большими преимуществами. Происходило ли это оттого, что онъ давно служилъ, или оттого, что человѣкъ онъ былъ счастливый и ему везло, трудно сказать, но Павелъ Павловичъ былъ, что называется, на виду. Да ужъ если говорить правду, такъ онъ-то собственно и содѣйствовалъ тому, что Пименъ Герасимовичъ получилъ это мѣсто. Когда еще Павелъ Павловичъ жилъ на Малой Охтѣ, такъ зашелъ къ Пимену Герасимовичу насчетъ тамъ какой-то починки, ну и познакомились, и сталъ Павелъ Павловичъ иногда заходить. На именинахъ жены былъ, потомъ такъ какъ-то... Бываетъ такое состояніе у человѣка, когда онъ ко всему окружающему, къ своимъ близкимъ и даже къ самому себѣ относится уклончиво... Какъ будто что-то оно и не ладно, ну да что ужъ... нельзя ужъ очень-то... а лучше ужъ объ этомъ самомъ помалчивать, можетъ это такъ, воображеніе одно! Вотъ и теперь, когда Пименъ Герасимовичъ вспомнилъ, какъ Павелъ Павловичъ былъ на именинахъ жены, онъ сейчасъ же остановилъ себя на подробностяхъ и сосредоточилъ все свое вниманіе на шкафчикѣ, сверху котораго Пименъ Герасимовичъ положилъ вчера кусочекъ сѣраго мыла.

— Съѣли, или нѣтъ?—задалъ себѣ вопросъ Пименъ Герасимовичъ и принялся шарить въ разномъ хламѣ вродѣ обрывковъ кожи, гвоздей, жестянки съ клеемъ и проч.

И такъ какъ мыла не оказалось, то Пименъ Герасимовичъ рѣшилъ, что и этотъ кусочекъ, какъ тотъ, который онъ положилъ третьяго дня—съѣли крысы.

— Ишь, проклятыя! — выругался Пименъ Герасимовичъ, взгромождаясь на верстакъ и ставя передъ собою лампочку,— что ни положи, все сожрутъ!

Онъ досталъ изъ шкафчика нитки, часть намоталъ себѣ на ухо, остальную спряталъ назадъ, и началъ вдѣвать нитку въ иголку.

— Намедни кусочекъ хлѣба въ ящикъ положилъ, такъ вѣдь какъ край-то изгрызли, все добирались! —вспомнилось ему,— да, добирались! Кто до чего! Крысы—къ хлѣбу да къ салу... человѣкъ... тоже... къ чему повадку возьметъ...

И вдругъ красивое, полное, съ выраженіемъ какого-то животнаго, самодовлѣющаго спокойствія лицо жены мелькнуло передъ его глазами; изъ кучки лежавшихъ на верстакѣ армяковъ онъ взялъ одинъ и принялся его разсматривать.

«Вотъ тутъ зашить, да тутъ! – размышлялъ онъ,—а тутъ заплатку поставить... Скучно ей, должно быть, со мной... лѣтъ на пятнадцать моложе будетъ... Вонъ, подъ мышками-то какъ

располосовалъ! Идолъ! Какое со мною веселье! Охи да вздохи... нужда! А ей, тоже, своего удовольствія хочется»!

Въ дверяхъ застучали, и на порогѣ мастерской показалась высокая, чахоточная фигура человѣка лѣтъ 35, съ блѣднымъ красивымъ лицомъ.

— Здравствуйте!—произнесъ вошедшій, снимая картузъ и обнаруживая на головѣ густую шапку волнистыхъ волосъ.

— Здравствуйте, Павелъ Павловичъ!—нѣсколько подобострастнымъ тономъ отвѣчалъ портной.

Шорникъ вынулъ изъ шкафчика инструменты, разложилъ ихъ на столѣ, потомъ поднялъ съ пола хомутъ и присѣлъ съ нимъ къ лампочкѣ.

— Мыло-то вѣдь съѣли, Павелъ Павловичъ!—воскликнулъ портной.

— Чего они не съѣдятъ!—мрачно замѣтилъ шорникъ,—не надо было оставлять!

— Я, собственно, для пробы!

— Ну, что тамъ! Пробовать нечего! Одно слово—крысиная нора!

— Дѣйствительно!—разсмѣялся портной.

Ему самому неловко стало отъ этого заискивающаго смѣха. Чего онъ подлизывается, въ самомъ дѣлѣ! Правда, шорникъ его рекомендовалъ на это мѣсто въ то время, когда Пимену Герасимовичу приходилось такъ плохо, хоть съ голоду помирай, и онъ ему долженъ быть благодарнымъ, а всетаки не черезчуръ. Нужно и себѣ тоже знать цѣну! А какая ему, Пимену Герасимовичу, цѣна? Цѣна-то ему самая, что ни на есть маленькая!

— Меня сегодня на площади чуть лошадь не смяла!—сообщилъ онъ.

Павелъ Павловичъ молчалъ, постукивая молоточкомъ по кожѣ.

— Правда! Едва отскочилъ!

— Пойдете чай заваривать?—спросилъ шорникъ.

— Пойду, Павелъ Павловичъ!—охотно отозвался портной.

— Такъ возьмите и мою долю!—сказалъ шорникъ, подавая бумажный сверточекъ.

— Зачѣмъ! Я, все равно, своего заварю, Павелъ Павловичъ! Прошлый разъ вашъ пилъ. Такъ и будемъ чередоваться!

— Захватилъ, такъ не назадъ нести! Въ другой разъ ужъ!

Портной взялъ сверточекъ, потомъ большой бѣлый чайникъ, на голову надѣлъ картузъ и, ковыляя, вышелъ на дворъ.

Минутъ черезъ пять онъ вернулся, поставилъ чайникъ на столъ и принялся прополаскивать и вытирать кружки. Шорникъ изъ кармана досталъ маленькіе кусочки сахара. У Пимена Герасимовича сахаръ былъ тоже въ карманѣ. Оба принялись пить

чай съ блюдечекъ, дуя на нихъ, какъ-то особенно сладко кряхтя и сосредоточенно глядя въ противоположныя другъ отъ друга стороны.

— Вы сколько за квартиру платите? — спросилъ вдругъ шорникъ.

— Двѣнадцать рублей, Павелъ Павловичъ!

— Да проѣздъ рубь-двадцать? На пароходѣ-то?

— Иной мѣсяцъ и всѣ два!

— Да сапогъ сколько износите!

— И-и! Не говорите, Павелъ Павловичъ!—махнулъ рукою портной.

— Вотъ оно, пожалуй, и всѣ двадцать обойдется!

— Обойдется, обойдется!

— А знаете, въ нашемъ домѣ квартирка опросталась.

— Ну?—радостно воскликнулъ портной,—дорогà, можетъ!—упавшимъ тономъ добавилъ онъ.

— Какъ вамъ сказать! Если все посчитать, такъ не дороже вашей: семнадцать рублей!

— Семь-надцать!—задумался портной.

— Что, дорога показалась? А? А время-то вы ваше цѣните?

— Т. е. какъ это, Павелъ Павловичъ, время?

Шорникъ посмотрѣлъ на Пимена Герасимовича съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «дуракъ ты, дуракъ, больше ничего»!

— Да такъ, время! Вы, вотъ, въ семь кончаете, а домой то приходите, поди-ка, въ восемь?

— Да не раньше!

— Ну, такъ видите! А въ часъ времени, на вольной работѣ, вы сколько могли бы заработать?

Портной молчалъ.

— Опять же насчетъ давальцевъ. Здѣсь вы давальцевъ можете заполучить, а тамъ, позвольте васъ спросить, какой давалецъ? На Малой Охтѣ! Испытали, какой тамъ давалецъ?

— Помилуйте, какой тамъ давалецъ!—воскликнулъ Пименъ Герасимовичъ, раскусивъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, и воспламеняясь пріятной мыслью о возможности начать, наконецъ, жить, «какъ люди живутъ»...—Тамъ, будемъ такъ говорить, никакого давальца нѣтъ!

— Ну, вотъ то-то и есть! А тутъ какой-никакой набѣжитъ. Вотъ вы и разсчитайте! И выходитъ, что квартира-то на этой сторонѣ вамъ дешевле обойдется!

— Да, оно дѣйствительно!—согласился портной.

— Вотъ мы въ обѣдъ сходимъ и посмотримъ! Тутъ недалеко. А завтра Татьяна Петровна можетъ придти посмотрѣть. Только нужно торопиться, потому, вы знаете, нынче квартиры нарасхватъ!

— Да ужъ это само собой!—опять согласился портной.

Онъ кончилъ пить чай, спряталъ огрызокъ сахару въ жилетный карманъ, выполоскалъ кружку и, поставивъ ее вверхъ дномъ на окошко, принялся за армякъ.

— Богъ помощь, молодчики!—сказалъ молодой парень, кучеръ, вваливаясь въ мастерскую съ армякомъ на плечѣ и бросая ношу на верстакъ,—примите, пожалуйста, господинъ портной!

— Ладно, оставь тутъ!—сказалъ Пименъ Герасимовичъ.

Мысли его всецѣло были заняты смѣлымъ проектомъ Павла Павловича. Съ одной стороны, выходило, что оно какъ будто выгоднѣе переселиться съ Охты на этотъ берегъ, хотя бы даже на семнадцатирублевую квартиру, съ другой—какъ будто бы и страшновато. Да и привычка тоже брала свое. Пименъ Герасимовичъ уже свыкся и съ ходьбою, и со всѣми неудобствами прозябанія въ избушкѣ. Зимою, правда, приходилось въ ней горевать, терпѣть и холодъ, и сырость, и угаръ; за то лѣтомъ, благодаря отдаленности отъ жилья, избушка эта превращалась въ дачу. Вокругъ нея Пименъ Герасимовичъ самъ насадилъ вьюновъ, которые лѣтомъ замѣняли садъ, а на вскопанныхъ имъ же четырехъ грядкахъ великолѣпно росли бобы и капуста.

III.

Въ обѣдъ Пименъ Герасимовичъ вмѣстѣ съ шорникомъ сходилъ посмотрѣть новую квартиру и остался ею очень доволенъ. Правда, квартирка была загрязнена, но на вымазанныя жиромъ и мѣстами отодранныя обои, на закоптѣлые потолки и чёрные отъ грязи подоконники Пименъ Герасимовичъ даже и вниманія не обратилъ. Квартира имѣла уже тѣ неоспоримыя преимущества, что была на разстояніи пяти минутъ ходьбы отъ мастерской, состояла изъ кухни и двухъ комнатъ и имѣла всѣ «удобства» цивилизаціи. Мысленно Пименъ Герасимовичъ распредѣлилъ такъ: одну комнату, побольше, въ два окна, займетъ онъ съ семействомъ, а другую, въ одно окно, отдастъ своему жильцу, но уже не за три, а рублей за шесть, за семь. Въ кухню еще можно будетъ пустить какую нибудь старушку рубля за два.

Весь остальной день, до семи часовъ вечера, когда «шабашили», мысли Пимена Герасимовича были заняты этой новой квартирой. Онѣ то поднимались до неизмѣримой высоты паренья, когда Пименъ Герасимовичъ воображалъ на воротахъ дома вывѣску изображавшую фракъ и шубу «въ лапкахъ», съ перстомъ, указывавшимъ во внутрь двора, гдѣ невнимательнаго или разсѣяннаго давальца ожидала другая, совер-

шенно такая же, но безъ перста, вывѣска, демонстративно прибитая сбоку подъѣзда, гдѣ былъ входъ въ квартиру «портного Агафонова»... То воспарившая мысль Пимена Герасимовича, безъ всякой видимой причины, падала ницъ, въ пучину мелкихъ житейскихъ треволненій и тогда Пимену Герасимовичу казалось, что вся мебель .его назначена въ продажу съ аукціона, семейство Пимена Герасимовича выселено изъ квартиры, а самъ Пименъ Герасимовичъ присужденъ къ «высидкѣ» на Казачьемъ плацу. Тогда вспоминалась ему опять его скромная избушка съ ея непритязательнымъ владѣльцемъ—пьяницей охтенскимъ столяромъ, и расшатанный вокругъ палисадникъ, и густая зелень вьюновъ, и столикъ подъ зеленымъ шатромъ, за которымъ Пименъ Герасимовичъ сиживалъ въ тихіе и свѣтлые лѣтніе вечера...

И тѣми и другими мыслями Пименъ Герасимовичъ былъ очень разстроенъ, послѣдствіемъ чего было то, что онъ самъ хорошенько не помнилъ, какъ добрелъ до своей избушки.

За ужиномъ Пименъ Герасимовичъ сообщилъ о квартирѣ женѣ. Онъ пристально смотрѣлъ на нее, чтобы узнать, какъ отразится на ея лицѣ сообщенная имъ новость. Ничего. Полное, красивое лицо молодой женщины какъ будто оживилось, повеселѣло. Татьяна Петровна изъявила непремѣнное желаніе отправиться завтра посмотрѣть квартиру.

Услышавъ о готовящейся перемѣнѣ, изъ своей каморки вышелъ жилецъ. Это былъ молодой еще парень, пріѣхавшій изъ провинціи и искавшій «мѣстечка». Съ утра до поздняго вечера онъ гранилъ мостовыя города въ безплодныхъ поискахъ этого мѣстечка. Въ Петербургѣ у него не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, ни земляковъ, никого, и онъ, всетаки, съ дикимъ упорствомъ провинціала, искалъ и не терялъ надежды найти. Звали его Семеномъ, по фамиліи, Капшукъ. Не было такого казеннаго мѣста, такой канцеляріи, такого департамента, куда бы не забирался Капшукъ. Онъ приходилъ чуть свѣтъ, становился въ подъѣздѣ или въ передней и съ вытянутыми по швамъ руками, причесанный, нафабренный, ждалъ начальства. Если начальство,—не удостоивъ его вниманіемъ,—проходило мимо,—онъ ждалъ его возвращенія, или приходилъ на другой, на третій день. Въ концѣ концовъ, онъ добивался того, что начальство его спрашивало:

— Что тебѣ, любезный?

— Такъ и такъ, ваше вскородіе, какъ я желаю опредѣлиться на мѣсто!—рапортовалъ Капшукъ.

— Никакого мѣста нѣтъ, все занято! Ступай себѣ съ Богомъ!—махало руками начальство.

— Слушаю, ваше вскородіе,—восклицалъ Капшукъ, дѣлалъ налѣво кругомъ и удалялся.

На другой день продѣлывалось то же самое въ другомъ учрежденіи. Чрезъ недѣлю, двѣ, обойдя всѣ, онъ снова приходилъ въ первое, начиналъ сначала.

— Что тебѣ?—спрашивало начальство.

— Такъ и такъ, и проч.,—рапортовалъ Капшукъ.

— Какъ будто ты уже тутъ былъ?—припоминало начальство.

—. Такъ точно, ваше вскородіе!—отвѣчалъ Капшукъ.

— Убирайся вонъ!—восклицало разсерженное начальство,— и чтобы... ты понимаешь?

— Слушаю, ваше вскородіе!—отвѣчалъ Капшукъ и удалялся.

Вылѣзъ онъ теперь изъ своей каморки не въ полномъ парадѣ: грязный, всклокоченный, въ одной рубахѣ и панталонахъ. Правая щека его была выбрита, а на лѣвой еще виднѣлись слѣды мыла.

— Чего жъ это вы, хозяева, выѣзжать никакъ собираетесь?

— Собираемся!—отвѣчалъ Пименъ Герасимовичъ, поднося ко рту ложку щей,—а вамъ что?

— Какъ «что»! А я-то какъ останусь?

— А это ужъ какъ вамъ будетъ угодно! Хотите—съ нами переѣзжайте, не хотите,— ищите другую комнату!.

— Зачѣмъ же я буду комнату искать?—удивился парень.

— Ну, оставайтесь въ пустой квартирѣ!

— А зачѣмъ я буду оставаться? Ге!

— Значитъ, вы съ нами перейдете?

— А отчего нѣтъ? Ге!

— Да, но на томъ берегу мы съ васъ ужъ не три рубля возьмемъ за комнату, а шесть.

— О?

Капшукъ широко раскрытыми глазами взглянулъ на обоихъ супруговъ и, не сказавши ни слова, ушелъ въ свою конуру, а супруги занялись дѣловыми обсужденіями столь жгучаго для нихъ вопроса, какъ перемѣна квартиры. Двѣ жалкія комнатки и кухню они распланировывали такъ, что могли бы возбудить зависть въ любомъ архитекторѣ. Татьяна Петровна отличилась въ особенности: узнавъ, что въ кухнѣ, кромѣ настоящаго, какъ слѣдуетъ быть, окна, есть еще оконце, выходящее куда-то въ сѣни, она сейчасъ же рѣшила, вмѣсто одной старушки, поселить двухъ.

— Вотъ ты и разочти!—восклицала она, возбужденно сверкая глазами: комнату отдадимъ—шесть, да двухъ жильцовъ на кухню пустимъ...

— Старушекъ!—почему-то настаивалъ Пименъ Герасимовичъ.

— Ну, хорошо, старушекъ, да гдѣ ты ихъ найдешь? На свалкѣ, что ли, будешь искать? Ну, да все равно, старушекъ! Одна пусть три платитъ, это которая у настоящаго окна, а другая два! Вотъ ты и разочти! Шесть, да три, да два,— сколько будетъ?

— Одиннадцать!

— Одиннадцать! А квартира стоитъ семнадцать! Значитъ мы въ шести рубляхъ будемъ жить!

— А дрова?

— Ну, накинь на дрова три рубля! Будетъ девять! А тутъ мы живемъ въ двѣнадцати рубляхъ! Гдѣ же выгоднѣе? Понялъ?

— Понять-то я понялъ, а только жильцовъ пускать тоже не сладость!

— А ты сладкаго захотѣлъ? Съ четырьмя ребятами? Ну ужъ, ну,—сладкое житье наше отошло!

Пименъ Герасимовичъ вздохнулъ. Внезапно мысли его приняли довольно скорбное направленіе. Забравшись на койку, онъ слѣдилъ за женою, перемывавшею и убиравшею въ шкафъ посуду. Жена стояла къ нему спиною; ея могучія, широкія плечи и большая, круглая, крѣпко поставленная въ нихъ голова, рельефно оттѣнялись на стѣнѣ.

— А меня сегодня чуть лошадь не раздавила!—сообщилъ Пименъ Герасимовичъ.

Жена даже не повернулась.

А между тѣмъ Пименъ Герасимовичъ сдѣлалъ свое сообщеніе послѣ долгой борьбы съ искушеніемъ еще раньше, во время ужина, разсказать о предстоявшей опасности. Кажется, минута была выбрана удачная, а вотъ, поди же, не потрафилъ!

Пименъ Герасимовичъ огорчился, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и скоро заснулъ. Такъ закончился для него день, полный самыхъ серьезныхъ треволненій.

IV.

Переселеніе семьи Пимена Герасимовича на новую квартиру совершилось черезъ нѣсколько дней. Всѣ были рады, даже дѣти, не смотря на то, что туземное дѣтское населеніе двора встрѣтило оборванныхъ пришельцевъ не совсѣмъ дружелюбно. Но тѣмъ не менѣе всѣ были рады: Пименъ Герасимовичъ былъ счастливъ сознаніемъ, что ему не придется уже каждый день шлепать по грязи и во мракѣ, и терять время, которое, послѣ бесѣды съ шорникомъ, сдѣлалось для него особенно дорогимъ; Татьяна Петровна была довольна

тѣмъ, что покинула «скучныя» мѣста и переселилась туда, гдѣ «настоящіе люди живутъ»; дѣти, какъ дѣти, рады были вообще переселенію и сопряженной съ нимъ нѣкоторой временной свободѣ.

Вечеромъ, когда все въ новой квартирѣ установили и устроили, Пименъ Герасимовичъ отлучился ненадолго и вернулся въ сопровожденіи Павла Павловича, тутъ же, въ дверяхъ, поднесшаго хозяйкѣ большой крендель. У самого Пимена Герасимовича былъ нѣсколько замысловатый видъ; щетинистые усы его топорщились, глаза улыбались, а изъ обоихъ кармановъ пальто торчали свертки. Въ сверткахъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась закуска: тешка, колбаса и даже маленькая жестянка килекъ. Изъ бокового кармана пальто Пименъ Герасимовичъ вытащилъ бутылку «казенной»...

Когда-то Пименъ Герасимовичъ былъ лютъ выпить. Онъ пилъ не больше, не меньше, чѣмъ любой портной на Руси, но онъ пилъ именно какъ портной, который, въ выпивкѣ, какъ извѣстно, ничѣмъ не уступаетъ сапожнику. Въ жизни Пимена Герасимовича были прискорбныя событія, когда онъ просыпался въ части и направлялся домой «занумерованнымъ»; были опасные періоды, когда онъ «чернѣлъ», т. е. въ буквальномъ смыслѣ слова дѣлался чернымъ отъ неумѣреннаго употребленія водки; были, наконецъ, не менѣе прискорбные періоды, когда двое здоровенныхъ дворниковъ, едва осиливъ тщедушнаго Пимена Герасимовича, грузили его на извозчика и доставляли въ какое-то странное заведеніе, до такой степени переполненное зелеными чертиками, что тѣ прыгали даже на носу почтеннаго господина, называвшаго себя врачемъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Пименъ Герасимовичъ женился, всѣ эти періоды миновали. Веселая портняжья жизнь кончилась, и Пименъ Герасимовичъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ осторожныхъ потребителей очищенной.

— Водку пей, а дѣло разумѣй!—сказалъ Пименъ Герасимовичъ, деликатнымъ жестомъ приглашая Павла Павловича и Капшука, своихъ единственныхъ гостей, къ накрытому столу. Покорнѣйше прошу откушать!

Павелъ Павловичъ взялъ налитую рюмку водки, поднялъ въ уровень съ собственнымъ носомъ и сказалъ:

— Съ новосельемъ! Поздравляю!

Капшукъ ничего не сказалъ, только водку выпилъ.

Павелъ Павловичъ налилъ уже самъ новую рюмку и, подойдя къ Татьянѣ Петровнѣ, нарядившейся, по случаю новоселья, въ свое единственное парадное зеленое платье, съ чувствомъ произнесъ:

— Съ новосельемъ, Татьяна Петровна!

Татьяна Петровна подняла глаза, и... какъ это хорошо

случилось, что Пименъ Герасимовичъ чокался въ это время съ Капшукомъ и не видѣлъ глазъ Татьяны Петровны, иначе онъ теперь же узналъ бы то, что ему пришлось извѣдать впослѣдствіи... А можетъ быть, впрочемъ, оно и къ лучшему было бы, если бы Пименъ Герасимовичъ теперь же все узналъ,—ну, да однимъ словомъ, Татьяна Петровна подняла на Павла Павловича глаза и тихонько отвѣтила:

— Благодарю, Павелъ Павловичъ!

Затѣмъ общество приступило къ уничтоженію пирога, оказавшагося не совсѣмъ удачнымъ. За пирогомъ было выпито еще и еще. Семенъ Капшукъ, сдѣлавшійся вдругъ необыкновенно искреннимъ и развязнымъ, принялся разсказывать о своихъ злоключеніяхъ въ Петербургѣ и о томъ, какъ онъ тщетно добивается получить мѣсто. Павелъ Павловичъ, слушая, смѣялся отъ души. Смѣялся и Пименъ Герасимовичъ, но собственно больше за компанію. Что касается Татьяны Петровны— та хмурилась. Дамы любятъ, чтобы мужчины были ихъ кавалерами и обращали бы больше вниманія на нихъ, — такова уже ихъ натура.

Семенъ Капшукъ чѣмъ дальше, тѣмъ становился интереснѣе.

Онъ зналъ массу бѣлорусскихъ анекдотовъ, неуклюжихъ, топорныхъ по формѣ, но тонкихъ и забавныхъ по содержанію. Нѣкоторые изъ нихъ были не для дамъ, но Капшукъ всегда изловчался разсказывать ихъ въ то время, когда хозяйка отлучалась на кухню.

Павелъ Павловичъ былъ въ восторгѣ. Онъ хлопалъ по плечу Капшука, ободрялъ его на дальнѣйшіе подвиги по анекдотической части и хохоталъ, хохоталъ безъ конца. Пименъ Герасимовичъ вначалѣ былъ тоже веселъ, но больше за компанію. Нѣсколько рюмокъ водки и пара бутылокъ пива совсѣмъ омрачили его сознаніе, и все вокругъ него приняло какой-то тягостно-трагическій оттѣнокъ. Свѣтъ отъ небольшой керосиновой лампы казался ему необыкновенно краснымъ, какой-то тяжелый туманъ наполнилъ комнату, и въ этомъ туманѣ мелькали ставшія ему непріятными лица его гостей. Да, всѣ эти лица были ему непріятны, даже красивое, пышущее весельемъ и здоровьемъ лицо жены, и только одно лицо пятилѣтней дѣвочки возбуждало въ чемъ чувство какого-то грустнаго умиленія. Бѣдная Лизочка! У нея болѣла нога, чуть ли не съ самаго рожденія; доктора говорили, что это что-то въ кости.

Вообще доктора пугали Пимена Герасимовича, и онъ не любилъ къ нимъ обращаться. А дѣвочка росла и худѣла, какъ бы таяла, и Пименъ Герасимовичъ уже готовился внутренно къ концу. И тѣмъ сильнѣе была его любовь къ убогой Лизочкѣ.

Вѣдь это не могло долго тянуться.

Пименъ Герасимовичъ посадилъ дочь на колѣни, гладилъ

ея мягкіе, какъ пухъ, жидкіе волосы и смотрѣлъ впередъ въ туманъ, гдѣ мелькали безразличныя для него лица обоихъ гостей и жены.

А эти безразличныя лица улыбались, гримасничали. Ихъ красныя, лоснившіяся отъ испарины щеки широко раздвигались въ улыбки, глаза сверкали, взрывы хохота, вылетавшіе изъ ихъ здоровыхъ глотокъ, слѣдовали одинъ за другимъ и пугали двухъ маленькихъ дѣтей, спавшихъ на кухнѣ. Оттуда по временамъ доносился ихъ жалобный, тихій плачъ.

Татьяна Петровна была оживлена въ особенности. Живя въ избушкѣ на Малой Охтѣ, она, по собственному признанію, «отвыкла отъ людей», «сдѣлалась дура—дурой», и ей въ особености было пріятно, что «кавалеры» никакъ не хотѣли этого признать, другъ передъ другомъ увѣряя Татьяну Петровну, что она дама «въ полной формѣ», какъ слѣдуетъ быть.

— Ну, да, полноте!—кокетничала Татьяна Петровна, закатывая глаза и оправляя складки зеленаго платья, — гдѣ ужъ мнѣ!

Около десяти часовъ пришли двѣ подруги хозяйки,—папиросницы съ ближайшей фабрики, потомъ старичокъ съ Охты, цѣлый день неизвѣстно чѣмъ промышлявшій на городской сторонѣ и только вечеромъ отправлявшійся домой. Онъ зашелъ мимоходомъ спровѣдать, какъ устроились, и совсѣмъ не зналъ, что попадетъ на новоселье.

— Вретъ, все вретъ!—шепнула хозяйка одной изъ своихъ подругъ, рыжей, въ веснушкахъ дѣвицѣ — у него всегда такъ, все мимоходомъ. А налижется больше всѣхъ! Пра-аво!

Предсказаніе Татьяны Петровны блестящимъ образомъ оправдалось: пришли два молодые человѣка, служащіе на желѣзной дорогѣ и вмѣстѣ женихи папиросницъ, и съ ними старичокъ напился.

Напившись, онъ началъ болтать всякій вздоръ, но такъ весело, такъ остроумно, что сдѣлался душою общества. Онъ даже изъявилъ намѣреніе сплясать. Капшукъ вызвался принести скрипку. Никто и не догадывался о существованіи у него этого инструмента, такъ какъ онъ ревниво берегъ его на днѣ своего сундучишка. Оттуда онъ извлекъ старую скрипку, лишившуюся лака, захватанную около грифа грязными руками и съ вытертой до бѣла декой, на которую упираются подбородкомъ, затѣмъ пресквернѣйшій, съ почернѣвшими волосами смычокъ и принялся настраивать, поплевывая въ колки.

Явившись въ большую комнату, Капшукъ сталъ за столомъ, на которомъ предусмотрительная хозяйка поставила бутылку пива, затѣмъ, одинъ за другимъ, выпилъ два стакана и началъ играть вальсъ.

Павелъ Павловичъ, такъ сказать, открылъ балъ. Онъ при-

гласилъ хозяйку, и она, вспыхнувъ и зардѣвшись, положила ему руку на плечо.

— Какъ вы легко танцуете!—шепталъ Павелъ Павловичъ, крѣпко сжимая руку хозяйки.

— Я давно не танцовала!—тихо произнесла та.

— А съ вами такъ легко танцовать, точно вы каждый день танцуете!

— Какъ же! Около плиты!—тономъ безнадежнаго сарказма отвѣчала Татьяна Петровна.

— Около плиты не научишься! Это у васъ отъ природы!

— Довольно, пустите! Я больше не могу!—прошептала Татьяна Петровна, чувствуя, что правая рука Павла Павловича, какъ клещи, крѣпко жметъ ей талію.

— Еще немного! — послышался надъ ея ухомъ страстный шепотъ.

— Пустите! У меня голова кружится!

У нея, дѣйствительно, закружилась голова. Не отъ того, что она долго танцовала или что въ комнатѣ было душно; хотя и не такую духоту привыкла переносить Татьяна Петровна, но тутъ было что-то посильнѣе духоты: Татьяну Петровну душилъ не спертый воздухъ комнаты, душила кровь, молодая, горячая, бурной, неудержимой волной прихлынувшая къ головѣ и сердцу. Лицо ея стало совсѣмъ багровымъ, глаза помутнѣли, сдѣлались соловыми, и она тупо-медленно смотрѣла на красивую фигуру Павла Павловича, на его курчавые волосы, на черные, вьющіеся въ кольца усы, отъ которыхъ отчаянно пахло какимъ-то дешевымъ фиксатоаромъ.

— Ухъ, какая! Не оторвался бы!—шепнулъ Павелъ Павловичъ и, сдѣлавъ еще одинъ туръ, не посадилъ, а почти бросилъ Татьяну Петровну на диванъ.

— Кадриль! Господа, кадриль! — восклицалъ одинъ изъ жениховъ и подскочилъ къ Капшуку:—послушайте, вы умѣете играть кадриль?

— Кадриль, мазурку, лансье!—утвердительно отвѣчалъ тотъ.

— Пожалуйста, кадриль! Голубчикъ, сыграйте кадриль!

Капшукъ поискалъ глазами на столѣ,—нѣтъ ли пива, а такъ какъ по близости таковаго не оказалось, пошелъ искать по окнамъ. Онъ нашелъ хотя и раскупоренную, но полную бутылку, поставилъ ее передъ собой и началъ играть ритурнель.

Отъ этой кадрили вѣяло глубокой стариной, но, тѣмъ не менѣе, она понравилась танцовавшимъ. Старичекъ пробовалъ даже подыгрывать на губахъ. Передъ каждой фигурой Капшукъ дѣлалъ паузу, необходимую для того, чтобы залпомъ выпить стаканъ, другой пива. Около него стояли уже четыре пустыя бутылки, лицо его было красно, лоснилось отъ испарины, онъ

качалъ головой въ тактъ своей музыкѣ и стучалъ каблуками съ набитыми на нихъ маленькими подковами.

Лиза заснула на колѣняхъ отца. Пименъ Герасимовичъ тихонько всталъ и понесъ дѣвочку на кухню. Трое ребятишекъ спали на одной большой кровати въ повалку, какъ попало. На столѣ чадила жестяная лампочка; тутъ же кучей лежали грязныя тарелки, валялись кости, огрызки пирога и прочая снѣдь въ перемежку съ пробками и клочками засаленной бумаги. На полу, въ уголкѣ, помѣщалась группа пустыхъ пивныхъ бутылокъ.

Пименъ Герасимовичъ одною рукой расчистилъ на кровати уголокъ для Лизы и осторожно положилъ ее. Дѣвочка облегченно вздохнула. Пименъ Герасимовичъ разстегнулъ платьице, осторожно снялъ его, потомъ башмачки, чулки...

«Какія у ней худенькія ноги! Какъ спички!—подумалъ онъ, бережно прикрывая ноги одѣяломъ,—да и вся-то она, Господи помилуй, слабенькая! Не живучая! Вонъ шейка-то какая тоненькая!»

Онъ провелъ рукою по мягкимъ волосамъ дѣвочки.—Бѣдная!—Скоро она уйдетъ отъ него, скоро некому будетъ встрѣчать его каждый день радостными восклицаніями:—«папа пришелъ!» Надвигается темное, страшное горе, и нѣтъ отъ него спасенія, нѣтъ возможности устранить его, отогнать его прочь. Что дѣлать, что дѣлать?

Пимену Герасимовичу вспомнилось, какъ одинъ изъ лѣчившихъ Лизочку докторовъ сказалъ, что ребенокъ навѣрно выздоровѣлъ бы отъ морскихъ купаній...

Вспомнивъ это, Пименъ Герасимовичъ горько улыбнулся. Какія ужъ тамъ купанья! Можетъ быть оно и помогло бы вначалѣ, а теперь ужъ ничто не поможетъ, развѣ чудо какое случится. Да и на какое море повезетъ онъ свою дѣвочку!..

Пименъ Герасимовичъ еще разъ провелъ рукою по волосамъ Лизочки, потомъ всталъ и, тихонько ступая, направился къ двери въ комнату Капшука, черезъ которую нужно было пройти въ ту, гдѣ происходили танцы.

Въ комнатѣ было темно и, вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ свѣта къ мраку, Пименъ Герасимовичъ ничего не видѣлъ; но онъ услышалъ шорохъ, затѣмъ быстрый, сдержанный, словно пугливый шопотъ и снова шорохъ, на этотъ разъ Пименъ Герасимовичъ ясно могъ опредѣлить,—женскаго платья.

— Кто тутъ?—воззвалъ въ темноту Пименъ Герасимовичъ.

— Это я!—отвѣтила Татьяна Петровна.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Я!.. Да видишь ли... гости спрашиваютъ пива, а я, помнится, поставила три бутылки на окно въ жильцову комнату...

Пименъ Герасимовичъ слушалъ, прислонившись къ притолокѣ и взявшись рукою за лобъ, и этого не видно было въ темнотѣ. Не видно было также, какъ Павелъ Павловичъ, только что страстно цѣловавшій хозяйку и въ губы, и въ бѣлую, мягкую шею, блѣдный, смущенный съ сильно бившимся сердцемъ стоялъ за ситцевой занавѣской, скрывавшей кроват Капшука и каждую минуту боялся, чтобы Пименъ Герасимовичъ не зажегъ спичку и не обнаружилъ торчавшія изъ подъ занавѣски ноги. Но Пименъ Герасимовичъ *не хотѣлъ* зажигать спички. Ему не нужно было лишнихъ доказательствъ того, о чемъ онъ зналъ раньше. Онъ даже боялся, чтобы кто нибудь изъ гостей случайно не вошелъ въ комнату съ лампой, не раскрылъ бы дверь и такимъ образомъ не освѣтилъ комнаты, и, торопясь предупредить возможную случайность, Пименъ Герасимовичъ самъ тихонько пріоткрылъ дверь и вошелъ въ комнату, гдѣ были гости.

Тамъ было шумно и весело. Въ слояхъ табачнаго дыма, какъ въ туманѣ, мелькали возбужденныя водкой и танцами лица гостей. Старичокъ, одинъ изъ жениховъ и дѣвица сидѣли на диванѣ и на губахъ изображали музыку, а Капшукъ съ другою дѣвицей, по серединѣ комнаты, изображали какой-то дикій танецъ. Дѣвица толклась около кавалера, поднимая кверху руки и помахивая платочкомъ, а Капшукъ въ бѣшеномъ упоеніи носился по комнатѣ, буравя полъ подкованными каблуками.

VI.

Утромъ, при свѣтѣ жестяной лампочки, Пименъ Герасимовичъ и шорникъ сошлись въ мастерской. У Павла Павловича отъ выпитой наканунѣ водки болѣла голова; онъ былъ мраченъ, съ озлобленіемъ, ругаясь, швырялъ на полъ хомуты и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ. У Пимена Герасимовича не болѣла голова, но онъ былъ блѣденъ, такъ какъ не спалъ ночь.

Онъ сосредоточенно занялся работой, но въ то время, какъ рука машинально, съ обычнымъ проворствомъ работала иглой, мысли его были далеко. Съ тоской и мученіемъ онъ переживалъ то, что испытывалъ, стоя въ темной комнатѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обманывавшей его жены и этого человѣка, другомъ котораго онъ, конечно, не могъ быть, но отъ котораго зависѣлъ со всей семьей. Дѣло въ томъ, что Павелъ Павловичъ, кромѣ шорнаго ремесла, зналъ въ совершенствѣ и обойное, вслѣдствіе чего его не разъ призывали къ управляющему для различныхъ подѣлокъ и починокъ. И вотъ, когда однажды Пименъ Герасимовичъ пришелъ къ шорнику съ просьбой: не мо-

жетъ ли достать ему работы, а портной какъ разъ къ этому времени загулялъ и не являлся,—Павелъ Павловичъ началъ просить управляющаго взять на его мѣсто Пимена Герасимовича. Просьба его увѣнчалась успѣхомъ, и Пименъ Герасимовичъ вскорѣ водворился на службѣ. Угощеніе, которое онъ не замедлилъ поставить шорнику, не могло идти въ счетъ, такъ какъ Пименъ Герасимовичъ самъ сознавалъ, что услуга, оказанная ему, была слишкомъ велика.

И онъ долженъ молчать, дѣлать видъ, что ничего не знаетъ, не замѣчаетъ, не долженъ ни на волосъ измѣнять своихъ отношеній къ Павлу Павловичу, чтобы, въ свою очередь, не дать тому замѣтить, что онъ все знаетъ. И все это нужно сдѣлать для семьи, для Лизочки нужно это сдѣлать, и онъ сдѣлаетъ.

И, чтобы пе выдать себя передъ Павломъ Павловичемъ молчаніемъ, Пименъ Герасимовичъ заговорилъ:

— Павелъ Павловичъ,—спросилъ онъ,—будете пить чай?

— Не хочется теперь!—отвѣтилъ тотъ,—потомъ развѣ. Голова что-то болитъ!

— А вы бы поправились!—предложилъ Пименъ Герасимовичъ.

— Я и то думаю! Пойду-ка, въ самомъ дѣлѣ, да поправлюсь, а въ случаѣ Иванъ Алексѣевичъ спроситъ, вы знаете какъ сказать?

— Знаю, Павелъ Павловичъ!

Шорникъ бросилъ къ ногамъ свою работу, всталъ, накинулъ на плечи пальто и вышелъ изъ мастерской.

Пименъ Герасимовичъ тоже пересталъ работать и устремилъ задумчивый взглядъ на огонь лампы... Вѣдь это онъ въ послѣдніе два-три года такъ состарился и словно опустился, принизился; именно съ тѣхъ поръ, какъ пришлось переселиться на Охту, а раньше онъ былъ хоть куда, и тогда рядомъ съ нимъ Татьяна Петровна не казалась ужъ такой молодой и красивой. И если бы не нужда, если бы дѣла его были хороши, такъ онъ и теперь былъ бы еще ничего, а главное, что не пришлось бы ему отъ людей зависѣть и терпѣть униженія, вродѣ того, какое постигло его теперь. Какое униженіе, какой позоръ!

Пименъ Герасимовичъ положилъ голову на руку и закрылъ глаза.

— А что, если она не по доброй волѣ съ нимъ... а тоже изъ за семьи!—мелькнуло у него въ головѣ,—если она вовсе не желаетъ, хочетъ вѣрность мужу соблюсти, да видитъ, что отъ этого будетъ всѣмъ худо. Вѣдь и это можетъ быть! Конечно, можетъ! Нужно бы съ ней по душѣ поговорить, непремѣнно нужно! Такъ нельзя! Но какъ же я это сдѣлаю? Господи, вразуми меня!

Пименъ Герасимовичъ поднялъ глаза на висѣвшій въ углу и едва выдѣлявшійся изъ темноты образъ благословляющаго Спасителя.

«Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные»...— припомнилось Пимену Герасимовичу, и двѣ крупныя слезинки сверкнули въ его глазахъ.

«Бросить всѣхъ и уйти... прилѣпиться къ Богу!»—мелькнуло въ его головѣ,—ну, да, хорошо, брошу и уйду, хоть въ монастырь какой, который построже, а Лизочка-то какъ, съ Лизочкой-то кто останется? Кому нужна хворая, убогая дѣвочка? Вѣдь ей будетъ тяжело, тяжелѣе, чѣмъ у меня... вѣдь ее обижать начнутъ, кормить не будутъ, а если станутъ, такъ съ сердцовъ, да съ попреками. А она больная! Много ли ей жить-то осталось!

Въ тишинѣ слышно было, какъ крыса грызла дерево, да на желѣзную обшивку наружныхъ подоконниковъ съ унылымъ звукомъ падали съ крыши капли отъ таявшаго снѣга. Дверь хлопнула, и въ мастерскую вошелъ шорникъ. Движенія его были быстрѣе, и самъ онъ казался повеселѣвшимъ. Живо, безъ ругательствъ, онъ поднялъ валявшійся на полу хомутъ и съ видимой охотой принялся за работу.

— А смѣшной этотъ... вашъ жилецъ!—сказалъ онъ.

— Чѣмъ же, Павелъ Павловичъ?

— Да такъ! Говоритъ какъ-то смѣшно! Онъ полякъ, что-ли?

— Не знаю, Павелъ Павловичъ! Крестится по нашему, по православному.

— Значитъ православный! Я къ тому, что выговоръ у него какъ будто не русскій! А веселый малый!

— Да, ужъ на что веселѣе!

— Мастеръ и сыграть, и сплясать! Да и балагуръ порядочный! Начнетъ разсказывать,—животики надорвешь!

— Да вотъ мѣста никакъ не найдетъ!

— Слышалъ я! Жаловался онъ мнѣ, просилъ! Я ужъ и подумалъ, кабы его въ контору, въ сторожа... Кузьма-то въ деревню ѣдетъ.

— Да, оно бы недурно!

— Чего лучше! Пятнадцать жалованья, на всемъ готовомъ. Поговорить развѣ объ немъ Максиму Ильичу?

— Поговорите, Павелъ Павловичъ, доброе дѣло сдѣлаете!

— И то поговорю, въ самомъ дѣлѣ!

Шорникъ принялся соображать, какъ бы ему половчѣе устроить судьбу своего новаго знакомаго, а Пименъ Герасимовичъ, не занятый вынужденной бесѣдой, началъ тянуть безконечно длинную нить скорбныхъ размышленій. Главное— того, что было уже сдѣлано, нельзя было воротить: Пименъ Герасимовичъ женился на дѣвушкѣ, на цѣлыхъ двадцать лѣтъ

моложе его; но за то, если бы оказалось, что Татьяна Петровна добровольно пошла на *это* (Пименъ Герасимовичъ даже мысленно, даже передъ самимъ собою не рѣшался называть вещи по именамъ!), то можно взять Лизочку,—одну только Лизочку, какъ родившуюся тогда, когда у Пимена Герасимовича не было ни малѣйшихъ поводовъ къ подозрѣнію,—и уйти, уйти отъ всѣхъ ихъ, отъ грѣха, отъ зла и соблазновъ всего міра!..

Принявъ такое рѣшеніе, Пименъ Герасимовичъ тихонько перекрестилъ грудь и вздохнулъ облегченно. Какой угодно, казалось ему, ударъ онъ готовъ былъ бы встрѣтить теперь, не дрогнувъ. И онъ уже не заговаривалъ болѣе съ Павломъ Павловичемъ; онъ сразу, однимъ своимъ рѣшеніемъ, какъ бы отстранилъ его отъ себя навсегда.

VII.

Черныя тучи нависли надъ городомъ. Ихъ не было видно, такъ какъ было темно и на улицахъ горѣли фонари, но сыпавшійся съ неба частый, мокрый снѣгъ, давалъ себя знать прохожимъ. Извощики подняли верхи пролетокъ, по тротуарамъ задвигались пѣшеходы подъ зонтиками, а у кого ихъ не было, тѣ, поднявъ воротники шубъ и пальто, облѣпленные снѣгомъ, озабоченно сновали по тротуарамъ. И среди этихъ, торопливо бѣжавшихъ, обгонявшихъ одна другую фигуръ, своимъ необычайнымъ спокойствіемъ и какъ бы презрѣніемъ къ стихіи выдѣлялась небольшая, мѣрно ковылявшая по улицѣ фигура Пимена Герасимовича. Хлопья мокраго снѣга бѣлыми налетами покрывали его съ ногъ до головы, таяли на плохо выбритыхъ, покрытыхъ сѣдоватой щетиной щекахъ, забирались за воротникъ стараго, ватнаго пальто и заставляли вздрагивать портного. А онъ все шелъ да шелъ впередъ, тихо, задумчиво, не прибавляя шагу, словно прогуливаясь. Казалось, что, погруженный въ свою думу, онъ не замѣчалъ ни сталкивавшихся съ нимъ пѣшеходовъ, ни извозчиковъ, кричавшихъ ему «берегись» при переходѣ черезъ улицу, ни этого снѣга, съ каждой минутой становившагося все гуще и гуще.

Онъ остановился за Обводнымъ каналомъ, въ пустынной мѣстности, прилегавшей къ Невѣ. Далеко на горизонтѣ правильными рядами свѣтлыхъ квадратиковъ горѣли окна большой фабрики, надъ которой длинная труба медленно выпускала длинно тянувшійся дымъ. Оттуда доносился неясный, то смолкавшій, то вдругъ возобновлявшійся съ новою силой, подобный приливу моря, городской шумъ. Тутъ было тихо, совсѣмъ тихо. За покосившимся низкимъ заборомъ, съ раскрытыми и

скрипѣвшими на ржавыхъ петляхъ воротами,—тянулись покрытыя снѣгомъ, напоминавшія ряды могилъ огородныя гряды.

Пименъ Герасимовичъ остановился въ воротахъ. Прикрытый отъ вѣтра и снѣга, онъ стоялъ, какъ бы ожидая момента, когда память подскажетъ ему, куда нужно идти, чтобы выбраться изъ пустыря. Что-то, не переставая, слабо шелестило около него, и въ этомъ шелестѣ не столько слышались, сколько чувствовались печальныя ноты. Пименъ Герасимовичъ оглядѣлся. Въ двухъ шагахъ отъ него качался и шелестилъ тонкій и чрезвычайно высокій кустикъ какой-то травы. Хлопья снѣга мягкими шлепками ложились на землю, ложились вокругъ на корни этого куста, но поникшая его верхушка свободно рѣяла по воздуху.

— С-с-сви, с-с-сви!—какъ будто пѣла она свою послѣднюю, предсмертную пѣсню, и въ отвѣтъ слышались только побѣдный свистъ метели да мягкіе звуки снѣжныхъ, облѣплявшихъ ворота хлопьевъ.

— Одинъ, одинъ!—мысленно повторялъ Пименъ Герасимовичъ,—вѣдь и я одинъ, какъ эта, вотъ, травка, и также вотъ меня кругомъ заноситъ, заноситъ... А Лизочка? припомнилъ онъ вдругъ, откачнулся отъ одной половинки воротъ, къ которой было прижался, и бодро шагнулъ впередъ, по направленію къ фабрикѣ...

Онъ вернулся домой поздно,—всѣ уже спали. Заспанный Капшукъ открылъ ему двери и пробормоталъ что-то недружелюбное. Пименъ Герасимовичъ извинился и тихонько, на цыпочкахъ пробрался въ свою комнату. При его появленіи Татьяна Петровна подняла голову.

— Чего шляешься, полуночникъ!—окликнула она мужа слегка осипшимъ со сна голосомъ.

Обращеніе это было и грубо, и несправедливо, но Пименъ Герасимовичъ не обратилъ на это вниманія. Онъ весь былъ поглощенъ приготовленіемъ къ предстоявшей бесѣдѣ съ женою и съ цѣлью расположить ее выслушать себя,—такъ какъ бывали случаи, когда никакими силами нельзя было вызвать молодую женщину на бесѣду,—онъ отвѣчалъ:

— Поздновато-то поздновато, Таничка, это ты вѣрно!

— Людей только будишь!—продолжала ворчать та.

— Ну, ужъ что дѣлать, Таничка, а вотъ я хотѣлъ съ тобою поговорить объ очень, очень важномъ дѣлѣ!

— Нашелъ время когда говорить!—пробормотала жена.

— Да когда же, Таничка? День работаю, вечеромъ придешь, все на людяхъ, да на дѣтяхъ!

Пименъ Герасимовичъ стоялъ передъ кроватью жены въ одномъ жилетѣ, поверхъ довольно грязной ситцевой рубахи. Небольшое туалетное зеркало, стоявшее на комодѣ, на мутной

отъ пыли поверхности отражало некрасивое, давно не бритое лицо Пимена Герасимовича съ носомъ въ видѣ картошки и безцвѣтными, судачьими глазами, печально моргавшими бѣлесоватыми бровями.

— Ну, что тамъ еще такое?—спросила жена.

Пименъ Герасимовичъ сдѣлалъ шагъ впередъ и осторожно, отогнувъ одѣяло, присѣлъ на край кровати.

— Вотъ что, Таничка,—началъ онъ, не рѣшаясь поднять глазъ на жену и смотря въ уголъ,—нужно ужъ намъ какъ нибудь на чистоту, потому такъ-то что же... Что же, я говорю, такъ-то... Неладно, какъ будто! Да!

— Что такое? О чемъ ты?—удивилась жена и приподнялась на локтѣ.

Широкій воротъ рубашки почти не скрывалъ ея полныхъ, бѣлыхъ плечь и роскошной груди, расплетшаяся черная коса разметалась по подушкѣ.

— Таничка!—началъ Пименъ Герасимовичъ,—можетъ оно и неправда, и не то, что я думаю, ну, тогда виноватъ, шибко виноватъ передъ тобою, прости! А только знать мнѣ нужно одну сущую правду! Мнѣ бы только правду знать! Что же, Господи, насильно милъ не будешь! Да! А мнѣ бы только знать, такъ ли оно... Я и безпокоить не сталъ бы тебя... Что же... Я бы ушелъ... Ну, да, ушелъ бы!..

— Уходи-ка ты спать, вотъ что!—рѣшительно и властно произнесла Татьяна Петровна,—такъ-то лучше будетъ! Ты, никакъ того... выпилъ?

— Маковой росинки ни водки, ни пива во рту не было!

— Ну, кто тебя знаетъ! Да что это за *оно*? Что это такое, о чемъ болтаешь?

— Не болтаю я, Таня, а только не хочется мнѣ быть посмѣшищемъ у людей!—горячо воскликнулъ Пименъ Герасимовичъ.

— И не будь! Не понимаю, о чемъ говоришь! Убей Богъ, не понимаю!

— Ой, Таня, не криви душой! Точно ли такъ, какъ говоришь?

— А-а, постой, постой!—воскликнула Татьяна Петровна, совсѣмъ приподнимаясь и садясь на кровати,—да ты никакъ... охъ, Господи, смѣху достойно, да ты никакъ приревновалъ меня, что ли?

— Таня, Таня!—покачалъ головой Пименъ Герасимовичъ,—не шути, Таня, съ этимъ!

— Не знаю, кто изъ насъ шутъ,—ты, или я! Вотъ такъ штука! Видно и вправду къ старости люди глупѣе становятся!

Пименъ Герасимовичъ еще разъ взглянулъ на себя въ зеркало. Ему ли ревновать? Старому, безобразному, убогому человѣку, голяку, едва прокармливающему семью да и то съ

помощью другихъ! И онъ ухватился за то единственное, что остается людямъ въ его положеніи.

— Не о томъ рѣчь!—заговорилъ онъ,—а что же хорошаго, коли люди пальцемъ начнутъ показывать.

— На кого показывать-то? На тебя, или на меня?

— Да хоть бы на тебя!

— На меня? Что же на мнѣ узоры, что ли, написаны?

— Узоры не узоры, а нужно тоже и вести себя умѣючи!

— Я и веду себя умѣючи! Что ты мнѣ еще хочешь сказать?

— Эхъ, Таня, Таня! проникновеннымъ тономъ началъ Пименъ Герасимовичъ, — не спорить съ тобою я пришелъ, не уличать, не корить! Я поговорить пришелъ, по душѣ поговорить, вотъ что! Господи, что же, я знаю: я не молодой, и женился на тебѣ не молодымъ, что-жъ, я правду говорю, да и ты знаешь, и всякій знаетъ. Вотъ я и думаю... т. е. хотѣлъ спросить тебя. Ты—женщина молодая, можетъ быть оно и правда, а? Тогда что же, скажи, только скажи... Насильно, Таня, милъ не будешь! Да! Тогда я уйду... уйду куда нибудь... Я Лизочку только возьму съ собою, и уйду, и слова не скажу! Живи, какъ хочешь, какъ знаешь!

Самымъ зловѣщимъ признакомъ во всей этой исторіи было то, что Татьяна Петровна ни на минуту не прерывала монолога мужа. Она спокойно лежала на кровати подъ одѣяломъ, рѣзко обрисовывавшимъ ея роскошныя формы. Красивое, полное лицо ея было совершенно безстрастно, и въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ рѣчи Пимена Герасимовича, когда голосъ его дрожалъ и въ немъ слышалась слеза, лицо Татьяны Петровны оставалось такимъ же безстрастнымъ.

Произнеси она хоть слово, сдѣлай какой-нибудь жестъ, протестующій или негодующій и Пименъ Герасимовичъ ожилъ бы совершенно! Тогда можно было бы съ ней поговорить, выяснить многое, добраться, наконецъ, до истины. Но она спокойно молчала, и, кажется, никто такъ твердо не былъ убѣжденъ въ томъ, что молчаніе есть знакъ согласія, какъ Пименъ Герасимовичъ.

Значитъ, все правда, и предчувствіе Пимена Герасимовича не обмануло его! Значитъ, она согласна на то, чтобы онъ ушелъ, только бы оставилъ ее одну, въ покоѣ? Согласна, даже если онъ возьметъ съ собой Лизочку, и ей не будетъ жаль этого больного, брошеннаго ребенка? Но куда онъ пойдетъ? Зачѣмъ? Что онъ предприметъ? Зачѣмъ онъ возьметъ съ собою Лизочку, которая, конечно, больше любитъ мать, нежели его! Пименъ Герасимовичъ молча всталъ, дошелъ до своей койки, не смотря на собственноручныя Пимена Герасимовича починки, вѣчно скрипѣвшей и трещавшей подъ тяжестью его тѣла,

опустился лицомъ въ подушку и обѣими руками крѣпко обхватилъ голову.

Темное, страшное горе надвинулось и задавило его...

VIII.

Можно было подумать, что Павелъ Павловичъ родился въ сорочкѣ, до такой степени ему все удавалось. Даже затруднительныя хлопоты по опредѣленію Капшука въ контору, на должность сторожа, увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Капшукъ былъ принятъ на службу, хотя покуда на двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ.

Но и это уже онъ считалъ счастьемъ. Въ тотъ же день, какъ онъ, уговорившись съ управляющимъ, вручилъ ему паспортъ, Капшукъ переѣхалъ отъ Пимена Герасимовича, т. е. взялъ свой сундукъ, узелъ съ постелью и подушками и на извозчикѣ перевезъ въ каморку при конторѣ, опредѣленную ему для жилья.

Къ вечеру, окрашенныя клеевой краской, сѣрыя стѣны каморки украсились, во-первыхъ, скрипкой, занявшей почетное мѣсто надъ койкой хозяина, потомъ портретами разныхъ знакомыхъ и картинами, изображавшими виды какого-то итальянскаго города. Эти виды Капшукъ купилъ на рынкѣ исключительно потому, что, по странному совпаденію случайностей, они напоминали ему виды его родного города. Затѣмъ, кромѣ небольшого, сосноваго стола, табурета и стула съ отломанной спинкой, въ каморкѣ никакой мебели не было, да и не могло быть по причинѣ ея микроскопическихъ размѣровъ.

Впрочемъ, въ каморкѣ своей Капшукъ только обѣдалъ и спалъ, все остальное время ревностно посвящая службѣ. Въ сущности, за исключеніемъ уборки конторы и исполненія кое-какихъ порученій служащихъ, т. е. бухгалтера, кассира и писца, сторожу нечего было дѣлать, но Капшукъ сразу повелъ себя такъ, что производилъ впечатлѣніе не только постоянно занятаго, но даже обремененнаго занятіями человѣка. Онъ не довольствовался тѣмъ, чтобы одинъ разъ, утромъ, прибрать контору,—онъ прибиралъ ее понемногу цѣлый день. То ему нужно было счеты съ одного мѣста перемѣстить на другое, а тамъ и на третье, то ему не давали покоя стулья и онъ ихъ гонялъ въ разные концы конторы, какъ «дядька» солдатъ-новобранцевъ, то онъ чуть ли не въ десятый разъ принимался натирать толченымъ кирпичемъ мѣдныя дверныя ручки. Словомъ, во всякую минуту дня его можно было видѣть занятымъ. Кромѣ того, Капшукъ по отношенію къ служащимъ обнаруживалъ прямо подобострастную предупредительность. Завидя изъ окна

каморки издали приближавшуюся къ конторѣ фигуру бухгалтера, кассира и даже писца, Капшукъ опрометью бросался на встрѣчу и съ низкими поклонами торопился отворить дверь. Съ такой же стремительностью онъ снималъ со служащихъ верхнее платье, наводя страхъ на бухгалтера, серьезно опасавшагося за цѣлость своей длинной и непомѣрно сухой шеи. Каждый разъ, когда сторожъ, въ порывѣ служебнаго рвенія, бросался на старика въ аттаку, бухгалтеръ приподнималъ костлявыя плечи, втягивалъ въ нихъ голову и сиплымъ, чахоточнымъ голосомъ просилъ:

— Потише! Пожалуйста, потише, братецъ!

Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ дальнѣйшемъ будущемъ, по мѣрѣ увеличенія числа служебныхъ дней, въ одинаковой прогрессіи должно было уменьшаться служебное рвеніе Капшука, но покуда онъ просто неистовствовалъ.

— Чего это ужъ вы такъ очень стараетесь?—спрашивалъ Павелъ Павловичъ.

— А служба же, Павелъ Павловичъ! —отвѣчалъ Капшукъ, и въ его глазахъ сверкало что-то неумолимое.

— Оно, конечно, служба, да вѣдь что же ужъ очень-то?

— Нельзя, Павелъ Павловичъ! — категорически отвѣчалъ Капшукъ.

Иногда, въ свободное отъ занятій время, т. е. послѣ пяти часовъ, Капшукъ заходилъ къ Пимену Герасимовичу и сидѣлъ по нѣскольку часовъ молча, смотря, какъ портной въ большихъ, круглыхъ очкахъ трудился надъ какимъ нибудь пиджакомъ или панталонами. Капшукъ слѣдилъ за каждымъ стежкомъ, за каждымъ движеніемъ пальцевъ съ такимъ усугубленнымъ вниманіемъ, какъ будто учился, будто хотѣлъ перенять манеру Пимена Герасимовича и, въ свою очередь, сдѣлаться портнымъ.

Павелъ Герасимовичъ не долюбливалъ его. Отчасти это вызывалось тѣмъ, что въ лицѣ Капшука онъ потерялъ жильца, тихаго и не безвыгоднаго, а съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ Капшукъ, комната оставалась пустою,—отчасти Пимену Герасимовичу не нравилось поведеніе его на службѣ. Въ качествѣ истаго ремесленника Пименъ Герасимовичъ отличался и большимъ свободомысліемъ, и большимъ сознаніемъ человѣческихъ правъ, поэтому подобострастная угодливость Капшука претила ему. И если бы еще онъ вынужденъ былъ къ этому тяжелыми обстоятельствами жизни, былъ бы женатъ, имѣлъ бы дѣтей и бѣдствовалъ бы притомъ, но вѣдь ничего подобнаго не было, и угодливость Капшука, видимо, вытекала изъ свойства его натуры.

И Пименъ Герасимовичъ не разговаривалъ съ Капшукомъ. Онъ только поглядывалъ на него изъ подъ очковъ своими безцвѣтными, судачьими глазами, шумно вздыхалъ и кряхтѣлъ.

Татьяна Петровна, наоборотъ, была очень любезна съ гостемъ, оставляла его ужинать, предлагала иногда пива. Это удивляло Пимена Герасимовича. Сколько разъ съ его губъ готовъ былъ сорваться вопросъ—но онъ сдерживался, изъ самолюбія не желая заговорить съ женою первымъ; сколько разъ неясное подозрѣніе чего-то, въ чемъ чувствовалось несомнѣнное участіе Павла Павловича, зарождалось въ головѣ Пимена Герасимовича, и онъ всѣми силами старался отогнать его отъ себя, замять, затереть, искоренить всякую мысль о подозрѣніи усиленнымъ трудомъ.

IX.

— Пименъ Герасимовичъ, еще кружечку? А-сь?

— Нѣтъ, Семенъ Онуфріевичъ, довольно, право, довольно!

— Э, что тамъ! Малый! Кружку!

Передъ Пименомъ Герасимовичемъ появилась вспѣненная кружка пива. А такъ какъ это была уже восьмая, то весьма понятнымъ будетъ, если мы скажемъ, что у Пимена Герасимовича кружилась голова и заплетался языкъ. Пивная лавка съ ея красными обоями, съ огромными лампами, изливавшими красный свѣтъ, съ каминомъ, въ которомъ пылали до красна раскаленные уголья, — била въ глаза Пимена Герасимовича и раздражала его мозгъ.

— Н-ну!—рѣшительно заявилъ Пименъ Герасимовичъ, я пойду! Благодарю на угощеньи. А впрочемъ—любезный, сколько съ меня?

— Стойте, что вы!—воскликнулъ Капшукъ,—развѣ-жъ такъ можно! Я васъ приглашалъ, я и плачу! Да полноте! Куда вамъ торопиться?

— Нельзя, домой нужно! Десятый часъ!

— А дома что?

— Какъ что?

Пименъ Герасимовичъ подозрительно взглянулъ прямо въ глаза Капшука. Они смѣялись, положительно смѣялись эти большіе, лукавые глаза, и густые черные усы Капшука были какъ-то залихватски закручены кверху; дескать, что тамъ ни говори, а мы кое что знаемъ! Да, знаемъ!

Пименъ Герасимычъ мутнымъ взглядомъ своихъ судачьихъ глазъ обвелъ портерную, смущенно наклонилъ голову и пробормоталъ:

— Какъ, что? Чай пить будемъ, да и спать! Пора!

— Чай!—усмѣхнулся Капшукъ и опять глаза его заиграли и черные усы задорно поднялись,—я-жъ вамъ говорю: куда торопиться! Дайте сроку!

— Какъ сроку? Какого сроку?—воскликнулъ Пименъ Герасимовичъ и почувствовалъ, какъ что-то тупо, но сильно ударило его по затылку, и вся пивная съ ея обоями, лампами, каминами и лицами посѣтителей покраснѣла еще болѣе.

— Ге!—громко разсмѣялся Капшукъ.

Пименъ Герасимовичъ всталъ и началъ застегивать пальто. Руки его дрожали, и пальцы не попадали на пуговицы. Онъ не смотрѣлъ на Капшука, но чувствовалъ, что тотъ не сводитъ съ него глазъ.

— Ну, куда жъ мы пойдемъ?—спросилъ Капшукъ, слѣдуя за вышедшимъ изъ пивной Пименомъ Герасимовичемъ.

— Домой пойду!—пробормоталъ тотъ, удаляясь.

— А не заглянуть ли намъ въ одно мѣсто?

— Пить?—спросилъ Пименъ Герасимовичъ, останавливаясь у фонаря и въ кругѣ слабаго свѣта стараясь поймать лицо Капшука.

Онъ вдругъ почувствовалъ былую потребность напиться.

— Ни, Боже мой!—серьезно отвѣчалъ Капшукъ, — зачѣмъ пить!

— Куда же?

— А тутъ, въ одно, по сосѣдству! Пойдемте ужъ!

Пименъ Герасимовичъ почувствовалъ, какъ, не смотря па охмѣлѣніе, мелкая дрожь, подобно электрическому току, пробѣжала по его спинѣ. Онъ передернулъ плечами и сдѣлалъ губами: «ф-сс-съ»!

— Холодно?—участливо спросилъ Капшукъ,—пойдемъ, такъ согрѣемся.

Онъ взялъ его одною рукою за талію, другою подмышки и повелъ по темной и грязной улицѣ.

— Семенъ Онуфріевичъ!—сказалъ Пименъ Герасимовичъ, внезапно останавливаясь,—я выпью!

— Такъ вотъ же винная! Постойте, я куплю!

Капшукъ исчезъ въ темнотѣ. Черезъ минуту онъ очутился подлѣ Пимена Герасимовича и совалъ ему въ руку бутылочку.

— А пробка?—спросилъ тотъ.

— Я же вышибъ!

Пименъ Герасимовичъ приложилъ бутылочку ко рту...

Черезъ нѣсколько минутъ Пименъ Герасимовичъ, слегка поддерживаемый Капшукомъ, входилъ въ какой-то темный, не замощенный дворъ. По серединѣ, на столбѣ, горѣлъ одинъ керосиновый фонарь, слабо освѣщая съ одной стороны какіе то навѣсы, подъ которыми, съ поднятыми кверху оглоблями, стояли пролетки и сани. Другая сторона двора была занята каменнымъ, двухъ-этажнымъ флигелемъ.

И этотъ дворъ, и этотъ флигель показались Пимену Герасимовичу знакомыми.

— Я знаю!—сказалъ онъ, останавливаясь подъ навѣсомъ и облокачиваясь на облучекъ пролетки, — здѣсь... Павелъ Павловичъ?...

— Вотъ же, вотъ!—словно обрадовался Капшукъ.

Пименъ Герасимовичъ остановилъ на немъ тяжелый и долгій взглядъ.

— Тебѣ-то, тебѣ-то что?—сказалъ онъ, еще грузнѣе наваливаясь на облучекъ и заводя глаза...

Когда онъ открылъ ихъ, Капшука не было. И никого не было вокругъ. Гдѣ-то, по близости, жевала сѣно и пофыркивала лошадь. Напротивъ, въ освѣщенныхъ окнахъ флигеля мелькали силуэты людей. Единственный керосиновый фонарь по серединѣ двора горѣлъ по прежнему тихо и ровно, и Пимену Герасимовичу казалось, что онъ горѣлъ такъ цѣлые года, тѣ года, которые сейчасъ вотъ промелькнули въ его воспоминаніи... Это было хорошее, свѣтлое время здоровья, молодости, силы и любви. Пименъ Герасимовичъ любилъ тогда эту самую Татьяну Петровну, любилъ за то самое, за что теперь ненавидитъ, за ея кокетство, за умильные взгляды ея большихъ, свѣтлыхъ глазъ, за ея взбалмошныя рѣчи и взбалмошную натуру, за все, за все, что было обращено къ нему, а теперь обратилось къ другому. И вотъ онъ женился, не смотря на предостереженія двухъ, трехъ добрыхъ друзей, которыхъ нѣтъ теперь около него, потому что они его бросили, перестали у него бывать; пошли дѣти. Лизочка родилась... Дорогой ребенокъ, можетъ быть единственный его ребенокъ. Начались недостатки, а тамъ и нужда. Можетъ быть для Тани нужно было, чтобы онъ зарабатывалъ больше, а онъ зарабатывалъ все меньше и меньше. Вѣрность нѣкоторыхъ женъ покупается на деньги и стоитъ не дешево! Такова, должно быть, была и вѣрность Тани!

Стукъ наружной двери во флигелѣ отвлекъ Пимена Герасимовича отъ размышленій. Онъ взглянулъ въ ту сторону и увидѣлъ женскую фигуру, быстро приближавшуюся къ нему по узенькому, блестѣвшему при свѣтѣ фонаря, тротуару. Онъ не столько узналъ, сколько угадалъ въ этой фигурѣ свою жену и спрятался за пролетку. Взволнованная, красная, порывисто дыша, Татьяна Петровна быстро прошла мимо и скрылась за воротами.

X.

— Лизочка, а куколка гдѣ твоя? Что же ты не играешь?

Пименъ Герасимовичъ остановился шить и изъ подъ очковъ взглянулъ на дѣвочку, сидѣвшую, подгорюнившись, и задумчиво смотрѣвшую на его работу.

— Такъ!—отвѣчала дѣвочка.

Былъ десятый часъ вечера. Маленькія дѣти спали, но Лизочка еще не ложилась, поджидая мать. Какое-то скорбное недоумѣніе какъ отразилось на ея лицѣ, такъ и застыло. Пимену Герасимовичу особенно тяжело было видѣть на лицѣ дочери это выраженіе. Мозгъ дѣвочки, видимо, работалъ и работалъ усиленно, стараясь понять то новое, что съ нѣкотораго времени происходило въ домѣ, стараясь постигнуть тайну, легшую въ отношеніяхъ между отцомъ и матерью. То, что Пименъ Герасимовичъ не говорилъ съ женою, болѣе всего отражалось на этомъ бѣдномъ, убогомъ ребенкѣ, любившемъ одинаково сильно обоихъ и недоумѣвавшемъ по поводу новой розни.

— Можетъ картинки хочешь посмотрѣть?—предложилъ Пименъ Герасимовичъ, откладывая работу и вставая изъ за стола,—давай-ка, посмотримъ вмѣстѣ! Гдѣ у тебя азбука-то?

Дѣвочка неохотно сходила за книгой.

— Ну, вотъ!—началъ Пименъ Герасимовичъ, тыча въ книгу заскорузлымъ, истыканнымъ иглою указательнымъ пальцемъ,—вотъ видишь, изба, вотъ какъ у насъ комната, вонъ сколько тутъ народу, и всякъ что нибудь да дѣлаетъ! Вонъ дѣвочка шьетъ, а женщина прядетъ на прялкѣ, а тутъ мужичокъ веревку вьетъ, другой строгаетъ, а старичокъ, видишь, вонъ на заваленкѣ, лапти плететъ.

Лизочка безучастно слѣдила за пальцемъ и вдругъ спросила:

— А мама?

— Что мама?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Пименъ Герасимовичъ.

— А мама гдѣ?

— Мама по дѣлу пошла. Скоро придетъ!

— Зачѣмъ она пошла?

— Я же тебѣ говорю: по дѣлу!

Дѣвочка задумалась.

—Лизочка, пойдешь со мной?—спросилъ Пименъ Герасимовичъ.

— Куда?

— На другую квартиру! Будемъ вмѣстѣ жить: ты да я!

— Съ мамой?

— Нѣтъ, мама не будетъ съ нами! Мы одни!

Дѣвочка недовѣрчиво посмотрѣла на отца и отрицательно покачала головой.

— Ты меня не любишь, Лизочка?—упавшимъ голосомъ спросилъ Пименъ Герасимовичъ.

— Нѣтъ, люблю!—разсѣянно отвѣчала дѣвочка,—а ты мнѣ купишь музыку?

— Какую музыку?

— А такую... коробочку!.. Нужно вертѣть, она и будетъ играть: «тримъ-тамъ... тримъ-тамъ»!

— Куплю! Да ты меня не любишь!

— Люблю!—громко, капризнымъ тономъ отвѣчала дѣвочка и начала быстро перелистывать книгу.

— А мы бы поѣхали на море! -фантазировалъ Пименъ Герасимовичъ,—хорошее, теплое море! Тамъ бы Лизочка стала купаться, каждый день бы стала купаться, и ножки ея окрѣпли бы, поправились, и Лизочка стала бы здоровая, полная...

— А мама?—спросила дѣвочка.

Пименъ Герасимовичъ молчалъ. Тоска, ужасная тоска одиночества заползала въ его душу и мутила ее.

— Что же она не идетъ?—спрашивала дѣвочка,—сказала, что скоро придетъ, а сама не идетъ?

Словно облакомъ какимъ омрачилось ея блѣдное, съ голубыми жилками на вискахъ личико, и слезинки засверкали въ углахъ голубыхъ, грустныхъ глазъ.

Вдругъ на кухнѣ кто-то отворилъ дверь, и струя холоднаго воздуха потянула по низу.

— Мама!—встрепенулась дѣвочка,—мама пришла!

Она вскочила со стула, бросилась на кухню и уже припрыгивала тамъ и тормошила мать, приговаривая:

— Мамочка пришла, мамочка пришла! Мамочка, милая, дорогая! А я тебя ждала, ждала, милая моя мамочка!

Пименъ Герасимовичъ взглянулъ на дверь. Такая же взволнованная, какъ тогда, съ краскою во всю щеку, пышущая здоровьемъ, красивая, сильная стояла Татьяна Петровна и смотрѣла на него. И въ этомъ взглядѣ ея красивыхъ и ясныхъ глазъ, чрезъ неулегшееся волненіе молодой страсти, просвѣчивала едва скрываемая насмѣшка и презрѣніе къ убогому,старому мужу.

— Куда ты?—спросила она, видя какъ Пименъ Герасимовичъ, надѣвши пальто, началъ снимать съ гвоздя шапку.

— Тутъ... недалеко!—черезъ силу отвѣчалъ тотъ.

— Опять за полночь придешь?

— Нѣтъ!—сквозь зубы бросилъ ей Пименъ Герасимовичъ,—не ждите!

— Что?

Пименъ Герасимовичъ махнулъ неопредѣленно рукою и скрылся за дверью.

Онъ слышалъ, какъ жена, съ ругательствомъ, закрыла за нимъ дверь, какъ опять весело и возбужденно залепетала Лизочка, а затѣмъ холодный и тихій мракъ улицы охватилъ его.

Кое гдѣ только попадались прохожіе, проѣзжалъ извозчикъ; городъ готовился къ сну. На темномъ небѣ сверкали далекія, далекія звѣздочки и холодный свѣтъ луны освѣщалъ холодный, покрытый инеемъ булыжникъ мостовой.

— Купецъ, пойдешь что ли?

Пименъ Герасимовичъ пристально взглянулъ въ лицо го-

ворившей женской фигуры, и сердце его упало. Лицо этой молодой еще дѣвушки поразительно напоминало лицо Лизочки; оно было такое же худенькое и блѣдное, съ такими же синими жилками на вискахъ, съ такими же большими, свѣтлыми глазами. Но это было лицо большой Лизочки, много пожившей, много испытавшей и перестрадавшей, лицо измятое отъ безсонныхъ ночей, опухшее отъ водки и болѣзни...

Пименъ Герасимовичъ быстро зашагалъ по тротуару, потомъ, когда перестали слышаться сзади шаги преслѣдовавшей его женщины, пошелъ тише, тише и остановился передъ знакомой винной лавкой.

Черезъ полчаса онъ бодро шелъ къ Обводному каналу. Голова его горѣла, и мысли одна другой смѣлѣе, одна другой фантастичнѣе, чередовались въ ней. Теперь, когда онъ былъ въ такомъ настроеніи, все было для него возможнымъ, препятствій не существовало. Лизочка уже была почти у него, а поѣздка къ морю вотъ-вотъ должна была состояться на дняхъ. На дняхъ должны были устраниться всякія недоразумѣнія съ женою и должно было наступить полнѣйшее его, Пимена Герасимовича, освобожденіе.

Для этого нужно было не приходить домой, а идти и идти... И Пименъ Герасимовичъ шелъ.

Вотъ ужъ и Обводный каналъ съ его темными, громоздкими силуэтами фабрикъ остался позади, вотъ поле, покрытое холодною, липкою грязью, заливавшею сверху ботинокъ Пимена Герасимовича, съ рытвинами и канавами, наполненными холодною, сверкавшею при лунѣ водою, а вотъ какъ будто и знакомый огородъ съ черными грядами, напоминающими ряды могилъ. Раскрытыя ворота качаются при вѣтрѣ на проржавѣвшихъ петляхъ и уныло скрипятъ. И что-то опять, не переставая, слабо шелеститъ въ двухъ шагахъ... Да, да, это тотъ же высокій, тонкій кустикъ травы. Онъ говоритъ, онъ что-то такое говоритъ, этотъ кустикъ, нужно только слушать и понимать, и тогда все, вся, вся жизнь станетъ ясна!

Пименъ Герасимовичъ наклонился и сталъ слушать.

«Ссви-с-с-ви!» пѣла свою послѣднюю, предсмертную пѣсню травка, приклоняясь къ грязной, размокшей землѣ, и опять пѣла.

Пименъ Герасимовичъ поднялся. Лунный свѣтъ упалъ на его лицо. Оно было ужасно. Безуміе и дикая рѣшимость сквозили въ его широко раскрытыхъ, остановившихся глазахъ, въ крѣпко сжатыхъ челюстяхъ.

Онъ медленно разстегнулъ пальто и сталъ что-то шарить у пояса.

На утро отправлявшіеся въ городъ на возахъ огородники увидѣли висѣвшій на одной половинкѣ воротъ на ремнѣ трупъ человѣка...

Каз. Баранцевичъ.

Изъ посмертныхъ стихотворенiй В. Гюго.

1.

Межъ тѣмъ, какъ сыплются надъ городомъ гранаты
И рушатся во прахъ твердыни и палаты,
О, Мудрость дивная, воздвигни свой шатеръ
Среди враждующихъ и сѣющихъ раздоръ;
Повѣдай, спутница божественнаго Данта,
Какими пушками, достойными гиганта,
Имъ нужно запастись, и чѣмъ ихъ зарядить,
Чтобъ мысли вѣковой твердыню сокрушить?

2.

Когда поэтъ, гонимый мiромъ генiй,
Парить на крыльяхъ вдохновенiй
Въ безбрежности великой устаетъ—
Онъ замедляетъ свой полетъ
Межъ горнею страной и сумракомъ могилы.
Подняться къ небесамъ онъ не имѣетъ силы
И, временно спускаяся съ высотъ,
Онъ ищетъ отдыха въ земной доступной страсти:
Подобно гордому полярному орлу,
Когда въ метель ненастную и мглу
Въ изнеможеньи тотъ спускается на снасти,
На груду старую канатовъ у руля
Затертаго межъ льдами корабля.

О. Чюмина.

Попытка общей исторіи русской фабрики.

Исторія русской промышленности до сихъ поръ весьма еще мало разработана въ нашей научной литературѣ. Нельзя сказать, конечно, чтобы для такой разработки ничего не было сдѣлано. Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ эпохъ и частныхъ сторонъ этой исторіи у насъ имѣются порою даже очень цѣнные труды, но въ общемъ эта область экономической эволюціи Россіи все же остается еще далеко недостаточно изслѣдованной, и въ ней, быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, историкамъ и экономистамъ предстоитъ поработать не только надъ разъясненіемъ фактическаго матеріала, но и надъ предварительнымъ собираніемъ послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, по многимъ частнымъ вопросамъ, входящимъ въ составъ промышленной исторіи Россіи, существующій въ печати матеріалъ слишкомъ недостаточенъ, слишкомъ неполонъ и случаенъ для сколько-нибудь прочныхъ выводовъ. При такихъ условіяхъ тѣмъ большій интересъ вызываетъ появленіе книги, ставящей своею задачею именно общую исторію русской фабричной промышленности. Мы разумѣемъ недавно вышедшую книгу г. Туганъ-Барановскаго: «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Томъ I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ». Правда, авторъ ея говоритъ въ своемъ предисловіи, что онъ «не хотѣлъ писать фактической исторіи». Но это, надо думать, не болѣе, какъ неудачное выраженіе, своего рода lapsus calami, плохо, впрочемъ, поправляемый и непосредственно за нимъ слѣдующими словами автора: «о многихъ фактахъ, приводимыхъ въ каждой книгѣ, такъ или иначе касающейся нашей промышленности, я совсѣмъ не упоминаю; напротивъ, на другихъ фактахъ, рѣдко или совсѣмъ не приводимыхъ въ подобныхъ книгахъ, я останавливаюсь иногда очень подробно». Исторія не можетъ не быть фактической, хотя это вовсе не обязываетъ историковъ перечислять всѣ извѣстные имъ факты. Необходимо лишь чтобы даваемое изслѣдователемъ изображеніе историческаго процесса воспроизводило послѣдній во всей его жизненной полнотѣ, не впадая въ односторонность и не покупая наглядности подлежащаго объясне-

нію матеріала цѣною искусственнаго его упрощенія. Перечислить всѣ факты какого-либо процесса въ исторической жизни народа нѣтъ нужды, да не бываетъ обыкновенно и возможности, но необходимо, чтобы объясненіе, даваемое историкомъ этому процессу, охватывало всѣ входящіе въ его составъ факты и не стояло въ противорѣчіи даже съ частью ихъ. По всей вѣроятности, съ справедливостью этихъ минимальныхъ требованій отъ историка согласится и самъ г. Туганъ-Барановскій, и его не совсѣмъ ловкая фраза имѣла цѣлью только выяснить то обстоятельство, что онъ смотритъ на свой трудъ, какъ на изслѣдованіе наиболѣе лишь крупныхъ и характерныхъ чертъ изучаемаго явленія, какъ на общую исторію русской фабрики, не обязанную входить во всѣ мелкія подробности въ развитіи этого соціально-экономическаго явленія. Правильность такого пониманія подтверждается и дальнѣйшими словами самого автора въ его предисловіи. «Моя задача—говоритъ онъ здѣсь—заключалась въ достаточно отчетливомъ, но безъ излишнихъ деталей, изображеніи постепеннаго измѣненія внутренняго строя русской фабрики подъ вліяніемъ измѣненія общественно-экономической среды. Мнѣ хотѣлось показать, какимъ образомъ первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почвѣ экономическихъ условій петровской Россіи, превратилась въ теченіе XVIII вѣка въ дворянскую фабрику, основанную на принудительномъ трудѣ; какъ эта послѣдняя постепенно отмирала въ Николаевскую эпоху и замѣщалась новѣйшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей изъ кустарной избы; какъ измѣнялся въ различныя эпохи составъ фабрикантскаго класса и слагался классъ фабричныхъ рабочихъ. Я старался обрисовать взаимныя отношенія крупной и мелкой промышленности въ крѣпостной Россіи, когда русская фабрика еще почти не знала машины, и въ наше время,—время господства машины. Признавая, что «не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ формы ихъ сознанія», я разсматривалъ фабричное законодательство и господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя, какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ. Касаясь законодательной дѣятельности государства, я ставилъ себѣ задачей не столько критику тѣхъ или иныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, сколько выясненіе дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Вообще эта книга преслѣдуетъ лишь чисто научную цѣль—объясненія реально существующихъ фактовъ» (III—IV).

Такова широкая программа, поставленная г. Туганъ-Барановскимъ своему труду. Она вполнѣ соотвѣтствуетъ данному нами опредѣленію цѣлей автора, хотя, замѣтимъ въ скобкахъ, онъ нѣсколько и съузилъ ее, исключивъ изъ нея исторію горно-заводской промышленности, какъ отличающуюся во многихъ отношеніяхъ отъ исторіи собственно фабрики. При выполненіи этой программы г. Туганъ-Барановскій не ограничился одними печатными источниками, слишкомъ

часто недостаточными, но обратился и къ архивному матеріалу, изъ котораго извлекъ немало новыхъ фактовъ, подчасъ представляющихъ высокій интересъ. Тѣмъ не менѣе, согласно намѣченной имъ задачѣ книги, фактическій матеріалъ, въ ней собранный, не заслоняетъ собою общихъ соображеній и взглядовъ автора и остается, по крайней мѣрѣ, по количеству своему, въ строгомъ, быть можетъ, даже излишне строгомъ подчиненіи имъ, такъ что читателю во всякомъ случаѣ не грозитъ опасность быть подавленнымъ чрезмѣрнымъ богатствомъ фактическихъ свѣдѣній. Какъ бы то ни было, книга г. Туганъ-Барановскаго, посвященная важному вопросу, самымъ непосредственнымъ образомъ соприкасающемуся съ наиболѣе серьезными интересами современной жизни, и пытающаяся не только внести въ его изученіе новый матеріалъ, но и придать самому вопросу во многомъ оригинальное освѣщеніе, уже по одному этому заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Написанная гладкимъ литературнымъ языкомъ, оживляемая бойкой полемикой автора съ другими изслѣдователями исторіи нашей промышленности, она, несомнѣнно, найдетъ себѣ болѣе или менѣе значительный кругъ читателей и въ такомъ случаѣ внесетъ въ ихъ среду—и въ этомъ ея неоспоримая заслуга—извѣстную сумму новыхъ и часто цѣнныхъ свѣдѣній. Порою, правда, способъ передачи ихъ авторомъ допускаетъ нѣкоторыя замѣчанія: сообщаемыя имъ фактическія свѣдѣнія не всегда достаточно полны, въ иныхъ же случаяхъ они могли бы быть болѣе обстоятельно разработаны. Впрочемъ, мы не предполагаемъ разбирать частные достоинства и недостатки труда г. Туганъ-Барановскаго. Исходя изъ того взгляда на значеніе этого труда, какой высказанъ самимъ его авторомъ и, по всей вѣроятности, раздѣляется и большинствомъ читателей, мы гораздо болѣе интересуемся общими заключеніями, къ которымъ приходитъ г. Туганъ-Барановскій на основаніи своего матеріала. Бесѣда о нихъ доставитъ намъ къ тому же возможность коснуться и нѣкоторыхъ особенностей его въ пользованіи этимъ матеріаломъ. Оговоримся еще, однако, что мы не намѣрены предлагать читателю послѣдовательный и подробный разборъ всѣхъ положеній, выставленныхъ г. Туганъ-Барановскимъ. Подобный разборъ, требующій слишкомъ много мѣста, не входитъ въ нашу задачу и мы предоставляемъ его другимъ критикамъ. Съ своей стороны, мы хотѣли бы остановиться лишь на нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ выводахъ автора изъ числа тѣхъ, на какихъ онъ самъ особенно настаиваетъ, и путемъ разсмотрѣнія ихъ, равно какъ тѣхъ пріемовъ, при помощи которыхъ они имъ получены, постараться опредѣлить характеръ пріобрѣтенія, сдѣланнаго исторической наукой съ выходомъ книги г. Туганъ-Барановскаго.

Первый вопросъ, который привлекъ къ себѣ особенно пристальное вниманіе автора «Русской фабрики въ прошломъ и настоящемъ» и въ пониманіи котораго онъ рѣшительно разошелся со своими предшественниками, касается самаго возникновенія фабричнаго про-

изводства въ Россіи. Послѣднее, какъ извѣстно, не отличается очень давнимъ происхожденіемъ: хотя отдѣльныя фабрики и основывались у насъ еще въ XVII вѣкѣ, но окончательно завоевало себѣ право гражданства въ Россіи крупное производство лишь со времени Петра В. и благодаря его мѣрамъ. Этотъ общеизвѣстный фактъ до сихъ поръ находилъ себѣ, однако, по мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго, неправильное истолкованіе въ литературѣ. Поэтому онъ подробно разсматриваетъ указанный начальный моментъ въ развитіи русской фабрики и значительную часть своего «введенія» посвящаетъ установленію надлежащей точки зрѣнія на причины, вызвавшія такое развитіе. При этомъ онъ вступаетъ въ горячую полемику съ другими изслѣдователями судебъ русской промышленности и по преимуществу съ Корсакомъ, авторомъ извѣстной книги: «О формахъ промышленности». «У насъ—пишетъ онъ—любятъ говорить объ «искусственномъ» происхожденіи нашей фабричной промышленности». По взгляду Корсака, «самый прямой и естественный переходъ къ фабричной и мануфактурной формѣ производства (для петровской Россіи) долженъ бы состоять въ соотвѣтственной организаціи тѣхъ мѣстныхъ и наиболѣе распространенныхъ промысловъ, издѣлія которыхъ и прежде имѣли довольно обширный сбытъ»; правительству «вмѣсто того, чтобы строить на счетъ казны фабрики и отдавать ихъ потомъ купцамъ и помѣщикамъ, лучше было бы отдавать ихъ цѣлымъ мѣстностямъ, которыя были заняты тѣмъ же промысломъ при помощи домашнихъ простыхъ орудій». Такой взглядъ вызываетъ рѣшительный протестъ со стороны г. Туганъ-Барановскаго. По его словамъ, «эта мысль, — что Петръ направилъ развитіе нашей промышленности по ложному пути, придалъ ей «искусственный» характеръ насажденіемъ крупнаго производства,—стала общимъ мѣстомъ въ нашей литературѣ. Обыкновенно—продолжаетъ онъ—исторія русской промышленности изображается въ слѣдующемъ видѣ. До Петра у насъ господствовало мелкое производство и не было элементовъ для капиталистическаго хозяйства. Со времени Петра правительство, жертвуя интересами мелкой промышленности, «искусственными» мѣрами насаждаетъ у насъ капитализмъ, всячески поддерживая и поощряя капиталистическія предпріятія, хотя они и не соотвѣтствуютъ нашимъ экономическимъ условіямъ» (5). Формулированному такимъ образомъ мнѣнію г. Туганъ-Барановскій противопоставляетъ свое, согласно которому ни о какой «искусственности» насажденія Петромъ фабричнаго производства не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ оно явилось необходимымъ и вполнѣ естественнымъ плодомъ тѣхъ условій, въ какихъ находилась Россія времени Петра.

Ранѣе, чѣмъ взвѣшивать этотъ споръ, слѣдуетъ, намъ кажется, точнѣе условиться насчетъ нѣкоторыхъ общихъ понятій и соотвѣтствующихъ имъ терминовъ. Естественность и искусственность—это такіе термины, которые въ данномъ случаѣ врядъ-ли много способствуютъ ясности представленій. Въ жизни организованныхъ человѣ-

ческихъ обществъ весьма рѣдкое явленіе совершается безъ того или иного воздѣйствія со стороны правительственной власти, но констатированіе такого, совершенно неизбѣжнаго, воздѣйствія еще не даетъ права заключать объ искусственности образуемаго имъ явленія. Пользуясь нѣсколько избитымъ уже примѣромъ, можно сказать, что и тогда, когда правительство устанавливаетъ извѣстныя стѣсненія внѣшней торговли, и тогда, когда оно оставляетъ ее совершенно свободною, оно одинаково, хотя и различнымъ способомъ, оказываетъ давленіе на экономическую жизнь народа. Самая неизбѣжность такого давленія устраняетъ возможность говорить объ его искусственности. Съ другой стороны, всѣ явленія и происходящія въ нихъ перемѣны подлежатъ закону причинности и, слѣдовательно, всѣ они равно естественны. Но, признавая равную естественность всѣхъ происходящихъ въ явленіяхъ измѣненій, утверждаемъ ли мы тѣмъ самымъ полное безразличіе этихъ измѣненій, дозволяющее зачислить ихъ всѣ въ одну группу? Конечно, нѣтъ. Причины однихъ измѣненій коренятся во внутреннемъ развитіи самихъ явленій, другихъ—привносятся въ нихъ извнѣ. Когда дровосѣкъ рубитъ дерево или когда оно валится, подгнивъ на корню отъ старости, причины его паденія равно естественны, но ихъ нельзя было бы зачислить въ одну категорію. И въ томъ случаѣ, когда римскіе оптиматы собирали въ своихъ рукахъ италъянскія земли, и въ томъ, когда Италію захватили и разорили варвары, итальянское земледѣліе претерпѣвало серьезныя измѣненія, равно бывшія естественнымъ послѣдствіемъ извѣстныхъ причинъ, но причины эти были совершенно различнаго порядка. Мало въ виду этого сказать, что то или другое явленіе совершилось естественно, или, точнѣе, этого нѣтъ нужды даже говорить, такъ какъ сверхъ-естественныхъ или, что то-же, неестественныхъ явленій не существуетъ, и сказать это значитъ лишь сказать, что данное явленіе имѣло свои причины. Необходимо еще опредѣлить, какого рода были эти причины, принадлежали ли онѣ тому самому процессу, о которомъ идетъ рѣчь, или же явленія послѣдняго были видоизмѣнены воздѣйствіемъ одного изъ параллельныхъ процессовъ, совершающихся въ жизни. Въ обыкновенной рѣчи, не особенно гоняющейся за точностью выраженій, это различіе причинъ явленій часто обозначается словами естественность и искусственность. Когда эти термины переносятся въ научный обиходъ, то въ результатѣ можетъ явиться нѣкоторая неточность понятій. Но, устраняя ее вмѣстѣ съ создающей ее терминологіей, слѣдуетъ помнить, что подъ этими неточными терминами скрываются нѣкоторыя серьезныя различія явленій и что ихъ нельзя безнаказанно игнорировать. Иначе нетрудно, избѣгая одной неточности, впасть въ другую, еще бо́льшую.

Поэтому, когда г. Туганъ-Барановскій просто иронизируетъ надъ Корсакомъ и другими историками и экономистами, признававшими искусственность мѣръ Петра В. для насажденія въ Россіи промыш-

леннаго капитализма, онъ одерживаетъ легкую побѣду, но въ результатѣ этой побѣды не оказывается пока никакой жертвы съ одной стороны и никакого успѣха съ другой. Онъ и самъ, повидимому, сознаетъ это и потому ставитъ свой тезисъ опредѣленнѣе, говоря уже не вообще объ естественности Петровской фабрики, а о томъ, что она была естественнымъ плодомъ экономическаго процесса, происходившаго въ тогдашней Россіи. «Промышленная политика Петра, по его словамъ... диктовалась экономической необходимостью»; «возникновеніе у насъ крупнаго производства при Петрѣ было естественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и соціальныхъ условій тогдашней Россіи» (14, 16). Каковы же были основныя, характерныя черты экономическаго положенія Россіи до Петра? Г. Туганъ-Барановскій опредѣляетъ ихъ, не расходясь съ выработанными въ исторической литературѣ взглядами на этотъ счетъ. Промышленность въ московскомъ государствѣ сохраняла примитивный характеръ, производство было мелкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существовалъ значительно развитой торговый капиталъ. Однако «торговецъ отнюдь не обнаруживалъ наклонности дѣлаться самостоятельнымъ предпринимателемъ и обращать своего поставщика-кустаря въ наемнаго рабочаго, работающаго въ мастерской хозяина» (6). «Этотъ-то торговый капиталъ, заключаетъ авторъ, и явился базисомъ, на которомъ основалось крупное производство въ эпоху Петра» (8). Въ доказательство этого положенія авторъ указываетъ на тотъ фактъ, что, какъ явствуетъ изъ именныхъ списковъ петровскихъ фабрикантовъ, большая часть ихъ состояла изъ русскихъ людей и притомъ купцовъ. Другимъ аргументомъ въ пользу этого же вывода служитъ въ его глазахъ то соображеніе, что устройство фабрикъ требовало значительныхъ денежныхъ затратъ. Поддержку, оказывавшуюся правительствомъ при заведеніи фабрикъ, онъ не считаетъ при этомъ возможнымъ серьезно принимать въ разсчетъ. «Не нужно, говоритъ онъ, преувеличивать размѣровъ непосредственной денежной помощи казны вновь устраивавшимся частнымъ фабрикамъ». Онъ нашелъ въ архивѣ составленную въ 1727 г. вѣдомость, въ которой перечислено восемь случаевъ такой помощи со стороны правительства фабрикантамъ, причемъ всего было роздано 89.672 р. (11 — 12). Ему и самому однакоже извѣстно, что «эта вѣдомость не полна, такъ какъ въ ней не упоминается о нѣкоторыхъ денежныхъ пособіяхъ фабрикантамъ, несомнѣнно имѣвшихъ мѣсто». Онъ даже и приводитъ три случая такихъ пособій, не включенныхъ въ названную вѣдомость. Но это не мѣшаетъ ему, на основаніи какихъ-то, остающихся неизвѣстными читателю, соображеній, признать, будто «надо полагать, что большая часть денежныхъ пособій казны фабрикантамъ указана въ этой вѣдомости», и заключить отсюда, что «значительно большая часть петровскихъ фабрикъ, устраивавшихся частными лицами, обходилась безъ денежной помощи со стороны казны» (12). Шаткость основанія, на которомъ держится этотъ выводъ, ясна сама собою и

врядъ-ли нужно еще доказывать ее. Не будемъ говорить уже о томъ, что петровское правительство иногда само устраивало фабрики и затѣмъ отдавало ихъ частнымъ лицамъ, что оно въ иныхъ случаяхъ давало фабрикантамъ землю, лѣсъ и т. п. Наконецъ, у г. Туганъ-Барановскаго есть еще одинъ доводъ въ пользу необходимости появленія крупнаго производства въ Россіи при Петрѣ. «Вообще—говоритъ онъ—можно признать правиломъ, что въ малокультурныхъ странахъ, какой, несомнѣнно, являлась петровская Русь, перенесеніе или насажденіе новыхъ отраслей промышленности возможно только въ формѣ крупнаго производства. Не могъ же Петръ устраивать для кустарей техническія школы, промышленные музеи и пр. Сколько лѣтъ ему пришлось бы ждать возникновенія новыхъ производствъ въ Россіи, если бы онъ захотѣлъ идти путемъ, указываемымъ Корсакомъ?» (15).

Вооружившись этими аргументами, авторъ считаетъ при помощи ихъ окончательно и безповоротно доказанною экономическую необходимость петровской фабрики. Нужно замѣтить, однако, что самое представленіе его объ этой экономической необходимости не отличается большою ясностью. Сказавъ, какъ мы уже упоминали, что политика Петра въ сферѣ промышленныхъ отношеній «не была случайна, а диктовалась экономической необходимостью», онъ непосредственно затѣмъ продолжаетъ: «Промышленное переустройство Россіи по западно-европейскому образцу было такъ же необходимо, какъ и переустройство ея арміи на европейскій ладъ. Для того, чтобы успѣшно вести войну, требовались не только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порохъ, солдатское сукно, полотно, вообще принадлежности воинскаго обмундированія и многое другое» (14). Можно, конечно, серьезно усомниться въ томъ, было ли веденіе Петровскихъ войнъ именно экономической необходимостью, но въ авторѣ такой вопросъ не возбуждаетъ, повидимому, никакихъ сомнѣній и даже едва ли встаетъ передъ нимъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ еще нѣсколько иное разъясненіе своей основной мысли. «Петровскія фабрики—говоритъ онъ—въ такомъ же смыслѣ могутъ быть названы «искусственнымъ» созданіемъ Петра, какъ и всѣ прочія петровскія реформы — преобразованіе внутренняго административнаго устройства государства, новая организація арміи, распространеніе началъ европейской культуры въ высшихъ классахъ общества, и вообще европеизація Россіи». Къ этому мѣсту онъ дѣлаетъ еще слѣдующее любопытное примѣчаніе: «естественность и необходимость важнѣйшихъ петровскихъ реформъ вполнѣ доказана г. П. Милюковымъ въ его превосходной книгѣ: «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія» (16 — 17). Сводить содержаніе, дѣйствительно, превосходной книги г. Милюкова къ доказательству такого избитаго труизма, какъ естественность и необходимость петровскихъ реформъ, можно было, думается намъ, лишь въ результатѣ не особенно внимательнаго ознакомленія съ ней.

Въ противномъ случаѣ г. Туганъ-Барановскій не упустилъ бы изъ виду одного изъ основныхъ выводовъ названнаго изслѣдователя, вполнѣ точно и ясно формулированнаго послѣднимъ. «Въ необходимости цѣлей, — пишетъ г. Милюковъ, — въ которой сомнѣвались современники Петра, было бы теперь поздно и безполезно сомнѣваться; относительно своевременности ихъ постановки могутъ быть, къ сожалѣнію, два отвѣта, смотря по тому, будемъ ли мы разсматривать ихъ по отношенію къ внутреннему или внѣшнему положенію Россіи. По отношенію къ внѣшнему положенію Россіи своевременность постановки этихъ цѣлей доказывается уже ихъ успѣшнымъ достиженіемъ... По отношенію къ внутреннему положенію отвѣтъ на вопросъ долженъ быть отрицательнымъ. Новыя задачи внѣшней политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія. Политическій ростъ государства опять опередилъ его экономическое развитіе... Цѣной раззоренія страны Россія возведена была въ рангъ европейской державы» *). Тезисъ автора получаетъ такимъ образомъ неожиданное, но тѣмъ болѣе интересное разъясненіе: г. Милюковъ различаетъ какъ разъ то, что смѣшиваетъ г. Туганъ-Барановскій.

Но вернемся еще въ сферу экономическихъ явленій Петровской Россіи. Кругъ фактовъ, охваченныхъ въ ней объясненіями г. Туганъ-Барановскаго, не особенно широкъ и выходъ за его предѣлы весьма не труденъ. Авторъ утверждаетъ, что насажденіе новыхъ отраслей промышленности въ тогдашней Россіи возможно было исключительно въ формѣ крупнаго производства. Есть однакоже фактъ, плохо мирящійся съ такимъ категорическимъ утвержденіемъ. Въ Архангельскомъ уѣздѣ «производство полотенъ началось со временъ Петра I, который, замѣтивъ, что въ Архангельскѣ хорошій ленъ и что здѣшнее населеніе нуждается въ промыслахъ, въ особенности женщины, выписалъ изъ за границы мастеровъ, которые обучили населеніе какъ пряденію, такъ и ткачеству. Эти-то подгородные жители Архангельской губерніи долго потомъ славились отличнымъ производствомъ пряжи даже въ Петербургѣ». «Фактъ—прибавляетъ одинъ изъ историковъ, говоря объ этомъ, — интересный во многихъ отношеніяхъ: онъ характеризуетъ отчасти и отношеніе Петра къ кустарнымъ промысламъ и показываетъ, что правительственная поддержка, извѣстнымъ образомъ направленная, въ данномъ случаѣ даже въ началѣ XVIII вѣка, могла давать замѣчательные результаты» **). Въ самомъ дѣлѣ,

---

*) П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра В. СПБ. 1892, 735.

**) Мещерскій и Модзалевскій, Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности, 359. И. В. Соколовскій, Къ вопросу о состояніи промышленности въ Россіи въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія. Ученыя Записки Казанскаго Университета, 1890, кн. 3 (май—іюнь), с. 28.

въ этомъ случаѣ дѣло обошлось безъ правильно организованныхъ техническихъ школъ и промышленныхъ музеевъ, невозможность устройства которыхъ для Петра является въ устахъ г. Туганъ-Барановскаго столь побѣдоноснымъ аргументомъ противъ достижимости развитія мелкой промышленности въ ту эпоху. Успѣхъ въ развитіи кустарнаго промысла былъ достигнутъ болѣе скромнымъ средствомъ, тѣмъ самымъ, которое употреблялось и для насажденія крупнаго производства,—приглашеніемъ заграничныхъ мастеровъ. Повидимому, не понадобилось и особенно много времени на усвоеніе этого производства. По крайней мѣрѣ, И. В. Соколовскій констатировалъ продажу тонкаго полотна на Важской Благовѣщенской ярмаркѣ уже въ 1727 г. *), и можно думать, что оно было именно мѣстнаго производства. Но поддержка кустарей составляла рѣдкое исключеніе въ политикѣ петровскаго правительства; гораздо чаще оно практиковало мѣры совершенно обратнаго иорядка. Въ иныхъ случаяхъ мелкое производство даже прямо прекращалось насильственными мѣрами со стороны правительства. Въ Тулѣ, въ Тульскомъ, Крапивенскомъ и Алексинскомъ уѣздахъ и въ г. Серпуховѣ издавна существовала среди жителей вольная выплавка желѣза ручными горнами. Въ 1703 г. въ эти мѣстности посланъ былъ стольникъ Фатѣй Тютчевъ истребить ручныя домны и только тульскимъ казеннымъ кузнецамъ дозволено было сохранять 10 ручныхъ горновъ для приготовленія желѣза на ружья. Поводомъ къ этому распоряженію послужило опасеніе правительства за недостачу угля для нуждъ ружейнаго производства. Вслѣдъ затѣмъ тульская община оружейниковъ подверглась коренной реорганизаціи. Въ 1705 г. надъ нею поставлено было особое начальство, въ лицѣ выборнаго старосты и назначеннаго правительствомъ приказнаго, съ весьма широкими полномочіями. Оружейникамъ, подъ страхомъ суровыхъ наказаній, денежныхъ штрафовъ, батоговъ, кнута и отдачи на каторги, запрещалось отлучаться безъ вѣдома старосты, продавать ружья на сторону или переходить на частную работу; качество работы также обезпечивалось жестокими карами. Съ 1708 г. выборные старосты были замѣнены назначенными правительствомъ коммиссарами. Первый же изъ нихъ подъ страхомъ смертной казни запретилъ выдѣлывать ружья изъ желѣза, приготовлявшагося на десяти оставленныхъ еще въ Тулѣ ручныхъ горнахъ, а приказалъ употреблять сибирское желѣзо. Другой коммиссаръ писалъ однажды Петру, опредѣляя свою дѣятельность: «по твоимъ, государь, письмамъ о оружейномъ дѣлѣ истинно, ей-ей, всеусердно радѣю, какъ пуще того быть невозможно, что каждаго дни человѣкъ по десяти бью батоги». Въ 1712 г. построена была вододѣйствующая машина и община мелкихъ ремесленниковъ окончательно превратилась въ казенный заводъ **). Въ данномъ случаѣ

*) Соколовскій, назв. соч., с. 29—30.
**) Гамель, Описаніе тульскаго оружейнаго завода, М. 1826.

мы имѣемъ дѣло съ учрежденіемъ казеннаго завода, но нѣчто подобное имѣло мѣсто и при возникновеніи частныхъ фабрикъ.

Во всякомъ случаѣ эти послѣднія, утверждаетъ г. Туганъ-Барановскій, основывались по преимуществу купцами и, слѣдовательно, торговый капитализмъ, создавшійся въ московской Руси путемъ естественной эволюціи торговли, при Петрѣ въ свою очередь явился создателемъ фабричнаго производства. Фактъ существованія торговаго капитала въ московскомъ государствѣ общеизвѣстенъ, но одного этого факта, пожалуй, еще недостаточно, чтобы признать петровскую фабрику порожденіемъ именно этого капитала. Необходимо ранѣе установить, какія именно причины побудили представителей торговаго капитала перейти къ организаціи крупной промышленности: заключались ли эти причины въ условіяхъ самого экономическаго процесса или онѣ лежали внѣ его, въ какой либо другой области. Нужно опредѣлить далѣе, достаточны ли были силы торговаго капитала для представлявшейся ему, по какимъ бы то ни было причинамъ, задачи созданія крупнаго производства. Данныя для отвѣта на первый вопросъ можно въ изобиліи почерпнуть уже изъ указовъ петровскаго правительства. Указомъ 28 февр. 1711 г., напримѣръ, устроенная въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ скатертная и полотняная фабрика отдавалась двумъ торговымъ людямъ и имъ при этомъ предписывалось, чтобы они тотъ заводъ «распространили съ прибылью, своимъ коштомъ, и сдѣланное на тѣхъ заводахъ продавали повольною цѣною, на свои избытки, а буде они оный заводъ радѣніемъ своимъ умножатъ и учинятъ въ немъ прибыль, и за то они отъ него, великаго государя, получатъ милость, а буде не учинятъ и нерадѣніемъ умалятъ, и за то на нихъ, и которые будутъ съ ними въ товарищахъ, взято будетъ штрафу по тысячѣ рублей на человѣка». «Заводъ суконный — гласитъ другой указъ Петра, отъ 11 янв. 1712 г.,—размножать не въ одномъ мѣстѣ, такъ, чтобы черезъ пять лѣтъ не покупать мундира заморскаго, а именно, чтобы не въ одномъ мѣстѣ завесть, а, заведчи, дать торговымъ людямъ, собравъ въ компанію, буде волею не похотятъ, хотя въ неволѣ» *). Фабрика была въ глазахъ правительства не простымъ частнымъ предпріятіемъ, а своего рода государственной службой, и именно поэтому она и навязывалась силой торговому человѣку, и поддерживалась на счетъ казны. Средства этой энергичной поддержки, начиная съ покровительственныхъ пошлинъ и монополій, продолжая разными льготами фабрикантовъ и кончая всевозможными видами правительственной помощи имъ, отъ передачи имъ въ руки готовыхъ фабрикъ до выдачи денежныхъ ссудъ и пособій, перечисляются и г. Туганъ-Барановскимъ, причемъ онъ пытается только, какъ мы видѣли, не особенно успѣшно, уменьшить значеніе послѣдней формы поддержки. Но нельзя было бы сказать, что такая же энергія проявилась и съ другой стороны. Долго спустя еще послѣ Петра пра-

*) П. С. З., IV, №№ 2324 и 2467.

вительство лишь съ трудомъ находило охотниковъ на фабрики, передаваемыя въ частныя руки. Такъ, въ 1752 г. московскій купецъ Матвѣевъ, прося о пожалованіи ему въ вѣчное владѣніе московской суконной фабрики, указывалъ на то, что объ отдачѣ въ компанію этой фабрики «публиковалось неоднократными указами, токмо и понынѣ никому не отдана» *). Самыя привилегіи, дававшіяся Петромъ фабрикантамъ, не всегда вели къ насажденію того производства, ради котораго онѣ создавались. Петръ, поручивъ Шафирову, Апраксину и Толстому завести шелковыя фабрики, далъ имъ большія льготы, и въ числѣ ихъ привилегію на безпошлинный ввозъ шелковыхъ тканей изъ Франціи, но они, какъ сообщаетъ Фокеродтъ, предпочли продать эту привилегію купцамъ за 20.000 р. Когда въ 1730 г. произведено было правительственное разслѣдованіе состоянія частныхъ фабрикъ, многія изъ нихъ оказались «подложными», заведенными лишь фиктивно, ради пользованія предоставленными фабрикантамъ привилегіями. Не отличались петровскія фабрики и большою жизненностью. Въ спискѣ 300 важнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ 1780 г. П. Н. Милюковъ насчиталъ лишь 22 уцѣлѣвшихъ отъ петровскаго времени, хотя при Петрѣ фабрикъ и заводовъ было открыто болѣе сотни **). Это различіе въ степени энергіи правительства и самихъ фабрикантовъ вполнѣ понятно. Нужды правительства въ петровскую эпоху быстро достигли небывалаго напряженія и остроты, но экономическая жизнь населенія не могла развиваться столь же ускореннымъ темпомъ и отставала въ своемъ развитіи отъ правительственныхъ запросовъ, предъявляемыхъ къ ней.

Мы сгруппировали лишь немногіе факты изъ числа не вошедшихъ въ построеніе г. Туганъ-Барановскаго. Дѣло, конечно, не въ томъ, что онъ не упомянулъ объ нихъ, а въ томъ, что эти и подобные имъ факты плохо мирятся съ его утвержденіемъ, будто петровская фабрика была вызвана къ жизни экономической необходимостью, неизбѣжной эволюціей торговаго капитала, превратившагося въ промышленный. Впрочемъ, авторъ выражаетъ свою мысль и въ болѣе мягкой формѣ. Петровское правительство создало, по его словамъ, русскую фабрику, но создало, опираясь на среду крупныхъ торговцевъ, и «если бы послѣдней не существовало, то и возникновеніе у насъ крупнаго производства въ мало-мальски широкихъ размѣрахъ было бы невозможнымъ» (11). Но и съ такимъ смягченнымъ тезисомъ автора трудно согласиться. Хотя бы и въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, фабрика могла возникнуть и безъ помощи торговаго капитала, силою крѣпостного труда, направляемаго государственною властью и частными владѣльцами. Но совершенно несомнѣнно, что

---

*) Н. Ѳирсовъ, Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII в. Казань. 1896, с. 62.

**) Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. 3 изданіе. СПБ. 1838, с. 81.

существовавшій у насъ торговый капиталъ безъ услугъ со стороны правительства не могъ создать крупнаго производства на европейскій образецъ. Въ сущности, онъ не создалъ его, и пользуясь этими услугами. Петръ былъ вынужденъ основать фабрично-заводское дѣло въ Россіи не на вольнонаемномъ, а на крѣпостномъ трудѣ. Говоря объ этомъ фактѣ, г. Туганъ-Барановскій обнаруживаетъ недовольство Корсакомъ, считавшимъ дозволеніе покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ одной изъ самыхъ несчастныхъ мѣръ Петра. Самъ онъ доказываетъ, что и данный фактъ былъ вызванъ «экономической необходимостью» (21 — 22), но, повидимому, не замѣчаетъ, какъ мало согласуется онъ съ его утвержденіемъ о роли торговаго капитализма въ возникновеніи русской фабрики. Этотъ капитализмъ не подчинилъ себѣ существовавшаго мелкаго производителя, не оторвалъ собственной силою крестьянина отъ земли. Рабочій для фабрики нашелся лишь въ видѣ приписаннаго правительствомъ къ ней или купленнаго крѣпостного. Въ виду всего этого возникновеніе крупнаго производства въ Россіи при Петрѣ должно найти себѣ объясненіе не въ судьбахъ русскаго капитализма. Фабрика понадобилась правительству ради его политическихъ и военныхъ цѣлей, какъ средство, испытанное уже въ европейской жизни. Эта правительственная нужда сказалась раньше, чѣмъ въ жизни населенія могли создаться условія, необходимыя для появленія крупнаго капиталистическаго производства: значительные капиталы и классъ свободныхъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе правительство, побуждаемое настоятельной необходимостью въ достиженіи названныхъ цѣлей, энергично преслѣдовало свои планы, не щадя никакихъ средствъ ради проведенія ихъ въ жизнь и не отступая передъ принесеніемъ имъ въ жертву интересовъ народа. Но все же эти планы при своемъ практическомъ осуществленіи должны были въ свою очередь испытать на себѣ воздѣйствіе выработанныхъ исторіею условій экономической жизни населенія. Въ результатѣ, въ Россіи, дѣйствительно, создалась фабрика, но не капиталистическая, а крѣпостная—поссессіонная и, нѣсколько позднѣе, вотчинная. Весь этотъ процессъ, взятый въ цѣломъ, конечно, былъ естественнымъ, то есть, имѣлъ свои причины, но преобладающая, болѣе активная роль въ немъ принадлежала никакъ не экономическимъ условіямъ. Если уже выражаться фигурально, петровская фабрика по отношенію къ экономической жизни московской Руси была не естественнымъ ея плодомъ, а чуждымъ наростомъ на ней.

Согласится ли съ этимъ г. Туганъ-Барановскій? Судя по тому, что мы уже слышали отъ него, — конечно, нѣтъ. Но мы видѣли также, что онъ безпрепятственно отождествляетъ политическую необходимость съ экономической. Въ виду этого не мѣшаетъ быть готовыми и къ другимъ неожиданностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ мы имѣли дѣло съ «введеніемъ» къ книгѣ почтеннаго автора и въ этомъ введеніи, хотя и съ нѣкоторыми характерными обмолвками, намъ доказывалось, что фабрика возникла у насъ благодаря суще-

ствованію торговаго капитала и что прямая поддержка, оказанная ей правительствомъ, была незначительна. А вотъ что мы читаемъ въ первой главѣ той же самой книги: «большинство фабрикъ и заводовъ въ XVIII вѣкѣ основалось при прямой или косвенной помощи правительства; рабочія руки отчасти доставлялись также правительствомъ» (57). «Фабрика, — замѣчаетъ авторъ, переходя къ XIX столѣтію,—которая вначалѣ была такимъ же чуждымъ элементомъ нашего хозяйственнаго строя, какъ были чужды московскому политическому строю новыя административныя формы, созданныя Петромъ, постепенно органически сростается съ этимъ строемъ. Будучи обязана своимъ возникновеніемъ непосредственному воздѣйствію государственной власти, крупная промышленность сама дѣлается однимъ изъ факторовъ, направляющихъ государственную политику» (58). И наконецъ авторъ утверждаетъ: «нельзя не признать, что безъ спеціальныхъ мѣръ, принятыхъ Петромъ по соображеніямъ, такъ сказать, стратегическаго свойства, крупное производство у насъ въ то время не могло бы развиться. Печать «государственности» лежитъ на всей крупной промышленности прошлаго вѣка. Государство нуждалось въ этой промышленности и усердно ее поддерживало всѣми способами; и тѣмъ не менѣе наиболѣе поощряемыя отрасли промышленности развивались весьма туго» (61). Забылъ ли г. Туганъ-Барановскій, что́ онъ писалъ въ своемъ введеніи, или вспомнилъ факты, ускользнувшіе тогда отъ его вниманія, во всякомъ случаѣ здѣсь уже нѣтъ рѣчи объ экономической необходимости крупнаго производства и его появленіе прямо противополагается органическому развитію экономической жизни населенія. Положеніе Корсака, что промышленной эволюціи страны былъ навязанъ несвойственный ей характеръ правительственными мѣрами, остается, въ сущности, въ силѣ и у г. Туганъ-Барановскаго. Трудно понять послѣ этого, къ чему авторъ «Русской фабрики» тратилъ столько энергіи и усилій на полемику съ Корсакомъ, когда, въ концѣ концовъ, онъ самъ приходитъ къ опровергаемому имъ «распространенному у насъ» мнѣнію послѣдняго. Не стоило же въ самомъ дѣлѣ такъ горячо и усердно доказывать лишь общую естественность историческаго процесса, которая къ тому же и не нуждается въ детальныхъ доказательствахъ.

Г. Туганъ-Барановскій, однако, не замѣчаетъ этого, какъ не видитъ и опутавшихъ его противорѣчій, и въ своемъ изложеніи дальнѣйшей исторіи русской фабрики за XVIII и XIX вв. настойчиво продолжаетъ доказывать «естественный» характеръ ея развитія. При этомъ онъ проявляетъ ту же наклонность къ прямолинейнымъ объясненіямъ, опускающимъ нерѣдко весьма характерныя черты объясняемыхъ явленій, и такое же богатство мнѣній, позволяющее ему выставлять два радикально противоположныя утвержденія по одному и тому же вопросу. Та яркая черта случайности, которая такъ свойственна была покровительству, оказывавшемуся промышленности правительствами XVIII вѣка, въ значительной мѣрѣ стушевывается въ

изложенiи г. Туганъ-Барановскаго. Такъ, говоря о томъ, что правительство Елизаветы особенно часто поощряло фабрикантовъ предоставленiемъ имъ монополiи производства на извѣстное число лѣтъ, онъ поясняетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: «къ такимъ мѣрамъ, вызывавшимъ общее недовольство и задерживавшимъ развитiе новыхъ отраслей промышленности въ интересахъ первыхъ пiонеровъ правительство прибѣгало потому, что не видѣло другого способа перенести новыя производства въ страну» (36). Но въ полномъ противорѣчiи съ этимъ объясненiемъ стоитъ дѣлаемое имъ въ примѣчанiи на той же страницѣ сообщенiе, что «въ нѣкоторыхъ случаяхъ крупные и влiятельные фабриканты домогались даже уничтоженiя ранѣе устроенныхъ фабрикъ, конкуррировавшихъ съ ихъ собственными». Онъ приводитъ и случай такой успѣшной просьбы Сиверса объ уничтоженiи фабрики купца Ольхина. Въ параллель и въ дополненiе къ этому факту можно было бы указать еще нѣкоторые другiе ему аналогичные, и въ виду ихъ намъ кажется болѣе широкимъ и правильнымъ оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ г. Туганъ-Барановскому мнѣнiе другого историка о монополiяхъ этой эпохи, высказанное по поводу привилегiй торгово-промышленныхъ компанiй: «большая или меньшая щедрость власти въ этомъ направленiи зависѣла какъ отъ самаго спроса правительства на тѣ или другiя произведенiя мануфактуры, такъ и отъ того или другого «достоинства» лицъ, являвшихся предпринимателями» *). Отмѣчая далѣе съ особымъ вниманiемъ тотъ фактъ, что «фабричная промышленность въ теченiе почти всего царствованiя Екатерины не пользовалась покровительствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и тѣмъ не менѣе развивалась успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо», г. Туганъ-Барановскiй немедленно торжествующе заключаетъ: «изъ этого ясно, что нельзя видѣть важнѣйшую причину развитiя у насъ фабричнаго производства только въ мѣрахъ правительства» (47). Однакоже, мѣры предшествующихъ правительствъ, какъ ни были онѣ порой неудачны, въ общемъ должны же были къ этому времени оказать свое влiянiе на созданiе и развитiе крупнаго производства, а съ другой стороны и самъ авторъ предупреждаетъ: «не слѣдуетъ думать, что правительство Екатерины не принимало никакихъ мѣръ въ пользу крупной промышленности». Такiя мѣры, указываетъ онъ, практиковались въ это время въ видѣ вызова въ Россiю иностранныхъ ремесленниковъ и капиталистовъ, дарованiя послѣднимъ права покупать къ фабрикамъ и заводамъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ, денежныхъ ссудъ фабрикантамъ, устройства фабрикъ казной, дарованiя свободы отъ пошлинъ и налоговъ фабрикантамъ, бравшимся за новыя производства. При Екатеринѣ въ фабрикантахъ лишь «перестали видѣть служилыхъ людей, хотя правительство продолжало въ нихъ нуждаться и потому не могло не покровительствовать имъ» (48). Такимъ образомъ, дѣло заключа-

*) Н. Ѳирсовъ, Русскiя торговопромышленныя компанiи, с. 58—9.

лось не въ исчезновеніи правительственнаго покровительства крупной промышленности, а въ замѣнѣ одной его системы другою; устраненіе неудобныхъ крайностей покровительства, понятно, должно было лишь усилить его общее благопріятное вліяніе на крупную промышленность. Въ исторіи промышленности XIX вѣка авторъ указываетъ сильный ростъ хлопчато-бумажнаго производства и съ новымъ торжествомъ восклицаетъ: «и этотъ ростъ, по крайней мѣрѣ въ области ткачества, былъ достигнутъ безъ всякой непосредственной поддержки правительства»(61). «Итакъ — читаемъ мы четырьмя страницами ниже—развитіе нашей хлопчатобумажной промышленности объясняется, прежде всего, общими міровыми условіями промышленной эволюціи. Россія была захвачена въ кругъ капиталистическаго развитія Англіи и воспользовалась техническими успѣхами послѣдней. Но, разумѣется, это было возможно только благодаря существованію въ Россіи покровительственнаго тарифа» (65). Это утвержденіе, конечно, нисколько не мѣшаетъ автору на слѣдующей же страницѣ опять повторить: «какъ сказано, бумаготкацкое производство развилось у насъ... безъ непосредственной поддержки государства (кромѣ, разумѣется, — невинно прибавляетъ онъ—поддержки въ видѣ таможенныхъ пошлинъ)». Что касается бумагопряденія, то, какъ сообщаетъ авторъ, въ началѣ 50-хъ годовъ «на Европейскомъ континентѣ по размѣрамъ своего бумагопряденія Россія занимала 4-е мѣсто и стояла впереди Германіи, хотя германское бумаготкацкое производство значительно превосходило русское. Различіе это, по его словамъ, всецѣло объяснялось различіемъ тарифной политики» (67). Такъ опровергаетъ авторъ мнѣніе о зависимости русскаго крупнаго производства отъ правительственныхъ заботъ о немъ и таково его представленіе о независимой отъ государственной поддержки промышленности.

Сказаннаго до сихъ поръ достаточно, думается намъ, для характеристики степени оригинальности и устойчивости наиболѣе важныхъ обобщеній г. Туганъ-Барановскаго въ области исторіи фабричнаго производства въ до-реформенной Россіи. Въ виду этого мы не будемъ уже останавливаться на содержаніи отдѣльныхъ главъ его труда, посвященныхъ свободной, вотчинной и поссессіонной фабрикѣ этой эпохи, тѣмъ болѣе, что разборъ ихъ не позволилъ бы намъ внести въ эту характеристику особенно существенныя дополненія. Но было бы неправильно не упомянуть, что въ этихъ главахъ, относящихся къ исторіи фабрики первой половины XIX вѣка авторомъ собранъ значительный, часто новый и цѣнный матеріалъ, дающій ему возможность придти къ ряду интересныхъ частныхъ выводовъ. Особенно богаты такимъ матеріаломъ отдѣлы, посвященные исторіи поссессіонной фабрики и до-реформенному фабричному законодательству. Къ сожалѣнію, по временамъ собранный авторомъ матеріалъ страдаетъ нѣкоторой неполнотой и отрывочностью даже тамъ, гдѣ для такихъ его свойствъ нѣтъ оправданія въ характерѣ и состояніи источниковъ. О вотчинной фабрикѣ XIX вѣка мы до сихъ поръ знаемъ

очень немного, но тѣмъ не менѣе авторъ не потрудился собрать всѣ имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія объ ней и тѣмъ лишилъ себя возможности дать болѣе обстоятельную характеристику особенностей помѣщичьяго фабричнаго производства и положенія рабочихъ-крестьянъ на этихъ фабрикахъ. Въ той же главѣ, въ отдѣлѣ о поссессіонной фабрикѣ, авторомъ приводятся очень цѣнныя свѣдѣнія, извлеченныя имъ изъ архивовъ, о волненіяхъ поссессіонныхъ фабричныхъ, о выработкѣ особыхъ «положеній» для фабрикъ на поссессіонномъ правѣ и, наконецъ, объ освобожденіи значительнаго числа поссессіонныхъ фабричныхъ по закону 18 іюня 1840 г., о которомъ, равно какъ о случаяхъ освобожденія на основаніи его, въ печати имѣлось до сихъ поръ лишь одно общее упоминаніе въ статьѣ г. Вешнякова. Но на этомъ моментѣ авторъ почему-то и покидаетъ совершенно поссессіонную фабрику и приписанныхъ къ ней рабочихъ. Но если такимъ образомъ въ матеріалѣ, сообщаемомъ авторомъ, встрѣчаются нежелательные и неоправданные пробѣлы, то съ другой стороны, въ этихъ же частяхъ его труда имѣются порой такіе выводы, которыхъ безъ серьезнаго ущерба для книги могло бы и вовсе не быть въ ней. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ можно даже сказать, что чѣмъ сложнѣе вопросъ, чѣмъ менѣе матеріала собрано авторомъ для его рѣшенія, тѣмъ смѣлѣе у него оказывается само это рѣшеніе. И это касается исторіи не только фабричной промышленности, но и всѣхъ соприкасающихся съ нею сферъ. Въ заключеніе небольшой главы объ общемъ развитіи фабричнаго производства въ до-реформенной Россіи авторъ приводитъ изъ извѣстнаго труда г. Семенова свѣдѣнія о русскомъ отпускѣ по европейской границѣ въ періоды 1790—92 гг. и 1848—50 гг. Изъ сопоставленія этихъ свѣдѣній оказывается, что во второмъ періодѣ сравнительно съ первымъ вывозъ обработанныхъ издѣлій изъ Россіи сокращается и абсолютно, и, еще болѣе, относительно. «Продукты обрабатывающей промышленности составляютъ около 9% общей цѣнности русскаго экспорта въ 1848 — 50 гг». Изъ этого факта немедленно дѣлается соотвѣтствующее заключеніе. «Крѣпостное право, говоритъ авторъ, стало дѣйствовать угнетающимъ образомъ на общее экономическое и въ частности промышленное развитіе страны и было—отмѣнено» (83). Вотъ какъ просто. Недогадливые историки, пожалуй, еще долго будутъ изслѣдовать причины паденія крѣпостного права, а г. Туганъ-Барановскій пришелъ, посмотрѣлъ и рѣшилъ. Конечно, инымъ самая простота рѣшенія покажется возбуждающею нѣкоторыя сомнѣнія. Неужели крѣпостное право до 1848 г. не дѣйствовало угнетающимъ образомъ на экономическую жизнь Россіи? А если дѣйствовало, то почему оно и не было отмѣнено ни ранѣе 1848 г., ни даже въ 1848 г. или 1850 г., а исчезло только въ 1861 г.? Но это уже г. Туганъ-Барановскаго не касается. Къ сожалѣнію, читателю книги почтеннаго ученаго нерѣдко приходится задумываться надъ подобной стремительностью выводовъ послѣдняго. Г. Туганъ-Барановскому во-

обще представляется, что довольно указать на одновременное существованіе того или иного экономическаго факта съ какимъ-либо другимъ, чтобы тѣмъ самымъ доказать происхожденіе этого послѣдняго изъ перваго. Съ этимъ любопытнымъ способомъ доказательства мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться.

Остановимся теперь подробнѣе на одномъ важномъ вопросѣ, сильно занимающемъ автора, — на отношеніяхъ, существовавшихъ между крупной и мелкой промышленностью въ Россіи въ теченіе XVIII и первой половины XIX вѣка. Г. Туганъ-Барановскій говоритъ объ этомъ вопросѣ уже въ своемъ «введеніи», трактующемъ промышленную исторію XVIII столѣтія, и затѣмъ посвящаетъ ему особую, довольно значительную по размѣрамъ своимъ, главу. Важность этого вопроса въ исторіи русской промышленности не требуетъ, конечно, ни доказательствъ, ни разъясненій, и онъ не даромъ многократно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Посмотримъ же, что сдѣлано для его рѣшенія авторомъ «Русской фабрики въ прошломъ и настоящемъ».

Говоря о значительномъ ростѣ промышленности въ Екатерининскую эпоху, онъ замѣчаетъ: «есть полное основаніе думать, что въ Екатерининское время не только наша фабричная промышленность сдѣлала нѣкоторые успѣхи, но въ еще большей мѣрѣ развилась крестьянская промышленность» (48). Онъ перечисляетъ и тѣ отрасли крестьянской промышленности, которыя выдавались своимъ развитіемъ въ это время: ткачество полотенъ въ Архангельской губерніи, обработка дерева въ лѣсныхъ губерніяхъ, обработка желѣза въ Нижегородской губ. и сосѣднихъ съ нею, гвоздарный промыселъ въ приволжскихъ губерніяхъ, судостроеніе по берегамъ Волги, Камы, Оки и другихъ судоходныхъ рѣкъ, тканье грубаго сукна, изготовленіе шляпъ, сапоговъ, мебели, въ Московской губ. — шелковое и бумажное ткачество, въ Гжельской волости — обработка глины, въ Тверской губ. — кустарное ткачество холста. Автору извѣстна и причина успѣха крестьянскихъ промысловъ въ это время. Это—все та же фабрика. «Эти успѣхи кустарнаго производства во второй половинѣ XVIII вѣка—говоритъ онъ—находились въ извѣстной связи съ увеличеніемъ числа фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ» (51). Онъ даетъ затѣмъ обстоятельное поясненіе своей мысли, изъ котораго мы позволимъ себѣ, въ виду представляемаго имъ интереса, привести значительныя выдержки. «Фабрика въ XVIII в. была единственной школой промышленнаго искусства, новыхъ пріемовъ производства, техническихъ усовершенствованій. Въ прошломъ столѣтіи всѣ новыя отрасли промышленности возникали первоначально въ видѣ крупныхъ фабрикъ, въ которыхъ иноземные мастера научали русскихъ рабочихъ. Но... фабрики эти были, въ сущности, только мануфактурами—работа на нихъ производилась почти исключительно руками, при самомъ ничтожномъ употребленіи машинъ. При такихъ условіяхъ многія новыя производства могли съ такимъ же успѣхомъ, какъ и

на фабрикахъ, исполняться самими крестьянами, въ ихъ собственныхъ избахъ. Крестьянамъ не хватало только техническаго знанія, и вотъ фабрики сыграли огромную роль въ развитіи крестьянской промышленности, являясь распространителями этихъ знаній, практической школой для кустарей». Производство, вынесенное въ деревню бывшимъ рабочимъ на фабрикѣ, быстро перенималось благодаря своимъ несложнымъ пріемамъ его односельцами, «возникалъ новый промыселъ, отъ котораго начинала кормиться вся деревня». Разъ возникшее такимъ путемъ кустарное производство могло развиваться безпрепятственно и ему не угрожала конкурренція съ фабрикой. «Отсутствіе антагонизма между фабрикой и кустарной избой всецѣло объясняется тѣмъ, что важнѣйшія и крупнѣйшія фабрики (суконныя, полотняныя, парусныя, фабрики тяжелыхъ шелковыхъ матерій, писчебумажныя, стеклянныя и другія) производили товары, почти не выдѣлывавшіеся кустарями; поэтому и случаевъ столкновенія фабрики съ кустаремъ не представлялось» (51 — 2). Итакъ, крестьянинъ только на фабрикѣ могъ научиться новымъ пріемамъ производства, хотя эти пріемы были очень несложны и почти не требовали употребленія машинъ. Что касается фактической справедливости первой половины этого утвержденія, то мы имѣли уже случай провѣрить ее на примѣрѣ исторіи полотнянаго производства въ Архангельской губ., не принятомъ во вниманіе авторомъ. Теоретическое же ея достоинство всего лучше вскрывается изъ указанія самого автора, что крестьяне могли свободно и быстро перенимать новые пріемы производства отъ своихъ односельчанъ, побывавшихъ на фабрикахъ. Раньше, какъ мы видѣли, авторъ былъ болѣе строгъ къ крестьянамъ-кустарямъ и утверждалъ, что для обученія ихъ при Петрѣ усовершенствованнымъ пріемамъ производства нужны были техническія школы и промышленные музеи, а не простой примѣръ сосѣдей-кустарей. На протяженіи 35 страницъ своей книги онъ, понятно, успѣлъ забыть объ этомъ. Далѣе: фабрика была практической школой для кустаря, обучала его пріемамъ производства, хотя предметы производства ея и кустаря были совершенно различны, почему между ними не могло возникнуть и соперничества.

Бѣда однакоже въ томъ, что факты, такъ хорошо объясненные г. Туганъ-Барановскимъ, въ значительной мѣрѣ не существовали или же имѣли не тотъ видъ, какой онъ приписалъ имъ. Г. Туганъ-Барановскому, къ сожалѣнію, осталась неизвѣстной упоминавшаяся уже нами выше статья И. В. Соколовскаго: «Къ вопросу о состояніи промышленности въ Россіи въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія» *). Объ этомъ стоитъ пожалѣть, такъ какъ въ этой работѣ покойнаго историка, слишкомъ рано отнятаго смертью у науки, сгруппированы чрезвычайно цѣнныя и заимствованныя по преимуществу изъ архивныхъ источниковъ свѣдѣнія о кустарной промыш-

*) Ученыя Записки Казанскаго Университета, 1890, кн. 3.

ленности названной эпохи. Ознакомившись съ ними, г. Туганъ-Барановскій легко могъ бы убѣдиться въ томъ обстоятельствѣ, что большая часть промысловъ, возникновеніе или значительное развитіе которыхъ онъ относитъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, существовала въ весьма развитомъ видѣ задолго до этого времени. Такъ, существованіе глинянаго производства въ значительныхъ размѣрахъ въ Гжели можно констатировать уже въ 1731 г. Къ еще болѣе давнему времени возможно пріурочить кустарную обработку дерева, и по сейчасъ нерѣдко сохранившуюся въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ. Въ XVI—XVII вв. были извѣстны калужскія, гороховецкія и корельскія изделія изъ дерева. Въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи въ началѣ XVII столѣтія были распространены тѣ же промыслы, что и въ XIX вѣкѣ,—приготовленіе деревянной посуды, валянье шляпъ и сапогъ и выдѣлка рукавицъ и овчинныхъ шубъ. При возобновленіи Макарьевской ярмарки въ 1624 г. первыми товарами, привезенными на нее, были «лысковское полотно, керженецкая деревянная посуда, заволжскія шляпы и валенки, мурашкинскія рукавицы, тулупы и шапки». Въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи въ началѣ XVIII вѣка, какъ и въ XIX столѣтіи, приготовлялись лапти, и ту же устойчивость промысла приходится констатировать относительно производства мочала въ Елатомскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. На р. Ветлугѣ рогожный промыселъ уже въ началѣ XVIII вѣка достигъ такихъ размѣровъ, что ветлужскія рогожи десятками тысячъ вывозились черезъ Архангельскъ въ Англію. О производствѣ полотенъ въ Архангельской губ. въ ту же эпоху у насъ уже была рѣчь. Нынѣшнія губерніи Ярославская, Костромская, Вологодская и Архангельская извѣстны производствомъ холста съ XVI—XVII вв. «Окрестности Валдая, Каргополя и нѣкоторыя мѣстности на Двинѣ и Вагѣ отличались этимъ промысломъ во времена Кильбургера. Тогда болѣе 30.000 аршинъ холста вывозилось за границу». Ткачество грубаго сукна также было сильно распространено въ Архангельской губерніи въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка. Разсмотрѣніе таможенныхъ выписей Важской Благовѣщенской ярмарки за 1727 г. убѣдило Соколовскаго, что на нее «свозилось населеніемъ все, что (было) добыто и сдѣлано имъ въ теченіе долгой сѣверной зимы: сукна и холстъ. Наѣзжіе купцы скупали на ней десятками кусковъ и сотнями, даже тысячами аршинъ холстъ разныхъ сортовъ, сукна бѣлыя и сѣрыя, и развозили по сосѣднимъ городамъ, а иногда и дальше; часть шла и въ отпускъ за море». Сравненіе архивныхъ данныхъ съ свѣдѣніями о современномъ суконномъ промыслѣ той же мѣстности, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, «несомнѣнно доказываетъ, что промыслы уцѣлѣли въ теченіе полутора вѣка, если не болѣе, какъ бы нисколько не измѣняясь: тотъ же цвѣтъ суконъ, та же сравнительно цѣна, тѣ же рынки для сбыта, та же оптовая продажа». Переходя къ обработкѣ металловъ, слѣдуетъ замѣтить, что желѣзно-рудное дѣло, равно какъ кузнечное и слесарное мастерства,

въ качествѣ распространенныхъ крестьянскихъ промысловъ, извѣстны въ Нижегородской губерніи съ XVII в. То же самое можно сказать о нын. Новгородской, Тверской и Костромской губерніяхъ. Въ Устюжнѣ Желѣзнопольской добываніе желѣза и выковка ядеръ и фальконетовъ уже въ самомъ началѣ XVII столѣтія достигли весьма значительныхъ размѣровъ *). Минуя даже рядъ другихъ промысловъ, не упомянутыхъ г. Туганъ-Барановскимъ, изъ сказаннаго можно видѣть, что онъ поступилъ довольно неосторожно, отнеся развитіе крестьянскихъ кустарныхъ промысловъ къ Екатерининской эпохѣ и приписавъ его благодѣтельному вліянію на кустарей фабрики этой поры.

Такъ обстоитъ дѣло съ XVIII вѣкомъ. Переходя къ исторіи кустарной промышленности въ XIX столѣтіи, г. Туганъ-Барановскій прежде всего ставитъ общій вопросъ объ ея возникновеніи. «Обыкновенно,—говоритъ онъ, ссылаясь на мнѣнія г. В. В. и Бюхера,—думаютъ, что кустарная промышленность произошла изъ домашняго производства». «И дѣйствительно,—соглашается онъ, — ближайшее изученіе исторіи нашихъ кустарныхъ промысловъ показываетъ, что многіе изъ нихъ, несомнѣнно, возникли изъ домашняго производства». Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ внести въ это мнѣніе важную поправку. Къ части кустарныхъ промысловъ оно примѣняется справедливо. «Къ числу такихъ промысловъ относится, напр., плетенье лаптей, валянье войлоковъ, ткачество грубаго холста и сукна, бондарный промыселъ, изготовленіе деревянныхъ издѣлій, скорняжество, шубничество и пр., и пр.» (206, 207). Перечень, можно сказать, поразительно неполный, но не въ томъ все-таки дѣло. «У насъ— формулируетъ г. Туганъ-Барановскій мнѣніе, которое онъ собрался поправлять, и собственную поправку къ нему — обыкновенно представляютъ исторію кустарной промышленности въ слѣдующемъ видѣ: первоначально — домашнее производство для нуждъ семьи; затѣмъ (послѣ переходной стадии ремесла) самостоятельная кустарная промышленность; еще далѣе — подчиненіе кустаря скупщику и превращеніе кустарной промышленности въ капиталистическую систему домашней промышленности и, наконецъ, въ отдаленіи, фабрика, какъ конечный пунктъ развитія. Эта схема болѣе или менѣе общепринята и споръ идетъ только о послѣднемъ пунктѣ, т. е. о времени и самой возможности превращенія мелкаго крестьянскаго производства въ фабричное. Но я надѣюсь показать, что развитіе очень многихъ и важныхъ кустарныхъ промысловъ гораздо сложнѣе; что исторія этихъ промысловъ начинается не съ самостоятельнаго производства; что такъ называемое самостоятельное крестьянское производство являлось во многихъ случаяхъ результатомъ длинной эволюціи, въ основѣ которой лежало крупное производство» (208—9).

*) Соколовскій, назв. соч., 19—20, 23—4, 43, 25, 27—30, 26, 31. Ср. Корсакъ. О формахъ промышленности, 117—18; Забѣлинъ, Большой бояринъ въ вотчинномъ хозяйствѣ, «Вѣстникъ Европы», 1871, I, 485; Гамель, Описаніе тульскаго завода. М. 1826.

Все это очень хорошо, но только почему же г. Туганъ-Барановскій лишь «надѣется показать» то, что давно было показано и доказано въ литературѣ? Вотъ что писалъ Корсакъ въ книгѣ, вышедшей 37 лѣтъ тому назадъ: съ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія «у насъ утвердилась домашняя система производства, которая въ нашей промышленности была явленіемъ позднѣйшимъ въ сравненіи съ западною. Она возникла, съ одной стороны, изъ первобытныхъ домашнихъ рукодѣлій крестьянъ, которые со времени основанія фабрикъ начали работать по заказу фабрикантовъ, съ другой — была результатомъ фабричной системы, которая, явившись внезапно, должна была впослѣдствіи разложиться, выдѣлить нѣкоторыя операціи производства для домашней промышленности» *). Дѣлая это указаніе, мы вовсе не хотимъ, однако, сказать имъ, что г. Туганъ-Барановскій не зналъ мнѣнія Корсака или не сообщилъ о немъ въ своей книгѣ. Нѣтъ, достаточно показавъ свою новинку читателямъ, онъ вспоминаетъ о немъ и оговаривается: «я отнюдь не утверждаю, что фактъ происхожденія отдѣльныхъ промысловъ изъ фабрики не былъ отмѣченъ въ нашей литературѣ. Напротивъ... очень многіе изслѣдователи неоднократно его отмѣчали», въ томъ числѣ и Корсакъ (246—7). Но въ такомъ случаѣ, куда же дѣвалась «общепринятая схема», съ которой сражался г. Туганъ-Барановскій? Или эта общепринятость— не болѣе, какъ плодъ его воображенія?

Что касается спеціально Корсака, то г. Туганъ-Барановскій указываетъ и серьезное различіе между его мнѣніемъ и своимъ собственнымъ. Оно заключается въ томъ, что, по мнѣнію Корсака, русская фабрика распалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ кустарные промыслы потому, что она передъ тѣмъ была искусственно, внезапно вызвана къ жизни правительственными мѣрами, а, по мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго, она и создалась, и разложилась въ кустарные промыслы естественно: естественно создалась, потому что только на фабрикѣ крестьянинъ могъ обучиться пріемамъ производства, и естественно разложилась, потому что эти пріемы были такъ несложны, что не только примѣнять ихъ, но и научиться имъ можно было и внѣ фабрики (247 — 8). Не станемъ оспаривать заслуги въ этомъ случаѣ г. Туганъ-Барановскаго, тѣмъ болѣе, что у насъ уже была рѣчь о пониманіи имъ «естественности» русской фабрики, но отмѣтимъ и другія отличія въ его изложеніи даннаго вопроса сравнительно съ Корсакомъ. Одно изъ нихъ—въ пользу г. Туганъ-Барановскаго. Располагая новымъ архивнымъ матеріаломъ, онъ успѣлъ выяснить, что процессъ разложенія фабрики въ кустарную избу, начало котораго Корсакъ пріурочивалъ къ двадцатымъ годамъ нашего столѣтія, въ дѣйствительности начался еще раньше, въ бумаготкацкомъ производствѣ съ конца XVIII вѣка, въ суконномъ—съ начала XIX столѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще фактическая сто-

*) **Корсакъ, О формахъ промышленности. М. 1861, с. 142.**

рона этого процесса изложена у него нѣсколько подробнѣе и полнѣе, чѣмъ у его предшественника. Не такъ для него выгодно другое его отличіе отъ этого послѣдняго. И въ общихъ выводахъ, и въ самой передачѣ фактовъ у г. Туганъ-Барановскаго нѣтъ той осторожности и широты взгляда, которыя отличали Корсака. Ихъ замѣняетъ крайняя прямолинейность и односторонность, подчасъ исключающая для автора возможность подмѣтить и оцѣнить по достоинству важныя особенности изучаемыхъ имъ явленій. Благодаря этому онъ находитъ возможнымъ говорить о созданіи фабрикой кустаря не только въ хлопчатобумажномъ, но въ льняномъ и суконномъ производствѣ. Его вниманія не останавливаетъ на себѣ въ достаточной мѣрѣ тотъ фактъ, что въ мѣстностяхъ Владимірской, Ярославской и Костромской губерній, гдѣ позднѣе, въ XVIII и XIX вв. развилось ткачество тонкаго полотна, еще съ XVII столѣтія существовало ткачество грубаго холста, что производство грубаго сукна равнымъ образомъ издавна было широко распространено въ крестьянскомъ населеніи и что, слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ можно говорить не о созданіи фабрикой населенія, занятаго кустарными промыслами, а лишь о сообщеніи существующимъ уже кустарямъ иныхъ, усовершенствованныхъ пріемовъ производства. Подобнымъ образомъ онъ считаетъ важнымъ въ интересахъ своей темы—о созданіи кустаря фабрикой—отмѣтить вліяніе желѣзныхъ заводовъ въ Павловѣ и Тулѣ на кустарное производство, хотя отъ этого вліянія до образованія самой мелкой промышленности изъ фабричной, конечно, еще очень далеко. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ выводу что «промышленный капиталъ сыгралъ огромную роль въ развитіи нашей кустарной промышленности» (241). Опредѣлить эту роль въ цифрахъ, подсчитать число рукъ, занятыхъ промыслами, ведущими свое начало отъ домашняго производства и отъ фабрики, по сознанію самого автора, невозможно, благодаря отсутствію соотвѣтствующихъ статистическихъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ зачѣмъ-то беретъ одну Московскую губернію и подсчитываетъ, что въ ней промыслы второго типа преобладаютъ. По его собственному опредѣленію, онъ употребляетъ этотъ пріемъ собственно для «иллюстраціи», съ цѣлью «доказать, что мнѣніе о происхожденіи кустарной промышленности изъ домашняго производства въ своей категорической формѣ совершенно невѣрно, такъ какъ оно игнорируетъ многіе весьма важные промыслы чисто капиталистическаго происхожденія, рѣшительно преобладающіе не только въ Московской губерніи, но и во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи» (246). Если понимать подъ «категорической формой» оспариваемаго авторомъ мнѣнія мысль о происхожденіи кустарныхъ промысловъ исключительно отъ домашняго производства, то доказывать ея невѣрность послѣ Корсака врядъ ли есть серьезная нужда. Съ другой стороны, заключать отъ Московской губерніи не только къ «какой-нибудь земледѣльческой или сѣверной лѣсной губерніи», какъ утверждаетъ

самъ авторъ, но и ко всему центральному району нѣтъ, повидимому, достаточныхъ основаній. Въ виду этого значеніе предпринятой авторомъ «иллюстраціи» и послѣ его объясненій остается мало понятнымъ: не то г. Туганъ-Барановскій ломится въ открытую дверь, не то онъ пытается рѣшить очень важный и сложный вопросъ при помощи очень ужь простого пріема. Въ концѣ концовъ, въ качествѣ заключительнаго вывода передъ нами все же остается лишь положеніе о двоякомъ происхожденіи кустарныхъ промысловъ—отъ домашняго производства и отъ фабрики, положеніе, принадлежащее еще Корсаку и въ трудѣ г. Туганъ-Барановскаго нашедшее лишь себѣ, какъ мы уже указывали, нѣкоторыя чисто-фактическія подтвержденія и дополненія.

Такимъ образомъ и въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованія г. Туганъ-Барановскаго матеріалъ, изъ котораго онъ исходитъ въ своихъ построеніяхъ, не всегда достаточенъ и страдаетъ серьезными пробѣлами, а общія разсужденія автора отличаются неясностью и противорѣчивостью, въ иныхъ же случаяхъ и чрезмѣрнымъ стремленіемъ къ оригинальности, порою къ тому же недостаточно прочно обоснованнымъ. Въ его выводахъ нѣтъ недостатка въ смѣлости, но достигаются они иногда при помощи нѣсколько грубыхъ пріемовъ, которые не внушаютъ большого довѣрія къ нимъ. Въ виду этихъ особенностей труда г. Туганъ-Барановскаго, которыя мы имѣли случай наблюдать уже и ранѣе, тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что собранный авторомъ фактическій матеріалъ занимаетъ въ его изслѣдованіи слишкомъ второстепенное и подчиненное мѣсто, такъ какъ онъ нерѣдко представляетъ большой интересъ, совершенно независимо даже отъ тѣхъ выводовъ, для которыхъ онъ предназначается авторомъ.

Мы не послѣдуемъ за авторомъ во вторую, значительно меньшую по объему, часть его книги, посвященную по-реформенной фабрикѣ. Она къ тому же въ значительно большей мѣрѣ подлежитъ критикѣ со стороны экономистовъ, нежели историковъ.

Насъ ждетъ другая интересная тема. Какъ припомнитъ читатель, г. Туганъ-Барановскій обѣщалъ не только дать исторію самой фабрики и фабричнаго законодательства, но и разсмотрѣть сверхъ того «господствовавшіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя», и притомъ разсмотрѣть ихъ «какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ». Этой любопытной задачѣ онъ посвящаетъ часть своего введенія, гдѣ рѣчь идетъ о XVIII вѣкѣ, и двѣ особыя главы, изъ которыхъ одна трактуетъ объ отношеніи къ фабрикѣ русскаго общества и литературы въ первой половинѣ XIX вѣка, а другая—о томъ же вопросѣ въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ нашего столѣтія. Въ виду единства темы, представляемаго этими частями его труда, мы разберемъ ихъ всѣ вмѣстѣ, не отдѣляя одну отъ другой. Но раньше разбора того, что дается въ нихъ авторомъ, необходимо сдѣлать одну общую оговорку. И здѣсь, подобно

тому, какъ мы имѣли случай наблюдать это относительно другихъ отдѣловъ изслѣдованія г. Туганъ-Барановскаго, онъ проявляетъ нѣкоторую небрежность въ подборѣ матеріала и нерѣдко упускаетъ изъ виду немаловажные факты, долженствовавшіе подлежать его объясненію. Говоря о преніяхъ въ Екатерининской Коммиссіи по вопросу о фабрикѣ и правахъ фабрикантовъ, онъ приводитъ мнѣнія дворянъ и купцовъ, но опускаетъ мнѣнія крестьянъ и однодворцевъ. Изслѣдуя отношеніе къ фабрикѣ литературы первой половины XIX столѣтія, онъ упоминаетъ о взглядахъ Пушкина, но оставляетъ безъ вниманія всѣхъ остальныхъ представителей поэзіи и беллетристики, въ томъ числѣ и Гоголя. Писатели-художники равнымъ образомъ вполнѣ отсутствуютъ и въ его изложеніи взглядовъ позднѣйшей литературы, хотя здѣсь уже одинъ Г. И. Успенскій, казалось бы, могъ доставить автору немало благодарнаго матеріала для его темы. Подобныхъ пропусковъ, случайныхъ или умышленныхъ, но во всякомъ случаѣ ничѣмъ не оправданныхъ со стороны автора, довольно много въ его изложеніи, но въ дальнѣйшемъ мы уже не будемъ ихъ указывать. Возьмемъ пока въ исторіи общественныхъ теченій лишь тѣ явленія, на которыхъ останавливается самъ г. Туганъ-Барановскій, и посмотримъ, какъ онъ объясняетъ ихъ и насколько выдерживаетъ въ этихъ объясненіяхъ общую точку зрѣнія, имъ принятую.

Моментомъ, съ котораго г. Туганъ-Барановскій начинаетъ свое изложеніе исторіи фабричнаго вопроса, является вторая половина XVIII вѣка или, точнѣе, Екатерининская эпоха. Въ это время, по его словамъ, русское правительство измѣнило свой взглядъ на крупное производство, отказавшись отъ прежняго безусловно сочувственнаго отношенія къ нему и выступивъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, защитникомъ мелкой промышленности. Такое новое направленіе симпатій правящихъ сферъ, находящее себѣ объясненіе въ тѣсномъ союзѣ, заключенномъ правительствомъ этой поры съ дворянскимъ классомъ, особенно ярко выразилось въ наказѣ, данномъ отъ Мануфактуръ-Коллегіи ея депутату въ Коммиссію для составленія новаго уложенія. Высказанная здѣсь программа «заключалась въ поощреніи кустарной промышленности, уничтоженіи фабричныхъ монополій и переводѣ фабрикъ съ принудительнаго къ свободному труду. Эта программа была вмѣстѣ съ тѣмъ и программой дворянства, въ чемъ и заключалась ея сила» (37—8). Для дворянства, заинтересованнаго въ зажиточности крѣпостныхъ крестьянъ, опредѣлявшей собою размѣръ ихъ оброка, поощреніе крестьянскихъ промысловъ правительствомъ представлялось крайне желательною мѣрою. Въ виду этого данный классъ въ своихъ депутатскихъ наказахъ и въ рѣчахъ самихъ депутатовъ въ Коммиссіи явился ревностнымъ, хотя далеко не безкорыстнымъ, защитникомъ мелкихъ крестьянскихъ промысловъ и противникомъ фабрикантовъ, особенно по вопросу объ употребленіи принудительнаго труда на фабрикахъ и заводахъ. «Дворянскіе депутаты проявляли необыкновенный либерализмъ по отношенію къ

вопросамъ фабричнаго труда. Почти всѣ они настаивали на томъ, что фабричныя работы могутъ съ успѣхомъ производиться вольнонаемными людьми. По словамъ Щербатова, лучшія фабрики въ Россіи это тѣ, при которыхъ нѣтъ приписныхъ деревень; но истинныя стремленія Щербатова, какъ и вообще дворянства, лучше всего выразились въ слѣдующемъ требованіи: «купцы должны употреблять вольныхъ людей или приписанныхъ (ранѣе) къ фабрикамъ, а дворяне вольныхъ и своихъ, по усмотрѣнію». Иными словами, такъ какъ тотъ же Щербатовъ настаивалъ, чтобы впредь крестьяне не приписывались къ фабрикамъ, купечеству предоставлялось пользоваться восхваляемыми преимуществами свободнаго труда, но за собой дворянство сохраняло право отказываться отъ этихъ преимуществъ и по прежнему вести дѣло крѣпостными» (33). Итакъ, и дворянство, охранявшее интересы крестьянскихъ промысловъ и своей вотчинной фабрики, и правительство, проникнутое дворянскими симпатіями, равно обнаруживали недоброжелательное отношеніе если не къ крупному производству вообще, то по крайней мѣрѣ къ купеческой фабрикѣ. Что же вышло изъ этого недоброжелательства на практикѣ? «Привилегіи фабрикантовъ — отвѣчаетъ г. Туганъ-Барановскій — были ограничены, но никакихъ положительныхъ мѣръ къ развитію кустарнаго производства правительство не предприняло, не смотря на всѣ свои изъявленія сочувствія мелкой крестьянской промышленности. Дѣло ограничилось тѣмъ, что легальныя стѣсненія развитія крестьянскихъ промысловъ были устранены». Предпринятое же одновременно съ этимъ «освобожденіе промышленности отъ чрезмѣрной правительственной опеки было прежде всего выгодно самимъ фабрикантамъ» (41—2). Послѣдніе не лишились, какъ извѣстно, и покровительства государственной власти. Результатъ — довольно неожиданный и, надо сознаться, мало объясненный авторомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ объясненіе того направленія, какое приняла на практикѣ политика Екатерины относительно русскаго фабричнаго производства, поскольку оно не находилось въ рукахъ дворянъ, авторъ, какъ мы видѣли уже раньше, указываетъ лишь на то, что правительство Екатерины нуждалось въ фабрикантахъ по своимъ государственнымъ соображеніямъ. Послѣднее совершенно вѣрно, но авторъ могъ бы тѣмъ не менѣе съ большею послѣдовательностью провести въ данномъ случаѣ и точку зрѣнія классовыхъ интересовъ, въ послѣднюю минуту упущенную теперь имъ изъ виду. Глубже вникнувъ въ представлявшійся ему матеріалъ, онъ могъ замѣтить, что интересы упоминаемыхъ имъ общественныхъ группъ не такъ уже рѣзко расходились другъ съ другомъ, что они вступали въ рѣшительное противорѣчіе главнымъ образомъ на почвѣ вопроса о правѣ обладанія крѣпостнымъ трудомъ, за предѣлами же этого вопроса интересы купца-фабриканта и дворянина, владѣльца крѣпостныхъ душъ, легко мирились и находили для себя точки соприкосновенія. Тотъ же Щербатовъ, слова котораго приводитъ авторъ, въ

своемъ проектѣ наказа депутату отъ дворянства Ярославскаго уѣзда, дѣлая предложеніе отобрать у купцовъ купленныя ими вопреки законамъ деревни и на будущее время организовать фабричное производство преимущественно на вольнонаемномъ трудѣ, мотивируетъ это предложеніе такимъ образомъ: «дворянство, когда ихъ крестьяне между работныхъ поръ будутъ ходить къ купцамъ работать на фабрики и заводы, чрезъ вящшую циркуляцію денегъ пользу же себѣ пріобрѣтутъ» *). Дѣло въ томъ, что русскіе помѣщики были не только землевладѣльцами, но и рабовладѣльцами, и ихъ интересы въ этомъ послѣднемъ качествѣ нерѣдко даже заслоняли собою собственно аграрные интересы. Помѣщику было безразлично, получаетъ-ли онъ свой доходъ отъ крестьянина—кустаря или отъ фабричнаго рабочаго, лишь бы самъ этотъ рабочій находился въ его безраздѣльномъ обладаніи. Поэтому, протестуя противъ права крупныхъ промышленниковъ владѣть крѣпостными, помѣщики не питали принципіальной вражды къ фабрикантамъ и не только сами охотно, хотя въ большинствѣ и неудачно, строили фабрики въ своихъ имѣніяхъ, но и запродавали крестьянъ купцамъ-фабрикантамъ въ качествѣ рабочихъ въ ихъ промышленныхъ заведеніяхъ. При такихъ условіяхъ покровительство крупной промышленности, извѣстнымъ образомъ направленное, могло пользоваться даже сочувствіемъ помѣщиковъ, не задѣвая ихъ интересовъ и способствуя «циркуляціи денегъ», въ результатѣ которой выигрывалъ если не крѣпостной крестьянинъ, то его владѣлецъ. Не оттѣнивъ въ достаточной степени этого факта, авторъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности точнѣе выяснить отношеніе между общественными силами, вліявшими на Екатерининское правительство, и характеромъ политики этого послѣдняго въ вопросахъ, касавшихся русской промышленности.

Подобнымъ же образомъ и отношеніе къ русской фабричной промышленности правительства Александра I находитъ себѣ въ трудѣ г. Туганъ-Барановскаго не вполнѣ удачное истолкованіе. «Общественное мнѣніе въ это время—говоритъ авторъ—представлялось почти исключительно болѣе образованной частью дворянства, и вполнѣ естественно, что, при аграрномъ характерѣ большей части нашего дворянства, общественное мнѣніе было мало расположено къ такимъ мѣропріятіямъ въ пользу фабрикантовъ, которыя существенно затрогивали интересы землевладѣльческаго класса» (260). Этимъ объясняются въ его глазахъ фритредерскія симпатіи правительства данной эпохи. Но въ послѣднемъ была и другая партія—протекціонистская, непосредственно представлявшая интересы фабрикантовъ. Борьбою этихъ партій въ обществѣ и правительствѣ авторъ истолковываетъ затѣмъ колебанія тарифной политики Александра I. По его словамъ, «дворянство, остававшееся въ массѣ аграрнымъ классомъ и привыкшее пользоваться многими иностранными издѣліями, не

*) Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. I. СПБ. 1896, с. 16.

могло сочувствовать запретительной системѣ, выгода отъ которой доставалась не ему, а невыгода ложилась всей своей тяжестью на потребителя-дворянина» (267—8). Однакоже окончательная побѣда въ этомъ спорѣ досталась не дворянству; установленный было въ 1819 г. либеральный тарифъ «продержался очень недолго, такъ какъ фабриканты, особенно суконные, которыхъ этотъ тарифъ очень чувствительно ударилъ по карману, сумѣли быстро добиться его отмѣны и уже въ 1822 г. Россія вернулась къ прежней запретительной системѣ» (277). Съ точки зрѣнія автора, разсматривающаго тарифную политику Александра I, какъ выраженіе «соотношенія общественныхъ силъ» внутри страны, и находящаго эти силы въ дворянствѣ и фабрикантахъ, такой результатъ долженъ бы, пожалуй, казаться нѣсколько страннымъ: вѣдь во всякомъ случаѣ фабриканты данной эпохи составляли ничтожную кучку сравнительно съ массой дворянства, бывшаго, по увѣренію самого же автора, и наиболѣе вліятельнымъ классомъ. Но г. Туганъ-Барановскій держится иного мнѣнія: «этотъ результатъ насъ отнюдь не долженъ удивлять», говоритъ онъ и приводитъ на то два аргумента. Во первыхъ, фабриканты, хотя и составляли ничтожное меньшинство, тѣмъ не менѣе были крупной общественной силой... среди нихъ было немало принадлежавшихъ къ высшей аристократіи; самые богатые помѣщики (напомнимъ хотя бы гр. Шереметева), имѣвшіе обширныя владѣнія въ великороссійскихъ губерніяхъ, были непосредственно заинтересованы въ развитіи фабричной промышленности, такъ какъ ихъ собственные оброчные крестьяне получали свой доходъ отъ фабрикъ». Во вторыхъ, «фабриканты были несравненно сильнѣе заинтересованы въ сохраненіи своихъ фабрикъ, чѣмъ землевладѣльцы въ пониженіи цѣнъ фабрикатовъ, и потому фабриканты должны были побѣдить» (277—8). Для убѣдительности перваго аргумента авторъ, намъ кажется, долженъ былъ бы развить его гораздо обстоятельнѣе, примѣръ же одного гр. Шереметева или даже нѣсколькихъ богатыхъ помѣщиковъ, самъ по себѣ взятый, еще мало доказателенъ. Что касается второго аргумента автора, то онъ едва-ли можетъ претендовать на серьезное значеніе. Степень интереса того или другого класса къ какому-либо вопросу,—несомнѣнно, важная вещь, но неужели ею одною, помимо всей сложной игры общественнаго и государственнаго механизма, помимо даже силы и численности самого даннаго класса, рѣшается судьба этого вопроса? Въ такомъ случаѣ не только изслѣдованіе исторіи общественныхъ явленій, но и рѣшеніе многихъ важныхъ практическихъ вопросовъ современной жизни были бы очень простымъ дѣломъ. Къ сожалѣнію, такой простоты въ дѣйствительности нѣтъ.

Вопросъ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ, въ извѣстной мѣрѣ связанный для тогдашняго русскаго общества съ другимъ вопросомъ— о крупной и мелкой промышленности, вызывалъ къ себѣ немалое вниманіе и въ литературѣ Александровскаго времени, въ которой по

его поводу велась даже оживленная и горячая полемика. Наиболѣе крупнымъ представителемъ протекціонистовъ въ литературѣ явился извѣстный адмиралъ Н. С. Мордвиновъ. Видными писателями противоположнаго направленія были Н. И. Тургеневъ и Шторхъ. Фритредеры располагали и періодическимъ органомъ въ лицѣ «Духа Журналовъ», энергично пропагандировавшаго идею свободы торговли и горячо нападавшаго на ея противниковъ. Вообще эта партія, не успѣвшая добиться торжества своихъ идей въ практической жизни, въ литературѣ была представлена сильнѣе, чѣмъ протекціонисты, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и сторонниками крупной промышленности «Сторонники идеалистическаго пониманія исторіи—говоритъ по этому поводу г. Туганъ-Барановскій—объяснили бы это вліяніемъ западно-европейскихъ идей», именно идей Ад. Смита, «но, прибавляетъ онъ, нетрудно понять классовую подкладку этихъ увлеченій» данными идеями (267). Съ какой бы то ни было точки зрѣнія довольно трудно, положимъ, было бы объяснить русское фритредерство этой эпохи лишь вліяніемъ идей Ад. Смита, хотя бы уже въ виду одного того факта, что и протекціонистъ—Мордвиновъ, и фритредеръ—Тургеневъ равно были поклонниками англійскаго экономиста. Дѣло, однако, не въ этомъ. Посмотримъ, какъ самъ г. Туганъ-Барановскій вскрываетъ намъ классовую подкладку господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ данной поры воззрѣній на экономическое положеніе страны. Указавъ, что «Духъ Журналовъ» въ своей агитаціи противъ запретительной системы относился недружелюбно и вообще къ фабричной системѣ (за исключеніемъ помѣщичьихъ фабрикъ, которыя онъ рекомендовалъ устраивать въ деревняхъ), что онъ доказывалъ выгоду и необходимость для Россіи оставаться земледѣльческою страною и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же защищалъ русское крѣпостное право, авторъ сводитъ всю эту программу къ опредѣленной почвѣ реальныхъ интересовъ. «Совпаденіе защиты свободной торговли и крѣпостного права, по его словамъ, отнюдь не было случайнымъ явленіемъ. И то и другое вызывалось одной причиной: реальными классовыми интересами», именно интересами дворянина-помѣщика, равно враждебными запретительной системѣ и свободѣ крестьянъ (275). Прекрасно. Но вотъ передъ нами Н. Тургеневъ и Шторхъ, оба—выдающіеся среди своихъ современниковъ сторонники освобожденія крестьянъ и вмѣстѣ защитники свободной торговли. Ихъ г. Туганъ-Барановскій попросту сбрасываетъ со счетовъ, на томъ основаніи, что «они не выражали собой крупнаго теченія русской общественной жизни, каковое, несомнѣнно, выражалъ «Духъ Журналовъ» (276, прим. 2). Это, конечно, удобный пріемъ, при помощи котораго всякое объясненіе очень упрощается. Все же, значитъ, защита свободной торговли не обязательно совпадала съ защитой крѣпостного права. Было-ли обязательно обратное совпаденіе—защиты крѣпостного права съ фритредерствомъ? Тоже нѣтъ. «И сторонники запретительной системы, какъ напримѣръ Мордвиновъ, — говоритъ самъ авторъ — точно также относились къ

крѣпостному праву довольно примирительно» (276). Положимъ, это еще сказано слишкомъ мягко. Мордвиновъ не то, что «довольно примирительно» относился къ крѣпостному праву, а былъ рьянымъ крѣпостникомъ, умѣвшимъ, правда, при случаѣ прикрыть свои крѣпостническія вожделѣнія красивыми фразами. Далѣе авторъ уже рѣшительнѣе говоритъ, что «какъ противники, такъ и защитники фабрики изъ дворянской среды одинаково дружелюбно относились къ крѣпостному праву, основѣ своего хозяйственнаго благополучія» (277). Минуя даже указанныя исключенія, цѣною которыхъ куплена авторомъ эта одинаковость, оказывается, стало быть, что интересы дворянина-помѣщика въ своей общей формѣ еще не объясняютъ происхожденія ни русскаго фритредерства, ни русскаго протекціонизма данной эпохи. Чтобы получить такое объясненіе, г. Туганъ-Барановскій пріурочиваетъ первое изъ названныхъ ученій «земельному дворянству», второе—«дворянству промышленному», къ которому онъ причисляетъ помѣщиковъ, владѣвшихъ фабриками и оброчными имѣніями въ промышленныхъ великороссійскихъ губерніяхъ. Это пріуроченіе данныхъ ученій къ отдѣльнымъ группамъ дворянскаго класса авторъ производитъ, однако, чисто теоретическимъ путемъ и не показываетъ ни того, что сотрудники «Духа Журналовъ» принадлежали къ «земельному дворянству», ни того, что Мордвиновъ, либо другіе протекціонисты, владѣли фабриками или отпускали своихъ крестьянъ по оброку на чужія фабрики. Припомнимъ еще, что, по показанію самого же автора, владѣльцы имѣній въ промышленной полосѣ Россіи были заинтересованы въ сохраненіи и развитіи самостоятельныхъ крестьянскихъ промысловъ. «Матеріалистическое» объясненіе автора остается такимъ образомъ чрезмѣрно общимъ и даже не охватывающимъ всѣхъ явленій, истолковать которыя оно предназначено. Мы не станемъ защищать отъ г. Туганъ-Барановскаго столь презираемыхъ имъ сторонниковъ идеалистическаго пониманія исторіи, но они, вѣроятно, все же хоть попытались бы опредѣлить, почему, напримѣръ, Мордвиновъ и Тургеневъ, одинаково восторженно относясь къ Ад. Смиту, такъ разошлись въ выводахъ изъ его ученія, а г. Туганъ-Барановскій даже не поставилъ себѣ этой задачи, равно какъ, настаивая на «не-случайности» связи крѣпостничества и фритредерства, не заинтересовался тѣмъ обстоятельствомъ, что существовавшіе въ русскомъ обществѣ этого времени аболиціонисты оказались именно въ лагерѣ фритредеровъ. Классовые интересы, несомнѣнно, оказывали весьма сильное воздѣйствіе на взгляды общества Александровской поры въ экономическихъ вопросахъ; это воздѣйствіе можно открыть даже въ воззрѣніяхъ такого выдающагося дѣятеля, какимъ былъ для своей эпохи Н. Тургеневъ, столь предупредительно устраняемый г. Туганъ-Барановскимъ съ своей дороги, а для массы общества упомянутые интересы играли даже безусловно рѣшающую роль въ образованіи его взглядовъ. Но попытка г. Туганъ-Барановскаго опредѣлить эти классовые интересы въ ихъ воздѣйствіи на

теоріи эпохи произведена при помощи слишкомъ упрощенныхъ пріемовъ и едва-ли можетъ считаться вполнѣ удавшеюся.

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи авторъ «Русской фабрики» указываетъ въ періодъ времени отъ Николаевской эпохи до 70-хъ годовъ включительно нѣсколько, послѣдовательно смѣнявшихъ одна другую, группъ экономистовъ и публицистовъ, въ воззрѣніяхъ которыхъ на вопросы, касающіеся фабричнаго производства въ Россіи, онъ открываетъ поразительное сходство. Мы прослѣдимъ теперь рядъ этихъ группъ, какъ его намѣчаетъ авторъ, и лишь затѣмъ обратимся къ ближайшему ихъ разсмотрѣнію.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Мякотинъ.

Религія красоты.

(Ruskin et la religion de la beauté. Par Robert de la Sizeranne).

Въ мирномъ лѣсистомъ уголкѣ Англіи, въ Брантвудѣ, на берегу озера, воспѣтаго Вордсвортомъ, доживаетъ свой вѣкъ писатель-эстетикъ Джонъ Рёскинъ. У насъ даже имя это очень мало извѣстно; а между тѣмъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ уже давно существуютъ цѣлыя общества, посвятившія себя истолкованію ученій Рёскина, основано нѣсколько библіотекъ его имени; идеи-же его и произведенія настолько овладѣли общественнымъ сознаніемъ, что не только въ искусствѣ, но и въ области общественныхъ вопросовъ уже многое неразрывно связалось съ его именемъ и постоянно напоминаетъ о немъ.

Передъ нами трудъ Сизеранна: „Ruskin et la religion de la beauté", знакомство съ которымъ должно убѣдить читателя, что его авторъ не только добросовѣстно изучилъ произведенія Рёскина, но и прослѣдилъ теченіе его многосторонней, подчасъ противорѣчивой, иногда даже хаотической мысли и, одушевленный восторженнымъ чувствомъ къ нему, сумѣлъ дать яркое изображеніе нравственной личности знаменитаго эстетика. Мы вкратцѣ передадимъ содержаніе книги Сизеранна, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было сужденій объ оригинальныхъ взглядахъ Рёскина, равно какъ и о причинахъ того успѣха, которымъ эти взгляды пользуются.

Сизераннъ дѣлитъ свою книгу на три части, изъ которыхъ первую посвящаетъ нравственной физіономіи Рёскина, и останавливается въ отдѣльности на всѣхъ его выдающихся чертахъ. Во второй части онъ знакомитъ читателя со „словами" Рёскина (les paroles) и въ третьей—старается изложить теченіе и постепенное развитіе его мысли. Вслѣдствіе такого дѣленія всюду раз-

бросаны отдѣльные эпизоды его жизни и выдержки изъ его произведеній; ко многому, уже раньше сказанному, автору приходится опять возвращаться, чтобы подкрѣпить свои слова,—но, можетъ быть, именно благодаря этому передъ читателемъ выростаетъ вполнѣ очерченная, живая фигура Рёскина, въ которой тѣсно сливается художникъ и общественный дѣятель, эстетикъ и моралистъ.

Рёскинъ родился въ Лондонѣ въ 1819 году. Отецъ его былъ якобитомъ въ политикѣ и пресвитеріанцемъ въ религіи. Съ юныхъ лѣтъ онъ поступилъ въ торговый домъ, гдѣ цѣлыхъ девять лѣтъ исполнялъ скучную обязанность конторщика, пока не сдѣлался, наконецъ, участникомъ одной виноторговли. Въ это время зародилось и стало понемногу возростать его состояніе, и, въ концѣ концовъ, оно увеличилось въ такой мѣрѣ, что сынъ его унаслѣдовалъ значительныя средства. Но кто-бы изъ профессіональныхъ товарищей Рёскина-отца могъ подозрѣвать, что этотъ знатокъ виннаго дѣла, до мелочей пунктуальный въ исполненіи своихъ торговыхъ обязанностей,—въ душѣ былъ страстнымъ энтузіастомъ и романтикомъ? Кто изъ нихъ могъ предположить, что, вернувшись домой изъ конторы, онъ съ увлеченіемъ хватался за новый романъ Вальтеръ-Скотта, или за трагедію Шекспира и дрожащимъ отъ волненія голосомъ читалъ ихъ вслухъ своему сыну, а по ночамъ, когда все кругомъ засыпало, раскладывалъ на столѣ карты Швейцаріи и Италіи и мечталъ о поѣздкахъ въ тѣ страны, гдѣ такое ярко-синее небо и такія сверкающія, бѣлоснѣжныя горы.

Его жена, олицетвореніе здраваго практическаго смысла, возвращала его къ дѣйствительности, но въ глубинѣ души понимала его энтузіазмъ. „Это была сильная, настойчивая и религіозная женщина, говоритъ Сизераннъ, и въ то время какъ ея мужъ увлекалъ маленькаго Джона Вальтеръ-Скоттомъ, она заставляла его читать и учить наизусть столбцы изъ Библіи, храня въ душѣ ненависть къ папѣ, презрѣніе къ театру и страстную любовь къ цвѣтамъ, уходу за которыми она посвящала все свое свободное время“.—Глубокій миръ царилъ въ этой маленькой семьѣ, оживлявшейся только эстетическими волненіями. Рёскинъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что никогда не слышалъ, чтобъ его родители возвышали голосъ или обращались къ кому нибудь съ рѣзкимъ словомъ. Огражденный отъ всякихъ столкновеній съ реальной жизнью и ея невзгодами, видя передъ собой постоянное благоговѣніе передъ природой и ея художественными воспроизведеніями, онъ съ самаго ранняго дѣтства начинаетъ проявлять необыкновенную воспріимчивость ко всему прекрасному и тотъ нравственно-эстетическій энтузіазмъ, который на всю жизнь остается его самой характерной чертой.—Ежегодно въ маѣ Рёскинъ-отецъ предпринималъ дѣловую поѣздку по Англіи и всякій разъ бралъ съ собой сына, чтобы вмѣстѣ съ нимъ осматривать

развалины, соборы, замки, читать стихи и рисовать птицъ и деревья. Въ эти поѣздки природа, какъ прекрасное видѣніе, ненадолго являлась и блистала передъ мальчикомъ, пока ее не заслонялъ опять непроглядный лондонскій туманъ. Но, и вернувшись домой, онъ продолжалъ мечтать и думать о видѣнныхъ картинахъ, составлялъ коллекціи минераловъ и растеній, и въ отзывчивомъ сердцѣ ребенка незамѣтно зарождалась и крѣпла та пламенная любовь къ природѣ и ея красотѣ, которая впослѣдствіи опредѣлила собою все содержаніе ученій Рёскина-мыслителя. Сизераннъ обращаетъ особое вниманіе на необыкновенную способность его съ дѣтскихъ лѣтъ углубляться въ созерцаніе природы. Рёскинъ проводилъ въ саду цѣлые часы, не спуская глазъ съ цвѣтовъ. „У меня, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, не было никакого желанія воздѣлывать ихъ, ухаживать за ними, точно также, какъ не хотѣлось ухаживать за птицами, деревьями или за небомъ. Я только хотѣлъ смотрѣть и любоваться на нихъ". Эти упражненія въ созерцаніи пріучили его къ одиночеству.

„Мнѣ было все равно, есть-ли кто нибудь около меня, или нѣтъ, говоритъ онъ,—у меня была своя маленькая, независимая жизнь". Даже мать и отецъ не возбуждали къ себѣ въ ребенкѣ горячей сердечной привязанности, и не удивительно, если много лѣтъ спустя у Рёскина вырывается горькій возгласъ: „Мнѣ некого было любить! Мои родители были для меня какъ-бы только видимыя силы природы,—я ихъ любилъ не болѣе, чѣмъ солнце или луну". А внѣ семьи Рёскинъ не зналъ никого. Отецъ его жилъ среди героевъ своихъ любимыхъ авторовъ и не искалъ ничьего общества. Во время своихъ поѣздокъ и путешествій они держались въ сторонѣ, избѣгая всякихъ встрѣчъ и знакомствъ; если имъ хотѣлось видѣть своего великаго Вордсворта—они шли сторожить его гдѣ нибудь у выхода изъ церкви, не мечтая о личномъ свиданіи. „Мы путешествуемъ не для сношеній съ людьми и не для приключеній, говорили они, а чтобъ видѣть глазами и наслаждаться душой..."

Главный интересъ, который представляли для нихъ люди, заключался въ ихъ живописности, они отмѣчали жестъ за его красоту, сказанное слово за звучность голоса, и такимъ образомъ съ наивнымъ восхищеніемъ дѣтей и сосредоточеннымъ вниманіемъ художниковъ проходили мимо кипучей жизни, которая являлась въ ихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ оперы или пантомимы.

И эстетическое чувство развилось въ мальчикѣ съ необыкновенной силой. Будучи въ гостяхъ, онъ не видитъ окружающихъ людей, а замѣчаетъ только картины, висящія на стѣнахъ, онъ не любитъ свою кузину за неизящныя англійскія букли; впослѣдствіи, поступивъ въ Оксфордскій университетъ, онъ избѣгаетъ товарищей, которые недостаточно колоритны, и съ особой любовью слушаетъ профессора, голова котораго напоминаетъ ему

Дюреровскаго „Меланхтона“. Всякій предметъ интересуетъ его только по своему отношенію къ красотѣ, и все не-эстетичное вызываетъ въ немъ глубокое страданіе. Четырнадцати лѣтъ Рёскинъ совершаетъ съ родителями первое большое путешествіе въ Швейцарію и по Рейну, и впечатлѣнія, вынесенныя изъ этой поѣздки, еще болѣе укрѣпляютъ въ немъ страстную любовь къ красотамъ природы и желаніе посвятить себя ей. Съ тѣхъ поръ путешествія возобновляются ежегодно и служатъ для всей семьи источникомъ радости. 15-ти лѣтъ Рёскинъ пишетъ свои первые литературные опыты и помѣщаетъ въ научномъ журналѣ статью о наслоеніяхъ Монблана и о причинахъ цвѣта воды въ Рейнѣ. Страсть къ природѣ долго предохраняла его отъ другихъ увлеченій, но разъ поразившись красотой 16-ти лѣтней француженки, дочери одного изъ участниковъ въ торговомъ дѣлѣ его отца,— онъ забылъ все окружающее и безумно влюбился. Смущаясь и краснѣя, онъ излагалъ дѣвушкѣ свои взгляды на битву при Ватерлоо, на геологическое строеніе горъ и не замѣчалъ, что его робкое ухаживанье вызываетъ въ ней только насмѣшку. Мать Рёскина, возмущенная тѣмъ, что хорошій тори, преданный Георгу III-му, могъ полюбить француженку и католичку, рѣшительно воспротивилась такому сближенію. И первый разъ въ семьѣ возникло несогласіе, которое, впрочемъ, не было продолжительно. Въ одинъ прекрасный день Рёскинъ узналъ, что его возлюбленная выходитъ замужъ,—это глубоко потрясло его, онъ заболѣлъ и принужденъ былъ бросить всѣ свои занятія. Долго длилось это состояніе полнаго отчаянія. Родители повезли его путешествовать, и онъ самъ разсказываетъ въ своей „Praeterita“, какъ страстно любимая природа вернула къ жизни и излѣчила его. Еще слабый, съ расшатанными нервами, добрелъ онъ до молодого лѣса и, вытянувшись на травѣ, хотѣлъ заснуть, когда взглядъ его упалъ на маленькую осину, растущую по ту сторону дороги,—и вотъ ему захотѣлось нарисовать ее. „Утомленный, апатичный, принялся я за рисованье, но постепенно моя усталость и равнодушіе проходили. Съ возрастающимъ восхищеніемъ я смотрѣлъ, какъ одна вѣтвь выходила изъ подъ другой и располагалась по законамъ красоты, неизвѣстнымъ еще человѣку“.—И опять началось страстное, ничѣмъ болѣе не прерываемое поклоненіе природѣ и изученіе ея.

Въ 1842 г., вернувшись въ Оксфордъ, Рёскинъ сдаетъ экзаменъ и съ энтузіазмомъ отдается живописи и изученію ея великихъ образцовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ женится на молодой и красивой дѣвушкѣ, но не выходитъ изъ своего созерцательнаго состоянія, и когда, шесть лѣтъ спустя, жена оставляетъ его для другого, онъ не смущается этимъ событіемъ и даже не замѣчаетъ его, какъ бы прикованный умственнымъ взоромъ къ развернутымъ передъ нимъ горизонтамъ прекраснаго.

И однако, „этотъ созерцатель, говоритъ Сизераннъ, былъ всегда человѣкомъ дѣла". Онъ старается провести въ жизнь всякую мысль, рождающуюся въ его головѣ, всякое убѣжденіе, овладѣвшее имъ. Онъ пишетъ о необходимости развить въ массахъ пониманіе искусства и самъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ даетъ вечерніе уроки рисованія въ школѣ живописи. Въ 1876 г. вмѣстѣ съ своими друзьями онъ устраиваетъ около Шеффильда музей для рабочихъ (извѣстный теперь Ruskin Museum), наполненный интересными произведеніями искусства, и въ этомъ музеѣ рабочіе имѣютъ возможность хотя на мигъ забыть хмурые дома и дымящіяся трубы желѣзнаго города. Въ 1869 году Рёскинъ былъ избранъ на вновь открытую кафедру изящныхъ искусствъ въ Оксфордѣ и съ энергіей принялся устраивать при университетѣ школу рисованія и составлять коллекцію картинъ, справедливо находя, что нельзя говорить о нихъ, не имѣя возможности ихъ показать. Этотъ богатѣйшій, съ большимъ вкусомъ составленный музей, гдѣ собраны картины всѣхъ временъ, начиная съ Тинторетто и кончая Бернъ-Джонсомъ, сдѣлалъ изъ Оксфорда артистическій центръ всей Англіи.

Изъ просвѣщеннаго любителя Рёскинъ становится даровитымъ профессоромъ и критикомъ. Онъ пишетъ рядъ статей по исторіи искусства, издаетъ свой знаменитый трудъ по художественной критикѣ: „Современные живописцы" (Modern Painters), объ успѣхѣ котораго можно судить по тому, что онъ одинъ доставилъ ему 6,000 ф. с. чистаго дохода. Послѣдовавшіе за нимъ „Семь свѣточей архитектуры" (The seven Lamps of Architecture) и „Камни Венеціи" (The Stones of Venice) имѣли неменьшій успѣхъ,—и до сихъ поръ книги, изданныя имъ 30 лѣтъ назадъ, расходятся въ количествѣ до 3,000 экземпляровъ въ годъ. На этой-то популярности его и останавливается Сизераннъ и всю вторую часть своей книги посвящаетъ разъясненію ея. „Дѣйствительно, философъ, котораго читаетъ толпа въ XIX вѣкѣ—явленіе далеко необыденное, говоритъ онъ, но если этотъ философъ при этомъ эстетикъ, и произведенія искусства составляютъ предметъ его трудовъ, то явленіе это становится еще болѣе поразительнымъ. Критику искусства постигла странная участь,—за нее охотнѣе всего берутся писатели, и въ то же время ей менѣе всего довѣряетъ читающая публика, убѣжденная неоднократнымъ опытомъ, что ее ждетъ поверхностная или педантичная болтовня. Итакъ, чтобъ найти объясненіе популярности, которую завоевалъ Рёскинъ,—прислушаемся къ его словамъ".—Послѣ этого вступленія Сизераннъ наглядно знакомитъ съ пріемами изложенія Рёскина, съ его непослѣдовательной, горячей, полной энтузіазма рѣчью, въ которой было-бы напрасно искать строго выдержаннаго плана, но которая за то дѣйствуетъ на слушателя своей искренностью и красотой образовъ.

Сизераннъ вводитъ читателя въ залу оксфордскаго университета передъ появленіемъ въ ней Рёскина. Зала переполнена публикой; мѣста берутся съ боя; слушатели забираются даже на шкафы и на окна. Среди публики много дамъ; изъ нихъ многія американки, переѣхавшія Атлантическій океанъ, чтобъ увидѣть Рёскина.—„Но вотъ въ толпѣ начинается движеніе, всѣ поднимаются на цыпочки, чтобы лучше разсмотрѣть высокаго, стройнаго человѣка, котораго сопровождаютъ ученики, какъ афинскаго философа. У него длинные, свѣтлые волосы, блестящіе голубые глаза, часто мѣняющіе выраженіе, тонкій, подвижной, ироническій ротъ—лицо, полное сарказма и вдохновенія. Онъ отвѣчаетъ на поклонъ легкимъ кивкомъ головы и раскладываетъ вокругъ себя на столѣ цѣлую коллекцію всевозможныхъ предметовъ; минералы, монеты, рисунки, фотографіи, діаграммы,—затѣмъ откидываетъ свое длинное, черное профессорское платье, скрывавшее синій сюртукъ съ воротникомъ à la Гладстонъ, и начинаетъ говорить. Сначала похоже на то, какъ священникъ читаетъ Евангеліе. Медленно и старательно прочитываются исписанные листки, отчетливо и монотонно выговариваются фразы. По немногу лекторъ оживляется, перестаетъ слѣдить за написаннымъ, а смотритъ на живыя лица аудиторіи. Онъ не можетъ продолжать, не зная, понимаютъ-ли его, и проситъ поднять руки въ знакъ согласія. Чѣмъ дальше, тѣмъ горячѣе и увлекательнѣе звучитъ его рѣчь; сущность предмета выступаетъ все ярче, поясняется діаграммами, рисунками, жестами... Говоря о птицахъ, ораторъ движеніями старается изобразить ихъ полетъ и плавность походки... Онъ прибѣгаетъ къ геологіи, говоря о горахъ, изображенныхъ Тернеромъ, обращается къ ботаникѣ по поводу деревьевъ Клода Лоррена, къ психологіи, говоря объ ангелахъ della Robbia, напоминаетъ о патологіи по поводу скульптурной головы Santa Maria Formosa, онъ чувствуетъ и видитъ во всемъ красоту науки и при всякомъ случаѣ старается констатировать науку красоты... Всякій чувствуетъ, что онъ дѣйствуетъ и говоритъ, захваченный идеей. Онъ потерялъ планъ, но завоевалъ своихъ слушателей“. Въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемся съ той же горячностью и непослѣдовательностью изложенія.

„Его книги убѣдительны, какъ наши финансовыя смѣты, замѣчаетъ Сизераннъ, а методъ его писанья также запутанъ, какъ расписанія поѣздовъ на станціяхъ, передъ которыми въ раздумьи стоятъ праздные пассажиры“. Рёскинъ самъ сознаетъ отсутствіе системы и плана въ своихъ сочиненіяхъ. „Одинъ изъ друзей жестоко упрекаетъ меня за несвязность моего Fors Clavigera и настаиваетъ, чтобы я написалъ вмѣсто этого стройно, послѣдовательно составленную книгу,—но онъ съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы требовать, чтобы береза, растущая изъ трещины скалы, заранѣе опредѣлила направленіе, которое примутъ ея вѣтви. Вѣтра

и ливни направятъ ихъ согласно своей дикой фантазіи, а червоточины и рубцы будутъ изъязвлять ея бѣлорозовый стволъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначитъ судьба".—За то каждая отдѣльная мысль въ произведеніяхъ Рёскина выступаетъ необыкновенно ясно и опредѣленно. Говоритъ-ли онъ о главныхъ правилахъ въ живописи, даетъ-ли эстетическую психологію древняго грека, поясняетъ-ли смыслъ и идею драпировки и красоту ниспадающихъ тканей, скрывающихъ за собой движеніе и силу, спокойствіе и строгость—вездѣ образы его ясны и убѣдительны. Чтобы пояснить необходимость простоты композиціи въ историческомъ пейзажѣ, чтобы доказать, что большое количество и смѣсь деталей въ картинѣ ослабляютъ общее впечатлѣніе—онъ даетъ описаніе окрестностей Рима при солнечномъ закатѣ; чтобы показать на какой почвѣ выросъ Тиціанъ, и какое вліяніе на душу и глазъ художника имѣютъ впечатлѣнія его дѣтства—онъ рисуетъ картину Венеціи XV в., изобилующую яркими и теплыми тонами; говоря о женщинѣ и ея психологіи, онъ вызываетъ въ нашей памяти женщинъ старыхъ фламандскихъ и тосканскихъ мастеровъ, женщинъ, сидящихъ прямо и просто на старинномъ креслѣ съ высокой спинкой и управляющихъ домомъ однимъ своимъ спокойнымъ, женственнымъ и умиротворяющимъ взглядомъ,—и мы чувствуемъ, что все представляется Рёскину въ рельефѣ, въ формахъ и краскахъ, и что на весь міръ онъ смотритъ глазами художника.

„Многіе критики философствовали, мало, кто любилъ",—говоритъ Сизераннъ. Всѣ произведенія Рёскина, всѣ его аргументы и картины служатъ ему только средствомъ для выраженія того энтузіазма, которымъ неизмѣнно полна его душа. Имѣя его книги въ рукахъ, говоритъ Сизераннъ, туристъ чувствуетъ себя какъ дома въ галлереяхъ Флоренціи и Рима; его какъ бы сопровождаетъ опытный руководитель, который поясняетъ намъ наши впечатлѣнія, обращаетъ наше вниманіе на то, что могло бы ускользнуть отъ него, и мы чувствуемъ себя, по выраженію Сизеранна, „облагороженными, испытывая волненіе передъ тѣмъ, что волновало много вѣковъ назадъ, и этимъ восхищеніемъ передъ произведеніями искусства всѣхъ временъ какъ бы сливаясь съ душой всего человѣчества"...

Рёскинъ не признаетъ научнаго анализа въ примѣненіи его къ изученію природы. „Наука и анализъ не даютъ никакого представленія о томъ, что составляетъ суть природы, ея жизнь, обаяніе и красоту". Его не удовлетворяетъ философія, ставящая себѣ задачей разъясненіе *причины* явленій; онъ требуетъ объясненія *формы*. Ему нужна такая философія, которая „указывала бы не только на законы созданія, но и на радость его, которая раздѣляла бы существа не только по ихъ виду и механическимъ функціямъ, но и по ихъ эстетическимъ свойствамъ". „Долгая 80-ти лѣтняя работа геологическаго Общества, говоритъ онъ въ

другомъ мѣстѣ, не могла опредѣлить многое такое относительно вида и строенія горъ, что Тернеръ выразилъ нѣсколькими взмахами кисти, когда еще былъ ребенкомъ, и ни одинъ изъ ученыхъ не сумѣетъ представить и передать естественное и могучее движеніе человѣческаго тѣла съ такимъ совершенствомъ, какъ это сдѣлалъ 300 лѣтъ тому назадъ сынъ бѣднаго красильщика Тинторетто".

Только эстетическое чувство можетъ подсказать то, чего не дастъ никакая наука, и этому-то чувству Рёскинъ придаетъ огромное значеніе. „Философы думаютъ, говоритъ онъ, что все, что есть прекраснаго, можно найти въ лексиконахъ, что все зависитъ только отъ перестановки словъ... Но мы, художники, знаемъ, что существуетъ нѣчто большее — любовь, которая создаетъ цѣлый міръ единымъ взглядомъ или вздохомъ, и что недостатокъ любви и есть, можетъ быть, истинная смерть... Когда ученые пытаются объяснить все прекрасное полезнымъ—ихъ можно уподобить древеснымъ червямъ, забравшимся въ раму художественной картины; они могутъ разсуждать о достоинствахъ деревянной рамы, но краски имъ не по вкусу и, дойдя до нихъ, они объявляютъ, что это результатъ дѣйствія молекулярныхъ силъ. Для того же, кто видитъ и понимаютъ картину природы,—для кого эти гармоничные, мощные и нѣжные тона составляютъ счастье, кто любитъ ихъ со всѣмъ пыломъ души, добросовѣстно старается создать, правда, всегда только жалкое, но все же вѣрное ихъ подобіе и плачетъ отъ радости, когда это удается—для того задача созданія совсѣмъ не такъ проста и не можетъ быть объяснена простой эволюціей видовъ". — Участіе здѣсь высшей силы для него очевидно. Не смотря на это, ученіе Рёскина совершенно чуждо догматизма. Онъ не утверждаетъ ничего свыше того, что видитъ и слышитъ. Онъ публично оскорбляетъ традиціи стараго университета, насмѣхаясь надъ самовластіемъ догматовъ, онъ преслѣдуетъ мистиковъ. И находя, что мистицизмъ не болѣе науки можетъ разъяснить задачу бытія, онъ обращается къ природѣ и къ ея красотѣ. Эту красоту онъ называетъ „великой вдохновительницей человѣческихъ поступковъ, высшей радостью и вѣчнымъ закономъ". Поэтому для Рёскина въ наивныхъ, но поэтическихъ заблужденіяхъ дѣтскихъ вѣрованій больше правды, чѣмъ въ формально-логическихъ построеніяхъ философскаго мистицизма...

Если эстетическое чувство и искусство, какъ выраженіе его, есть единственный способъ дать намъ вѣрное представленіе объ окружающемъ мірѣ, то артистъ, по выраженію Рёскина, является „возбудителемъ нашего восхищенія", посредникомъ между людьми и природой, исполнителемъ одной изъ величайшихъ задачъ. Онъ разъясняетъ самые неуловимые законы, доставляетъ намъ высшія радости и наглядно знакомитъ насъ съ прошлымъ всѣхъ народовъ и со всѣми періодами ихъ душевной жизни. „Но художникъ не

должень забывать, говорить Рёскинъ, что насколько его роль велика относительно человѣка, настолько она ничтожна передъ лицомъ самой природы,—что все его искусство ничто иное, какъ актъ восхваленія ея, и что малѣйшая частность въ природѣ важнѣе цѣлаго въ искусствѣ: „Пусть лучше погибнутъ картины всего міра, чѣмъ птицы перестанутъ вить свои гнѣзда", говоритъ Рёскинъ, поясняя образомъ эту мысль.—Отсюда понятнымъ становится требованіе, чтобы художникъ относился къ природѣ съ благоговѣніемъ, „не дерзая измѣнять ее, во всей простотѣ своего сердца, ничего не отбрасывая и ничего не измѣняя". Въ этихъ словахъ уже слышится прерафаэлизмъ, нашедшій въ Рёскинѣ своего апостола. Идеализировать, т. е. исправлять и улучшать природу представляется ему кощунствомъ. Школа реалистовъ возбуждаетъ также его неудовольствіе своимъ смѣшеніемъ предметовъ натуральныхъ и искусственныхъ. „Люди фабрикуютъ какой нибудь уродливый предметъ вопреки всѣмъ законамъ природы, говоритъ Рёскинъ, и затѣмъ начинаютъ увѣрять насъ, что этотъ предметъ прекрасенъ, потому что онъ реаленъ, и художники - реалисты, изобразивъ на картинахъ рядъ такихъ реальныхъ предметовъ, какъ локомотивы, извозчики, рестораны и велосипеды, называютъ это природой и требуютъ нашего восхищенія". И для человѣческой модели Рёскинъ не допускаетъ исключенія. Наружная оболочка современнаго человѣка кажется ему лживой и потому не реальной.—„Человѣкъ природы, истинно прекрасное существо, не исковерканное неправильнымъ воспитаніемъ и тробованіями цивилизаціи, это—человѣкъ прежнихъ временъ, а не машиннаго парового вѣка, это—Апполонъ Сиракузскій, а не избиратель Гладстона. Это человѣкъ, созданный природой, а не self-made man".—И потому въ добросовѣстной передачѣ природы Рёскинъ находитъ возможнымъ „снять съ лица людей слѣды упадка, наложенные на нихъ нашимъ искусственнымъ временемъ, возстановить *истинный текстъ, очистивъ* его отъ прибавокъ". Всякое искаженіе природы исчезнетъ само собой отъ любви и наивнаго восхищенія, съ которыми артистъ приступитъ къ дѣлу, руководясь только своимъ впечатлѣніемъ и своимъ чувствомъ любви. „Прежде всего природа учитъ насъ спокойствію, говоритъ Рёскинъ, исключаетъ всякое рѣзкое движеніе—и таково первое требованіе живописи. Васъ должны интересовать эти созданія сами по себѣ, а не то, что съ ними происходитъ". Въ этомъ отношеніи Лоренцо ди Креди, Карпаччіо, Ботичелли, Фра-Анджелико—словомъ, всѣ „кто брался за краски не съ тѣмъ, чтобы блеснуть самому, какъ выразился Рёскинъ, а чтобы заставить восхищаться блескомъ природы"—являются его учителями и ихъ онъ ставитъ за образецъ. Ученики и послѣдователи его въ лицѣ Розетти, Миллэ, Мунро, Бернъ-Джонса и др. окончательно развили это ученіе, образовавъ школу прерафаэлитовъ и возведя въ прин-

ципъ живописи простоту и благоговѣйное воспроизведеніе природы и человѣческой души.

Рёскинъ—натура цѣльная, и потому эстетическая теорія не остается у него въ душѣ одинокой, чуждой вліянія на общее міровоззрѣніе. Напротивъ, она захватываетъ все его существо и властно опредѣляетъ содержаніе его мыслей о жизни вообще, причемъ вниманіе его съ особой силой привлекается вопросами морали и тѣсно съ нею связанной областью экономическихъ отношеній. Этому-то постепенному развитію мысли и переходу Рёскина на почву общественныхъ вопросовъ и посвящаетъ Сизераннъ третью часть своей книги.

Ставя выше всего красоту, цѣня въ искусствѣ простое и добросовѣстное воспроизведеніе ея, Рёскинъ обращаетъ глаза къ жизни, ища прекрасныхъ моделей для искусства,—и не находитъ ихъ. „Все живописное въ нашихъ жилищахъ, одеждахъ, даже въ утвари и въ вооруженіяхъ, исчезаетъ изъ жизни и сохраняется лишь на театральныхъ подмосткахъ и въ музеяхъ, говоритъ онъ,—желѣзныя дороги переносятъ насъ быстрѣе прежняго къ излюбленнымъ уголкамъ земли, но онѣ же искажаютъ ихъ своими туннелями и насыпями. Каждая новая линія, проходя, какъ морщина, по лицу земли, стираетъ частицу ея красоты. Наши рѣки заграждены плотинами, наши лѣса вырубаютъ, чтобы строить заводы, и, вмѣсто пѣнія птицъ, слышится свистъ и грохотъ паровыхъ машинъ. Но стали ли люди счастливѣе отъ этого и поютъ ли они больше прежняго? Увы, нѣтъ!“—Въ людяхъ онъ видитъ то же отсутствіе красоты,—ежедневно ростутъ болѣзни, преступленія, самоубійства, ежедневно гдѣ нибудь вспыхиваетъ возмущеніе рабочихъ, и вся эта голодная, жалующаяся, или угрожающая толпа безсильно движется передъ нами... Какъ же искусство можетъ воспроизводить красоту, когда ея нѣтъ больше на землѣ? Рёскинъ понимаетъ, что нельзя возстановить искусство, не измѣнивъ жизни, и рѣшаетъ на ней прежде остановить вниманіе,—мысль его изъ эстетической постепенно становится моральной, и, покинувъ область чистаго искусства, онъ понемногу всецѣло отдается общественнымъ вопросамъ. Вдумавшись въ соціальныя условія жизни, онъ приходитъ къ убѣжденію, что причиной всякаго зла является богатство. Пейзажи портятся желѣзной дорогой, вычурной архитектурой домовъ и вообще отсутствіемъ въ обстановкѣ людей первобытной простоты — словомъ, тѣмъ, что является слѣдствіемъ богатства. Человѣка портитъ нищета, болѣзнь, пороки, непосильный трудъ, т. е. слѣдствія того же богатства немногихъ, порождающаго бѣдность большинства. „Единственное и величайшее богатство есть жизнь, говоритъ Рёскинъ, но жизнь, полная любви, радости и стремленія къ прекрасному. Богатѣйшей страной міра можетъ быть названа та, которая воспитываетъ наибольшее число благородныхъ и счастливыхъ человѣче-

скихъ существъ...“—А такъ какъ нищета народныхъ массъ стоитъ на пути къ такому богатству неодолимымъ препятствіемъ, то экономическая реформа является основнымъ условіемъ для возстановленія на землѣ красоты и счастья. Особенное зло видитъ Рёскинъ въ огромномъ разстояніи, отдѣляющемъ хозяина отъ рабочаго, и въ механизаціи, мѣшающей рабочему находить удовольствіе въ своей работѣ.

„Не то главное зло, говоритъ онъ, что люди плохо накормлены, а то, что они не находятъ никакого удовольствія въ дѣлѣ, которымъ добываютъ себѣ хлѣбъ, и потому привыкаютъ смотрѣть на богатство, какъ на источникъ всѣхъ радостей. Они чувствуютъ, что трудъ, на который они обречены, дѣйствительно унижаетъ ихъ и попираетъ ихъ человѣческое достоинство“. А причиной этого—механическое производство: если рабочій остается безъ занятій, если онъ получаетъ низкую плату, если онъ становится алкоголикомъ—виновата машина. Эти и тому подобныя мысли у Рёскина—не простое досужее философствованіе. И вотъ появляется цѣлый рядъ предпріятій съ характеромъ соціальныхъ опытовъ. Въ маѣ 1871 года Рёскинъ основываетъ общество Св. Георгія, цѣлью котораго онъ ставитъ возвращеніе къ бездымному вѣку, къ вѣку сознательнаго, красиваго, здороваго труда. „Мы попытаемся сдѣлать хоть одинъ уголокъ англійской территоріи прекраснымъ, мирнымъ и плодороднымъ, говоритъ онъ. У насъ не будетъ тамъ ни паровыхъ двигателей, ни желѣзныхъ дорогъ, но за то и не будетъ ни одного жалкаго, немыслящаго существа. Когда намъ нужно будетъ поѣхать куда нибудь, мы отправимся спокойно и безопасно, не дѣлая по сорока миль въ часъ съ опасностью жизни; когда намъ потребуется перевозить что нибудь—мы перевеземъ на спинѣ нашихъ животныхъ, перенесемъ сами или нагрузимъ на телѣги и лодки“.

Въ шести миляхъ отъ Шеффильда онъ пріобрѣтаетъ участокъ земли въ тринадцать акровъ; на немъ онъ хочетъ разводить въ большомъ количествѣ овощи и плоды для снабженія шеффильдскаго рынка по опредѣленнымъ и умѣреннымъ цѣнамъ. Одинъ изъ членовъ Общества пожертвовалъ для той же цѣли еще участокъ земли близъ Бармута, другой—20 акр. въ одномъ изъ живописныхъ уголковъ Ворчейстшера.

„Мнѣ отрадно видѣть, говоритъ Рёскинъ, какъ мало, сравнительно, требуется труда и денегъ, чтобъ обратить эти скалы въ цвѣтущіе сады“. Кустарныя производства также сильно занимаютъ его. Онъ возстановляетъ ручное пряденіе льна, производство домашнихъ суконъ, полотенъ и холста.

„На островѣ Мэнѣ существовало прежде прекрасное, здоровое ремесло для женщинъ, говоритъ онъ,—ручное пряденіе шерсти мѣстныхъ овецъ, но вознагражденіе за этотъ трудъ было такъ ничтожно, что старыя, больныя женщины принуждены были

бросать свои прялки и отправляться работать въ нездоровыя каменно-угольныя копи".

Онъ снова организуетъ это производство, и для выдѣлки изъ шерсти сукна строитъ водяную мельницу. Общество Св. Георгія, по мысли Рёскина, только тогда пользуется машинами, когда онѣ не препятствуютъ здоровой физической работѣ и не превращаютъ ловкость ручного труда въ механическую, тупую работу. Какъ двигатели, допускаются только естественныя силы природы: вода, вѣтеръ; паръ же окончательно изгнанъ, какъ жестокій истребитель топлива. Въ живописной лѣсной мѣстности былъ нанятъ небольшой домикъ и обращенъ въ школу ручного пряденія. Какъ только женщина научалась этому искусству, ей выдавались на домъ самопрялка и ленъ, и пряжа принималась отъ нея по опредѣленной цѣнѣ. Ткацкій станокъ Рёскинъ возстановляетъ по одной картинѣ Джіотто, а нѣсколько стиховъ изъ Одиссеи учатъ рескиніанцевъ бѣлить полотно. Благодаря прочности этихъ издѣлій, главнымъ же образомъ, благодаря содѣйствію и популярности Рёскина, всѣ эти производства быстро пошли въ ходъ, и теперь въ высшихъ кругахъ Англіи въ большомъ употребленіи Ruskin-linen и сукно St. Georges Guild'a. Нечего и говорить, что всѣ выручаемыя съ продажи деньги идутъ исключительно тѣмъ, кто участвуетъ въ этой работѣ.

Одновременно съ этими соціальными опытами начинается второй литературный періодъ дѣятельности Рескина, состоящій изъ цѣлаго ряда журнальныхъ статей, публичныхъ лекцій и ряда писемъ, обращенныхъ къ трудовому люду Англіи подъ общимъ заглавіемъ „Fors Clavigera", и имѣющимъ цѣлью духовное развитіе англійскихъ рабочихъ. Типографія, въ которой печатаются его сочиненія, расположена вдали отъ Лондона, среди полей и лѣсовъ, какъ бы въ видѣ протеста противъ неизящества нашихъ современныхъ мастерскихъ. Дѣятельность его изумительна. У себя въ Брантвудѣ, куда окончательно переселяется послѣ смерти своихъ родителей, онъ затѣваетъ всевозможныя работы съ цѣлью привлечь рабочихъ къ здоровому труду на воздухѣ и оттянуть ихъ отъ городовъ,—и самъ показываетъ примѣръ труда, отправляясь со своими оксфордскими студентами исправлять дорогу и чинить крыши бѣдняковъ. Въ этомъ Сизераннъ отмѣчаетъ черту сходства съ нашимъ Толстымъ, о которомъ Рёскинъ сказалъ, что онъ будетъ его „лучшимъ преемникомъ".

Соціальные опыты Рёскина, какъ это видно даже изъ нашего бѣглаго очерка, сами по себѣ не могутъ считаться безуспѣшными, но, конечно, они не разрѣшаютъ соціальной проблемы, выдвинутой имъ.

Рёскинъ сознаетъ это и прибѣгаетъ, какъ къ вспомогательной мѣрѣ, къ воздержанію богатыхъ. Это воздержаніе богатыхъ, не дающее накопляться имуществу въ немногихъ рукахъ, по мнѣнію Рёскина, должно явиться необходимымъ слѣдствіемъ яснаго пред-

ставленія у богатыхъ о томъ, въ чемъ именно заключается „соціальный“ долгъ человѣка. Если бы фабрикантъ или купецъ, говоритъ онъ, понималъ свои общественныя обязанности также ясно, какъ солдатъ, защищающій свою родину, онъ бы зналъ, что и у него есть случаи, когда онъ долженъ жертвовать собой; онъ бы зналъ, что онъ обязанъ скорѣе поступиться собственнымъ богатствомъ, чѣмъ разорять своихъ конкуррентовъ, или сбавлять плату своимъ рабочимъ. Всякая свѣтская женщина, пользующая трудомъ извѣстнаго числа портнихъ, чтобы сдѣлать нѣсколько волановъ для своего бальнаго платья, которое послужитъ только ей одной и то только на одинъ вечеръ—поступаетъ эгоистично. Если бъ она употребила это-же количество рабочихъ рукъ, чтобы сдѣлать извѣстное число простыхъ и теплыхъ платьевъ, изъ которыхъ одно носила бы сама, а остальныя раздала бы бѣднымъ женщинамъ, нуждающимся въ нихъ,—она бы поступила человѣчно. Въ обоихъ случаяхъ работой занято одно и то же количество портнихъ, но въ одномъ случаѣ работа идетъ на служеніе многимъ, а въ другомъ—на удовлетвореніе потребностей только одной женщины.—Если бы какой нибудь богачъ-самодуръ вмѣсто того, чтобы заказывать свой портретъ во весь ростъ и платить за это сумасшедшія деньги, заплатилъ ту же сумму великому художнику для того, чтобъ онъ написалъ историческую или религіозную картину и помѣстилъ бы ее тамъ, гдѣ рабочіе и крестьяне могли бы постоянно видѣть ее—онъ бы доставилъ имъ глубокое эстетическое наслажденіе и разумно употребилъ бы свои деньги.—Такихъ примѣровъ воздержанія богатыхъ людей и разумной траты денегъ Рёскинъ приводитъ множество и на основаніи этихъ примѣровъ считаетъ возможнымъ допустить, что укрѣпленіе въ людяхъ яснаго сознанія своего соціальнаго долга одно могло бы уничтожить рѣзкость имущественныхъ различій.

Хотя экономическія теоріи Рёскина не отличаются убѣдительностью, однако, онѣ сильно заинтересовали англійское общество и въ значительной мѣрѣ опредѣлили собою направленіе такихъ видныхъ дѣятелей, какимъ былъ, напримѣръ, извѣстный поэтъ-обойщикъ и ремесленникъ—Вильямъ Моррисъ.

Всюду Рёскинъ вноситъ свою эстетическую точку зрѣнія. „Надо съ дѣтства развивать въ людяхъ восхищеніе передъ природой, говоритъ онъ; ученикъ долженъ бы рисовать голову и крылья реполова, а не изучать строеніе его желудка, не проникать въ тайники природы, а любоваться внѣшними формами и радоваться на нихъ. Это единственный способъ быть счастливымъ. Восхищаясь чѣмъ нибудь, человѣкъ забываетъ, прощаетъ и вѣритъ“. „Чтобы наслаждаться эстетической жизнью, нужно очень немногое по мнѣнію Рёскина,—замѣчаетъ Сизераннъ,—пусть только человѣкъ видитъ и понимаетъ все прекрасное, что есть передъ его глазами. Если онъ встрѣчаетъ прекрасную женщину—онъ будетъ

любоваться ея красотой, если она некрасива—онъ будетъ любить ея улыбку, если она не улыбается—онъ будетъ размышлять объ ея благородствѣ и духовной жизни... Если хоть одна нота останется въ его лютнѣ—онъ будетъ любить эту ноту, и если окно его такъ мало, что по ночамъ изъ него видна только одна звѣзда—онъ будетъ восхищаться этой звѣздой и, преслѣдуя красоту, которая кроется во всемъ, онъ вездѣ сумѣетъ найти и создать себѣ счастье"...

Таковы въ общихъ чертахъ идеи знаменитаго эстетика. Сизераннъ не только заинтересованъ ими, но и заявляетъ себя ихъ горячимъ сторонникомъ и пропагандистомъ, рисуя намъ наивно-идиллическую картину рескиніанскаго будущаго. Тогда не будетъ желѣзныхъ дорогъ, и люди будутъ ходить пѣшкомъ, любуясь пейзажами и наслаждаясь чистымъ воздухомъ; богачи будутъ жертвовать много денегъ на устройство музеевъ для народа; всѣ свадьбы будутъ совершаться въ одинъ день въ году, какъ это было въ Венеціи въ X-мъ вѣкѣ, причемъ всѣмъ неимущимъ, вступающимъ въ бракъ, государство будетъ выдавать извѣстное содержаніе въ продолженіе семи лѣтъ, а у богатыхъ новоженовъ въ теченіи тѣхъ же лѣтъ будутъ удерживать ихъ доходы, чтобы на ихъ долю приходилось не больше, чѣмъ бѣднымъ,—и такимъ образомъ всѣ вновь основанныя семьи будутъ начинать жизнь въ одинаковыхъ условіяхъ;—развлекаться люди будутъ на безхитростныхъ, но колоритныхъ празднествахъ, среди природы; знанія, музыка и поэзія достигнутъ высокаго процвѣтанія; дѣти будутъ учиться пѣть и плясать... Художественно построенные дома, художественно отчеканенныя монеты—все кругомъ будетъ живой, говорящей книгой и т. д... „Рёскинъ не говоритъ, что это возможно; онъ лишь считаетъ это необходимымъ, замѣчаетъ Сизераннъ. Трудиться, любить, восхищаться—пусть въ этомъ проходитъ вся жизнь".

„Не будемъ ждать другой награды и отъ земли, кромѣ покоя, который она намъ дастъ!"—убѣждаетъ Рёскинъ своихъ многочисленныхъ читателей.

Любовь къ природѣ у него основной мотивъ. Она краситъ его жизнь, диктуетъ ему его мысли и опредѣляетъ его поступки, она сложила каждую черту его характера, она была огнемъ, освѣщавшимъ и направлявшимъ его.

Какъ обо всѣхъ выдающихся людяхъ, о Рёскинѣ уже ходятъ легенды. Одна изъ нихъ разсказываетъ, что однажды ночью, въ Римѣ, ему приснилось, что онъ причисленъ къ великому францисканскому братству,—и на слѣдующій день, когда онъ поднимался по лѣстницѣ Пинчіо, встрѣченный имъ нищій, въ благодарность за подаяніе, подарилъ ему драгоцѣнную реликвію — кусочекъ коричневаго сукна отъ одежды св. Франциска. Рёскина поразило это совпаденіе, и онъ отправился на поклоненіе Франциску Ассизскому. „Онъ не могъ избрать себѣ лучшаго патрона", говоритъ

Сизераннъ, „подобно св. Франциску онъ творилъ чудеса. Правда, птицъ онъ не научилъ внимать своей философіи, но за то научилъ этому свѣтскихъ женщинъ, что, быть можетъ, гораздо труднѣе. Онъ не заставилъ розы цвѣсти въ снѣгу, но за то вложилъ въ холодныя британскія души ту искру энтузіазма, которую мы теперь съ изумленіемъ встрѣчаемъ въ нихъ“...

Ради этого-то „энтузіазма“ мы и воспользовались книжкой Сизеранна для бѣглаго обзора оригинальныхъ, но часто прямо дѣтскихъ взглядовъ, разбросанныхъ въ многочисленныхъ произведеніяхъ Рёскина.

А. Герцыкъ.

Новыя книги.

В. П. Авенаріусъ. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи „Ученическіе годы Гоголя“. Спб. 1899.

Этой третьей повѣстью изъ юныхъ лѣтъ Гоголя г. Авенаріусъ закончилъ свою трилогію, и наши подростки имѣютъ такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи очень хорошую книгу, нѣсколько (по замыслу) напоминающую „die Wanderjahre“ Гете. Здѣсь также Wahrheit und Dichtung—правда и выдумка, причемъ къ правдѣ г. Авенаріусъ отнесся очень почтительно, стараясь представить ее въ полномъ видѣ и ничѣмъ не нарушенной, по части же художественной выдумки ни особыхъ талантовъ, ни бойкости не выказалъ. Выдумка, въ самомъ дѣлѣ, очень элементарна, ни разу читателя не захватываетъ и ни разу Гоголя не рисуетъ. Всѣ эти разговоры нашего великаго юмориста съ квартирными хозяйками, капитанами кораблей, швейцарами знатныхъ лицъ, петербургскими извозчиками, другомъ Прокоповичемъ, редакторами и издателями—очень мало характерны и, право, могли бы быть „поколоритнѣе“. Но на нѣтъ и суда нѣтъ. Впрочемъ, кое какія второстепенныя фигуры (напр., преданнаго холопа Якима, редактора-издателя „Отечественныхъ Записокъ“ Свиньина и т. д.) несомнѣнно удались г. Авенаріусу, но сказать то же самое о фигурахъ самого Гоголя, Прокоповича и Пушкина, особенно Пушкина—рѣшительно невозможно. Пушкинъ, не смотря на обильное пользованіе интересными, хотя и „не весьма достовѣрными“ записками Россетъ-Смирновой, вышелъ блѣднымъ, анемичнымъ, а не тѣмъ вѣчно кипящимъ геніемъ, образъ котораго все же сравнительно полно сохранило намъ преданіе; но, разумѣется, художественное изображеніе такихъ сложнымъ натуръ, какъ Гоголь и Пушкинъ, слишкомъ затруднительно и тутъ простительны даже крупные недочеты. Не смотря на нихъ, книга все же интересна

и составлена съ большимъ стараніемъ и любовью. Она способна сблизить юношество съ Гоголемъ и заинтересовать имъ, хотя, какъ ни старается г. Авенаріусъ, нравоучительнаго и способнаго вызвать пареніе духа тутъ мало.

Третья повѣсть начинается описаніемъ въѣзда Гоголя въ Петербургъ, его первыхъ шаговъ въ столицѣ и первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ. Великій моментъ творческаго откровенія, когда Гоголь нашелъ себя и, сжегши стихотворную поэму, принялся за бытовую прозу, переданъ г. Авенаріусомъ очень слабо, за то онъ особенно старается во всемъ Гоголя оправдать и по всѣмъ пунктамъ представить его образцовымъ молодымъ человѣкомъ. Выходитъ неубѣдительно, потому что въ общежитіи, въ отношеніяхъ къ людямъ, Гоголь образцовымъ молодымъ человѣкомъ никогда не былъ, а властный, деспотическій и нѣсколько лукавый характеръ будущаго автора „Переписки съ друзьями" обнаружился очень рано. Повторяемъ: для нравоученія Гоголь совсѣмъ не годится и его жизнь, богатая внутреннимъ, а не внѣшнимъ драматизмомъ, плохо поддается беллетристической обработкѣ „для юношества". Но это уже, конечно, не грѣхъ г. Авенаріуса, который, съ своей стороны, сдѣлалъ что могъ въ смыслѣ изученія документовъ и источниковъ. И это хорошо, и то хорошо еще, что чѣмъ больше единенія между обществомъ и его великими представителями, тѣмъ лучше, почему всякій шагъ, сдѣланный въ этомъ направленіи, заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Жизнь Гоголя въ беллетристической обработкѣ доведена до того момента, какъ авторъ „Мертвыхъ душъ" окончательно всталъ на ноги и вошелъ въ литературный цехъ. Затѣмъ есть еще небольшая характеристика дальнѣйшей его дѣятельности.

Книга издана изящно, а фототипіи прямо хороши.

Сергѣй Роміасъ. Семья Никитиныхъ. Романъ-хроника. Два тома. Москва. 1899.

Произведеніе обширное. Въ двухъ томахъ—1200 страницъ крупнаго размѣра и одолѣть ихъ не легкое дѣло, тѣмъ болѣе, что разсказъ г. Роміаса рѣшительно не блещетъ красками, а тянется вяло,—такъ вяло, точно рѣченка по низменному мѣсту, ежеминутно расплываясь въ болото, выбраться изъ котораго авторъ не торопится. Каково читателю—объ этомъ онъ думаетъ очень мало и вырисовываетъ беллетристическіе узоры тихо, обстоятельно и скучно. Правда, и Толстой никогда не торопится и ставитъ даже одной изъ существеннѣйшихъ задачъ своего художественнаго творчества „передачу всякаго образа и всякой картины до послѣдняго штриха", но надо замѣтить, что не всегда удобно, или, лучше сказать, всегда неудобно небольшимъ людямъ ссылаться на примѣръ великихъ людей: это просто поводъ ко

всевозможнымъ недоразумѣніямъ. Эти недоразумѣнія въ лучшемъ случаѣ заканчиваются самой искренней читательской зѣвотой. И чего собственно добился г. Роміасъ своими невѣроятными длиннотами и какъ бы заранѣе предумышленной тягучестью своего разсказа: того только, что чѣмъ дальше проникаешь въ его произведеніе, тѣмъ ожесточеннѣе начинаешь думать о халвѣ, рахатъ-лукумѣ и прочихъ тягучихъ смѣсяхъ.

Г. Роміасъ пишетъ очень плавнымъ, очень безцвѣтнымъ и пожалуй (если бы не странное усвоенное имъ обыкновеніе ставить глаголы въ концѣ предложеній) правильнымъ языкомъ. Но насчетъ красокъ, силы и выразительности, насчетъ всего того, что изъ языка дѣлаетъ стиль, приходится не обижаться. Г. Роміасъ настолько любезенъ, что даже говоритъ за своихъ дѣйствующихъ лицъ, почему тѣ разсуждаютъ и разсказываютъ всегда какъ по писанному и даже со сказуемымъ въ концѣ. Авторъ въ правѣ и не простирать такъ далеко своей любезности и предоставить своимъ героямъ больше свободы.

Замыселъ г. Роміаса былъ, пожалуй, хорошъ. Его романъ-хроника построенъ на противорѣчіи въ жизненныхъ условіяхъ, міросозерцаніи и работѣ двухъ поколѣній — одного, выросшаго еще въ обстановкѣ крѣпостного права, и другого, послѣдующаго, такъ сказать, послѣ-реформеннаго. Контрастъ получился поразительный и надо только пожалѣть, что автору извѣстны лишь двѣ краски: черная и голубая. Если порокъ, то непремѣнно съ рогами, копытами и хвостикомъ, если добродѣтель, то крылышки и улыбка небесно голубого ангела. Надо, впрочемъ, отдать автору ту справедливость, что все мрачное онъ относитъ на счетъ крѣпостной обстановки, той свободы разгула и распутства, которую она предоставляла барину, а все свѣтлое—на счетъ новой жизни, указавшей человѣку великій маякъ нравственнаго поведенія въ личномъ трудѣ. Все это очень благородно, справедливо, но къ художественной сторонѣ дѣла никакого отношенія не имѣетъ.

Старикъ Никитинъ—убѣжденнѣйшій распутникъ. У себя въ помѣстьи онъ предается исключительно пѣтушинымъ развлеченіямъ и чревоугодію. Добродушный циникъ, онъ въ припадкахъ любви къ супругѣ обращается къ ней съ такими, напр., словами: „Сюзенька, Зюзечка, брошу я всѣхъ этихъ Машекъ и Дашекъ! Знать ничего не хочу! Одна ты у меня цирлихъ-манирлихъ, принцесса-красавица...“ Распутства своего Никитинъ нисколько не скрываетъ и, въ сущности говоря, этой откровенностью исчерпывается все его духовное содержаніе. Супруга его Сузанна Ивановна еще лучше. „Создавая“ ее, г. Роміасъ только сгустилъ краски въ превосходныхъ фигурахъ Щедрина — матери изъ „Пошехонской старины“, „Сестрицы Машеньки“ изъ „Благонамѣренныхъ рѣчей“, но сгустилъ настолько неумѣло, что вмѣсто живого лица получился несомнѣннѣйшій уродъ. Сузанна Ивановна

дама себѣ на умѣ, у которой съ годами все больше развивается скопидомство и скупость, развивается до такой степени, что она разгоняетъ дѣтей, какъ лишніе рты, доводитъ мужа до голодной смерти и совершаетъ другіе подобные подвиги. За то молодое поколѣніе, только что порвавшее съ прошлымъ, бодрое, энергическое, трудящееся и любящее должно по замыслу автора производить самое отрадное впѣчатлѣніе. И производило бы, вѣроятно, будь въ немъ больше жизни, побольше крови и плоти.

А. Эмге. Томъ 1-й: **Проза.** Томъ 2-й: **Стихи.** Спб. 1898 г.

Г. Эмге дебютируетъ сразу и стихами, и прозой. Но это—увы, отнюдь не доказываетъ его геніальности. Намъ бы хотѣлось думать, что г. Эмге совсѣмъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, котораго неумѣстныя похвалы дядей, тетокъ, двоюродныхъ братьевъ, кузинъ, папаши, мамаши, бабушки и дѣдушки довели до такого необдуманнаго шага, какъ изданіе всего написаннаго имъ и, по его собственному признанію, редакціями не принятаго. Ахъ, почему не нашелся какой-нибудь дальній родственникъ или просто другъ дома, который суровымъ словомъ о невыступленіи на торжища и о сохраненіи душевной невинности остановилъ бы молодого человѣка, отъ необдуманнаго поступка и разъяснилъ ему, какъ необходима, по крайней мѣрѣ, безусловная грамотность! А что вы скажете о такихъ, напр., стихахъ:

Когда Господь единымъ словомъ
Духовъ безплотныхъ сотворилъ
И небу быть земли покровомъ
Въ рѣшеньи мудромъ положилъ...

Или:

Но бросить все... забыть, смириться...
И стать не первымъ изъ духовъ!..
Нѣтъ! Не молитвы къ примиренью
Изъ устъ озлобленныхъ летятъ:
Проклятья свѣту и спасенью
Уста горячія шипятъ...

Еще:

Если бъ мысли прочь ушли,
Которыя со всѣхъ сторонъ приходятъ
На меня!... и т. д.

Какъ видите, рифмы не важныя, размѣръ не выдержанъ, грамматика хромаетъ, и прямо неуклюжія строки — не рѣдкость, почему, совершенно естественно, отъ чтенія подобныхъ стиховъ „на читателя приходятъ“ невеселыя мысли. Мы уже не говоримъ о подражаніяхъ *)—это куда ни шло, а вотъ что грамматика не въ порядкѣ,—это уже совсѣмъ неудобно и грустно.

---

*) Преимущественно Лермонтову, по словамъ, образамъ, темамъ. Настроеніе тоже лермонтовское, пожалуй, только ужъ очень и очень разжиженное.

Впрочемъ, совсѣмъ отрицать у г. Эмгэ поэтическій почетъ мысли мы не желаемъ. Въ томикѣ его стиховъ найдется, вѣроятно, строкъ 100—200, тамъ и сямъ разбросанныхъ, которыя прочтутся не безъ удовольствія. Вся поэма „Вахтангъ", разсказывающая о подвигѣ юнаго грузина, давшаго себя добровольно замуровать живымъ въ стѣну ради спасенія родины, была бы положительно недурна, не будь она такъ растянута, а ея краски въ описаніяхъ природы Грузіи такъ шаблонны и элементарны. Въ переводахъ изъ Гете слѣдовало бы очень и очень подправить языкъ. Но самое печальное, разумѣется, то, что „физіономія" г-на Эмге совсѣмъ неопредѣленная. Такъ таки и невозможно совершенно уловить ее. Не видно опыта жизни, не видно личнаго отношенія къ ней—обстоятельство, превращающее поэзію въ версификацію. И г. Эмге дѣйствительно версифицируетъ.

Что сказать о его прозѣ? Пожалуй, она еще слабѣе его стиховъ и особенно непріятно дѣйствуютъ при чтеніи постоянныя попытки острить и писать въ стилѣ „легкомъ и юмористическомъ". Что говорить, превосходная это вещь—стиль легкій и юмористическій, только не всякому указано владѣть имъ. Иначе получается нѣчто такое, что можно назвать литературнымъ амикошонствомъ, допустимымъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. А г. Эмге какъ будто ежемгновенно готовъ словесные танцы танцовать. „Словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой"—и чорта не кстати припомнитъ, и колѣнце не кстати выкинетъ и развязность вообще на себя напуститъ. Видно не „настоящій", не „искренній" писатель; писатель съ книги, а не „съ жизни". Скажите, пожалуйста, какое сердечное удовольствіе могутъ доставить читателю такія, напр., литературныя антраша: „э, да что это я изъ пустого въ порожнее переливаю. Приступлю прямо къ дѣлу"... или: „переписалъ же я его полностью, перевелъ слово въ слово... Съ какого же языка? Фу, чортъ! Не все ли вамъ равно? Перевелъ и дѣло съ концомъ". И т. д. и т. п.

Ни къ чему все это.

Что касается до разбора стиховъ и прозы г. Эмге по существу, то ограничимся тѣмъ, что напомнимъ автору имъ же самимъ переведенное двустишіе изъ Боденштедта:

Трудно умное сказать,
Но труднѣй еще молчать.

Трудно-то оно, конечно, трудно, а все же иногда слѣдуетъ

Fr. Fiedler. Gedichte von S. J. Nadson. Leipzig. Reclam's Universal-Bibliothek.

Съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и послѣдовательностью продолжая свою дѣятельность, г. Фидлеръ перешелъ отъ нашей классической лирики къ современнымъ поэтамъ; надо отдать справедливость

его чутью: первымъ изъ нихъ онъ выбралъ того, съ кѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало прежде всего познакомить нѣмецкаго читателя. Не потому, конечно, чтобы это былъ лучшій изъ нашихъ новыхъ лириковъ, но потому, что это былъ—и есть до сихъ поръ—самый популярный изъ нихъ. Общедоступный и общепонятный, легче поддающійся передачѣ на иностранный языкъ, чѣмъ тѣ поэты „для немногихъ", въ творчествѣ которыхъ преобладали опредѣленно-національныя стихіи, Надсонъ съ его элементарными мотивами, такъ страстно звучавшими въ его лирическихъ монологахъ, конечно, поэтъ наиболѣе подходящій для первоначальнаго посвященія иностранца въ кругъ нашихъ задушевныхъ идей. Не долго, но съ значительной силой и опредѣленностью Надсонъ былъ поэтомъ цѣлаго историческаго момента, сложнаго и интереснаго, еще не совсѣмъ завершеннаго. Смутныя настроенія, бродившія въ переходной молодежи восьмидесятыхъ годовъ, нашли въ немъ правдиваго и вдохновеннаго выразителя; онъ отвѣчалъ и ея „личничеству", ея гедонистическимъ запросамъ („и безумно, мучительно хочется счастья" и т. д.), и ея жаждѣ въ эти тяжелые дни чуть не повальнаго одичанія вѣрить въ лучшее будущее („Другъ мой, братъ мой"), и ея альтруистическимъ, общественнымъ тенденціямъ („Не весь я твой"...). Эти переходные моменты, въ иныхъ формахъ, съ инымъ содержаніемъ, будутъ еще повторяться, и даже тогда, когда теперешняя слава Надсона померкнетъ, волна юношеской любви вновь не разъ прихлынетъ къ нему. Онъ поэтъ новаго юношества, юношества большихъ городовъ, рано разстающагося съ романтикой титаническихъ порывовъ, рано сознающаго, какой тяжелый, неоплатный долгъ лежитъ на немъ, какъ много должно сдѣлать для другихъ, чтобы понять, что это единственный возможный и цѣнный видъ жизни для себя. Мы привыкли къ мысли, что въ наши дни такая молодежь какъ-то болѣе свойственна русской жизни, чѣмъ европейской. Сытый и буржуазный французскій студентъ и нѣмецкій буршъ съ его бреттерскими обычаями легко бросаются въ глаза поверхностному наблюдателю и пріучили насъ думать, что въ европейской молодежи нѣтъ того священнаго огня, за который мы привыкли любить и цѣнить русскую молодежь. На самомъ дѣлѣ это не такъ: менѣе ясны, но глубоки и тамъ теченія, близкія намъ, не многочисленны, но есть и тамъ цѣлые кружки, которымъ очень по душѣ придется увлекательная и гуманная поэзія Надсона. И мы можемъ позавидовать нѣмецкимъ читателямъ: благодаря трудамъ г. Фидлера они могутъ получить ясное и—что самое главное—полное представленіе о нашемъ лирикѣ. Не то у насъ: не говоря о классикахъ, мы имѣемъ лишь отдѣльные удачные переводы изъ нѣмецкихъ поэтовъ—въ цѣломъ мы не знаемъ почти никого изъ нихъ. Достаточно назвать имена Дин-

гельштедта, Фрейлиграта, Гейбеля, Пруца, Дранмора и многихъ другихъ.

Г. Фидлеръ, еще при жизни поэта доставившій ему удовольствіе, напечатавъ его стихотворенія въ переводѣ (см. „Стихотворенія", стр. LXXIII и LXXV), выполнилъ свою задачу съ обычнымъ умѣніемъ. Онъ отнесся къ Надсону свободнѣе, чѣмъ къ его предшественникамъ, и это дало ему возможность подчасъ передать настроеніе подлинника тоньше, чѣмъ прежде, когда онъ былъ вынужденъ считаться съ оттѣнками выраженій Кольцова, Пушкина, Никитина. Мы не во всемъ согласны съ тѣми новыми нюансами, которые кой-гдѣ получила мысль поэта въ передачѣ г. Фидлера; тамъ и сямъ намъ бросались въ глаза мелкія измѣненія, эпитеты, прибавленія, которыхъ нѣтъ въ оригиналѣ. Имѣя въ виду нѣмецкихъ читателей, переводчикъ иногда прибавлялъ эпитетъ „русскій" тамъ, гдѣ его нѣтъ у Надсона, и иногда это прибавленіе придаетъ подлиннику оттѣнокъ нежелательнаго самодовольства. Такъ скромное слово:

Пусть же, зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной—

передано съ подчеркиваніемъ:

Heil dir *Verantworter fremden Verschuldens,*
Heil dir, Apostel des Ringens und Duldens,
Den *nur das Russenland* zeugt!

Такое же подчеркиваніе мы нашли въ „Цвѣтахъ":

Какъ!... Въ эту ночь, окутанную мглою,
Здѣсь, рядомъ съ улицей, намокшей подъ дождемъ,
Дышать такимъ безстыднымъ торжествомъ,
Сіять такою наглой красотою!...

Чуткую душу поэта непосредственно поражаетъ контрастъ двухъ внѣшнихъ образовъ; за этимъ контрастомъ и поэтъ, и его читатели чувствуютъ, несомнѣнно, иной контрастъ; но это второе противоположеніе, подъ вліяніемъ котораго—„ты помнишь,—я пришелъ къ тебѣ больной....",—остается съ большимъ тактомъ невыраженнымъ: гражданской скорби въ поэмѣ нѣтъ ни слѣда, но это лишь усиливаетъ ея впечатлѣніе. А въ переводѣ мы читаемъ:

Wie, hier, wo *Armut* rings stöhnt aus beklemmter Brust,
Darf *Reichtum* ungestraft, sich seiner Macht bewusst,
In nackter Schöne frech und buhlerisch erprangen?!...

И далѣе прибавлено еще четверостишіе, на мѣстѣ котораго мы нашли въ оригиналѣ лишь строку точекъ.

Мы отмѣчаемъ лишь немногія изъ этихъ мелочей, не считая ихъ важными: общій тонъ стихотвореній схваченъ весьма удачно, и легкія отступленія отъ подлинника не портятъ впечатлѣнія. Изъ

особенно удавшихся переводовъ укажемъ „Наше поколѣнье юности не знаетъ“, „Другъ мой, братъ мой“, „Нѣтъ, муза, не зови“ (превосходно), „На кладбищѣ“, „За что?“, „Милый другъ, я знаю“. Въ послѣднемъ невѣрно переданъ знаменитый стихъ: „Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова“—„Schlimmste Qual ist jene die nicht Worte findet“: поэтъ говоритъ здѣсь только о мукѣ творчества, о „страданіи, что мысль не пошла въ слова“—словечко Достоевскаго, занесенное Надсономъ въ дневникъ, когда ему было всего семнадцать лѣтъ. За то въ томъ-же стихотвореніи прекрасно звучатъ слова:

Wer vermag der Farben buntem Strahlenweben,
Wer der bunten Töne Harmonieaccord
Und dem Freiheitssehnen und dem Himmelstreben
Ausdruck zu verleihen durch ein Alltagswort?

Напоминаемъ для сравненія оригиналъ:

Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ,
Боль за идеалъ и слезы о свободѣ,—
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?

Не гонясь за дословной точностью, переводъ, очевидно, близокъ къ подлиннику по силѣ и яркости выраженія.

Выборъ стихотвореній для перевода сдѣланъ очень хорошо. Не трудно, перелиставъ оригиналъ, попенять переводчику за отсутствіе того или иного извѣстнаго стихотворенія, но такой упрекъ похожъ на пустую придирку: кто передаетъ поэтовъ не какъ ремесленникъ, а какъ поэтъ, имѣетъ право и даже обязанъ слѣдовать выбору своего вкуса и порывамъ своего вдохновенія, не считаясь съ внѣшней необходимостью.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Кіевъ, 1898.

Какъ и въ прошломъ году, мы нашли въ неоффиціальной части „Ежегодника“ нѣсколько не лишенныхъ интереса статей, предназначенныхъ почти исключительно для широкого круга неподготовленныхъ читателей. Г. Александровскій, преподаватель коллегіи, въ горячей статьѣ о поэзіи Некрасова умѣло сгруппировалъ разнообразныя указанія на неумирающее значеніе литературнаго наслѣдія пѣвца народной тяготы. Статья его—по печальной и нелѣпой необходимости—носитъ нѣсколько апологическій характеръ; мы сказали бы, что въ его панегирикѣ Некрасову нѣтъ по существу ничего оригинальнаго, если бы на этомъ стосло останавливаться. Важнѣе по нынѣшнимъ временамъ показался намъ тотъ фактъ, что съ хвалебной статьей о Некраиовѣ выступаетъ учитель гимназіи; было бы пріятно думать, что это не случайность, а знаменіе времени: еще не такъ давно въ

гимназіи ограничивались оффиціальнымъ отрицаніемъ Некрасова и съ удовольствіемъ, говоримъ по личному воспоминанію—цитировали Страхова: „Некрасовъ есть поэтъ Александринскаго театра, Невскаго проспекта, петербургскихъ чиновниковъ и петербургскихъ литераторовъ“ и т. д. Въ другой статьѣ того-же автора съ нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ „Этюды по психологіи художественнаго творчества“ сдѣлана попытка освѣтить исторію созданія „Ревизора“; для этого авторъ напоминаетъ внѣшнюю исторію пьесы, сличаетъ первоначальный текстъ ея съ послѣдующими и указываетъ на вліяніе другихъ драматическихъ произведеній на Гоголя, не извлекая изъ этихъ указаній значительныхъ выводовъ. Изъ статей директора коллегіи А. Степовича „Первые вѣка сербской письменности“ и „О древнерусской беллетристикѣ“ первая интересна только для спеціалистовъ; во второй хорошо сгруппированы извѣстныя въ наукѣ, но довольно чуждыя большому кругу читателей свѣдѣнія о до-петровской изящной литературѣ. Съ полнымъ основаніемъ отвергая ходячее мнѣніе о ея количественной бѣдности, авторъ, однако, напрасно преувеличиваетъ ея самобытность. Оригинальныя произведенія чуть не терялись въ массѣ переводнаго матеріала, да и оригинальность „Шемякина Суда“ или „Фрола Скабѣева“ была едва ли выше оригинальности произведеній XVIII вѣка. Послѣдній кажется автору какимъ-то пустымъ мѣстомъ въ нашей литературной исторіи. Достаточно, однако, сравнить его начало и конецъ, чтобы видѣть какія гигантскія пріобрѣтенія сдѣлали мы за это время, достаточно сравнить языкъ „Уложенія“ съ языкомъ „Наказа“, сравнить стихъ „Метровъ“ Симеона Полоцкаго со стихомъ Державина, чтобы видѣть, что дѣло не только въ томъ, что „при посредствѣ подражательной литературы переходили къ намъ передовыя и человѣчныя идеи, входившія мало по малу въ общественное сознаніе и служившія постепенному совершенствованію общества“: никогда не разрывалась совершенно самая нить литературнаго развитія. Авторъ къ тому-же и самъ знаетъ, что въ *формѣ* „Фрола Скабѣева“ столь-же мало самостоятельнаго, сколько въ формѣ „Фелицы“, „Бѣдной Лизы“ и т. д. вплоть до послѣдняго романа Толстого.

Въ заключеніе—маленькая поправка: авторъ напрасно сообщаетъ, будто „въ западной Европѣ періодическая или журнальная литература зародилась лишь въ началѣ 17-го вѣка, а именно во Франціи при Людовикѣ XIII въ правленіе геніальнаго кардинала Ришелье“. О мѣстѣ и времени основанія первой газеты спорятъ, но французы на эту честь даже не изъявляютъ притязаній: когда въ 1631 появился первый нумеръ „Газеты“ Ренодо, въ Европѣ было уже нѣсколько газетъ.

М. Драгомировъ. Очерки. Кіевъ. 1898.

„Очерки“ нашего извѣстнаго военнаго и административнаго дѣятеля пользуются успѣхомъ—самый большой изъ нихъ появляется въ печати уже въ третій разъ; успѣхъ этотъ, кажется, въ зависимости не только отъ извѣстности и положенія автора: въ этихъ „Очеркахъ“ критическаго и историческаго содержанія, въ самомъ дѣлѣ, есть кой что любопытное. Всѣ они какъ будто заняты вопросами военными: они посвящены Наполеону, Жаннѣ д'Аркъ, русскому солдату, „Войнѣ и Миру“; разборъ романа гр. Толстого носитъ даже подзаглавіе „съ военной точки зрѣнія“. Но на самомъ дѣлѣ эта военная точка зрѣнія настолько связана съ иными точками зрѣнія, менѣе спеціальными, что авторъ то и дѣло вынужденъ предпринимать экскурсіи въ другія области. Особенно интересуютъ его—и это понятно въ знатокѣ военнаго дѣла—вопросы психологіи, индивидуальной и массовой; онъ останавливается не разъ надъ сложнымъ вопросомъ объ отношеніяхъ властной индивидуальности къ волѣ подчиненной ей толпы, и дѣлаетъ здѣсь замѣчанія, показывающія, что для него этотъ вопросъ—не только теоретическій; изслѣдователь найдетъ въ этихъ замѣчаніяхъ опытнаго практика кой что, не лишенное интереса. Онъ хорошо пишетъ; по первому впечатлѣнію его стиль кажется вялымъ и неуклюжимъ, но это только первое впечатлѣніе, за этой кажущейся безыскусственностью кроется всегда разсчетъ и иногда умѣніе убѣдить читателя тамъ, гдѣ доказать было-бы довольно затруднительно; быть можетъ, въ связи съ этимъ—любовь къ афоризму, къ формулѣ, импонирующей по преимуществу своей категоричностью. Очерки написаны умѣло еще въ томъ смыслѣ, что не смотря на интересныя темы, заинтересовываютъ еще болѣе личностью самого автора. Это широкій, положительный и осторожный, хотя нѣсколько нервный умъ, склонный къ полемикѣ, но умѣющій въ борьбѣ несогласныхъ воззрѣній занять особое и иногда своеобразное положеніе. Кругъ идей, въ которомъ онъ вращается, не великъ (характерная черточка: одинъ афоризмъ цитируется въ трехъ очеркахъ изъ четырехъ), но идеи эти свои, онъ сжился съ ними и защищаетъ ихъ доводами, которые можно считать не новыми, но никакъ нельзя назвать заимствованными. Излюбленный афоризмъ автора—le coeur a ses raisons que la raison ne connaît point—весьма характеренъ для его духовнаго склада: при всей его склонности къ трезвому здравомыслію, при всей его ясности и логичности, ирраціональное пользуется его особыми симпатіями. Познаніе, результаты котораго не опредѣлимы словесными и логическими формулами, находитъ въ немъ убѣжденнаго сторонника; любознательность его останавливается особенно охотно на событіяхъ, которыя кажутся ему необыкновенными, и онъ говоритъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ объ „умовыхъ людяхъ“, объ „охотникахъ объяснять

необыкновенныя событія такъ называемыми естественными причинами". Онъ, правда, какъ будто не допускаетъ иныхъ причинъ—онъ знаетъ, что „въ природѣ все естественно", но онъ настаиваетъ на томъ, что въ природѣ *не все извѣстно*, и недоволенъ тѣми, которые, какъ, напримѣръ, Мишле, пытаются объяснить естественными причинами явленія, гдѣ онъ усматриваетъ непостижимое. Въ оцѣнкѣ способностей Жанны д'Аркъ Мишле, объяснявшій ея силу здравымъ смысломъ, можетъ быть, и не совсѣмъ правъ, но въ общемъ направленіи изслѣдованія онъ, кажется, правъ: лучше искать и ошибаться, чѣмъ напередъ отказаться отъ исканія, назвавъ непостижимымъ то, что только пока не объяснено. Единственный путь всякаго объясненія—сведеніе менѣе извѣстнаго на болѣе извѣстное; лишь въ самомъ концѣ этого пути мысль наталкивается на моменты, объясненію не поддающіеся; сказать ignorabimus никогда не поздно и говорить—это непостижимо—можно лишь тогда, когда весь этотъ путь доступнаго намъ изслѣдованія уже пройденъ. „Для мексиканцевъ, впервые увидѣвшихъ лошадей и огнестрѣльное оружіе, они тоже были чудомъ". Что же,—должны были мексиканцы останавливаться на этомъ воззрѣніи и остаться въ убѣжденіи, что лошадь—чудо? И если мы видимъ крестьянскую дѣвушку, дивнымъ образомъ спасающую родную страну, неужто намъ слѣдуетъ преградить путь всякому изслѣдованію заявленіемъ: это чудо, это непостижимо. Самъ авторъ при этомъ случаѣ заводитъ рѣчь о гипнотизмѣ и видитъ въ немъ „едва-едва приподнятый кончикъ завѣсы въ таинственныя, туманныя пропасти жизни". Странно только замѣчаніе, что доступъ въ эти пропасти *чисто умовымъ путемъ* навсегда закрытъ человѣку. Люди умовые—люди науки—могли-бы сказать, что громадное большинство фактовъ внушенія введено въ кругъ человѣческаго знанія ими, что, стало быть, честь поднятія „кончика завѣсы" принадлежитъ имъ; но они скромнѣе вдохновенныхъ провозвѣстниковъ ирраціональнаго: они знаютъ предѣлы своихъ знаній, они понимаютъ, что никакіе грандіознѣйшіе успѣхи науки о гипнотизмѣ ни на шагъ не приблизятъ насъ къ объясненію того, что по самой сути своей дѣйствительно непознаваемо, что недоступно не только „умовымъ", но и „анти-умовымъ" людямъ.

Такое же недоразумѣніе, но могущее стать болѣе важнымъ—представляется намъ и въ многочисленныхъ замѣчаніяхъ автора о различіи морали личной и общественной. Онъ не разъ возвращается къ этому вопросу, но всякій разъ съ тѣмъ же пыломъ нападаетъ на своихъ возможныхъ оппонентовъ—„моралистовъ", которые „читаютъ нравоученія и требуютъ отъ другихъ того, чему сами въ практической жизни не слѣдуютъ". Съ такими противниками, разумѣется, и говорить не стоитъ: есть другіе, но о нихъ авторъ не упоминаетъ. Онъ опредѣляетъ разницу между частной

и общественной дѣятельностью слѣдующимъ образомъ: „въ первой обязательны извѣстныя этическія нормы; во второй онѣ являются только служебной силой, къ которой прибѣгаютъ или нѣтъ, смотря по тому, можетъ ли она привести къ желанному результату, или нѣтъ“; поэтому „есть частныя добродѣтели, которыя въ общественной жизни могутъ стать преступленіемъ, измѣной родинѣ, и наоборотъ“; общественный дѣятель, „работая не на себя, а на народъ, не имѣетъ права проявленіями личной добродѣтели или состраданія, облегчать участь противника и на столько же усиливать страданія своихъ войскъ или своего народа“. Изъ частныхъ случаевъ, приводимыхъ для иллюстраціи и подтвержденія этихъ соображеній, отмѣтимъ одинъ: „кто сказалъ и слѣдовалъ этому всю свою жизнь и слѣдовалъ не безъ успѣха: „будемъ честными, если намъ выгодно, и плутами, если намъ невыгодно быть честными“? Сказалъ человѣкъ (Фридрихъ Великій), котораго если бы не было, Пруссія не была бы тѣмъ, что она есть теперь“. Другими словами: апоѳеозъ успѣха, безъ вниманія къ его гигантской стоимости и сомнительной цѣнности. Пруссія, какъ цѣлое, есть, конечно, явленіе слишкомъ крупное и сложное, чтобы цѣнить его огуломъ...

Ф. Паульсенъ. Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. В. И. Вернадскаго. Издан. магазина „Книжное дѣло“. Москва 1898.

Небольшая, но содержательная брошюра берлинскаго профессора представляетъ собой сжатое изложеніе общедоступнаго курса, который онъ читаетъ ежегодно въ лѣтнемъ семестрѣ. Его безплатные publica-курсы въ университетѣ: зимній, „Введеніе въ философію“ (есть русскій переводъ) и особенно лѣтній, „Ueber das akademische Studium“, пользуются въ средѣ разнородной массы берлинскаго студенчества большой популярностью. Внѣшнихъ данныхъ для этого нѣтъ никакихъ. Паульсенъ не ораторъ, изложеніе его суховато, Америки онъ здѣсь не открываетъ и по своему безцвѣтному пасторскому виду менѣе всего похожъ на человѣка, способнаго увлечь толпу; слѣдуетъ добавить, что воззрѣнія того толка, къ которому онъ принадлежитъ,—онъ умѣренный прогрессистъ—едва-ли раздѣляются массой теперешней нѣмецкой молодежи, склонной къ крайностямъ въ ту и другую сторону. Его аудиторія и состоитъ на половину не изъ нѣмцевъ, а изъ иностранцевъ, которыхъ такъ много въ берлинскомъ университетѣ. Простой языкъ и ясная дикція дѣлаютъ профессора понятнымъ человѣку, не вполнѣ владѣющему его языкомъ; а содержаніе его лекціи, не возбуждая глубокаго волненія, внушаетъ интересъ всякому, кто склоненъ задуматься надъ затронутыми здѣсь вопросами. Есть, однако, у Паульсена слушатели, для ко-

торыхъ самый предметъ его лекцій настолько неожиданъ, что волнуетъ ихъ независимо отъ воззрѣній профессора на тотъ или иной вопросъ. Это —слушатели изъ Россіи...

Небольшая книжка Паульсена даетъ ясное представленіе о тѣхъ идейныхъ началахъ, на которыхъ основана университетская жизнь въ Германіи. Тѣмъ, кто привыкъ—въ виду нѣкотораго внѣшняго сходства—повторять, что организація нашихъ университетовъ сходна съ нѣмецкой, она покажетъ, въ какой степени поверхностно это бумажное сходство. Правда, у насъ нѣтъ ни англійскихъ колледжей, ни—за немногими исключеніями—обособленныхъ факультетовъ Франціи, которые кажутся Паульсену низшимъ типомъ университетскаго строя, но у насъ есть ихъ недостатки—и нѣтъ ихъ достоинствъ. Есть стороны, которыми нѣмецкая universitas litterarum ближе къ англійскому колледжу, чѣмъ къ русскому университету, созданному по образу ея и подобію; это тѣ стороны университетскаго уклада, которыя невозможно создать на чуждой имъ почвѣ...

Переводъ усѣянъ германизмами: „факультетъ артистовъ“ (artistische Fakultät), „ученыя школы“, „наука Божія“ (Gottesgelahrtheit—теологія), „старые и новые филологи“ (классики и неофилологи), „академически образованныя лица“, „цвѣтные союзы“ и т. п.

А. Мензисъ, профессоръ университета С-тъ Андрью въ Шотландіи. **Исторія религіи.** Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. Пер. съ англійскаго М. Чепинской. Изд. Ф. Ѳ. Павленкова (2-е). Спб. 1899.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ III году Республики, появилась книга Шарля-Франсуа Дюпюи, профессора Collège de France и члена конвента „Origine de tous les cultes ou la Réligion universelle“ (Парижъ, 1795). Ученый авторъ ставилъ исходной точкой своего труда мысль, что всякая религіозная традиція имѣетъ опредѣленный реальный источникъ, который можетъ быть выясненъ точной наукой; эту точную науку онъ усматривалъ въ астрономіи, которая была въ его глазахъ ключомъ къ исторіи религіи; всякая теогонія есть то или иное воззрѣніе на движеніе свѣтилъ; родина сабеизма—Египетъ—есть, конечно, родина всѣхъ религій...

Пропасть, лежащая между чудовищной метафизикой Дюпюи и строгой позитивностью книжки Мензиса, представляется намъ символомъ того гигантскаго движенія въ области научнаго мышленія, которое совершилось за это время. Книга Мензиса въ самомъ дѣлѣ, а не только на словахъ, исторія. Она проникнута идеей развитія, и трудно представить себѣ, какъ много недоразумѣній и предразсудковъ устраняется въ данной научной об-

ласти продуманнымъ приложенiемъ этой идеи. Религiя въ нынѣшнемъ ея видѣ есть такой же продуктъ многовѣковой эволюцiи, какъ и всякое явленiе исторической жизни; всѣ религiи суть стадiи развитiя религiи,—таковы мысли, съ которыми авторъ приступаетъ къ изслѣдованiю. Видя въ исторiи религiи нѣчто цѣльное, онъ, однако, находитъ необходимымъ излагать ее по частямъ: не для того, чтобы исчерпать всѣ любопытныя явленiя, которыми такъ обильно это обширное поле для изученiя, но для того лишь, чтобы фактами иллюстрировать важнѣйшiя теченiя и стадiи въ исторiи религiи. Такихъ стадiй авторъ видитъ въ ней три; въ общихъ чертахъ онѣ соотвѣтствуютъ тремъ послѣдовательнымъ состоянiямъ человѣческой жизни, встрѣчающимся вездѣ, гдѣ есть поступательное движенiе культуры. Той стадiи человѣческаго существованiя, въ которой человѣкъ весь уходитъ въ борьбу съ природой и другими людьми, соотвѣтствуетъ религiя *племенная*. Характеристикѣ этой религiи первобытнаго мiра посвящена первая часть книги Мензиса. Онъ выясняетъ первые предметы поклоненiя, обрядности примитивнаго культа, суевѣрiя, соединенныя съ поклоненiемъ отдѣльнымъ предметамъ, анимизмомъ и фетишизмомъ. Божество первобытнаго человѣка—существо мелкое и своевольное, и способы дикаря влiять на своего бога „имѣютъ мало отношенiя къ разуму, къ чувству изящнаго или къ нравственности". По мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ соединенiемъ группы варварскихъ племенъ въ народъ достигается большая степень личной безопасности, появляется также новый типъ религiи. Переходъ отъ племеннаго къ *нацiональному культу*—одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ во всей исторiи религiи. Является новое божество, которое выше племенныхъ божествъ; оно дальше отъ человѣка и не связано съ нимъ родствомъ по крови. Поклонники новаго божества получаютъ новую соцiальную связь со своими единовѣрцами: теперь они имѣютъ религiозную связь и съ людьми, имъ не родственными по крови; поэтому обязательства по отношенiю къ людямъ, не роднымъ по крови, получаютъ нѣсколько болѣе чистый моральный характеръ. „Новое божество имѣетъ наклонность сдѣлаться идеаломъ справедливости и отеческой доброты и откликаться въ мiрѣ высшемъ на чувства, возникшiя въ мiрѣ низшемъ, причемъ будетъ стремиться къ подавленiю насилiя и къ проявленiю нелицепрiятнаго правосудiя". Новый культъ, какъ дѣло цѣлаго государства, обставляется соотвѣтствующимъ церемонiаломъ, пышнымъ и импонирующимъ. Появляются священныя книги, жертвоприношенiя становятся таинствами, жрецы—однимъ изъ господствующихъ классовъ. Изъ такихъ великихъ государственныхъ религiй авторъ прежде всего говоритъ о тѣхъ, которыя стояли отдѣльно отъ религiознаго мiрового прогресса; это—религiи древней Мексики, Вавилона и Ассирiи и древняго Египта; имъ посвящена вторая

часть книги. Тѣ же системы, распадаются на двѣ большія группы—семитическую (ханананиты и финикіяне, Израиль, исламъ) и арійскую (тевтоны, Греція, Римъ, Индія—Веды, брамаизмъ и буддизмъ, и Персія). Таковы главныя системы національной религіи. Сильная внѣшнимъ могуществомъ, поставленная въ положеніе безусловно возвышенное и неприкосновенное, она кажется непреходящей и непобѣдимой. И всетаки, моментъ высшаго ея развитія есть въ то-же время моментъ развитія силъ, дѣйствующихъ противъ нея. Углубляется жизнь отдѣльнаго человѣка, и развившаяся индивидуальность не находитъ удовлетворенія своимъ душевнымъ запросамъ въ пышномъ жертвоприношеніи національнаго храма. „Отдѣльная личность начинаетъ стремиться къ стройному міровоззрѣнію и выступаетъ въ качествѣ скептика. Она ищетъ болѣе высокаго нравственнаго закона, чѣмъ законъ жреческой системы, и ее обвиняютъ въ подкапываніи подъ общественную нравственность“. Національная стадія религіи смѣняется стадіей *личной*. Но эта религія свободнаго духа имѣетъ характеръ не узко-личный: она универсальна, ибо то, что пріобрѣтено отдѣльнымъ реформаторомъ, можетъ быть принято всякимъ пытливымъ умомъ. Съ другой стороны, какъ и всякій продуктъ человѣческаго духа, религія даже послѣ появленія вѣры универсальной не перестаетъ быть національной. Двѣ націи—по мѣткому замѣчанію автора—никогда не могли бы помѣняться религіями.

Характеристикой христіанства—религіи въ ея идеѣ по истинѣ универсальной, простой и свободной—заканчивается обзоръ формъ религіознаго сознанія...

Положительная философія Огюста Конта въ изложеніи д-ра Робине. Перевелъ съ 3-го французскаго изданія Е. А. Предтеченскій. Спб., 1898 г.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ много мы обязаны генію Огюста Конта. Хотя, въ цѣломъ, система Огюста Конта принадлежитъ уже исторіи, хотя (какъ это случается со всякимъ ученіемъ, какъ бы ни былъ великъ его творецъ) весьма значительная часть его философіи оказалась несостоятельною, тѣмъ не менѣе основательное знакомство съ ученіемъ Конта обязательно не только для спеціалистовъ, но и для всѣхъ вообще образованныхъ людей.

Мы должны, слѣдовательно, лишь отвѣтить на вопросъ, пригодна-ли книга д-ра Робине для ознакомленія съ философіей Огюста Конта. Мы дадимъ безусловно отрицательный отвѣтъ. Книга д-ра Робине („новая“ только въ русскомъ переводѣ, но весьма не новая въ подлинникѣ) не отличается ни систематичностью изложенія, ни вѣрностью основной точки зрѣнія.

Какъ извѣстно, дѣятельность Огюста Конта распадается на двѣ половины, причемъ главнымъ произведеніемъ первой половины является „курсъ положительной философіи", а главнымъ произведеніемъ второй половины — „система положительной политики". Вслѣдствіе этого и послѣдователи Конта распадаются на двѣ группы: одни (съ покойнымъ Литтре во главѣ) признаютъ только „курсъ положительной философіи", считая дальнѣйшія работы Конта продуктомъ великаго, но больного ума. Напротивъ, другая фракція послѣдователей Конта (съ Пьеромъ Лафитомъ во главѣ) считаетъ, что геній Конта достигъ наибольшаго развитія именно во второй періодъ его жизни. Нашъ авторъ принадлежитъ къ этой второй фракціи послѣдователей Конта. Поэтому онъ и заявляетъ (стр. 7), что „система положительной политики" есть „главнѣйшее твореніе" Конта.

Уже одно это обстоятельство должно было невыгодно отразиться на изложеніи ученія Конта, такъ какъ „положительная политика", не смотря на встрѣчаемые въ ней проблески генія, въ общемъ можетъ служить только однимъ изъ самыхъ яркихъ образцовъ заблужденій великаго ума. Но, сверхъ того, д-ръ Робине принадлежитъ къ числу тѣхъ правовѣрныхъ контистовъ, которые „ничему не научались и ничего не забыли". Огюстъ Контъ, даже въ періодъ наибольшаго развитія своего генія, высказывалъ иногда такія несостоятельныя мысли, которыя только компрометировали его великое дѣло. Д-ръ Робине принадлежитъ къ числу тѣхъ учениковъ Конта, которые не только упорно держатся за каждую мысль учителя, но даже какъ-бы съ особенною любовью отстаиваютъ наиболѣе неудачныя идеи Конта. Напримѣръ, Контъ, какъ извѣстно, слишкомъ высоко оцѣнилъ Галля; но если во времена Конта подобныя ошибки могли имѣть нѣкоторыя оправданія, то ужъ въ настоящее время всѣ свѣдующіе люди только пожмутъ плечами, если прочитаютъ такое заявленіе: „Знаменитый Галль, не смотря на всѣ попытки осмѣять его и уменьшить его значеніе, остается могучимъ и славнымъ основателемъ частной теоріи головного мозга, которую Огюстъ Контъ пополнилъ и привелъ въ удивительно стройный видъ" (стр. 7).

Затѣмъ, нашъ авторъ не только не пытается привести ученіе Конта въ соотвѣтствіе съ современнымъ положеніемъ науки, но еще съ упорствомъ правовѣрнаго ученика нападаетъ, напр., на дарвинизмъ (стр. 29), ненависть къ которому у него такъ велика, что, по его собственному заявленію (стр. 32), онъ цитируетъ Геккеля „съ отвращеніемъ".

Одно изъ наиболѣе знаменитыхъ обобщеній Конта заключалось, какъ извѣстно, въ утвержденіи, что умъ человѣческій постепенно переходитъ отъ состоянія теологическаго, чрезъ состояніе метафизическое, къ состоянію позитивному. По поводу этого ученія Конта была написана не одна сотня печатныхъ листовъ.

Многіе писатели (и иногда писатели весьма крупные) подвергли это ученіе критическому разсмотрѣнію, приводили факты за и противъ теоріи Конта, пытались дать иное освѣщеніе вопросу, такъ или иначе перестроить схему Конта; однимъ словомъ, нашъ авторъ могъ-бы сообщить читателямъ много весьма интереснаго по этому вопросу. Но онъ предпочитаетъ просто слѣдовать „буквѣ“ контовскаго ученія, говоря, напримѣръ: „даже всякія болѣзненыя отклоненія или возмущенія, и тѣ лишь подтверждаютъ это основное правило (т. е. законъ трехъ состояній), потому что, напримѣръ, въ состояніи безумія человѣческій разумъ выходитъ изъ положительнаго состоянія и возвращается въ состояніе теологическое или даже фетишистское, *но непремѣнно черезъ посредство состоянія метафизическаго* (нашъ курсивъ)“ (стр. 95). Едва-ли нужно говорить, насколько голословно подобное утвержденіе.

Вообще, брошюра д-ра Робине не можетъ служить пособіемъ для ознакомленія съ философіей Конта, и читатели, которые интересуются Контомъ, сдѣлаютъ хорошо, если обратятся къ недавно вышедшему переводу Риголяжа, который своимъ изложеніемъ Конта пріобрѣлъ почетную извѣстность въ Западной Европѣ.

П. Г. Виноградовъ. О прогрессѣ. Москва 1898 г.

Брошюра г. Виноградова составилась изъ трехъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ Москвѣ минувшей зимой и впервые напечатана была въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, отдѣльнымъ оттискомъ изъ котораго она теперь и издана.

Условія публичной лекціи при разнокалиберномъ составѣ аудиторіи несомнѣнно стѣсняютъ каждаго лектора, заставляя его, ради легкости и популярности изложенія, жертвовать иногда серьезными и вполнѣ научными, но слишкомъ тяжеловѣсными аргументами, въ тѣхъ видахъ, что если при этомъ проигрываетъ нѣсколько содержаніе лекціи, за то она можетъ полнѣе усвоиться слушателями. Принимая во вниманіе это обстоятельство, мы не можемъ относиться слишкомъ строго къ брошюрѣ почтеннаго московскаго профессора, показавшейся намъ въ общемъ очень не богатой по содержанію, совершенно не оригинальной по основной точкѣ зрѣнія и блѣдной во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Первую лекцію авторъ посвятилъ изложенію теорій прогресса Кондорсе, Гердера и Канта, которые, будучи типичными представителями XVIII вѣка, какъ просвѣтители, на прогрессъ смотрѣли съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія—именно „съ точки зрѣнія ума, сердца и воли“ или, говоря „точнѣе... одинъ сосредоточилъ все вниманіе на роли познавательной способности людей, другой—на значеніи нравственнаго начала человѣчности въ отношеніяхъ

между людьми, третій—на вѣроятномъ ходѣ политическаго совершенствованія“ (22 стр.). Во второй лекціи г. Виноградовъ касается теорій историческаго процесса, принадлежащихъ „двумъ самымъ типичнымъ представителямъ и руководителямъ направленія мысли“ въ XIX вѣкѣ, изъ которыхъ одинъ, нынѣ часто поминаемый, нѣмецкій философъ Гегель, а другой, лѣтъ двадцать тому назадъ популярный въ нашемъ отечествѣ, англійскій ученый Спенсеръ. Къ послѣднему московскій профессоръ чувствуетъ особенное расположеніе.

Г. Виноградовъ въ своихъ воззрѣніяхъ на общій смыслъ историческаго хода вещей примыкаетъ непосредственно къ ученію Спенсера о тождествѣ общественнаго и физіологическаго организма, хотя къ этому тождеству онъ относится такъ осторожно, обставляя его разными оговорками и предупрежденіями, что въ результатѣ какъ разъ положеніе автора „развитіе общества въ основѣ является органическимъ“ остается подъ большимъ сомнѣніемъ... Рѣшаемся вполнѣ высказать свое сомнѣніе, хотя, по мнѣнію г. Виноградова, „въ настоящее время въ этомъ никто не сомнѣвается“. Наше сомнѣніе опирается на нѣкоторыя мѣста брошюры почтеннаго автора. Онъ говоритъ въ послѣдней лекціи о „нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ“, „приложимыхъ въ одинаковой степени къ организмамъ природы и къ организмамъ исторіи“ (43 стр.), и между тѣмъ при указаніи на черты болѣе или менѣе общія тѣмъ и другимъ, самимъ положеніемъ дѣлъ ставится въ необходимость обращать вниманіе читатели и на факты совершенно противоположнаго свойства, такъ что смѣлое утвержденіе „никто не сомнѣвается“—остается лишь смѣлымъ утвержденіемъ.

На стр. 43 читаемъ: „исходнымъ пунктомъ всякой жизненной эволюціи является организмъ, *обособленіе* вещества въ извѣстное цѣлое“, а перевертывая страницу находимъ и приложеніе этого „общаго положенія“ къ исторической жизни людей, выраженное въ такой категорической формѣ: „едва ли будетъ особая нужда настаивать на приложимости идеи обособленія органическихъ цѣлыхъ къ человѣческимъ обществамъ,—сходство слишкомъ очевидно и слишкомъ часто разъяснялось“ (44 стр.). И однако, не смотря на это двойное „слишкомъ“, на той же страницѣ есть такія знаменательныя слова: „*существенное отличіе*, которое приходится отмѣтить съ самаго начала между естественными и общественными явленіями, состоитъ въ томъ, что составными клѣточками, входящими во всѣ общественныя комбинаціи, являются *отдѣльные живые люди*“ и пр. (курсивъ нашъ). Это „существенное отличіе“, развитое надлежащимъ образомъ и доведенное до логическаго конца, можетъ, кстати сказать, разрушить всѣ боязливыя, подъ прикрытіемъ смѣлаго „никто не сомнѣвается“, разсужденія автора на затронутую тему.

На стр. 49 авторъ, переходя къ разсмотрѣнію *цѣлей* историческаго процесса, разсуждаетъ такимъ образомъ. „Въ естественныхъ организмахъ полное единство и простота цѣли“, которая состоитъ въ поддержаніи существованія. „Никакого дуализма или *раздора* между частями отдѣльнаго организма—категорически говоритъ вслѣдъ за этимъ авторъ,—быть въ данномъ случаѣ не можетъ“. Между тѣмъ въ „организмахъ исторіи“, преслѣдующихъ тѣ-же цѣли, „*всегда* существуетъ извѣстный *антагонизмъ*, потому что общественный союзъ долженъ до извѣстной степени жить на счетъ своихъ составныхъ элементовъ, ограничивать ихъ и эксплоатировать ихъ...“ Хотя здѣсь „извѣстныя степени“ и представляютъ нѣкоторое убѣжище для боязливой мысли г. Виноградова, но все же изъ простого сопоставленія той и другой цитаты рельефно выступаетъ черта полнаго различія между „организмами исторіи и организмами природы“, въ тождествѣ или „пожалуй, подобіи“ (стр. 43) которыхъ „въ настоящее время никто не сомнѣвается...“

На стр. 50 авторъ „обращается къ вопросу о *средствахъ*, которыми достигаются цѣли органической жизни“, съ намѣреніемъ, конечно, найти и здѣсь черты подобія. Рѣчь идетъ о томъ, какъ умираютъ организмы. „Индивидуальный организмъ дряхлѣетъ, потому что костенѣетъ, потому что не только мозгъ, сердце, желудокъ перестаютъ развиваться, но всѣ ткани мало по малу устанавливаются и останавливаются въ процессѣ развитія и даже въ процессѣ обмѣна“ (52 стр.). Обращаясь къ исторической жизни людей, авторъ признаетъ, что „общества умираютъ не совсѣмъ такъ, какъ умираютъ животныя или растенія“ (54 стр.), „но—начинаетъ г. Виноградовъ боязливо оглядываться по сторонамъ—эта разница лишь на поверхности“. Передохнувши на этой фразѣ, онъ дѣлается смѣлѣе и поспѣшно, нѣсколькими строчками ниже, заявляетъ, что и въ вопросѣ „объ остановкѣ развитія и погибели“ организма „въ сущности аналогія общественныхъ союзовъ и естественыхъ организмовъ поразительна“ (55 стр.). Однако этимъ дѣло не кончается, ибо „есть существенныя отличія“ (55 стр.). „Вслѣдствіе того-то,—о чемъ пусть любознательный читатель справится на указанныхъ страницахъ — не можетъ быть случая полнаго и окончательнаго уничтоженія извѣстнаго общества или распаденія его на первоначальные элементы—на отдѣльныхъ людей“...

Какой горькой насмѣшкой звучатъ послѣ всѣхъ этихъ цитатъ слова автора, что „въ настоящее время никто не сомнѣвается“...

Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы составить представленіе „о прогрессѣ“ г. Виноградова, довольно безформенномъ и блѣдномъ, но за то какомъ-то благодушномъ. Именно благодушіемъ вѣетъ отъ такой, напр., мысли автора: „обществу не чуждо, а *врождено* все лучшее, къ чему можетъ стремиться отдѣльный человѣкъ“ (50 стр.) Не хотимъ помрачать эту благодушную мысль

выписками изъ брошюры г. Виноградова, имѣющими противоположный характеръ.

Листки изъ записной книжки художника В. В. Верещагина. Москва. 1898 г.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. (Съ рисунками). Художника **В. В. Верещагина.** Москва. 1898 г.

Трудно надѣяться, чтобы наша литература выиграла много отъ появленія означенныхъ книгъ художника В. В. Верещагина, еще менѣе основаній предполагать, что они доставятъ автору извѣстность, которою онъ могъ бы гордиться. Говоря откровенно, мы жалѣемъ автора, напоминающаго о себѣ такими произведеніями, какъ „Листки изъ записной книжки"... Заглавіе это чрезвычайно удачно передаетъ общій характеръ содержанія произведенія г. Верещагина. Была у г. художника записная книжка, въ которую онъ заносилъ отъ бездѣлья рѣшительно все, попадавшееся на глаза и приходившее на умъ; все, начиная съ вопроса о роли реализма въ искусствѣ (1-й листокъ), „серьезнаго вклада въ сокровищницу человѣческаго духа", который внесутъ декаденты и символисты (10—11 стр.) и кончая сообщеніемъ, что „директоръ бостонскаго журнала „Другъ юношества" заплатилъ г. Верещагину за какую-то статью въ 3,000 словъ 500 руб., цѣну, „которую онъ платилъ немногимъ, напр., Гладстону, Спенсеру, королевѣ румынской"... (137 стр.). Столь важныхъ, интересныхъ и лестныхъ для русскаго сердца вопросовъ у автора затронуто много, такъ что въ результатѣ получилась настоящая мѣшанина. Наиболѣе отдѣланы и хоть сколько нибудь закончены два листка: 11-й, въ которомъ говорится о Мессонье и 9-й— послѣдній, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гвоздь всей книжки. Въ немъ авторъ порицаетъ „нашу науку, наши скороспѣлыя заключенія", говоритъ, что „мы живемъ въ эпоху варварства" и въ качествѣ убѣдительнаго довода, безъ дальнихъ размышленій, приводитъ такое доказательство въ формѣ вопроса: „какъ могло случиться, что „рѣчь" друга человѣка, собаки, до сихъ поръ не изслѣдована серьезно, не поставлена въ рамку систематичнаго научнаго цѣлаго?" (83). Въ самомъ дѣлѣ, какой позоръ, какой ужасъ и что же дѣлали, что смотрѣли наши ученые?!. Довольный тѣмъ, что посрамилъ ихъ, авторъ дѣлается снисходительнѣе и успокаиваетъ насъ увѣреніемъ, „что будутъ, наконецъ, составлены руководства для изученія собачьяго языка" (84 стр.)...

Если добавить, что это разсужденіе типично для г. Верещагина, въ его духѣ, то читатель самъ, конечно, можетъ судить— стоитъ ли ему знакомиться съ „Листками изъ записной книжки"... Вообще „листки" носятъ характеръ черновиковъ, писанныхъ за стаканомъ чаю. Можно благодарить автора, что онъ по своей

любезности знакомить насъ, читателей, нѣкоторымъ образомъ съ процессомъ творческой работы, но можно ему и замѣтить, что только при совершенномъ неуваженіи къ читающей публикѣ понятна смѣлость, съ которой онъ выпускаетъ въ свѣтъ свои „листки", да еще проситъ за эти 150 страницъ малаго формата и крупнаго шрифта цѣлый рубль...

Болѣе отдѣлана вторая книга г. Верещагина, но, выигрывая въ этомъ отношеніи передъ „Листками", она проигрываетъ очень во многихъ другихъ; въ ней есть мѣста, способныя глубоко возмутить человѣка „сантиментальнаго" (по терминологіи автора) своей откровенностью.

Въ книгѣ говорится о войнѣ; о той самой, которая изображена на разныхъ картинахъ того же г. Верещагина. Кто видѣлъ хоть нѣкоторыя изъ нихъ, тотъ, конечно, помнитъ, какое отвращеніе онъ вынесъ къ этому наслѣдію варварства. Теперь художникъ предлагаетъ что-то вродѣ комментарій къ своимъ картинамъ, очевидно, съ цѣлью усилить отвращеніе возможно большаго числа людей къ „великой несправедливости", какъ онъ называетъ войну. Но могутъ ли слѣдующіе сюжетики поддержать репутацію г. Верещагина—т. е. ту репутацію, которую онъ создалъ себѣ своими картинами?

„Я больше держался съ охотниками къ стѣнѣ, гдѣ тѣшился стрѣльбой—нѣтъ, нѣтъ да и видишь, какъ упадетъ подстрѣленный непріятель" (20 стр.). „Я застрѣлилъ тутъ двоихъ изъ нападавшихъ методично, если можно такъ выразиться, по профессорски" (стр. 23); „признаюсь, я бы охотно удержалъ у себя въ неволѣ одну молодую особу, должно быть дочь почтеннаго человѣка, смотрителя гробницы: немного татарскій,—т. е. скуластый овалъ лица и прорѣзъ глазъ, но прелестное личико и фигура"... (стр. 81).

Вотъ еще фактъ, который имѣлъ мѣсто въ послѣднюю турецкую войну, когда г. Верещагинъ освобождалъ славянъ... Привели двухъ албанцевъ разбойниковъ и нашъ художникъ „въ виду тяжести обвиненія" попросилъ, кого слѣдуетъ, повѣсить ихъ; „я признался—говоритъ почтенный нашъ соотечественникъ,—что еще не видалъ повѣшенія и очень интересуюсь процедурою"... повѣшенія (стр. 290). Однако, не смотря на всѣ хлопоты г. Верещагина, албанцевъ не повѣсили и обиженный художникъ, какъ капризное дитя, пишетъ: „я написалъ ихъ связанными, такъ и не понявши, какое сантиментальное чувство побудило миловать албанскихъ разбойниковъ, безъ зазрѣнія совѣсти избившихъ болгаръ, когда жизни нашихъ жертвовались за тѣхъ же болгаръ тысячами" (стр. 242). Бѣдный Вас. Вас. Верещагинъ! Онъ такъ и *не понялъ* и, быть можетъ, не понимаетъ этого до сихъ поръ.

Про самого г. Верещагина нужно еще сказать, что онъ былъ страшенъ для враговъ не только на полѣ битвы, а и въ мирное время. Вотъ, напр., явился къ намъ, русскимъ, въ лагерь послан-

ный отъ одного турецкаго губернатора; автору показалось, что въ обращеніи посланнаго съ русскимъ генераломъ была „разсчитанная дерзость“ и онъ попросилъ генерала обойтись съ туркомъ „по строже“... Ему позволили... „Во весь размахъ руки,—читаемъ на 276 стр.,—я вытянулъ буяна нагайкой—онъ ошалѣлъ и впервые всталъ смирно и почтительно“...

В. Ф. Залѣсскій, дѣйствительный студентъ естественныхъ наукъ, магистръ политической экономіи. Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Отдѣлъ 2-й. **Ученіе о капиталѣ.** Выпускъ I. Часть историко-критическая. Выпускъ II. Часть догматическая. Казань 1898.

„Историко-критическая часть“ сочиненія г. Залѣсскаго производитъ съ внѣшней стороны впечатлѣніе грандіозной затѣи: въ ней авторъ подвергаетъ критикѣ свыше полутораста теорій, оперируетъ надъ 258-ю названіями различныхъ экономическихъ сочиненій и статей, торжественно перечисленныхъ въ алфавитномъ порядкѣ и со строгою нумераціей въ концѣ 2-го выпуска. Но если отъ этой импонирующей внѣшности мы обратимся къ внутреннему содержанію книги, то убѣдимся, что послѣднее поражаетъ своею бѣдностью и неспособно удовлетворить даже самаго невзыскательнаго читателя. Начинаетъ г. Залѣсскій съ разбора ученій XV вѣка, будто до этого времени вовсе не существовало теорій прибыли на капиталъ. Древніе отсутствуютъ; каноническая доктрина, сыгравшая, по мнѣнію такого авторитетнаго писателя, какъ Эшли, „слишкомъ большую роль въ исторіи человѣческой мысли, чтобы можно было отнестись къ ней пренебрежительно“ (*У. Дж. Эшли*, Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономическою теоріею. М. 1897, стр. 675),—также игнорируется нашимъ критикомъ. То, что приводится г. Залѣсскимъ относительно писателей XVI—XVIII вв., чрезвычайно поверхностно, занимаетъ всего 4 страпички (8—12) и цѣликомъ заимствовано у Бемъ-Баверка по той причинѣ, что по поводу этихъ теорій „разногласія быть не можетъ“ (3). Объясненіе, чрезвычайно удобное для г. Залѣсскаго, но, конечно, нисколько не убѣдительное для читателей. Теоріямъ физіократовъ съ ихъ послѣдователями удѣлено 8 страницъ (13—21), на которыхъ нѣтъ разбора отдѣльныхъ ученій, а дается лишь въ общихъ и чрезвычайно знакомыхъ словахъ опроверженіе давно опровергнутаго взгляда на земледѣліе, какъ на источникъ produit net. Въ общемъ вся 1-я глава, разсматривающая теоріи прибыли до XVIII вѣка, занимаетъ 21 страницу, не даетъ рѣшительно никакого понятія ни объ одной изъ упоминаемыхъ теорій и вообще не представляетъ никакого матеріала для уясненія вопроса о происхожденіи прибыли на капиталъ. Вторая глава („отъ Адама Смита до Родбертуса и Рошера“) отличается большею подробностью, но только по сравненію съ предыдущею

главою. Смиту и Рикардо, этимъ виднымъ представителямъ той самой „эксплоатаціонной“ (т. е. трудовой) теоріи, ради опроверженія которой, повидимому, затѣяно все предпріятіе г. Залѣсскаго, посвящено шесть страницъ (24—30), гдѣ констатируется, безъ, однако, попытки какого-либо удовлетворительнаго объясненія, извѣстное противорѣчіе во взглядахъ классиковъ, сводящееся къ тому, что по ученію этихъ экономистовъ, то—трудъ является единственнымъ источникомъ цѣнности, то—прибыль на капиталъ входитъ составнымъ элементомъ въ эту цѣнность. Все остальное въ этой главѣ (стр. 30—91) представляетъ собою, по образу нѣмецкихъ компиляцій худшаго разбора, лексиконъ мнѣній и библіографическихъ указаній, съ отдѣльными проблесками разбора, по большей части неудовлетворительнаго или по существу неправильнаго. Авторъ съ нескрываемою симпатіею относится къ теоріи воздержанія (88, 90 и др.), давнымъ-давно отвергнутой и осмѣянной въ наукѣ. За то онъ обнаруживаетъ непростительно-легкомысленное отношеніе къ представителямъ крайне нелюбимой, но очень неудачно парируемой имъ трудовой теоріи. О такихъ писателяхъ, какъ Гелль, Годвинъ, Грэй, Годскинъ, Томпсонъ (у котораго, по мнѣнію Менгера, Марксъ будто-бы даже заимствовалъ свою теорію),—говорится по одной фразѣ, и то заимствованной изъ вторыхъ рукъ—у Маркса (35). Съ другой стороны, авторъ предпринимаетъ безплодную попытку отнять у трудовой теоріи такихъ несомнѣнныхъ ея представителей, какъ Кэри (46—7) или Сисмонди (53—6). Значительною по объему является 3-я глава („отъ Родбертуса и Рошера до настоящаго времени“, 92—212), но содержаніе опять-таки страдаетъ крайнею бѣдностью. Много мѣста здѣсь удѣлено критикѣ теорій цѣнности, о чемъ достаточно было сказано въ первыхъ двухъ выпускахъ, между тѣмъ вся теорія прибавочной цѣнности Маркса изложена на двухъ страницахъ (112—14), причемъ совершенно игнорируется вся цѣпь логическихъ доказательствъ творца этого ученія, игнорируются также раскрытыя нѣмецкимъ ученымъ общественныя условія капиталистическаго производства, создающія прибавочную цѣнность. На стр. 168—173 дается краткое, но въ общемъ вѣрное изложеніе ученія 3-го тома „Капитала“ о цѣнѣ и прибыли; но въ качествѣ „опроверженія“ этого ученія, г. Залѣсскій не стѣсняется заявить, что „въ противоположность первоначальному утвержденію (т. е. въ 1-мъ томѣ), будто *цѣна* (курс. нашъ) товаровъ всегда, за исключеніемъ временныхъ отклоненій, вслѣдствіе колебанія спроса и предложенія, пропорціональна затратѣ труда въ производствѣ, Марксъ теперь (т. е. въ 3-мъ томѣ) заявляетъ, что этого почти никогда не бываетъ, что мѣновая *цѣнность* (курс. нашъ) товаровъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ совпадаетъ съ ихъ трудовою стоимостью“ (174). Этимъ смѣшеніемъ *цѣны* и *цѣнности* г. Залѣсскій достигъ открытія противорѣчія въ системѣ Маркса; нужно-ли

говорить о томъ, что этимъ же смѣшеніемъ двухъ различныхъ категорій нашъ строгій критикъ доказалъ свое полное непониманіе какъ 1-го, такъ 3-го томовъ критикуемаго имъ трактата. Такимъ же непониманіемъ звучатъ многіе отзывы г. Залѣсскаго о представителяхъ другихъ направленій.

При такихъ достоинствахъ „историко-критической“ части работы г. Залѣсскаго трудно было ожидать серьезныхъ результатовъ и отъ положительной части его ученія, изложеннаго въ тощей брошюрѣ съ громкимъ заглавіемъ: „Ученіе о капиталѣ. Выпускъ II. Часть догматическая“. Здѣсь содержится давно обѣщанное ученіе г. Залѣсскаго о прибыли на капиталъ, выработанное „на основаніи современнаго физико-химическаго ученія о единствѣ матеріи и сохраненіи энергіи“ (Ученіе о цѣнности, вып. I, стр. IV). Задача интересная,—можно сказать, грандіозная! Совершать открытія наканунѣ XX вѣка дѣло весьма трудное и даже рискованное. Но на это почувствовалъ въ себѣ силу г. Залѣсскій, рѣшившій, очевидно, въ качествѣ „дѣйствительнаго студента естественныхъ наукъ“, съ одной стороны, и „магистра политической экономіи“—съ другой, перебросить мостъ между незыблемыми основами современнаго естествознанія и неустановившеюся еще областью общественной науки... Насколько, однако, удалась эта смѣлая попытка столь ученому автору? Г. Залѣсскій придерживается теоріи самостоятельной производительной силы капитала, создающаго прибыль. Эта идея была высказана задолго до настоящаго времени Сэемъ, Лаудердалемъ, Рау, Германномъ, Бастіа и безчисленнымъ множествомъ другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, ученыхъ и не ученыхъ экономистовъ. Однако, у всѣхъ этихъ писателей нашъ авторъ нашелъ только эмпирическое, а не строго-научное доказательство даннаго положенія. Г. Залѣсскій и задался цѣлью повѣдать міру секретъ этого таинственнаго доказательства. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Капиталъ обладаетъ самостоятельной производительной силой, говоритъ г. Залѣсскій; но при этомъ онъ предлагаетъ понимать самый капиталъ довольно своеобразно. Онъ исключаетъ изъ области этого понятія всѣ орудія производства и „машинки“, приводимыя въ дѣйствіе силами человѣка (напр., топоръ, рубанокъ, швейныя и пишущія машины), изъ средствъ производства многіе сырые матеріалы и полуфабрикаты (напр. хлопокъ, масло, тряпки и т. д.). Все—это не капиталъ и прибыли не производитъ. Наоборотъ, источники энергіи, внѣ человѣка находящіеся, а также машины и орудія, употребляемыя для примѣненія къ производству этихъ источниковъ энергіи (напримѣръ: земля и земельныя улучшенія, химическіе источники энергіи, водопады, топливо, рабочій скотъ, машины, не приводимыя въ дѣйствіе силами человѣка, постройки, искусственные пути сообщенія, перевозочныя средства и т. д.)—все это—капиталъ, самостоятельно производящій прибыль, при-

бавочную цѣнность, по той причинѣ, что всѣ виды его способны освобождать въ кинетической формѣ гораздо больше энергіи, нежели они поглащаютъ ея въ потенціальной формѣ. Негодность этой „новой" теоріи очевидна. Чтобы быть краткими, укажемъ на слѣдующее: 1) Машины производятъ прибыль, машинки ея не производятъ—эта формулировка закона говоритъ сама за себя. 2) Если мы не признаемъ самостоятельной производительной силы за орудіями и машинами, примѣняющими къ производству силы человѣка, на какомъ основаніи мы можемъ приписывать такую силу машинамъ и орудіямъ, примѣняющимъ къ производству силы природы и вообще источники энергіи, внѣ человѣка пребывающіе? 3) Что касается самыхъ этихъ источниковъ энергіи, то вѣдь они не что иное, какъ силы природы, являющіяся несомнѣнно факторами производства, но производства чего? Потребительной цѣнности, а не мѣновой. Это важное обстоятельство какъ-то совсѣмъ забылъ нашъ ученый новаторъ.

На этомъ мы и кончимъ, такъ какъ недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ заняться скучной работой вскрытія всѣхъ явныхъ нелѣпостей и вопіющихъ внутреннихъ противорѣчій, въ морѣ которыхъ безпомощно барахтается г. Залѣсскій, благодаря своей безплодной попыткѣ созданія новой теоріи.

Нервность нашего времени, причины ея и средства къ устраненію. Соціально-гигіеническій этюдъ д-ра **Цигельрота.** Переводъ Н. У. Спб. 1898.

A. Proust и **G. Ballet. Гигіеническое лѣченіе неврастеніи.** Переводъ съ франц. М. И. Петрункевичъ. М. 1899.

Не смотря на нѣкоторое различіе въ заглавіи, обѣ брошюры, въ сущности, трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ: о столь модной теперь болѣзни—неврастеніи, о ея симптомахъ, причинахъ и способахъ ея лѣченія. Мало того, обѣ брошюры написаны приблизительно въ одномъ и томъ же духѣ: обѣ онѣ совершенно вѣрно выдвигаютъ на первый планъ „гигіеническое" лѣченіе неврастеніи.

Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что брошюры равны другъ другу по своимъ внутреннимъ качествамъ. Напротивъ, нельзя не признать, что брошюра д-ра Цигельрота по своимъ достоинствамъ далеко уступаетъ книжкѣ Пруста и Балле. Брошюра д-ра Цигельрота не только слишкомъ бѣгло трактуетъ о нѣкоторыхъ вопросахъ, но еще страдаетъ и нѣкоторою односторонностью и даже легкомысліемъ. Такъ, напр., авторъ безъ достаточнаго основанія отождествляетъ истерію и неврастенію, и тотъ фактъ, что врачи обыкновенно не считаютъ эти болѣзни тождественными, нашъ авторъ объясняетъ очень просто: „угодливая наука... одинъ и тотъ же болѣзненный процессъ назвала у мужчинъ красивымъ (?) словомъ

неврастенія, у женщинъ же—подозрительнымъ *истерія*" (стр. 9). Не говоря уже о томъ, что симптомы истеріи и неврастеніи представляютъ значительное различие между собою, безосновательность утвержденія д-ра Цигельрота видна изъ того, что медицина признаетъ существованіе истеріи у мужчинъ и неврастеніи у женщинъ. Что касается истеріи у мужчинъ, то еще въ 1874 году Бернюцъ (Bernutz) описалъ шесть случаевъ мужской истеріи, а въ 1881 году д-ръ Д'Олье (D'Olier) былъ награжденъ преміей Эскироля за сочиненіе: „Истерія у мужчинъ" (De l'hystérie chez l'homme). Съ тѣхъ поръ случаи истеріи у мужчинъ стали описываться все чаще, хотя врачи и признаютъ, что женщинъ-истеричекъ приблизительно въ двадцать разъ больше, чѣмъ мужчинъ, страдающихъ этою же болѣзнію. Затѣмъ, еще болѣе ошибочно утвержденіе д-ра Цигельрота, будто неврастенія считается исключительнымъ удѣломъ мужчинъ. Напротивъ, медицина прекрасно знаетъ случаи неврастеніи у женщинъ. Такъ, напримѣръ, фонъ-Гесслигъ на 604 случая неврастеніи у мужчинъ насчитываетъ 224 случая неврастеніи у женщинъ.

Подобныя же безосновательныя и одностороннія утвержденія попадаются и въ другихъ мѣстахъ брошюры д-ра Цигельрота. Такъ, напр., онъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе самоотравленія организма, хотя глава „автотоксины или яды, вырабатываемые организмомъ" и принадлежитъ къ числу полезнѣйшихъ отдѣловъ его брошюры, въ виду малаго знакомства публики съ этимъ важнымъ вопросомъ. Затѣмъ, авторъ совершенно вѣрно настаиваетъ на гигіеническомъ способѣ лѣченія неврастеніи, но и тутъ впадаетъ въ односторонность, безусловно отрицая значеніе какихъ бы то ни было лѣкарствъ. По мнѣнію автора, „современная медицина стоитъ подъ знаменемъ съ изображеніемъ шприца, блаженной памяти, Праваца" (стр. 27). Наконецъ, возставая противъ слишкомъ мясной діэты современнаго состоятельнаго человѣка, авторъ и здѣсь впадаетъ въ крайность, говоря: „питайся растительной пищей и смотри на мясо, какъ на своего рода лакомство" (стр. 46).

Брошюра д-ра Цигельрота названа „соціально-гигіеническимъ" этюдомъ, но вся соціальная часть его брошюры сводится почти только къ одному (совершенно вѣрному) утвержденію, что не только чрезмѣрная дѣятельность недостаточныхъ классовъ общества, но и бездѣятельность людей обезпеченныхъ ведетъ къ нервному вырожденію.

Гораздо большими достоинствами отличается книжка Пруста и Балле. Здѣсь подробно и обстоятельно разсматриваются: причины неврастеніи, ея симптомы, мѣры для ея предупрежденія и лѣченія. Насколько брошюра д-ра Цигельрота полна односторонними увлеченіями, настолько книга Балле (Прусту принадлежитъ только

введеніе) отличается всестороннимъ и объективнымъ изслѣдованіемъ вопроса.

Возьмемъ для примѣра вопросъ о питаніи. Противоположно Цигельроту, Балле возстаетъ противъ всякаго исключительнаго пищевого режима. Упомянувши только о необходимости ограничить потребленіе алкоголя, чаю и кофе, авторъ говоритъ: „мы полагаемъ, что нѣтъ никакой нужды... заранѣе регламентировать питаніе больныхъ“, ибо путемъ регламентаціи можно „привлечь вниманіе неврастеника на его пищеварительныя отправленія и безъ надобности снабдить предлогомъ для новой ипохондрической заботы“ (стр. 173). Это говорится о неврастеникахъ, не страдающихъ диспепсіей. Но даже относительно питанія тѣхъ неврастениковъ, которые страдаютъ диспепсіей, авторъ говоритъ: „Всѣ особенные, исключительные режимы вредны; они примѣнимы лишь въ небольшомъ числѣ очень исключительныхъ случаевъ“ (стр. 177).

Мы смѣло рекомендуемъ книгу Пруста и Балле вниманію нашихъ читателей.

Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. **Рецензіи народныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ.** (Труды коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ). М. 1898. Ц. 50 к. **Для чего доктора дѣлаютъ операціи** и какая отъ того бываетъ польза больному. Врача **А. Г. Архангельской.** М. 1897. Ц. 5 к. **Сибирская язва.** Врача **Д. Я. Дорфа.** М. 1898. Ц. 5 к. **О дурной болѣзни.** Ординатора мясницкой городской больницы **Н. Сперанскаго.** 4-е изданіе. М. 1898 г. Ц. 5 к.

Пятый съѣздъ общества русскихъ врачей въ память П. И. Пирогова поручилъ правленію общества изыскать способы для скорѣйшаго пересмотра существующихъ медицинскихъ изданій, доступныхъ пониманію народа, улучшенія ихъ качества и увеличенія количества. Съѣздъ поручилъ также правленію ходатайствовать о внесеніи нѣкоторыхъ медицинскихъ изданій въ списки книгъ, дозволенныхъ для народныхъ чтеній. Для болѣе успѣшнаго выполненія этихъ задачъ правленіе общества образовало особую „коммиссію по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ“, въ составъ которой вошли земскіе санитарные и участковые врачи, проживающіе въ Москвѣ или недалеко отъ Москвы. Труды этой коммиссіи выразились изданіемъ весьма интересной брошюры: „Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигіенѣ“. Прежде чѣмъ приступить къ разбору изданій по медицинѣ для народа, коммиссія выработала „общія основы для критики, которыми должны были руководствоваться рецензенты при разборѣ народныхъ изданій“. Эти основныя требованія заключались въ слѣдующемъ:

1) Брошюры должны быть написаны хорошимъ литературнымъ слогомъ, безъ поддѣлки подъ народное нарѣчіе.

2) Предметъ долженъ быть изложенъ серьезно, но не въ видѣ сухого учебника, а живо, образно, интересно.

3) Изложеніе должно быть ясное, общедоступное, безъ излишняго загроможденія историческими и географическими фактами и терминами, чуждыми для нашего народа.

4) Изложеніе должно быть научно-точное, причемъ желательно обратить вниманіе на существующіе предразсудки и обычаи, вредно вліяющіе на здоровье, въ цѣляхъ ихъ искорененія путемъ научнаго освѣщенія фактовъ.

5) Брошюра, предназначенная для народнаго чтенія, должна требовать для своего прочтенія не болѣе 45 минутъ. Брошюра, предназначенная для нѣсколькихъ чтеній, должна въ каждомъ своемъ отдѣлѣ представлять законченное цѣлое.

6) Брошюры должны быть дешевы и хорошо изданы.

Руководясь этими принципами, члены коммиссіи подвергли критическому разсмотрѣнію болѣе сотни сочиненій, отзывы о которыхъ расклассифицированы по слѣдующимъ рубрикамъ: I) анатомія и физіологія; II) гигіена; III) заразныя болѣзни; IV) оспа и оспопрививаніе; V) дифтеритъ; VI) сифилисъ; VII) глазныя болѣзни; VIII) первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ; IX) душевныя болѣзни; X) беременность и роды; XI) уходъ за малыми дѣтьми.

Прочтеніе „рецензій" убѣдило насъ въ томъ, что члены коммиссіи отнеслись къ своей задачѣ съ полнымъ вниманіемъ: они дали безпристрастный и компетентный обзоръ почти всей медицинской литературы для народа. Благодаря выходу въ свѣтъ „рецензій", всякій, желающій распространить въ народѣ свѣдѣнія по тому или иному вопросу медицины, можетъ найти въ „трудахъ" коммиссіи указанія на соотвѣтствующую литературу.

Три другія брошюры, заглавія которыхъ выписаны выше, являются изданіями этой самой „коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ", причемъ двѣ изъ нихъ написаны членами коммиссіи: врачами Архангельскою и Дорфомъ.

Почти нѣтъ надобности говорить, что всѣ эти брошюры удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, которыя сама комиссія выработала относительно изданій по медицинѣ для народа.

Книги, поступившія въ редакцію.

Сочиненія **Н. С. Тихонравова.** Т. III, часть II. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 98. Ц. за три тома 7 р. 50 к.

Дѣло. Сборникъ въ пользу СПб-скаго женскаго медицинскаго института. М. 99. Ц. 2 р. 50 к.

Фаустъ. Трагедія **Гёте.** Переводъ А. Фета. Вып. I. Съ рис. Энгельберта Зейбертца. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 99.

Фридрихъ Нитцше. Такъ говорилъ Заратустра. Девять отрывковъ въ переводѣ С. П. Нани. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Калевала. Финская народная эпопея. Для юношества передалъ **Э. Гранстремъ.** Спб. 98.

А. Манцони. Обрученные. Романъ. Переводъ съ итальян. Е. Некрасовой. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 1 р. 25 к.

Родина. Сборникъ избраннныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Изд. Н. Ч. 98. М. Ц. 20 к.

Друзьямъ. Стихотворенія **А. В. Жирковича.** Спб. 99. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

На рельсахъ и внѣ рельсовъ. Стихотворенія **В. В. Посѣницкаго.** 2-е изданіе. М. 98. Ц. 1 р.

А. Д. Стихотворенія. М. 98. Ц. 50 к.

Allegro. Стихотворенія. Съ виньетками автора. Спб. 99. Ц. 1 р.

А. А. Навроцкій. Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Книга 2-я. Спб. 99. Ц. 2 р.

Пѣсни любви и печали. **Александра Янъ-Рубана.** М. 99. Ц. 50 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Святочные разсказы. Спб. Ц. 1 р.

А. Вербицкая. Сны жизни. Разсказы. М. 99. Ц. 1 р.

В. М. Михеевъ. Отрокъ мученикъ. Углицкое преданіе. Съ рис. М. В. Нестерова, В. И. Сурикова и Е. М. Бемъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 98

И. Астаховъ. Романъ въ тюрьмѣ. Разсказы. М. 99. Ц. 1. р.

Алексѣй Мошинъ. Очерки и наброски. М. 98. Ц. 60 к.

Подснѣжникъ. Сборникъ для дѣтей. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 2 р.

Гергардтъ Гауптманъ. Одинокіе люди. Драма. Переводъ и изданіе О. Н. Поповой.

Альфонсъ Додэ. Прекрасная Нивернеза. Перев. съ франц. С. Круковской. Съ рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 30 к.

Н. А. Рубакинъ. Вѣчная слава. Историческая хроника изъ временъ борьбы Нидерландцевъ за свою независимость. Съ рис. К. Лебедева и др. М. 99. Ц. 75 к.

С. С. Орлицкій (Окрейцъ). Далекіе годы. Автобіографическая хроника. Спб. 99. Ц. 2 р.

Асбьернсонъ. Норвежскія сказки. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Съ 74 рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 1 р. 25 к.

Шведскіе разсказы. Переводъ Ек. Я. Поливановой. Изданіе П. П. Герцога. Спб. 99. Ц. 40 к.

Въ сонномъ царствѣ. Сказка **Н. Юрьина.** Рисунки С. Малютина. Изданіе А. И. Мамонтова. М. 98. Ц. 50 к.

Наши люды на сели. **Грыцько Грыгоренко.** Юрьевъ. 98. Ц. 80 к.

В. Свѣтловъ. Разсказы. Спб. 99. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ **М. Ватсонъ.** Съ портретомъ Ады Негри. Спб. 99. Ц. 50 к.

Валерій Брюсовъ. О искусствѣ. М. 99.

Георгъ Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Т. I. Переводъ В. М. Спасской и В. М. Фриче, подъ редакціей Н. И. Стороженка. Съ предисловіемъ и примѣчаніями редактора. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Вып. I. Спб. 99. Ц. 60 к.

Г. Э. Лессингъ. Лаоконъ или о границахъ поэзіи и живописи. Перев. съ нѣм. М. Э. Гуковскаго и Л. Р. Бродовскаго. Изданіе книгоиздательства „Знаніе". Одесса. 98. Вып. I. Ц. 20 к. Вып. II. Ц. 15 к.

Всеволодъ Чешихинъ. Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Изданіе книгоиздательства „Знаніе". Одесса. 99. Ц. 25 к.

И. Стещенко. Поэзія И. П. Котляревскаго (Къ 100 л. юбилею его „Энеиды"). Кіевъ. 98.

А. Г. Тимофеевъ. Очерки по исторіи краснорѣчія. Спб. 99. Ц. 1 р.

Русскій астрономическій календарь на 1899 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Подъ редакціей предсѣдателя С. Щербакова. Съ приложеніемъ подвижной карты звѣзднаго неба. Нижній Новгородъ. 98. Ц. 75 к.

С. Ковалевскій. Двойной ноніусъ, его теорія и примѣненіе. Спб. 99. Ц. 30 к.

И. Ингенецкій. Заграничные наброски. (По музеямъ и лабораторіямъ Западной Европы). Спб. 98. Ц. 50 к.

Воздухъ и жизнь. **Генри де-Вариньи.** Переводъ съ англ. В. Е. Тимоѳеевой подъ редакціей проф. В. Ѳ. Тимоѳеева. Харьковъ. 98. Ц. 75.

Л. Дюга. Застѣнчивость. Переводъ съ фран. Б. Никитина. М. 99. Ц. 60 к.

А. Пру и Ж. Валле. Гигіена неврастеника. Переводъ съ франц. Л Шейниса. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 60 к.

Привычка и инстинктъ. **Л. Моргана.** Переводъ съ англ. М. Чепинской. Спб. 99. Ц. 1 р.

R. Stintzing. Сонъ и безсонница. Перев. съ нѣм. д-ра Е. М. Швальбе. М. 99. Ц. 35 к.

Оздоровленіе Хитрова рынка. Докладъ Коммиссіи при санитарной группѣ Московск. Отдѣленія Русскаго техническаго о-ва. Съ приложеніемъ трехъ фототипій. М. 99. Ц. 30 к.

Карлъ Рекламъ. Средство быть здоровымъ. (Общественная гигіена). Переводъ Л. Р. Бродовскаго. Изданіе книгоиздательства „Знаніе". Вып. I. Одесса 98.

Проказа въ Области Войска Донского и примѣненіе серотерапіи при лепрѣ. Д-ра мед. **А. П. Гринфельда.** (Съ 2 фототип. табл.) Спб. 98.

М. П. Манасеинъ. Современное положеніе вопроса о проказѣ и прокаженныхъ. Изданіе „Русскаго Медицинскаго Вѣстника". Спб. 99. Ц. 25 к. (Доходъ въ пользу убѣжища для прокаженныхъ).

Д-ръ **И. И. Пантюховъ.** Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа. (Съ картою). Изданіе газеты „Кавказъ". Тифлисъ 99. Ц. 30 к.

Земля и люди. Всемірная географія, сочиненіе **Элизе Реклю.** Вып. IV. Соединенные Штаты. Часть 2-я. Переводъ съ франц. подъ ред. Н. Березина. Съ рис. и чертеж. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 2 р.

А. Богданова. Путешествіе вокругъ свѣта. Два чтенія къ 48-ми картинамъ для волшебнаго фонаря. Изданіе В. П. Александрова. Вологда. 99. Ц. 30 к.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлено подъ руководствомъ **Э. Лависса и А. Рамбо.** Т. V. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 3 р.

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣм. М. Гершензона. Т. II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 2 р.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Вып. III. М. 99. Ц. 2 р.

Эпилоги византійскихъ драмъ. По Г. Шлюмберже. **М. Н. Ремезова.** М. Ц. 50 к.

А. В. Суворовъ, его жизнь и военная дѣятельность. Біографическій очеркъ **М. Л. Песковскаго.** Изданіе Ф. Павленкова. Съ портретомъ Суворова. Спб. 99. Ц. 25 к.

Петръ Великій. **А. Ѳ. Гартвига.** Чтеніе къ 12-и картинамъ для волшебнаго фонаря. Изданіе В. П. Александрова. Вологда. 98. Ц. 10 к.

Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время. Т. V. Спб. 98. Ц. 5 р.

Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. **Х. Раппопорта.** Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 75 к.

Я. Новиковъ. Война и ея мнимыя благодѣянія. Переводъ съ франц. Я. С. Балобана. Изданіе книгоиздательства „Знаніе". Вып. I. Одесса. 99. Ц. 15 к.

Шарль Летурно. Эволюція торговли. Переводъ съ франц. Ѳ. Капелюша. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 2 р.

I. Конрадъ. Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи. Руководство для приступающихъ къ ея изученію. Переводъ Н. Новикова. М. 98. Ц. 1 р.

С. Ковалевскій. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Спб. 99. Ц. 50 к.

Развитіе народнаго хозяйства въ западной Европѣ. Публичныя лекціи **М. М. Ковалевскаго.** Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 75 к.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣм. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 99. Ц. 2 р.

Н. П. Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Изданіе 2-е, О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 75 к.

Положеніе и права женщины въ семьѣ и обществѣ въ древности, средніе вѣка и новое время. Историко-юридическій очеркъ (Двѣ публичныя лекціи). **В. Г. Щеглова.** Ярославль 98. Ц. 85 к.

Душевная болѣзнь одного изъ супруговъ, какъ поводъ къ расторженію брака. **В. И. Воротынскаго.** Спб. 98.

Е. Барбъ. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учрежденій (Очерки Румянцевскаго музея). М. 98. Ц. 40 к.

Общество для распространенія коммерческихъ знаній-ли или не знаній? Анализъ **М. Войко.** М. 98.

А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ university extension въ Россіи. Отчетъ коммиссій по организаціи домашняго чтенія за 1897 г. Изданіе журнала „Образованіе". Спб. 98. Ц. 15 к.

Женскія медицинскія учрежденія въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ и Великобританіи. Наблюденія и замѣтки **О. Л.** 2-е изданіе. М. 98. Ц. 50 к.

П. З. Рябковъ. Краткіе историческій очеркъ Елисаветградскаго О—ва распространенія грамотности и ремеслъ. Елисаветградъ 98.

Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ при фарфоровскомъ приходскомъ попечительствѣ за 15 лѣтъ. Составилъ **Д. П. Никольскій.** Спб. 98.

Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Проф. **Н. И. Барсова.** Спб. 99. Ц. 2. р.

Максъ Нордау. Рѣчи и статьи. Екатеринославъ 98. Ц. 10 к.

К. С. Славнинъ. Первоучка. Азбука для самоучекъ и учащихся въ школахъ. 2-е изданіе. Екатеринбургъ 98. Ц. 20 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ съ распредѣленіемъ задачъ по типамъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Вып. I. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 15 к.

Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ **П. Злотчанскій.** 3-е изданіе. Одесса 99. Ц. 75 к.

Отчетъ государственнаго контроля за 1897 годъ. Спб. 98.

Описаніе Черниговской губ. Составлено **А. А. Русовымъ.** Изданіе редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губ.“ Т. I. Черниговъ 98.

Опытъ раздѣленія европейской Россіи на раіоны по естественнымъ и экономическимъ признакамъ. Докладъ **Д. И. Рихтера,** читанный въ засѣданіи Статистической Коммиссіи И. В. Э. Общества 11 марта 1898 г. Съ приложеніемъ картограммъ. Спб. 98.

Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина Коммиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Матеріалы. Вып. 9. Аренда. Составилъ **В. Трейденъ.** Спб. 98.

Обманы лошадиныхъ барышниковъ. **В. Хлюдзинскаго.** 2-е изданіе кн. магаз. „Деревня“. Спб. 99. Ц. 75 к.

Д. И. Трембовельскій. Простѣйшій способъ водоснабженія въ деревнѣ. Съ рисунками и чертежами. Изданіе кн. маг. „Деревня“. Спб. 99. Ц. 20 к.

Проекты: I. Овчарни, свинарни и птичника. II. Амбара съ молотильнымъ сараемъ. III. Дома—дачи. Съ чертежами. Составилъ архитекторъ-художникъ **В. Ф. Харламовъ.** Изданіе кн. магаз. „Деревня“. Спб. 99. Ц. 75 к.

Малый энциклопедическій словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Вып. I. А—Аѳонъ. Издатели Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 85 к. Цѣна всего изданія 18 р.

Е. Тимченко. Русско-малороссійскій словарь. Т. II. П—Ѳ. Кіевъ 99. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1. р. 75 к.

Тифлисскій настольный календарь на 1899 годъ. Изданіе В. А. Герценштейна. Тифлисъ 98.

Die Sociologie, die sociale Frage und der sogen. Rechtssocialismus Von **N. Reichesberg**. Bern. 99. Pr. 2 M. 50 Pf.

Premiers éléments de la science des finances. Par **Luigi Cossa.** Trad. par Alfred Bonnet. P. 99. Pr. 2 fr. 50 c.

Литература и жизнь.

Кое что о современной беллетристикѣ.

Недавно одинъ изъ нашихъ собратовъ, въ противоположность распространенному мнѣнію, усмотрѣлъ въ русской беллетристикѣ „кипучую жизнь, неумолчное біеніе живой силы“. У насъ, писалъ онъ,—„не теряютъ силы старшіе по времени таланты... и на ряду съ ними каждый день выдвигаетъ все новыхъ и новыхъ“. „Каждый день“,—конечно, такъ, съ разбѣгу сказано, потому что вѣдь это выходитъ 365 новыхъ талантовъ въ годъ (а въ высокосный 366). Но и не придираясь къ нечаянному гиперболическому выраженію, позволительно усомниться въ правильности общаго положенія почтеннаго собрата. Безспорно, „можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ россійская земля рождать“,—почему бы нѣтъ? По крайней мѣрѣ отчаяваться не слѣдуетъ. Но почему бы именно теперь такъ разбогатѣла беллетристическими талантами россійская земля? Авторъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, можетъ быть только потому, что и не задаетъ его. Не будемъ же и мы вдаваться въ размышленія о причинахъ богатства, равно какъ и о томъ—одна ли беллетристика у насъ такъ процвѣтаетъ или и прочія отрасли и формы литературы соревнуютъ ей въ блескѣ. Ограничимся фактами, притомъ въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, которые намѣчены почтеннымъ собратомъ, и даже, пожалуй, еще болѣе узкихъ.

Онъ пишетъ: „если сравнивать нашу родную беллетристику съ иностранной, право, мы вовсе не такъ ужъ обижены судьбой. На Западѣ выступаютъ двѣ-три крупныя звѣзды, въ родѣ Зола во Франціи, Гауптмана въ Германіи, Ибсена въ норвежской литературѣ, около которыхъ группируются нѣсколько меньшихъ свѣтилъ, а затѣмъ разстилается обширное поле дарованій, приближающихся къ посредственности, мелкихъ метеоровъ, блистающихъ на мгновеніе, чтобы исчезнуть безслѣдно“. Выразивъ затѣмъ вышеприведенную мысль объ обиліи у насъ талантовъ и сказавъ въ особенности нѣсколько любезныхъ словъ „Русскому Богатству“, „на страницахъ котораго можно найти рядъ новыхъ писателей, отличающихся несомнѣнно искрой таланта, вдумчивостью и оригинальностью“,—авторъ заканчиваетъ такъ: наша литература „далека отъ оскудѣнія и слабости, отъ декадентскихъ кривляній и жалкихъ попытокъ къ символизму, вымученной манерности и ломанія, въ значительной степени характеризующихъ литературу Запада въ послѣднее время“.

Не будемъ говорить о европейской литературѣ,—это тема, слишкомъ обширная для вступленія къ сегодняшней бесѣдѣ. Не

будемъ говорить и о разныхъ отечественныхъ „цимбалистахъ“ (выраженіе Поля Верлена),—были они, и посейчасъ, пожалуй, есть, но въ общемъ цимбализмъ у насъ дѣйствительно не ко двору пришелся. Въ нашей беллетристикѣ несомнѣнно сохраняются здоровыя зерна, дающія время отъ времени свѣжіе и оригинальные ростки, которые, однако, рѣдко, слишкомъ рѣдко оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды. И являются то они не только не „каждый день“, а примѣрно въ пропорціи одного на сто бездарностей или посредственностей. Но это бы еще не бѣда, а въ томъ бѣда, что какая-то безжалостная коса быстро срѣзываетъ эти ростки; какая-то мрачная сила мѣшаетъ имъ развернуться и дать могучую листву, подъ тѣнью которой можно было бы укрыться отъ непогоды, яркій цвѣтъ, на которомъ отдохнулъ бы глазъ, и питательный плодъ. Сошлюсь на читателей „Русскаго Богатства“. Нашъ журналъ можетъ безъ ложной скромности принять похвалу выше цитированнаго критика. Онъ правъ, говоря, что намъ удалось представить читателю нѣсколько новыхъ, оригинальныхъ, вдумчивыхъ и талантливыхъ беллетристовъ. Но многихъ ли изъ нихъ намъ удалось представить въ многократномъ видѣ? Ко многимъ ли изъ нихъ успѣлъ читатель прилѣпиться душой? Къ сожалѣнію, это большею частію именно „метеоры, блистающіе на мгновеніе“. Таковъ фактъ, разумѣется, преходящій, но пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ, а въ настоящую минуту это фактъ несомнѣнный, и закрывать на него глаза не приходится,—отъ этого не разбогатѣешь...

Послушаемъ самихъ молодыхъ беллетристовъ и возьмемъ двухъ изъ тѣхъ, кого упомянутый критикъ перечисляетъ для иллюстраціи своей мысли о „кипучей жизни, немолчномъ біеніи, живой силы“ въ нашей литературѣ,—гг. Горькаго и Вересаева. Это тѣмъ поучительнѣе, что оба названные писатели несомнѣнно талантливы. Предупреждаю читателя, что выписки изъ произведеніи того и другого будутъ большія, но онъ объ этомъ не пожалѣетъ.

„Была ночь, когда я вышелъ изъ дома, гдѣ въ кругу близкихъ мнѣ людей читалъ свой первый напечатанный разсказъ. Меня много хвалили за него и я, пріятно взволнованный, медленно шагалъ по пустынной улицѣ, впервые въ моей жизни испытывая такъ полно наслажденіе жить“. Такъ начинается разсказъ г. Горькаго „Читатель“, напечатанный въ ноябрьской книжкѣ журнала „Космополисъ“. Далѣе молодого беллетриста, отъ имени котораго ведется разсказъ, нагоняетъ нѣкто таинственный и ведетъ съ нимъ разговоръ о литературѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ, то ядовитыхъ, то страстныхъ рѣчей:

Теперь притупляется вниманіе къ простому и ясному, какъ черезчуръ холодному и жесткому, а согрѣть и смягчить что-нибудь мы не умѣемъ—мы сами холодны и жестки. Мы, кажется, снова хотимъ грезъ, кра-

сивыхъ вымысловъ, мечты и странностей, ибо жизнь, созданная нами, бѣдна красками, тускла, скучна! Дѣйствительность, которую мы когда-то такъ горячо хотѣли перестроить, сломала и смяла насъ... Что-же дѣлать? Попробуемъ, быть можетъ вымыселъ и воображеніе помогутъ человѣку подняться ненадолго надъ землей и снова высмотрѣть на ней свое мѣсто, потерянное имъ. Потерянное, не правда ли? Вѣдь человѣкъ теперь не царь земли, а рабъ жизни, утратилъ онъ гордость своимъ первородствомъ, преклоняясь предъ фактами, не такъ ли? Изъ фактовъ, созданныхъ имъ, онъ дѣлаетъ выводъ и говоритъ себѣ: вотъ непреложный законъ! И подчиняясь этому закону, онъ не замѣчаетъ, что ставитъ себѣ преграду на пути къ свободному творчеству жизни, въ борьбѣ за свое право ломать для того, чтобъ создавать. Да онъ и не борется больше, а только приспособляется... Чего ради ему бороться? Гдѣ у него тѣ идеалы, ради которыхъ онъ пошелъ бы на подвигъ? Вотъ почему живется такъ бѣдно и скучно, вотъ почему обезсилѣлъ въ человѣкѣ духъ творчества...

Когда-то среди насъ жили великіе мастера слова, тонкіе знатоки жизни и человѣческой души, люди, одухотворенные неукротимымъ стремленіемъ къ совершенствованію бытія, одухотворенные глубокой вѣрой въ человѣка. Они создали книги, которыхъ никогда не коснется забвеніе, ибо въ книгахъ тѣхъ запечатлѣны вѣчныя истины, нетлѣнной красотой вѣетъ съ ихъ страницъ. Образы, начертанные въ тѣхъ книгахъ, живы, ибо воодушевлены силой вдохновенія, а примѣры поступковъ и правила жизни во вѣки будутъ незыблемы. Въ тѣхъ книгахъ есть и мужество, и гнѣвъ пылающій, въ нихъ звучитъ и любовь искренняя и свободная, и ни одного лишняго слова нѣтъ въ нихъ. Оттуда, я знаю, ты черпалъ пищу душѣ своей... Но, должно быть, плохо питалась душа твоя, ибо у тебя рѣчь о правдѣ и любви звучитъ фальшиво и лицемѣрно, точно ты насилуешь себя, когда говоришь объ этомъ. Ты, какъ луна, чужимъ свѣтомъ свѣтишь, свѣтъ твой печально-тускль, онъ много плодитъ тѣней, но слабо освѣщаетъ и не грѣетъ онъ никого. Ты нищъ для того, чтобы дать людямъ что нибудь дѣйствительно цѣнное, а то, что ты даешь, ты даешь не ради высокаго наслажденія обогащать жизнь красотой мысли и слова, а гораздо больше для того, чтобы возвести случайный фактъ твоего существованія на степень феномена, необходимаго для людей. Ты даешь для того, чтобы больше взять отъ жизни и людей. Ты нищъ для подарковъ, ты просто ростовщикъ,—даешь крупицу твоего опыта подъ проценты вниманія къ тебѣ. Твое перо слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошитъ мелочи жизни и, описывая будничныя чувства будничныхъ людей, ты открываешь ихъ уму, быть можетъ, много низкихъ истинъ, но можешь ли ты создать для нихъ хотя бы маленькій, возвышающій душу обманъ?.. Нѣтъ! Ты увѣренъ, что это полезно рыться въ мусорѣ буденъ и не умѣть находить въ нихъ ничего, кромѣ печальныхъ, крошечныхъ истинъ, установляющихъ только то, что человѣкъ золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безсиленъ и жалокъ одинъ и самъ по себѣ. Знаешь, ты, пожалуй, уже успѣлъ убѣдить его въ этомъ! Ибо душа его охлаждена и умъ тупъ... Еще-бы! Онъ смотритъ на свое изображеніе въ твоихъ книгахъ, а книги, особенно если онѣ написаны съ той увѣренностью, которую такъ часто вы принимаете за талантъ, всегда нѣсколько гипнотизируютъ человѣка. Онъ смотритъ на себя въ твоемъ изображеніи и, видя какъ онъ дуренъ, не видитъ возможности быть лучше. Развѣ ты умѣешь показать ему эту возможность?..

Понимаете ли вы жизнь настолько, чтобы объяснить ее другимъ? Понимаете ли вы запросы своего времени, предчувствуете ли вы будущее и что вы можете сказать для возбужденія человѣка, растлѣннаго мерзостью жизни, павшаго духомъ? Онъ упалъ духомъ, его интересъ къ

жизни низокъ, желаніе жить съ достоинствомъ въ немъ изсякаетъ, онъ хочетъ жить просто, какъ свинья, и—вы слышите? уже онъ нахально смѣется, когда произноситъ слово идеалъ: человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой, эту скверную груду двигаетъ не духъ, а похоти. Онъ требуетъ вниманія—скорѣе! помогайте ему жить, пока онъ еще человѣкъ!... Но что вы можете сдѣлать для возбужденія въ немъ жажды жизни, когда вы только ноете, стонете, охаете или равнодушно рисуете, какъ онъ разлагается? Надъ жизнью носится запахъ гніенія, трусость, холопство пропитываютъ сердца, лѣнь вяжетъ умы и руки мягкими путами... Что вы вносите въ этотъ хаосъ мерзости? Какъ вы всѣ мелки, какъ жалки, какъ васъ много!...

Вотъ что говорилъ молодому беллетристу, имѣвшему успѣхъ, таинственный нѣкто, олицетвореніе его собственной совѣсти. Эти бичующіе монологи совѣсти не внушаютъ увѣренности въ наличности „кипучей жизни, неумолчнаго біенія живой силы...“

А вотъ что записываетъ въ своемъ дневникѣ герой лучшаго изъ произведеній г. Вересаева „Безъ дороги“:

„Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня“. Мнѣ часто вспоминаются эти гордыя слова Базарова. Вотъ были люди! какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ въ одно только и вѣрю,—это именно въ неодолимую силу времени. „Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду!“ Зачѣмъ? Оно не отвѣчаетъ; оно незамѣтно захватываетъ тебя и ведетъ, куда хочетъ; хорошо, если твой путь лежитъ туда же, а если нѣтъ? Сознавай тогда, что ты идешь не по своей волѣ, протестуй всѣмъ своимъ существомъ,—оно все таки дѣлаетъ по своему. Я въ такомъ положеніи и находился. Время тяжелое, глухое и сумрачное со всѣхъ сторонъ охватывало меня, и я со страхомъ видѣлъ, что оно посягаетъ на самое для меня дорогое, посягаетъ на мое міросозерцаніе, на всю мою душевную жизнь... Какимъ чудомъ могло случиться, что въ такой короткій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными; на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое, и не вѣрилось, неужели *эти*—всего только младшіе братья вчерашнихъ? Въ литературѣ медленно, но непрерывно шло какое-то общее заворачиваніе фронта, и шло вовсе не во имя какихъ либо новыхъ началъ, о нѣтъ! Дѣло было очень ясно: это было лишь ренегатство,—ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснѣе, безсознательное. Литература тщательно оплевывала въ прошломъ все свѣтлое и хорошее, но оплевывала наивно, сама того не замѣчая, воображая, что поддерживаатъ какіе-то „завѣты“; прежнее чистое знамя въ ея рукахъ давно уже обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала къ ней читателя; съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и безъ вѣры, говорила она что-то, чему никто не вѣрилъ.

Какъ видитъ читатель, герой г. Вересаева подходитъ къ современной литературѣ не съ той стороны, какъ герой г. Горькаго, и однако тоже не находитъ въ ней кипучей жизни и неумолчнаго біенія живой силы. Могутъ возразить, что докторъ Чекановъ (такъ зовутъ героя разсказа г. Вересаева) говоритъ о прошедшемъ времени: его дневникъ относится къ 1892 году, и пишетъ онъ о своемъ настроеніи за три предыдущіе года. Съ тѣхъ поръ, съ конца восьмидесятыхъ годовъ, много воды утекло

и, можетъ быть, народилась новая литература, бодрая, сильная, обильная оригинальными талантами. Молодой беллетристъ, отъ лица котораго ведется разсказъ г. Горькаго, съ этимъ во всякомъ случаѣ не согласился бы. Что же касается доктора Чеканова, то его мысли и настроенія выяснятся намъ послѣ того, какъ мы присмотримся къ самому г. Вересаеву. А пока сдѣлаемъ только одну фактическую поправку. Докторъ Чекановъ правъ, говоря, что съ восьмидесятыхъ годовъ началось въ литературѣ „тщательное оплевываніе въ прошломъ всего свѣтлаго и хорошаго". Но онъ даже до странности ошибается, утверждая, будто оплевывающіе „воображали, что поддерживаютъ какіе-то „завѣты", и будто „заворачиваніе фронта шло вовсе не во имя какихъ либо новыхъ началъ". Говорить такъ—значитъ вычеркивать чрезвычайно яркую и характерную страницу изъ новѣйшей исторіи русской литературы. Какъ разъ наоборотъ: отъ „завѣтовъ" громогласно отрекались, „новыя начала" столь же громогласно провозглашались. Припомните всѣ эти въ разныхъ концахъ литературы раздававшіеся торжественные „отказы отъ наслѣдства", эти задорныя провозглашенія „новыхъ мозговыхъ линій", эти откровенныя заявленія: „идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нами безсильны", эти столь же глупыя и невѣжественныя, какъ и наглыя нападки на „отцовъ" и т. д., и т. д. Все это началось именно тогда, когда, по мнѣнію доктора Чеканова, литература воображала, что она блюдетъ „завѣты", и ни о какихъ „новыхъ началахъ" не думала.

Сдѣлавъ эту чисто фактическую поправку, спросимъ себя,— не эти ли разныя, столь, повидимому, ярко выдвинутыя „новыя начала" породили ту кипучую жизнь и то неумолчное біеніе живой силы, которыя усмотрѣлъ въ современной беллетристикѣ вышеупомянутый критикъ и которыя, впрочемъ, рѣшительно отрицаются совѣстью молодого беллетриста въ разсказѣ г. Горькаго? или,—въ виду этого разногласія,—чѣмъ и какъ вообще отозвались на беллетристикѣ „новыя начала"? Взятая во всей обширности, это тема высоко интересная, но сейчасъ мнѣ некогда, да и охоты нѣтъ читать или перечитывать разныя „первыя ступени новой красоты", разныхъ „Инвалидовъ" и т. п. Ограничимся тѣмъ матеріаломъ, который дается произведеніями г. Вересаева, котораго все равно пришлось бы выдѣлить, какъ писателя искренняго и талантливаго. Кстати же недавно вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ его „Очерковъ и разсказовъ".

Въ книжкѣ г. Вересаева всего семь разсказовъ, изъ которыхъ только одинъ („Безъ дороги") достигаетъ нѣсколько значительныхъ размѣровъ, а есть и такіе („Прекрасная Елена", „Загадка"), въ которыхъ всего по нѣскольку страничекъ. При такомъ багажѣ, вообще говоря, рано выступать съ собраніемъ произведеній. Но у насъ нынче ужъ такъ повелось: напечатаетъ человѣкъ въ журналѣ или газетѣ нѣсколько разсказовъ и тотчасъ же торопится

вторично предложить ихъ читателямъ въ видѣ отдѣльнаго изданія. Однако, что касается собственно г. Вересаева, то можно порадоваться, что ему пришла въ голову эта мысль. Мало того, можно пожалѣть, что онъ не указалъ даты, когда именно, въ которомъ году написанъ каждый изъ разсказовъ, или не расположилъ ихъ, по крайней мѣрѣ, въ хронологическомъ порядкѣ. Конечно, для молодого, еще недавно выступившаго писателя, у котораго, собственно говоря, нѣтъ прошлаго, это было бы нѣсколько претенціозно. Но я надѣюсь показать, что даже на основаніи тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя я имѣю о хронологіи разсказовъ г. Вересаева, можно придти къ небезынтереснымъ выводамъ. А свѣдѣнія мои сводятся вотъ къ чему. Самый значительный—и по размѣрамъ, и по содержанію, и по художественности формы—разсказъ, „Безъ дороги“, былъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ. Но это не первое произведеніе г. Вересаева. Послѣ „Безъ дороги“ у насъ же былъ напечатанъ разсказъ „На мертвой дорогѣ“. Разсказъ (или „эскизъ“, какъ называетъ его авторъ) „Повѣтріе“ написанъ еще позже и, если не ошибаюсь, до отдѣльнаго изданія нигдѣ не былъ напечатанъ. Какъ распредѣлить остальные четыре разсказа,—не знаю...

Молодой врачъ Чекановъ служилъ въ земствѣ и получалъ отъ властей аттестацію „преданнаго своему дѣлу врача“, которая, однако, съ теченіемъ времени замѣнилась иною—„наглаго и неотесаннаго фрондера“, и Чекановъ долженъ былъ, наконецъ, оставить службу. Онъ пріѣхалъ въ деревню къ дядѣ отдохнуть. Пріѣхалъ въ мрачномъ настроеніи, навѣянномъ не только служебной неудачей. Въ качествѣ земскаго врача онъ работалъ много и самоотверженно, онъ „сознательно отказался отъ довольной и обезпеченной жизни“ и „ушелъ туда, гдѣ много горя, много нужды и такъ мало поддержки и помощи“. Однако дѣлалъ онъ свое дѣло „безъ живого огня“, „горько смѣясь въ душѣ надъ самимъ собой“. Въ работѣ онъ видѣлъ свое спасеніе, онъ хотѣлъ „наркотизироваться“ ею, „совершенно забыть себя“. А нужно это ему было потому, что въ немъ происходилъ какой-то мучительный переломъ „міросозерцанія“. Если бы онъ захотѣлъ говорить готовыми, чужими словами, онъ могъ бы сказать: я чувствую, что идеалы отцовъ и дѣдовъ утрачиваютъ свою силу надо мной. Но сказалъ бы онъ это не съ тѣмъ самодовольнымъ видомъ, съ какимъ эта и подобныя ей фразы писались въ литературѣ, а, напротивъ, съ сокрушеніемъ и сердечною болью. Онъ прибавилъ бы: и это мнѣ мучительно больно; во-первыхъ, потому, что я тѣми идеалами жилъ, душу свою въ нихъ клалъ, а не красивыя лишь сочетанія словъ и мыслей въ нихъ видѣлъ; во-вторыхъ, потому, что мнѣ нечѣмъ ихъ замѣнить,—мнѣ жить нечѣмъ. Именно къ такому безотрадному результату пришелъ Чекановъ: „уничтожиться, уничтожиться совершенно—единственное для меня спа-

сеніе". Къ этому надо прибавить, что Чекановъ неизлѣчимо боленъ, у него чахотка. Въ деревнѣ у дяди онъ находитъ тихую пристань: свобода, просторъ, воспоминанія дѣтства, любящіе родственники, смѣшные, но добродушные старики, жизнерадостная, беззаботная молодежь... Но среди этой молодежи есть дѣвушка Наташа, двоюродная сестра Чеканова, нарушающая спокойно веселую гармонію деревенскаго затишья и вмѣстѣ съ тѣмъ душой родственная Чеканову. Ее, какъ и большинство хорошей русской молодежи, тревожатъ вопросы: „что дѣлать?" „какъ жить свято, достойно?" Она разсчитываетъ получить отъ Чеканова отвѣты на эти вопросы, и еще недавно онъ зналъ бы, что отвѣчать; онъ и теперь знаетъ соотвѣтственныя „высокія" слова, но ему стыдно ихъ произносить, потому что въ немъ самомъ надломлена вѣра въ нихъ. Въ разговорахъ Наташи проскальзываютъ слова „долгъ народу", „дѣло", „идея". Чеканову же эти слова „рѣжутъ ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ". Разъ только, прижатый, такъ сказать, къ стѣнѣ Наташей, Чекановъ посовѣтовалъ ей идти въ сельскія учительницы, но онъ „говорилъ это, какъ плохой актеръ говоритъ заученный монологъ". И скоро Чекановъ откровенно признался въ этомъ Наташѣ. Онъ такъ исповѣдался ей:

Ты подозрѣваешь, что я самъ не вѣрю... Не вѣрю? Наташа, голубушка, я вѣрю, всею силою души вѣрю, — это ты ошибаешься. Люби ближняго своего, какъ самого себя,—нѣтъ больше этой заповѣди. Если бы ея не было, мнѣ страшно, что было бы со мной. И ты повѣришь, что я не фразы говорю. Но тебѣ нужно другое. Жить для другихъ, работать для другихъ... Все это слишкомъ обще. Ты хочешь идеи, которая наполнила бы всю жизнь, которая бы захватила тебя цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли; ты хочешь, чтобъ я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: „вотъ тебѣ знамя,—борись и умирай за него"... Я больше тебя читалъ, больше видѣлъ жизнь, но со мною то же, что съ тобой: *я не знаю!*—въ этомъ вся мука.

Вскорѣ послѣ этой исповѣди доносятся вѣсти о холерѣ и холерныхъ безпорядкахъ (напоминаю, что дѣйствіе происходитъ въ 1892 г.). Докторъ Чекановъ вновь поступаетъ на службу и ѣдетъ въ холерныя мѣста, напутствуемый „дѣтски восторженнымъ, любящимъ" взглядомъ и горячимъ поцѣлуемъ Наташи. На холерной практикѣ онъ то поднимается духомъ, то падаетъ; то завоевываетъ, то теряетъ довѣріе простого народа, напуганнаго эпидеміей и дикими слухами о злой роли врачей и больницъ. Дѣло кончается тѣмъ, что напоенная этими слухами и водкой толпа избиваетъ и безъ того неизлечимо больного, слабаго Чеканова. Передъ смертью онъ записываетъ свои обидныя и скорбныя думы. Къ умирающему пріѣзжаетъ Наташа, и послѣднія строки дневника посвящены ей: „Я говорю ей, чтобы она любила людей, любила народъ, что не нужно отчаяваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работы страшно много... И теперь мнѣ не стыдно говорить эти „высокія" слова. Она

жадно слушаетъ и не замѣчаетъ, какъ слезы льются по ея лицу; а я смотрю на нее и тихая радость овладѣваетъ мной; и я думаю о томъ, какая она славная дѣвушка, и какъ много въ жизни хорошаго, и... и какъ хорошо умирать"...

Я счелъ нужнымъ напомнить читателю фабулу значительнѣйшаго изъ разсказовъ г. Вересаева и нѣкоторыя его собственно психологическія детали. Но разсказъ заслуживаетъ вниманія не не только своимъ остовомъ, а и тою художественною плотью-кровью, въ которую авторъ облекъ этотъ остовъ. Форма дневника очень неблагодарна въ художественномъ отношеніи. Если подлинные дневники могутъ представлять высоко интересный матеріалъ, то дневники художественные, отъ которыхъ мы требуемъ не матеріала, а его обработки, большею частію скучны, а дневникъ Чеканова, по самой своей задачѣ, долженъ носить сѣрый, унылый характеръ. Но на этомъ уныломъ фонѣ ярко выдѣляются и трагическіе моменты вродѣ избіенія Чеканова озвѣрѣвшей толпой, и полныя юмора подробности вродѣ, напримѣръ, забавной сценки между двумя братьями-подростками („Очерки и разсказы", стр. 126—127), или фигуры стараго дяди, который занимаетъ собесѣдниковъ сообщеніями о томъ, что „макароны у итальянцевъ любимое блюдо", а „нѣмцы не могутъ обойтись безъ *бира*" и т. п. Къ этому разнообразію струнъ, имѣющихся въ распоряженіи молодого автора, надо еще прибавить чувство художественной мѣры, не дозволяющее звучать этимъ струнамъ слишкомъ сильно или слишкомъ слабо, и искусство литературнаго портретиста: всѣ дѣйствующія лица выступаютъ рельефно, хотя иныя изъ нихъ очерчены всего лишь нѣсколькими штрихами. Правда, г. Вересаевъ не обнаружилъ большой оригинальности: въ разсказѣ то и дѣло проскальзываютъ знакомые мотивы. Такъ, напримѣръ, Чекановъ „чувствуетъ ненависть" къ „лишнимъ людямъ" вродѣ Чулкатурина (и Плошовскаго) и „не можетъ простить нашей чуткой славянской литературѣ, что она благоуханными цвѣтами поэзіи увѣнчала людей, заслуживающихъ лишь сатирическаго бича"; не можетъ быть, однако, сомнѣнія въ томъ, что дневникъ Чеканова во многихъ отношеніяхъ навѣянъ Тургеневскимъ „Дневникомъ лишняго человѣка". Точно также, хотя Чекановъ очень строго относится къ героинѣ „Наканунѣ" и тѣмъ какъ бы подчеркиваетъ свою независимость отъ Тургенева, но его Наташа слишкомъ напоминаетъ если не Елену, то хоть Маріанну въ „Нови". Сцена избіенія Чеканова явно подсказана Толстымъ, найдутся и навѣянныя г. Чеховымъ черточки.

Все это не мѣшало, однако, разсказу „Безъ дороги" быть очень и очень пріятнымъ явленіемъ въ нашей сѣрой и какъ-то растерянной беллетристикѣ. Пріятно оно было не только само по себѣ, а и по тѣмъ надеждамъ, которыя естественно возбуждало въ читателяхъ. Наши младшіе беллетристы вольно или невольно огра-

ничиваютъ свой кругозоръ или далекими окраинами, или какими нибудь спеціальными общественными сферами, или, наконецъ, просто случайно бросившимися въ глаза картинками. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній написаны очень талантливо, но удачныхъ попытокъ нарисовать сколько нибудь широкую картину, захватывающую разные слои русскаго общества и центральные пункты русской жизни, мы со стороны молодыхъ беллетристовъ до „Безъ дороги“ г. Вересаева не видали. Конечно, этому есть и чисто внѣшнія причины. Но, нисколько не умаляя значенія этихъ причинъ, напротивъ, понимая ихъ даже гораздо болѣе широко, чѣмъ въ смыслѣ щекотливости многихъ темъ, я думаю, что нужно принять въ соображеніе не одни непосредственно внѣшнія условія для объясненія указанныхъ фактовъ. Прежде всего приходитъ въ голову просто безсиліе, неурожай талантовъ или, по крайней мѣрѣ, талантовъ, способныхъ охватывать широкіе горизонты. Однако и это уже не такъ просто, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Неурожаи вѣдь могутъ зависѣть отъ разныхъ причинъ...

Какъ бы то ни было, разсказъ г. Вересаева (въ старые годы, въ виду его размѣровъ и значительности содержанія, его называли бы повѣстью), представляя собою нѣчто исключительное въ молодой беллетристикѣ, производилъ отрадное впечатлѣніе не только самъ по себѣ, а и по тѣмъ надеждамъ, которыя онъ возбуждалъ. Не то, чтобы въ лицѣ молодого автора намъ явился новый могучій талантъ вродѣ тѣхъ, которыми справедливо гордится старая русская литература; но можно было ожидать, что г. Вересаевъ, отдѣлавшись отъ нѣкоторой невольной, безсознательной подражательности, окрѣпнетъ и сдѣлаетъ еще болѣе цѣнные вклады въ отечественную литературу. Казалось, у него для этого есть всѣ данныя. Но, увы! эти ожиданія, эти надежды не оправдались...

Слѣдующее произведеніе г. Вересаева—„На мертвой дорогѣ“—было напечатано въ нашемъ же журналѣ. Это небольшой набросокъ съ подзаглавіемъ „Изъ лѣтнихъ встрѣчъ“. Трехъ лицъ встрѣтилъ разсказчикъ на „мертвой“, то есть заброшенной дорогѣ: мужика Михайлу, шахтера Никитина и бабу-богомолку. Всѣ трое очерчены очень живо и талантливо, но читатель, памятующій впечатлѣніе, полученное отъ повѣсти „Безъ дороги“, невольно задаетъ себѣ вопросъ: почему разсказъ лишенъ какого бы то ни было центра, около котораго группировались бы три встрѣтившіеся разсказчику человѣка? почему они стоятъ, такъ сказать, торчкомъ, каждый самъ по себѣ, не связанные какимъ нибудь общимъ дѣйствіемъ, общей концепціей. Разсказчику могла бы встрѣтиться только одна баба-богомолка или одинъ шахтеръ или, напротивъ, одинъ за другимъ еще десять человѣкъ разнаго званія, возраста и пола,—это внесло бы только количественныя измѣне-

нія въ разсказъ. Мужикъ Михайло, шахтеръ Никитинъ и баба-богомолка—только мимоходомъ, отрывочно и слегка набросанные портреты, связанные лишь внѣшнимъ образомъ, обстановкой „мертвой дороги“ и степи. Остановимся, напримѣръ, на фигурѣ шахтера Никитина. Литература до сихъ поръ, можно сказать, совсѣмъ не занималась своеобразнымъ міромъ, представителемъ котораго является Никитинъ. Но мы видѣли на передвижныхъ выставкахъ картины г. Касаткина, и ихъ однихъ достаточно, чтобы оцѣнить случайность выбора г. Вересаева. Съ Никитинымъ разсказчикъ былъ знакомъ еще до встрѣчи на мертвой дорогѣ. А именно онъ видѣлъ его въ одномъ изъ „балагановъ“, то есть рабочихъ казармъ: „Зайдешь въ праздникъ въ балаганъ,—говоритъ онъ,—все пьяно, на нарахъ кипитъ игра въ карты и орлянку, въ воздухѣ только одни скверныя слова и слышны; а Никитинъ молчаливо сидитъ за столомъ, склонясь своимъ худымъ лицомъ надъ какими-то чертежами; вокругъ разложены краски, готовальни, линейки. Заговоришь съ нимъ, онъ отвѣчаетъ вѣжливо, но односложно и сдержанно. Первое время я принималъ его за механика, но потомъ узналъ, что онъ простой шахтеръ“. А затѣмъ, уже на мертвой дорогѣ, оказывается, что Никитинъ — маньякъ, убѣжденный въ томъ, что главная бѣда шахтеровъ состоитъ въ отсутствіи хорошей вентиляціи въ рудникахъ и что печатное разоблаченіе этого обстоятельства вполнѣ поправитъ дѣло. Столь исключительный или столь односторонне освѣщенный представитель того полнаго мрака и ужаса міра, который мы знаемъ по картинамъ г. Касаткина и котораго г. Вересаевъ лишь бѣгло, нѣсколькими строками коснулся со стороны пьянства и сквернословія,—такой, говорю, представитель этого міра, какъ Никитинъ, самъ по себѣ ничего не говоритъ нашему уму и сердцу. Это—занесенный художникомъ въ альбомъ или записную книжку набросокъ, который съ теченіемъ времени можетъ войти въ картину, какъ матеріалъ, подлежащій дальнѣйшей обработкѣ въ связи съ другими и гораздо болѣе важными матеріалами, а можетъ такъ и остаться сырьемъ. Подобныхъ матеріаловъ многое множество въ современной беллетристикѣ. Перечитывая многочисленные „очерки и разсказы“ разныхъ талантливыхъ, посредственныхъ и бездарныхъ авторовъ, вы невольно задаетесь вопросомъ: почему авторъ остановился на такомъ-то именно эпизодѣ или на такой-то фигурѣ и сейчасъ же перескочилъ къ такому-то или такой-то, не имѣющими съ первыми ничего общаго? Если же кто и не задаетъ себѣ этихъ вопросовъ, то только потому, что очень ужъ мы привыкли къ этому воспроизведенію случайно бросавшихся автору въ глаза предметовъ, какъ бы они ни были мало типичны или мало характерны, къ этомъ отрывистому творчеству, въ которомъ, по выраженію одного изъ героевъ г. Чехова, „самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей

идеей или богомъ живого человѣка“. Дѣло, понятно, не въ размѣрахъ и не въ формѣ художественнаго произведенія, а въ обладаніи художникомъ такой точкой зрѣнія, которая давала бы ему возможность различать важное и не важное, типичное и случайное, и концентрировать „разсыпанную храмину“ отрывочныхъ наблюденій. Этого-то и нѣтъ у огромнаго, подавляющаго большинства нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Но г. Вересаевъ поманилъ насъ повѣстью „Безъ дороги“, и куда же теперь дѣвалась обнаруженная имъ сила?

А можетъ быть и никуда не дѣвалась? Изъ того, что послѣ одной, болѣе чѣмъ удачной вещи художникъ написалъ нѣчто незначительное, еще нельзя заключать объ убыли его силы. Приливы и отливы творчества очень капризны, и ни отъ кого нельзя ждать не только неустаннаго подъема, но и одного и того же уровня. Это такъ. Но вотъ послѣднее произведеніе г. Вересаева—„Повѣтріе“, опять сравнительно большого размѣра, которое составляетъ какъ бы продолженіе „Безъ дороги“. И...

Но прежде, чѣмъ говорить о „Повѣтріи“, пересмотримъ другіе очерки и разсказы г. Вересаева въ томъ порядкѣ, въ какомъ они напечатаны въ сборникѣ, такъ какъ порядокъ происхожденія ихъ мнѣ неизвѣстенъ.

„Товарищи“—„уѣздная картинка“. Три акцизныхъ чиновника, врачъ и учитель прогимназіи, бывшіе товарищи по университету и затѣмъ попавшіе на службу въ городъ Слесарскъ, собрались у одного изъ нихъ провести вечеръ. Невеселый выходитъ вечеръ, хотя товарищи и подбадриваютъ себя пѣніемъ, пивомъ, остротами. Хозяинъ еще до прихода гостей раздумывалъ, что вотъ онъ уже два года ведетъ въ Слесарскѣ скучную, однообразную, сѣрую жизнь, состоящую изъ опротивѣвшей службы, безконечныхъ прогулокъ по комнатѣ и выпивокъ. А впереди—ничего. „Не нужно бы яркихъ радостей, разнообразія, счастія; довольно было бы знать, что живешь для чего нибудь, что хоть кому нибудь нужны твое дѣло, твой трудъ“. Такъ скорбитъ хозяинъ. А потомъ, когда пришли гости и когда началось пѣніе, „опять ему вспомнились два послѣдніе года, — бездѣятельные, позорные: сердце спало, мысль довольствовалась готовыми отвѣтами и ни разу не шевельнулась самостоятельно. И дальше то же будетъ. А между тѣмъ онъ учился, думалъ, искалъ... И все это для того, чтобы здѣсь, гдѣ такъ нужны люди, только пьянствовать, сплетничать и жалѣть, что не у кого научиться играть въ карты“. Всѣ присутствующіе не дурные люди, „взгляды у всѣхъ честные, симпатичные“; но обмѣниваться взглядами имъ не приходится, во первыхъ, потому что они у всѣхъ „до мелочей одинаковые“, а во вторыхъ,

потому, что „взгляды“ эти утратили свой живой и животворящій смыслъ и свелись къ одной словесности. И всѣхъ, даже среди кажущагося веселья, грызутъ тѣ же мысли, что и хозяина. А одинъ изъ гостей слѣдующими словами „какъ будто выдавалъ всѣмъ тайну, которую они старательно скрывали другъ отъ друга“: „Въ семьѣ, въ школѣ намъ никогда никто не говорилъ о нашихъ обязанностяхъ. Не воруй, не лги, не обижай другихъ, не, не, не... Вотъ была мораль... Мы думали спокойно прожить съ этой моралью, какъ жили наши отцы. И вдругъ приходитъ книга и обращается къ намъ съ неслыханно-громаднымъ запросомъ: она требуетъ, чтобы вся жизнь была однимъ сплошнымъ подвигомъ. Но гдѣ взять для этого силъ? Книга этихъ силъ дать не могла,— она ихъ предполагала уже существующими... И вотъ результатъ: она только искалѣчила насъ и пустила гулять по свѣту съ „больной совѣстью“...

Разсказъ производитъ тяжелое впечатлѣніе, на которое, конечно, и разсчитанъ. Вамъ жалко этихъ пяти молодыхъ людей, просвѣщенныхъ, хорошихъ, полныхъ силъ и еще недавно жаждавшихъ жизни, но затянутыхъ уѣздной тиной. Оправившись, однако, отъ перваго впечатлѣнія, вы убѣждаетесь, что либо авторъ слишкомъ сгустилъ краски, либо эти пять молодыхъ людей ни мало не достойны сожалѣнія. Бываетъ у насъ такъ, что въ какой нибудь Слесарскъ злая судьба загонитъ одинокаго человѣка, и если онъ, побившись какъ рыба объ ледъ, поставленный въ исключительныя условія, запьетъ и пропадетъ, то, конечно, кромѣ обиды за него и скорби, его нравственная смерть возбудить ничего не можетъ. Но чтобы пять университетскихъ товарищей, вмѣстѣ переживавшихъ лучшія времена, попавши въ Слесарскъ, „гдѣ такъ нужны люди“, нашли для себя въ сплетняхъ и пивопитіи единственное поле общенія... Нѣтъ, какъ хотите, а это не достойные сожалѣнія, а лишь въ презрительномъ смыслѣ слова жалкіе люди. И характеренъ этотъ протестъ противъ прошлаго, которое сами они признаютъ свѣтлымъ: будто бы книга потребовала, чтобы вся жизнь была сплошнымъ подвигомъ, а на дѣлѣ искалѣчила ихъ, наградивъ „больной совѣстью“. Прежде всего, это фактическая неправда: не было такой книги, хотя и были книги, воздававшія или старавшіяся воздать должное подвигу и имѣвшія цѣлью будить совѣсть. И потомъ, что же ужъ ссылаться на подвиги, на дѣла великія, когда эти жалкіе люди и малыхъ-то дѣлъ кругомъ себя не находятъ; когда имъ „не нужно бы яркихъ радостей, разнообразія, счастія, а довольно бы знать, что живешь для чего нибудь, что хоть кому нибудь нужны твое дѣло, твой трудъ“. Почему же тогда въ Слесарскѣ „такъ нужны люди“? Очевидно во всякомъ случаѣ, что изображенные г. Вересаевымъ слесарскіе обыватели лишены того, „что называется общей идеей или богомъ живого человѣка“. То есть „общая идея“

у нихъ, пожалуй, есть—они всѣ хорошія слова знаютъ, но это для нихъ только слова, изъ которыхъ выдохлось содержаніе, и это они тоже знаютъ. Въ этомъ ихъ и бѣда.

„Порывъ"—небольшой и все таки очень растянутый разсказъ объ томъ, какъ мальчикъ-подростокъ, въ „порывѣ" великодушія (или просто молодой удали?), бросился спасать погибающихъ отъ наводненія при прорывѣ мельничной плотины и какъ онъ изъ-за этого поссорился съ отцомъ. Интересъ разсказа сосредоточивается на внутренней борьбѣ, происходящей въ душѣ мальчика: онъ огорчилъ родителей, людей хорошихъ, любящихъ его и имъ любимыхъ; при этомъ мать даже не гнѣвается, а только волнуется мыслью о пережитой сыномъ опасности, отецъ же смотритъ дальше и боится за „порывистость" мальчика вообще; все это мальчикъ понимаетъ и цѣнитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что ничего худого онъ не сдѣлалъ, и даже напротивъ, а потому не только не хочетъ просить у отца прощенія, какъ того требуетъ мать, но питаетъ къ нему злобное чувство, почти ненависть. Эпизодъ кончается благополучно, но душевный разладъ дорого обошелся мальчику. Потомъ онъ вспоминаетъ объ этомъ такъ, между прочимъ: „Если-бы нашелся въ то время кто нибудь, кто сказалъ бы мнѣ:—„Ты ненавидишь своего отца,—ненавидѣть его не за что; онъ тебя любитъ,—плати ему такою же любовью; но не позволяй себя оковать ею, оставь за собой навсегда право чистаго порыва, право беззавѣтнаго отклика на чужія страданія",—если-бы нашелся такой... то онъ сдѣлалъ бы хорошее дѣло".

„Прекрасная Елена". Живетъ въ Петербургѣ молодой, холостой, обезпеченный человѣкъ Воронецкій. Человѣкъ онъ, что называется, образованный, бывшій въ университетѣ. Но его умственные интересы не велики. Такъ, онъ „давно уже собирался познакомиться съ философіей", для чего и купилъ „Исторію новой философіи" Фалькенберга, но дальше четвертой страницы никакъ не могъ пойти и бросилъ Фалькенберга для Мопассана и Армана Сильвестра. У Воронецкаго есть другъ, университетскій товарищъ, Можжеловъ, котораго онъ искренно любитъ, хотя тотъ ему и кажется смѣшнымъ. А смѣшонъ онъ ему тѣмъ, что „остался соссѣмъ такимъ, какимъ былъ студентомъ: попрежнему въ каждомъ извозчикѣ и дворникѣ видитъ „брата", попрежнему горячо разсуждаетъ о предметахъ, въ глазахъ Варонецкаго ничего не стоющихъ. У Можжелова есть жена, молоденькая, хорошенькая, скучающая при разговорахъ мужа барынька. Остроумный и веселый Воронецкій ей гораздо интереснѣе и ближе. Замѣтивъ это, Воронецкій рѣшаетъ воспользоваться тѣмъ, что такъ плохо лежитъ, и, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ маневровъ, назначаетъ барынькѣ въ одиннадцать часовъ вечера свиданіе въ Лѣсномъ паркѣ (дѣло происходитъ лѣтомъ и Можжеловы живутъ на дачѣ

въ Лѣсномъ). Въ ожиданіи назначеннаго часа Воронецкій отправляется въ загородный театрикъ „Амуровы стрѣлы“, гдѣ даютъ „Прекрасную Елену“. Все идетъ, какъ должно идти въ подобныхъ заведеніяхъ, и Воронецкій усиленно подумываетъ о предстоящемъ свиданіи. Но вдругъ его поражаетъ игра Менелая. Этотъ „невѣдомый актеръ убогой сцены“ игралъ такъ, что его ревность вызывала не смѣхъ, какъ слѣдовало по ходу дѣйствія и замыслу композитора, а чуть не слезы. Однако Воронецкій не сразу переварилъ это неожиданное впечатлѣніе и уже собирался ѣхать въ Лѣсной, какъ вдругъ, послѣ нѣкотораго колебанія, перерѣшилъ и повернулъ домой. Онъ ѣхалъ „прикусивъ губу и сдерживая презрительную усмѣшку: онъ самъ себѣ былъ невыразимо смѣшонъ, что не поѣхалъ въ Лѣсной...“

Велика разница между разладомъ въ душѣ маленькаго героя „Порыва“ и разладомъ въ душѣ Воронецкаго. Тому мальчику было одинаково больно, какъ ненавидѣть своего отца, такъ и признать свой „порывъ“ чѣмъ-то дурнымъ. Воронецкому же одинаково легко и завязать интригу съ женой своего любимаго друга, и отказаться отъ этой интриги, потому что не только любви, а и настоящаго увлеченія тутъ нѣтъ,—просто плохо лежитъ, отчего же и не поднять? Однако и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ душевный разладъ, неувѣренность нравственной поступи, если можно такъ выразиться; неувѣренность, отражающуяся въ одномъ случаѣ тяжелыми душевными муками, а въ другомъ—презрительной насмѣшкой надъ самимъ собой. И это отсутствіе полной вѣры въ правильность избраннаго пути или совершеннаго поступка сближаетъ героя „Порыва“ и Воронецкаго съ проживающими въ городѣ Слесарскѣ „товарищами“, которые вѣдь тоже страдаютъ отъ раздвоенности, отъ потери вѣры въ хорошія слова, когда-то полныя смысла для нихъ и воодушевлявшія ихъ, и ничѣмъ не замѣненныя. Припомнимъ, что и докторъ Чекановъ терзается тѣмъ же опустошеніемъ души и гибелью былого символа вѣры безъ замѣны его новымъ...

Мы, кажется, нащупываемъ постепенно ту нить, которою г. Вересаевъ безсознательно руководится, направляя свой художественный аппаратъ на тѣ или другія явленія жизни. Пересмотримъ съ этой точки зрѣнія разсказъ „На мертвой дорогѣ“. Теперь, догадываясь въ чемъ состоитъ хотя бы и безсознательно руководящая нашимъ авторомъ нить, мы найдемъ, можетъ быть, въ этомъ разсказѣ нѣчто, не замѣченное нами при первомъ взглядѣ.

Шахтеръ Никитинъ—человѣкъ нелѣпый, маньякъ; его проекты преобразованія рудничной вентиляціи, по отзывамъ спеціалистовъ, вполнѣ невѣжественны; да и сама занимающая его мысль свидѣтельствуетъ объ его невѣжествѣ и необыкновенной узости, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о благонамѣренности въ хорошемъ смыслѣ этого испачканнаго слова. Тѣмъ не менѣе авторъ разсказываетъ:

„Для Никитина эти планы, въ которые онъ вложилъ столько любви и труда, видимо, дышали жизнью; ему казалось, что достаточно любому взглянуть на нихъ, чтобы сразу получить яркое представленіе о тяжелой судьбѣ шахтера“. Дѣло Никитина нелѣпо и безнадежно, но онъ его таковымъ не считаетъ, онъ вѣритъ въ него, и онъ счастливъ,—счастливъ тѣмъ высшимъ счастьемъ цѣльности и отсутствія внутреннихъ противорѣчій, которое не боится никакихъ лишеній, никакой борьбы.

Баба-богомолка разсказываетъ о томъ, что она видѣла и слышала въ Іерусалимѣ. Напримѣръ такъ: „Золотыя ворота тамъ есть, теперь ихъ турки камнями заклали; въ эти ворота Христосъ въѣзжалъ на ослѣ. Евреи ему стлали по дорогѣ бархаты—шелки, а Онъ говоритъ: „Не поѣду по бархатамъ-шелкамъ, поѣду по вербамъ, что мнѣ дѣти настлали“. Евреи смотрятъ,—„зачѣмъ, говорятъ, Онъ по вербамъ ѣдетъ,—царь что ли?“ Хотѣли дѣтей поразогнать... Только Христосъ имъ этого не дозволилъ, говоритъ: „не препятствуйте имъ! Если, говоритъ, воспрепятствуете, то *аще камни возопіе!...*“ И что же, миленькіе вы мои? Такъ до сего времени всѣ тѣ камушки, разинувши рты, и лежатъ!“ (стр. 22). Баба-богомолка путаетъ евангельскія событія, перевираетъ евангельскія слова и вообще говоритъ вздоръ. Но, говоритъ авторъ,— „она относилась ко всему съ такимъ глубокимъ благоговѣніемъ, что улыбка не шла на умъ. Лицо ея смотрѣло серьезно и какъ-то успокоенно, какъ бываетъ у очень вѣрующихъ людей послѣ причастія. Видимо, изъ своего долгаго путешествія, полнаго тяжелыхъ лишеній, собесѣдница наша несла съ собою въ душѣ нѣчто новое, безконечно для нея дорогое, что всю ея остальную жизнь заполнитъ тепломъ, счастьемъ и миромъ“.

Вотъ проходящіе по „мертвой дорогѣ“ истинно счастливые люди, душевное состояніе которыхъ представляетъ такой рѣзкій контрастъ съ душевнымъ состояніемъ „товарищей“, проживающихъ въ городѣ Слесарскѣ, мальчика „Порыва“, Воронецкаго и доктора Чеканова. И этотъ контрастъ наводитъ на мысль, что вся доселѣшняя литературная дѣятельность г. Вересаева представляетъ собою нѣчто въ родѣ некрасовскаго „Кому на Руси жить хорошо?“—хорошо въ спеціальномъ смыслѣ душевной цѣльности и вѣры въ свое дѣло. Разница, однако,—помимо таланта, разумѣется,—въ томъ, что Некрасовъ, для полученія отвѣтовъ на свой вопросъ, обращается къ типическимъ фигурамъ, вслѣдствіе чего они являются передъ нами во всей своей житейской обстановкѣ. Г.-же Вересаевъ довольствуется попадающимися ему на глаза случайностями. Ужъ, разумѣется, для изображенія счастія, даваемаго слѣпой вѣрой, можно было бы найти фигуры ярче, интереснѣе, новѣе и типичнѣе, чѣмъ шахтеръ Никитинъ или баба-богомолка, которую въ нашей беллетристикѣ трепали безчисленное множество разъ. Она бы могла и теперь занять свое

мѣсто гдѣ нибудь въ углу широкой картины, но предъявлять ее въ одиночку—совершенно не стоющее дѣло. Въ широкой картинѣ могъ бы по праву получить свое мѣсто и Никитинъ, но авторъ вырываетъ его изъ всей его среды и частію отдѣлывается отъ послѣдней нѣсколькими словами о пьянствѣ и сквернословіи шахтеровъ по воскресеньямъ, частію отмахивается отъ нея, какъ отъ назойливой мухи, словами: „Михайло, попыхивая трубкой, неутомимо разсказывалъ мнѣ о безчисленныхъ злоупотребленіяхъ здѣшнихъ углепромышленниковъ, — и роптал, роптал безъ конца...“ Намъ бы вотъ хоть этихъ рѣчей Михайлы послушать, тогда можетъ быть и Никитинъ сталъ для насъ интереснѣе...

Какъ бы то ни было, мы имѣемъ двухъ людей „на мертвой дорогѣ“ и цѣлую коллекцію людей „безъ дороги“,—ибо ясно, что не одинъ докторъ Чекановъ годится въ герои повѣсти подъ этимъ заглавіемъ, а и „товарищи“, и мальчикъ „Порыва“, и Воронецкій, каждый въ своемъ родѣ. Но не могутъ же этимъ кончиться наши съ г. Вересаевымъ поиски счастливаго увѣренностью въ правотѣ своего дѣла человѣка. Напримѣръ, хоть бы тотъ же мальчикъ „Порыва“, котораго въ свое время удовлетворилъ бы, по его собственному признанію, довольно элементарный моральный рецептъ, съ теченіемъ времени, можетъ быть, и сталъ на настоящую дорогу. Или Наташа „Безъ дороги“, въ которой Чекановъ высоко цѣнилъ именно жажду твердой, увѣренной нравственной поступи...

Да, Наташа нашла дорогу. Къ этому событію насъ подготовляетъ маленькая, старательной ювелирной работы и символическаго характера вещица подъ заглавіемъ „Загадка“. Трудно разсказать содержаніе этой вещицы, и я не стану пытаться преодолѣвать эту трудность. Перейдемъ прямо къ тому, что она подготовляетъ, къ прозрѣнію Наташи, объ чемъ разсказывается въ „Повѣтріи“, послѣднемъ произведеніи г. Вересаева *).

Съ художественной стороны это очень слабое произведеніе. Здѣсь и въ поминѣ нѣтъ той многострунности, того разнообразія мило-юмористическихъ и глубоко-трагическихъ нотъ, которыя мы слышали въ „Безъ дороги“. Нѣтъ и того широкаго захвата жизненныхъ явленій, скажу больше: жизни нѣтъ. Авторъ сосредоточиваетъ вниманіе читателя на монологахъ и діалогахъ, на словесномъ поединкѣ „народника“ Киселева (при секундантѣ Троицкомъ) и „марксиста“ Даева (при секунданткѣ Наташѣ). Да проститъ мнѣ г. Вересаевъ, но всѣ подобные словесные поединки въ беллетристической формѣ—ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Въ столь обнаженномъ видѣ они слишкомъ безжизненны, чтобы

*) Съ тѣхъ поръ г. Вересаевъ напечаталъ въ журналѣ „Жизнь“ начало повѣсти „Конецъ Андрея Ивановича“.

быть истинно художественнымъ произведеніемъ, и слишкомъ произвольны въ подробностяхъ, чтобы быть поучительными въ научномъ или публицистическомъ смыслѣ. И еще разъ прошу прощенія у г. Вересаева, если припомню по этому случаю „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева. Не для униженія молодого автора хочется мнѣ сопоставить его „эскизъ“ съ такимъ крупнымъ произведеніемъ, а для сравленія пріемовъ—сравненія, на которое наводитъ самая тема „Повѣтрія“,—вѣдь и въ немъ отцы „народники“ расходятся съ дѣтьми „марксистами“. Есть и въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ Тургенева словесные поединки, но они составляютъ только словесное отраженіе очень сложныхъ житейскихъ отношеній и явленій. Павелъ Кирсановъ (при секундантѣ Николаѣ Кирсановѣ) и Базаровъ (при секундантѣ Аркадіи) препираются не одинъ разъ, но возьмемъ, напримѣръ, Базарова: онъ на глазахъ читателя не только въ принципіальныхъ разговорахъ упражняется, а и врачебной практикой занимается, и лягушекъ рѣжетъ, и становится въ извѣстныя отношенія къ женщинѣ, и на настоящей дуэли дерется; мы узнаемъ, что онъ, при всей своей самоувѣренности, часто бываетъ глубоко недоволенъ собой; что онъ умѣетъ возбуждать къ себѣ довѣріе въ простомъ народѣ, хотя вовсе не заискиваетъ передъ нимъ, не подлаживается къ нему и т. д., и т. д. Всѣ эти, мелкія и крупныя, черты создаютъ живую почву, изъ которой естественно выростаютъ цвѣты разговоровъ, а у г. Вересаева это цвѣты срѣзанные, лишенные корней и потому не оправданные художественно. Не оправданы и надежды, возлагавшіяся на автора „Безъ дороги“...

Конечно, это не окончательное рѣшеніе: слишкомъ еще мало опредѣлился г. Вересаевъ, чтобы кто нибудь могъ взять на себя смѣлость предрекать ему будущее, да и какъ ни слабо „Повѣтріе“, оно все таки выше многихъ изъ безчисленныхъ „очерковъ и разсказовъ“, предлагаемыхъ современному русскому читателю. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ отъ „Безъ дороги“ черезъ „Мертвую дорогу“ къ „Повѣтрію“ явственную наклонную плоскость.

Если словесный поединокъ, составляющій центръ тяжести „Повѣтрія“ не дорогого стоитъ въ художественномъ отношеніи, въ отношеніи формы, то тѣмъ паче не можетъ онъ удовлетворить кого нибудь своимъ содержаніемъ. Киселевъ, Троицкій, Даевъ, Наташа горячо спорятъ о рынкахъ, артеляхъ, общинѣ, переселеніяхъ. Но кто хочетъ познакомиться со взглядами обѣихъ спорящихъ сторонъ на эти вещи, тотъ, конечно, не къ разсказу г. Вересаева обратится. Единственное, что можно сказать въ пользу этихъ діалоговъ, это то, что они не для того намъ и предъявляются, чтобы исчерпать образъ мыслей обѣихъ сторонъ по тому или другому частному вопросу. Они только иллюстрируютъ характеръ и значительность разницы воззрѣній: „Споръ тянулся долго,—замѣчаетъ авторъ,—горячій, но утомительно безплодный,

потому что спорящіе стояли на слишкомъ различныхъ точкахъ зрѣнія". Дѣло, однако, въ томъ, что и эта общая характеристика спора теряетъ всякое значеніе въ виду разницы положенія спорящихъ. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ „въ экономическихъ вопросахъ былъ очень не силенъ и только помнилъ что-то о рынкахъ, отсутствіе которыхъ дѣлаетъ развитіе русскаго капитализма невозможнымъ; противники же его, видимо, именно экономическими-то вопросами преимущественно и интересовались и засыпали его доказательствами". А другой собесѣдникъ „больше забавлялся" споромъ. Но если первый такъ плохо вооруженъ, а второй такъ много „забавляется", то можетъ быть отъ этихъ именно случайныхъ обстоятельствъ и зависитъ безплодность спора, и во всякомъ случаѣ не однимъ „слишкомъ большимъ различіемъ точекъ зрѣнія" объясняется эта безплодность.

Все это избавляетъ насъ отъ надобности внимательно прислушиваться къ спору. Мы возьмемъ изъ него только кое что, характерное для настроенія Наташи.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Наташу въ „Безъ дороги" у постели умирающаго Чеканова, съ ней произошло много событій. Сосѣдъ по имѣнію, Троицкій, видѣлъ ее два мѣсяца спустя послѣ трагической смерти Чеканова. „Измѣнилась она страшно: глаза ея горѣли глубокимъ, сосредоточеннымъ огнемъ, всѣми помыслами, всѣмъ существомъ она какъ бы ушла въ одно желаніе,—желаніе страданія и жертвы.—Въ то время Наташа часто бывала у Сергѣя Андреевича (Троицкаго) и настойчиво распрашивала его, что теперь всего нужнѣе дѣлать, на что отдать свои силы". Читатель помнитъ, что съ этими вопросами она обращалась и къ Чеканову, и какъ тотъ не умѣлъ на нихъ отвѣтить, такъ не умѣлъ и Троицкій. Оба отвѣчали: „не знаю" (мимоходомъ сказать, совершенно такъ же, какъ въ „Скучной исторіи" г. Чехова Николай Степановичъ отвѣчаетъ на тѣ же вопросы своей воспитанницы). Потомъ Наташа была сестрой милосердія, жила въ Швейцаріи, жила въ Петербургѣ и вотъ теперь опять, черезъ четыре года, пріѣхала въ деревню. Когда Троицкій увидѣлъ Наташу, „у него сердце сжалось отъ жалости; видимо, за эти четыре года ей пришлось пережить не мало: она сильно похудѣла и поблѣднѣла, выглядѣла нервной; но за то отъ нея такъ и повѣяло на Сергѣя Андреевича бодростью, энергіей и счастьемъ. Онъ съ горячимъ интересомъ слушалъ торопливые, оживленные разсказы Наташи, наблюдалъ и думалъ: „она нашла дорогу и вѣритъ въ жизнь."

Такимъ образомъ отъ вѣрующихъ „на мертвой дорогѣ",—шахтера Никитина и бабы-богомолки,—черезъ рядъ скептиковъ, колеблющихся и не знающихъ дороги,—„товарищей", мальчика „Порыва", Воронецкаго, доктора Чеканова,—г. Вересаевъ приводитъ насъ опять къ такимъ людямъ, которымъ „живется весело,

вольготно на Руси". Не въ смыслѣ личнаго благополучія весело и вольготно, а въ смыслѣ душевнаго спокойствія, отсутствія колебаній и сомнѣній: они вѣрятъ въ жизнь и знаютъ дорогу, по которой имъ слѣдуетъ идти въ жизни. Таковы въ „Повѣтріи" не только Наташа и ея единомышленникъ и, кажется, учитель Даевъ, а и ихъ противникъ Киселевъ, „всѣмъ своимъ видомъ сильно напоминающій ярославца-цѣловальника, но только практическую сметку свою онъ употреблялъ не на „объегориваніе" и спаиваніе мужиковъ, а на дѣло широкой помощи имъ". Этотъ тоже вѣритъ въ свое дѣло, доставляющее ему „нравственное удовлетвореніе" и „хорошее счастіе". Но Наташу это счастіе удовлетворить не можетъ. И именно вотъ почему. Даевъ въ отсутствіи Наташи, высказалъ мысль, что „переселенія вещь нежелательная, ихъ незачѣмъ поощрять, потому что въ такомъ случаѣ у насъ мало останется безземельныхъ работниковъ". Киселевъ лукаво сообщаетъ эту мысль Наташѣ, не указывая источника.—„Ну, это вы слышали отъ какого нибудь молодца съ Страстного бульвара!—съ улыбкою сказала Наташа". По ея мнѣнію, „переселенія прямо желательны, потому что они повысятъ благосостояніе и переселенцевъ, и остающихся; а это поведетъ къ расширенію внутренняго рынка". Наташу сводятъ на очную ставку съ Даевымъ, и тотъ, признавъ фактъ, фактъ „разногласія, конечно, существеннаго", оканчиваетъ такъ: „Общее у насъ съ Натальей Александровной во всякомъ случаѣ вотъ что: дорога къ лучшему будущему лежитъ у насъ черезъ капитализмъ, разовьется онъ у насъ неизбѣжно, и никакія артели, общины и переселенія его не предотвратятъ; по моему, чѣмъ скорѣе онъ разовьется, тѣмъ для производителя лучше; Наталья Александровна думаетъ, что переселенія могутъ нѣсколько смягчить процессъ,—только. И, конечно, лишь полнѣйшая невозможность болѣе полезной работы могла бы заставить ее посвятить свои силы дѣлу переселеній или артелей".

Какъ это Наташа могла бы „посвятить свои силы дѣлу переселеній",—я не понимаю, но обратите вниманіе вотъ на что: Наташа не посвящаетъ своихъ силъ этому дѣлу не потому, что оно не ясно, не потому, что относительно его есть „существенныя разногласія", а потому, что оно для нея мелко, она желаетъ „болѣе полезной работы". Съ этой точки зрѣнія любопытны нѣкоторыя разсужденія Даева. Устройство артелей, такъ занимающее Киселева, Даевъ считаетъ „очень хорошимъ, добрымъ дѣломъ". Кромѣ того, онъ доказываетъ, что артели не только не помѣшаютъ развитію капитализма, черезъ который у насъ, какъ мы видѣли, „лежитъ дорога къ лучшему будущему", а неизбѣжно сами превратятся въ капиталистическія предпріятія. Казалось-бы, поэтому, отчего бы Даеву и не разрѣшить Наташѣ „посвятить свои силы дѣлу артелей"?—и дѣло доброе, и историческіе ре-

зультаты надлежащіе. Но нѣтъ, на замѣчаніе Киселева, что мало жить умомъ, нужно и сердцемъ жить, Даевъ возражаетъ: „Но вѣдь сердечность и въ томъ, чтобы, скажемъ, накормить нищаго, ухаживать за больнымъ человѣкомъ? Если я устрою ночлежный домъ или богадѣльню, это вѣдь тоже будетъ очень хорошимъ, сердечнымъ дѣломъ, не такъ ли?... Все это важно. Филантропія— вещь необходимая, потому что на землѣ слишкомъ много горя. Но *причинъ* этого горя филантропія по самому своему существу не можетъ уничтожить... Очень возможно, что ваши артели поднимутъ благосостояніе артельщиковъ, улучшатъ на нѣкоторое время ихъ положеніе,—противъ этого никто не станетъ спорить. Но вы при этомъ поможете *только даннымъ лицамъ*, вслѣдствіе вашей помощи *имъ* станетъ хорошо, и больше никому. А это и есть то, что называется филантропіей“.

При такомъ широкомъ пониманіи филантропіи и при нежеланіи ею заниматься, Наташѣ очень трудно найти достойное ея дѣло. Говорю объ Наташѣ, а не объ Даевѣ, потому что его мы знаемъ только какъ говорильщика, а съ Наташей познакомились еще въ „Безъ дороги“. Знаемъ, что она учила деревенскихъ ребятишекъ и дѣвокъ, читала имъ, сама училась, готовилась поступить на медицинскіе курсы и проч. Знаемъ высокое объ ней мнѣніе покойнаго Чеканова. Помните, онъ ей говорилъ: „Люби ближняго своего, какъ самого себя,—нѣтъ больше этой заповѣди... Но тебѣ нужно другое. Жить для другихъ, работать для другихъ... Все это слишкомъ обще. Ты хочешь идеи, которая наполнила бы всю жизнь, которая захватила бы тебя цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли; ты хочешь, чтобъ я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: „Вотъ тебѣ знамя,—борись и умирай за него“... И вотъ почему Чекановъ предложилъ было Наташѣ роль сельской учительницы, но тогда же чувствовалъ, а потомъ и ей сказалъ, что это слишкомъ мелкая для нея дѣятельность. И въ самомъ дѣлѣ: сельская учительница (какъ, впрочемъ, и всякая другая учительница и всякій другой учитель въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) „поможетъ *только даннымъ лицамъ*“, а это „филантропія“, недостойная исключительной натуры Наташи. „Товарищамъ“ „довольно было бы знать, что живешь для чего нибудь, что хоть кому нибудь нужны твое дѣло, твой трудъ“; мальчика „Порыва“ утихомирило бы „право беззавѣтнаго отклика на чужія страданія“; разочарованный Чекановъ всетаки живетъ заповѣдью „люби ближняго своего, какъ самого себя“. Но Наташѣ не то нужно, не на томъ она бы успокоилась...

Можно пожалѣть, что г. Вересаевъ въ своихъ поискахъ людей, „нашедшихъ дорогу и вѣрящихъ въ жизнь“, ограничился шахтеромъ Никитинымъ, бабой-богомолкой, артельщикомъ Киселевымъ, да Наташей съ Даевымъ. Людей съ твердой нравственною поступью совсѣмъ не такъ мало. Оставимъ въ сторонѣ тѣхъ,

кто „безъ борьбы, безъ думы роковой“ живетъ въ свое удовольствіе и твердо увѣренъ въ своемъ правѣ растолкать всѣхъ направо и налѣво, чтобы добраться до жирнаго куска; и тѣхъ, кто, какъ ломовая лошадь, везетъ свой жизненный возъ, исполняя свой долгъ воспитанія дѣтей, и т. п. Но вотъ, напримѣръ, ученый, астрономъ или химикъ, твердо увѣренный въ великомъ значеніи своего дѣла; адвокатъ, искренно вѣрующій въ святость своей миссіи; земскій дѣятель, убѣжденный въ своемъ дѣлѣ; писатель, не имѣющій никакихъ сомнѣній въ томъ, что онъ дѣлаетъ настоящее благое дѣло, распространяя правильные взгляды, напримѣръ, на отношенія къ инородцамъ (каковы бы эти взгляды ни были, положительные или отрицательные, лишь бы онъ въ нихъ искренно вѣрилъ) и т. д., и т. д. Было бы интересно, если бы г. Вересаевъ ввелъ подобную, по возможности пеструю компанію въ то помѣщеніе, гдѣ происходитъ словесный поединокъ между Киселевымъ при секундантѣ Троицкомъ и Даевымъ при секунданткѣ Наташѣ. Можетъ быть отъ этого произошло бы еще большее смѣшеніе языковъ. Но, во первыхъ, это немножко освѣжило бы атмосферу: химикъ разсказалъ бы, напримѣръ, о предсказаніи Крукса, что меньше, чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ человѣчеству предстоитъ вымереть съ голоду, если не выручитъ химія; адвокатъ сообщилъ бы что нибудь и для насъ интересное о дѣлѣ Дрейфуса; писатели поспорили бы насчетъ историческихъ задачъ Россіи по отношенію къ окраинамъ и проч. А то что же все артели, да артели, да еще обсуждаемыя людьми малосвѣдующими! Во вторыхъ, нѣкоторые изъ пунктовъ и того спора, который изобразилъ намъ г. Вересаевъ, получили бы, можетъ быть, новое и не безынтересное освѣщеніе. Вотъ, напримѣръ, Наташа говоритъ: „Вѣдь выдвигаетъ же жизнь какія нибудь историческія задачи? Во что же вѣрить, какимъ путемъ идти? Что нужно дѣлать?“ Самой Наташи и Даева мнѣнія на этотъ счетъ мы отчасти слышали. „Отчасти“, потому что слышали только, какимъ путемъ идетъ Россія, а „что дѣлать“ еще пока не знаемъ. Но вотъ, представимъ себѣ, одинъ изъ собесѣдниковъ, не предвидѣнныхъ г. Вересаевымъ, начинаетъ доказывать, что хотя путь капитализма дѣйствительно неизбѣженъ, но рядомъ съ этимъ или даже прежде всего существуетъ другая „историческая задача“: обрусѣніе окраинъ и завоеваніе Индіи. Съ нимъ не соглашаются, спорятъ. Между прочимъ, химикъ сердито замѣчаетъ, что если черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ всему человѣчеству грозитъ голодная смерть, которая смететъ всякія артели и всякій капитализмъ, всякія обрусѣнія и завоеванія, такъ единственная историческая задача состоитъ въ предотвращеніи этого всемірнаго голода.—Вмѣшивается Троицкій, притомъ именно тѣми словами, которыя въ „Повѣтріи“ приведены. Г. Вересаевъ разсказываетъ: „Волнуясь и раздражаясь, онъ (Троицкій) сталъ доказывать, что жизнь предъявляетъ много

разнообразныхъ запросовъ, и удовлетвореніе всѣхъ ихъ одинаково необходимо, а что будущее само уже должно рѣшить, „историческая“ ли была данная задача или нѣтъ; что нельзя гоняться за какими-то отвлеченными историческими задачами, когда кругомъ такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ“.— Наташа презрительно возражаетъ (опять таки подлинно какъ въ „Повѣтріи“): „Ну, да, то же самое я слышала отъ васъ и четыре года назадъ—„не знаю“, и поэтому всякое дѣло одинаково хорошо и важно“.—Троицкій умолкаетъ, но къ Наташѣ обращается еще одинъ непредвидѣнный г. Вересаевымъ собесѣдникъ и говоритъ: „Мнѣ кажется, Наталья Александровна, что вы вывели изъ словъ г. Троицкаго неправильное заключеніе. Едва ли онъ хотѣлъ сказать, что *всякое* дѣло одинаково хорошо и важно; онъ, безъ сомнѣнія, понимаетъ, что есть дѣла важныя и не важныя, хорошія и дрянныя. А кромѣ того, въ его репликѣ есть одна интересная мысль: не всегда, конечно, но бываетъ, что изъ простой „филантропіи“, какъ сказалъ бы г. Даевъ, разростается настоящая историческая задача. Да вотъ вамъ примѣръ: Эмиль Зола совершилъ своимъ знаменитымъ письмомъ по дѣлу Дрейфуса „филантропическій“ актъ. „Историческую задачу“ Франціи въ это время разные люди понимали разно: кто основывалъ ее на „банкротствѣ науки“, кто видѣлъ ее въ возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи, въ возстановленіи французской гегемоніи въ Европѣ, въ извѣстной колоніальной политикѣ, въ борьбѣ съ капитализмомъ и т. д. Зола же, внѣ всѣхъ этихъ историческихъ задачъ, просто движимый негодованіемъ, вступился за какое-то тамъ несправедливо осужденное „данное лицо“, какъ говоритъ г. Даевъ. И посмотрите, однако, какая историческая волна поднялась изъ этой филантропіи. Насколько я успѣлъ познакомиться съ вашимъ образомъ мыслей, вы скажете, можетъ быть, что никакой Зола и вообще никто, будь онъ хоть семи пядей во лбу, исторіи не дѣлаетъ, а дѣлаетъ ее самъ неизбѣжный историческій процессъ. Не стану спорить, потому что это и къ дѣлу не идетъ. Равнымъ образомъ не отрицаю я и „историческихъ задачъ“. Я хочу сказать только то, что говорю“. И т. д., и т. д.

Я могъ бы еще продолжить эту гипотетическую бесѣду и, слѣдовательно, перечень тѣхъ житейскихъ явленій, тѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ и тѣхъ точекъ зрѣнія, которые точно и не существуютъ для словесныхъ дуэлистовъ г. Вересаева. Несомнѣнно, однако, что г. Вересаевъ вѣренъ дѣйствительности, загоняя собесѣдниковъ въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода, хотя бы уже потому, что они „говорятъ на разныхъ языкахъ и никогда не столкуются“,—какъ рѣшаетъ Даевъ. Въ разныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества навѣрное и сейчасъ происходятъ подобные горячіе споры; но отечество наше столь обширно и жизнь его столь многосложна, что какъ бы ни

было велико число этихъ уголковъ и число спорящихъ,—*эта* дѣйствительность всетаки окажется сама маленькимъ уголкомъ огромной и сложной дѣйствительности. Г. Вересаевъ вѣренъ дѣйствительности, но былъ бы ей еще вѣрнѣе, если бы устроилъ свою дуэль въ засѣданіи какого нибудь „спеціальнаго экономическаго общества или какой нибудь коммиссіи, учрежденной для разработки вопроса объ артеляхъ, или въ какой нибудь частной петербургской квартирѣ. А въ деревнѣ, притомъ въ такой, гдѣ вопросъ объ артеляхъ не имѣетъ живого практическаго значенія (Киселевъ человѣкъ проѣзжій и устраиваетъ артели въ совсѣмъ другой мѣстности), немножко странно полное отсутствіе въ разговорахъ того, что деревню сейчасъ и непосредственно интересуетъ: тутъ и урожай или не урожай, и земскія дѣла, и земскій начальникъ, и школьное дѣло, и кулакъ-ростовщикъ, и кабакъ, и высѣченный мужикъ, и вообще обида, нанесенная такому-то или такимъ-то, и удача такого-то; словомъ, множество какъ будто и мелочей, изъ которыхъ, однако, слагается жизнь, „дѣйствительность“. А дуэль г. Вересаева гдѣ-то на облакахъ надъ этой дѣйствительностью происходитъ.

Говорю все это по адресу г. Вересаева, какъ художника. Киселевъ, какъ проѣзжій человѣкъ, иностранецъ въ нѣкоторомъ родѣ, и маньякъ артельнаго вопроса, съ своей точки зрѣнія правъ, не видя ничего, въ данную минуту его окружающаго. Права съ своей точки зрѣнія и Наташа, которая, найдя ключъ отъ всѣхъ ключей, отдавшись не „филантропическому“ какому нибудь дѣлу, не помощи только какимъ нибудь „даннымъ лицамъ“, а *самой* полезной работѣ, „дающей наиболѣе существенные результаты“, указываемой „историческою задачею“,—естественно съ презрѣніемъ относится къ разнымъ мелочамъ...

А любопытно знать, какъ бы отнесся теперь къ Наташѣ покойный Чекановъ. Я уже говорилъ, что ведя, въ сущности, своего рода „дневникъ лишняго человѣка“, Чекановъ очень бранитъ Тургеневскаго „лишняго человѣка“ Чулкатурина (и Плошовскаго Сенкевича) и сурово отзывается о героинѣ „Наканунѣ“. Это, по его мнѣнію, „разновидность типа очень стараго: неопредѣленныя порыванія въ даль, игнорированіе окружающаго, исканіе чего-то эффектнаго, яркаго, необычнаго“. Дѣло свое Елена находитъ не непосредственно, а черезъ любовь къ Инсарову. А „неужели дѣйствительно все дѣло женщины заключается въ томъ, чтобы отыскивать достойнаго ея любви мужчину-дѣятеля? Гдѣ же прямая потребность настоящаго дѣла“? Чекановъ и далѣе развиваетъ эту тему, и Наташа слушаетъ его со „страстнымъ вниманіемъ“, она не спускаетъ съ Чеканова „радостно-недоумѣвающаго взгляда“. Она—не Елена. Правда, „неопредѣленныя порыванія въ даль“ не чужды и ей (по крайней мѣрѣ, въ „Безъ дороги“), равно какъ и „исканіе чего-то эффектнаго, яркаго, необычнаго“. Но и въ

„Безъ дороги“, и въ „Повѣтріи“ авторъ держитъ ее въ сторонѣ отъ волненій любви, и „дорогу“ свою она находитъ независимо отъ „мужчины-дѣятеля“, самостоятельно. Такъ-ли, однако, самостоятельно, какъ это кажется? Не говоря о ея требованіяхъ указать ей дорогу, обращенныхъ сначала къ Чеканову, потомъ къ Троицкому, она и сейчасъ находится въ полной зависимости отъ Даева. Хотя она и довольно бойко комбинируетъ слова „рынокъ“, „покупательная сила“, „условія производства“, но, напримѣръ, однажды, прежде чѣмъ выразить свое мнѣніе, она „быстро и внимательно взглянула на Даева“; въ другой разъ, высказавъ свое мнѣніе (о переселеніяхъ), которое оказалось противнымъ мнѣнію Даева, она „вспыхнула и въ замѣшательствѣ наклонилась надъ чашкой“. Въ этой ея зависимости отъ Даева не видно той спеціальной нити, которая привязала Елену къ дѣлу Инсарова, но ни изъ чего такъ же не видно, чтобы Наташа нашла свою „дорогу“ путемъ самостоятельныхъ наблюденій и выводовъ и непосредственнаго общенія съ жизнью. А это всегда опасно. Какъ бы впослѣдствіи Наташа не уподобилась тѣмъ, „товарищамъ“, проживающимъ въ городѣ Слесарскѣ, которые жалуются на „книгу“: „потребовала, чтобы вся жизнь была однимъ сплошнымъ подвигомъ; но гдѣ взять для этого силъ? И вотъ результатъ: она только искалѣчила насъ“. Для Наташи этотъ печальный результатъ тѣмъ вѣроятнѣе, что она, можно сказать, суется въ воду, не спросясь броду. Она ищетъ не такой задачи, которая бы была ей подъ силу, а просто *самой* важной, *самой* полезной, для которой она, можетъ быть, вѣдь и не годится...

Мнѣ остается слишкомъ мало времени и мѣста, чтобы въ этой же бесѣдѣ изложить всѣ тѣ факты и мысли, которыя вызываются „очерками и разсказами“ г. Вересаева.

Ник. Михайловскій.

ПОЛИТИКА.

1898 годъ.

Общая характеристика политической исторіи отчетнаго года. — Мощное развитіе англо-саксонской націи и совершенное измѣненіе ея международнаго положенія. — Послѣдствія испано-американской войны. — Новый фазисъ политической исторіи міра.—Франція въ 1898 году. — Германія.— Прочія націи Европы.

I.

Крупными событіями ознаменовалъ себя истекшій 1898 годъ. Такими крупными, что съ Берлинскаго конгресса и окончательнаго утвержденія республики во Франціи такого другого политическаго года не переживалъ земной міръ. Для этого стоитъ только сравнить политическое положеніе міра и отдѣльныхъ его націй въ началѣ 1898 года съ этимъ положеніемъ въ настоящее время, въ началѣ 1899 года.

Тогда только что (осенью 1897 г.) былъ окончательно провозглашенъ франко-русскій союзъ и это провозглашеніе далеко кругомъ взволновало историческое теченіе. Кругами этого расходящагося волненія былъ полонъ политическій міръ. Эта франко-русская комбинація, казалось, стала господствующею мелодіей европейскаго и даже всемірнаго концерта. Политическому преобладанію Германіи была поставлена точка и, какъ не разъ прежде, центръ политическаго вліянія перемѣщался на берега Сены или на берега Невы. Куда же больше, конечно? Что осталось теперь отъ этой періодически обычной въ Европѣ эволюціи? Центръ политической исторіи теперь не въ Берлинѣ, правда, и не въ Вѣнѣ, но и не въ Парижѣ, и не въ Петербургѣ... Онъ въ рукахъ англосаксовъ! Это совершенно новая комбинація, до сихъ поръ исторіей не предвидѣнная. Къ этому знаменательному перемѣщенію центра политической жизни на нашей планетѣ мы позже вернемся для болѣе обстоятельнаго анализа исторіи этого событія. Здѣсь же мы его отмѣчаемъ, какъ такой фактъ, который, по своему могущественному значенію, и самъ по себѣ былъ бы вполнѣ достаточенъ, чтобы годъ, его увидѣвшій, сталъ историческимъ годомъ, памятнымъ и вліятельнымъ на многіе послѣдующіе годы. Англосаксонская гегемонія еще не установилась окончательно. Она еще въ процессѣ эволюціи и разныя важныя обстоятельства могутъ ее отсрочить или даже отмѣнить. Но другія еще болѣе важныя и сильныя обстоятельства служатъ ея утвержденію и развитію. Во всякомъ случаѣ, вторая половина 1898 года была свидѣтельни-

цею этой англо-саксонской гегемоніи и главнѣйшей задачей начинающагося 1899 года будетъ утвердить или отсрочить или отмѣнить это первостепенное событіе, одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій политической эволюціи XIX вѣка.

Это возвышеніе британской націи (или, если хотите, британскихъ націй) совпало съ нѣкоторыми важными колебаніями въ распредѣленіи политическихъ силъ и на европейскомъ континентѣ. Въ концѣ 1897 года монархи тройственнаго союза почувствовали потребность цѣлымъ рядомъ манифестацій засвидѣтельствовать передъ человѣчествомъ о незыблемости этой комбинаціи, созданной германскимъ шовинизмомъ временъ Бисмарка и уже отжившей свой срокъ. Явное сближеніе Австріи съ Россіей и такое же сближеніе Италіи съ Франціей, обнаружившіяся въ 1898 году, не обнаружили-ли это разложеніе тройственнаго союза, который, однако, былъ главною причиною союза франко-русскаго? Не натурально-ли поэтому и ослабленіе этого послѣдняго? То и другое наблюдалъ истекшій 1898 годъ. Онъ настолько перемѣшалъ карты и перепуталъ роли, что и въ этомъ отношеніи завѣщалъ 1899 году не легкую и не маловажную задачу: или укрѣпить и возстановить тѣ двѣ политическія комбинаціи, которыя господствовали надъ европейскимъ міромъ въ періодъ 1894—1897 годовъ, или же, окончательно ихъ отмѣнивъ, установить новую группировку великихъ державъ. Отчетный годъ подготовилъ эту перегруппировку и для этого существуетъ не мало важныхъ и сильныхъ обстоятельствъ. Не менѣе важныхъ и сильныхъ обстоятельствъ существуетъ и противъ перегруппировки, задуманной 1898 годомъ. Одна постановка на очередь этого вопроса отмѣтила бы истекшій годъ, какъ годъ важной политической эволюціи, какъ годъ, по справедливости, историческій.

Перемѣщеніе гегемоніи и перегруппировка великихъ державъ, два первоклассныхъ вопроса, поставленныхъ на очередь въ 1898 году, суть вопросы борьбы и раздора. Истекшій годъ, однако, не бѣденъ событіями и другого значенія. Оффиціально поставленный вопросъ о постоянномъ мирѣ и разоруженіи народовъ долженъ быть упомянутъ въ первомъ ряду. Долго и, казалось, безнадежно болѣло человѣчество милитаризмомъ, дичая и разоряясь подъ его бременемъ. Больно оно милитаризмомъ и въ настоящее время, но какъ будто не совсѣмъ безнадежно. Правительства, еще переполненныя духомъ милитаризма и вражды, соберутся, однако, на мирную конференцію и будутъ обсуждать вопросъ о постоянномъ мирѣ, разоруженіи, третейскомъ судѣ и проч. Весьма возможно, что на первыхъ порахъ ничего практически существеннаго изъ этого не выйдетъ, но народы узнаютъ, что мѣшаетъ постоянному миру, и этого одного достаточно, чтобы поставленный на очередь вопросъ о мирѣ и разоруженіи считать однимъ изъ крупнѣйшихъ событій конца XIX. вѣка. И это событіе видѣлъ 1898 годъ; и его

онъ завѣщалъ новому году, которому и здѣсь предстоитъ трудная и сложная задача.

Освбожденіе Крита изъ подъ владычества турецкой орды составляетъ второе культурное дѣло 1898 года. И само по себѣ это освобожденіе послѣ безнаказанныхъ армянскихъ избіеній, послѣ безпрерывныхъ истязаній несчастной Македоніи, послѣ разгрома Греціи, явилось бы свѣтлымъ пятномъ на полномъ мрака и отчаянія концѣ XIX вѣка. Обстоятельства, при которыхъ критяне получили свободу, значительно усугубляютъ свѣтлую сторону этого радостнаго событія. Критъ получилъ свободу не потому, что турки не могли бы его покорить, если бы имъ это было дозволено. И не потому также, чтобы ихъ освободила цѣною войны какая либо держава. Не эти два метода исторія примѣнила къ освобожденію Крита (Черногорія могла бы служить примѣромъ для перваго изъ вышеназванныхъ методовъ, Болгарія—для второго). Она впервые въ обширномъ размѣрѣ примѣнила третій методъ, именно: мирное воздѣйствіе европейскаго концерта. Были и раньше попытки такого соединенія Европы для общаго дѣйствія. Такъ въ 1828 году Англія, Россія и Франція соединились было для освобожденія Греціи, но вмѣстѣ не сумѣли довести дѣло до конца и все таки пришлось прибѣгнуть къ войнѣ одной державы съ турками для достиженія цѣли, соединившей, было, три державы. Это соединеніе державъ повторилось и въ 1880 году, когда, по инициативѣ Гладстона, Европа принудила Турцію выполнить обязательства, принятыя ею по Берлинскому трактату по отношенію къ Черногоріи и Греціи. Соединенное воздѣйствіе, однако, было предпринято съ цѣлью заставить султана выполнить всѣ обязательства, возложенныя на него Берлинскимъ трактатомъ. На это, однако, не хватило у Европы согласія. Обязательства Турціи по отношенію къ Македоніи и Арменіи не выполнены ею до сихъ поръ. Не обошлось и въ 1898 году безъ нѣкоторыхъ диссонансовъ. Германія выказала много туркофильства и отстранилась отъ соединеннаго воздѣйствія. За нею послѣдовала и Австрія. Остальныя четыре державы, не смотря на то, что отношенія между нѣкоторыми изъ нихъ все время были далеко не дружелюбныя и дважды обострялись до почти открытаго разрыва, все же сумѣли въ критскомъ вопросѣ соблюсти полную солидарность, передъ которою принуждена была уступить разгромившая Грецію Порта, гордая и этими побѣдами, и дружбою германскаго императора. Европейскій концертъ оказался не пустымъ звукомъ, а реальною историческою силою, способною правильно функціонировать даже въ разгаръ внутреннихъ раздоровъ. Эта постепенная эволюція выработки европейскаго концерта, какъ могущественной и морально господствующей международной политической организаціи, и получила, наконецъ, яркое и отрадное выраженіе въ 1898 году въ ходѣ и исходѣ критскаго дѣла. Нельзя слишкомъ высоко

оцѣнить значеніе этого событія, которое мы поэтому и ставимъ, вмѣстѣ съ русскою нотою отъ 12 августа, крупнымъ культурнымъ событіемъ отчетнаго года, который такимъ образомъ завѣщалъ новому году и быстро приближающемуся новому вѣку не только борьбу и вражду, но и могущественный призывъ къ миру, и многознаменательный примѣръ мирнаго рѣшенія важныхъ историческихъ задачъ, и орудіе такого рѣшенія въ развитіи европейскаго концерта.

Эти свѣтлые моменты въ исторіи отчетнаго года тѣмъ ярче выступаютъ на общемъ фонѣ этого года, что вообще фонъ этотъ былъ не изъ свѣтлыхъ, далеко не изъ свѣтлыхъ. Выше мы отмѣтили два первоклассныхъ событія: перемѣщеніе политическаго преобладанія въ руки англо-саксовъ и признаки начинающейся перегруппировки великихъ державъ. Это результаты сложныхъ событій 1898 года, сложныхъ и очень тягостныхъ. Раздѣлъ Китая, испано-американская война, жестокіе бунты въ Италіи, потрясающіе національные раздоры въ Австріи, продовольственное бѣдствіе въ Россіи, униженіе Франціи на Верхнемъ Нилѣ, обезславившіе ее внутренніе раздоры, паденіе реформистскаго движенія въ Китаѣ,—таковъ тотъ тягостный рядъ событій, которыя возвысилъ въ 1898 году англо-саксовъ и заставилъ разочарованные народы европейскаго материка искать новыхъ связей и новыхъ друзей.

Такова общая характеристика политической исторіи обозрѣваемаго нами сегодня 1898 года. По истинѣ, давно исторія не заносила на свои страницы столько яркихъ и важныхъ событій на протяженіи двѣнадцати мѣсяцевъ. Давно человѣчество не измѣняло въ такой мѣрѣ своего вида и сложенія въ теченіе какого нибудь года. Не какого нибудь, стало быть, а по истинѣ историческаго года. Много горя и страданія испытало человѣчество въ теченіе этого памятнаго года, но и много добра заложилъ онъ. Я не вижу причинъ къ пессимизму и, опираясь на то, что видѣлъ и наблюдалъ въ прошломъ году, съ надеждою на лучшее будущее смотрю на рядъ предстоящихъ годовъ. Конечно, и съ опасеніемъ за новыя страданія и испытанія... И для надеждъ, и для опасеній годъ истекшій богатъ предзнаменованіями. Богатъ онъ и уроками. Взглянемъ же теперь нѣсколько подробнѣе на эти яркія событія, бѣглый обзоръ которыхъ мы только что дали.

II.

Предшествующій отчетному годъ 1897 завершился смѣлымъ coup de main со стороны Германіи. Она безъ всякаго предупрежденія и безъ всякаго достаточнаго основанія заняла на китайскомъ побережьи, между устьями Гоанго и Янтсе-Кіанга, китайскій городъ Кяо-Чау, лежащій на берегу прекрасной бухты, въ богатой и густо населенной Шантунской провинціи.

Къ этому времени Дальній Востокъ, было взволнованный японо-китайской войною 1895 года, мало по малу возвращался къ нормальной жизни. Китай, щедро заплативъ Японіи за ея побѣды и деньгами, и территоріей, затѣмъ не менѣе щедро заплатилъ желѣзнодорожными и промышленными концессіями и тремъ державамъ, умѣрившимъ японскія требованія. И Франція, и Россія, и Германія были удовлетворены въ этомъ отношеніи. Всегда искусная Англія тоже добилась нѣкоторыхъ концессій. Въ Пекинѣ господствовало теченіе, благопріятное сближенію съ Европою и умѣреннымъ реформамъ. Прошло два года со времени заключенія Симоносекскаго мира и Китай могъ думать, что уже ликвидировалъ существенныя послѣдствія военнаго пораженія. Внезапное занятіе нѣмцами бухты Кяо-Чау обнаружило скоро, что ликвидація этихъ печальныхъ послѣдствій еще далеко не закончена. Поводомъ для насильственной германской оккупаціи китайской территоріи послужило то обстоятельство, что именно въ этой самой Шантунской провинціи, гдѣ лежитъ и Кяо-Чау, былъ убитъ нѣмецкій миссіонеръ. Взятіе города въ видѣ залога требуемому удовлетворенію иногда практикуется съ варварскими государствами, съ которыми не установлено правильныхъ дипломатическихъ отношеній. Нѣмцы, однако, находились съ китайцами въ правильныхъ дипломатическихъ отношеніяхъ, да и Кяо-Чау они заняли не въ видѣ залога, а лишь по поводу убійства нѣмецкаго миссіонера. Китайцы наказали виновныхъ и уплатили вознагражденіе, но нѣмцы остались въ Кяо-Чау, а безсильные китайцы, опасаясь дальнѣйшаго распространенія нѣмецкой оккупаціи на сосѣднія территоріи, поспѣшили оформить нѣмецкій захватъ. Они заключили съ Германіей договоръ, по которому сдали якобы въ аренду Кяо-Чау и территорію въ окрестности на 100 китайскихъ ли во всѣ стороны. Кромѣ того, они предоставили нѣмцамъ монополію на желѣзнодорожныя сооруженія и промышленныя предпріятія въ Шантунской провинціи. Такой договоръ вводилъ законно въ сферу германской мощи всю эту обширную провинцію, средоточіе китайской культуры (родина Конфуція). Нижнее теченіе Гоанго и полуостровъ Шантунъ съ его стратегическими пунктами составляютъ территорію этой провинціи, частью непосредственно занятой нѣмцами, частью ими монополизованной и намѣченной, какъ ихъ законное наслѣдство.

Новое положеніе, занятое нѣмцами на Дальнемъ Востокѣ, сразу измѣнило то, что прилично называютъ равновѣсіемъ силъ и интересовъ. Другія державы пожелали получить компенсаціи. Въ концѣ 1897 года былъ занятъ нѣмцами Кяо-Чау. Въ началѣ же 1898 г. подписанъ вышеупомянутый германо-китайскій договоръ, оформившій захватъ. Это было первымъ крупнымъ событіемъ отчетнаго года. Не только поэтому начинаемъ мы съ него наше обозрѣніе, но и потому еще больше, что именно на сложныхъ и

опасныхъ перипетіяхъ послѣдовавшаго затѣмъ раздѣла Китая выяснилось особенно ярко отношеніе политическихъ силъ того времени, такъ рѣшительно отличающееся отъ соотношенія политическихъ силъ въ настоящее время. Мы говоримъ объ излагаемомъ событіи, какъ о *раздѣлѣ Китая* въ томъ же смыслѣ, какъ говорятъ о раздѣлѣ Польши въ 1772 году. Польша осталась существовать и послѣ раздѣла 1772 года, но Россія, Пруссія и Австрія подѣлили между собою часть ея территоріи. Такъ и послѣ раздѣла 1898 года Китай продолжаетъ существовать, но Германія, Англія, Россія и Франція подѣлили между собою часть китайской территоріи, обезпечивъ себѣ первенство и преобладаніе въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ китайской территоріи. Можно бы причислить сюда и Японію, которая была вознаграждена нѣкоторыми уступками въ Кореѣ, да и ея пріобрѣтенія 1895 года входятъ, въ сущности, въ ту же серію захвата китайской территоріи послѣ обнаруженія полнаго военнаго безсилія имперіи мандариновъ.

До 1895 года русская тихо-океанская эскадра зимовала обыкновъ Нагасакахъ въ виду того, что всѣ русскіе тихо-океанскіе порты замерзаютъ. Послѣ остраго русско-японскаго столкновенія изъ-за желанія японцевъ утвердиться въ южной Мандчжуріи, это стало неудобнымъ и Китай, благодарный за русское заступничество, предоставилъ для зимовки русской эскадры бухту Кяо-Чау, ту самую, которую черезъ годъ захватили нѣмцы. Русскіе стали на зимовку теперь уже не въ Кяо-Чау, а въ Портъ-Артурѣ, той самой военной гавани, которую два года назадъ должны были очистить японцы по требованію Россіи, Франціи и Германіи. Естественно, если на Портъ-Артурѣ и остановились русскіе дипломаты когда искали компенсаціи за Кяо-Чау. Толчкомъ для этого требованія послужили такъ же и англійскія требованія, предъявленныя пекинскому правительству немедленно послѣ оглашенія уступки Кяо-Чау. За англичанами и русскими предъявили свои требованія и французы. Китайцамъ оставалось только исполнять предъявляемыя требованія и благодарить за умѣренность. Вѣроятно, имъ не пришлось бы благодарить за умѣренность, если бы дѣлившія въ 1898 году китайскую территорію державы вошли между собою въ предварительное соглашеніе, какъ то сдѣлали державы, дѣлившіе въ 1772 году Польшу. Въ 1898 году, совершенно напротивъ, не было никакого соглашенія, а былъ самый рѣшительный антагонизмъ, такъ что въ борьбѣ и побѣдѣ этихъ антагоничныхъ силъ и заключается главный политическій интересъ событія.

Я уже упомянулъ, что немедленно послѣ захвата нѣмцами Кяо-Чау и полученія ими монополіи на Шантунскую провинцію, Англія предъявила требованія, которыя должны были служить ей компенсаціей за успѣхи, достигнутые Германіей. Уже въ январѣ

1898 г. сэръ Макдональдъ, англійскій посолъ въ Пекинѣ, формулировалъ передъ цунъ-ли-яменомъ эти требованія, именно: 1) открытіе для свободной торговли трехъ новыхъ портовъ, Таліенвана въ Мандчжуріи, Сіанъ-Ина въ Хунанѣ и Наннина въ Южномъ Китаѣ; 2) обязательство никому не уступать китайской территоріи въ долинѣ Янтсе; и 3) продолженіе англо-бирманской желѣзнодорожной сѣти на китайскую провинцію Юннанъ. Маркизъ Салисбюри заявилъ при этомъ, что Англія не желаетъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Китаѣ, а только стремится утвердить здѣсь политику открытыхъ дверей, равную доступность Китая торговой и промышленной предпріимчивости всѣхъ націй. Однако, программа Англіи,—какъ она была выражена въ выше цитированныхъ трехъ пунктахъ,—встрѣтила энергическое сопротивленіе со стороны Россіи и Франціи. Таліенванъ, расположенный на Ляодунскомъ полуостровѣ въ Южной Мандчжуріи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Портъ - Артуромъ, и составляющій естественное окончаніе сибирской желѣзной дороги, не долженъ былъ быть, по мнѣнію Россіи, договорнымъ портомъ, гдѣ всѣ націи одинаково являются хозяевами. Россія потребовала Таліенванъ вмѣстѣ съ Портъ-Артуромъ себѣ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ Германія получила Кяо-Чау. Съ другой стороны, Франція протестовала противъ всякаго привилегированнаго положенія англичанъ въ Юннанѣ, провинціи, пограничной не только англійской Бирмѣ, но и французскому Тонкину. Франція сама желала продолжить тонкинскую желѣзнодорожную сѣть на Юннанъ. Кромѣ того, Франція желала получить угольную станцію на берегахъ Южнаго Китая. Англія же рѣшительно протестовала противъ какой бы то ни было уступки китайской территоріи, русскимъ ли, французамъ ли, или кому либо третьему. Это столкновеніе было такъ остро, что одно время, въ январѣ и февралѣ, съ часу на часъ опасались взрыва войны. Англія, однако, уступила передъ солидарною твердостью соединенныхъ Россіи и Франціи. Она отказалась отъ требованія открытія для свободной торговли портовъ Таліенвана и Наннина, добившись только согласія китайцевъ на открытіе одного порта въ Хунанѣ. Англія отказалась такъ же и отъ монополіи желѣнодорожной сѣти въ Юннанѣ. Она удержала требованія, чтобы Китай обязался никому не уступать территоріи въ долинѣ и бассейнѣ (region) Янтсе. А затѣмъ къ этимъ двумъ пунктамъ присоединены были еще два, именно: 3) Китай открываетъ для свободной навигаціи всѣ внутреннія водяныя сообщенія, на которыхъ иностранные флаги пользуются одинаковыми правами съ китайскимъ и пользуются покровительствомъ своихъ правительствъ; и 4) Китай и впредь удерживаетъ во главѣ таможеннаго вѣдомства англичанина до тѣхъ поръ, пока англійская торговля съ Китаемъ превышаетъ торговлю другихъ націй.

Такимъ образомъ, по этому договору пекинское правительство раздѣлило съ лондонскимъ верховныя права надъ бассейномъ Янтсе, потому что право отчужденія составляетъ неизбѣжную часть всякаго полнаго верховнаго права. А между тѣмъ бассейнъ Янтсе заключаетъ въ себѣ болѣе половины всего китайскаго населенія и покрытъ самою богатою въ мірѣ сѣтью естественныхъ и искусственныхъ водяныхъ путей сообщенія. Пунктъ о предоставленіи иностраннымъ флагамъ пользоваться этою сѣтью (какъ и всѣми другими сообщеніями) отлично дополняетъ этотъ англо-китайскій condominium надъ великою китайскою рѣкою. Этотъ отказъ Китая отъ права свободно распоряжаться своими внутренними водяными сообщеніями является тоже отчужденіемъ части верховныхъ правъ богдыхана. То же слѣдуетъ сказать и относительно пункта объ обязательной англійской національности начальника таможни. Уступивъ отчасти на югѣ и на сѣверѣ, Англія тѣмъ тяжелѣе наложила свою руку на центръ, но въ формѣ, для Китая *сначала* не столь чувствительной, какъ прямая, хотя бы и незначительная, территоріальная уступка. Во всякомъ случаѣ, достойно отмѣтки, что Англія вполнѣ уступила протестамъ Россіи и Франціи. Она не протестовала и противъ уступки въ аренду Россіи Портъ-Артура и Таліенвана и противъ уступки французамъ угольной станціи въ Южномъ Китаѣ съ обязательствомъ имѣть француза начальникомъ китайскаго почтового вѣдомства (еще не существующаго). Китай, кромѣ того, обязался передъ Франціей не уступать территорій къ югу отъ Янтсе, а передъ Россіей—къ сѣверу отъ Пекина. Повидимому, пекинское правительство очень мало сознавало, что оно отчуждало значительную часть своихъ верховныхъ правъ на большую часть собственной территоріи. Пріобрѣтеніе Англіей Вей-Ха-Вея и береговой полосы у Гон-Конга и обязательство, взятое Китаемъ передъ Японіей, никому не уступать территоріи, прилегающей къ Формозскому заливу, завершаютъ собою то событіе, которое мы выше назвали раздѣломъ Китая.

Будучи и само по себѣ весьма знаменательно для конца XIX вѣка, это событіе должно насъ интересовать, и какъ показатель соотношенія великодержавныхъ силъ. Англійская программа открытыхъ дверей (въ сущности, маскировавшая скрытый протекторатъ Англіи надъ Китаемъ) потерпѣла полное пораженіе. Англійскіе протесты противъ уступокъ Россіи и Франціи не имѣли успѣха. Хотя всетаки Англія получила очень много, но только то, противъ чего не протестовали Россія и Франція. Политическое преобладаніе франко-русскаго союза на дальнемъ Востокѣ надъ англійскою политикою сказалось въ этомъ событіи весьма ярко. Не менѣе ярко обнаружилось это преобладаніе, когда вслѣдъ затѣмъ начался дѣлежъ концессій. Дарованная англичанамъ концессія на нью-чванскую желѣзную дорогу (къ сѣверу отъ Пекина)

была опротестована русскими и не утверждена пекинскимъ правительствомъ, не смотря на энергическіе и даже угрожающіе протесты со стороны сэра Макдональда. За то концессія на постройку желѣзной дороги Пекинъ-Ханькоу, дарованная по ходатайству русской и французской дипломатіи бельгійской компаніи, была въ то же время утверждена мандаринами, хотя и была опротестована Англіей. Это было время опять очень жестокаго обостренія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Англія снова собиралась воевать и снова, какъ и нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, міръ со страхомъ ожидалъ военнаго столкновенія между Англіей, съ одной стороны, и франко-русскою группою—съ другой. Кончилось тѣмъ, что Англія снова уступила.

Этимъ серьезнымъ дипломатическимъ пораженіямъ Англіи въ Азіи соотвѣтствуетъ такое же серьезное ея пораженіе въ Африкѣ, гдѣ она капитулировала передъ Франціей въ вопросѣ о разграниченіи въ бассейнѣ Нигера (или въ Нигеріи, какъ теперь предпочитаютъ выражаться англичане). Она уступила французамъ обширныя территоріи, на которыя имѣла притязанія, лучше обоснованныя, нежели французскія. Она допустила разобщеніе всѣхъ своихъ западно-африканскихъ колоній (Гамбіи, Золотого берега, Лагоса и Нигеріи) въ то время, какъ Франція, захвативъ гинтерландъ всѣхъ англійскихъ колоній, связала непрерывными владѣніями всѣ свои сѣверо- и западно-африканскія колоніи (Алжирію, Тунисъ, Сенегамбію, Сахару, Нигерію, Западный Суданъ, Дагомею и Конго). Англія и въ этомъ случаѣ угрожала войною, нѣсколько разъ доводя дѣло до кризиса, но, въ концѣ концовъ, уступила. Я не скажу, чтобы Англія въ Западной Африкѣ лишилась бы чего либо, чѣмъ уже владѣла. Даже напротивъ того, она присоединила въ Нигеріи цѣлое королевство Сокото (очень важное потому еще, что его король пользовался въ магометанскихъ земляхъ Западнаго Судана и Нигеріи приблизительно тою супрематіей, которою среди магометанъ Индіи пользовались Великіе Моголы). Кромѣ Сокото, княжества Бусса и Уа отошли къ Англіи, которая, такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и въ Азіи, сдѣлала прекрасныя пріобрѣтенія. И тѣмъ не менѣе, она понесла и въ Азіи, и въ Африкѣ несомнѣнное дипломатическое пораженіе, потому что она должна была отказаться отъ самыхъ существенныхъ пунктовъ своей программы и отказаться, при самомъ рѣшительномъ обостреніи отношеній, при бряцаніи оружіемъ, исчерпавъ всѣ средства добиться иныхъ рѣшеній.

Таково было соотоошеніе политическихъ силъ въ первой половинѣ обозрѣваемаго года.

III.

Вторая половина 1898 года отмѣчена совсѣмъ другимъ положеніемъ Англіи и совсѣмъ инымъ соотношеніемъ великодержав-

ныхъ силъ въ политическомъ мірѣ. Прежде всего блистательная побѣда надъ Франціей въ Африкѣ. Недавно отступившая передъ французами и на Нигерѣ, и на Сикіангѣ, та же Англія торжествуетъ надъ тѣми же французами на Нилѣ и торжествуетъ въ такомъ размѣрѣ и въ такой обстановкѣ, какъ можно торжествовать послѣ побѣдоносной войны. Недавно мы излагали на этихъ страницахъ подробно этотъ знаменательный эпизодъ о Фашодѣ и Бахръ-эль-Газалѣ. Поэтому здѣсь напомнимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Франція имѣетъ давнишнія политическія связи съ долиною Нила. Громадные капиталы затрачены французами въ этой долинѣ; громадные, и частные, и государственные интересы французовъ связаны съ этою долиною. Напомнимъ также и Суэцкій каналъ, входящій въ территорію, подвластную каирскому правительству. Жестокія неудачи, понесенныя Франціей въ 1870—71 годахъ, настолько понизили ея международное значеніе, что когда война 1877—78 годовъ ослабила Турцію, естественную защитницу вассальнаго ей Египта, англичане сумѣли оккупировать древнюю страну фараоновъ, давъ, однако, торжественное обѣщаніе очистить ее, какъ только она будетъ умиротворена. Идетъ, однако, уже семнадцатый годъ, а британцы и не думаютъ ее очищать. Долгое время предлогомъ для этого была опасность со стороны Омдурманскаго калифа. Теперь и этой опасности болѣе не существуетъ. Бывшее Омдурманское царство покорено англо-египтянами, но именно въ то время, какъ побѣдоносныя войска сердаря, нынѣ лорда, Киченера наступали на калифа съ сѣвера, съ юга заняли часть его территоріи французы, именно бассейнъ Бахръ-эль-Газаля, лѣваго притока Нила, и городъ Фашоду на самомъ Нилѣ, немного ниже впаденія Бахръ-эль-Газаля. Въ сущности, французы имѣли такое же право занять Фашоду, какое англичане для занятія Омдурмана. О правовой сторонѣ вопроса мы недавно говорили въ этой хроникѣ, куда и отсылаемъ интересующагося этою стороною читателя (см. „Русское Богатство“, 1898, №№ 10 и 11). Но, кромѣ правовой стороны, есть еще сторона политическая. Французы уже занимали Фашоду и надо было или убѣдить ихъ въ неправомѣрности ихъ оккупаціи, или склонить къ очищенію за соотвѣтственныя компенсаціи, или просто выгнать силою. Англичане выбрали послѣдній путь. Они отказались отъ всякихъ переговоровъ, заявили, что ни о какихъ компенсаціяхъ не можетъ быть и рѣчи и потребовали очищенія Фашоды, безусловнаго и немедленнаго, угрожая войною. На этотъ разъ эта угроза была не маневромъ, какъ раньше, но серьезнымъ намѣреніемъ, повидимому, даже желаніемъ англичанъ. Французы отступили и приняли эти высокомѣрно продиктованныя условія безъ всякихъ оговорокъ. Этимъ униженіемъ Франціи Англія хотѣла, повидимому, дать урокъ

европейскому континенту и заставить его почувствовать британское могущество.

Это новое британское могущество быстро ощутилось и на Дальнемъ Востокѣ. Мы выше упомянули, что по протесту русскаго резидента въ Пекинѣ богдыханское правительство не утвердило концессіи, условленной съ англійской компаніей на сооруженіе нью-чванской желѣзнодорожной линіи. Предлогомъ для протеста было то, что дорога эта, а слѣдовательно и ея земли, служили ипотекою для англійскихъ банкировъ, дававшихъ капиталъ на постройку. Нынѣ сообщаютъ, что концессія всетаки дарована англичанамъ, хотя и безъ ипотеки собственно на землю. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, англичане все же будутъ хозяйничать къ сѣверу отъ Пекина, чего и желательно было избѣгнуть съ русской точки зрѣнія. Не ладное что-то творится и съ концессіей Пекинъ-Ханькоу, которая была дарована, вопреки англійскому протесту, бельгійцамъ, по настоянію русской и французской дипломатіи. Сообщаютъ, что въ Пекинѣ ставятъ бельгійцамъ всяческія затрудненія, такъ что имъ придется отказаться отъ сооруженія этой китайской магистрали, или войти въ соглашеніе съ англичанами. Еще характернѣе дѣло о расширеніи французскаго поселенія въ Шанхаѣ. Дѣло въ томъ, что въ китайскихъ городахъ, открытыхъ для иностранной торговли, иностранцамъ отводятся отдѣльныя площади земли для заселенія. Эти площади дѣлятся на національности и пользуются самоуправленіемъ. Французамъ стало тѣсно на своей площадкѣ въ Шанхаѣ и они обратились къ богдыханскому правительству съ просьбою нѣсколько расширить ихъ settlement, какъ называются эти участки. Въ Пекинѣ на это согласились, но, вслѣдствіе рѣшительнаго протеста Англіи, поддержаннаго Америкой, взяли затѣмъ это согласіе назадъ. Прямо вызывающій тонъ англичанъ въ переговорахъ съ французами по вопросу о торговыхъ правахъ на Мадагаскарѣ дополняетъ собою эту серію примѣровъ совершенно и радикально измѣнившагося значенія Англіи въ средѣ великихъ державъ.

Откуда, однако, сіе? Невозможно сомнѣваться, что главною причиною этого быстраго возвышенія англійской мощи надо считать испано-американскую войну и ея исходъ. Такимъ образомъ, война эта, имѣющая и безъ того многообразныя историческія послѣдствія, принесла еще такой громадный плодъ, менѣе всего предвидѣнный обѣими воюющими сторонами, хотя, конечно, теперь американцы (или, по крайней мѣрѣ, сегодняшніе руководители американской политики) сознательно служати этому росту англійскаго могущества. И дѣйствительно передъ этимъ могуществомъ теперь отступаютъ силы, передъ которыми въ первой половинѣ 1898 года постоянно отступала Англія. Разсчетъ на энергическую поддержку заатлантическихъ соплеменниковъ являет-

ся, конечно, самымъ могущественнымъ факторомъ этой британской увѣренности въ себѣ. Она, эта вѣра въ свою мощь, питается, однако, и уроками испано-американской войны.

На страницахъ нашей *Политики* мы обстоятельно слѣдили за ходомъ и исходомъ испано-американской войны (см. „Русское Богатство" 1898 г., №№ 4, 6, 7, 8 и 12) и поэтому не будемъ здѣсь повторять ея исторіи, а взглянемъ на нее только съ точки зрѣнія тѣхъ уроковъ, которые она дала, и тѣхъ послѣдствій, которыя она принесла. Конечно, постольку, поскольку тѣ и другія успѣли обнаружиться, потому что многое въ этомъ отношеніи, и быть можетъ очень значительное и важное, обнаружится только въ будущемъ.

Первый и весьма важный урокъ, который дала испано-американская война заключается въ выясненіи значенія флота. Существовало мнѣніе, что съ хорошимъ миноноснымъ флотомъ можно бороться противъ чудовищъ эскадреннаго боя. Это мнѣніе оказалось иллюзіей, а слѣдовательно и надежда миноносками выравнять шансы морской войны съ болѣе сильнымъ противникомъ. Въ Англіи склонялись именно къ тому мнѣнію, которое и оправдано военными событіями 1898 года, но до провѣрки на опытѣ всетаки не могли быть вполнѣ увѣрены. Теперь англичане уже твердо знаютъ, что сильные миноносные флоты континентальныхъ державъ не поколеблютъ ихъ подавляющаго преобладанія на морѣ. Это крупный урокъ, который долженъ былъ сильно поднять въ Англіи увѣренность въ себѣ и вѣру въ свой флотъ, какъ гарантію своей полной безопасности.

Другой урокъ еще крупнѣе и для Англіи еще важнѣе. Существовало мнѣніе, что при современномъ крейсерскомъ флотѣ и современныхъ способахъ разрушенія, даже болѣе слабая на морѣ сторона можетъ прервать морскія сообщенія противника. Въ извѣстной книгѣ г. Бліоха „Будущая война" приведенъ цѣлый рядъ отзывовъ самыхъ авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ, утверждавшихъ правильность вышеприведеннаго мнѣнія. Испано-американская война не оправдала этого мнѣнія. При паровомъ быстроходномъ флотѣ прервать сообщенія гораздо труднѣе, нежели въ прежнія войны, при парусномъ или тихоходящемъ паровомъ флотѣ. Опытъ блокады Кубы, гдѣ, не смотря на громадныя блокирующія силы, полное отсутствіе противника и высокія качества американскаго флота, были блокадопрорыватели, совершенно разрушилъ иллюзіи крейсерофиловъ. Если такъ дѣло обстоитъ съ блокадою, т. е. когда желаетъ прервать морскія сообщенія противника сторона, болѣе сильная, то какою же иллюзіей является мечта съ нѣсколькими крейсерами прервать морскія сообщенія болѣе сильной стороны! Каперство же въ настоящее время не только преступленіе, но и прямая невозможность: вѣстмбы росходныя комерческія суда, немедленно послѣ объявле-

нія войны, утилизуются государствомъ въ видѣ транспортовъ или вспомогательныхъ крейсеровъ, а съ тихоходными не нагнать непріятельскаго коммерческаго судна и не уйти отъ непріятельскаго крейсера... Между тѣмъ, угрозы крейсерскою войною тѣшили болѣе слабыя морскія націи и отчасти вызывали опасенія болѣе сильныхъ. Убѣжденіе, вынесенное изъ опыта испано-американской войны, что прервать морскія сообщенія теперь не только не легче, но труднѣе, чѣмъ прежде, должно было очень и очень ободрить англичанъ. Они почувствовали себя много безопаснѣе. Вообще, испано-американская война снова обнаружила, что сильная морская держава не уязвима для континентальной, если не соприкасается съ нею континентальною границею. Въ этомъ начали было сомнѣваться и Англія становилась уступчивѣе. Теперь, когда сомнѣнія разсѣялись, Англія снова почувствовала свою силу и дала ее почувствовать и другимъ, прежде всего и болѣе всего Франціи. Это тѣмъ поучительнѣе, что Франція, послѣ Англіи, самая сильная морская держава, однако, вдвое слабѣе Англіи... Этого было достаточно, чтобы при сомнѣніяхъ считаться съ нею. Этого мало, чтобы считаться съ нею, при полной увѣренности въ себѣ. Теперь Англія и одна можетъ рискнуть на войну даже съ коалиціей, но, повидимому, она не одна.

Англія не одна потому, прежде всего, что помирилась съ родною сестрою, а затѣмъ и потому еще, что сила привлекаетъ въ сферу своего тяготѣнія все новыхъ сателитовъ. Японія, слѣдующая за Англіей, тому примѣръ. Корея, Сіамъ, Афганистанъ тоже маленькіе спутники необъятной британской имперіи. Въ Европѣ Португалія вращается по орбитѣ, опредѣляемой тяготѣніемъ къ тому же центру. Не надо упускать изъ виду явнаго сближенія съ Германіей, хотя, конечно, это не сателитъ. Однако, это крупное ободреніе... Не малое ободреніе и внутреннія дѣла соперничающихъ державъ, продовольственное бѣдствіе въ Россіи и политическая неурядица во Франціи. Едва ли эта неурядица не сыграла очень крупной роли въ уступчивости французскаго правительства. Съ такими неустроенными внутренними дѣлами, при такихъ разыгравшихся страстяхъ, можно рискнуть войною только въ крайности. Парижъ стоитъ мессы, сказалъ Генрихъ IV, но конечно, Фашода не стоитъ Парижа. Все это благопріятныя условія или послѣдствія обнаружившагося британскаго преобладанія, но главная его причина коренится въ успѣхахъ американскихъ британцевъ и въ явномъ сближеніи между двумя отраслями британской націи. Интересно поэтому взглянуть слегка и на эту сторону современнаго историческаго положенія.

Мнѣ случалось много разъ трактовать любопытный сюжетъ, затронутый въ этихъ строкахъ. Впервые я посвятилъ ему вниманіе еще въ 1886 году въ политической хроникѣ, которую я

тогда велъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", нынѣ благополучно скончавшемся („С. В." 1886 г., № 6). Послѣ того я неоднократно возвращался къ этому первоклассному вопросу о панбританизмѣ, котораго я видѣлъ двѣнадцать съ половиною лѣтъ тому назадъ еще въ пеленкахъ и который выросъ со сказочною быстротою въ могучую силу, обѣщающую стать руководящею въ мiровой исторiи. Не далѣе прошлой нашей *Политики* („Русское Богатство" 1898 г., № 12) я снова со вниманiемъ останавливался на быстромъ ростѣ многообѣщающаго отрока. Я указалъ тогда на развитiе шовинистскихъ идей въ Америкѣ и на торжество такъ называемой имперiалистской политики. Это все, что нужно британцамъ цисатлантическимъ. Умѣя уступить трансатлантическимъ британцамъ, гдѣ то требуется, они, при господствѣ „имперiалисткой" политики въ Америкѣ, прiобрѣтаютъ неоцѣненнаго союзника и вмѣстѣ становятся господами, если не мiра, то современнаго политическаго положенiя.

Слѣдуетъ, однако, указать и на симптомы, неблагопрiятные этой эволюцiи. Нѣкоторые мною указаны уже въ упомянутой декабрьской хроникѣ, именно протесты противъ колонiальнаго джингоизма такихъ влiятельныхъ и авторитетныхъ вождей, какъ Кливлендъ, Шерманъ, О'Брайенъ. Эта агитацiя продолжается, въ сенатѣ становится все жарче по этому вопросу и не невозможно, что быстро выросшее направленiе принуждено будетъ отступить передъ вѣковыми традицiями великой республики, традицiями, требующими зорко беречь свое, защищать своихъ (другихъ американцевъ) и не мѣшаться въ чужiя дѣла, а тѣмъ менѣе захватывать чужое добро. По вопросу о присоединенiи Филлипинскихъ острововъ будетъ дана въ сенатѣ генеральная битва. Многiе желаютъ просто освободить острова и предоставить ихъ населенiю устроить свою судьбу по собственному желанiю и усмотрѣнiю. Ихъ къ этому рѣшенiю склоняетъ столько же желанiе, чтобы подъ американскимъ флагомъ не было угнетенныхъ, сколько и убѣжденiе, что американскiй флагъ долженъ развѣваться только въ Америкѣ. Покамѣсть по всѣмъ извѣстiямъ джингоисты имѣютъ больше шансовъ. Допустимъ, однако, что *въ этомъ случаѣ* они потерпятъ пораженiе и сенатъ, уже утвердившiй присоединенiе Гаваевъ и Порто-Рико, откажетъ въ присоединенiи Филиппинъ. Будетъ ли это означать паденiе самаго направленiя, какъ искусственнаго нароста отъ военныхъ побѣдъ, или только естественное колебанiе при переходѣ изъ одного общественнаго состоянiя въ другое? Наступившему 1899 году годъ истекшiй завѣщалъ и это рѣшенiе въ числѣ многихъ другихъ, не менѣе важныхъ и интересныхъ.

Если, какъ на то имѣется больше шансовъ, восторжествуетъ въ Америкѣ завоевательная тенденцiя, а стало быть и тѣсная солидарность съ Англiей, то можно смѣло сказать, что мы стоимъ у начала

новаго періода всемірной исторіи. Если же, не смотря на головокружительные успѣхи и на умопомрачительныя перспективы, американскій народъ покажетъ міру примѣръ того высшаго могущества, которое заключается въ полной власти надъ собою и въ полномъ подчиненіи моральному долгу, то и тогда это можетъ послужить поворотнымъ пунктомъ исторіи, потому что только тогда и призывъ къ разоруженію, и постепенная организація европейскаго концерта, о чемъ мы говорили выше, получатъ все свое значеніе и пріобрѣтутъ необходимую силу для развитія. Такимъ образомъ, въ Вашингтонѣ и Лондонѣ нынѣ сосредоточены нити, приводящія въ движеніе политическую машину современнаго міра. Если пока это еще не новая эпоха, во всякомъ случаѣ новый фазисъ политической исторіи.

IV.

Я уже упоминалъ о томъ значеніи, которое для измѣненія международной политической эволюціи имѣли крупныя внутреннія затрудненія, поразившія въ истекшемъ году большую часть націй европейскаго континента. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это были уже не затрудненія, а прямо бѣдствія; таковы были продовольственное бѣдствіе и бунты въ Италіи, продовольственное бѣдствіе въ Россіи, полная національная дезорганизація и военное пораженіе въ Испаніи, аграрные бунты въ Венгріи. Не иначе, какъ бѣдствіемъ, приходится назвать и печальныя политическія потрясенія, перенесенныя и еще переносимыя Франціей. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становится, что мы являемся снова свидѣтелями борьбы никакъ не изъ за виновности одного офицера, а изъ за самыхъ принциповъ, на которыхъ должно покоиться политическое строеніе націи.

Допустимъ, что Дрейфусъ виновенъ (хотя теперь уже затруднительно это допустить). Все же отчего не пересмотрѣть дѣла, если столь многіе сомнѣваются въ его виновности, и при процессѣ были допущены нѣкоторыя нарушенія (чего никто уже не отрицаетъ)? Откуда эта фанатическая оппозиція? Но, скажутъ всѣ шовинисты; вѣдь это оскорбленіе арміи! Это, конечно, ложь, но правда, что оправданіе Дрейфуса и даже признаніе необходимости пересмотра является косвеннымъ обвиненіемъ главнаго штаба. Естественно, если штабъ и его присные съ яростью отстаиваютъ себя и свое положеніе, но совершенно неестественно, если значительная часть (хотя теперь уже несомнѣнно небольшая) націи съ фанатизмомъ и безумною страстностью смѣшиваетъ свое дѣло и свою честь съ интересами нѣсколькихъ генераловъ и полковниковъ! Было время, когда значительная, большая часть французскаго народа смѣшивала свое дѣло и свою честь съ дѣломъ и честью Луи Наполеона... Ея прямыми наслѣдниками яви-

лись въ 1887—88 годахъ буланжисты (хотя тамъ дѣло было гораздо сложнѣе и въ движеніи участвовали и другіе элементы), а теперь націоналисты и „патріоты“, слѣпые защитники штаба, не отличающіе достоинства отечества отъ достоинства генерала Мерсье и подполковника Анри! Если вспомнимъ, сколько бѣдствія принесло Франціи это смѣшеніе, когда дѣло шло о Луи Наполеонѣ, то не иначе, какъ съ тревогою, смотришь и на повтореніе этого смѣшенія теперь. Смѣшеніе это привело къ безславному перевороту 2 декабря 1851 года и не менѣе безславному Седану 2 сентября 1870 года. И нынѣ говорятъ о переворотѣ Дюпюи, президентъ совѣта министровъ, заговорилъ о немъ съ трибуны. Это такъ знаменательно, что слухи о замыслахъ, предупрежденныхъ кабинетомъ Бриссона осенью 1898 года, пріобрѣтаютъ очень серьезное значеніе. Парламентъ созналъ опасность положенія и въ обѣихъ палатахъ вокругъ кабинета сплотилось подавляющее республиканское большинство.

Вопросъ въ томъ, законъ или произволъ должны управлять страною. И несомнѣнно во Франціи сторонники произвола, присвоившіе себѣ названіе патріотовъ, снова ополчились на законъ и снова даютъ ему генеральную битву. Въ этомъ узелъ всего положенія; въ этомъ весь его трагизмъ, но въ этомъ его и стыдъ... Стыднѣе всего, что никто не можетъ быть увѣренъ въ исходѣ этой борьбы людей закона съ этими „патріотами“, стремящимися лишить отечество и чести, а съ нею и всякой силы. Годъ 1898 завѣщалъ рѣшеніе и этого бѣдственнаго вопроса 1899 году, столь обремененному самыми важными рѣшеніями.

Кромѣ дрейфусовскаго дѣла, которое, начатое въ концѣ 1897 года, наполнило собою весь 1898 годъ и передано новому году, Франція имѣла досугъ произвести генеральные выборы въ палату депутатовъ. Подробный отчетъ о нихъ мы помѣстили своевременно на страницахъ нашей хроники („Русское Богатство“, 1898 г., № 5). Въ результатѣ оказалось нѣкоторое усиленіе соціалистовъ, сохраненіе радикалами прежней численности и нѣкоторое сокращеніе умѣренныхъ республиканцевъ, причемъ, какъ потомъ обнаружилось, въ средѣ этихъ послѣднихъ усилился элементъ болѣе прогрессивный. Послѣдствіемъ было паденіе кабинета Мелина. Выросшій изъ довольно сбивчивой борьбы партій кабинетъ Бриссона образовался въ іюнѣ и палъ въ октябрѣ 1898 года. Онъ не мало сдѣлалъ въ свое кратковременное пребываніе у власти и палъ по дѣлу Дрейфуса, когда республиканцы еще невполнѣ уяснили себѣ смыслъ агитаціи патріотовъ и націоналистовъ (исторію кабинета Бриссона,—см. въ „Рус. Бог.“ 1898 г. № 11). На мѣсто кабинета Бриссона образовался коалиціонный кабинетъ Дюпюи. Приводя данныя объ его сформированіи, составѣ и программѣ, мы замѣтили тогда-же: „это коалиціонное мини-

стерство едва-ли будетъ долговѣчно, но если сумѣетъ благополучно довести до конца дѣло правосудія, возбужденное его предшественниками, и заставитъ его уважать и признавать всѣхъ, нынѣ еще пробующихъ возставать и возмущаться, то оно исполнитъ свою миссію и заслужитъ благодарность страны". Теперь можно прибавить. Оно твердо исполняетъ эту миссію и парламентъ сплотился вокругъ него съ тою же цѣлью. Всѣ республиканцы поняли, повидимому, опасность. Болѣе того, они ее увидѣли.

Въ Германіи тоже происходили въ отчетномъ году общіе законодательные выборы, анализъ которыхъ мы своевременно помѣстили на этихъ страницахъ (см. „Рус. Бог.", 1898 г., № 7). Результатомъ ихъ было нѣкоторое усиленіе соціалистовъ при очень незначительныхъ перемѣнахъ въ соотношеніи другихъ партій. По прежнему, рейхстагъ не имѣетъ однороднаго большинства, а необходимое для его дѣятельности большинство получается при посредствѣ временныхъ соглашеній и коалицій партій. По прежнему, между этими партіями рѣшающую роль играетъ такъ называемые „центръ", т. е. католики-клерикалы, которые, по прежнему, заключаютъ въ своей средѣ и демократическіе, и аристократическіе элементы, заставляющіе партію постоянно колебаться изъ стороны въ сторону. И въ остальномъ исторія Германіи мало отклонилась отъ пути, которымъ идетъ въ послѣдніе годы. Милитаризмъ, протекціонизмъ и узкая національная нетерпимость, насажденные и взлелѣянные еще рукою великаго Бисмарка, руководили національною жизнью Германіи и въ обозрѣваемомъ 1898 году. Рѣшено и парламентомъ одобрено широкое развитіе флота; внесены законопроекты объ увеличеніи численности арміи; въ широкомъ размѣрѣ практиковались административныя высылки датчанъ изъ Шлезвига и австрійцевъ изъ Силезіи, въ меньшемъ масштабѣ,— русскихъ поляковъ изъ Познани. Протесты либеральной оппозиціи, конечно, доказали, что чувства справедливости не умерли въ германскомъ народѣ, но очень мало отразились на умѣреніи административнаго произвола прусскихъ властей. Парламентское большинство, напротивъ того, охотно ассигновало затребованныя прусскимъ правительствомъ средства на покупку у познанскихъ поляковъ земли съ цѣлью передачи ее нѣмецкимъ колонистамъ. Такимъ образомъ и кончина Бисмарка, отмѣтившая собою истекшій годъ, не отмѣнила бисмарковскаго режима, который продолжаетъ господствовать въ Берлинѣ при всевозможныхъ *новыхъ* и *новѣйшихъ* курсахъ. Правда, нервная непослѣдовательность германскаго императора заставляетъ его дѣлать иногда довольно неожиданные скачки въ ту или другую сторону, но средняя, такъ сказать, равнодѣйствующая германской исторіи остается въ существенномъ вѣрна сама себѣ. И это особенно слѣдуетъ сказать о внутренней исторіи Германіи вообще, и о правительственной политикѣ по внутреннимъ вопросамъ въ частности и въ особенности.

Внѣшняя политика Германіи тоже въ принципѣ продолжала держаться завѣтовъ Бисмарка. Опираясь на тройственный союзъ, эта политика стояла все время на почвѣ реальныхъ интересовъ, не задаваясь никакими общими идеями, и своею наиболѣе выраженною цѣлью ставила колоніальное расширеніе. Въ началѣ отчетнаго года этой цѣли служилъ уже изложенный захватъ китайской территоріи и послѣдовавшій за нимъ германо-китайскій договоръ о Шантунской провинціи. Въ концѣ года тому же исходу нѣмецкаго капитала и нѣмецкаго населенія служила, или, по крайней мѣрѣ, должна была служить помпезная поѣздка императорской германской четы въ Турцію. Между этими двумя событіями начала и конца отчетнаго года надо помѣстить англо-германскій трактатъ о раздѣлѣ португальскихъ колоній въ Африкѣ, на случай, если бы Португалія пожелала (какъ то думали) продать эти колоніи. Это соглашеніе имѣло то важное для обѣихъ договорившихся сторонъ значеніе, что оно положило конецъ существовавшей между ними холодности. Съ тѣхъ поръ нѣкоторое англо-германское сближеніе уже нельзя отрицать, какъ мы выше уже и упоминали. Для того, однако, чтобы это англо-германское сближеніе принесло всѣ свои плоды, оно должно быть дополнено германо-американскимъ сближеніемъ, покуда еще только желаннымъ для государственныхъ людей Лондона, но еще мало интересующимъ государственныхъ людей Берлина и Вашингтона. Если мы эти замѣчанія дополнимъ, напомня о нѣкоторомъ ослабленіи узъ, соединяющихъ Германію съ другими державами тройственнаго союза, то этимъ исчерпаемъ все важнѣйшее во внѣшней исторіи германской имперіи.

Ближайшая сосѣдка и союзница Германіи, Австро-Венгрія переживала въ отчетномъ году очень тяжелый политическій кризисъ, унаслѣдованный и новымъ годомъ. Въ началѣ года („Рус. Бог.", 1898 г., № 3) мы дали подробный отчетъ объ этомъ кризисѣ. Съ тѣхъ поръ и до сихъ поръ положеніе въ Австріи осталось прежнее, а въ Венгріи ухудшилось. И въ вѣнскомъ, и въ будапештскомъ парламентахъ обструкція буйнаго и на все готоваго меньшинства, по прежнему, остановила весь ходъ государственной жизни. Ни трагическая кончина императрицы Елисаветы, ни пятидесятилѣтній юбилей всѣми уважаемаго императора, ни прямая опасность этого разложенія государственной жизни, ничто не способно положить предѣлъ этому невозможному и стыдному положенію. Естественно, если при такомъ внутреннемъ состояніи имперіи австрійское правительство не отличалось предпріимчивостью во внѣшней политикѣ. Войдя съ Россіей въ соглашеніе о сохраненіи statu quo на Балканскомъ полуостровѣ, Австрія лояльно выдерживала эту программу и оставила свои обычныя интриги у мелкихъ дворовъ Балканскихъ государствъ. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по отношенію къ русской нотѣ о

разоруженіи, Австрія являлась въ истекшемъ году элементомъ мира въ Европѣ.

Третья участница тройственнаго союза, Италія, тоже переживала тяжелые дни. Весною она была глубоко потрясена революціоннымъ движеніемъ въ Ломбардіи и хлѣбными бунтами, кровавою волною прокатившимися по всему государству (у насъ, см. „Рус. Бог.“, 1898 г., № 5). Наступившій затѣмъ терроръ мало по малу смягченъ къ концу года, когда оказалось возможнымъ приступить и къ помилованіямъ участниковъ весеннихъ бунтовъ. Такимъ образомъ, ликвидація продовольственнаго бѣдствія и порожденныхъ имъ мятежей и заняла весь отчетный годъ въ Италіи. Слѣдуетъ еще отмѣтить заключеніе торговаго договора съ Франціей, явившееся признакомъ серьезнаго сближенія между двумя родственными народами латинскаго запада. Для Италіи этотъ договоръ имѣетъ и крупное экономическое значеніе, снова открывая французскій рынокъ для продуктовъ итальянскаго сельскаго хозяйства (вина, оливковаго масла, фруктовъ, шелка-сырца).

Въ невеликихъ державахъ Европы жизнь шла своимъ прежнимъ путемъ, кромѣ Испаніи, конечно, гдѣ военное бѣдствіе еще не сказало своего послѣдняго слова. Въ Бельгіи происходили законодательные выборы, сохранившіе прежнее соотношеніе трехъ борющихся партій (клерикаловъ, либераловъ и соціалистовъ) и прежнее клерикальное большинство. Частичное возобновленіе законодательныхъ органовъ происходило и въ Голландіи безъ существеннаго измѣненія въ переизбранномъ контингентѣ законодателя. Норвегія продолжала свою борьбу за полную политическую автономію. Всѣ три скандинавскихъ государства были взволнованы въ послѣднее время массовою высылкою датчанъ изъ Шлезвига. На балканскомъ полуостровѣ было сравнительно тихо. Таково было вообще и въ частности положеніе европейскаго міра въ отчетномъ году: серьезная международная эволюція въ смыслѣ перемѣщенія политической гегемоніи въ руки британской націи; тяжелыя внутреннія событія во Франціи, Италіи и Австріи; и сохраненіе прежняго „курса“ въ остальныхъ отношеніяхъ.

С. Южаковъ.

Изъ Англіи.

I.

Мнѣ давно хотѣлось познакомиться поближе съ массами въ Лондонѣ, изучить не *абстрактнаго* человѣка, какъ онъ фигурируетъ въ колоннахъ статистическихъ таблицъ, не „руки", несущія на рынокъ извѣстную долю мускульнаго труда, а Смита, Джонсона, Кларка и Робинсона, имѣющихъ свои личныя радости и свое личное горе; хотѣлось посмотрѣть, каковъ самъ этотъ Смитъ, отбывающій „часы", получающій по субботамъ разсчетъ и... у котораго такъ много шансовъ въ старости стать пенсіонеромъ рабочаго дома. Словомъ, меня интересовали „*живыя* цифры", по выраженію Глѣба Успенскаго. „Факты сами по себѣ ничего не говорятъ; они ничему не учатъ до тѣхъ поръ, пока не истолкованы разумомъ",—говоритъ Маршаль *). А чтобы получить вѣрное толкованіе, приходится считаться не съ абстрактнымъ Смитомъ, а съ живымъ, имѣющимъ свою индивидуальность. Но какъ осуществить желаніе? Конечно, послѣдовать примѣру сотни другихъ англійскихъ наблюдателей и поселиться самому на время въ какомъ нибудь бѣдномъ кварталѣ огромной метрополіи. Мнѣ приходилось часто туда дѣлать короткія экскурсіи; но онѣ имѣютъ тотъ недостатокъ, что предъ изслѣдователемъ не развертывается картина *обыденной* жизни. Другое дѣло, когда живешь самъ на полѣ наблюденія, если можно такъ выразиться. Но какой кварталъ избрать? Уайтчепель? Сѣверный Панкрасъ? Ламбетъ? Все это—центры перекатной нищеты. Въ своемъ родѣ, они интересны, но, во первыхъ, о нихъ существуетъ уже цѣлая литература. Тамъ работали и работаютъ десятки изслѣдователей; во вторыхъ, эти кварталы, хотя и могутъ дать яркую, колоритную картину, но она не будетъ иллюстрировать жизнь *молодой* Англіи, призванной къ общественной жизни послѣдними реформами; а именно она меня интересовала. Я рѣшилъ, вслѣдствіе этого, поселиться въ кварталѣ со смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ рядомъ съ *Slums*, т. е. съ трущобами, жило-бы правильно зарабатывающее населеніе. Былъ у меня знакомый Гауфенъ, добродушный старый чудакъ, вестфальскій нѣмецъ родомъ, заброшенный въ Англію лѣтъ двадцать пять. Маленькое состояніе и ничтожныя требованія дозволяли ему жить на покоѣ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Въ юности Гауфенъ скитался по всему свѣту, побывалъ въ Балканскихъ государствахъ, во Франціи, въ Италіи, прожилъ

*) **Principles of Economies, bk. I, ch. v., § 2.**

много лѣтъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ. Въ результатѣ было то, что Гауфенъ научился немного болтать и въ совершенствѣ ругаться на всѣхъ языкахъ. Отличительными признаками его было также сильное развитіе общественныхъ инстинктовъ и полный нигилизмъ въ отношеніи къ платью и умыванью. По выраженію Гауфена, привычка умываться каждый день и стѣсняться въ выборѣ словъ это—„die Dummheit und der Unsinn der Ferkelcivilisation“ (глупость и безсмысленность поросячей цивилизаціи). Вслѣдствіе сильнаго развитія инстинктовъ „соціабельности“, Гауфенъ привязывался къ тому обществу, въ которомъ вращался, какъ къ родной семьѣ. Этимъ обществомъ былъ народный клубъ, къ которому онъ принадлежалъ и въ комитетѣ котораго состоялъ. Часто въ разгарѣ бесѣды Гауфенъ вынималъ часы и затѣмъ стремительно срывался съ мѣста. „Надо бѣжать въ клубъ; у насъ тамъ вечеръ“,—озабоченно говорилъ онъ. Я зналъ, что у Гауфена много пріятелей среди массъ и поэтому спросилъ, не знаетъ ли онъ рабочую семью, которая согласилась бы мнѣ отдать комнату недѣли на три, на четыре. Гауфенъ взглянулъ на меня исподлобья, какъ-то бокомъ изъ подъ большихъ круглыхъ, развихлившихся очковъ, обмотанныхъ ниточкой, и щелкнулъ вставными челюстями. Это у него всегда выражало удивленіе.

— Sacrébleu! Ха! А на что это вамъ?—Я объяснилъ.

— Хм!—промычалъ онъ, зачесалъ щетинистую бороду, не чесанную, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ она выросла, и опять защелкалъ челюстями. — Sie sind doch ein Beobachter,—заворчалъ старый холостякъ.—Новые законы, навѣрное, найти хотите. И такъ, Ventre gris! не знаешь, куда дѣться отъ формулъ!

Я отвѣтилъ, что никакихъ широкихъ плановъ у меня нѣтъ, что формулъ не стану придумывать, а что просто хочу пожить четыре недѣли въ домѣ какого нибудь Смита или Кларка. Черезъ два дня я былъ уже водворенъ въ комнатѣ, во второмъ этажѣ домика, занимаемаго столяромъ Рэндлемъ, на Dalling Road.

Я заранѣе познакомился съ топографіей мѣстности. Dalling Road—очень длинная и очень грязная таки улица съ двумя рядами старенькихъ, почернѣвшихъ домиковъ. Лэндлорды сдаютъ ихъ не на тѣхъ условіяхъ, что въ болѣе состоятельныхъ кварталахъ. Тамъ аренда производится на три года, а квартиранты платятъ по третямъ, по истеченіи срока. Населенію Dalling Road состоящему изъ столяровъ, каменщиковъ, извозчиковъ, красильщиковъ и прочаго люда, получающихъ разсчетъ по недѣльно,—нѣтъ такого довѣрія. Они платятъ ренту по субботамъ. Пропускъ двухъ сроковъ ведетъ за собою приказъ очистить квартиру. Результатъ такой системы платежа, между прочимъ, слѣдующій. Снимающіе домъ на годъ платятъ также городскіе налоги и, поэтому, имѣютъ право участвовать въ парламентскихъ и муниципальныхъ выборахъ. За снимающихъ квартиру по-недѣльно,—

платитъ городскіе налоги лэндлордъ. Конечно, онъ засчитываетъ эти деньги квартиранту; но послѣдній лишенъ права выборовъ, а лэндлордъ имѣетъ нѣсколько голосовъ. Это именно явленіе имѣли въ виду составители ньюкэстельской программы, выставившіе положеніе: одинъ избиратель можетъ пользоваться лишь однимъ голосомъ *).

Центромъ квартала является большое, но нѣсколько неуклюжее зданіе городской школы, возлѣ которой утромъ и въ полдень, какъ пчелы, гудятъ сотни мальчиковъ и дѣвочекъ. Населеніе домиковъ бѣдно, но зарабатываетъ правильно; кабаковъ совсѣмъ не видно, не видать также пьяныхъ, бурлящихъ буяновъ, заплаканныхъ, встрепанныхъ женщинъ съ огромными синяками подъ глазами. Дѣти, гомозящіяся на тротуарахъ, не производятъ такого удручающаго впечатлѣнія брошенныхъ въ канаву котятъ, какъ въ кварталѣ Ламбетъ, напр. Между тѣмъ, въ статистическихъ отчетахъ мѣстная школа находится въ рубрикѣ „special difficulty school“. Послѣдній терминъ означаетъ слѣдующее. Школьная статистика раздѣлила лондонскую массу на три класса: „низшій“, „средній“ и „высшій“, руководясь правильностью заработковъ. Къ „низшему“ классу относится полу-преступное населеніе, состоящее изъ бродягъ, нищихъ, воровъ и т. д. „Средній“ классъ это—не имѣющіе правильнаго заработка и ремесла, напр.: носильщики, нагрузчики, помощники каменщиковъ и т. д. Къ „высшему“ классу относятся хорошо и правильно зарабатывающіе рабочіе, получающіе больше, чѣмъ 25 ш. въ недѣлю. Въ народныхъ школахъ этихъ трехъ группъ дѣти имѣютъ различный видъ. Дѣти, принадлежащія къ „высшему“ классу, приходятъ въ школу чистенькія, накормленныя, въ силу этого имъ легче слѣдить за преподаваніемъ. Другія дѣти приходятъ голодныя, измученныя работой, вслѣдствіе чего тупы. Особенно мучителенъ трудъ учителей въ школахъ, находящихся въ кварталахъ, населенныхъ полупреступнымъ населеніемъ. Вѣковая нищета, хроническій голодъ ряда поколѣній, приниженность и пьянство ихъ сказались на дѣтяхъ. „Печальную группу представляетъ классъ“,—говоритъ изслѣдователь.—Лишь два-три ученика смотрятъ опрятно. Лица ихъ умыты, на шеяхъ чистые воротнички. Остальные представляютъ группу оборвышей, какъ будто-бы старающихся перещеголять другъ

*) Каждый избиратель платитъ слѣдующіе налоги: въ пользу бѣдныхъ, для содержанія county council, полиціи, музеевъ и мѣстныхъ библіотекъ, народнаго образованія, затѣмъ—на освѣщеніе и дренажъ улицъ, на содержаніе мостовыхъ. Налогъ распредѣляется пропорціонально квартирной платѣ. Въ общемъ, городскіе налоги составляютъ ⅓ квартирной платы. Кромѣ того, существуетъ еще небольшой квартирный налогъ, такъ называемые „королевскіе налоги“, идущіе въ пользу государства. Больше всего приходится платить въ пользу бѣдныхъ. Въ моемъ округѣ мы вносимъ ежегодно по 1 ш. 6 п. ⅓ на каждый фунтъ арендной платы въ фондъ „Relief of the Poor“.

друга лохмотьями. Многіе имѣютъ просто болѣзненный видъ, глаза красны и гноятся... Отпечатокъ нищеты, горя, голода, пьянства и забитости рѣзко бросается въ глаза... Четвертая часть всѣхъ дѣтей въ классахъ состоитъ изъ круглыхъ дураковъ. Взрослые мальчики, съ лицами забитой и запуганной овцы, сидятъ въ младшихъ отдѣленіяхъ, пробуютъ учиться; но не могутъ. Въ отдѣленіи для дѣвочекъ—то же самое. Дѣвочки сломаны тяготами жизни, навалившейся раньше времени на ихъ плечи. Вотъ 12 лѣтняя старушка, которая хозяйничаетъ дома, потому что мать—въ тюрьмѣ, а отецъ пьетъ" *). Эти школы извѣстны подъ названіемъ special difficulty schools, т. е. такихъ, въ которыхъ преподаваніе представляетъ особенныя трудности. И къ этой группѣ школъ принадлежитъ та, что находится въ кварталѣ, гдѣ я поселился. Стоитъ повернуть лишь за уголъ, чтобы понять причину. Характеръ квартала сразу мѣняется. Улицы—грязны, плохо дренированы, вслѣдствіе чего слышится сильный запахъ сточныхъ трубъ. Во всѣ концы, какъ пауки, расползаются извилистые переулки. Дома—стары, почернѣли, съ выбитыми стеклами, замѣненными газетной бумагой. Многія двери заколочены: эти дома признаны санитарными инспекторами нездоровыми для жилья. Мы въ типичномъ лондонскомъ Slum. Мало семействъ здѣсь занимаютъ квартиру, состоящую больше, чѣмъ изъ одной комнаты. Въ такой квартирѣ, кромѣ хозяина, живетъ еще жилецъ. Дѣти большею частью бродятъ по улицѣ, возвращаясь домой, когда запрутъ кабаки. Послѣднихъ—масса. Они встрѣчаются на каждомъ шагу. Возлѣ дверей, въ особенности къ вечеру, толпятся оборванные, дрожащіе, посинѣвшіе отъ виски люди. Они и малосильнѣе, и ниже ростомъ, чѣмъ остальное населеніе. Кажется, что это совсѣмъ другое племя. Кромѣ кабаковъ, въ изобиліи встрѣчаются также три золотыхъ шара, вывѣска роставщика. Здѣсь принимаютъ въ закладъ всякую тряпку и выдаютъ заемъ въ $1^1/_2$ пенса.

Какъ рѣзко отличается отъ берлогъ, что въ *slum*, квартира столяра Рэндля, избранная мною, какъ наблюдательный пунктъ! Домикъ состоитъ изъ двухъ этажей. Въ нижнемъ—двѣ комнаты: гостиная и столовая, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ кухней. Въ верхнемъ—тоже двѣ комнаты. Ренты Рэндли платятъ 11 шиллинговъ въ недѣлю. Чтобы имѣть всегда обезпеченной извѣстную сумму, Рэндли, какъ большинство рабочихъ здѣсь, сдаютъ одну комнату жильцу за $3^1/_2$ шиллинга въ недѣлю. Въ домѣ—темновато, пахнетъ слегка сыростью, обои, въ особенности въ передней, обтрепались внизу и висятъ лохмотьями; но всюду поразительная чистота. Коврики вычищены; на нихъ—ни пятнышка; клеенка, которой покрыта лѣстница—прямо сверкаетъ. Хозяйка моетъ съ мыломъ

*) Ch. Booth, Life and Labour of the People, v. III, p. 219.

каждый день. Въ гостиной—мягкая мебель; во всѣхъ углахъ какія-то полочки съ чашечками, фотографическими карточками, фарфоровыми баночками и пр. На видномъ мѣстѣ—фотографическая группа, изображающая крокетную партію, въ которой участвовалъ хозяинъ, и большая пѣнковая трубка,—трофей побѣдъ. Въ почетномъ углу, близь камина, самодѣльный шкафикъ съ книгами. Кромѣ груды отчетовъ „Amalgamated Society of Carpenters and Joiners", союза, къ которому принадлежитъ хозяинъ и секретаремъ одного изъ отдѣленій котораго состоитъ, да нѣсколькихъ брошюръ—тутъ десятка два книгъ: Библія, Шекспиръ, „Веселая Англія" Блэчфорда, изданія „Фабіанцевъ", „Бѣлые рабы Англіи", Шерара, томикъ гриновской „Исторіи англійскаго народа", поэмы Уота Уитмана, „Эволюція современнаго капитализма" Гобсона и т. д. Надъ книгами, въ большой рамѣ—дипломъ, выданный Рэндлю трэдъ-юніономъ. По разсказамъ Гауфена я уже нѣсколько знаю хозяевъ. Знаю, что Рэндль—сынъ „hodge" (сельскаго рабочаго), что онъ получаетъ въ недѣлю около 35 шиллинговъ, что онъ членъ „Amalgamated Society of Carpenters and Joiners", одного изъ богатѣйшихъ „союзовъ" Англіи, насчитывающаго около 54 тысячъ сочленовъ. Я знаю, что за право принадлежать къ союзу Рэндль вноситъ еженедѣльно по 1 шиллингу, да еще шиллингъ въ годъ въ экстренный фондъ. За это онъ пользуется слѣдующими правами: въ случаѣ болѣзни онъ получаетъ (въ продолженіе 3 мѣсяцевъ) по 12 шиллинговъ въ недѣлю; если онъ потеряетъ работу, его станутъ поддерживать шесть мѣсяцевъ (по 10 ш. въ недѣлю). Если онъ получитъ увѣчье во время работы, напр., потеряетъ руку, союзъ ему выдастъ 50 ф., а въ случаѣ смерти семья его получитъ 100 ф. ст. Онъ, до извѣстной степени, обезпеченъ также въ старости. Если онъ 25 лѣтъ будетъ членомъ союза, то получитъ по 5 ш. въ недѣлю, если 30 лѣтъ—то 7 шиллинговъ. Въ случаѣ промышленной войны, всѣ члены союза получаютъ по 15 ш. въ недѣлю. У Рэндлей двое дѣтей, двѣ дѣвочки, лѣтъ шести и четырехъ. Такъ какъ съ пяти лѣтъ въ Англіи ученіе обязательно, то старшая дѣвочка, Флори, каждый день отправляется въ школу. Младшая, Мэй, пока сидитъ еще дома.

Я водворенъ у себя въ комнатѣ. Вечерѣетъ. Туманъ все болѣе закутываетъ молочнымъ покрываломъ печальную улицу. Я вижу изъ окна, какъ сосѣдки, въ мужскихъ шапочкахъ вмѣсто платковъ на головѣ, бѣгутъ въ лавочку или же бесѣдуютъ въ ожиданіи большаковъ, которые должны вскорѣ возвратиться съ работы. Дѣти стоятъ на порогахъ или же на тротуарѣ и выглядываютъ отцовъ. Я слышу, какъ внизу гомозятся Мэй и Флори, какъ звенитъ чашками мисисъ Рэндль, приготовляющая чай для мужа. Она поетъ; вначалѣ я не могу разобрать словъ; но вскорѣ улавливаю:

„Darkest is night,
We do not fear;
Dawning is near...“ *).

Мнѣ эту пѣсню приходилось слышать много разъ на митингахъ. Вотъ стукнула дверь. Дѣти радостно запищали. Раздался усталый мужской голосъ. Очевидно, возвратился съ работы большакъ. Туманъ заползаетъ вмѣстѣ съ мракомъ въ открытое окно въ мою маленькую комнатку. Мнѣ кажется, что этотъ мракъ какой-то особенный, насыщенный нищетой и горемъ сосѣдняго квартала. Кажется, что этотъ мракъ—нѣчто безформенное, но живое, опутывающее васъ всего своими холодными, черными щупальцами. Нервная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу. Я только что вернулся съ континента и въ моемъ воображеніи еще поразительно ясны чудные горные пейзажи. Быть можетъ, потому этотъ мрачный кварталъ такъ дѣйствуетъ сильно. Я выхожу, чтобы побродить по сосѣдней торговой улицѣ. Она оживаетъ вечеромъ, когда народъ возвращается съ работы. Газовые рожки тускло и расплывчато свѣтятъ въ туманѣ. На скользкихъ тротуарахъ страшная толчея; но это не уайтчепельская публика: не видно пьяныхъ матросовъ и накрашенныхъ женщинъ; не слыхать перекатныхъ ругательствъ. Публика состоитъ изъ рабочихъ и женъ ихъ. Всѣ выползли за покупками. Постоянно встрѣчается такая группа: мужъ везетъ повозочку, въ которой дремлетъ ребенокъ съ соской во рту, жена тащитъ кулечекъ, изъ котораго видѣнъ стебель сельдерея, нѣсколько картофелинъ, пачка съ чаемъ да завернутое въ бумагу масло. Если бы не дикое улюлюканье мясниковъ, на перебой выкликающихъ достоинство своихъ продуктовъ, на улицѣ было бы совсѣмъ тихо, не смотря на массу народа. Магазиновъ много; но всѣ они разсчитаны на очень тощіе кошельки. Если въ нихъ продаются сколько нибудь дорогія вещи, напримѣръ, посуда, мебель, то покупателямъ заманчиво предлагается система выплаты. „Лишь шиллингъ въ недѣлю за великолѣпную постель“,—виднѣется въ одномъ окнѣ. „Диванъ и шесть креселъ и всего лишь по полукронѣ въ недѣлю“—красуется въ другомъ. Молодые люди, собирающіеся вступить въ бракъ, рука въ руку идутъ отъ окна къ окну, обсуждая детали будущаго хозяйства. Нужно возвращаться домой. Кажется, что воздухъ улицы еще болѣе насыщенъ дыханіемъ нищеты и горя, чѣмъ мракъ, ворвавшійся въ комнату. Туманъ сгустился. Уже около 11.

Самое лучшее, попытаться уснуть. Это—лучшее средство акклиматизироваться на новомъ мѣстѣ.

Съ улицы доносятся пьяные голоса. Бурлятъ и ругаются близъ „Семи звѣздъ“, кабака, что на первомъ поворотѣ. Слышатся обрывки хмѣльныхъ пѣсенъ; но чаще всего грубыя ругательства,

*) „Ночь темна, мы не боимся:—близокъ разсвѣтъ“.

безсмысленное сочетаніе слова „bloody" да женскій плачъ. Но вотъ пропойцы замолкли. Послышалось пѣніе бравурной модной комической пѣсни. Голосъ у пѣвца — осипшій, но пріятный. Слышна хорошая обработка. По тому, какъ произноситъ пѣвецъ слова,—можно догадаться, что онъ былъ на сценѣ. Это, несомнѣнно, *downfallen*, спустившійся, быть можетъ, отъ аристократическаго music-hall'а до дверей кабака. Мнѣ представляется фигура пѣвца: онъ стоитъ теперь, должно быть, у входа, робко улыбается каждый разъ, какъ отворяются двери, и по театральному („для смѣха") жестикулируетъ руками. На немъ старенькій, вытертый пиджачекъ съ поднятымъ воротникомъ, чтобы получше защитить тѣло, на которомъ нѣтъ бѣлья. Быть можетъ, тоже „для смѣха", пѣвецъ выпачкалъ себѣ сажей посинѣвшее отъ холода и водки лицо. Какое выраженіе у пѣвца? Навѣрное, какъ у того старика, котораго я видѣлъ при другой обстановкѣ и подъ другимъ небомъ, какъ говорятъ поэты, всего лишь нѣсколько дней тому назадъ. И съ особенной отчетливостью во всѣхъ деталяхъ мнѣ представляется слѣдующая сцена. Вечеръ на бульварѣ Капуциновъ. Я сижу за столикомъ на тротуарѣ возлѣ Café Américain и, вмѣстѣ съ тысячью другихъ иностранцевъ, смотрю на сутолоку и на пеструю коллекцію типовъ. Вотъ, присѣдая, шаркаетъ дрожащими ногами, обутыми въ повязанныя веревочками (чтобы не упали подметки) башмаки—оборванный собиратель окурковъ и тычетъ палкой съ гвоздемъ въ концѣ подъ столы, стоящіе съ краю. Парень съ ввалившимися щеками, съ синими кругами подъ глазами, съ заострившимся носомъ, показываетъ „послѣднюю парижскую новость", какъ говоритъ онъ: картину, изображающую человѣка во фракѣ, обернувшагося спиной. Парень дергаетъ за нитку, фалдочки поднимаются и оказывается, что человѣчекъ „безъ оныхъ". Проходятъ, высоко поднявъ платье, кокотки съ застывшими улыбками на разрисованныхъ лицахъ; потомъ еще кокотки, еще и еще. Потомъ сѣдой господинъ съ красной ленточкой. Безконечной шеренгой заковыляли продавцы только что вышедшей вечерней газеты, пахнущей краской и сулящей, судя по огромнымъ надписямъ, рядъ скандаловъ. Сами по себѣ эти разносчики—цѣлая гогартовская серія.

— La Patrie! Voilà la Patrie! Demandez La Patrie!—хрипло и отрывисто выкликаетъ старикъ лѣтъ шестидесяти.

— Voilà La Patrie!.. зычно, какъ порскающій доѣзжачій, выпаливаетъ краснощекій парень въ огромномъ картузѣ, съ заботливо закрученными усиками, въ синей блузѣ, съ заплатой на плечѣ. Далѣе ковыляетъ распухшій отъ абсента небритый индивидуумъ неопредѣленныхъ лѣтъ; потомъ газету предлагаетъ оборванецъ въ пенсне, съ тѣмъ закаменѣвшимъ выраженіемъ, что можно подмѣтить на лицѣ у человѣка, рѣшившагося на такое унизи-

тельное дѣло, за которое, ему казалось, онъ никогда не будетъ въ силахъ взяться.

— La Patrie!.. фальцетцемъ, какъ надтреснутый стаканъ, по которому ударяютъ ложечкой,—дребезжитъ ветхая деньми старушка въ допотопной шляпкѣ. Опять разрисованныя, улыбающіяся дамы; потомъ усатые „sergots“ (полицейскіе), въ какихъ-то синихъ мантильяхъ, подозрительно и хмуро глядящіе изъ подъ вздернутыхъ козырьковъ кэпи. Иностранцы глазѣютъ на всю эту сутолоку, пьютъ свои consomations и притворяются, что имъ страшно весело, что никогда отроду не видали ничего болѣе пріятнаго, чѣмъ вся эта безсмысленная сутолока развинченныхъ и голодныхъ людей. Какъ же иначе? Вѣдь это Парижъ! Мало того, линія большихъ бульваровъ. Какъ часто иностранцамъ приходилось слышать, что l'étranger ne saurait choisir un plus agréable passe-temps que de se placer le soir à la porte d'un établissement pour voir défiler la foule des promeneurs. Всѣ иностранцы пріѣхали сюда взвинченные еще съ того момента, какъ сѣли у себя на родинѣ въ поѣздъ.

Къ столикамъ подходитъ сморщенный, высохшій старичекъ. Онъ затягиваетъ пѣсенку хорошо обработаннымъ голосомъ, въ которомъ и теперь еще есть пріятныя ноты.

Quel est sous le ciel bleu
Le chef-d'oeuvre de Dieu?
C'est la femme!
Rien n'est plus beau vraiment,
Plus ai—mable et charmant,
Que la fem-me.

Поетъ, улыбаясь, старичекъ, подмигивая лукаво слезящимися, красными глазами. И эта улыбка, и это старческое подмигиванье зарождаютъ въ душѣ смѣшанное чувство глубокой жалости и физіологическаго отвращенія.

Этотъ старикъ припоминается мнѣ. Я почему-то увѣренъ, что пѣвецъ, поющій теперь у дверей „Семи звѣздъ“, какъ сдѣлать мужей вѣрными, долженъ такъ же улыбаться и такъ же подмигивать, какъ тотъ старичекъ, который пѣлъ у дверей Café Américain.

II.

— Не хотите-ли пойти съ нами въ клубъ?—предложила мнѣ на другой день хозяйка, когда дѣти были уложены.—У насъ сегодня лекція, танцы и живыя картины.

М-ръ Рэндль еще не пришелъ съ работы; требовалось докончить что-то очень спѣшное и въ мастерской работали дольше обыкновеннаго. Мы отправились вдвоемъ. По дорогѣ я узналъ исторію „John Ball“ клуба, названнаго такъ въ честь одного изъ героевъ Вильяма Морриса. Кружокъ человѣкъ въ 40 снялъ домъ

за 42 ф. въ годъ; дамы явились, покончивъ съ хозяйствомъ дома, вымыли и вычистили зданіе. Затѣмъ наступила очередь мужчинъ. Домъ сдали, сравнительно, дешево потому, что онъ былъ въ довольно таки запущенномъ видѣ. „Джентельмэны" явились сюда послѣ работы и починили полы, пригнали плохо поднимавшіяся оконницы, поправили скрипѣвшія двери, подклеили висѣвшія обои и подкрасили, гдѣ деффекты особенно бросались въ глаза. Домъ вышелъ хоть куда! Рента покрывалась членскими взносами, по шиллингу въ мѣсяцъ; но такъ какъ въ первый годъ оказался дефицитъ въ 5 ф., то для покрытія его устроили „sale", т. е. распродажу. Сочлены пожертвовали, кто старую куртку, кто сапоги, вышедшіе уже давно въ тиражъ, кто шляпу, вѣрой и правдой прослужившую не одинъ годъ. Дамы собрали все это въ клубѣ, починили, вычистили, вывернули на изнанку и устроили толкучку. Покупателями явились уличные разносчики, продавцы газетъ и всѣ тѣ, которые, по характерному выраженію англійскаго экономиста, увлечены „into the Maelstrom of unskilled labour" (мальштремомъ не требующей спеціализаціи работы). Можно-ли было удержаться отъ искушенія и не купить, когда сапоги шли по пяти пенсовъ, шляпы по пенсу и когда можно было щеголять въ цѣлыхъ штанахъ, раскошелившись лишь на 8 пенсовъ? Вечеръ, на который мы отправлялись сегодня, долженъ былъ окончательно прикрыть дефицитъ, не совсѣмъ еще пополненный распродажей.

Въ нижней, „пріемной" залѣ клуба изобиліе мебели не поражало. Обстановка состояла изъ простого кухоннаго стола, довольно таки ветхаго деньми (у него отъ старости подогнулись ножки и онъ хрипѣлъ и скрипѣлъ при каждомъ неосторожномъ движеніи), да изъ нѣсколькихъ разнокалиберныхъ стульевъ. Мебель была сборная, пожертвованная. На стѣнѣ висѣла лишь одна гравюра въ рамѣ—символическое изображеніе торжества труда. Повидимому, мы поторопились и пришли слишкомъ рано. Въ углу стояли два бициклета, но посѣтителей не было. Въ ожиданіи начала, я сталъ пересматривать газеты, лежавшія на столѣ: „Justice". „Labour Leader", неизбѣжный „Clarion", *Reynold's Newspaper* и „Daily Chronicle". Среди этихъ газетъ мнѣ попалась маленькая тетрадка въ листокъ почтовой бумаги, страницъ въ 50. Это былъ клубный журналъ „The Searchlight", о которомъ мнѣ говорилъ уже Гауфенъ. Не одинъ изъ многочисленныхъ англійскихъ народныхъ клубовъ имѣетъ свой собственный журналъ. Большею частью выходятъ эти изданія ежемѣсячно. Ихъ можно раздѣлить на три группы. Прежде всего, журналы дѣловые. Если клубъ состоитъ изъ механиковъ, столяровъ, электротехниковъ и др. спеціалистовъ,—имъ интересно слѣдить за прогрессомъ въ своемъ ремеслѣ. Большею частью эти журналы издаются клубами, примыкающими къ одному изъ крупныхъ разсадниковъ техническаго знанія среди населенія: къ лондонскому политехникуму или же къ народному

дворцу. Второй типъ это—журналы, издаваемые клубами саморазвитія. Обыкновенно они издаются при одномъ изъ „центровъ“ University Extenion movement (о нихъ я писалъ уже). Въ такихъ журналахъ помѣщаются рефераты, отчеты о дебатахъ, проспекты новыхъ курсовъ и т. д. Иногда журналъ посвященъ всецѣло тому вопросу, который изучается въ данный моментъ клубомъ. Напр., двѣ зимы тому назадъ въ Глазго сорокъ молодыхъ столяровъ и литейщиковъ организовали „Марксовскій Клубъ“ для изученія „Капитала“. Изученіе было покончено въ 20 чтеній. Каждый по очереди взялъ главу или же нѣсколько параграфовъ и изложилъ ихъ по возможности болѣе ясно; затѣмъ, рефератъ прочитывался въ клубѣ и обсуждался. Сообща затѣмъ дебаты суммировались, выбиралась наиболѣе сжатая и ясная форма, а потомъ рефератъ помѣщался въ журналѣ. Когда „Капиталъ“ былъ изученъ, клубъ издалъ всѣ рефераты въ видѣ двухпенсовой брошюры („A Short Exposition of Marx'Capital“, by W. S. Murphy). По словамъ профессора глазговскаго университета Smart'а, эта брошюра—лучшее изложеніе ученія Маркса на англійскомъ языкѣ (см. подробности объ этомъ клубѣ въ *Labour Leader* *). Журналы третьяго типа это—шуточныя изданія. Не мудрствуя лукаво, издатели подражаютъ второстепеннымъ юмористическимъ англійскимъ изданіямъ. Большею частью это изданія рукописныя. Мѣстная злоба дня и намеки на клубныя событія занимаютъ въ нихъ первый планъ.

Достаточно было перевернуть нѣсколько страницъ *Searchlight*, чтобы убѣдиться, что изданіе „Клуба Джона Болля“ относится къ третьему типу журналовъ. Мнѣ попался третій номеръ. Во вступительной статьѣ, озаглавленной „Издательская опытность“—редакція говоритъ: „успѣхъ нашего *магазина* превзошелъ всѣ ожиданія. Клубъ находился въ состояніи броженія. Флитъ-Стритъ (улица въ Лондонѣ, гдѣ помѣщаются почти всѣ редакціи газетъ) отъ страха ходитъ на тараканьихъ ножкахъ. Редакція очень горда успѣхомъ; но онъ причинилъ намъ также уйму безпокойства и хлопотъ. Нѣкоторые индивидуумы почему-то убѣждены, что лишь на извѣстныхъ личностей падаетъ вся отвѣтственность за ту мудрость, что обрѣтается въ такомъ изобиліи въ *Searchlight*. Въ силу этого индивидуумы косятся на подозрѣваемыхъ и понижаютъ голосъ, когда тѣ проходятъ. Почему эти предосторожности? Индивидуумы боятся, что перлы ихъ краснорѣчія и политической мудрости будутъ воспроизведены на страницахъ *Searchlight*“.

— Что здѣсь дѣлаете, Kamerad? А-а?—говорилъ кто-то по-нѣмецки. По голосу и еще болѣе по неизбѣжному аккомпанименту щелканьемъ вставныхъ челюстей я узналъ Гауфена.—Searchlight читатаете. Ну что? Ха-ха! Sacramento de Dio! Нравится?

---

*) Saturday, october 8, 1898.

— Н-не совсѣмъ,—протянулъ я нерѣшительно.—По обыкновенію, Гауфенъ моментально ощетинился и сталъ горой за свой клубъ, покушеніе на который усмотрѣлъ въ моемъ отзывѣ о журналѣ.

— Ха! Чортъ возьми! А чѣмъ, скажите, *Sraps* *) лучше?—Челюсти щелкнули такъ энергично, ругательства на всѣхъ языкахъ посыпались въ такомъ изобиліи, что я не счелъ нужнымъ излагать подробно мой взглядъ предъ добродушнымъ, старымъ холостякомъ, которому клубъ замѣнялъ семью. Народъ сталъ набираться. Послышался смѣхъ, раздались шутки. По платью и по лицамъ окружающихъ я бы не могъ опредѣлить общественное положеніе ихъ; что же касается другого мѣрителя въ Англіи—языка, то онъ тоже оказывался не совсѣмъ точнымъ показателемъ. Правда, кое кто изъ окружающихъ, въ особенности дамы, говорили съ сильнымъ „кокнеевскимъ" акцентомъ, выговаривая „baby", какъ „байби", „lady", какъ „лайди" и путая букву *h*; но большинство говорило правильно и литературно. Моимъ менторомъ явилась миссисъ Рэндль, которая подошла въ это время ко мнѣ.

— Вотъ видите, тотъ высокій молодой джентельмэнъ, красивый такой, съ закрученными усами, это механикъ, м-ръ Невиль, издатель нашего журнала. А тотъ, бритый, широкоплечій, дюжій, какъ носильщикъ (онъ у насъ первый пропетистъ) это—столяръ, м-ръ Снелгровъ. А тамъ въ углу, возлѣ камина, это клэркъ. Онъ служитъ въ большомъ ювелирномъ магазинѣ. Теперь видите ту дѣвушку?—Она указала на перебиравшую газетные листы молодую, хорошенькую дѣвушку, въ сѣромъ платьѣ съ розовымъ поясомъ. Это—миссъ Кларкъ, горничная. Она окончила всѣ шесть отдѣленій Board School, играетъ на фортепіано, знаетъ по французски. Всему этому научилась въ вечерней школѣ.

— Джентельмэны, заговорилъ весело Невиль.—Вотъ сцену я видѣлъ, когда ѣхалъ сюда, хоть сейчасъ въ Punch! Въ нашемъ вагонѣ сидятъ двѣ лэди и бесѣдуютъ о томъ, гдѣ провели свой holiday.—Я провела все время въ Llandudno,—говоритъ одна, сморщенная такая, съ тонкими, подтянутыми злыми губами, совсѣмъ миссъ Мордстонъ **);—только въ другой разъ болѣе ужъ ни за что не поѣду туда. Тамъ такая масса ирландцевъ, что просто противно выйти на берегъ. — Останавливается въ это время нашъ вагонъ у станціи. Толстая женщина, въ изломанной шляпѣ, съ зеленой шалью на плечахъ, сидѣвшая на одной скамьѣ съ дамами, выходитъ, затѣмъ кричитъ на весь поѣздъ отчаяннымъ ирландскимъ акцентомъ:—Мисусъ! Если вы захотите въ будущемъ году провести holiday—отправляйтесь къ чорту, въ адъ. Тамъ вы, навѣрное, не встрѣтите ирландцевъ.

*) Третьестепенный лондонскій юмористическій журналъ.
**) „Давидъ Коперфильдъ", сестра отчима героя.

Всеобщій хохотъ покрываетъ голосъ разсказчика. Гдѣ-то зазвенѣлъ звонокъ — лекція начинается. — Пойдемте, — сказала мнѣ миссисъ Рэндль. Всѣ перешли въ другую комнату, гдѣ была эстрада. По обыкновенію, прежде, чѣмъ начать, пропѣли хоралъ „England arise"! Но вотъ пѣсня, напоминающая протяжнымъ, нѣсколько монотоннымъ напѣвомъ—церковный гимнъ, окончена. На эстраду вышелъ предсѣдатель, представившій, по англійскому обычаю, лектора публикѣ, хотя, повидимому, послѣдняя и безъ того отлично знала его. Лицо у лектора было интересное: не красивое, но энергичное, съ широкимъ лбомъ, съ квадратнымъ подбородкомъ. На такихъ лицахъ какъ будто написано: „что захочу, то сумѣю сдѣлать"! Лектору, самое большее, было лѣтъ 26—27. Выбритые усы и борода да закрученный бѣлокурый хохолокъ (мода, очень популярная среди англійскихъ рабочихъ и клэрковъ) придавали Макъ'Миллану (такъ звали лектора) еще болѣе моложавый видъ.

— Макъ'Милланъ столяръ,—шепнула мнѣ на ухо миссисъ Рэндль.—Онъ живетъ рядомъ съ нами. Мнѣ хозяйка его сказывала: до двухъ, до трехъ, часовъ ночи сидитъ надъ книгами. Чего только онъ не знаетъ! Ему юніонъ, къ которому онъ принадлежитъ, давно уже предложилъ оставить работу и поступить секретаремъ. И жалованье хорошее предлагали! Только мистеръ Макъ'Милланъ не хочетъ, отказывается все; говоритъ: „я лучше понимаю, когда сажусь за книги послѣ работы". На послѣднихъ выборахъ мы его выставили кандидатомъ въ школьный совѣтъ; не хватало всего 11 голосовъ, чтобы онъ прошелъ. Слышала я, что, будь завтра общіе выборы, мы бы выставили Макъ'Миллана кандидатомъ въ парламентъ.

Между тѣмъ, предсѣдатель кончилъ. Лекторъ началъ читать о заработной платѣ и о „Truck Acts" *). „Про добраго калифа Гарунъ-Аль-Рашида говорятъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе оставлять порой блестящій дворецъ и отправлялся переодѣтымъ по Багдаду,—началъ лекторъ нѣсколько нараспѣвъ, какъ большею частью говорятъ здѣсь ораторы, въ особенности же не совсѣмъ опытные.—„Калифъ смѣшивался съ народомъ, присматривался къ жизни его, изучалъ ее, чтобы знать, какова она. Подобнымъ же образомъ добрый Джонъ Булль, геній покровитель нашей націи, являющійся для многихъ лишь абстракціей, — порой спускается съ своихъ заоблачныхъ сферъ, чтобы побывать среди англичанъ. Часто, когда я сижу ночью у огня, занятый изученіемъ нашей общественной жизни,—его жирная, большая фигура проникаетъ въ мою комнату и комфортабельно усаживается у камина. Порой,

*) Законы, воспрещающіе разсчеты натурой. Такіе разсчеты уже болѣе не практикуются на фабрикахъ; но въ мастерскихъ еще кое гдѣ удержались.

полузакрывъ глаза, онъ неподвижно слушаетъ о положеніи массъ, патрономъ которыхъ является; онъ начинаетъ дремать подъ мой говоръ. Напрасно я убѣждаю и доказываю, что слѣдуетъ принять какія нибудь мѣры! Увы! Какимъ поразительнымъ тупоуміемъ отличается Джонъ Булль! Что за упрямство быка! Въ послѣднее время, однако, я замѣтилъ, что Джонъ Булль становится какъ будто болѣе внимательнымъ. Порой, онъ проявляетъ признаки пробужденія. Выраженіе крайняго самодовольства на лицѣ моего собесѣдника, какъ будто, стало исчезать и замѣнилось другимъ: выраженіемъ пытливаго безпокойства. Совѣсть начинаетъ шептать Джону Буллю, что, пожалуй, не все обстоитъ такъ благополучно, какъ казалось ему прежде... Третьяго дня мы вступили въ разговоръ, содержаніе котораго я намѣренъ вамъ передать сегодня. „Джонъ, сказалъ я моему собесѣднику, вы сдѣлали страшную ошибку: вы захватили огромную территорію, основали населенныя колоніи во всѣхъ частяхъ свѣта; но не разрѣшили совершенно вопроса о томъ, какъ кормятся и живутъ милліоны людей“...

Вступленіе, какъ видите, доказываетъ, что ораторъ самоуничиженіе не считалъ добродѣтелью. Лекція была интересная. Повидимому, у лектора былъ не большой запасъ идей; но въ нихъ онъ отлично разобрался, подобралъ подходящія цифры и хорошо владѣлъ ими. Какъ всѣ англійскіе ораторы, Макъ'Милланъ прибѣгалъ порой къ „joke“ (остротѣ), которая каждый разъ привѣтствовалась публикой смѣхомъ и рукоплесканіемъ. Ораторъ кончилъ. Снова всѣ запѣли; на этотъ разъ другой гимнъ...

Затѣмъ публика перешла снова въ первую комнату, откуда сдвинули уже всю мебель и вкатили піанино. Начались танцы Молодежь танцовала съ увлеченіемъ. Вначалѣ вальсы и польки, потомъ чисто англійскій barn-dance, являющійся нѣсколько дисциплинированнымъ джигомъ.

Личность Макъ'Миллана меня крайне заинтересовала. Я попросилъ Гауфена представить меня лектору. Вытащить нѣмца было не совсѣмъ легко. Онъ все собирался показать пляшущимъ, какъ слѣдуетъ танцовать „настоящій“ гроссфатеръ. Фигура танцующаго Гауфена, въ куцой визиткѣ, съ выгнутой спиной была крайне любопытна. Каждое па онъ сопровождалъ щелканьемъ челюстей. That is the real german *Grossvater,*—все повторялъ онъ, улыбаясь добродушно. Ему самому, повидимому, танцы доставляли не меньшее удовольствіе, чѣмъ окружающимъ.

III.

Суббота. Наша улица имѣетъ необыкновенный видъ. Въ два часа дня я вижу изъ окна рабочихъ, спѣшащихъ домой, съ ковровыми мѣшками съ инструментами за плечами. Всюду дѣтишки караулятъ въ окнахъ. Лишь только показывается отецъ, дѣти

9*

выскакиваютъ навстрѣчу. Сегодня день разсчета. У каждаго отца въ карманѣ есть что нибудь для ребенка. Изъ окна я вижу, какъ рабочій передаетъ свой мѣшокъ съ инструментами мальчишкѣ лѣтъ 6 и сажаетъ на плечи дѣвочку лѣтъ двухъ. Дѣвочка визжитъ отъ восторга и кричитъ на всю улицу:

— Джиджи! Джиджи! *) Гопъ! гопъ, джиджи!

Мальчикъ, несущій инструменты, выступаетъ необыкновенно важно и солидно, какъ оно и подобаетъ человѣку, которому поручено такое важное дѣло. Напротивъ—лавочка со сладостями. Изъ единственнаго окна глядятъ ужасныя англійскія лакомства, разсчитанныя на луженый желудокъ: засахаренный ревень, облитый патокой имбирь, мякоть кокосоваго орѣха, смѣшанная съ сахаромъ, „шотландскіе камни", съ честью поддерживающіе данное имъ названіе и пр. Между этими деликатесами виднѣются симметрично разставленныя бутылочки съ имбирнымъ пивомъ, любимымъ напиткомъ дѣтей. Эти лавочки, расположенныя въ бѣдныхъ кварталахъ, большею частью возлѣ народныхъ школъ, являются для дѣтей тѣмъ же, что кабачки для взрослыхъ. Возлѣ дверей лавочки всегда толпятся дѣти. Сегодня ихъ особенно много: отцы, получивъ разсчетъ, снабдили своихъ птенцовъ пенсами и полупенни. Счастливый дѣтскій возрастъ! Вотъ я уже около двадцати минутъ наблюдаю одного маленькаго джентельмэна, лѣтъ 6, въ красномъ колпачкѣ съ кисточкой. Мальчикъ, повидимому, сегодня пируетъ. Онъ съѣлъ безконечное количество зеленыхъ яблокъ, изгрызъ огромный кусокъ „шотландскаго камня", выпилъ двѣ бутылки имбирнаго пива, съѣлъ у итальянца на улицѣ огромную порцію мороженаго, въ которомъ есть все, кромѣ молока, и послѣ этого, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ играть въ „лягушки" (родъ чехарды) съ другими маленькими Лукуллами.

За угломъ, возлѣ „Семи Звѣздъ" уже слышатся пьяные голоса. Я вижу, какъ по тротуару ходятъ тамъ взадъ и впередъ оборванныя женщины. У нѣкоторыхъ на рукахъ дѣти. Пока женщины еще не заглядываютъ въ окна. Онѣ караулятъ еще приходъ мужей и надѣются, что, быть можетъ, удастся спасти весь заработокъ...

Я вспоминаю, что обѣщалъ зайти къ Макъ'Миллану. Онъ живетъ черезъ два дома, такъ что идти не далеко. Шарманщики не заглядывающіе въ будни на нашу улицу, тоже помнятъ день субботній, когда у всѣхъ въ карманѣ шевелятся деньги. Грязный, оборванный итальянецъ вертитъ шарманку, поставленную на тачку. Въ оглобли впряглась женщина, повязанная платкомъ. Рядомъ съ шарманкой на тачкѣ поставлена корзинка съ навѣсомъ. Тамъ гомозится грудной ребенокъ. Десятки маленькихъ дѣвочекъ танцуютъ на тротуарѣ и на улицѣ одъ вуки шарманки. Отцы,

*) Англійскія дѣти такъ называютъ лошадку.

успѣвшіе уже переодѣться, спѣшатъ всѣ по одному направленію: къ сберегательной кассѣ, чтобы отложить шиллингъ или два.

Макъ'Милланъ занимаетъ заднюю комнату въ верхнемъ этажѣ. Она обыкновеннаго типа: тѣ же ковры, та же широчайшая кровать по серединѣ комнаты и тѣ же боксеры рядомъ со скаковыми лошадьми на стѣнахъ; но въ комнатѣ есть и особенность. Въ углу самодѣльныя полки съ книжками. Ихъ около 50, если не больше. На простомъ столѣ аккуратно сложены бумаги и брошюры. Мнѣ пришлось обождать немного: Макъ'Милланъ обѣдалъ внизу, въ хозяйской столовой. На столѣ лежалъ выпускъ Касселевскаго изданія. „Popular Educator" *), развернутый на урокѣ нѣмецкаго языка. Я подошелъ къ шкафу съ книгами. Подборъ ихъ былъ любопытенъ: Библія, Шекспиръ, „Богатство народовъ" Адама Смита, „Шесть вѣковъ работы и заработной платы" Роджерса, Гиббонъ, „Прогрессъ и бѣдность" Генри Джорджа, „Капиталъ" Карла Маркса въ англійскомъ переводѣ, „Исторія трэдъ-юніонизма" Сиднея Вебба, „Утопія" Томаса Мора, стихотворенія Шелли, „Пикквики", „Айвенго" Вальтеръ Скотта, „Looking Backward" Беллами, „Веселая Англія" Блэчфорда, „Робинзонъ Крузэ" (любимая книга англичанъ; по моему, лучшее отраженіе англійскаго характера), „Сивилла" Дизраэли, „Исторія коопераціи" Голіока, „Исторія англійскаго народа" Грина, „Деньги и обмѣнъ Джевонса, „Происхожденіе видовъ", „Жизнь и трудъ народа" Бузса и т. д. Повидимому, эта библіотека была результатомъ долгихъ сбереженій: нѣкоторыя изъ книгъ, напр., Сидней Веббъ или же Бузсъ, стоятъ дорого и передъ пріобрѣніемъ ихъ остановится человѣкъ и съ болѣе вмѣстительнымъ кошелькомъ, чѣмъ таковой рабочаго.

Вошелъ Макъ'Милланъ. Замѣтивъ у него на столѣ пачку брошюръ, изданныхъ „English Land Restoration League", я спросилъ, занимается ли онъ спеціально теперь земельнымъ вопросомъ.

— Нѣтъ. Я въ прошломъ году участвовалъ въ отрядѣ, организованномъ газетой „Clarion". Отрядъ долженъ былъ работать по программѣ, выработанной „лигой"; главной задачей нашей было собрать по возможности больше матеріаловъ о положеніи сельскихъ рабочихъ. Мы вышли изъ Лондона настоящимъ воен-

---

*) **Cassell's Popular Educator**, серія учебниковъ для самообразованія по различнымъ предметамъ, выходящая отдѣльными выпусками по $4^1/_2$ пенса каждый. Тутъ курсы по четыремъ новымъ языкамъ, лекціи по математикѣ, музыкѣ, стенографіи, исторіи и пр. Учебники предназначены для лицъ, приступающихъ къ изученію съ самыми элементарными знаніями. Въ общемъ, серія имѣетъ цѣлью подготовлять лицъ къ экзамену на кандидата естественныхъ наукъ (**bachelor of science**). Касселевская серія, составленная лучшими спеціалистами, считается въ Англіи классической въ своемъ родѣ.

нымъ отрядомъ: съ палатками, котлами, музыкой. Придемъ, бывало, на берегъ рѣки, па опушку лѣса, разобьемъ палатки, выкинемъ флагъ, затѣмъ музыка начинаетъ играть. Со всѣхъ сторонъ собирается „hodges“ (сельскіе рабочіе). Тогда мы устраиваемъ митингъ, разспрашиваемъ присутствующихъ, раздаемъ литературу и т. д. Часть матеріала, собраннаго нами, напечатана „лигой“, часть издана редакціей „Clarion“, а часть находится пока еще въ рукописи.

Мы разговорились. То впечатлѣніе, которое Макъ'Милланъ произвелъ на меня въ клубѣ, теперь еще болѣе укрѣпилось. Въ каждомъ словѣ и жестѣ чувствовалась необыкновенная энергія. Кругозоръ моего собесѣдника пе былъ особенно широкъ; но за то Макъ'Милланъ отлично понималъ значеніе каждаго явленія, происходившаго въ его полѣ зрѣнія.

— Насъ нельзя увлечь абстрактнымъ идеаломъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Намъ нужно выставить что нибудь положительное, реальное, къ которому можно стремиться сейчасъ же парламентскимъ путемъ. Абстрактнаго идеала мои товарищи не примутъ. Намъ нужно облечь все въ конкретную форму и, если мы увидимъ, что все это не „dreaming“ (мечта; это слово мой собесѣдникъ употреблялъ часто, влагая въ него собственное содержаніе), а живая жизнь, мы съумѣемъ добиться желаемаго. Мы вѣдь упорны; англичанъ не даромъ зовутъ бульдогами. („Ты-то, пожалуй, не отступишь!“—мелькнуло у меня въ головѣ, когда я взглянулъ на широкій лобъ Макъ' Миллана съ легкой поперечной складкой и на его тяжелую нижнюю челюсть, съ квадратнымъ подбородкомъ). Мы идемъ медленно впередъ, нащупывая каждый шагъ; но за то ни за что не повернемъ назадъ и не выпустимъ того, чего добились.

— А кто же, по вашему, поступаетъ не такъ?

— Да вотъ французы, напримѣръ.

Мой собесѣдникъ, оказалось, зналъ по французски. Языку онъ выучился самоучкой и произносилъ совсѣмъ по англійски: „оу ривойръ“ (Au revoir)—сказалъ онъ мнѣ, когда мы разстались. Свиданіе произвелю на меня самое лучшее впечатлѣніе. „Живыя цифры“ все болѣе и болѣе облекались для меня въ плоть и кровь и все болѣе и болѣе становился понятнымъ смыслъ ихъ.

IV.

Я обжился немного и познакомился съ кварталомъ. Я зналъ, что рядомъ съ нами, черезъ стѣнку, живетъ семья, большакъ которой уже четыре мѣсяца сидитъ безъ работы. Такъ какъ онъ не принадлежалъ къ союзу, то семья, навѣрное, умерла бы отъ голода, если бы не поддержала сосѣдка. Дѣтей кормили, перешивали имъ старые штанишки и курточки, давали имъ сорочки.

Я зналъ, что семья продала и заложила все, что представляло какую нибудь стоимость. Всѣмъ кругомъ было вполнѣ понятно, почему голодающіе не обращаются къ помощи рабочаго дома. Кромѣ профессіональныхъ нищихъ и бродягъ, другіе нуждающіеся предпочтутъ лучше умереть отъ голода, чѣмъ идти въ рабочій домъ. Съ какимъ торжествомъ объявила мнѣ миссъ Рэндль однажды, что м-ръ Спрингфильдъ,—фамилія сосѣда,—нашелъ работу! Это было занятіе на пивоваренномъ заводѣ въ Брикстонѣ, верстахъ въ четырехъ отъ насъ. Работа была ночная. Спрингфильдъ отправлялся вечеромъ и возвращался въ три часа утра. Идти обратно приходилось пѣшкомъ, такъ какъ въ такую рань еще нѣтъ омнибусовъ; но какъ ликовала вся семья!

Четыре недѣли приходили къ концу. Мнѣ нужно было переѣзжать. Наканунѣ отъѣзда я рѣшилъ побесѣдовать нѣсколько дольше съ м-ръ Рендлемъ. Вечеромъ, съ бутылкой вина въ рукахъ, я спустился въ гостиную, гдѣ сидѣлъ возлѣ огня въ креслѣ, съ трубкой въ зубахъ, хозяинъ. Онъ только что умылся и поѣлъ послѣ работы. Я предложилъ ему выпить рюмочку вина со мной. М-ръ Рэндль—красивый, нѣсколько блѣдный, мужчина лѣтъ 35. Въ говорѣ его слышится сильный провинціальный акцентъ и говоритъ онъ, хотя, вообще, правильно, но съ изъянами. Мало по малу разговорились.

— Скажите, пожалуйста, какія, по вашему мнѣнію, причины, вызвавшія исходъ изъ деревни?—спросилъ я м-ра Рэндля, наливая ему еще рюмочку вина. Мнѣ интересно было знать, на какія условія укажетъ прежде всего мой собесѣдникъ.

— Оу!—протянулъ по англійской привычкѣ м-ръ Рэндель,—прежде всего голодъ. Вотъ погодите, я вамъ покажу бюджетъ „hodge“.—Рэндль порылся на полкѣ и вытащилъ пачку брошюръ въ красныхъ обложкахъ. Это были отчеты изслѣдователей, отправляющихся каждый годъ „въ красныхъ фургонахъ“ (Red Vans) по Англіи для изученія положенія сельскихъ рабочихъ. Отчеты представляютъ массу драгоцѣннаго сырого матеріала. Вотъ что прочелъ я въ одной изъ брошюръ. „Сельскій рабочій, о которомъ рѣчь, живетъ съ женой и съ двумя дѣтьми близъ Брадфильда, въ Беркширѣ. Онъ служитъ у лэнлорда, которому принадлежитъ почти весь приходъ. Лѣтомъ онъ получаетъ 13 шил. въ недѣлю, зимой—двѣнадцать (отъ 22 сентября до 6 апрѣля). За котеджъ онъ не платитъ ренты. Вотъ еженедѣльный бюджетъ семьи:

Хлѣбъ (5 куортерновъ *)	1	ш.	10	п.
Мука (полгалона)	—	„	4	„
¼ ф. чаю	—	„	6	„
1 фунтъ масла	1	„	3	„

*) Quartern,—хлѣбъ въ четыре фунта.

1 ф. сала	— ш.	6 п.
6 ф. сахару	1 „	— „
4 ф. копченаго сала	2 „	8 „
1 ф. сыра	— „	8 „
молоко	— „	3¼ „
Свѣчи, керосинъ, мыло, соль, перецъ	1 „	— „
Уголь	1 „	— „
Плата за страхованье и въ союзъ	— „	4 „
Платье, орудія и инструменты	1 „	7¾ „
	13 ш.	

Рабочій этотъ не пьетъ и не куритъ и имѣетъ правильное жалованье".

Чтобы значеніе цифръ стало болѣе ясно, нужно сравнить ихъ съ другими. По положенію, въ рабочихъ домахъ діэта должна быть *хуже* той, которой пользуется послѣдній рабочій. Въ этомъ отношеніи завѣдующіе рабочими домами очень послѣдовательны и, главное, заботятся лишь о томъ, чтобы бѣдняки, по англійскому выраженію, „могли бы удержать душу въ тѣлѣ". Рабочіе дома на столько мало привлекательны, что бѣдняки зачастую предпочитаютъ лучше умереть отъ голода на улицѣ, чѣмъ обратиться за помощью. Въ провинціи рабочіе дома еще хуже, чѣмъ въ столицѣ. Нравы, описанные Диккенсомъ въ *Оливерѣ Твистѣ*, еще не перевелись. „Посмотримъ, сколько отпускается на человѣка въ рабочемъ домѣ, въ брэдфильдскомъ округѣ. На содержаніе взрослаго мужчины полагается 6 ш. 1½ п. въ недѣлю, на женщину—5 ш. 6½ п., ребенка—5 ш. 1¼ п., подростка—5 ш. 6½ п. Другими словами, если бы та семья, о которой была рѣчь, вынуждена была искать средствъ къ жизни въ рабочемъ домѣ то на ея содержаніе тратилось бы 1 ф. 1 ш. 10½ п. въ недѣлю. Ея же доходъ равенъ 13 ш. въ недѣлю. Теперь можно себѣ представить, какъ живетъ другая семья въ томъ же округѣ, состоящая изъ 11 человѣкъ, получающая 12 ш. въ недѣлю (зимой 11), изъ которыхъ платитъ за котеджъ 3 ш. въ недѣлю" *). На меня „бюджетъ" не произвелъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на англичанъ, привыкшихъ къ иному масштабу жизни, чѣмъ во многихъ мѣстахъ на континентѣ.

— Я могу вамъ сказать, какъ живетъ семья въ 11 человѣкъ на 12 шиллинговъ, изъ которыхъ 3 уплачиваются за котеджъ,— началъ м-ръ Рэндль, посасывая трубку.—Насъ тоже въ нашей семьѣ было столько. Сало, сахаръ, чай и хлѣбъ сильно урѣзываются. Дѣти, вмѣсто обѣда, получаютъ по куску хлѣба, намазанному маргариномъ. Теперь нужно вамъ знать, въ какомъ домѣ

*) **Among the Agricultural Labourers with the Red Vans. 1894. p. p. 9–10**

живетъ „hodge". Мнѣ кажется, что лучше всего вамъ прочесть страницу изъ отчета.—Собесѣдникъ взялъ другую брошюру, развернулъ ее и указалъ, гдѣ читать.

„Вопросъ о жилищахъ сельскихъ рабочихъ является самой мрачной страницей въ мрачной исторіи лэндлордизма,—прочелъ я.—Во многихъ приходахъ котеджи находятся едва ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ 1849 г., когда Чарльзъ Кингсли написалъ свою пѣсню „Вдова браконьера". Вотъ, напр., описаніе котеджей близъ Уэстбери (Сомерсетъ). „Котеджи въ деревнѣ находятся въ послѣдней степени разрушенія. Домъ, который я осмотрѣлъ, состоялъ изъ четырехъ комнатъ, по двѣ въ каждомъ этажѣ. Когда-то здѣсь помѣщалась маленькая пивоварня и прачешная. Къ домику примыкалъ другой, въ которомъ уже давно не жилъ никто и находившійся въ послѣднемъ фазисѣ разрушенія. Описать „жилой" котеджъ почти нѣтъ возможности. Лучшая комната, находившаяся въ нижнемъ этажѣ, имѣла 15 ф. во длину, 8 ф. въ ширину и 5 ф. 10 д. въ вышину. Лишь здѣсь можно было сварить что нибудь, потому что только въ этой комнатѣ находился каминъ, но я не замѣтилъ шкафа для провизіи. Покривившаяся, шатающаяся лѣстница, грозящая обрушиться при каждомъ шагѣ, вела изъ нижняго этажа въ верхній. Комната здѣсь была такой же величины, какъ и внизу, но только пониже. Сквозь крышу и потолокъ свѣтилось небо. Лэндлордъ уже много лѣтъ не дѣлалъ никакихъ поправокъ. Стѣна въ задней комнатѣ свалилась и лежала въ такомъ состояніи уже нѣсколько лѣтъ. Обитатели закрыли брешь, чтобы защититься отъ дождя и вѣтра, какими-то старыми тряпками. Защита, однако, не достаточна, и зимой „комната" превращается въ настоящее болото. Потолокъ, обрушивающійся все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, погнулся до такой степени, что человѣкъ средняго роста можетъ выпрямиться лишь въ одномъ уголкѣ. Въ задней „комнатѣ" въ нижнемъ этажѣ обрушились двѣ стѣны". „Другой *домъ*, осмотрѣнный мною, состоялъ изъ трехъ комнатъ. Стѣны его совсѣмъ покривились наружу и, казалось, вотъ-вотъ обрушатся. Перегородка раздѣляла нижнюю комнату на двѣ половины, вслѣдствіе чего, даже когда двери стояли настежь, въ комнатахъ было темно. Въ передней комнатѣ, раскрывъ руки, можно было коснуться противоположныхъ стѣнъ. Спальни были маленькія, низкія; стѣны — сырыя и не оклеены обоями *). Стекла въ единственномъ окнѣ здѣсь давно выпали, а потому его заколотили досками. Въ нижней комнатѣ стекла тоже выпали; но обитатели замѣнили ихъ двумя рамами отъ картинъ. Въ одной изъ нихъ стекло разбилось и дыра была заставлена семейной библіей. Зимой одѣяла спящихъ покрываются снѣгомъ, набивающимся сквозь щели въ потолкѣ и въ крышѣ. На

*) Послѣдняя степень нищеты въ Англіи.

полу тогда стоитъ болото. И при такой обстановкѣ, въ такой комнатѣ лежала мать съ новорожденнымъ ребенкомъ. Лэндлордъ беретъ за эту берлогу 1 шиллингъ въ недѣлю".

Изслѣдователи, путешествующіе по Англіи въ „красныхъ вагонахъ", помимо описаній, снимаютъ еще фотографіи. Снимокъ съ описанныхъ котеджей приложенъ при отчетахъ. Признаться, картинки производятъ еще болѣе удручающее впечатлѣніе, чѣмъ описанія.

— Если лэндлорды не заботятся о здоровьѣ „hodge", то за то нравственность его ихъ сильно озабочиваетъ,—съ чуть замѣтной усмѣшкой началъ м-ръ Рэндль, когда я ему возвратилъ брошюру.—Въ нашемъ приходѣ, помню, лэндлордъ грозилъ постоянно выгнать немедленно hodge, если тотъ не прогонитъ дочери, съ которой случилось несчастье. Лэндлордъ ставитъ ужасныя условія „hodge", когда тотъ хочетъ снять небольшой участокъ земли (allotment). Во-первыхъ, рента гораздо выше, чѣмъ для фермеровъ, снимающихъ большіе участки. Во-вторыхъ, ставится условіемъ, чтобы участокъ обрабатывался *только* лопатой. Въ нашемъ приходѣ лэндлордъ включалъ въ условіе опредѣленный сѣвооборотъ. Отецъ не имѣлъ права превратить весь allotment подъ огородъ, что было бы выгодно для него, а долженъ былъ засѣвать треть пшеницей и треть ячменемъ, хотя нашъ хлѣбъ мы не могли продавать по той цѣнѣ, какъ привозный. Мы не имѣли права вывозить на продажу солому. По условію, она вся должна была идти на удобреніе. Ренту приходилось платить *впередъ*. Просрочка въ двѣ недѣли грозила изгнаніемъ съ участка. По условію, мы могли быть прогнаны во всякое время, безъ вознагражденія за всѣ сдѣланныя улучшенія. За то, помню, одинъ пунктъ въ условіи: лэнлордъ обязывалъ всѣхъ hodge „воспитывать свои семейства въ строгой нравственности". Кстати, знаете ли вы, кто былъ нашимъ лэндлордомъ? лэди Скоттъ. Вы, конечно, слыхали про нее?

Разумѣется, я слыхалъ. Лэди Скоттъ — героиня скандальнаго процесса, присужденная въ 1896 г. къ восьмимѣсячному тюремному заключенію за клевету на своего зятя, лорда Росселя. У нея были какія-то распри съ нимъ. И вотъ лэди Скоттъ сочинила памфлетъ, въ которомъ обвинила своего зятя въ томъ самомъ грѣхѣ, который особенно обличался древними пророками и который такъ распространенъ на востокѣ и... въ высшихъ кругахъ Англіи. Памфлетъ она отпечатала (анонимно) и разослала всѣмъ друзьямъ лорда Росселя и въ тѣ клубы и общества, членами которыхъ онъ состоитъ. Въ результатѣ—скандальный, грязный процессъ, и благородная лэди отправлена въ тюрьму обдумывать новый шагъ противъ зятя.

— Каждый лэндлордъ включалъ какой нибудь собственный пунктъ. Въ Harborough Magna (въ Уоркширѣ) земля принадле-

жить викарію. Онъ включалъ въ договоръ пунктъ, въ силу котораго hodge изгонялся, если дважды не посѣщалъ церкви по воскресеньямъ. Hodge не зналъ, что будетъ завтра; не могъ сказать, станетъ-ли онъ ночевать черезъ недѣлю дома или же придется идти въ рабочій домъ. Вотъ что заставило насъ оставить деревню. Не странно ли, что даже при такихъ тяжелыхъ условіяхъ число allotments растетъ, въ особенности послѣ закона 1894 г., когда договариваться съ лэндлордомъ приходится уже не одному лицу, а сельскому совѣту*). Теперь можно видѣть слѣдующее. Дѣти hodge'а, оставившія деревню и поступившія на фабрику, если только могутъ, берутъ allotment. Онъ имъ даетъ большую устойчивость. Если поработать, то акръ можетъ дать три-четыре шиллинга въ недѣлю. Это—хорошее подспорье для дома. Смотришь какъ-то бодрѣе, когда знаешь, что въ чуланѣ есть запасъ картофеля и имѣется собственная корова. Берутъ еще allotments старики. О, да! многое могло бы быть сдѣлано, если бы условія пріобрѣтенія земли были у насъ другія...

Мнѣ припомнились горькія слова кардинала Маннинга. „Земельный вопросъ въ Англіи означаетъ голодъ, жажду, наготу, приказъ оставить ферму, затраченный напрасно трудъ, захваченные результаты работы многихъ лѣтъ, разрушенныя жилища; нищета взрослыхъ и дѣтей, отчаяніе и одичаніе, порожденныя въ сердцахъ бѣдняковъ, при видѣ нарушенія основныхъ правилъ законности,—все это заключаетъ въ себѣ земельный вопросъ въ Англіи“.

— Мистеръ Рэндль такъ любитъ деревню,—начала жена его.— Онъ не любитъ шума, не любитъ города. Послѣ работы для него величайшее счастіе это—посидѣть въ садикѣ. Добро бы тамъ было что нибудь! А то только и есть, что нѣсколько подсолнечниковъ. Видно сейчасъ жителя деревни! А я такъ умерла бы отъ тоски въ деревнѣ!

---

*) По этому закону совѣтъ имѣетъ право *требовать* у лэндлорда сдачи въ аренду извѣстнаго участка земли (не болѣе, чѣмъ по 4 акра на человѣка). Арендная плата тогда назначается третейскимъ судомъ. Участки снимаются на срокъ не меньшій, чѣмъ 14, и не большій, чѣмъ 35 лѣтъ. Сельскій совѣтъ можетъ также требовать, чтобы лэндлордъ *продалъ* ему участокъ земли (не больше, чѣмъ по одному акру на человѣка). Особая лига—**Allotments and Smal Holdings Association**, основанная въ 1885 г., собрала массу цѣнныхъ матеріаловъ о ходѣ мелкаго землевладѣнія въ Англіи. Результаты, въ общемъ, слѣдующіе: въ то время, какъ крупное землевладѣніе въ Англіи все болѣе и болѣе падаетъ; въ то время, какъ число фермъ въ 300 и болѣе акровъ уменьшается съ каждымъ годомъ,—число мелкихъ фермъ и allotments увеличивается. Крайне любопытно слѣдующее. Земледѣльческія ассоціаціи, въ общемъ, не дали благопріятныхъ результатовъ, когда имъ приходилось поставлять продукты на *неопредѣленный* рынокъ. Теперь замѣчается слѣдующее. Кооперативныя потребит. общества заводятъ артельныя фермы для доставленія продуктовъ сочленамъ. Эти ассоціаціи, какъ напр., въ Кетерингѣ, дали блестящіе результаты.

Я могъ убѣдиться уже, что въ супругахъ Рэндль предо мной представители двухъ различныхъ теченій: онъ былъ „hodge", не смотря на то, что, повидимому, давно уже оставилъ деревню. М-ръ Рэндль не любитъ клуба. Вечерами онъ большею частью оставался дома. Если онъ не занятъ былъ дѣлами своего „юніона" (повидимому, процессъ писанія его гораздо болѣе затруднялъ, чѣмъ сверхсрочная работа въ жаркій день), онъ любилъ играть съ дѣтьми или же сидѣть съ трубкой на порогѣ кухни, выходившей въ садикъ. Въ такой позѣ онъ могъ оставаться очень долго. Предъ нимъ были лишь пять подсолнечниковъ да одно дерево, и то не въ его садикѣ, а въ сосѣднемъ. За то миссисъ Рэндль была типичной горожанкой. Уложивъ дѣтей, она сейчасъ же убѣгала въ клубъ. Танцовать она любила до безумія и могла бы плясать, кажется, до утра, лишь бы играла музыка. Миссисъ Рэндль принимала дѣла клуба еще болѣе близко къ сердцу, чѣмъ Гауфенъ, и крайне была польщена, когда ее избрали въ члены комитета. Не смотря, однако, на то, что супруги представляли два различныя теченія,—жили они, какъ я сказалъ, согласно и дружно.

— А вы сами, м-ръ Рэндль, какъ очутились въ городѣ?—задалъ я вопросъ.

— Отецъ мой умеръ. Изъ деревни насъ выгнала нищета. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ. Мы съ матерью явились въ Олдгэмъ, гдѣ меня опредѣлили на ткацкую фабрику. Знаете ли вы, что такое Олдгэмъ? Закутанные вѣчнымъ дымомъ фабричныхъ трубъ, стоятъ тамъ ряды черныхъ отъ копоти домиковъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ горошины. Кругомъ ни деревца, ни кустика, ни травинки. Все черно, какъ смола. Въ этомъ гнѣздѣ грязи, копоти, тумана и отвращенія къ жизни я сталъ однимъ изъ 2000 маленькихъ halftimers *).—Рэндль остановился, чтобы набить трубку. Мнѣ припомнились слова одного изъ фабричныхъ инспекторовъ, осматривавшихъ Олдгэмъ: „See Oldham on a damp December day, and then ask if life is worth living"? (Взгляните на Олдгэмъ въ сырой декабрьскій день и скажите послѣ того, стоитъ ли жить?) Я, какъ и другіе мальчики, сталъ „починивальщикомъ" (piecer). Работа ихъ слѣдующая. По обѣимъ сторонамъ длинной, ярдовъ въ 30, комнаты стоятъ станки. Отъ центра комнаты къ этимъ станкамъ взадъ и впередъ по рельсамъ бѣгутъ машины, „тѣлежки". Когда „тѣлежка" бѣжитъ отъ станка къ центру, она тащитъ за собою мычку хлопка, которую сучитъ въ нитки; когда она идетъ обратно, готовыя нитки наматываются на шпульки. Маленькій „piecer" стоитъ между двумя „тѣлежками" и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не оборвалась одна изъ сотенъ нитокъ. Если нитка лопнула, мальчикъ бѣжитъ за тѣлежкой и на ходу связы-

*) Дѣти отъ 11—13 лѣтъ, посѣщающія одну половину дня фабрику, а другую—школу.

ваетъ концы. Приходится быть проворнымъ, какъ котенокъ, въ противномъ случаѣ можно упасть или же быть сбитымъ „телѣжкой“. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ halftimer'у грозитъ либо смерть, либо увѣчье. Для большей безопасности, мальчики работаютъ босикомъ. Полъ въ комнатѣ скользкій, какъ натертый воскомъ паркетъ, вслѣдствіе масла, сочащагося изъ машинъ, оческовъ хлопка и сырости. Теперь изданъ фабричный законъ, воспрещающій посылать дѣтей чистить машины во время дѣйствія; но тогда еще этого закона не было. Десятки дѣтей погибали или становились калѣками. Нужно прибавить еще страшную жару. Изъ этой атмосферы „piecers“ выскакивали босикомъ на холодъ. Мы переходили „отъ температуры африканскихъ песковъ къ холоду гренландскихъ льдовъ“, какъ сказалъ не помню кто. А послѣ полудня работы, мы шли въ школу. Halftimers, вставшіе въ пять часовъ, дремали въ школѣ. Голова не воспринимала ничего. Наши старики тогда ничего не имѣли противъ halftime. Въ ихъ время дѣтей посылали на фабрику въ 7 лѣтъ. Въ силу этого, 11 лѣтнія дѣти казались имъ совсѣмъ взрослыми. Экзаменъ, который обыкновенные мальчики выдерживаютъ легко, мы, halftimers, никакъ не могли одолѣть. Къ счастью для меня, я не сталъ фабричнымъ. Меня сбило „телѣжкой“ и помяло; когда я оправился, дядястоляръ взялъ меня на выучку.

Къ слову сказать, вопросъ о halftimers будетъ разрѣшенъ окончательно лишь въ предстоящую сессію. Дѣтскій трудъ въ раннемъ возрастѣ находилъ себѣ защитниковъ въ парламентѣ. Много выставлялось въ Англіи доводовъ противъ увеличенія того возраста, когда дѣти могутъ быть допущены на фабрику. Нужно сознаться, что всѣ эти доводы крайне подозрительной марки. Такъ, когда въ 1891 г. въ парламентѣ обсуждался новый фабричный законъ (Matthew's Factory and Workshop Bill), нѣсколько ланкаширскихъ депутатовъ увѣряли палату (какъ дѣлали предшественники), что сочетаніе половины дня ученія съ половиной дня работы на фабрикѣ—является лучшей системой техническаго образованія. Депутаты не находили словъ для восхваленія того, какъ эта система развиваетъ способности маленькихъ дѣтей. Черезъ нѣсколько лѣтъ вся теорія разсѣялась, какъ дымъ, подрѣзанная, какъ туманъ лучами солнца,—дѣйствительностью. Всѣ отчеты школьныхъ инспекторовъ говорили согласно, что halftimers тупѣе товарищей. Тогда владѣльцы фабрикъ выставили другой доводъ: необходимо начинать работу съ ранняго возраста, лѣтъ съ десяти, чтобы лучше изучить во всѣхъ деталяхъ технику производства. И этотъ доводъ оказался не существеннымъ. Въ современной индустріи, когда новыя машины изобрѣтаются каждый годъ почти, требуется, чтобы рабочіе не специализировались, а наоборотъ, чтобъ они сразу могли перейти отъ одной машины къ другой. Отчеты правительственной коммиссіи, назначенной для изслѣдованія вопроса

о пенсіонѣ для престарѣлыхъ, говорятъ, что машина выбрасываетъ на улицу или же въ рабочій домъ тѣхъ, которые слишкомъ специализировались.

Что касается родителей маленькихъ фабричныхъ, то они теперь далеко не то, чѣмъ они были въ то время, о которомъ разсказывалъ м-ръ Рэндль. Теперь, наоборотъ, конгресъ „союзовъ". каждый годъ принимаетъ резолюцію объ уничтоженіи дѣтскаго труда. Въ этомъ году вопросъ станетъ разсматриваться въ парламентѣ. Нѣтъ сомнѣнія, система полудня работы и полудня ученія для дѣтей въ возрастѣ отъ 11—13 лѣтъ будетъ отмѣнена.

Мой собесѣдникъ начинаетъ уставать. Завтра ему нужно встать въ шесть часовъ на работу. Мы обмѣниваемся крѣпкимъ shakehands: завтра мы уже не увидимся. Сегодня наше послѣднее свиданіе. Мы разстаемся. Я поднимаюсь къ себѣ и думаю, что четыре недѣли не прошли для меня безслѣдно; что я за это время успѣлъ познакомиться съ „живыми цифрами" и понять лучше молодую, нарождающаяся Англію, столь богатую силами и энергіей...

Діонео.

Соціологія человѣка-звѣря.

(Изъ Франціи).

Только-что вышедшій трудъ Густава Лебона о „психологіи соціализма" внушилъ мнѣ мысль познакомить русскихъ читателей съ общимъ міровоззрѣніемъ этого автора, который написалъ уже десятка два книгъ, главнымъ образомъ, по антропологическимъ и соціологическимъ вопросамъ. Съ самаго же начала я долженъ оговориться, что не придаю серьезнаго научнаго значенія всѣмъ этимъ произведеніямъ; но точка зрѣнія, на которой стоитъ писатель, заслуживаетъ того, чтобы на нее обратили вниманіе. И опять таки не потому, что она нова или оригинальна: Лебонъ выражаетъ взгляды, очень распространенные въ значительной части современной буржуазіи. Но именно въ распространенности, въ банальности этого міровоззрѣнія и заключается интересъ всѣхъ этихъ „цивилизацій" и „психологій" плодовитаго автора. Лебона можно считать тѣмъ, что англичане выражаютъ прекраснымъ терминомъ a representative man, т. е. типичнымъ образчикомъ цѣлымъ общественныхъ слоевъ: онъ въ нѣкоторомъ родѣ коллективная фотографія, получаемая отъ наложенія многочисленныхъ портретовъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ родственной группѣ умовъ.

И, замѣтьте, даже съ чисто внѣшней стороны онъ какъ разъ обладаетъ тѣми достоинствами литературнаго изложенія и стиля которыя необходимы такому среднему выразителю банальныхъ мнѣній цѣлаго класса. Въ большинствѣ его произведеній (за исключеніемъ послѣдняго, очень плохо построеннаго) общій планъ задуманъ нехитро, но выполняется не безъ искусства: авторъ хорошо знаетъ, такъ сказать, архитектурное расположеніе частей своего литературнаго зданія и ведетъ читателя отъ мысли къ мысли, не бросаясь въ стороны и не возвращаясь черезчуръ часто на уже пройденный путь. А каждая фраза, взятая въ отдѣльности, складна, коротка, не обременена лишними поясненіями и ограниченіями и въ общемъ читается безъ усилій. Васъ временами начинаетъ даже утомлять именно это гладкое теченіе предложеній, довольно монотонно отгороженныхъ точками. Авторъ видимо старается избѣгать отвлеченнаго языка, но ему не удается живая и картинная рѣчь: его образы не ярки и не многочисленны; авторъ такъ доволенъ нѣкоторыми, что повторяетъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, дорожа, повидимому, этими съ трудомъ достающимися ему фигурами. „Голосъ мертвецовъ", „пыль боговъ", „глубокое озеро основного характера расы", „мелкая рябь поверхностныхъ чертъ" кишатъ на страницахъ лебоновскихъ произведеній, и прочитавъ одно изъ нихъ, вы располагаете словеснымъ и образнымъ багажемъ всѣхъ остальныхъ. Порою, когда авторъ отваживается на высокій стиль, изъ подъ пера его выходятъ фразы, которыя словно цѣликомъ вырваны изъ вульгарной и комично-неправильной прозы какого-нибудь Жоржа Онэ или даже пресловутаго мосье Прюдома. „Нужно погрузиться до глубокихъ корней событій, теченіе которыхъ развертывается передъ нами, чтобы достигнуть пониманія ихъ расцвѣта", поучаетъ насъ Лебонъ въ предисловіи къ своей послѣдней книгѣ *). Чѣмъ уступитъ этотъ „расцвѣтъ" „событій" знаменитой „саблѣ" г. Прюдома, которая была „счастливѣйшимъ днемъ въ жизни" этого почтеннаго гражданина?.. Словомъ, Лебонъ пишетъ, какъ пишетъ большинство грамотныхъ французовъ: складно и банально, а при случаѣ поразительно неточно. Извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ выучиться болѣе или менѣе хлестко и „литературно" писать по французски; но нѣтъ ничего труднѣе, какъ совершенно владѣть этой единственной въ своемъ родѣ прозой, главная прелесть которой состоитъ въ чувствѣ мѣры и подборѣ внутренно гармонирующихъ между собою словъ.

Но какъ бы то ни было, самое изложеніе и литературные пріемы Лебона какъ разъ подходятъ къ его роли формулировать банальные и вмѣстѣ ложные взгляды, обращающіеся среди пред-

*) **Gustave Le Bon, «Psychologie du socialisme»; Парижъ, 1898,** стр. II.

ставителей крупнаго мѣщанства. Лебонъ, претендуя быть учителемъ буржуазнаго класса, на самомъ-то дѣлѣ бьетъ ему челомъ да его же добромъ, свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ, членораздѣльно выговариваетъ аппетиты цѣлыхъ слоевъ. Короче сказать: Лебонъ выражаетъ міровоззрѣніе западно-европейской буржуазіи, значительная часть которой подъ давленіемъ классовыхъ интересовъ отказалась отъ одушевлявшихъ ее когда-то идеаловъ и пытается прикрыть это ренегатство ссылками на мнимо-научные выводы антропологіи и соціологіи... Я и постараюсь на примѣрѣ Лебона схватить наиболѣе типичныя черты этой идейной реакціи цѣлаго класса. Такъ какъ послѣдній трудъ нашего автора является лишь приложеніемъ къ очень крупному, но все же частному вопросу общихъ взглядовъ писателя, то я посвящу эту статью преимущественно изложенію и критикѣ упомянутыхъ общихъ взглядовъ, опираясь на предшествовавшія сочиненія Лебона, и главнымъ образомъ на его „Психологическіе законы развитія народовъ“ и „Психологію толпы“,—двѣ небольшія книжки, въ которыхъ авторъ представилъ квинтъ-эссенцію своего міровоззрѣнія *).

Чтобы понять характеръ различныхъ цивилизацій и „историческую эволюцію“ различныхъ народовъ, надо прежде всего опредѣлить, какіе элементы участвуютъ въ этомъ процессѣ. Такими элементами являются, съ одной стороны, различныя „расы“ человѣчества, съ другой стороны—разнообразныя условія внѣшней среды, среди которыхъ живутъ упомянутыя расы. Какова же относительная важность и каково взаимодѣйствіе этихъ двухъ группъ элементовъ? Главнымъ рѣшающимъ моментомъ является, по мнѣнію Лебона, „раса“, такъ какъ среда съ исторической точки зрѣнія, т. е. въ сравнительно короткій промежутокъ времени, который охватываютъ наши наблюденія, должна быть приравнена нулю. Авторъ допускаетъ, что безконечно малыя измѣненія въ организмахъ, накопляющіяся подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій въ теченіе безконечно долгаго ряда вѣковъ, могли произвести опредѣленныя расовыя черты; но разъ установившись, расовый характеръ обладаетъ всѣми признаками очень прочной и постоянной величины. На эту мысль я попрошу читателей обратить особое вниманіе, такъ какъ въ ней заключается основная, можно сказать, большая посылка соціологическаго силлогизма Лебона.

Не мѣшаетъ тутъ-же подчеркнуть одно интересное обстоятельство. Очевидно, первоначальнымъ толчкомъ къ выработкѣ этой

*) См. ‹Lois psychologiques de l'évolution des peuples›; Парижъ 2-е изд., 1895;—и ‹Psychologie des foules›; Парижъ, 3-е изд., 1898.

вѣры въ необыкновенную устойчивость расы послужило для Лебона,—по спеціальности доктора,—его занятіе антропологіей въ узкомъ смыслѣ этого слова, а въ частности краніометріей. Современный-же характеръ этой науки, къ сожалѣнію, весь проникнутъ не столько научнымъ, сколько чисто практическимъ требованіемъ оправдать ссылками на вѣчные законы естества ту свирѣпую эксплоатацію, то безпощадное истребленіе, которое практикуется цивилизованными народами по отношенію къ такъ называемымъ „низшимъ расамъ“. Большее или меньшее отношеніе ширины черепа къ его длинѣ, большій или меньшій объемъ черепной полости, большее или меньшее косозубіе лучше всякаго пергамента оправдываютъ, по мнѣнію этихъ свирѣпыхъ ученыхъ, право бѣлой, „аристократической“ расы распоряжаться по произволу свободой и жизнію черныхъ и желтыхъ людей. Съ нами Дарвинъ, съ нами вмѣстимость черепа 1,500 куб. сантиметровъ противъ 1,300 куб. сант. австралійца, съ нами лицевой уголъ въ 77 градусовъ противъ 75 градусовъ у готтентота. Чего-же стѣсняться съ жалкими дикарями, которымъ наше черепословіе отказываетъ въ возможности человѣческаго развитія: „объемъ черепа находится въ тѣсномъ отношеніи къ умственнымъ способностямъ, если, оставляя въ сторонѣ частные случаи, мы будемъ оперировать надъ цѣлыми рядами», какъ выражался еще двадцать лѣтъ тому назадъ Лебонъ въ одной изъ своихъ краніометрическихъ работъ, получившей двойную премію академіи наукъ и Антропологическаго общества *).

Но, начавши съ краніологіи, авторъ перешелъ къ изученію различныхъ цивилизацій, въ особенности съ точки зрѣнія архитектурныхъ памятниковъ, чтобы остановиться затѣмъ на „психологіи народовъ“ **). Перемѣна непосредственнаго предмета изслѣдованія такъ сказалась на взглядахъ автора, что онъ сталъ уже отдавать въ своихъ трудахъ рѣшительное предпочтеніе „психологіи“ передъ изученіемъ физіологическихъ особенностей расъ; а въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ упрекаетъ даже „профессіональныхъ психологовъ“ въ томъ, что они „оставляютъ все болѣе и болѣе свою прежнюю область и зарываются въ анатомическихъ и физіологическихъ изслѣдованіяхъ“, тогда какъ тутъ нужны бы, молъ, были „не лабораторіи и книги, но исключительно продолжитель-

*) См. «Recherches anatomiques et matématiques sur les variations de volume du cerveau et sur leurs relations avec l'intelligence»; 1879;—цитировано въ «Lois» того же автора на стр 40.

**) Изъ сочиненій Лебона въ этой сферѣ я назову: «La civilisation des Arabes» (1883): «Les civilisations de l'Inde» (1887) и «Les monuments de l'Inde» (1894); обобщающую работу «Les premières civilisations (1889) и т. д. Всѣ эти вещи крайне поверхностны и интересны развѣ своими многочисленными гравюрами, порою сдѣланными по фотографіямъ путешественника.

ныя путешествія“ *). Но первоначальныя занятія наложили уже свой неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую дѣятельность автора. Во-первыхъ, по отношенію къ себѣ, по крайней мѣрѣ, онъ полагаетъ, что „психологическія основанія“ лишь подтвердили тѣ взгляды на „дифференціацію индивидуумовъ и расъ“, къ которымъ онъ „пришелъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, опираясь на изслѣдованія чисто анатомическаго распорядка“ **). Во-вторыхъ, сама его „психологія“ вся проникнута узко-антропологическимъ духомъ вплоть до терминовъ и способовъ выраженія.

Возьмите, напр., такое слово, какъ „раса“ и вытекающія отсюда производныя вродѣ „души расы“, „расоваго характера“ и т. п. Одно уже употребленіе такихъ терминовъ предрѣшаетъ направленіе, въ которомъ авторъ будетъ вести свои „психологическія“ изслѣдованія, и фатально ставитъ его на ложный путь. Дѣйствительно, будемъ продолжать наше изложеніе взглядовъ Лебона и поставимъ вопросъ: а что-же это такое раса, о которой такъ часто говоритъ нашъ авторъ? Отвѣтъ:

Какова бы ни была разсматриваемая въ настоящее время раса, однородна или нѣтъ, уже въ силу одного того факта, что она цивилизовалась и съ давнихъ поръ вошла въ исторію, ее должно разсматривать какъ расу искусственную, но не какъ расу естественную. Естественныя расы встрѣчаются теперь развѣ лишь между дикарями. Только среди нихъ можно наблюдать чистыхъ отъ всякой примѣси народовъ. Большинство же цивилизованныхъ расъ являются въ настоящее время лишь *расами историческими*. Итакъ, намъ нечего заниматься здѣсь происхожденіемъ расъ. Были ли онѣ образованы природой или исторіей, это не имѣетъ важности. Что интересуетъ насъ, такъ это ихъ характеръ, поскольку его выработало длинное прошлое. Поддерживаемыя въ теченіе столѣтій одинаковыми условіями существованія и накопляемыя путемъ наслѣдственности, эти черты характера пріобрѣли въ концѣ концовъ большую прочность и опредѣлили типъ каждаго народа ***).

Пока я не столько критикую, сколько излагаю Лебона, лишь останавливая вниманіе читателя на нѣкоторыхъ основныхъ пунктахъ міровоззрѣнія автора. Но тутъ сейчасъ-же возникаетъ невольное возраженіе: то, что авторъ называетъ исторической расой, есть, въ сущности, вещь, именуемая всѣми національностью. Но кто говоритъ „національность“, выражаетъ этимъ словомъ не расу, а зачастую цѣлую группу расъ и цѣлую ихъ исторію, благодаря которой онѣ сжились между собой и составили одно культурное цѣлое. Для чего-же автору понадобился терминъ „раса“? Очевидно, для того, чтобы стереть всякое различіе между характеромъ какого-нибудь первобытнаго (замѣтьте, не столько на

*) «Lois», прим. къ стр. 31. Авторъ, очевидно, намекаетъ на свои поверхностныя порханія по разнымъ странамъ, напр., въ 1885 г. по Индіи.

**) Ibid., стр. 40.

***) «Lois», стр. 16—17.

самомъ дѣлѣ существующаго, сколько гипотетическаго) народца и характеромъ исторической націи, которая стала такой, а не иной, что называется, на глазахъ у всѣхъ и послѣ цѣлаго ряда сильныхъ измѣненій въ культурѣ и даже характерѣ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ историческіе документы. Въ стремленіи же автора стереть упомянутое различіе и выражается крайне ярко тотъ—какъ бы это сказать?—зоологическій взглядъ на человѣческую исторію, который обрекаетъ поверхностнаго изслѣдователя на фантастическую вѣру въ крайне несходныя, неразложимыя, чрезвычайно трудно измѣняющіяся группы, чуть не особые виды людей...

Эту разобщенность, обособленность, несходство „расъ" (и даже отдѣльныхъ личностей въ „расахъ") Лебонъ подчеркиваетъ съ необыкновенной любовью: здѣсь, можно сказать, мы имѣемъ дѣло со второй, малой посылкой его силлогизма. Увѣренный въ глубокомъ несходствѣ основныхъ чертъ характера у различныхъ народовъ, авторъ раздѣляетъ, напр., все человѣчество на четыре группы, между которыми, молъ, лежитъ, глубокая „умственная пропасть": первобытныя расы; расы низшія; расы среднія (китайцы, японцы, семиты); и, наконецъ, расы высшія, „индоевропейскіе народы". которые только и могли создать современную цивилизацію *). Но и между различными племенами, входящими въ каждую группу, психическая разница настолько существенна, что ее не изгладить никакимъ вліяніемъ новой среды, никакимъ воспитаніемъ. Да что тутъ говорить: даже внутри одной и той же расы цѣлая бездна отдѣляетъ женщину отъ мужчины. Послушайте, дѣйствительно, автора:

Надо прожить извѣстное время съ народами, умственная организація которыхъ ощутительно отличается отъ нашей, даже выбирая между ними лишь индивидуумовъ, говорящихъ нашимъ языкомъ и получившихъ наше воспитаніе, чтобы понять глубину пропасти, раздѣляющей мысль различныхъ народовъ. Не предпринимая отдаленныхъ путешествій, можно составить себѣ извѣстное понятіе объ этомъ, констатируя великое умственное раздѣленіе, существующее между цивилизованнымъ мужчиной и цивилизованной женщиной, хотя бы и очень образованной. У нихъ могутъ быть общіе интересы, общія чувства, но никогда не можетъ существовать сцѣпленія похожихъ мыслей. Они могутъ говорить цѣлые вѣка другъ съ другомъ, не будучи въ то же время въ состояніи взаимно понять себя, ибо они построены по черезчуръ различному типу, чтобы получать тѣ же самыя впечатлѣнія отъ внѣшнихъ вещей. Уже одного различія въ ихъ логикѣ достаточно для того, чтобы создать между ними непроходимую пропасть.... Безъ сомнѣнія, образованіе позволяетъ, — благодаря памяти, которой обладаютъ самыя низшія существа и которая отнюдь не составляетъ привилегіи человѣка,—дать индивидууму, стоящему довольно низко на лѣстницѣ человѣчества, общую сумму понятій, которыми обладаетъ европеецъ. Не трудно сдѣлать баккалавра или адвоката изъ негра или японца; но при этомъ ему даютъ лишь самый поверхностный лоскъ, не имѣющій никакого вліянія на его умственную организацію. Чего ему не

*) „Lois", стр. 25—26.

можетъ дать образованіе, потому что это создается лишь наслѣдственностью, такъ это—формъ мысли, логики, а въ особенности характера западныхъ народовъ. Этотъ негръ или этотъ японецъ можетъ накопить всевозможные дипломы, но никогда не достигнетъ уровня обыкновеннаго европейца. Въ теченіе десяти лѣтъ ему легко можно дать образованіе хорошо воспитаннаго англичанина. Но для того, чтобы сдѣлать изъ него настоящаго англичанина, т. е. человѣка, который будетъ дѣйствовать какъ англичанинъ при различныхъ обстоятельствахъ жизни, для этого едва хватитъ и цѣлаго тысячелѣтія *).

Къ этому неустранимому неравенству, разобщенности, взаимному непониманію расъ, группъ и личностей авторъ возвращается гдѣ только можетъ и всякій разъ съ видимымъ удовольствіемъ. Станетъ-ли онъ говорить объ отношеніяхъ между отдѣльными людьми, сейчасъ же у него вырывается фраза, свидѣтельствующая о существованіи настоящей китайской стѣны между ними: „очень трудно проникнуть въ мысль личностей, съ которыми мы живемъ, но отъ которыхъ насъ отдѣляетъ нѣкоторая разница въ возрастѣ, полѣ, воспитаніи“ **). Перейдетъ-ли онъ къ разсмотрѣнію извѣстнаго общества, онъ тутъ же пытается установить громадную умственную разницу между „низшими классами, которые подобны первобытнымъ дикарямъ“ ***), и „высшими классами, которые заключаютъ въ себѣ, въ силу наслѣдственности, большее число выдающихся умовъ, въ чемъ, несомнѣнно, и заключается въ особенности превосходство этихъ классовъ“ ****). Приходится-ли ему говорить о взаимодѣйствіи сталкивающихся „психологичиски различныхъ“ расъ, онъ немедленно же отбрасываетъ всякую мысль о возможности такого взаимодѣйствія, увѣряя, напр., по поводу архитектурныхъ памятниковъ Индіи, что „греческое искусство и искусство индусовъ существовали нѣкогда бокъ-о-бокъ, никогда не вліяя другъ на друга“ *****), да что и вообще „Индія оказалась неспособной заимствовать чтобы то ни было у Греціи“ ******). Словомъ, если для лучшихъ мыслителей нашего времени соціологія есть наука о формахъ общенія и солидарности въ человѣчествѣ, то для Лебона она есть наука о формахъ розни, непониманія и вражды. Идя логически къ заключенію своего силлогизма, авторъ собственно долженъ былъ бы придти къ представленію о человѣчествѣ какъ о громадной массѣ мятущихся, несвязанныхъ ничѣмъ между собой, непроницаемыхъ другъ для друга атомовъ, которые не столько притягиваются, сколько взаимно отталкиваются; пропасть между мужчиной и женщиной даже въ одномъ классѣ, пропасть между классами даже въ одной „исторической расѣ“, пропасть между расами, даже принадлежащими къ одной культурной группѣ...

*) „Lois“, стр. 32—33.
**) Ibid., стр. 74.
***) Ibid., стр. 27.
****) Ibid., прим. къ стр. 36.
*****) Ibid., стр. 93.
******) Ibid., стр. 95.

Но авторъ останавливается на полдорогѣ, отражая и въ этой непослѣдовательности, какъ мы увидимъ ниже, міровоззрѣніе современной буржуазіи. Въ разсыпанную враждебную массу атомовъ онъ вноситъ своего рода частичное притяженіе; изъ хаотической груды разноколиберныхъ, разнохарактерныхъ матеріаловъ онъ пытается построить рядъ обособленныхъ, замкнутыхъ въ себѣ зданій, цементомъ которыхъ является „умственная организація", „расовая душа", „характеръ народа".

Какъ же Лебонъ обосновываетъ существованіе различныхъ расовыхъ группъ и соотвѣтствующихъ имъ цивилизацій? Психологическое наслѣдство, полученное отъ длиннаго ряда предковъ, отличается, особенно у старыхъ, болѣе или менѣе первобытныхъ расъ, необыкновенной устойчивостью. Духовная организація, которая представляетъ, очевидно, собою извѣстное строеніе и расположеніе нервныхъ и мозговыхъ клѣтокъ, поражаетъ особенно своей прочностью и малой подвижностью въ области характера и вытекающей отсюда расовой „нравственности", тогда какъ сфера разсудка и вообще чисто умственной дѣятельности допускаетъ гораздо большія и скорѣйшія измѣненія, напр., подъ вліяніемъ образованія и т. д. Отсюда, внутри извѣстной расы, большое сходство людей по характеру при большомъ различіи въ разсудочныхъ способностяхъ, или, какъ выражается авторъ,

> если индивидуумы одной и той же расы неизмѣримо различаются умомъ, то они въ довольно малой степени отличаются другъ отъ друга характеромъ, этой несокрушимой скалой... *)

Видоизмѣненія въ характерѣ расы получаются, когда исторія сталкиваетъ между собою различныя расы, и изъ нихъ, путемъ смѣшенія, начинаетъ вырабатываться общій типъ, который въ теченіе нѣкотораго времени отличается относительной мягкостью и неопредѣленностью. Лишь въ этомъ періодѣ „несокрушимая скала" можетъ принимать новыя формы, получать новые отпечатки; а прошла эта пора, и снова характеръ расы отвердѣваетъ и кристаллизуется по опредѣленному типу, за исключеніемъ развѣ слабыхъ „нейтральныхъ натуръ", на которыхъ, молъ, только и можетъ вліять до извѣстной степени воспитаніе. Но откуда же получается при такихъ условіяхъ развитіе цивилизаціи? Авторъ начинаетъ съ того, что старается подчеркнуть очень большую медленность и постепенность историческаго процесса. Затѣмъ онъ сводитъ цивилизацію къ „очень малому числу идей", которыя поставляются выдающимися людьми расы,—выдающимися въ умственномъ отношеніи, ибо, согласно автору, только въ этой области и возможны сильныя различія внутри даннаго народа. Но сами по себѣ идеи безсильны вліять на массу: для того, чтобы пріобрѣсть это вліяніе, имъ нужно изъ области высокой теоретической мы-

*) „Lois", стр. 39.

сли спуститься на землю и здѣсь осѣсть въ формѣ чувствъ, вѣрованій и вообще безсознательныхъ инстинктовъ народной души. Тогда говоритъ Лебонъ,

> онѣ становятся элементами характера и могутъ влiять на поведеніе. Характеръ отчасти образуется изъ отложенія безсознательныхъ идей. Когда идеи подверглись такой медленной выработкѣ, ихъ могущество дѣлается значительнымъ, потому что разсудокъ перестаетъ совершенно дѣйствовать на нихъ. Убѣжденный человѣкъ, которымъ овладѣла религіозная или какая-нибудь другая идея, недоступенъ для разсужденій... *).

Каковы же эти идеи, на маломъ числѣ которыхъ настаиваетъ авторъ? Онъ собственно нигдѣ не пытается дать ихъ классификацію, но во всякомъ случаѣ подчеркиваетъ среди этихъ идей религіозныя вѣрованія, которымъ онъ придаетъ рѣшающее значеніе въ исторіи:

> Самыми важными историческими событіями, имѣвшими самое колоссальное вліяніе, были рожденіе и смерть боговъ. Съ новой религіозной идеей рождается и новая цивилизація... Начиная съ зари историческихъ временъ, всѣ политическія и общественныя учрежденія были основаны на религіозныхъ вѣрованіяхъ, и на міровой сценѣ боги всегда играли первую роль **)...

Но оставимъ въ сторонѣ жалобы нашей Кассандры и продолжимъ наше изложеніе, переходя къ вопросу, который дѣйствительно интересенъ, хотя до сихъ поръ на него сравнительно мало обращалось вниманія въ соціологіи. Его можно сформулировать слѣдующимъ образомъ: какъ распространяются въ человѣчествѣ новыя идеи и новыя вѣрованія, составляющія новое міровоззрѣніе? Дѣйствительно, какимъ психическимъ процессомъ мысль, исходящая изъ извѣстнаго идейнаго фокуса, разливаетъ свои лучи во всѣхъ направленіяхъ и, ослабляясь, преломляясь, различно окрашиваясь и разсѣиваясь, достигаетъ, наконецъ, самыхъ отдаленныхъ предѣловъ цивилизованнаго и даже порою нецивилизованнаго міра? Лебонъ съ самаго же начала суживаетъ изслѣдованіе этого вопроса, и суживаетъ потому, что, повидимому, преклоняясь передъ нѣкоторыми свойствами массъ, на самомъ-то дѣлѣ не можетъ скрыть къ нимъ своего аристократическаго презрѣнія: онѣ, молъ, способны лишь на воспріятіе идей въ формѣ чувствъ и руководятся въ своей дѣятельности исключительно „безсознательными идеями, опредѣляющими характеръ расы“. Короче сказать, разсматривая историческія движенія, авторъ выбрасываетъ изъ предѣловъ своего изслѣдованія тотъ процессъ, который мы можемъ назвать пропагандой, и останавливается лишь на тѣхъ пріемахъ, которые составляютъ агитацію.

*) „Lois“, стр. 129.
**) „Lois“, стр. 144—145.

Въ этомъ, съ извѣстной точки зрѣнія, и лежитъ, по моему мнѣнію, центръ тяжести его „Психологіи толпы", сочиненія, въ которомъ авторъ пытается опредѣлить различныя свойства разныхъ видовъ толпы, вліянія на нее „расы", вѣрованій, „формулъ" и „словъ", воздѣйствія на нее „вожаковъ" и т. п. Но разъ дѣло касается этихъ стихійныхъ массовыхъ движеній, то я считаю долгомъ предупредить русскихъ читателей, что Лебонъ не дастъ имъ здѣсь ничего новаго, на чемъ не остановилъ бы уже ихъ вниманія Н. К. Михайловскій въ рядѣ статей о „Герояхъ и толпѣ", печатавшихся начиная съ 1882 г. *). И, говоря такъ, я долженъ еще прибавить, что Лебонъ беретъ этотъ интересный вопросъ гораздо уже и поверхностнѣе, чѣмъ русскій мыслитель, и по обыкновенію черезъ чуръ много толкуетъ о „расѣ" и черезчуръ мало о подражаніи и родственныхъ съ нимъ любопытыхъ явленіяхъ гипнотизма и внушенія**). За то вы найдете у автора рядъ соображеній о психологіи „вожаковъ", соображеній, которыя имѣютъ не столько теоретическій, сколько практическій характеръ...

Какъ бы то ни было, вотъ главнѣйшія положенія, которыя Лебонъ развиваетъ въ своей „Психологіи толпы". Наше время есть періодъ господства толпы:

> выступленіе народныхъ классовъ на политическую сцену, т. е. въ сущности ихъ послѣдовательное превращеніе въ правящіе классы, есть одна изъ самыхъ характеристичныхъ чертъ нашей переходной эпохи" **).

И въ организованномъ видѣ (въ формѣ, напр., рабочихъ ассоціацій и синдикатовъ) и въ неорганизованномъ состояніи (какова, напр., случайная толпа), массы начинаютъ играть громадную роль. Отсюда важность изученія ихъ психологіи. Попадая въ толпу, человѣкъ теряетъ большинство тѣхъ признаковъ и свойствъ, которые составляютъ его сознательную личность; послѣдняя, такъ сказать, временно обмираетъ, и въ душѣ чловѣка начинаютъ нераздѣльно царить инстинктивныя стремленія, которыя отбрасываютъ его далеко назадъ и внизъ, въ состояніе варварства. Мѣсто сложныхъ идей и чувствованій заступаютъ немногія, очень примитивныя побужденія, выражающіяся зачастую

---

*) См. „Герои и толпа", „Научныя письма", „Патологическая магія", „Еще о герояхъ", „Еще о толпѣ", стр. 95 — 466 второго тома его „Сочиненій" (Спб., 1896).

**) Въ пику Тарду (насколько мнѣ кажется), построившему свою соціологическую теорію въ значительной степени на подражаніи, Лебонъ старается доказать, что еще въ 1881 г. въ своемъ сочиненіи о „Человѣкѣ и обществѣ" онъ, молъ, зналъ и писалъ о подражаніи, и что „другіе писатели лишь развили это въ недавнихъ сочиненіяхъ", тогда какъ самъ авторъ склоненъ видѣть въ подражаніи „только простой результатъ нравственной заразительности" (simple effet de la contagion). См. „Phychologie des foules", стр. 114—115. Очевидно, это простое препирательство о словахъ: подражаніе или заразительность выражаютъ одно явленіе.

***) Ibid., стр. 3.

въ одномъ какомъ нибудь образѣ, и этотъ образъ подъ вліяніемъ взаимнаго внушенія проникаетъ всю толпу. Отъ этой мысли каждый индивидуумъ, составляющій ее, съ необыкновенной легкостью переходитъ къ дѣйствію: между коллективнымъ желаніемъ и коллективнымъ выполненіемъ не вставляется, можно сказать, никакого задерживающаго процесса, и потому-то массовыя страсти доходятъ до такого высокаго діапазона и отличаются такой всесокрушающей силой. Принадлежность къ одинаково настроенному цѣлому внушаетъ каждой личности, а стало быть, и всей толпѣ сознаніе своей необыкновенной мощи, а направленіе дѣйствій въ данный моментъ въ одну сторону и дѣйствительно сообщаетъ массѣ эту мощь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ толпа отличается крайней неустойчивостью и подвижностью, перебѣгая отъ одного несложнаго настроенія къ другому, совершая то жестокіе, то благородные поступки.

Въ этомъ пунктѣ, надо замѣтить, Лебонъ смотритъ на вещи гораздо вѣрнѣе и трезвѣе, чѣмъ многіе изъ криминалистовъ, видящихъ въ толпѣ единственно скопище преступныхъ злодѣевъ:

Толпа, безъ сомнѣнія, часто бываетъ преступна, но часто она отличается и героизмомъ. Ее, толпу, и двигаютъ преимущественно на смерть ради торжества какого-нибудь вѣрованія или какой-нибудь идеи; ее приводятъ въ энтузіазмъ честью и славой; ее увлекаютъ, почти совершенно безъ хлѣба и оружія, какъ въ эпоху крестовыхъ походвв, для освобожденія гроба Господня отъ невѣрныхъ, или какъ въ 1793 г. для защиты отечества. Конечно, это героизмъ до нѣкоторой степени безсознательный, но такимъ героизмомъ и создается исторія. Если бы нужно было заносить въ счетъ народовъ лишь тѣ великія дѣянія, которыя были холодно обдуманы, то ихъ мало пришлось бы записать въ лѣтописяхъ исторіи *).

Но нашему автору мѣшаютъ надлежащимъ образомъ отнестись къ толпѣ его предразсудки класса. Вообще говоря, у него замѣчается стремленіе реабилитировать и прежніе варварскіе вѣка, и дѣятельность массъ, и толпу, придающую отдѣльнымъ личностямъ простоту, импульсивность, а временами и героизмъ варвара. Очень замѣтно противорѣчіе во взглядахъ Лебона, смотря по тому, говоритъ-ли онъ о прошлыхъ эпохахъ и разсматриваетъ ходъ человѣчества съ общей точки зрѣнія, или же переходитъ къ оцѣнкѣ современныхъ событій. Въ самомъ дѣлѣ вотъ вамъ образчикъ хвалебнаго отношенія къ массамъ:

Можемъ-ли мы быть увѣрены, что даже геніальныя идеи великихъ людей составляютъ исключительно ихъ произведеніе? Безъ сомнѣнія, онѣ всегда создаются отдѣльными умами; но тѣ тысячи пылинокъ, которыя образуютъ наносъ, гдѣ выросли эти идеи, развѣ не созданы онѣ душой толпы? Толпы, безъ сомнѣнія, всегда безсознательны; но сама эта безсознательность является, можетъ быть, однимъ изъ секретовъ ихъ силы. Въ природѣ, существа, подчиненныя исключительно инстинкту, выпол-

*) Ibid., стр. 21—22.

няютъ дѣйствія, удивительная сложность которыхъ такъ изумляетъ насъ. Разумъ—слишкомъ еще новая и слишкомъ еще несовершенная вещь въ человѣчествѣ, чтобы быть въ состояніи открыть намъ законы безсознательнаго, а въ особенности замѣнить его *).

А вотъ вамъ отрицательная оцѣнка значенія массъ:

Въ настоящее время требованія толпы становятся все опредѣленнѣе, рѣзче и клонятъ ни много ни мало, какъ къ разрушенію современнаго общества сверху до низу, съ тѣмъ, чтобы снова привести его къ тому первобытному коммунизму, который былъ нормальнымъ состояніемъ всѣхъ человѣческихъ группъ до зари цивилизаціи. Ограниченіе часовъ труда, экспропріація рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и земельной собственности; равное распредѣленіе всѣхъ продуктовъ, уничтоженіе всѣхъ высшихъ классовъ въ пользу народныхъ, и т. п. — таковы эти требованія. Толпы неспособны разсуждать, но очень способны дѣйствовать. Въ силу ихъ современной организаціи ихъ власть стала безмѣрной. Догматы, которые рождаются на нашихъ глазахъ, пріобрѣтутъ скоро силу старыхъ догматовъ, т. е. ту тираническую, ту верховную власть, которая исключаетъ всякое разсужденіе. Въ тотъ моментъ, когда нравственныя силы, на которыхъ покоилась цивилизація, теряли свою силу, окончательное разрушеніе выполнялось этими безсознательными и звѣрскими толпами, справедливо называемыми варварскими. Цивилизаціи были создаваемы и руководимы до сихъ поръ небольшой умственной аристократіей, но никогда толпой. Все могущество толпы лежитъ лишь въ разрушеніи. Ихъ владычество представляетъ всегда фазисъ варварства **).

Та же самая двойственность замѣчается и во взглядахъ Лебона на „вожаковъ", которымъ онъ посвящаетъ цѣлую главу. И здѣсь точно также, пока дѣло идетъ о вожакахъ вообще или объ одной разновидности ихъ, авторъ говоритъ почтительно объ этихъ „великихъ убѣжденіемъ людяхъ" и слегка снимаетъ шапку даже передъ Робеспьеромъ, хотя и указывая на его „гипнотизмъ передъ идеями Руссо" (ср. стр. 107 съ 106). То все, очевидно, было и быльемъ поросло. Но какъ только рѣчь заходитъ о настоящемъ и особенно о вожакахъ, которые выдвигаются народомъ, тонъ внезапно мѣняется. Совѣтую читателю обратить вниманіе на портретъ

рабочаго, который на дымномъ постояломъ дворѣ медленно околдовываетъ своихъ товарищей, безпрестанно пережевывая нѣсколько формулъ, которыхъ самъ не понимаетъ, но приложеніе которыхъ, по его мнѣнію, должно несомнѣнно вызвать осуществленіе всѣхъ мечтаній и всѣхъ надеждъ... Авторитетъ вожаковъ очень деспотиченъ и выростаетъ только благодаря этому деспотизму. Часто замѣчаешь, какъ легко имъ повинуются, даже если у нихъ нѣтъ никакого средства для подкрѣпленія авторитета, и притомъ въ самыхъ неспокойныхъ рабочихъ кругахъ. Они устанавливаютъ рабочій день и размѣры заработной платы, рѣшаютъ вопросъ о стачкахъ, начинаютъ и прекращаютъ ихъ въ назначенный часъ. Въ настоящее время вожаки все болѣе и болѣе замѣняютъ органы власти по мѣрѣ того, какъ эти послѣднія позволяютъ критику и ослабляютъ себя. Тиран-

*) Ibid., стр. VI предисловія.
) Ibid., p. 4—6, **passim.

нія этихъ новыхъ владыкъ заставляетъ толпу повиноваться имъ послушнѣе, чѣмъ она повиновалась какому бы то ни было правительству. Если, въ силу какой-нибудь случайности, вожакъ исчезнетъ и не замѣняется немедленно, то толпа превращается въ массу безъ всякой связи и сопротивленія. Во время послѣдней стачки служащихъ въ омнибусной компаніи въ Парижѣ довольно было лишь арестовать двухъ вожаковъ, управлявшихъ стачкой, чтобы тотчасъ же прекратить ее. Не потребность свободы, а потребность рабства постоянно господствуетъ въ душѣ толпы. Ее томитъ такая жажда повиновенія, что она инстинктивно подчиняется всякому, кто объявитъ себя ея господиномъ *).

Таковы существенные взгляды Лебона въ его „Психологіи толпы“. И здѣсь мы можемъ покончить съ изложеніемъ этой книги, ибо другія мысли автора,—какъ, напр., значеніе „расы“ въ разныхъ толпахъ, или классификація толпы (толпа уличная, присяжные засѣдатели, избиратели, парламентъ), или вліяніе вожаковъ на толпу при помощи трехъ пріемовъ „утвержденія“, „повторенія“, „заразительнаго вліянія“,—эти мысли, говорю я, являются лишь развитіемъ міровоззрѣнія нашего писателя. Но теперь, прежде чѣмъ перейти къ его недавнему труду, я считаю нужнымъ критически разобрать основные пункты упомянутаго міровоззрѣнія.

Прежде всего мы должны подвергнуть критикѣ вопросъ о расѣ, который играетъ такую роль въ соціологіи Лебона. Казалось бы, что, благодаря оговоркѣ автора насчетъ существованія въ настоящее время лишь „историческихъ расъ“, мы должны разсмотрѣть только значеніе національностей въ развитіи человѣчества. Но съ Лебономъ такой пріемъ неумѣстенъ: недаромъ онъ повсюду подставляетъ вмѣсто термина „національность“ выраженіе „историческая раса“. Узко-антропологическая точка зрѣнія заставляетъ его пользоваться такимъ названіемъ, которое какъ разъ выдвигаетъ на первый планъ физіологическое происхожденіе даннаго политическаго союза людей и оставляетъ совершенно въ тѣни вліяніе природной, а въ особенности искусственной среды, т. е. извѣстной культуры, экономическихъ и соціальныхъ учрежденій, законовъ, обычаевъ, воспитанія и т. п. Только когда мы покажемъ сравнительную неважность расовыхъ элементовъ въ соціологіи, мы можемъ перейти къ значенію національностей въ историческомъ процессѣ человѣчесва.

Читатель скоро увидитъ, какъ шатки и противорѣчивы наши знанія по вопросу о расѣ; а между тѣмъ, во имя этого-то, можно сказать, мнимо-научнаго призрака, люди, считающіе себя серьезными изслѣдователями, съ необыкновенною важностью толкуютъ о „расовой душѣ“ и воздвигаютъ перегородки между „высшими“ и „низшими“ народами. Что знаемъ мы, напр., относительно пер-

*) Ibid., стр. 108—109.

выхъ расъ потретичнаго человѣка? Ровно ничего, кромѣ смутныхъ гаданій и гипотезъ о возможности существованія нѣсколькихъ первобытныхъ группъ, о которыхъ нельзя даже положительно утверждать, произошли-ли онѣ отъ разселенія геккелевскаго *homo primogenius* изъ одного пункта, или же представляютъ собой формы человѣчества, возникшія болѣе или менѣе одновременно на разныхъ мѣстахъ земного шара. Читайте разсужденія выдающихся по этому вопросу спеціалистовъ, въ родѣ Каспари, Фр. Мюллера и т. п.: пале-этнологическій романъ—да и только! И даже ареной дѣйствія героевъ этого романа являются несуществующіе материки, вродѣ столь популярной всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ Лемуріи!..

Но передвиньтесь даже къ настоящему: и тутъ сколько хлопотъ господамъ ученымъ съ классификаціей такихъ якобы опредѣленныхъ антропологическихъ формъ, какъ раса! Подумайте, что лишь за послѣдніе полвѣка насчитывается не одинъ десятокъ различныхъ системъ, причемъ число „основныхъ подраздѣленій человѣческаго рода“ колеблется отъ 2 до—63 (sic!). И что за дѣленіе! Станутъ дѣлить по цвѣту, и вдругъ въ такъ называемую желтую расу приходится включить несомнѣнно бѣлыхъ людей; у однихъ изъ племенъ этой расы лица овальныя (напр., у якутовъ, казанскихъ татаръ), у другихъ круглыя (напр., у остяковъ). Въ черной расѣ оказываются племена и длинноголовыя, и коротко-головыя (негритосы). Примутся-ли за форму волосъ, и вдругъ у такого выдающагося ученаго, какъ Геккель, въ одной и той же группѣ оказываются дравидійцы, отличающіеся удлиненнымъ черепомъ и темной кожей, и кельты, у которыхъ цвѣтъ кожи бѣлый, голова круглая. Наконецъ эклектики, въ родѣ Топинара, думаютъ пособить горю, вводя до полдюжины различныхъ признаковъ. И что же! Желая воздать должное, напр., и носовому показателю (согласно Брока) и характеру волосъ (по теоріи Сэнтъ-Илера), нашъ антропологъ принужденъ помѣстить въ одно подраздѣленіе скандинавовъ и лапланцевъ, ибо-де у тѣхъ и другихъ носы узкіе, а волосы мягкіе съ овальнымъ сѣченіемъ, и т. п. Природа словно нарочно смѣется надъ такими классификаціями, избѣгая совпаденія большого числа сопутствующихъ признаковъ въ различныхъ расахъ, что и заставляетъ французскаго ученаго Овелака такъ кончать свою статью о „современныхъ расахъ“ въ антропологическомъ словарѣ:

> Въ концѣ концовъ классификаціи не имѣютъ реальнаго существованія и не соотвѣтствуютъ точными категоріямъ; конечно, удобно говорить о бѣлыхъ, желтыхъ, черныхъ расахъ, о короткоголовыхъ и о длинноголовыхъ, о мягковолосыхъ и курчавыхъ: есть такія расы, у которыхъ встрѣчаются такіе или иные изъ этихъ признаковъ. Но попытка систематизировать совокупность характерныхъ чертъ является химерой и дѣтской игрой*).

*) „Dictionnaire des Sciences anthropologiques“; Парижъ, безъ даты (книга вышла около 1885 г.), стр. 949: A. Hovelacque, „Races actuelles“.

Не забудьте также, что, по мѣрѣ того, какъ развивается цивилизація и устанавливаются сношенія между народами, родъ человѣческій все болѣе и болѣе стремится къ единству, хотя бы путемъ скрещиваній (я умышленно не говорю пока о вліяніи повсюду однихъ и тѣхъ же соціологическихъ факторовъ). Это допускаютъ даже тѣ ученые, которые придаютъ большое значеніе антропологическимъ признакамъ. Послушайте хотя бы Топинара:

Нѣкогда, когда воды и лѣса сильнѣе обособляли человѣческія группы, случайныя черты закрѣплялись въ расѣ, ея контуры устанавливались. Но теперь, когда переселенія приняли самые обширные размѣры, характеры смѣшиваются. Скрещиваніе является главнымъ агентомъ перемѣшиванія расъ, подобно тому какъ наслѣдственность и внѣшнія обстоятельства являются главными агентами ихъ раздѣленія. Послѣднія должны были произвести множественность въ прошломъ, скрещиваніе же создастъ единство рода въ будущемъ *).

Но мы до сихъ поръ говорили о чисто физическихъ особенностяхъ, которыя больше бросаются въ глаза и объясняютъ до нѣкоторой степени взаимную непріязнь племенъ, особенно въ первобытныя времена. А что сказать о психическихъ чертахъ различныхъ народовъ? Нѣтъ, въ сущности, вопроса болѣе труднаго, какъ классификація расъ по ихъ психологіи,—разумѣется, если вы не хотите порхать по поверхности и о отъ выдающихся скулъ или курчавыхъ волосъ заключать о тупоуміи или звѣрствѣ носителей этихъ, такъ сказать, этническихъ масокъ. Возьмемъ сначала первобытныя племена, которыя ставятся людьми въ родѣ Лебона навсегда у подножія человѣческой лѣстницы. Что знаемъ мы о „низшихъ расахъ“? Много-ли было между путешественниками вдумчивыхъ и гуманныхъ наблюдателей, которые постарались бы отрѣшиться отъ предубѣжденій, отъ рутинныхъ воззрѣній якобы цивилизованныхъ странъ, и войти во внутренній міръ черныхъ и желтыхъ людей? Завоеватели, колонизаторы, торгаши, даже миссіонеры состязались между собой, за немногими исключеніями, въ третированіи дикарей хуже четвероногихъ. Вьючный скотъ, игрушка властолюбія и жестокости въ рукахъ господина—такова по большей части роль низшихъ племенъ при столкновеніи съ цивилизованными народами. Кому изъ представителей „арійцевъ“ приходило въ голову познакомиться поближе съ психическими особенностями первобытнаго человѣка? Этимъ объясняется, почему отзывы немногихъ благородныхъ умовъ, безпристрастно изучавшихъ дикія племена, представляютъ такой рѣшительный контрастъ съ горделивымъ осужденіемъ послѣднихъ большинствомъ такъ называемыхъ просвѣтителей. Здѣсь лежитъ разгадка того, напр., обстоятельства, что въ то время, какъ французы травятъ въ

*) Paul Topinard, „L'Anthropologie“, Парижъ, 1877, стр. 390—391 второго изданія.

Суданѣ негровъ, какъ дикихъ звѣрей, знаменитый географъ говоритъ о „проникнутомъ нѣжностью геніѣ африканцевъ“ (le tendre génie des africains, подлинныя слова Элизэ Реклю); или что свирѣпый полу-янки Стэнли обходился исключительно при помощи бича и ружья съ тѣми самыми черными, которыхъ кроткій Ливингстонъ считалъ „наилучшими людьми во вселенной“, бывшими, по его словамъ, практическими христіанами, даже и ничего не слышавъ еще о религіи любви.

Самые выдающіеся этнологи, впрочемъ, стоятъ гораздо ближе по своимъ взглядамъ къ гуманнымъ изслѣдователямъ низшихъ расъ, чѣмъ къ ихъ свирѣпымъ цивилизаторамъ. Во всякомъ случаѣ, эти ученые далеки отъ того, чтобы отказывать въ способности развитія „первобытнымъ племенамъ“ (races primitives Лебона, которымъ соотвѣтствуютъ Naturvölker у нѣмцевъ). Я приведу нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ трудовъ наиболѣе крупныхъ ученыхъ, выдержекъ, которыя показываютъ, какъ мало права мы имѣемъ говорить о „непроходимой пропасти“ между психической организаціей первобытныхъ расъ и нашей собственной. Вотъ, напр., какъ смотритъ на этотъ предметъ Вайцъ, который, какъ извѣстно, спеціально занимался „антропологіей первобытныхъ народовъ“ и который—обратите вниманіе на это—не принадлежитъ, однако, къ писателямъ, признающимъ возможность универсальной одинаковой цивилизаціи на всемъ земномъ шарѣ. Приведя громадное количество фактовъ изъ жизни первобытныхъ и цивилизованныхъ народовъ, ученый авторъ заключаетъ:

Все показываетъ, что самые цивилизованные народы современной эпохи лишь постепенно вышли изъ состоянія первоначальнаго варварства, въ которомъ на нашихъ глазахъ погружено еще столько народовъ, между тѣмъ какъ первобытная грубость прорывается еще то тамъ, то здѣсь среди наиболѣе цивилизованныхъ... Кто можетъ исчислить время, въ теченіе котораго современныя культурныя націи оставались въ состояніи неподвижности? Гдѣ доказательства того, что такъ называемыя низшія расы осуждены на то, чтобы пребывать навсегда въ ихъ теперешнемъ состояніи? Нѣсколько тысячъ лѣтъ, которыми мы обогнали ихъ въ цивилизаціи, представляютъ собой, по сравненію съ великой древностью земли, черезчуръ короткій періодъ, чтобы можно было составить рѣшительный приговоръ о способности всего человѣчества... Наиболѣе важные факты, сообщенные нами выше, являются достаточнымъ доказательствомъ нашего положенія относительно умственной родственности цивилизованныхъ европейцевъ и первобытныхъ племенъ... Если, согласно обычному мнѣнію, мы разсматриваемъ цивилизацію даннаго народа лишь какъ продуктъ его умственныхъ способностей, то мы не удѣляемъ достаточно вниманія громадному вліянію окружающей природы, историческихъ событій и воспитанія; и сверхъ того совершаемъ ошибку, приписывая цѣлому народу способности, которыми обладаютъ лишь отдѣльныя личности... Бросая назадъ взглядъ на многочисленные факты и перебирая различныя точки зрѣнія, съ которыхъ мы пытались выяснить этотъ основной вопросъ, мы фатально приходимъ къ заключенію, что не существуетъ специфичной разницы въ человѣчествѣ по отношенію къ психической жизни. Великія различія въ цивилизаціи между народами, принадлежащими къ одной и

той же расѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что степень цивилизаціи вовсе не зависитъ главнымъ образомъ отъ умственныхъ способностей или психической организаціи *).

Если намъ возразятъ, что со временъ Вайца антропологія и этнологія сдѣлали значительные шаги впередъ; что теперь наука о человѣкѣ можетъ оперировать надъ болѣе обширнымъ и лучше провѣреннымъ матеріаломъ; что въ частности современые ученые въ состояніи отмѣчать крупныя различія тамъ, гдѣ прежніе изслѣдователи смѣшивали все въ одно,—то лучшимъ отвѣтомъ на такое возраженіе можетъ служить взглядъ одного изъ выдающихся этнологовъ послѣдняго времени, и притомъ опять таки такого, который нисколько не склоненъ затушевывать отличительные признаки различныхъ расъ. Я говорю о Фридрихѣ Ратцелѣ, ставящемъ во введеніи къ своему большому труду такое требованіе своимъ собратамъ-спеціалистамъ:

Чрезъ всю область взаимной оцѣнки однихъ народовъ другими проходитъ въ качествѣ несомнѣннаго основного факта чувство индивидуальной гордости, выражающееся въ томъ, что люди охотнѣе судятъ о своихъ ближнихъ неблагопріятно, чѣмъ благопріятно. Но мы должны, по крайней мѣрѣ, стараться быть справедливыми, и въ этомъ намъ можетъ помочь этнографія, которая, ведя насъ отъ народа къ народу и со ступени на ступень развитія, запечатлѣваетъ въ нашемъ умѣ ту основную мысль, что при всѣхъ дѣйствіяхъ людей и народовъ мы должны прежде всякого сужденія взвѣсить то обстоятельство, что все, что ими можетъ быть задумано, прочувствовано и сдѣлано, отличается существеннымъ характеромъ постепенности. Все можетъ происходить въ различной мѣрѣ; не пропасть, но лишь различія въ степени отдѣляютъ различныя части человѣчества, расы, народы и т. п. Задача этнографіи заключается поэтому прежде всего не въ томъ, чтобы доказать эти различія составныхъ частей человѣчества (подобно тому, какъ въ теченіе долгаго времени задача зоологіи и ботаники усматривалась въ отличеніи видовъ и родовъ животнаго и растительнаго царства), но въ томъ, чтобы показать существованіе переходовъ и внутренней связи, ибо человѣчество представляетъ собою одно цѣлое, хотя и разнообразнаго строенія. И если никогда не мѣшаетъ повторять, что народы состоятъ изъ индивидуумовъ, которые при всякихъ дѣйствіяхъ народа являются и остаются его основными элементами, то сходство индивидуумовъ въ общемъ складѣ такъ велико, что мысли, исходящія изъ одной личности, находятъ вѣрный отголосокъ въ другихъ, разъ только дошли до нихъ, подобно тому, какъ одно и то же сѣмя на одной и той-же почвѣ приноситъ и однинаковые плоды **).

Можно прямо подумать, что Ратцель идетъ здѣсь словно навстрѣчу голословному утвержденію Лебона насчетъ того, что я назвалъ выше взаимной непроницаемостью атомовъ въ человѣчествѣ. И въ частности, что касается до современныхъ первобытныхъ народовъ, то Ратцель рѣшительно отказывается видѣть въ нихъ какую-либо

---

*) Я цитирую по англійскому дополненному самимъ авторомъ изданію: Th. Waitz, „Anthropology of primitive peoples"; Лондонъ, 1863, т. I, стр. 319—327, passim.

**) Friedrich Ratzel, „Völkerkunde"; Лейпцигъ, 1885, т. I, стр. 4.

группу народовъ въ анатомическомъ и антропологическомъ смыслѣ. Такъ какъ они уже участвуютъ въ высшихъ культурныхъ благахъ человѣчества въ формѣ языка и отчасти религіи, обычаевъ, изобрѣтеній, то имъ нельзя даже давать мѣсто, какъ генеалогической, антропогенетической группѣ, у основанія родословнаго дерева человѣчества, и отнюдь невозможно представлять себѣ ихъ состояніе въ видѣ первобытнаго состоянія или дѣтства *).

Я упомянулъ раньше, что пока нарочно воздерживаюсь отъ вліянія соціологическихъ факторовъ на развитіе расъ. Теперь не мѣшаетъ посмотрѣть на это вліяніе. И здѣсь прежде всего поражаетъ фактъ удивительнаго сходства этого развитія подъ давленіемъ одинаковыхъ соціологическихъ потребностей, что идетъ какъ разъ въ разрѣзъ съ зоологическимъ взглядомъ Лебона на человѣческую исторію. Вольно же было этому поверхностному автору представлять себѣ человѣчество въ видѣ не только обособленныхъ, но и совершенно по особому развивающихся группъ! Что на самомъ дѣлѣ поражаетъ внимательнаго изслѣдователя, такъ это не только соприкосновеніе и сростаніе между собою различныхъ расъ, — это допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и Лебонъ съ его теоріей „историческихъ расъ", — но и замѣчательный параллелизмъ въ развитіи такихъ группъ, которыя, очевидно, никогда не сталкивались одна съ другой. Это сходство, эта всеобщность эволюціи до такой степени бросаются въ глаза мыслящему наблюдателю, что тутъ начинаетъ грозить совершенно противоположная опасность, а именно стремленіе стереть въ пользу этого одинаковаго процесса второстепенныя, но все же важныя различія, которыя могутъ отличать извѣстный народъ въ извѣстный періодъ и опредѣляться особыми мѣстными условіями. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что какъ только люди вступаютъ между собой въ какія-либо формы общенія и солидарности,—а изученіе этихъ формъ и является задачей соціологіи,—то сходство различныхъ созданій психической жизни въ отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга племенахъ значительно перевѣшиваетъ расовыя различія. Не знаменательно ли, что порою этотъ параллелизмъ заставлялъ этнологовъ даже предполагать заимствованіе тамъ, гдѣ о немъ и не могло быть рѣчи?

Можно, конечно, объяснить заимствованіемъ такой, напр., фактъ, что и бечуаны и дамара въ Южной Африкѣ употребляютъ нѣкоторыя тождественныя и вмѣстѣ съ тѣмъ очень типичныя поговорки: „развѣ я рѣка?" отвѣчаетъ европейцу и слуга-бечуанъ, и слуга-дамара, если господинъ даетъ ему очень много порученій въ разныхъ мѣстахъ (очевидный намекъ на извилистое теченіе рѣкъ). Но какъ вы объясните хотя бы почему и бечуаны, и

---

*) Ibid., стр. 13.

отдѣленные отъ нихъ тысячами верстъ суши и моря новозеландцы совершенно одинаково выбиваютъ себѣ передніе зубы и отрѣзаютъ мизинецъ? А мало-ли такихъ сходныхъ и крупныхъ и мелкихъ, и великихъ и незначительныхъ обычаевъ, обрядовъ, формъ и учрежденій! Почему у глухонѣмыхъ въ Европѣ и глухонѣмыхъ между краснокожими Сѣверной Америки жесты и знаки для обясненія поразительно похожи? Почему раскрашиваніе и татуировка кожи зачастую такъ одинаковы у самыхъ различныхъ племенъ? Почему, за исключеніемъ очень немногихъ народовъ, человѣчество выработало одинаковую форму счета (простую или двойную десятичную)? Откуда взялся одинаковый обычай заостренія зубовъ въ центральной и южной Африкѣ, среди племенъ Бразиліи и на Малайскомъ архипелагѣ? Въ какой общей школѣ выучились тереться носами вмѣсто поцѣлуя и привѣтствія эскимосы, лапландцы, австралійцы, маори Новой Зеландіи? Гдѣ встрѣчались между собой жены обитателей Огненной земли и жены туземцевъ на Андаманскихъ островахъ, чтобы выработать общій обычай носить черепъ умершихъ мужей на снуркѣ черезъ шею? А сдавливаніе черепа дѣтей между досками для приданія ему искусственной формы, которое, по словамъ Гиппократа, было распространено въ его время въ степяхъ южной Россіи и замѣчено въ настоящее время и въ Южной Америкѣ, и въ Британской Колумбіи? Почему обрѣзаніе встрѣчается, по словамъ Андрэ, по крайней мѣрѣ у седьмой части всего человѣчества? *).

Перейдемъ къ болѣе глубокимъ и существеннымъ признакамъ психическаго сходства. Почему при заключеніи особо тѣсной дружбы между двумя индивидуумами обычай мѣняться именами распространенъ такъ сильно, что встрѣчается у полинезійцевъ, у могавковъ въ Сѣверной Америкѣ, у макололо и зулусовъ въ южной Африкѣ? А столь странный обычай, какъ кувада (при которомъ отецъ играетъ роль матери, ложится въ постель и вообще ведетъ себя какъ родильница), развѣ не встрѣчается, можно сказать, на всѣхъ точкахъ земнаго шара, начиная отъ корсиканцевъ, описанныхъ Діодоромъ Сицилійскимъ, иберовъ, изображенныхъ Страбономъ, и ихъ потомковъ, современныхъ басковъ, и вплоть до дайяковъ на Борнео, до негровъ Кассангэ, до многочисленныхъ племенъ южной Америки? А знаменитое учрежденіе левирата, въ силу котораго древній еврей долженъ былъ бездѣтной вдовѣ брата „возстановить сѣмя“ умершаго? Монголы, бразиліанскіе тупинамбасы, колюши на сѣверозападѣ Америки, остяки въ западной Сибири, и негры Золотого Берега, и зулусы, и папуасы и т. д., и т. д. и тысячу разъ и т. д. съ успѣхомъ конкурирруютъ въ этомъ отношеніи съ послѣдователями Моисея.

*) Эти и нѣкоторые послѣдующіе примѣры я заимствую у Оскара Пешеля (Oscar Peschel, Völkerkunde; Лейпцигъ, 1881, стр. 28—34 пятаго изд., обработаннаго А. Кирхгофомъ).

А поразительныя совпаденія въ обозначеніи родства у разныхъ народовъ, совпаденія, столько примѣровъ которыхъ далъ намъ Морганъ въ своихъ знаменитыхъ таблицахъ, отпечатанныхъ въ 1870 г., причемъ мы натыкаемся даже на одинаковыя омонимы для выраженія двухъ различныхъ степеней родства. Что общаго казалось бы, напр., между древними римлянами и современными юкагирами? И однако послѣдніе, какъ любезно сообщаетъ мнѣ нашъ изслѣдователь юкагировъ, г. Іохельсонъ, называютъ однимъ словомъ „хаха" дѣда и дядю по матери (старшаго брата матери), т. е. прибѣгаютъ къ тому же ухищренію, которое можно прослѣдить этимологически у римлянъ, называвшихъ дѣда „avus", а дядю по матери „avunculus", что соотвѣтствуетъ собственно уменьшительному „дѣдушка" *).

А формы родовыхъ, семейныхъ и брачныхъ отношеній, создавшія, въ числѣ прочихъ духовныхъ благъ человѣчества, и только что упомянутыя нами выше различныя понятія родства, и соотвѣтствующіе имъ термины? Опять таки, что поражаетъ изслѣдователя этихъ вопросовъ, такъ это замѣчательный параллелизмъ въ развитіи такихъ основныхъ явленій человѣческой психологіи у самыхъ различныхъ племенъ. Прибавьте, наконецъ, подобный же параллелизмъ въ развитіи собственности и прочихъ экономическихъ отношеній, въ общемъ ходѣ политической эволюціи и т. п.—и вы поймете, почему серьезные изслѣдователи говорятъ въ настоящее время объ эмбріологіи общественныхъ формъ, какъ о наукѣ, выражающей законы всемірнаго развитія человѣчества, не смотря на частныя и второстепенныя особенности въ исторической эволюціи разныхъ народовъ: большую или меньшую быстроту этого процесса, перескакиванье чрезъ промежуточныя формы, благодаря вліянію болѣе развитыхъ общественныхъ организмовъ и т. д. Если я не останавливаюсь долѣе на этомъ вопросѣ, такъ потому, что онъ въ настоящее время съ достаточной настойчивостью разрабатывается наиболѣе мыслящими соціологами; и распространяться, напр., объ одинаковой преемственности родовыхъ, политическихъ и экономическихъ формъ хотя бы у древнихъ грековъ и римлянъ и краснокожихъ Сѣверной Америки значило бы ломиться въ дверь, открытую изслѣдованіями Моргана и другихъ спеціалистовъ. Замѣтьте, что у самого Лебона, не смотря на его вѣчный припѣвъ о „расовой душѣ", сквозитъ признаніе этого закона всеобщаго развитія, когда онъ, напр., говоритъ о періодѣ „первобытнаго коммунизма" или о современной эпохѣ „господства толпы". И если бы стоило заниматься подробнымъ указаніемъ про-

*) Обращаю вниманіе читателя въ особенности на одну изъ главъ „Антикварскихъ писемъ" Бахофена (I. I. Bachofen, „Antiquarische Briefe": Страсбургъ, 1886 г., t. II, письмо 48-е: „Ein Römischer Grammatiker über Avunculus, стр. 136—147).

тиворѣчій, которыя встрѣчаются въ различныхъ трудахъ Лебона, то можно было бы показать, что въ его первыхъ произведеніяхъ идея общечеловѣческаго развитія далеко не въ такой степени отодвинута на задній планъ, какъ это замѣчается въ его послѣднихъ книгахъ.

Это сходство различныхъ „расъ“ съ психической стороны и со стороны основныхъ соціологическихъ формъ какъ разъ являлось предметомъ очень интересныхъ изслѣдованій доктора Хозэ Рисаля (José Rizal), цивилизованнаго малайца, разстрѣляннаго въ 1896 г. испанцами при началѣ возстанія на Филиппинскихъ островахъ. Этотъ выдающійся и замѣчательно талантливый человѣкъ, обладавшій обширными знаніями по естественнымъ наукамъ, философіи, этнографіи, лингвистикѣ и т. п., учился и долго жилъ въ Испаніи, Франціи, Германіи, Англіи, Японіи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и вездѣ жадно накоплялъ матеріалы по сравнительной психологіи племенъ. Онъ не успѣлъ самъ напечатать обобщающаго труда, но извѣстный спеціалистъ по изученію Филиппинскихъ островов, Фердинандъ Блюментриттъ, сохранилъ много писемъ и воспоминаній о разговорахъ съ жертвой свирѣпой испанской политики и на основаніи этихъ данныхъ такъ передаетъ основные взгляды Рисаля, проливающіе, по его мнѣнію, яркій свѣтъ на вопросы „расоваго характера“:

1) Человѣческія расы отличаются внѣшнимъ видомъ и строеніемъ скелета, но не душой. Тѣ же самыя страсти, тѣ же страданія волнуютъ бѣлыхъ, желтыхъ, коричневыхъ и черныхъ людей; различна лишь форма, въ которой они выражаются, но и эта форма не является постоянной величиной ни у одной расы, ни у одного народа, а измѣняется подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ факторовъ. 2) Расы существуютъ только для антрополога; что же касается до наблюдателя народной жизни, то для него существуютъ только соціальные слои. Отличить и установить эти общественныя дѣленія—такова задача этнолога... Даже въ старыхъ культурныхъ странахъ, каковы Франція и Германія, главную массу населенія составляетъ классъ, стоящій на томъ же самомъ духовномъ уровнѣ, на какомъ находится большинство тагаловъ (племя, къ которому принадлежалъ Рисаль. Н. К.)... Конечно, европейскіе народы богаты интеллектомъ, но они не могутъ, не проявляя черезчуръ большой самонадѣянности, утверждать, будто и при самомъ возникновеніи они обладали этимъ духовнымъ богатствомъ; имъ нужны были столѣтія борьбы и стремленій, умственныхъ комбинацій, необходимой свободы, полезныхъ законовъ, отдѣльныхъ руководящихъ умовъ для того, чтобы накопить и передать такое сокровище своимъ потомкамъ *).

Упоминаніе о соціальныхъ слояхъ въ особенности интересно: оно показываетъ, что человѣчество дѣлится главнымъ образомъ не столько, если можно такъ выразиться, въ вертикальномъ направленіи, обособляясь племенными, національными и государ-

*) Я отсылаю читателя къ интересной біографіи Рисаля, написанной Блюментриттомъ (F. Blumentritt, «Internationales Arichiv für Ethnographie; т. X, выпускъ 2, 1897, стр. 88—92).

ственными границами, сколько въ горизонтальномъ направленіи, вдоль линій, которыя разслояютъ все человѣчество на общественные классы. Рисаль говоритъ, напр., о томъ любопытномъ впечатлѣніи, какое производитъ на не-европейца европейское крестьянство: его особенности для такого непривыкшаго къ нашей культурѣ глаза почти совсѣмъ исчезаютъ отъ страны до страны, и оно является въ общемъ однимъ великимъ соціальнымъ классомъ на всемъ протяженіи материка отъ Лиссабона до Стокгольма, тогда какъ оно же рѣзко отличается въ каждой странѣ отъ живущаго бокъ-о-бокъ съ нимъ городского населенія. Надо-ли, впрочемъ, упоминать читателю, что изслѣдователи общественной жизни уже давно обратили вниманіе на существованіе соціологическихъ типовъ, которые вырабатываются между людьми, занятыми одинаковою спеціальностію среди одного и даже различныхъ народовъ? Соціальное раздѣленіе труда зачастую создаетъ различія, гораздо болѣе существенныя, чѣмъ пресловутая раса. Во всякомъ случаѣ добросовѣстные антропологи и этнологи, у которыхъ черепословіе не вызвало страшной узости мысли, такъ ставятъ и такъ рѣшаютъ вопросъ о сравнительномъ значеніи расъ и классовъ въ современной цивилизаціи:

Имѣетъ-ли раса вліяніе на психическій, умственный и нравственный характеръ народовъ? Конечно, à priori нельзя отрицать этого вліянія, и оно дѣйствительно наблюдается у дикихъ народовъ. Но по мѣрѣ того какъ поднимаешься по лѣстницѣ цивилизаціи, замѣчаешь, что соціальныя причины имѣютъ большую важность, чѣмъ физическія, для духовнаго развитія личностей... Въ болѣе значительныхъ этническихъ группахъ, внутри которыхъ раздѣленіе труда создало болѣе или менѣе рѣзкіе классы, касты и соціальные слои... физіономіи каждаго класса спеціализируется; рядомъ съ расовыми типами создаются типы соціальные. Эти типы характеризуются общими чертами не только съ точки зрѣнія психической, но и съ точки зрѣнія физической. Такимъ образомъ китайскіе, японскіе, аннамитскіе, бирманскіе, корейскіе ученые или бонзы, не смотря на различіе расъ, представляютъ тѣмъ не менѣе болѣе сходства между собой, чѣмъ съ ихъ соотечественниками, крестьянами, или торговцами, Точно также въ Европѣ извѣстные общественные классы: судебное сословіе, духовенство, банкиры, маклеры, любители спорта, рудокопы, фабричные рабочіе обладаютъ извѣстнымъ родственнымъ сходствомъ, извѣстной моральной физіономіей и даже физическимъ типомъ, которые общи всѣмъ имъ, не смотря на различіе языковъ и расъ *).

Напутствуемые этимъ соціологическимъ выводомъ, мы переходимъ къ послѣдней части нашей критики: намъ остается теперь разобрать взгляды Лебона, касающіеся „исторической расы" или, согласно общепринятому термину, національности. „Истори-

*) См. интересное заключеніе лекціи г. Деникера о расахъ и народахъ Европы въ „Revue mensuelle de l'école d'Anthropologie de Paris". номеръ отъ 15 іюня 1898 г., стр. 198—199, passim.

ческая раса" представляетъ въ міровоззрѣніи нашего автора ту единственную скрѣпу, которой онъ соединяетъ между собой людей современнаго періода. Въ выборѣ такой связи Лебонъ, столь любящій взаимную рознь и непониманіе между личностями, руководится, очевидно, обычнымъ среди теперешней буржуазіи преклоненіемъ передъ идоломъ узкаго и ревниваго національзма, которому въ наше время приносится повсюду столько тяжелыхъ жертвъ.

Тутъ нужно, впрочемъ, условиться. Было бы ненаучно отрицать вліяніе національности на психическій складъ принадлежащихъ къ ней личностей. Но, признавая это вліяніе, мы не должны ни на минуту забывать, что эта форма общественнаго союза въ неизмѣримо большей степени выражаетъ результатъ текучаго и сравнительно быстро измѣняющагося историческаго процесса, чѣмъ неподвижнаго расоваго характера. Между тѣмъ авторъ, мѣстами, повидимому, приближаясь къ обычному опредѣленію національности, еще чаще говоритъ о своей „исторической расѣ", какъ если бы она была извѣстнымъ зоологическимъ продуктомъ. Не наивно-ли въ самомъ дѣлѣ объяснять политическую борьбу Франціи тѣмъ, что въ этой странѣ (въ противоположность, молъ, Англіи) различные расовые характеры не успѣли еще выработать однородную „историческую расу" *)? Какъ будто, для того, чтобы имѣть одинаковые взгляды, людямъ надо принадлежать къ одному мѣстному, чуть не зоологическому типу, или для того, чтобы бороться, надо родиться одному въ Нормандіи, другому въ Оверни и т. д.? Напомню лишь, для надлежащей оцѣнки этой курьезной мысли, что, напр., Шатобріанъ, Ламеннэ и Ренанъ, столь различные по своей умственной физіономіи, всѣ трое родомъ изъ Бретани, тогда какъ Сэнъ-Жюстъ и Робеспьерръ, соприкасавшіеся столькими сторонами политическаго убѣжденія и революціоннаго фанатизма, родились на разстояніи болѣе, чѣмъ трехъ градусовъ широты, одинъ на берегахъ Луары, другой въ Артуа, недалеко отъ Фландріи.

Не мѣшаетъ тутъ же замѣтить, что историческій процессъ такъ перемѣшалъ хотя бы расы Европы, такъ причудливо передѣлилъ ихъ по различнымъ лингвистическимъ и національнымъ клѣткамъ, что терминъ „историческая раса" представляетъ собой сочетаніе двухъ почти непримиримыхъ словъ. Я отошлю читателя къ уже упомянутому мною изслѣдованію г. Деникера, который на основаніи антропологическихъ данныхъ заключаетъ, напр., о смѣси, по крайней мѣрѣ, трехъ различныхъ расъ въ лангедококаталанской этнической группѣ, и цѣлыхъ пяти расъ въ группѣ сардо-итальянцевъ. А между тѣмъ только вѣра въ страшную неподвижность и взаимную непроницаемость расъ и можетъ объ-

**) См. „Lois", стр. 49—50.

яснить большинство соціологическихъ взглядовъ Лебона, причемъ съ каждымъ новымъ трудомъ его зоологическая точка зрѣнія на исторію становится все одностороннѣе и рѣзче. Такъ, напр., читатель уже могъ видѣть изъ цитаты, взятой мною изъ „Психологическихъ законовъ“ Лебона, что японцу мало и тысячи лѣтъ, чтобы приблизиться съ психической стороны къ англичанину. Но въ своихъ болѣе раннихъ трудахъ нашъ авторъ былъ гораздо менѣе категориченъ, замѣчая, напр., въ „Первыхъ цивилизаціяхъ“, что „если дѣти и внуки француза, поселившагося въ Японіи, поженятся на японкахъ и будутъ продолжать жить въ странѣ, то уже по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній они не будутъ, вѣроятно, видѣть ничего дурного въ томъ, что возмущало ихъ предка“ *),—дѣло идетъ объ обычаѣ для дѣвушки добывать себѣ приданое проституціей. Въ томъ же сочиненіи авторъ далеко не ограничивается одной „расой“, но много говоритъ также о „физической“ и „моральной средѣ“ и даже выражаетъ вѣрную общую мысль о

> сложности причинъ, которыя управляютъ развитіемъ личностей, расъ и народовъ. Каждая изъ этихъ причинъ вліяетъ на всѣ другія, но ни одна изъ нихъ не преобладаетъ абсолютно. Ихъ не только должно изучать отдѣльно, но для того, чтобы изслѣдованіе носило настоящій характеръ точной общественной науки, слѣдовало бы измѣрять ихъ взаимодѣйствіе и вычислить ихъ равнодѣйствующую, какъ вычисляютъ равнодѣйствующую силъ въ случаѣ притяженія нѣсколькими тѣлами одного. Въ настоящее время нельзя претендовать на выполненіе подобной задачи. Если послѣдняя и станетъ когда-либо возможна, то во всякомъ случаѣ не раньше нѣсколькихъ вѣковъ **).

Но скоро авторъ нашелъ, что можно проще расправиться съ трудной задачей, и, выхвативъ изъ Тэна лишь одинъ элементъ, расу, и оставивъ два другіе,—среду и моментъ,—совершенно въ сторонѣ, построилъ свою зоологическую соціологію ***). Что это построеніе отличается замѣчательной легковѣсностью, въ особенности по отношенію къ оцѣнкѣ взаимнаго вліянія „историческихъ расъ“ одна на другую, видно изъ необыкновенно поверхностныхъ и самонадѣянныхъ соображеній, которыя авторъ высказываетъ всякій разъ, когда ему приходится подкрѣплять свои теоріи указаніемъ на факты. Приведу одинъ очень типичный примѣръ. Мы видѣли, что Лебонъ совершенно отрицаетъ

---

*) «Les premières civilisations»; Парижъ, 1889, стр. 147.

**) Ibid. стр. 147—148.

***) Лебонъ—потайной ученикъ Тэна и, рѣдко цитируя его, да и то по большей части ради критики, въ сущности, развиваетъ въ каррикатурно-однобокой формѣ взгляды учителя. Надо замѣтить, что во Франціи вліяніе Тэна въ послѣднее время выражается почти исключительно въ реакціонно-націоналистическихъ разглагольствованіяхъ объ „истинно-французской душѣ“, о „галльскомъ характерѣ“. Интересно, что Поль Бурже и Морисъ Баррэсъ, считающіе себя вѣрными послѣдователями Тэна, теперь оба въ шайкѣ шовинистовъ и антисемитовъ...

вліяніе греческаго искусства на индусское. Это утвержденіе понадобилось ему для доказательства взаимной психической непроницаемости двухъ народовъ, его любимаго конька. Но на основаніи какихъ же наблюденій авторъ рѣшается на такую мысль, идущую въ разрѣзъ съ тридцатилѣтними работами англійской археологической коммиссіи (Archaeological Survey), которая изучила въ Остъ-Индіи десятки тысячъ памятниковъ, монетъ и рукописей? На основаніи четырехмѣсячнаго путешествія въ началѣ 1885 г. по Непалу *), и путешествія въ такой степени поверхностнаго и несерьезнаго, что большинство ученыхъ географовъ считаютъ значительную часть разсказа Лебона прямой шарлатанской выдумкой, такъ какъ нашъ импровизированный археологъ не могъ даже, несмотря на настойчивыя приглашенія спеціалистовъ, показать свой маршрутъ на картѣ. Какъ бы то ни было, стоитъ вамъ отъ голословныхъ, но самоувѣренныхъ утвержденій автора обратиться къ спеціалистамъ вродѣ Гоблэ д'Алвіелла, который критически резюмируетъ современное положеніе вопроса, и вы найдете, что, нисколько не преувеличивая значенія греческаго искусства для Индіи, знатоки находятъ въ архитектурныхъ памятникахъ, а особенно скульптурѣ Гандгары (на сѣверо-западѣ Индіи, въ долинѣ Пейшавера) несомнѣнное вліяніе классическихъ образцовъ, переработанныхъ геніемъ мѣстныхъ художниковъ:

Въ искусствѣ Гандгары типъ Будды... еще не принялъ окончательно іератическихъ формъ. Когда вы видите его посреди учениковъ, задрапированнымъ и причесаннымъ на греческій ладъ,—безъ той курчавой шевелюры, которая сдѣлалась позже однимъ изъ его характеристичныхъ признаковъ и дала поводъ нѣкоторымъ археологамъ приписывать ему негритянское происхожденіе,—то вамъ такъ и хочется принять его за философа, вырвавшагося изъ портика или академіи, а тамъ, гдѣ его голова окружена ореоломъ, и совсѣмъ за Аполлона... Но даже въ большинствѣ случаевъ, когда его изображаютъ сидящимъ на восточный ладъ, все же поза его рукъ, прическа, форма и складки одежды, чистота профиля, выраженіе лица, которое лучится умомъ, кротостью и свѣтлымъ спокойствіемъ, переноситъ вашу мысль къ самымъ прекраснымъ типамъ александрійскаго искусства **).

Такъ говоритъ знающій спеціалистъ, передъ которымъ расшаркивался въ одномъ изъ своихъ твореній самъ нашъ заносчивый авторъ, какъ передъ „выдающимся мыслителемъ". Показавъ, въ какой степени можно довѣрять наблюденіямъ и знаніямъ Лебона, я затрону вопросъ о національности съ единственной, по моему мнѣнію, интересной точки зрѣнія, а именно: можно ли дѣйствительно считать „историческую расу" Лебона такимъ обособлен-

*) Voyage au Népal; въ „Tour du Monde" 1886, первое полугодіе, стр. 225—272.

**) Goblet d'Alviella, „Ce que l'Inde doit à la Grèce; Парижъ, 1897, стр. 56 (авторъ говоритъ о вліяніи грековъ и индусовъ и не въ одномъ только искусствѣ, а и въ наукѣ и т. п.).

нымъ и прочнымъ цѣлымъ, которое на протяженіи всей исторической жизни отличается опредѣленной психической физіономіей и проводитъ извѣстные политическіе и общественные идеалы? Вѣрно ли, напр., то утвержденіе автора, что „латинскія расы“ тяготѣютъ всегда и вездѣ къ государственной централизаціи (въ противоположность англо-саксонскимъ, стремящимся къ развитію индивидуума и мѣстныхъ свободъ)?

Достаточно самаго бѣглаго взгляда на исторію, чтобы убѣдиться въ ложности такого воззрѣнія. Можно ли, напр., серьезно говорить о централистическихъ тенденціяхъ и въ феодальной Франціи? Гдѣ, какъ не въ Италіи среднихъ вѣковъ, обнаруживается дробленіе политической власти на значительное количество соперничающихъ маленькихъ государствъ, которыя перешли и въ новое время и были упразднены лишь совсѣмъ недавно? И развѣ рядомъ съ монархической централизаціей въ Испаніи не существовала автономія областей, пользовавшихся фуэросами, автономія, которая длилась до уничтоженія этихъ правъ въ 1876 г. (и, можетъ быть, теперь снова выплываетъ на сцену въ карлистскомъ движеніи послѣдняго года)? А англо-саксонская нація, отличающаяся, по мнѣнію Лебона, такой цѣльностію характера, развѣ не измѣнила она въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій очень замѣтнымъ образомъ нѣкоторыя крупныя черты этого характера? Въ то время, какъ большинство современныхъ англійскихъ писателей упрекаетъ французовъ въ излишней революціонности и противопоставляетъ этому, по ихъ мнѣнію, недостатку уваженія къ традиціямъ и законности своихъ соотечественниковъ, знаете ли, за что рѣзко критикуетъ французовъ англійскій легистъ XV вѣка, Джонъ Фортескью? За то, что французскій народъ труслив и, не смотря на бѣдность, ни за что не хочетъ возставать, тогда какъ въ Англіи за этимъ дѣло не станетъ. Оттого-то, по мнѣнію упомянутаго законника, правительство во Франціи „можетъ управлять народомъ на основаніи самовольно созданныхъ законовъ и облагать его какими ему вздумается повинностями и налогами“, тогда какъ въ Англіи правительство „не можетъ издавать иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, на которые согласился народъ, и не можетъ облагать его налогами безъ его же согласія“. Цѣлое столѣтіе спустя, въ XVI вѣкѣ идоломъ англійскаго народа оставался, какъ и три вѣка тому назадъ, легендарный герой зеленаго лѣса, Робинъ Гудъ, который велъ открытую войну противъ шерифа и закона *); а еще столѣтіемъ позже Англія была ареной одной изъ самыхъ сильныхъ политическихъ революцій и гражданскихъ войнъ. Но съ тѣхъ поръ новыя историческія условія дали въ Англіи преобладаніе мирному развитію и чувству законности, и

*) Ср. Taine, „Histoire de la littérature anglaise“; Парижъ, 1895, стр 133, 145, etc. перваго тома 9 изд.

новыя черты въ характерѣ англичанъ оттѣснили старыя, тогда какъ во Франціи открылась эра потрясеній и неустойчиваго политическаго равновѣсія, эра, которая наложила на потомковъ монархическихъ французовъ „великаго вѣка" несомнѣнный отпечатокъ фрондерства и революціонности.

Или возьмите въ той же самой Англіи еще болѣе глубокое измѣненіе національной психики, цѣлый нравственный переворотъ, въ результатѣ котораго глубокая пропасть легла между моралью широко жившей „веселой Англіи" (merry England) временъ Шекспира и моралью послѣдующей пуританской Англіи. Можно-ли было подумать, что всего полстолѣтіе отдѣляетъ жизнерадостную эпоху англійскаго Возрожденія и періодъ страстнаго аскетическаго порыва „Круглоголовыхъ"? Можно-ли представить себѣ, что великое измѣненіе національнаго характера совершилось чуть не въ теченіе одного поколѣнія? Правда, Лебонъ дѣлаетъ въ пользу религіозныхъ идей исключеніе изъ общаго правила своей зоологической соціологіи, которая основана на вѣрѣ въ чрезвычайную неподвижность „расоваго характера": нашъ авторъ можетъ, пожалуй, сказать, что въ данномъ случаѣ дѣло шло именно о вліяніи новаго религіознаго убѣжденія на психику людей. Но не говоря уже о томъ, что если допустить возможность быстраго преобразованія національнаго характера въ частномъ случаѣ, то его придется пустить и вообще,—не говоря уже объ этомъ соображеніи, порокидывающемъ міровоззрѣніе Лебона, мы можемъ привести сколько угодно примѣровъ рѣзкаго измѣненія въ пресловутой „расовой душѣ" въ незначительный промежутокъ времени и подъ вліяніемъ измѣнившихся соціально-политическихъ условій.

Мы достаточно хорошо знаемъ, напр., типъ средняго современнаго нѣмца, который со временъ политики насильственнаго объединенія очень любитъ превозносить свое „отечество", а свою „націю" ставитъ въ примѣръ добродѣтели всѣмъ прочимъ народамъ. Теперь скажите, много-ли походитъ этотъ типъ на мастерское изображеніе нѣмца начала этого столѣтія, изображеніе, которымъ мы обязаны перу умной и наблюдательной баронессы Сталь? Вотъ что читаемъ, дѣйствительно, въ ея „Германіи":

Въ литературѣ, какъ и въ политикѣ, нѣмцы питаютъ черезчуръ много почтенія къ иностранцамъ и не обладаютъ въ достаточной степени національными предразсудками. И однако въ отдѣльныхъ личностяхъ самоотверженіе и уваженіе къ другимъ являются достоинствомъ; но національный патріотизмъ долженъ быть эгоистичнымъ. Гордость англичанъ служитъ много въ пользу ихъ политическому существованію; хорошеее мнѣніе французовъ о самихъ себѣ много способствовало ихъ престижу въ Европѣ; благородная гордость испанцевъ сдѣлала ихъ нѣкогда властелинами части свѣта. Но нѣмцы представляютъ собой саксонцевъ, пруссаковъ, баварцевъ, австрійцевъ; германскій характеръ, на которомъ должна была бы основываться сила всѣхъ нѣмцевъ, такъ же раздробленъ, какъ и сама страна, обладающая столь многочисленными властителями *).

*) Madame de Staël, «De l'Allemagne» (цитирую по парижскому изданію 1847 г., стр. 16).

И разъ, цитируя Сталь, мы перешли на общественно-литературную почву, развѣ исторія идейныхъ теченій и литературныхъ направленій, въ которыхъ выражается „національная душа", не полна примѣрами быстрыхъ измѣненій въ содержаніи и формѣ? Мало того, не отражаются-ли эти измѣненія въ душѣ извѣстнаго народа на подобныхъ же измѣненіяхъ у другихъ народовъ, благодаря волнамъ идейной заразительности, которая, вопреки мнѣнію Лебона о взаимной непроницаемости національныхъ характеровъ, все болѣе и болѣе проникаетъ все цивилизованное человѣчество? Возьму, напр., вопросъ, поставленный еще въ 70-хъ годахъ однимъ замѣчательнымъ мыслителемъ относительно Франціи:

Въ XII-мъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ средневѣковую французскую эпику, которой подражали повсюду; схоласты парижскаго университета въ XIII-мъ и XIV-мъ вѣкахъ были учителями Европы; придворные стихотворцы XVII-го вѣка опять нашли подражателей; энциклопедія XVIII вѣка, въ свою очередь, господствовала надъ европейскою мыслію. Сравнимъ эти четыре эпохи; прибавимъ, пожалуй, менѣе вліятельную эпоху новаго французскаго романтизма и эклектизма (я позволю прибавить здѣсь отъ себя теченіе французскаго натурализма и французскаго же декадентства, которое находитъ комичныхъ подражателей въ современной Россіи. Н. К.). Какую общую идею мы найдемъ во всѣхъ этихъ фазисахъ французской мысли, вліявшихъ болѣе или менѣе на развитіе человѣчества? Если отказаться отъ совершенно искусственныхъ натяжекъ, то придется отказаться и отъ всякой идеи, общей всему историческому ходу французской мысли. То же самое можно сказать и о какихъ бы то ни было другихъ замѣтныхъ чертахъ какъ для Франціи, такъ и для другихъ національностей. Общей идеи, проникающей всю исторію какой-либо націи, вовсе не оказывается *).

Съ тѣмъ же правомъ и съ еще большимъ интересомъ мы могли бы поставить вопросъ о „національной душѣ" евреевъ, поставить именно теперь, когда разные Дрюмоны и т. п. „соціологи" прожужжали намъ уши прирожденными и неистребимыми „чертами семитовъ", въ которыхъ-де выражается зловредный характеръ этой „противообщественной расы". Дѣйствительно, надо имѣть крѣпкую вѣру въ черепословіе, чтобы, подобно Лебону, зачислить евреевъ въ число „среднихъ" расъ, которые, молъ, никогда не могутъ возвыситься до „цивилизаціи арійскихъ народовъ". Есть-ли на самомъ дѣлѣ у евреевъ такія черты, которыя бы могли объясняться ихъ прирожденными и неподвижными свойствами, а не исторіей? Есть-ли у нихъ даже такія идеи, которыя бы проходили черезъ всю ихъ исторію безъ измѣненія? Мы видимъ евреевъ въ самомъ началѣ кочевниками, затѣмъ усердными земледѣльцами, наконецъ—подъ давленіемъ средневѣковыхъ предразсудковъ, загородившихъ имъ столько областей дѣятельности—торговцами, ростовщиками, банкирами, ремесленниками, вообще людьми город-

*) См. статьи, посвященныя историческимъ вопросамъ въ „Недѣлѣ" конца 60-хъ годовъ.

скихъ занятій, что осталось въ значительной мѣрѣ вѣрнымъ и до сихъ поръ. Можно-ли серьезно утверждать, что современники Авраама, Ирода-Агриппы, Маймонида, Ротшильдовъ отличаются тою-же „расовой душой“? Исключительность іудейской религіи, совпадающей почти съ національностію, и нѣкоторыя патріархальныя черты крѣпко сплоченной семьи—вотъ, въ сущности, двѣ болѣе или менѣе прочныя черты еврейскихъ массъ. Но историческія условія и въ частности преслѣдованія со стороны столькихъ народовъ достаточно объясняетъ, почему эта, такъ сказать, архаическая психологія не успѣла раствориться въ потокѣ современной цивилизаціи: всѣ внѣшнія условія слагались, за исключеніемъ незначительныхъ моментовъ, столь неблагопріятно, что этотъ интересный соціологическій опытъ такъ и не могъ быть произведенъ до сихъ поръ надлежащимъ способомъ. Словно преслѣдуемые рокомъ, евреи не могли имѣть достаточно времени для того, чтобы пріобщиться къ общему прогрессу человѣчества: XIX-ый вѣкъ, который впервые, казалось, сдѣлалъ шагъ въ этомъ направленіи, кончаетъ свое бурное существованіе печальнымъ недоразумѣніемъ, благодаря которому стремленіе къ лучшему соціальному строю почти повсюду совпадаетъ съ обостреніемъ демагогическаго антисемитизма.

Но какъ бы то ни было, мы можемъ поставить вопросъ: какую общую идею можно найти въ аристотелизмѣ ученыхъ средневѣковыхъ евреевъ, величавомъ, но страшно абстрактномъ пантеизмѣ Спинозы и міровоззрѣніи поэтовъ-евреевъ и мыслителей-евреевъ нашего столѣтія вродѣ Гейне, Лассаля и Маркса, имена которыхъ неразрывно связаны съ міровымъ движеніемъ современной мысли? Тутъ кстати надо будетъ отмѣтить наивное причисленіе евреевъ Лебономъ къ средней расѣ, которая, молъ, не можетъ дойти до высшихъ сферъ арійской цивилизаціи, въ то время, какъ четыре цитированныя нами имени характеризуютъ величайшій подъемъ человѣческаго духа въ различныхъ областяхъ мысли и жизни. Чѣмъ не „арійцы“ въ такомъ смыслѣ эти гиганты ума, практической энергіи и поэтическаго творчества?...

Но тутъ, я думаю, пора покончить съ серьезнымъ разборомъ соціологическихъ идей Лебона: мнѣ надо еще сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ трудѣ Лебона, о его пресловутой „Психологіи соціализма“, которая внушила мнѣ мысль написать эту статью. Рѣдко приходится встрѣчать книгу, столь претенціозную и въ то же время столь ничтожную по содержанію. И друзья, и враги соціализма ровно ничего не найдутъ въ этомъ произведеніи, чего бы уже не было сказано безчисленное множество разъ, и сказано гораздо основательнѣе, и гораздо лучше. Даже относительное умѣніе изложенія покидаетъ на этотъ разъ Лебона, и на 479 страницахъ этой большого формата книги вы

найдете очень много курьезныхъ соображеній на разныя темы, но толковой разработки „соціализма“, а тѣмъ болѣе его „психологіи“ нѣтъ и слѣда. Противники соціализма могутъ даже опасаться, что походъ самоувѣреннаго „психолога“ скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вредъ аттакуемому міровоззрѣнію; такъ мало видно у автора серьезнаго знанія разбираемаго предмета, такъ поверхностны его возраженія, и такъ необдуманно его критика выставляетъ положенія, которыя можно повернуть противъ взглядовъ самого автора и присныхъ съ нимъ по духу.

Знаменательно, что консервативный критикъ и врагъ соціализма, Эмиль Фаге, принужденъ начинать слѣдующимъ образомъ свой отзывъ о книгѣ Лебона, отзывъ, который онъ старается сдѣлать возможно хвалебнымъ:

Подъ заглавіемъ „Психологія соціализма“ г. Густавъ Лебонъ даетъ намъ книгу, въ которой мало психологіи и не часто рѣчь заходитъ о соціализмѣ. Въ ней говорится о столкновеніи расъ; объ опасности отъ желтой расы; о вырождающихся; о неприспособленныхъ; о людяхъ университета, которые разсматриваются, впрочемъ, авторомъ то какъ неприспособленные, то какъ вырождающіеся; о національномъ воспитаніи, о высшемъ и среднемъ образованіи; и даже отъ времени до времени попадается параграфъ о соціализмѣ или о психологіи соціалиста. Ибо надо, конечно, говорить понемногу обо всемъ и даже объ очередномъ вопросѣ... Серьезно, эта книга черезчуръ набита разными вещами и черезчуръ составлена въ духѣ метода отступленій. Это словно Монтэнь... *).

Конечно, Фагэ можетъ сравнивать лишь иронически Лебона съ Монтэнемъ, который, не смотря на небрежный тонъ и растрепанный характеръ своихъ „опытовъ“, полонъ серьезныхъ и оригинальныхъ мыслей и тщательно провѣренныхъ фактовъ. Но если бы у меня было время и мѣсто говорить подробно о содержаніи лебоновской книги, то, смѣю увѣрить читателя, я могъ бы подобрать букетъ такихъ курьезовъ и коллекцію такихъ неожиданныхъ экскурсій въ различныя области, которыя напомнили бы пеструю смѣну сценъ и уморительныхъ пассажей въ такъ называемыхъ „обозрѣніяхъ года“ (revues de l'année), даваемыхъ на подмосткахъ французскихъ театровъ. Въ этой фантасмагорической процессіи лицъ, фактовъ и сужденій читатель увидалъ бы Спенсера и Конта, зачисленныхъ въ соціалисты (стр. 43), и Мориса Барреса, возведеннаго въ рангъ „проницательнаго мыслителя“ (стр. 65); и сужденіе о процессѣ неловкаго доктора Ланорта (стр. 95); и удивительное открытіе, что въ Германіи соціализмъ распространенъ въ особенности—surtout!—въ среднихъ и высшихъ классахъ (стр. 123); и не менѣе удивительное открытіе, будто соціалисты не понимаютъ того, что современное промышленное движеніе носитъ международный характеръ (стр. 257); и восхва-

*) Emile Faguet, „Psychologie du socialisme“; въ „Revue bleue“, № отъ 17-го декабря 1898 г., стр. 784.

леніе медленнаго роста французскаго населенія (стр. 273); и скорбную повѣсть мосьё Лебона насчетъ того, какъ онъ не могъ найти одного химическаго препарата въ Парижѣ, а принужденъ былъ выписать его изъ Берлина (стр. 285); и не менѣе скорбное признаніе въ томъ, что французскіе оптики не стоятъ нѣмѣцкихъ (стр. 298—299); и гипотетическую поѣздку буржуа, обиженныхъ будущимъ строемъ, въ Исландію... Эта послѣдняя картина дѣлаетъ, впрочемъ, такую честь воображенію автора, что я позволю себѣ остановить здѣсь непрерывную смѣну образовъ и пейзажей его волшебнаго фонаря и дать читателю возможность насладиться этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ. И такъ, слушайте и трепещите, читатель:

Предположимъ, что путемъ законодательной мѣры, подобной отмѣнѣ Нантскаго эдикта, — мѣры, которую соціалисты, будь они господами, быстро бы привели въ исполненіе, — всѣ высшіе умы Европы, ученые, артисты, крупные фабриканты, изобрѣтатели, самые лучшіе рабочіе и т. п. будутъ изгнаны изъ цивилизованныхъ странъ и принуждены искать убѣжища на какой-нибудь маленькой и почти необитаемой въ настоящее время территоріи, напр. въ Исландіи. Допустимъ, что при изгнаніи у нихъ не будетъ даже и одного су капитала. Несомнѣнно однако, что, какъ ни бѣдна такая страна, она скоро сдѣлается первою въ мірѣ по цивилизаціи и богатству. Богатство это скоро приметъ такіе размѣры, что новая страна сможетъ содержать могущественную армію наемниковъ и не будетъ бояться никого. Я отнюдь не считаю неосуществимою въ будущемъ подобную гипотезу... *).

Помилуйте, любезный авторъ, какое „неосуществимой"!.. Гдѣ ты, Апполоній Родосскій, или хоть ты, Валерій Флаккъ, чтобы воспѣть этотъ походъ новыхъ исландскихъ викинговъ?..

Но читателю, можетъ быть, будетъ все же интересно познакомиться въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ новой книги Лебона, не смотря на несерьезный характеръ ея. Я постараюсь удовлетворить этому желанію, принимая въ разсчетъ то обстоятельство, что, подобно другимъ трудамъ автора, она имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а какъ показатель извѣстнаго міровоззрѣнія. Но достаточно немногихъ словъ, чтобы дать понятіе о „Психологіи соціализма". Болѣе, чѣмъ какая-либо изъ книгъ Лебона, она заслуживаетъ названіе „соціологіи человѣка-звѣря". Подъ вѣчный припѣвъ „расовой души" и „народнаго характера", авторъ развиваетъ взглядъ на „борьбу" какъ на основный принципъ общества. И надо видѣть, съ какимъ наивнымъ самодовольствомъ онъ щеголяетъ своею свирѣпостью, Авторъ забываетъ, что даже въ животномъ царствѣ рядомъ съ борьбой за существованіе вырабатывается принципъ коопераціи, сотрудничества, солидарности, и съ точки зрѣнія грызни разсматриваетъ прошлое, настоящее и будущее человѣчества. Но тутъ автору вдругъ вспоминается,

*) „Psychologie du socialisme", p. 349—350.

что и сама буржуазія не особенно довольна результатами хотя бы современной соціальной борьбы, опасаясь ея исхода и рекомендуя замѣнить эту борьбу гармоніей интересовъ между враждующими сторонами. И вотъ со свойственной всѣмъ буржуа непослѣдовательностію, Лебонъ начинаетъ говорить объ „ассоціаціи“ и „солидарности“, но смотритъ въ то же время на послѣднюю, какъ на „частную форму всеобщей битвы существъ и классовъ“ (стр. 395). Слѣдуетъ изложеніе разныхъ способовъ ассоціаціи и примиренія интересовъ,—товариществъ, участія въ прибыляхъ...

А первыя двѣ трети книги заняты изложеніемъ авторскаго взгляда на происхожденіе соціализма, причемъ онъ вынужденъ сдѣлать признаніе, которое опрокидываетъ его теорію развитія народовъ на основаніи расовой психологіи:

„Экономическіе факторы въ настоящее время имѣютъ грамадное значеніе... Факторы психологическаго порядка, какъ-то раса, вѣрованія, мнѣнія имѣютъ также значительную важность. Но ихъ вліяніе было нѣкогда даже преобладающимъ; теперь же стремятся взять верхъ экономическіе факторы...

Но тутъ является вопросъ: разъ дѣло обстоитъ такъ, разъ теперь царитъ экономическая необходимость, которая, какъ извѣстно, вызываетъ повсюду приблизительно одинаковыя явленія, то съ какой стати авторъ послѣ такого введенія снова возвращается къ своимъ излюбленнымъ „расовымъ“ чертамъ и посвящаетъ весь третій отдѣлъ своей книги (123—245) „соціализму у разныхъ расъ“? Не удивительно, если, стараясь подогнать соціалистическія воззрѣнія къ расовымъ чертамъ,—отыскивая, напр., у „латинскихъ расъ“ авторитарное понятіе о соціализмѣ, а у англо-саксонцевъ начала невмѣшательства,—авторъ проходитъ мимо вещей, которыя, что называется, бросаются въ глаза, и преувеличиваетъ третьестепенныя детали. Какъ просмотрѣть, напр., что анти-государственный, анархическій соціализмъ именно и распространенъ главнымъ образомъ у „латинскихъ расъ“, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ? Какъ, съ другой стороны, игнорировать, что принципъ вмѣшательства государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ (въ формѣ рабочаго законодательства) былъ впервые примѣненъ въ Англіи, между тѣмъ какъ французская буржуазія до сихъ поръ стоитъ за манчестерство въ этой области и съ невѣроятнымъ сопротивленіемъ сдѣлала здѣсь кой-какіе шаги всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Исторія, а не расовый характеръ объясняетъ эти явленія: раннее развитіе капитализма на англійской почвѣ, выдающаяся, почти монопольная роль, которую Англія играла на всемірномъ рынкѣ, сила рабочихъ союзовъ и т. п. экономическіе

*) Ibid., стр. 3.

и соціальные факты въ достаточной степени опредѣляютъ разницу отношенія двухъ націй къ жизненнымъ вопросамъ современности.

Взглядъ автора на нѣмецкій соціализмъ приводитъ его къ довольно курьезному противорѣчію, которое показываетъ, что Лебонъ, кичащійся научною объективностью своихъ взглядовъ, въ сущности, отражаетъ въ нихъ зачастую самыя минутныя вѣянія и самые преходящіе предразсудки. На страницѣ 300 авторъ предсказываетъ, что и нѣмцамъ предстоитъ экономическая гибель отъ „централизаціи, которой они подчинены съ нѣкоторыхъ поръ", но что пока они берутъ верхъ „солидными качествами", выработанными у нихъ нрошлой исторіей, когда упомянутой централизаціи не было. Переверните всего нѣсколько страницъ назадъ и вы увидите, что Лебонъ говоритъ о пользѣ „вліянія нѣмецкаго милитарнаго режима", т. е. именно самаго могущественнаго средства выработки централизаціи и принципа государственности: въ арміи, изволите-ли видѣть,

> молодой человѣкъ пріобрѣтаетъ качества порядка, правильности, самоотверженія, дисциплины, которыя ему будутъ очень полезны позже въ торговлѣ *).

Читатель, конечно, недоумѣваетъ, почему Лебонъ, который видитъ одну изъ причинъ превосходства англичанъ въ отсутствіи у нихъ громадныхъ армій и военнаго духа, приписываетъ этому же духу успѣхи нѣмцевъ въ торговлѣ; а, въ особенности, почему у самихъ нѣмцевъ военный духъ, парализующій склонность къ личной инціативѣ и, несомнѣнно, ослабляющій предпріимчивость, можетъ тѣмъ не менѣе награждать прошедшихъ чрезъ ея школу молодыхъ людей коммерческими способностями...

Думаю, впрочемъ, что мнѣ нечего больше останавливаться на „Психологіи соціализма", разсужденія которой достаточно извѣстны теперь читателю, а фактическая сторона основана на случайномъ газетномъ матеріалѣ, набранномъ съ бору по сосенкѣ, причемъ авторъ обнаруживаетъ неимовѣрное незнаніе литературы вопроса о которомъ собрался трактовать, вплоть до матеріаловъ, извѣстныхъ всѣмъ и каждому, кто только слегка занимался политической экономіей и статистикой...

Н. К.

---

*) Ibid., стр. 296.

Изъ Москвы.

Московскій Уайтчепель и проектъ его упраздненія. — Два слова о „московскомъ журнализмѣ“ особаго рода.

Одною изъ общепризнанныхъ язвъ бѣлокаменной Москвы является московскій Уайтчепельскій кварталъ—Хитровъ рынокъ. Кто только не писалъ объ этомъ смрадномъ и несчастномъ уголкѣ древней столицы, гдѣ скопилась вся муть и вся злая накипь жизни крупныхъ торгово-промышленныхъ центровъ?.. Даже Л. Н. Толстой посвятилъ этому убѣжищу всеобъемлющаго порока краснорѣчивыя страницы, заставивъ лишній разъ говорить о томъ, какъ древлее благочестіе Москвы мирится съ ея гнойными изъянами.

Дѣйствующія въ Москвѣ городскія попечительства не могли тоже не столкнуться при первыхъ же шагахъ съ такими углами столицы, по отношенію къ которымъ всякіе палліативы оказываются безсильными. Таковъ именно классическій Хитровъ рынокъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, могли сдѣлать со своими грошовыми средствами попечительства 2-го и 3-го участковъ Мясницкой части, въ районѣ которыхъ высится громадный кварталъ, съ 11-ти тысячнымъ населеніемъ, отравленный искони вѣковъ роковыми болѣзнями нищеты, пьянства и разврата? Что могли сдѣлать они при видѣ колосальнаго гніющаго болота, въ которомъ тысячи людей, безпомощныхъ и жалкихъ, гибнутъ безслѣдно и неизбѣжно, подъ напоромъ цѣлаго ряда побѣдоносныхъ отрицательныхъ условій? Могла ли помочь копѣйка и участливый совѣтъ члена попечительства тому, кто, живя въ убійственной ночлежкѣ, опутанный ея ядовитой паутиной, обезсиленный ея пьяной и развратной атмосферой, безнадежно упалъ въ самые низы общества?.. Пришлось серьезно призадуматься надъ этимъ явленіемъ и поискать иныхъ выходовъ, помимо традиціонныхъ подачекъ крошечной черствой корки хлѣба. И попечительство серьезно принялось за изученіе Хитрова рынка.

Притонъ, носящій это названіе, собираетъ не одну тысячу туземнаго и пришлаго населенія. Между тѣмъ и другимъ элементомъ есть громадная разница. Туземные или ставшіе таковыми въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обитатели „Хитровки“ представляютъ изъ себя типичнѣйшихъ „золоторотцевъ“, „босяковъ“, осадокъ московской жизни, прочно отложившійся на самомъ днѣ соціальныхъ отбросовъ... Золоторотецъ Хитрова рынка—это рабочій въ отставкѣ. Въ силу массы причинъ, вольныхъ и невольныхъ, онъ опустился почти до зоологической степени и, потерявъ всякій намекъ на образъ и подобіе божіе, живетъ изо дня въ день среди угарной

обстановки алкоголизма, ежесекундно рискуя попасть во власть недреманнаго ока уголовнаго закона. Гдѣ находитъ золоторотецъ свои крохотныя средства, не допускающія его околѣть гдѣ нибудь подъ заборомъ отъ голода? Такія средства даетъ нищенство, какой-нибудь случайный или постоянный трудъ, оплачивающійся грошами, и профессіональная преступность. Золоторотца узнать не трудно. Покрытый рубищемъ, т. е. тѣми дырами, совокупность которыхъ называется одеждою, съ вклокоченными волосами, точно никогда не знавшими гребня, съ синимъ испитымъ лицомъ и ввалившимися мутными глазами, — онъ контрастируетъ съ прочими обывателями города, пугая ихъ при встрѣчѣ и заставляя ощупывать свой карманъ. Впрочемъ, на видныхъ улицахъ столицы онъ появляется рѣдко, такъ какъ рискуетъ немедленно обратить на себя благосклонное вниманіе предержащей власти въ образѣ городового.

Золоторотецъ это—уже послѣдняя ступень, до которой доходятъ дѣти нищеты, несчастія и порока, но предъ этою ступенью очень много другихъ, на которыхъ толпится не одна тысяча рабочаго люда и по которымъ она скользитъ къ „золотой“ грани.

Ежегодно, въ весенніе (послѣ Пасхи) и осенніе (послѣ Успенья) сроки найма рабочихъ, въ Москву сходится не менѣе 15 тысячъ человѣкъ, ищущихъ труда. Вся эта масса идетъ на Хитровъ рынокъ, такъ какъ здѣсь — „биржа труда“. Тотъ, кому выпалъ счастливый жребій и кто, такимъ образомъ, нашелъ работу, быстро исчезаетъ изъ рынка, къ счастью, не вовлеченный еще въ этотъ омутъ. Меньшинство же, не нашедшее заработка и лишенное возможности вернуться на родину, сначала временно, а затѣмъ и навсегда остается на „Хитровкѣ“. Изъ золоторотцевъ и этого меньшинства,еще не перешедшаго въ ихъ армію, и формируется главнымъ образомъ населеніе рынка. По статистическимъ даннымъ городского попечительства, ⅓ населенія рынка составляютъ чернорабочіе, ¼ часть ремесленники, ⅙ часть — прислуга, остальная ¼ часть падаетъ на разносчиковъ, приказчиковъ, фабричныхъ и т. п. Все это люди, уже выбитые изъ колеи. Эти чернорабочіе, ремесленники, прислуга и т. д. уже, въ сущности, оторвались отъ своихъ нормальныхъ занятій, только перебиваясь, но не живя своимъ трудомъ постоянно.

Обитаетъ эта многочисленная армія въ ночлежкахъ, т. е. въ ночлежныхъ домахъ, гдѣ каждый вершокъ пространства цѣнится чрезвычайно дорого. Напримѣръ, въ четырехъ ночлежныхъ домахъ вмѣсто 3,400 ночлежниковъ—число, соразмѣренное съ нормою содержанія воздуха,—находитъ пріютъ въ лѣтніе мѣсяцы 6,667 человѣкъ, а въ зимніе—7,243 человѣкъ въ ночь. Можно представить, какая ужасная атмосфера давитъ грудь ночлежниковъ. По ихъ словамъ, даже зимою приходится выбѣгать наружу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и придти въ себя отъ атмосферы, въ которой отъ

недостатка кислорода тухнутъ лампы. О питаніи говорить, конечно, нечего. Изслѣдованія попечительства обнаружили, что всѣ продукты, кромѣ хлѣба, здѣсь совершенно недоброкачественны, причемъ квинтъэссенцію этой недоброкачественности представляетъ собою знаменитая, давно извѣстная „бульонка“, т. е. смѣсь различныхъ ресторанныхъ испорченныхъ отбросовъ, приправленная заглушающими запахъ гніенія специями и прокопченная съ тою же цѣлью дымомъ. „Бульонка“ эта формально воспрещена въ продажѣ, но за то фигурируютъ ея суррогаты не лучшаго качества. Моральная обстановка жизни хитровцевъ вытекаетъ изъ экономическихъ условій ихъ жизни. Полуголодное существованіе жадно сливается съ пьянымъ и распутнымъ безобразіемъ, рисовать которое мы предоставимъ строгимъ моралистамъ, умѣющимъ пѣть о грѣхѣ и страстяхъ плоти тогда, когда нужно вмѣсто словесныхъ упражненій протянуть руку братской и реальной помощи. И если бы не дѣти, которыя гибнутъ здѣсь, гибнутъ „и въ полночь, и въ заполночь“, впитывая, какъ губки, грѣхи своихъ родителей и язвы среды,— если бы не эти дѣти, то приходилось бы говорить о моральной гибели взрослыхъ въ двухъ словахъ: вѣдь это обычное явленіе и къ нему всѣ привыкли...

Остановимся, однако, на одну минутку на цифрахъ. Цифры эти мы найдемъ въ отчетѣ врача мясницкой амбулаторіи Н. А. Краморева; онѣ дополняютъ окончательно картину жизни Хитрова рынка и рельефно подчеркиваютъ тотъ ужасный гнетъ условій, подъ которымъ приходится жить отбросамъ столицы.

Н. А. Краморевъ рисуетъ намъ такую картину:

„Кліенты мясницкой амбулаторіи рѣзко раздѣляются на двѣ группы: первая—мѣстное рабочее населеніе, это меньшинство; вторая—„хитровцы“, группа преобладающая и дающая своеобразную окраску всей пріемной. Въ 6-мъ часу вечера пріемная комната полна; всѣ скамьи заняты; опоздавшіе ждутъ очереди въ проходахъ между скамьями. Вся эта публика — море лохмотьевъ разныхъ оттѣнковъ и степени изношенности, никогда не снимаемыхъ и пропитанныхъ особымъ специфическимъ запахомъ. Стужа вынуждаетъ хитровца надѣть на себя все имѣющееся въ данный моментъ въ его распоряженіи; неопредѣленность костюма часто лишаетъ возможности опредѣлить полъ его обладателя; съ другой стороны, появленіе въ лѣчебницѣ человѣка, почти совсѣмъ раздѣтаго даже въ декабрьскіе морозы, по удостовѣренію врача, не представляетъ рѣдкаго явленія. Изнуренное желтое лицо, синій носъ, запахъ сивухи изо-рта и всклокоченная голова, почти незнакомая съ гребенкой—вотъ обычная внѣшность хитровца“.

Изъ 24,992 больныхъ, оказалось заразныхъ 3,631, причемъ громадное большинство послѣднихъ были больны тифомъ разныхъ формъ и наименованій, тифомъ, который не прекращается на Хитровомъ рынкѣ въ теченіе цѣлаго года. Пятую часть заболѣваній

(4,552) дали болѣзни органовъ пищеваренія. Затѣмъ по нисходящей степени идутъ: сифилисъ и венерическія болѣзни (для этого рода болѣзней существуетъ, въ виду ихъ обилія, особый пріемъ), туберкулезъ легкихъ, пораненія кожи, мышцъ, костей и суставовъ и—какъ заключительный аккордъ—„механическія поврежденія"... Большинство больныхъ хитровцевъ обращается въ амбулаторію только въ крайнемъ случаѣ, когда уже становится „не въ моготу"... Подведемъ маленькіе итоги: грошами оплачивающійся трудъ, помѣщеніе съ просторомъ меньше, чѣмъ въ могилѣ, удушливый воздухъ, пропитанный ядомъ гнилыхъ и пьяныхъ испареній, гибельная моральная обстановка, драки, пьянство, развратъ, преступленія,—и одна дорога торная—въ тюрьму или больницу съ неизлѣчимыми болѣзнями... Вотъ она—„язва" Москвы. Какъ магнитъ, она притягиваетъ къ себѣ здоровыя силы и подчиняетъ ихъ своему закону безысходнаго паденія...

Санитарная группа московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества на первую очередь въ выполненіи своей программы поставила, въ первомъ своемъ собраніи, состоявшемся 17 апрѣля 1897 года, вопросъ объ улучшеніи жилищъ рабочаго населенія, а равно о мѣрахъ къ устраненію жилищной нужды въ населенныхъ промышленныхъ центрахъ. Изъ пяти докладовъ, обсуждавшихся съ осени прошлаго года въ санитарной группѣ, первымъ, привлекшимъ общее вниманіе и возбудившимъ живой интересъ, явился именно докладъ о Хитровомъ рынкѣ, составленный на основаніи изслѣдованія городского попечительства 2 и 3 уч. мясницкой части. Этотъ докладъ послужилъ ближайшимъ поводомъ къ образованію особой коммиссіи при санитарной группѣ для разработки вопроса о мѣрахъ оздоровленія Хитрова рынка и о постройкѣ дешевыхъ жилищъ для рабочихъ вообще въ промышленныхъ центрахъ. Коммиссія предприняла слѣдующія подготовительныя работы: 1) осмотръ ночлежныхъ коечно-каморочныхъ квартиръ; 2) сношеніе съ наиболѣе значительными русскими городами и земствами, сосѣднихъ съ московской губерній, по вопросу о ночлежныхъ и т. п. жилищахъ для безработнаго люда; 3) выработку программы для изученія положенія торгово-промышленныхъ жилищъ, давшихъ довольно значительный процентъ представителей на Хитровомъ рынкѣ. Разработанный коммиссіей докладъ объ оздоровленіи Хитрова рынка былъ представленъ ею постоянному бюро санитарной группы, которая и постановила возбудить соотвѣтствующее ходатайство предъ московскимъ городскимъ самоуправленіемъ. Къ этому ходатайству присоединилось городское попечительство 2 и 3 уч. мясницкой части, которое и передало весною этого года весь вопросъ на „благоусмотрѣніе" московской городской думы.

Въ своихъ заключительныхъ выводахъ коммиссія при санитарной группѣ прежде всего устанавливаетъ, какъ основной тезисъ,

что *Хитровъ рынокъ представляетъ самую ужасную язву всего города*. „Все хитровское населеніе переполняетъ мѣстные ночлежные дома до невѣроятной степени и *находится въ бѣдственномъ состояніи*, претерпѣвая лишенія вслѣдствіе крайней недостаточности воздуха и антисанитарныхъ условій жилищныхъ помѣщеній, питаясь недоброкачественными продуктами и проживая при условіяхъ, вызывающихъ порчу нравовъ, потерю работоспособности и пониженіе качества труда. Такія ненормальныя условія жизни на Хитровомъ рынкѣ вызываютъ среди его обитателей усиленную заболѣваемость и развитіе пьянства, разврата и преступленій".

Отмѣчая тотъ фактъ, что Хитровъ рынокъ служитъ единственнымъ *рынкомъ труда*, коммиссія констатируетъ всю пагубность такого совмѣщенія. Пришлый рабочій людъ дѣлается предметомъ самой пагубной эксплоатаціи со стороны арендаторовъ ночлежныхъ домовъ. Послѣдніе, уплачивая хозяевамъ арендную плату, гораздо выше сравнительно съ тѣмъ, что они выручаютъ изъ пятикопѣечной платы за ночлегъ (въ среднемъ арендаторъ платитъ владѣльцу за 1 куб. сажень пространства въ ночлежныхъ квартирахъ 1 р. 84 к., а самъ, при нормальныхъ условіяхъ могъ-бы выручить за ночлегъ 1 р. 57 к.) „пополняютъ свои недочеты чрезвычайнымъ переполненіемъ квартиръ и незаконными промыслами—тайной продажей водки, скупкой краденыхъ вещей, сводничествомъ и проч. Дѣятельность арендаторовъ дополняютъ хитровскіе кабаки, портерныя и трактиры и хитровскій поселокъ, въ концѣ концовъ, является *школой разврата и воровства*".

Полиція и городской санитарный надзоръ остаются безсильными въ своей дѣятельности, такъ какъ никакія обязательныя постановленія, ни репрессіи не достигаютъ здѣсь цѣли. По прежнему гнѣздится здѣсь тифъ и цѣлыя серіи заразныхъ болѣзней, по прежнему обогащается уголовная хроника. Такимъ образомъ „городское населеніе совершенно нецѣлесообразно несетъ огромныя затраты на борьбу съ тифомъ и другими болѣзнями, на больницы и мѣста заключенія".

„Вслѣдствіе этого, приходитъ къ заключенію коммиссія, въ интересахъ мѣстнаго населенія и всего города, въ интересахъ финансовыхъ, охраненія народнаго здравія, общественной безопасности и нравственности, требуется коренная реорганизація Хитрова рынка. Взамѣнъ развращающихъ хитровскихъ вертеповъ и кабаковъ нужно дать благоустроенные платные ночлежные пріюты и безплатныя пристанища для дневного пребыванія, гдѣ можно было бы продовольствоваться дешевой и здоровой пищей и находиться въ холодную пору до пріисканія работы. Необходимо при этомъ отдѣлить пришлый сельскій людъ отъ постоянныхъ городскихъ жителей и предохранить отъ развращающаго вліянія неблагонадежнаго элемента, будутъ-ли то арендаторы или рецидивисты-подстрекатели. Необходимо также устроить правильно

организованную биржу труда. При ночлежныхъ домахъ было бы весьма полезно устроить баню и прачечную, которыми ночлежники могли-бы пользоваться за небольшую плату.

„Достигнуть всего этого на Хитровомъ рынкѣ рѣшительно нельзя, въ силу установившагося порядка вещей, связаннаго съ арендной системой и непомѣрнымъ возрастаніемъ квартирныхъ цѣнъ. Поэтому, безусловно необходимо изъять дѣло содержанія ночлежныхъ домовъ изъ ненадежныхъ рукъ арендаторовъ и хитровскихъ домовладѣльцевъ.

„Необходимость, огромная практическая польза и осуществимость предлагаемыхъ коммиссіею мѣръ находятъ для себя фактическое подтвержденіе въ исторіи борьбы съ такимъ же зломъ, которое раньше властно царило въ Лондонѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ. Въ настоящее время, благодаря систематическому выполненію испытанныхъ на практикѣ мѣропріятій, зло это повсюду исчезло или же постепенно сокращаетъ свои прежніе ужасающіе размѣры“.

Переходя къ практическому осуществленію своихъ выводовъ, коммиссія полагаетъ, что „лучше всего за дѣло устройства и содержанія ночлежныхъ домовъ взяться самому городу, такъ какъ съ правильной постановкой этого дѣла связаны самые насущные интересы всего городского населенія. Не имѣетъ смысла для города, по дороговизнѣ земли на Хитровкѣ, въ этомъ гнѣздѣ заразы, возводить новые ночлежные дома. Устройство домовъ въ количествѣ, необходимомъ для всего хитровскаго населенія, слѣдуетъ предпринять въ разныхъ мѣстахъ столицы. За это говорятъ также и интересы ночлежнаго населенія, для котораго важно сократить разстояніе отъ ночлега до мѣста работъ.

„Детально разработанная смѣта показываетъ, что содержаніе городомъ ночлежныхъ домовъ, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій гигіены и другихъ условій благоустройства, вполнѣ достижимо, безъ убытка для себя, всецѣло за счетъ пятикопѣечной платы съ ночлежниковъ. Правда, городу пришлось бы затратить очень значительную сумму на самое устройство этихъ домовъ,—примѣрно 1.300,000 руб. (въ томъ числѣ постройка четырехъ домовъ, на 2,900 человѣкъ каждый, всего 1.100,000 руб. и постройка ожидаленъ для дневного пребыванія ночлежниковъ, всего 200,000 руб), не считая стоимости земли. Но такая единовременная затрата сторицею окупилась бы той огромной пользой, во всѣхъ сферахъ городской жизни, которую принесло бы съ собой закрытіе хитровскаго гнѣзда заразныхъ болѣзней, разврата и преступленій“.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ доводовъ и фактовъ коммиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1) Въ видахъ оздоровленія столицы, общественной безопасности, сохраненія работоспособности населенія, достиженія дѣйствительной помощи безработнымъ и сокращенія огромныхъ непро-

изводительныхъ затратъ на борьбу съ заразными болѣзнями, на больницы и мѣста заключенія, настоятельно необходима полная реорганизація всего Хитрова рынка, съ изъятіемъ дѣла содержанія хитровскихъ ночлежныхъ домовъ изъ неблагонадежныхъ рукъ арендаторовъ и мѣстныхъ домовладѣльцевъ.

2) Взамѣнъ существующихъ на Хитровомъ рынкѣ частныхъ ночлежныхъ домовъ, необходимо устроить въ разныхъ мѣстахъ города, не менѣе какъ на 10,000 человѣкъ благоустроенные ночлежные дома, удовлетворяющіе всѣмъ гигіеническимъ требованіямъ, и при нихъ рынки труда. Ко времени открытія благоустроенныхъ ночлежныхъ домовъ городскимъ управленіемъ должны быть изданы обязательныя постановленія о содержаніи ночлежныхъ домовъ въ г. Москвѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установленъ дѣйствительный надзоръ за исполненіемъ сихъ постановленій.

3) Для населенія ночлежныхъ домовъ въ Москвѣ необходимо организовать особое городское попечительство о безработныхъ, которое завѣдовало бы посредническими бюро для указанія работы и установило бы тѣсную связь ночлежныхъ домовъ съ городскимъ работнымъ домомъ.

4) Устройство вышеозначенныхъ домовъ и рынковъ труда московское городское общественное управленіе должно принять на себя. Въ случаѣ же невозможности, по стѣсненности финансовъ, выполненія этой задачи, городское управленіе должно способствовать образованію особаго общества съ потребнымъ капиталомъ съ цѣлью устройства новыхъ, взамѣнъ хитровскихъ, ночлежныхъ домовъ и рынковъ труда при нихъ, съ соблюденіемъ всѣхъ, приведенныхъ въ докладѣ условій.

„Домой — въ Москву!..“ Этотъ кличъ раздавался не такъ давно въ Москвѣ, выражая цѣлую программу извѣстнаго общественнаго теченія, въ настоящее время, повидимому, сошедшаго со сцены. Заблудившуюся Русь звали вернуться въ „первобытное состояніе“ и обосноваться своимъ центромъ тамъ, гдѣ искони зрѣли древлее благочестіе, древляя смиренность духа и исконная преданность покрывшимся архивною пылью завѣтамъ прародителей. Такіе искренніе и глубоко вѣровавшіе въ свой политическій символъ дѣятели, какъ И. С. Аксаковъ, считали достаточнымъ перемѣнить столицу, чтобы заря новой жизни взошла надъ яснымъ горизонтомъ и освѣтила бы радостнымъ блескомъ пути народнаго развитія. Въ розовой исторической дымкѣ этимъ мечтателямъ являлся мистическій „городъ Москва“, какъ эмблема идеальнаго будущаго, какъ вѣрное пристанище отъ треволненій, столь легкомысленно проникающихъ чрезъ рѣшетчатое Петрово окошко изъ гнилого Запада. Мистическій идеализмъ славянофильства, въ нѣкоторыхъ своихъ сторонахъ пропитанный наслѣдіемъ татар-

скаго ига, былъ долгое время тѣмъ „отпечаткомъ", который лежалъ на „всемъ московскомъ" въ области общественной мысли. Рядомъ съ нимъ стояло другое характерное для Москвы теченіе, въ которомъ уже не имѣлъ мѣста никакой идеализмъ, но за то въ немъ собралась, какъ въ фокусѣ, квинтъ-эссенція реакціи. Эти два теченія считались „принадлежностью" Москвы. Однако, умерли „учители", и Москва теряетъ въ настоящее время всякое значеніе центра „спеціальнаго" журнализма. Въ самомъ дѣлѣ, со смерти И. С. Аксакова, въ Москвѣ нѣтъ ни одного органа славянофильскаго направленія, если не считать метеоромъ промелькнувшихъ „Русскаго Дѣла" и „Русской Бесѣды", весьма быстро исчезнувшихъ съ журнальнаго горизонта. Послѣ смерти М. Н. Каткова „Московскія Вѣдомости" рѣзко измѣнили свой характеръ. Безцвѣтное редактированіе этой газеты г. Петровскимъ сразу оттѣнило слабость публицистическихъ силъ этого направленія. Что-же касается г. Грингмута,—то это имя достаточно извѣстно, чтобы говорить о какомъ-либо „направленіи". Впрочемъ, въ настоящее время никто серьезно не считаетъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей" оплотомъ попятнаго правовѣрія, и изъ редакціи постепенно вышли гг. Елишевъ-Букѣевскій, Медвѣдскій, Иловайскій, Гаккебушъ, Облеуховъ; наконецъ (трудно поручиться за достовѣрность этого слуха, но самый слухъ все таки характеренъ) говорятъ, что съ 1 января 1899 г. аренда г. Грингмутомъ „Московскихъ Вѣдомостей" прекращается, не смотря на то, что десятилѣтній срокъ еще далеко впереди...

Наряду съ этимъ замѣчается и другое любопытное явленіе. Въ настоящее время въ Москвѣ насчитывается 8 ежедневныхъ газетъ, 3 „большихъ" и 5 „мелкихъ". „Мелкая пресса" Москвы за исключеніемъ только „Московскаго Листка"—начинаетъ примѣшивать къ обычнымъ пѣснямъ нѣкоторые новые мотивы. Два органа печати, напримѣръ, бывшіе до сихъ поръ безусловно-попятными, въ своихъ объявленіяхъ о подпискѣ заявляютъ, что они девизомъ своимъ считаютъ „гуманность", „терпимость" „правдивость" и проч. Конечно, реклама есть только реклама, интересно, однако, уже и то, что такія слова понадобились хотя бы для рекламы... Не значитъ-ли это, что Москва, въ самомъ дѣлѣ, ослабляетъ одну изъ своихъ, правда, не такъ ужъ драгоцѣнныхъ особенностей, въ видѣ специфическаго „московскаго журнализма", дававшаго себя чувствовать и до послѣдняго времени, не смотря на присутствіе въ Москвѣ очень почтенныхъ органовъ прессы.

И однако, за этой оговоркой, я позволю себѣ, pour la bonne bouche, закончить это письмо небольшимъ перломъ спеціально московской полемики „въ области высшихъ идей". Эту жемчужину мы нашли въ журналѣ „Душеполезное чтеніе", издаваемомъ въ Москвѣ заслуженнымъ профессоромъ Дмитріемъ Касицынымъ.

Въ ноябрьской книжкѣ журнала г-на Касицына, на стр. 573 читатели найдутъ слѣдующее „исчисленіе“:

„Давно замѣчено, что одна крайность вызываетъ другую, совершенно противоположную. Если одни въ графѣ Толстомъ признали „усовершенствованнаго Іисуса“, то другіе пришли къ слѣдующему выводу:

„Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря...
Число это шестьсотъ шестьдесятъ шесть“.
Апокал. XIII, 18.

„Сложимъ буквенныя церковныя цифры, составляющія фамилію Толстой:

Т *)	300
О	70
Л	30
С	200
Т	300
О	70
І	10
получается . .	980

„Вмѣсто й пишу і, потому что этою буквою въ западно-европейскихъ языкахъ замѣняется наша буква й, и самъ Толстой, подписывая свою фамилію, ставилъ въ концѣ не й, а і. (?)

„Изъ этой суммы вычтемъ сумму, которая получится отъ сложенія цифръ, составляющихъ имя и отчество Толстого; иначе сказать—*лишимъ Толстого того, что онъ имѣетъ отъ Христовой Церкви, а у него теперь осталось только имя и отчество христіанскія,—отнимемъ же ихъ у него.*

Л	30
Е	5
В	2
Н	50
И	8
К	20
О	70
Л	30
А	1
И	8
Ч	90
получается . .	314
Изъ .	980
вычтемъ . . .	314
получимъ . . .	666

*) По церковно-славянскому алфавиту.

„Это и есть звѣриное число“ Подписано: „Читатель Толстого“.

И такъ, задача рѣшена, ключъ найденъ: великій писатель объявленъ антихристомъ. Такъ просто и ясно нѣкоторые проникновенные москвичи разсѣкаютъ гордіевы узлы, предоставляя намъ, мелкимъ людишкамъ, изучать мыслителя, мучиться его муками и думами, разыскивая вмѣстѣ съ нимъ тернистые пути истины... Методу этихъ госнодъ нельзя во всякомъ случаѣ отказать въ одномъ достоинствѣ: онъ чрезвычайно легокъ. Легокъ до такой степени, что, когда, восхищенные методологическими пріемами почтеннаго журнала, мы вздумали посмотрѣть (простите за любопытство), не сидитъ ли Антихристъ и въ „Душеполезномъ чтеніи“, то попытка увѣнчалась успѣхомъ, превзошедшимъ всѣ наши ожиданія... Для сего мы раздобыли церковно-славянскую азбуку, нашли тамъ буквенное изображеніе цифръ и приступили къ вычисленіямъ по методу, „читателя Толстого“, т. е. не очень точно слѣдуя буквѣ, замѣняя одну другой и допуская небольшія вольности, аналогичныя „Николаичу“. И вотъ что изъ сего выходитъ: если сложить буквы „редакторъ-издатель заслуженный профессоръ Димитрій Касицынъ“, то получится цифра 4662. Теперь не смущайтесь, читатель, размѣрами этой цифры и попробуйте раздѣлить ее на 7. Выходитъ (horribile dictu!) цѣлыхъ семь антихристовъ въ одной особѣ... (4662=666×7).

Что, если объ этомъ узнаетъ читатель „Душеполезнаго Чтенія“?

Ник. Аш.

Хроника внутренней жизни.

Государственная роспись 1899 года.—Финансовое благополучіе и крестьянское оскудѣніе.—Заключеніе министра финансовъ о причинахъ низкаго уровня крестьянскаго хозяйства и мѣрахъ для его поднятія.

Въ новогоднихъ газетахъ опубликована „Общая роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1899 годъ“. Какъ показываютъ итоги этой росписи, въ наступающемъ году общіе обороты государственнаго хозяйства должны перейти за $1^1/_2$ милліарда рублей. По росписи предположено произвести въ теченіе года расходовъ обыкновенныхъ, на текущіе государственные потребности, на 1.462,7 милліоновъ рублей и чрезвычайныхъ расходовъ (по сооруженію, расширенію и оборудованію желѣзнодорожной сѣти) на 109 м. р.,—а всего 1.571,7 м. руб. Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1889 году, итогъ обыкновеннаго и чрезвычайнаго бюджета составлялъ всего 949 м. р.; въ первый годъ десятилѣтія,

оканчивающагося 1899 годомъ (1890), онъ перешагнулъ за милліардъ (1.038,7 м. р.), къ концу десятилѣтія эта цифра выросла уже, какъ мы видѣли, до $1^1/_2$ слишкомъ милліардовъ, т. е. болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза. Если сравнить бюджетные итоги 1899 года съ итогами 1862 года—перваго, за который была опубликована государственная роспись, мы найдемъ, что государственный бюджетъ увеличился за это время почти въ 4 раза—съ 416,7 м. р. до 1.571,7 м. р.; въ 1899 г. одно только содержаніе арміи и флота должно поглотить почти такую же сумму (415 м. р.), какой было достаточно на покрытіе всѣхъ, и обыкновенныхъ, и чрезвычайныхъ потребностей въ первый годъ, слѣдовавшій за освобожденіемъ крестьянъ.

Эти нѣсколько этаповъ показываютъ, какъ быстро росло и растетъ наше государственное хозяйство,—особенно въ послѣднее, ближайшее къ намъ десятилѣтіе.

Вся сумма расходовъ, предстоящихъ въ 1899 году, съ излишкомъ покрывается бюджетными поступленіями этого года, занесенными въ доходный отдѣлъ росписи и остатками, сбереженными отъ росписей прошлыхъ лѣтъ. Въ 1899 году обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ предвидится 1.469,1 милл. рублей. Какъ мы видѣли выше, итогъ обыкновенныхъ расходовъ опредѣленъ въ 1.462,7 м. р.; значитъ по обыкновенному бюджету предвидится нѣкоторый остатокъ въ 6,4 м. р. Судя по примѣрамъ прошлыхъ росписей, остатокъ этотъ, на самомъ дѣлѣ, будетъ, вѣроятно, много болѣе; но если бы даже такая вѣроятность и не оправдалась, если бы на сей разъ дѣйствительность не превысила смѣтныхъ ожиданій,—во всякомъ случаѣ затрудненій для фиска покрыть текущіе расходы текущими же доходами никакъ нельзя опасаться. Вопросъ можетъ идти только о томъ, въ какой мѣрѣ эти же текущіе доходы могутъ покрыть и такъ называемый „чрезвычайный“ бюджетъ. По нашей бюджетной классификаціи къ чрезвычайнымъ расходамъ причисляются такія капитальныя затраты, которыя не относятся къ потребностямъ даннаго года, а разсчитаны на много лѣтъ (напримѣръ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, устройство портовъ) или же вызываются такими событіями, какъ войны, крупныя народныя бѣдствія и т. п. Такія затраты по большей части покрываются на счетъ займовъ, раскладываясь на цѣлый рядъ годовъ (въ видѣ уплаты процентовъ и погашенія по этимъ займамъ). За послѣдніе годы у насъ значительная часть чрезвычайныхъ расходовъ относилась на остатки отъ обыкновенныхъ доходовъ; то же предполагается и по отношенію къ чрезвычайнымъ расходамъ, предстоящимъ на 1899 г. Общая цифра этихъ расходовъ по росписи вычислена въ 109 м. р. Все это исключительно расходы желѣзнодорожные ($102^1/_2$ м. на сибирскую жел. д. и $6^1/_2$—на нѣкоторыя другія). На удовлетвореніе ихъ назначено: 4 м. р. чрезвычайныхъ доходовъ (вклады въ государственный

банкъ на вѣчное время), 6,4 м. р. остатковъ, предвидящихся по обыкновенному бюджету нынѣшняго года, и 98,6 м. р. изъ свободной наличности государственнаго казначейства, образовавшейся изъ сбереженій отъ прошлыхъ финансовыхъ годовъ. Къ 1 янв. 1899 г. эта наличность должна была составить около 115 м. руб.

Можно держаться различныхъ взглядовъ о томъ, насколько справедливо заставлять плательщиковъ государственныхъ налоговъ,—изъ взносовъ которыхъ составляется главная масса бюджетныхъ средствъ,—расплачиваться и за будущія поколѣнія, но во всякомъ случаѣ уже самая возможность ликвидаціи и текущихъ, и чрезвычайныхъ расходовъ изъ общихъ бюджетныхъ средствъ, не прибѣгая къ государственному кредиту, неоспоримо свидѣтельствуетъ о значительной высотѣ достигнутаго фискомъ благополучія. И такое благополучіе можно уже считать довольно устойчивымъ и постояннымъ. Когда-то хроническіе въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ бюджетные дефициты отошли, повидимому, въ область преданій. За послѣдніе 10 лѣтъ, для которыхъ у насъ есть сведенные отчеты объ исполненіи росписей (1888—97), только въ одномъ, голодномъ 1891 году роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ заключена была съ дефицитомъ почти въ 35 милл. рублей *). Во всѣ остальные года текущихъ доходовъ поступало гораздо болѣе, чѣмъ нужно было для покрытія текущихъ расходовъ. Изъ этихъ бюджетныхъ остатковъ въ распоряженіи фиска накопился за десятилѣтіе огромный фондъ въ 772 м. р., благодаря которому оказалось возможнымъ выполненіе, безъ помощи займовъ, такихъ грандіозныхъ сооруженій, какъ великая сибирская желѣзная дорога, и покрытіе изъ бюджетныхъ средствъ ряда другихъ экстренныхъ издержекъ.

Финансовые итоги 1898 года еще не были сведены ко времени опубликованія росписи; но уже за 11 мѣсяцевъ, о которыхъ имѣлись въ то время свѣдѣнія, превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами опредѣлилось въ небываломъ до того размѣрѣ 212,5 милл. рублей. Въ этомъ году сверхъ всѣхъ предположенныхъ по смѣтѣ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ, истрачены были громадныя суммы на расходы военные (90 милл. рублей на усиленіе флота и 10,2 м. на охрану Квантунскаго полуострова) и на надобности денежной реформы и государственнаго кредита (163 м. р.); около 35 м. р. пришлось отпустить въ пособіе голодающему населенію восточныхъ и центральныхъ губерній,—и за всѣмъ тѣмъ, къ концу смѣтнаго періода долженъ былъ остаться свободный фондъ въ 115 милл. рублей, обезпечивающій съ излишкомъ выполненіе чрезвычайныхъ расходовъ 1899 года, не покрываемыхъ текущими бюджетными поступленіями.

*) Наибольшая доля котораго—32 милл.—падаетъ на обороты казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства.

Вотъ въ нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ та обстановка, въ которой вступаетъ въ новый годъ государственное хозяйство страны.

Несомнѣнно, что здѣсь все обстоитъ болѣе чѣмъ благополучно. Блестящее положеніе фиска, — для даннаго, по крайней мѣрѣ, момента, не загадывая о будущемъ—является фактомъ, не подлежащимъ оспариванію.

Рядомъ съ этимъ, однако, на противоположномъ полюсѣ народно-хозяйственной жизни рѣзко выдвигается впередъ и другой фактъ, къ сожалѣнію, столь же реальный и безспорный,—фактъ острой голодовки, переживаемой крестьянскимъ населеніемъ крупной полосы Европейской Россіи. Бѣдствіе крестьянскаго разоренія, рѣзкой продовольственной нужды и усиленной заболѣваемости отъ недостатка питанія охватило большую часть средняго Поволжья и Прикамья и часть злополучнаго земледѣльческаго центра, голодавшаго и въ прошломъ, 1897—1898 хозяйственномъ году. Мы не имѣемъ еще точныхъ цифровыхъ данныхъ для измѣренія размѣровъ этого бѣдствія, но широкое его распространеніе и крайне тяжелый характеръ ярко обрисовываются цѣлою массою и частныхъ, и оффиціальныхъ извѣстій, проникавшихъ въ печать. Если даже оставить въ сторонѣ всѣ частныя сообщенія и ограничиться только оффиціально установленными фактами, — достаточно однѣхъ публикацій Краснаго Креста, чтобы убѣдиться въ серьезности положенія, переживаемаго населеніемъ пострадавшихъ мѣстностей. То же самое подтверждается и крупною цифрою пособій, уже ассигнованныхъ отъ казны—35,2 мил. руб., не смотря на всю экономію въ продовольственныхъ назначеніяхъ. На мѣстахъ, въ земскихъ собраніяхъ и продовольственныхъ совѣщаніяхъ потребность въ пособіяхъ со стороны государственнаго казначейства опредѣлялась еще въ гораздо высшихъ размѣрахъ.

У насъ очень боятся нѣкоторыхъ словъ, — гораздо болѣе нежели самыхъ фактовъ, этими словами обозначаемыхъ. Къ числу такихъ страшныхъ словъ принадлежитъ и слово „голодъ“. Мы не будемъ его употреблять, скажемъ только, что, какъ констатируется оффиціальными данными, у значительной части населенія земледѣльческой полосы въ настоящее время нѣтъ хлѣба, чтобы просуществовать до новаго урожая, и не на что его купить, нѣтъ корма для скотины и нечѣмъ топить избы; продовольственныя пособія, по 35 фун. муки или ржи на душу, за исключеніемъ мужчинъ и женщинъ рабочаго возраста и дѣтей до 2-хъ лѣтъ, могутъ покрыть только нѣкоторую часть продовольственнаго дефицита (не говоря уже о дефицитѣ хозяйственномъ), еще менѣе въ силахъ заполнить этотъ дефицитъ помощь со стороны частной и оффиціальной благотворительности, даже если бы она развивалась и много энергичнѣе, чѣмъ идетъ теперь. Благодаря всему этому, для нѣкоторыхъ группъ нуждающагося населенія уже те-

перь сказываются послѣдствія „недостатка питанія“: вмѣсто обычныхъ продуктовъ крестьянской пищи на сцену выступаютъ неудобосваримые суррогаты вродѣ того „голоднаго хлѣба“, о которомъ шло такъ много сообщеній изъ Самарской губ.,—хлѣба, представляющаго изъ себя на видъ „грязную сухую массу, похожую на комъ черной земли“, составленную иногда изъ однихъ „молотыхъ желудей, съ небольшою примѣсью ржаной муки“. Тамъ и сямъ появляются вспышки тифовъ и другихъ эпидемій, развивающихся на почвѣ недоѣданія, на борьбу съ которыми отправляются санитарные отряды, снаряжаемые земствами и Краснымъ Крестомъ. За усиленною заболѣваемостью роковымъ послѣдствіемъ должна явиться и всегда ее сопровождающая усиленная смертность.

Въ 1898 году отъ неурожая пострадало преимущественно земледѣльческое Поволжье, годъ назадъ недородъ съ сопровождающимъ его недоѣданіемъ постигъ земледѣльческій центръ; нѣкоторыя изъ центральныхъ губерній захвачены были неурожаемъ и въ 1892 году, памятное бѣдствіе 1891 года охватывало всю центральную земледѣльческую полосу и все среднее Приволжье, распространяясь и далѣе на востокъ, на Прикамье, Пріуралье и Зауралье, до Тобольской губерніи включительно. Неурожаи въ земледѣльческомъ районѣ за послѣднее десятилѣтіе становятся какъ бы обычнымъ, періодическимъ явленіемъ. Особенно тревожною при этомъ представляется не повторяемость ихъ сама по себѣ, а та крайняя чувствительность, съ которою они отзываются на хозяйственномъ положеніи крестьянскаго населенія. Это положеніе для большинства крестьянства, живущаго отъ земли, оказывается настолько неустойчивымъ, что каждый крупный неурожай грозитъ ему полнымъ крушеніемъ. Крестьянское хозяйство, видимо, не заключаетъ въ себѣ никакой силы сопротивленія постигающимъ его бѣдствіямъ. Поднимаясь нѣсколько вмѣстѣ съ обильными урожаями, оно рѣзко падаетъ опять, когда обильные годы смѣняются скудными, а такъ какъ за послѣднее время наступленіе такихъ скудныхъ годовъ все болѣе и болѣе учащается, то и крестьянство земледѣльческой полосы, въ главной своей массѣ, какъ бы осуждено колебаться постоянно между періодами сомнительной сытости и несомнѣннаго недоѣданія, со всѣми его фатальными послѣдствіями. Именно въ этой послѣдней фазѣ наступающій годъ и застаетъ большую часть земледѣльческаго Поволжья.

Рядъ любопытныхъ соображеній мы находимъ въ сопровождающемъ роспись нынѣшняго года объяснительномъ докладѣ министра финансовъ.

Отмѣчая тотъ фактъ, что въ истекшемъ году,—не смотря на удовлетворительные, сравнительно, общіе его результаты въ сельско-хозяйственномъ отношеніи—государственному казначейству пришлось произвести значительное экстренное асссигнованіе (35,2 м. р.)

на воспособленіе населенію, пострадавшему отъ мѣстнаго неурожая въ поволжскомъ краѣ, докладъ справедливо замѣчаетъ, что „такое обстоятельство не можетъ не обратить на себя самаго серьезнаго вниманія“. Нельзя упускать изъ вида уже возможность „самаго факта, что нашему государственному бюджету до сихъ поръ приходится считаться съ такою статьею чрезвычайныхъ расходовъ, которая давно неизвѣстна западно-европейскимъ бюджетамъ“; но еще „въ гораздо большей степени должно озабочивать правительство то общее хозяйственное положеніе продовольствуемаго населенія, которое вызываетъ необходимость подобныхъ ассигнованій“. Смѣна счастливыхъ и неудачныхъ годовъ—явленіе обычное и естественное въ сельскомъ хозяйствѣ. Но она необходимо вызываетъ чрезвычайное къ себѣ вниманіе, если, „какъ это бываетъ у насъ, въ особенности въ губерніяхъ центральнаго и восточнаго района“, серьезный неурожай „повергаетъ значительную часть пострадавшаго населенія въ состояніе такой нужды, изъ которой оно не можетъ выйти собственными силами“. Это показываетъ, что „земледѣльческое населеніе здѣсь въ общемъ не успѣло еще обезпечить себѣ прочнаго экономическаго положенія и обезпечить себя на случай возможныхъ невзгодъ“. Такое обстоятельство—читаемъ мы въ докладѣ—должно привлекать къ себѣ особое вниманіе лица, которому ввѣрено управленіе финансами имперіи; такъ какъ „прочность государственныхъ финансовъ, какъ бы ни была правильна ихъ организація, зависитъ въ конечномъ результатѣ отъ матеріальнаго благосостоянія населенія“.

Въ чемъ же заключаются причины той „медленности упроченія хозяйственнаго быта нашего хозяйства“, о которой свидѣтельствуютъ послѣдствія неурожаевъ, такъ тяжело на немъ отзывающихся?

Докладъ министра финансовъ упоминаетъ о распространенныхъ взглядахъ на этотъ вопросъ, ищущихъ объясненія низкаго уровня крестьянскаго хозяйства частію въ нѣкоторыхъ условіяхъ экономическихъ (именно въ невыгодныхъ хлѣбныхъ цѣнахъ, съ одной стороны, и въ чрезмѣрномъ отягощеніи крестьянства казенными сборами—съ другой), частію же въ недостаточномъ распространеніи образованія въ крестьянской средѣ. Ни одно изъ этихъ объясненій не признается, однако, въ докладѣ удовлетворительнымъ.

Та или иная расцѣнка зерновыхъ хлѣбовъ на міровомъ рынкѣ имѣетъ безспорно важное значеніе для капиталистическихъ владѣльческихъ хозяйствъ, но хозяйство крестьянское, въ значительной мѣрѣ сохраняющее еще натуральный характеръ, находится въ слабой, сравнительно, зависимости отъ движеній хлѣбнаго рынка. „При существующихъ нынѣ условіяхъ хозяйственнаго быта русскаго крестьянства главнѣйшимъ опредѣлителемъ его хозяйственнаго положенія является количественный результатъ урожая“,

а не тѣ или другія цѣны земледѣльческихъ продуктовъ. Но какого бы ни придерживаться взгляда на значеніе урожая и рыночныхъ цѣнъ для крестьянскаго хозяйства,—во всякомъ случаѣ не въ этой области слѣдуетъ искать отвѣта на основной вопросъ: почему значительная часть нашего земледѣльческаго класса до сихъ поръ не упрочила своего хозяйственнаго быта. „За послѣднія три-четыре десятилѣтія—говорится въ докладѣ—бывали годы и хорошихъ, и худыхъ урожаевъ, и высокихъ, и низкихъ цѣнъ; какую бы комбинацію ни признавать наиболѣе выгодною для нашего крестьянства, несомнѣнно, что большей его части не удается воспользоваться благопріятными временами, чтобы укрѣпить свое хозяйственное положеніе и набраться силъ для борьбы съ невзгодами".

Точно также нельзя, по заключенію доклада, придавать рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ и отяготительности казенныхъ сборовъ, лежащихъ на крестьянскомъ населеніи.

Останавливаясь первоначально на обложеніи прямомъ, докладъ замѣчаетъ, что „коренная масса нашего крестьянскаго населенія несетъ въ настоящее время только два вида прямыхъ налоговъ: поземельный налогъ и выкупные платежи". „Что касается до государственнаго поземельнаго налога, то онъ никогда не былъ у насъ обременителенъ, а за пониженіемъ его, въ силу всемилостивѣйшаго манифеста 14 мая 1896 г., онъ низведенъ до размѣровъ вполнѣ незначительныхъ". Остаются выкупные платежи, на которыхъ сосредоточивается вся сила казенныхъ прямыхъ сборовъ съ крестьянскаго населенія. Абсолютная цифра этихъ платежей (97 милл. рубл.) дѣйствительно представляетъ внушительные размѣры,—но если сопоставить ее съ общею численностью крестьянскаго населенія, то окажется, что средній выкупной платежъ по губерніямъ Европейской Россіи составляетъ не болѣе 1 р. 20 коп. на душу населенія обоего пола или 7 р. 20 к. на средній крестьянскій дворъ (изъ 6 душъ). Если даже взять всю совокупность крестьянскихъ прямыхъ платежей, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ, и мірскихъ (2 р. 20 к. на душу), все это составитъ лишь незначительную долю крестьянскихъ расходовъ. Поэтому, хотя „для отдѣльныхъ дворовъ, селеній, быть можетъ даже цѣлыхъ районовъ, платежи эти могутъ оказаться чувствительными, нельзя всетаки предполагать, чтобы именно они служили причиной, задерживающей укрѣпленіе хозяйственнаго быта нашего крестьянства".

Нельзя отрицать, что „самая принудительность и срочность прямыхъ платежей можетъ быть отяготительна для народныхъ массъ", но именно вслѣдствіе этого „правительство всего менѣе усматривало въ крестьянскихъ платежахъ удобный рессурсъ для увеличенія средствъ казны, соотвѣтственно непрерывному и быстрому росту государственныхъ потребностей". Существующіе

крестьянскіе платежи не только не возвышались параллельно напряженію прочихъ доходныхъ статей бюджета, но, напротивъ, понижались и даже совершенно отмѣнялись. Такъ, „двѣ давнія статьи крестьянскихъ платежей—подушная подать ($54^1/_2$ м. р.) и паспортный сборъ ($4^1/_2$ м. р.)—совершенно отмѣнены; поземельный налогъ пониженъ болѣе чѣмъ на половину (съ $7^1/_2$ м. р. до $3^1/_3$ м. р. съ крестьянскаго землевладѣнія); наконецъ, въ отношеніи выкупныхъ платежей принятъ цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію плательщиковъ, въ виду систематическаго накопленія недоимокъ". „Трудно сказать, конечно — заключаетъ цитируемый докладъ— свидѣтельствуетъ ли недоимочность объ общей отяготительности выкупныхъ платежей, или, быть можетъ, она обусловливается въ значительной мѣрѣ самою системою ихъ взиманія",—тѣмъ не менѣе и къ выкупнымъ платежамъ примѣненъ былъ рядъ податныхъ льготъ. По закону 28 дек. 1881 г. окладъ ихъ пониженъ былъ болѣе чѣмъ на 11 м. р.; позже, недоимки слагались нѣсколько разъ по всемилостивѣйшимъ манифестамъ, закономъ 7 февраля 1894 г. установлены были льготныя правила о разсрочкѣ и отсрочкѣ этихъ недоимокъ, наконецъ, въ дѣлахъ согласованія окладовъ выкупныхъ платежей съ податными силами отдѣльныхъ селеній, закономъ 13 мая 1896 г. разрѣшена была пересрочка непогашенной части выкупного долга на новые сроки, съ пониженіемъ процента роста на пересрочиваемый долгъ. Послѣдняя мѣра до сихъ поръ, однако, почти не имѣетъ, какъ извѣстно, практическихъ результатовъ. Это признаетъ и докладъ министра финансовъ, относя причины медленности примѣненія льготъ, установленныхъ закономъ 13 мая,—по крайней мѣрѣ отчасти—на счетъ „обнаружившихся на практикѣ несовершенствъ самаго закона". Эти несовершенства—какъ надѣется министръ финансовъ— будутъ исправлены новыми проектированными правилами по сему предмету. Довольно медленно и неравномѣрно шло до послѣдняго времени и примѣненіе закона 1894 г. о разсрочкахъ недоимокъ выкупныхъ платежей (какъ намъ доводилось уже не разъ указывать *). Къ концу 1896 г. общая сумма отсроченныхъ и разсроченныхъ недоимокъ составляла только 17,5 м. р. (изъ 94,1 м. р. всѣхъ недоимокъ срочныхъ и разсроченныхъ). Въ ближайшіе 2 года, особенно въ прошломъ 1898 г., дѣло это, повидимому, значительно подвинулось впередъ. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ въ докладѣ м-ра финансовъ, видно, что къ декабрю 1898 г. разсрочена была уже большая часть недоимокъ выкупныхъ платежей; именно 69 м. р. изъ 104 милл.; причемъ изъ остающейся еще неразсроченною суммы (35 м. р.) не менѣе 10—12 м. р. числится на селеніяхъ, не находящихся въ стѣсненныхъ условіяхъ и не нуждающихся въ особыхъ льготахъ.

*) См., напр., „Р. Б." 1898, № 2, Хроника внутр. жизни, стр. 175-76.

Въ результатѣ всѣхъ соображеній, сущность которыхъ изложена выше, докладъ приходитъ къ заключенію, что „крестьянскіе платежи по прямымъ налогамъ едва ли могли вообще препятствовать свободному и надѣленному землей крестьянству приступить къ упроченію своего хозяйственнаго быта; за произведенными же отмѣнами и облегченіями этихъ платежей, въ нихъ еще менѣе можно усматривать коренную причину, задерживающую развитіе крестьянскаго благосостоянія".

По отношенію къ налогамъ косвеннымъ,—составляющимъ, какъ извѣстно, главную, основную часть въ системѣ нашего обложенія—мы встрѣчаемъ въ цитуемомъ докладѣ министра финансовъ только краткія и довольно общія замѣчанія. Косвенные налоги—говоритъ докладъ—по самой сущности своей „не могутъ носить принудительнаго характера, будучи взимаемы у насъ съ предметовъ не безусловно необходимаго потребленія. Эти налоги не должны, казалось бы, сами по себѣ препятствовать достиженію крестьянскимъ населеніямъ той элементарной степени благосостоянія, отсутствіе которой столь рѣзко выражается въ неурожайные годы. Если путемъ косвенныхъ налоговъ у крестьянскаго населенія и отвлекаются значительныя средства, то это происходитъ не вслѣдствіе существованія какихъ либо препятствій для затраты ихъ на производительныя цѣли, но потому, что средства эти не предназначаются населеніемъ для такихъ цѣлей". „Другой, конечно, вопросъ, почему свои малыя средства крестьянинъ расходуетъ непроизводительно; но возможность отвѣтить на этотъ вопросъ—замѣчаетъ докладъ — была бы равносильна уясненію коренной причины, задерживающей укрѣпленіе крестьянскаго хозяйства".

Эту коренную причину нельзя видѣть и въ недостаточномъ распространеніи образованія въ крестьянской средѣ. Конечно, „народное просвѣщеніе представляетъ собою существенный факторъ экономическаго преуспѣянія страны", „однако же, когда рѣчь идетъ о причинахъ, препятствующихъ извѣстной части нашего крестьянства разрѣшить первоначальную экономическую задачу—сколько нибудь прочно устроить свой бытъ и на первомъ мѣстѣ обезпечить себя въ продовольственномъ отношеніи,—тогда едва ли въ темнотѣ населенія можно усматривать достаточное объясненіе". Объясненіе это представляется сомнительнымъ уже съ точки зрѣнія исторической аналогіи. Когда, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ истекающаго столѣтія, „земледѣльческій классъ главныхъ западно-европейскихъ государствъ выполнялъ хозяйственную задачу, разрѣшаемую теперь нашимъ крестьянствомъ, просвѣщеніе народныхъ массъ едва ли превосходило сколько нибудь значительно наши современныя условія". Съ другой стороны, и въ нашей русской дѣйствительности, тотъ же самый темный крестьянскій людъ, „разъ только удастся ему сколько нибудь

прочно пристроиться въ ремесленныхъ, торговыхъ или промышленныхъ отрасляхъ труда, сплошь да рядомъ достигаетъ такихъ успѣховъ и обнаруживаетъ такую предпріимчивость, которую не часто можно встрѣтить въ нашемъ деревенскомъ земледѣльческомъ быту".

Итакъ—заключаетъ докладъ—,въ концѣ концовъ, необходимо признать, что „хотя обстоятельства экономическаго характера и уровень народнаго просвѣщенія являются до извѣстной степени причинами, задерживающими упроченіе хозяйства нашихъ крестьянъ", рядомъ съ ними, несомнѣнно, „должна дѣйствовать другая, и притомъ болѣе могущественная, коренящаяся въ самой организаціи хозяйственнаго быта, въ глубинахъ народной экономіи".

Эту основную причину крестьянской экономической отсталости министръ финансовъ видитъ „въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающей многообразныя затрудненія въ самомъ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ. Эта неопредѣленность обусловливается неполнотою законодательства о сельскихъ обывателяхъ, а главнымъ образомъ—недостаточнымъ его соотвѣтствіемъ потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ".

Въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ—„крестьянское населеніе руководствуется опредѣленіями, заключающимися въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г., въ извѣстной мѣрѣ общими гражданскими законами, преимущественно же мѣстнымъ обычаемъ. Господство обычая, вполнѣ допустимое при простотѣ и несложности гражданскихъ отношеній въ патріархальномъ быту, не можетъ удовлетворить потребностей уже значительно усложнившейся жизни нашего крестьянскаго населенія. Самый обычай весьма часто оказывается неустойчивымъ и нерѣдко толкуется произвольно. Если принять во вниманіе, что обычаемъ этимъ опредѣляются не только частности и подробности, но и самое существо важнѣйшихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, то нельзя не придти къ заключенію, что обычай, безъ установленія точныхъ предѣловъ для его примѣненія и руководящихъ началъ закона, не можетъ служить надежнымъ основаніемъ гражданскихъ отношеній въ сколько нибудь развивающемся общественномъ быту. Шаткость юридическаго порядка въ крестьянской средѣ усугубляется тѣмъ, что обычай нерѣдко оказывается въ противорѣчіи съ закономъ, которымъ руководствуются общія судебныя мѣста при разрѣшеніи подсудныхъ имъ крестьянскихъ дѣлъ, и что гражданскіе законы далеко не соотвѣтствуютъ нуждамъ крестьянства. Отсюда проистекаетъ спутанность юридическихъ понятій народа, еще болѣе усиливаемая взглядами, которые усваиваются крестьянами во время пребыванія на городскихъ заработкахъ, въ совершенно иныхъ, общегражданскихъ условіяхъ. Кромѣ того, обязательное отбываніе

воинской повинности значительною частью взрослаго населенія оказываетъ сильное вліяніе на нашу деревню, хотя бы уже тѣмъ, что расширяетъ кругозоръ крестьянина. Совокупность всѣхъ этихъ явленій имѣетъ большое значеніе для экономическаго строя крестьянской жизни. Основа крестьянскаго быта—домохозяйство, гдѣ элементы личные и имущественные вылились въ своеобразную форму русской крестьянской семьи; однако такая основа, при отсутствіи регулирующихъ началъ, даетъ часто лишь поводъ къ семейнымъ раздорамъ, распаденію семьи и упадку благосостоянія. Неясность правъ на пріобрѣтенное членомъ крестьянскаго двора имущество, обязанностей по отношенію къ домохозяину—ослабляетъ энергію и производительность труда".

Устранить неполноту и недостатки узаконеній о крестьянахъ нельзя какими нибудь частичными измѣненіями. Для этого требуется разрѣшеніе „общихъ, принципіальныхъ вопросовъ сельскаго устройства, отъ того или иного направленія которыхъ зависитъ весь ходъ дальнѣйшаго законодательства". „Необходимость прочнаго правопорядка, обезпеченія общественныхъ и имущественныхъ отношеній крестьянъ—читаемъ мы въ заключительной части доклада министра финансовъ—сознавалась еще при разработкѣ положеній 19 февраля 1861 г. Однако осуществленіе основныхъ великихъ идей Императора Александра II о дарованіи крестьянамъ полной и немедленной личной свободы и о надѣленіи ихъ землею представляло такую сложную и трудную задачу, что на ея выполненіе были направлены всѣ силы дѣятелей крестьянской реформы. Поэтому въ положеніяхъ 19 февраля общественному и хозяйственному устройству крестьянъ оказалось возможнымъ удѣлить сравнительно малое мѣсто, предполагавшееся же начертаніе полнаго сельскаго устава было отложено до фактическаго завершенія реформы". Окончательное прекращеніе крѣпостныхъ отношеній, путемъ перевода крестьянъ на выкупъ, тоже потребовало не мало времени, такъ что только въ прошедшее царствованіе „поземельное устройство вышло изъ ряда наиболѣе жгучихъ вопросовъ крестьянскаго дѣла".

Теперь, „когда основныя положенія освободительной реформы уже осуществлены", наступаетъ очередь разрѣшенія „завѣщанной нашему поколѣнію задачи окончательнаго устройства общественнаго и имущественнаго быта крестьянъ".

Мы позволили себѣ это длинное извлеченіе изъ доклада министра финансовъ, такъ какъ выводы этого доклада представляютъ несомнѣнный интересъ во многихъ отношеніяхъ.

Трудно, однако, сказать, чтобы приведенный анализъ причинъ крестьянскаго оскудѣнія исчерпывалъ, или охватывалъ вполнѣ этотъ большой и сложный вопросъ. Многія его стороны оста-

лись вовсе незатронутыми. И по отношенію къ тѣмъ сторонамъ, которыя введены въ анализъ, не всегда можно признать безспорною и не возбуждающею сомнѣній перспективу, въ которую онѣ ставятся.

Центръ тяжести всего вопроса докладъ министра финансовъ помѣщаетъ внутри крестьянскаго міра. Здѣсь, „въ глубинахъ народной экономіи“, а не въ какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствахъ надо искать основную, наиболѣе могущественную причину, удерживающую хозяйственное положеніе крестьянскаго населенія (или, по крайней мѣрѣ, значительной его части) на уровнѣ, не обезпечивающемъ удовлетворенія даже элементарныхъ потребностей.

Доказывается это положеніе не столько прямыми аргументами, сколько косвенно, путемъ исключенія другихъ факторовъ, которымъ приписывается обыкновенно рѣшающее вліяніе въ данномъ отношеніи и значеніе которыхъ или вовсе отрицается въ цитуемомъ докладѣ или сводится къ весьма ограниченнымъ размѣрамъ. На этой отрицательной части доклада министра финансовъ мы и остановимся.

Центральнымъ ея пунктомъ являются соображенія о роли фиска въ теперешнемъ состояніи крестьянскаго хозяйства. Соображенія эти касаются собственно только одной стороны этого вопроса—именно вліянія на крестьянское хозяйство нашей налоговой системы.

Докладъ, какъ мы видѣли, рѣшительно отвергаетъ предположеніе, чтобы низкій уровень крестьянскаго благосостоянія могъ обусловливаться чрезмѣрнымъ отягощеніемъ крестьянства казенными сборами.

По отношенію къ налогамъ прямымъ—въ доказательство этого прежде всего выдвигается тотъ аргументъ, что сумма выкупныхъ платежей (единственнаго крупнаго прямого налога, лежащаго на коренной массѣ крестьянства) по среднему разсчету на 1 душу даетъ очень скромную цифру 1 р. 20 к. (или 7 р. 20 к. на семью въ 6 душъ), отнимающую очень незначительную долю крестьянскаго бюджета.

За этимъ аргументомъ можно признать, однако, лишь очень условное значеніе. Измѣрять степень отяготительности того или иного налога *среднею* величиною оклада, падающаго на 1 плательщика или на 1 душу платящаго населенія, можно только въ томъ случаѣ, если и самыя нормы налога, и платежныя средства плательщиковъ болѣе или менѣе одинаковы для всей массы этихъ плательщиковъ. Иначе общая средняя можетъ сильно маскировать очень различную степень чувствительности налога для разныхъ группъ населенія. По отношенію къ выкупнымъ платежамъ это именно и имѣетъ мѣсто. Что они ложатся не одинаковою тяжестью на различныя группы крестьянства, ими обложеннаго, доказывается уже крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ недои-

мокъ, накопившихся по выкупнымъ платежамъ. Главная масса этихъ недоимокъ тяготѣетъ на крестьянствѣ центральной и восточной полосы, т. е. тѣхъ именно районовъ, въ которыхъ всего рѣзче и чувствительнѣе сказались тѣ признаки оскудѣнія и хозяйственнаго упадка, на которые обращается вниманіе въ цитуемомъ докладѣ министра финансовъ. Населеніе этихъ районовъ оказалось вмѣстѣ съ тѣмъ и хронически несостоятельнымъ къ выполненію обязательствъ, возложенныхъ на него выкупною операціею*). Нельзя утверждать, конечно, что именно выкупные платежи послужили здѣсь первичною причиною хозяйственнаго разстройства, но разъ такое разстройство обнаружилось въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, сдѣлавшіяся непосильными податныя обязательства несомнѣнно должны были явиться крупнымъ отягощающимъ факторомъ. И тяжесть эта нисколько не становится легче оттого, что при раздѣленіи всей суммы окладовъ выкупныхъ платежей на общую численность крестьянскаго населенія получается скромная относительно средняя цифра 1 р. 20 к. на душу.

Еще болѣе оговорокъ требуетъ другой аргументъ, выставляемый въ доказательство неотяготительности лежащихъ на крестьянствѣ казенныхъ сборовъ вообще и выкупныхъ платежей въ частности—многочисленность разнаго рода льготъ, сдѣланныхъ для облегченія уплаты окладовъ и недоимокъ всѣхъ этихъ сборовъ. Когда дѣло идетъ о процессѣ длящемся, нельзя для измѣренія участія въ этомъ процессѣ того или иного фактора брать только одинъ моментъ времени и притомъ такой моментъ, когда величина даннаго фактора представляется наименьшею. Если въ настоящій моментъ извѣстная часть податной тягости снята, это не значитъ еще, что она не оказывала чувствительнаго давленія въ недавнемъ еще прошломъ и что это давленіе не оставило слѣдовъ на настоящемъ положеніи крестьянской массы. Въ приведенномъ выше перечнѣ податныхъ льготъ мы встрѣчаемъ мѣры, которыя предприняты чуть не вчера, какъ напр. отмѣна паспортнаго сбора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ учитывается даже дѣйствіе такихъ облегченій, которыми крестьянское населеніе еще имѣетъ воспользоваться въ будущемъ (таковы, напр., льготы по пересрочкѣ выкупнаго долга по правиламъ 13 мая 1896 г., до сихъ почти не

*) Къ 1 янв. 1898 года изъ общей суммы всѣхъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ въ 105,2 м. р., 92,2 м. р., или около 88% приходилось на 16 губерній, лежащихъ (за исключеніемъ одной Псковской) въ центральной и восточной земледѣльческой полосѣ. Въ этой суммѣ числилось 58 м. *срочныхъ* недоимокъ (т. е. взыскиваемыхъ съ населенія вмѣстѣ съ текущимъ окладомъ) и 34 м. недоимокъ разсроченныхъ. Для всѣхъ 16 губерній въ среднемъ, *срочная* недоимка составляла 132% годового оклада, населеніе Оренбургской губерніи было должно $3^1/_2$ оклада, Казанской—болѣе 2 и т. д. Для болѣе мелкихъ группъ, уѣздовъ, волостой, селеній и единичныхъ плательщиковъ — эти цифры достигали гораздо большихъ, порою прямо чудовищныхъ размѣровъ.

имѣвшія примѣненія),—между тѣмъ процессъ крестьянскаго разоренія начался не со вчерашняго дня. Поэтому, если даже и признать правильнымъ (подлежащее еще доказательству) положеніе, что, за всѣми сдѣланными облегченіями, въ настоящихъ своихъ размѣрахъ, казенные окладные сборы (включая сюда и выкупные платежи) не представляются чрезмѣрно отяготительными,—отсюда никакъ нельзя заключать къ прошлому и отрицать значеніе податныхъ тяготъ, какъ одного изъ крупныхъ факторовъ въ процессѣ постепеннаго упадка крестьянскаго хозяйства, съ результатами котораго мы имѣемъ теперь дѣло.

Но тяжелое податное тягло составляетъ въ крестьянской жизни фактъ не прошлого только, а и настоящаго. Косвеннымъ, но рѣшительнымъ показателемъ этого можетъ служить та масса стѣсненій и ограниченій фискальнаго характера, которыя тяготѣютъ и надъ личностью крестьянина, и надъ общественною жизнью крестьянскаго міра. Крестьяне до сихъ поръ остаются сословіемъ податнымъ по преимуществу. Всѣ распорядки общественной жизни крестьянства въ самой значительной мѣрѣ отражаютъ на себѣ тяглый характеръ, до сихъ поръ присущій крестьянскимъ общественнымъ союзамъ. Законъ возлагаетъ на сельскія общества круговую отвѣтственность за податную исправность ихъ членовъ, вооружая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и особыми правами для достиженія такой исправности. Право вмѣшательства сельскаго схода въ хозяйственную и личную жизнь крестьянина,—ради обезпеченія исправнаго отбыванія имъ податного тягла—очень широко. И въ правѣ свободнаго передвиженія, и въ правѣ выбора мѣстожительства и оставленіи того общества, къ которому они приписаны, крестьяне подчинены многочисленнымъ ограниченіямъ. Всѣ эти ограниченія вытекаютъ изъ податныхъ обязанностей крестьянъ и отвѣтственности общества — круговою порукою—за выполненіе этихъ обязанностей. Даже семейныя отношенія крестьянъ не свободны отъ регламентаціи въ интересахъ фиска. Законъ предоставляетъ сельскимъ сходамъ право по отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ *назначать старшимъ въ домѣ* другого члена семьи, вмѣсто неисправнаго хозяина. По правиламъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ 1886 г.—необходимымъ условіемъ для разрѣшенія раздѣла должно служить удостовѣреніе, что „исправное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ окладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканіямъ“ будетъ обезпечено; разъ это условіе отсутствуетъ, — сельскій сходъ, слѣдуя буквѣ закона, долженъ удерживать крестьянскую семью въ принудительномъ сожитіи, хотя бы такое сожитіе и оказывалось для нея нравственно невозможнымъ. По отношенію къ крестьянамъ-недоимщикамъ законъ допускаетъ крайне суровыя мѣры. Взысканіе можетъ быть обращено не только на имущество недоимщика, но и на его лич-

ность. Такіе неисправные плательщики, „кои не платятъ повинностей по упорству, нерадѣнію или распутству", могутъ принудительно отсылаться на заработки даже въ другія губерніи. Въ своемъ или сосѣдственномъ уѣздѣ, сельскій сходъ можетъ отдать въ заработки для пополненія недоимки и такого неисправнаго плательщика, несостоятельность котораго произошла и не отъ его „распутства", а отъ какихъ бы то ни было, хотя бы и вполнѣ отъ него независящихъ причинъ. Къ „распутнымъ" неплательщикамъ могутъ быть примѣняемы и другія мѣры взысканія. Въ крестьянскомъ уголовномъ кодексѣ предусматривается специфическое преступленіе, влекущее за собою тоже специфическое, только для крестьянскаго сословія существующее наказаніе. По правиламъ о крестьянскомъ волостномъ судѣ за „мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство", виновные подвергаются сѣченію розгами. Эта статья очень широко примѣнялась какъ орудіе, которое еще и до сихъ поръ не отошло вполнѣ въ область преданій, хотя въ большинствѣ случаевъ сѣченіе недоимщиковъ уступило уже мѣсто другимъ способамъ „понужденія къ исправному отбыванію повинностей". Спеціальныя взысканія ради обезпеченія фискальныхъ интересовъ существуютъ не только по отношенію къ самимъ плательщикамъ, но и по отношенію къ сельскимъ властямъ, на которыхъ лежитъ наблюденіе за уплатою податей. Законъ 1874 г. предоставилъ исправникамъ право дискреціонно сажать въ холодную сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ за нарушеніе ими своихъ податныхъ обязанностей,—превращая ихъ такимъ образомъ „изъ органовъ, поставленныхъ на стражѣ крестьянскаго самоуправленія—въ зависимыхъ отъ полиціи взыскателей податей, энергія которыхъ находится въ прямой зависимости отъ воздѣйствія полицейскаго начальства" *). Это право осталось за уѣздною полиціею и послѣ того, какъ спеціальный надзоръ за крестьянскимъ „самоуправленіемъ" перешелъ къ земскимъ начальникамъ, которыхъ законъ вооружилъ властью сажать подъ арестъ представителей этого самоуправленія не за фискальныя только, но за всякія провинности.

Было, и еще очень недавно сравнительно, то время, когда усиленныя заботы о взысканіи податей выходили далеко за предѣлы крестьянскаго міра. Та или иная степень исправности въ поступленіи окладныхъ сборовъ въ губерніи являлась, въ глазахъ закона и административной практики, явнымъ признакомъ успѣшной или неуспѣшной дѣятельности губернатора. Въ губерніи, гдѣ особенно накоплялись недоимки, посылались для ревизіи сенаторы и т. д. Теперь, когда центръ тяжести интересовъ государствен-

---

*) Бржескій, „Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ" Спб., 1897, стр. 249. См. тамъ же любопытныя данныя о размѣрахъ примѣненія указаннаго права взысканія полицейскими властями.

наго хозяйства лежитъ внѣ области прямого обложенія,—эта особливая заботливость о податныхъ дѣлахъ на верхнихъ ступеняхъ государственной лѣстницы уже перестала быть злобой дня. Но въ деревнѣ грузный финансовый аппаратъ дѣйствуетъ по прежнему, и по прежнему подчиняетъ себѣ крестьянскую жизнь—хотя результаты его полезной работы далеко не представляютъ уже для фиска той важности, какая принадлежала имъ прежде. Съ этой стороны тяглый строй крестьянскаго міра является своего рода пережиткомъ стараго, но этотъ пережитокъ до сихъ поръ еще имѣетъ очень реальное значеніе. Очень значительная доля тѣхъ ненормальныхъ явленій „въ самой организаціи хозяйственнаго быта“, которыя „ослабляютъ энергію и производительность труда“ крестьянскаго населенія—имѣютъ свои корни именно здѣсь, въ той выпуклой роли, какая до сихъ еще поръ принадлежитъ податному тяглу во всѣхъ распорядкахъ крестьянской общественной и хозяйственной жизни.

Налоговая тяжесть, лежащая на крестьянствѣ, не исчерпывается одними прямыми налогами, казенными, земскими и мірскими. Еще гораздо болѣе крестьянину приходится платить налоговъ косвенныхъ. Косвенные налоги являются вообще самою крупною и всего быстрѣе ростущею составною частью нашего доходнаго бюджета. По росписи на 1899 г. косвенныхъ налоговъ предположено къ поступленію 591,4 м. р.,—что составляетъ около 42% всей суммы обыкновенныхъ доходовъ (1.416 м. р.) и болѣе 57% всѣхъ поступленій налоговаго характера (отъ налоговъ въ собственномъ смыслѣ, прямыхъ и косвенныхъ, пошлинъ и выкупныхъ платежей). За послѣдній годъ, за который мы имѣемъ сведенные итоги исполненія росписи, 1897, общая цифра косвенныхъ налоговъ опредѣлялась въ 596,4 м. р. Въ первый годъ 30-лѣтія, оканчивающагося 1897 г. (и въ то же время и первый годъ, по которому у насъ есть правильный отчетъ по росписи), 1867, фискъ получалъ съ населенія косвенными налогами только 186,3 м. р. Слѣдовательно, за 30 лѣтъ приращеніе бремени отъ косвеннаго обложенія составило 410 м. р. или 220% первоначальной цифры, т. е. за этотъ періодъ косвенные налоги выросли почти въ $3^1/_4$ раза.

Косвенные налоги у насъ лежатъ главнымъ образомъ на предметахъ массоваго потребленія. Только этотъ источникъ и можетъ дать фиску такія крупныя суммы, какія получаются отъ косвеннаго обложенія. Такимъ образомъ увеличеніе поступленій отъ косвенныхъ налоговъ равносильно перемѣщенію въ государственную кассу все большихъ суммъ изъ доходовъ массовыхъ плательщиковъ,—у насъ главнымъ образомъ изъ заработковъ крестьянскаго населенія.

Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что въ результатѣ косвеныхъ налоговъ населенію приходится уплачивать гораздо бо-

лѣе, нежели получаетъ государственная касса. Прежде всего это, конечно, имѣетъ мѣсто по отношенію къ таможеннымъ пошлинамъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда этими пошлинами преслѣдуются не исключительно фискальныя, но также и покровительственныя цѣли, послѣдствіемъ ихъ является вздорожаніе продуктовъ отечественнаго производства въ охраняемыхъ пошлиною отрасляхъ промышленности. Если покровительственная пошлина по высотѣ своей принимаетъ характеръ запретительной, фискъ не получаетъ въ результатѣ ея никакого дохода; но это незначитъ, чтобы ничего не платили и потребители, хотя все, что они переплачиваютъ, идетъ не въ государственное казначейство, а въ карманы отечественныхъ промышленниковъ. Такимъ образомъ цифра таможенныхъ сборовъ далеко не выражаетъ собою величины фактически налагаемой ими на населеніе налоговой тягости. То же самое въ извѣстной мѣрѣ нужно замѣтить и относительно другихъ видовъ косвеннаго обложенія, если не какъ общее правило, то какъ часто встрѣчающійся случай. Въ особенности при повышеніи нормъ обложенія прибавка къ цѣнѣ обложеннаго продукта почти всегда нѣсколько превосходитъ прибавку къ налогу. Исторія питейнаго акциза представляетъ особенно много краснорѣчивыхъ этому доказательствъ.

Докладъ министра финансовъ не отрицаетъ того факта, что „путемъ косвенныхъ налоговъ у крестьянскаго населенія отвлекаются значительныя средства,“—но не видитъ еще въ этомъ достаточнаго основанія для заключенія, чтобы налоги эти могли „сами по себѣ препятствовать достиженію крестьянскимъ населеніямъ той элементарной степени благосостоянія, отсутствіе которой столь рѣзко обнаруживается въ неурожайные годы“. У насъ косвенные налоги взимаются „съ предметовъ не безусловно необходимаго потребленія“ и по самому существу своему не носятъ принудительнаго характера, поэтому они не могутъ служить препятствіемъ для затраты народныхъ средствъ на производительныя цѣли: если эти средства отвлекаются отъ названныхъ цѣлей, то происходитъ это потому, что они для нихъ и не предназначались.

Эти положенія не развиваются подробно въ докладѣ и не обставлены фактическими данными, а между тѣмъ они не могутъ не возбуждать крупныхъ недоразумѣній.

Такъ, прежде всего трудно понять, какіе предѣлы предполагаются для отграниченія области „безусловно необходимаго потребленія“. Если считать, что сюда входитъ все то, что необходимо для подержанія „элементарной степени благосостоянія“ (отсутствующей у массы крестьянскаго населенія)—то можно-ли говорить, что у насъ косвенными налогами не затрагиваются предметы безусловно необходимаго потребленія?

Вѣдь въ цѣнѣ каждаго куска миткаля, который покупается

крестьяниномъ для рубахи себѣ или на платье женѣ, заключается ввозная пошлина и на хлопокъ, и на машины, при помощи которыхъ изготовлялась пряжа и ткань изъ этого хлопка, на желѣзо, изъ котораго эти машины сдѣланы и т. д., и т. д. Керосиновая лампа давно уже замѣнила собою въ деревнѣ традиціонную лучину; приходится, слѣдовательно, оплачивать и налогъ на керосинъ; предметомъ общаго употребленія являются и спички, тоже обложенныя акцизомъ. Не свободны отъ обложенія и предметы питанія. Въ восточной полосѣ Россіи чай является однимъ изъ основныхъ элементовъ обычной крестьянской пищи, а пошлина на чай составляетъ главную составную статью таможенныхъ доходовъ и повышаетъ его цѣну болѣе чѣмъ вдвое; потребленіе сахару до сихъ поръ еще очень ничтожно, даже тамъ, гдѣ чай является первою потребностью, но объясняется это главнымъ образомъ слишкомъ высокою цѣною сахара, слагающеюся тоже подъ воздѣйствіемъ разныхъ финансовыхъ мѣропріятій. Наконецъ, нельзя не отнести къ предметамъ потребленія, соотвѣтствующаго обычному понятію объ элементарномъ уровнѣ благосостоянія, также и вино, и табакъ (по крайней мѣрѣ, для значительной части населенія). Такимъ образомъ приходится признать, что нѣтъ *ни одной крупной отрасли косвеннаго обложенія,* которая не захватывала бы предметовъ необходимаго потребленія крестьянской массы.

Затѣмъ,—какимъ образомъ можно утверждать, что косвенными налогами отвлекаются отъ производительнаго потребленія только такія средства, которыя для производительныхъ цѣлей и не предназначаются, когда самое крестьянское производство несетъ на себѣ тяжесть косвеннаго обложенія? Не говоря уже ни о чемъ другомъ, достаточно указать только такіе необходимые въ крестьянскомъ хозяйствѣ продукты, какъ желѣзо и чугунъ. Благодаря высокимъ таможеннымъ пошлинамъ, которыми они обложены (въ 1896 г., напр., на каждый рубль стоимости ввезеннаго желѣза уплачено было отъ 45,7 до 47,1 коп.; пошлина, полученная съ чугуна составляла 70,3% его стоимости и т. д.) цѣны этихъ продуктовъ на внутреннемъ рынкѣ крайне тяжелы для крестьянскаго бюджета; поэтому потребленіе ихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ до сихъ поръ еще, при всѣхъ успѣхахъ нашей металлургіи, не достигло сколько нибудь значительной величины, и при всемъ томъ крестьянскому населенію приходится переплачивать большія деньги на искусственно поднятой цѣнѣ этихъ необходимыхъ элементовъ его хозяйственнаго инвентаря. Правда, наибольшая часть этихъ переплатъ идетъ не въ бюджетныя средства, а на поддержку доходовъ владѣльцевъ нашихъ горныхъ и металлическихъ заводовъ,—но это не дѣлаетъ для крестьянства легче тѣ жертвы, которыя ему приходится нести.

Мы ограничимся этими бѣглыми замѣчаніями. Точнымъ учетомъ роли фикса въ ряду тѣхъ причинъ, которыми задерживается до-

стиженіе нашимъ крестьянствомъ нѣкоторой „элементарной степени благосостоянія“, мы не можемъ и не думаемъ здѣсь задаваться. Полагаемъ, однако, что уже изъ приведенныхъ данныхъ, при всей ихъ неполнотѣ и отрывочности, можно видѣть, что роль эта много выше той оцѣнки, какая дается ей въ изложенныхъ соображеніяхъ доклада министра финансовъ.

Воздѣйствіе государственнаго хозяйства на экономическую жизнь страны не исчерпывается одною налоговою его стороною. Государство не только беретъ отъ населенія, но и даетъ ему. Деньги, поступающія въ государственную кассу, опять идутъ въ общій хозяйственный оборотъ страны, хотя, пройдя чрезъ государственное казначейство, онѣ попадаютъ уже не въ тѣ руки, изъ которыхъ были взяты и не на тѣ цѣли, отъ которыхъ отвлечены.

Этой стороны вопроса докладъ министра совсѣмъ не касается. Остается совсѣмъ внѣ поля зрѣнія доклада и весь тотъ процессъ перестройки экономическихъ отношеній въ странѣ, который заполняетъ собою пореформенный періодъ и который связанъ тысячью нитей съ теперешнимъ экономическимъ положеніемъ крестьянскаго населенія.

Изъ всего крайне сложнаго, многообразнаго комплекса причинъ, отъ которыхъ можетъ зависить та или другая степень благосостоянія земледѣльческихъ классовъ населенія, докладъ беретъ лишь немногія и пытается отыскать среди нихъ, такъ сказать, первопричину, дѣйствіе которой покрывало бы собою всѣ остальныя.

Эту первопричину онъ видитъ, какъ мы уже упоминали, въ отсутствіи прочнаго „правопорядка“, регулирующаго имущественныя и общественныя отношенія крестьянъ.

Подробныхъ и точныхъ разъясненій о томъ, что именно разумѣется подъ этимъ „правопорядкомъ“, въ докладѣ министра мы не находимъ. Общее положеніе, въ немъ выставленное, иллюстрируется только рядомъ соображеній о неудобствахъ, вытекающихъ изъ широкаго господства въ народной средѣ обычая, нерѣдко оказывающагося „въ противорѣчіи съ закономъ, которымъ руководствуются общія судебныя мѣста, при разрѣшеніи подсудныхъ имъ крестьянскихъ дѣлъ“.

Намъ не разъ приходилось уже высказываться о роли обычая и закона въ крестьянской жизни и мы, конечно, не станемъ оспаривать, что и крестьянство, наравнѣ со всѣми прочими сословіями, несомнѣнно нуждается въ общихъ гарантіяхъ закона, какъ прочнаго регулятора всѣхъ правовыхъ и общественныхъ отношеній

Но введеніе въ крестьянскую жизнь начала законности, нынѣ несомнѣнно въ ней отсутствующаго, не можетъ еще достигаться одною замѣною неписаннаго обычая писаннымъ уставомъ. Не одинъ только обычай заступаетъ въ настоящее время въ крестьянскомъ быту законъ, и при сохраненіи всѣхъ остальныхъ условій,

которыми въ настоящее время обставлено правовое положеніе крестьянства, самый законъ можетъ оставаться мертвою буквою. И въ крѣпостную эпоху существовалъ „Сельскій уставъ“ для государственныхъ крестьянъ, но онъ не дѣлалъ ихъ жизнь подзаконною, когда вся окружающая атмосфера была насквозь проникнута совсѣмъ другими началами.

Мы думаемъ, что и теперь вопросъ объ установленіи прочнаго „правопорядка“ въ крестьянской жизни далеко выходитъ изъ рамокъ устраненія противоположности между писаннымъ закономъ и народнымъ обычаемъ. Онъ тѣсно переплетается съ коренными вопросами всей нашей общественности.

Н. Анненскій.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

Поступило въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1898 года:

Отъ „Скучнаго“ изъ Тулы	— р.	95 к.
„ русскихъ студентовъ въ Дармштадтѣ	35 „	— „
„ Н. Ш.	6 „	— „
„ „нѣкоторыхъ мастеровыхъ г. Екатеринослава“	5 „	— „
„ В. Д. Корбола изъ Новомосковска	1 „	— „
„ Н.	13 „	60 „
Черезъ московское отдѣленіе конторы:		
„ въ распоряженіе В. Г. Короленко	15 „	— „
„ Нины Островской	1 „	— „
„ Реалиста	3 „	— „
Итого	80 р.	55 к.

Деньги эти отправлены въ распорядительный комитетъ самарскаго частнаго кружка по оказанію помощи дѣтямъ крестьянъ Самарской губерніи.

На имя Вл. Г. Короленко:

Отъ служащихъ Харьковскаго Общества взаимнаго кредита	100 р.	— к.
„ П. Д. Шидловскаго изъ Харькова	100 „	— „
Итого	200 р.	— к.

Отчетъ въ распредѣленіи этой суммы будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ номерѣ журнала.

Издатели: **Вл. Г. Короленко.** Редакторы: **П. Быковъ.**
Н. К. Михайловскій. **С. Поповъ.**

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ 14 Декабря 1898 г.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул. 15.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
редакціи журнала «**Русское Богатство**»:

Л. Мельшинъ.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Записки бывшаго каторжника.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. **СЪ ТОВАРИЩАМИ**: 1. Въ горной кузницѣ.—2. Желанные гости.—3. Разсказъ Штейнгарта.—4. По новому.—5. Украденный манифестъ.—6. На очной ставкѣ.—7. Герои новой партіи.—Открытіе Прони.—8. Недоразумѣнія продолжаются.—Вмѣшательство Шестиглазаго.—9. Исторія изъ Рокамболя.—10. На прощанье.—11. Тревоги иного рода.—12. Торжество дамской дипломатіи.—13. Жизнь опять входитъ въ нормальную колею.—14. „Атаманъ Буря“ и начало его карьеры.—15. Паденіе идетъ быстрыми шагами.—16. Слава Шелая.—Увлеченіе писательствомъ.—Каторжные мечтатели.—17. „Біографія моей жизни“ Годунова.—18. Кошмаръ.—19. Сонъ на яву.—Побѣгъ.—20. Конецъ Шелаевской тюрьмы.—II. **КОБЫЛКА ВЪ ПУТИ**.—III. **СРЕДИ СОПОКЪ**.—IV. **ЭПИЛОГЪ**.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Я.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Второе, исправленное и дополненное, изданіе

Цѣна 1 р.